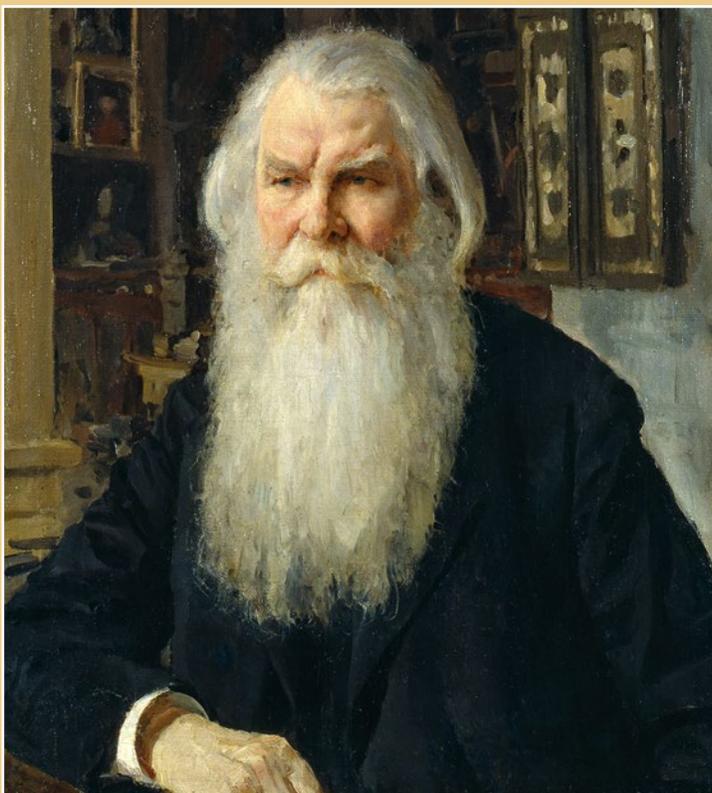

ЗАБЕЛИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ –
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

ЗАБЕЛИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

*Государственный
исторический музей
регулярно проводит
научные чтения –
в память о заслугах
перед отечественным
музееведением русского
историка
Ивана Егоровича Забелина.
Ставшие традиционными
Забелинские сборники
(первый выпуск – в 1990 г.)
знакомят научную
общественность
с последними
исследованиями историков,
которые ведутся
не только в стенах музея,
но и за его пределами.*

ГИМ ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ISBN 978-5-89076-393-8

9 785890 763938

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Выпуск 214
Забелинские научные чтения – 2018

**ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ –
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ**

*Ответственный редактор
кандидат исторических наук А.Д. Яновский*

Москва
2020

УДК 930
ББК 63
312

Публикуется по решению
Редакционно-издательского совета ГИМ

312 Забелинские научные чтения – год 2018-й: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры // Труды ГИМ. М., 2020. Вып. 214. 456 с. : ил.

ISBN 978-5-89076-393-8

В книге публикуются материалы Забелинских научных чтений 2018 г. по изучению, хранению и популяризации памятников российской истории и культуры. Вниманию читателей представлены интереснейшие темы, связанные с некоторыми вопросами православия, русского купечества, импортозамещения в 1812 г., циклом вопросов советской истории и др. Часть работ знакомит читателя с различными видами музейной деятельности.

Для историков, искусствоведов, музейных сотрудников.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-89076-393-8

© Исторический музей, 2020
© А.Н. Белов, макет, 2020

Исторический музей и Московская городская дума: вековая история освоения нового музейного пространства (по материалам ОПИ ГИМ)

Организация в конце в XIX в. первого в России музея национальной истории — Императорского Российского Исторического музея — было важнейшим культурным событием того времени. Идею создания Исторического музея поддержал сам государь. В 1874 г. в Царском Селе император Александр II утвердил Устав будущего музея, а 20 августа 1875 г. собственноручно заложил кирпич в фундамент здания. Городская дума также внесла свой вклад в это великое дело, безвозмездно уступив выкупленное для себя место для «храма русской истории». В постановлении Московской городской думы от 16 апреля 1874 г. предоставленное место в центре Москвы характеризовалось как «лучшее», так как здание музея могло просматриваться со всех сторон и свет в залы мог проникать «свободно и обильно»¹. Музей строился одиннадцать лет и в 1883 г. (ко дню коронации Александра III) были открыты первые залы. Когда основатели музея граф А.С. Уваров и историк И.Е. Забелин начинали свое беспрецедентное дело по организации музея, у него почти не было экспонатов, и казалось, что такое гигантское здание и через века не заполнить. К моменту открытия РИМ в его хранилище находилось всего 2,5 тыс. предметов, главным образом археологических находок. «Наше гнездо только свивается, и таскаем оттуда и отсюда по соломинке, по перышку», — писал И.Е. Забелин в то время.

Поскольку основание Исторического музея было первым в России опытом создания национального музея, то многие проблемы предугадать было невозможно. Главная из них — нехватка музейного пространства, касающаяся всех старых дореволюционных музеев. Согласно «Программе конкурса на составление проекта здания Музея», в нем следовало спроектировать следующие поме-

щения: экспозиционные залы, аудиторию, библиотеку, помещения для сдачи внаем (в цокольном и подвальном этаж), мастерскую для лепки, чертежную, два кабинета, канцелярию и квартиры для зрителя и прислуги². То есть изначально планировалось, что все памятники, имеющиеся в музее, будут представлены в экспозиции (открытом хранении), других дополнительных помещений для их хранения планом строительства не предусматривалось. Поэтому, например, первые археологические коллекции РИМ первоначально не только экспонировались, но и хранились в десяти открытых залах, а в дальнейшем в других неотделанных залах музея. Не были запланированы помещения для хранителей, поэтому их кабинеты (например, археолога В.А. Городцова, палеографа В.Н. Щепкина и других) также размещались в экспозиционных залах.

Однако уже через пару десятилетий стало ясно: прошлое России так велико, что ему уже тесно в стенах музея. Процесс комплектования коллекций шел настолько быстрыми темпами, что в 1892 г. И.Е. Забелин вынужден был докладывать председателю Управления РИМ великому князю Сергею Александровичу: «Прежде нас упрекали за пустые залы, что и выстроен музей преждевременно, так как памятников нет. Теперь нам некуда класть памятники, так они накаплиются»³. Но это было только начало: нехватка помещений скоро стала настоящей головной болью для руководителей музея и его хранителей. Музей, который, казалось, невозможно было наполнить экспонатами, уже в конце XIX — начале XX в. стал испытывать затруднения с площадями для содержания памятников, которые было негде хранить и невозможно показать. Ругали авторов проекта, но разве они могли предвидеть столь бурный рост коллекций. С каждым годом росло число дарителей, насчитывавших на рубеже веков около тысячи. Они вкладывали в Исторический музей свои коллекции и целые музеи. Один только «Музей российских древностей» П.И. Щукина, переданный в 1905 г. в дар РИМ, количественно превосходил его собрание, поражал воображение своим богатством и удвоил фонды музея. Позже товарищ председателя Совета РИМ Н.С. Щербатов, вспоминая об этом периоде, написал: «Так рос Музей из года в год. Поступающие собрания складывались в неотделанных залах Музея, в старых случайных шкафах, на полках, стенах и на полу, загромаждая собой последовательно помещение за помещением»⁴. Таким образом, бур-

ный рост коллекций привел к дефициту музейного пространства: не хватало экспозиционных площадей, выставочных помещений, места для библиотеки и читального зала, фондовых отделов, кабинетов хранителей.

Пытаясь хотя бы отчасти решить проблему, Ученый совет РИМ еще при жизни И.Е. Забелина, решил пожертвовать своей музейной аудиторией, которая занимала слишком большое пространство в три этажа. Созданная по проекту инженера А.А. Семенова, она была открыта в 1889 г. и предназначалась для лекций, чтений, заседаний ученых обществ, литературно-музыкальных вечеров. Довольно вместительная (рассчитана на 500 мест), она вместе с тем была оригинальным инженерным сооружением со сложной системой акустики, вентиляцией и электрическим освещением. В Москве эта публичная аудитория имела общегородское значение и до 1907 г. (когда открылись аудитории в Политехническом музее и Университете им. А.Л. Шанявского⁵) оставалась единственной в городе. 31 марта 1907 г. Н.С. Щербатов доложил Ученому совету музея о перестройке аудитории под нужды музея для существующих и будущих отделов, отмечая, что расположенная амфитеатром аудитория не так необходима, как помещения для музейных предметов.

После разбора аудитории на ее месте по проекту архитектора И.Е. Бондаренко были устроены специально оборудованные помещения (специализированные хранилища) для уже существовавших и вновь образованных отделов: рукописей (нижняя часть бывшей аудитории), исторического архива документов (бывшее фойе), русских исторических портретов, миниатюр, гравюр, лубков (бывшая библиотека — современный зал № 40), собраний старопечатных книг, монет, археологии (археологические залы и зал дополнительных коллекций⁶). В верхней части бывшей аудитории расположились библиотека (310 000 томов) и новый читальный зал, вмещавший 438 человек. Нашлись места для канцелярии, мастерской для починки и реставрации древностей, созданы кабинеты для занятий личного состава Управления и сторонних лиц, справочная библиотека для этих кабинетов, зал заседаний Совета музея и фотографического кабинета. Работы были закончены осенью 1914 г. и 23 ноября состоялось публичное освящение новых помещений и их открытие для общественного пользования.

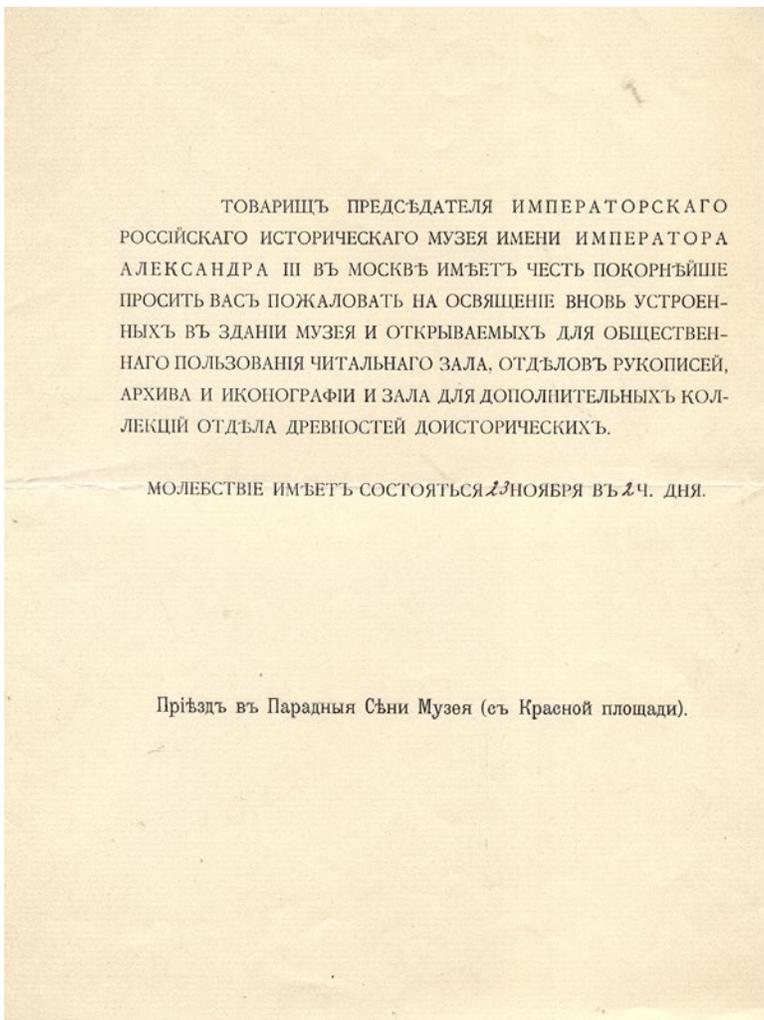

Рис. 1. Приглашение на освящение новых помещений в здании Исторического музея. 23 ноября 1914 г.

Однако Управление РИМ в полной мере осознавало недостаточность принятых мер для дальнейшего развития музея и его деятельности. «Широта задач Исторического Музея и уже собранные неисчислимыя, разнороднейшія собранія и обеспеченность новыхъ значительныхъ поступленийъ обяыываютъ неотступно думать о его дальнейшей судьбе», — писал Н.С. Щербатов⁷. И уже тогда

стало понятно, что музею необходимы «самостоятельные отделы, по роду вещей... для всестороннего изучения русского быта и искусства минувших веков».

Именно поэтому в 1910-е гг. Исторический музей обратил свой взор на соседнее здание Московской городской думы. Функции Думы к этому времени значительно расширились, и она в этот период решала вопрос о строительстве нового, более вместительного здания и вела поиски городской территории, где возможно было осуществить постройку. Тогда же стало известно об обсуждении вопроса о продаже городом в частные руки исторических зданий Московского губернского правления (бывшее здание Губернских присутственных мест Московской губернии) со старым и новым Монетным двором и возможной «сломке этого древнего памятника»⁸.

Проведя предварительно консультации, в 1914 г. Управление РИМ поставило вопрос перед Министерством народного просвещения и Московской городской думой о передаче в собственность музея всех соседних зданий. 29 января 1914 г. Н.С. Щербатов вышел с ходатайством к исполняющему обязанности Московского городского головы. В докладе товарища председателя РИМ Н.С. Щербатова «Возникновение отделов Музея и мысли о дальнейшем размещении разнородных его собрания и окончательном его устройстве», посвященном этому вопросу, в частности, отмечалось, что «приступая в 70-х годах к столь трудному, сложному и ответственному делу, как выработка плана здания для Исторического Музея России, имеющего расти и развиваться, не только совершенно была упущена из виду необходимость в специальных помещениях для различных научных отделов, но и распределение его зал получилось случайное, не отвечающее ни размерам, ни характеру их назначения»⁹. В ходе устных переговоров городские власти соглашались передать здание Думы на Воскресенской площади РИМ для расширения экспозиции и размещения фондов. В годы мировой войны (1915) в качестве компенсации музей предложил передать Городской управе свое филиальное отделение — здание Музея российских древностей П.И. Щукина (в Грузинах)¹⁰ под лазареты для раненых, о чем упомянул в своих записях археолог В.А. Городцов¹¹.

Теоретически вопрос о передаче РИМ соседних зданий на словах был решен. Однако дальнейшие события — Первая мировая война и революционные события 1917 г. отодвинули решение во-

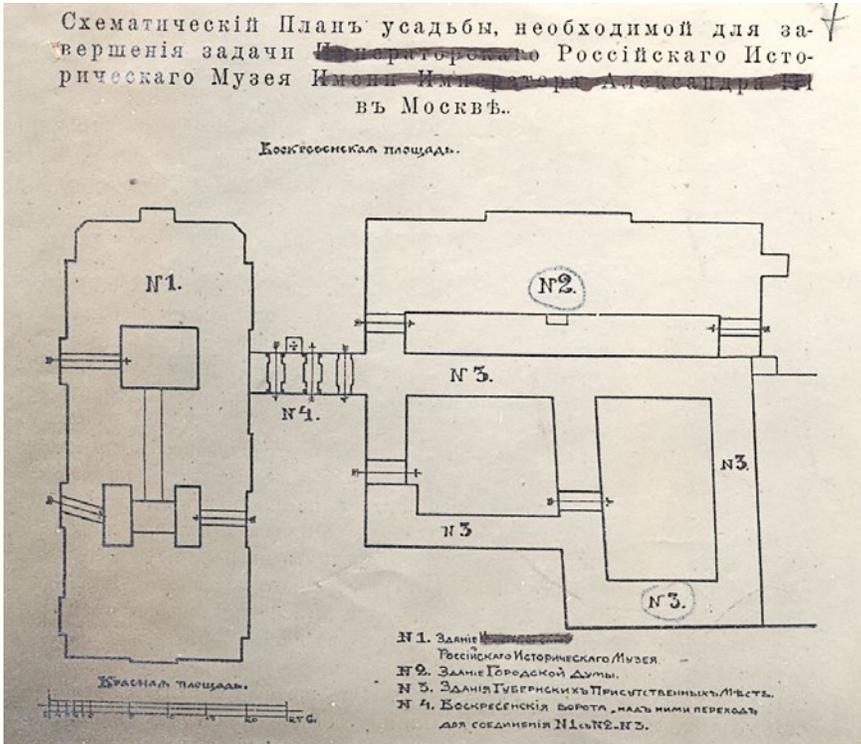

Рис. 2. Схематический план из доклада Н.С. Щербатова от 29 января 1914 г.

проса о практической их передаче. 24 июля 1917 г. старший хранитель музея А.В. Орешников записал в своем дневнике: «Князь Щербатов получил отказ от представления теперешнего здания Городской думы и здания Губернского правления Историческому музею; по-видимому, эта весть на него подействовала неприятно; он всем с уверенностью говорил, что оба здания „наши“ и даже распределял, что где будет размещено»¹².

В годы мировой войны музей принял на хранение многочисленные коллекции, вывезенные с театра военных действий и из прифронтовых территорий, где им угрожала та или иная опасность. После октября 1917 г. в музей постоянно поступали исторические и культурные ценности, передаваемые ему на основании декрета об охране памятников искусства и старины из созданного в те годы Государственной музейного фонда. Они вывозились из национализированных поместий и особняков, банковских

сейфов и антикварных магазинов, от частных лиц, не имевших возможности или не надеявшихся сохранить у себя коллекции музейного значения. Все это размещалось в разных помещениях (в том числе и подвалах) музея. Национализированные, конфискованные, перераспределенные ценности увеличили собрание музея более чем в три раза, с 400 тыс. до 1,5 млн предметов, в результате чего все свободные залы оказались заполнены ящиками, свертками, коробками.

В период с 1917 по 1924 год значительно выросло, практически удвоившись, книжное собрание библиотеки Исторического музея. По распределению из Отдела научных библиотек НКП (Народного комиссариата просвещения) РСФСР в нее поступили ряд крупнейших частных библиотек: в 1918 г. археологов А.С. и П.С. Уваровых (из дома в Леонтьевском пер. в Москве и из имения Поречье Московской губ.), генеалога Л.М. Савелова, в 1919 г. историков Д.И. Иловайского и Г.Ф. Карпова, в 1922 г. археолога и искусствоведа А.А. Бобринского, нумизмата П.В. Зубова и многих других. К 1925 г. книжное собрание насчитывало 1 200 000 томов¹³.

Вспоминая то время, известный книговед и библиофил И.Н. Розанов¹⁴ в своей статье «Как создавалась Государственная библиотека при Историческом музее» писал: «В первые годы после революции при неосвоенных еще старых фондах в Библиотеку хлынуло такое количество частных книжных собраний и книжной россыпи, которое превышало все то, что поступило в Библиотеку за тридцать лет ее существования с 1887 по 1917 г. Не только во всех свободных помещениях Библиотеки, на всех галереях сложены были штабелями книги, длинный ряд зал Музея завален был до потолка нераспечатанными ящиками с разным добром; тут были и ящики с книгами, но до них невозможно было даже добраться»¹⁵. Так, например, привезенная из Поречья ценнейшая библиотека Уваровых поступила в музей в тот момент, когда для нее не оказалось ни свободных шкафов, ни стеллажей. «Она была сложена горой в двух комнатах, примыкающих у уборной, и более десяти лет пролежала без движения. Только в 1930 г. началась ее разборка»¹⁶. Нехватка музейных площадей вынудила музей частично отказаться от принципа неделимости книжных собраний, и часть из них пополнила подсобные библиотеки некоторых фондовых отделов. Так, в отдел археологии передали часть дублирующихся книг библиотеки Уваровых, в архив музея попали труды

по генеалогии и геральдике Л.М. Савелова и пр. Тогда же начался отбор книг для обменного фонда (освобождающиеся места заполнялись другими изданиями).

В Отчете Государственного Исторического музея за 1916–1925 гг. указывалось: «...помещения Музея и без того ему недостаточные, вместо прямого своего назначения должны были или предоставлять другим учреждениям (новый читальный зал и б[ывший] кабинет председателя — историко-революционному архиву¹⁷, две залы с памятниками религиозного быта — Музеем *Ars Asiatica*, б[ывший] Музей П.И. Щукина — Московскому отделению военно-ученого архива и пр.) или оставаться недоступными для обозрения (даже открытые залы 1 этажа) из-за перегруженности их ящиками с эвакуированными в Москву древностями»¹⁸.

После октября 1917 г. решением Московского военно-революционного комитета Городская дума была распущена, руководству РИМ пришлось решать вопросы о предоставлении соседних зданий уже с новыми органами власти — Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины (далее — Музейный отдел Наркомпроса РСФСР) и Моссоветом. От Исторического музея в музейно-бытовую комиссию Моссовета входили Н.С. Щербатов и Е.Ф. Корш¹⁹. Избранный председателем Совета служащих музея Н.С. Щербатов неоднократно обращался с ходатайством в коллегия Наркомпроса.

Сведения о решении данной проблемы содержатся в документах ОПИ ГИМ²⁰. Из сохранившихся протоколов известно, в конце 1918 г. проходило несколько совещаний, на которых обсуждались судьбоносные для Исторического музея вопросы. Так, 11 декабря 1918 г. на заседании президиума коллегии Музейного отдела Наркомпроса под председательством Н.И. Троицкой (Седовой), И.Э. Грабаря, Г.С. Ятманова и др. обсуждалась передача РИМ здания, занимаемого Губсовдепом, «при условии предоставления равноценного дома в районе Садовой-Триумфальной»²¹. На другом заседании, 20 декабря 1918 г., с участием И.Э. Грабаря (председатель), Н.Г. Машковцева, Н.М. Щекотова, Б.Р. Вишпера, Т.Г. Трапезникова, Н.Б. Бакланова и др. говорилось «об очищении нижнего этажа Исторического музея путем переселения живущих там служащих в помещения Щукинского музея»; отмечалось также, что «предприняты шаги для получения из Моссовета зданий быв. Губернского правления и быв. Думы... Совнарком пошел на навстречу пожеланиям Отдела, и здания эти удастся получить... Перевоза туда

вещи, мы получим помещения и во втором этаже Исторического музея, где можно будет начать устройство Музея Русского искусства»²². Вносились также предложения разделить Исторический музей на несколько самостоятельных учреждений (археологический музей, историко-бытовой и библиотеку), перераспределить его коллекции или передать часть коллекций новым, вновь создаваемым музеям и пр. В это же время Исторический музей ходатайствовал о передаче ему части территории Александровского сада для устройства музея под открытым небом²³.

В то время как Исторический музей решал жизненно важные вопросы, зимой 1918 – весной 1919 г. в Москве произошли пожары в нескольких зданиях, используемых Музейным отделом НКП РСФСР как хранилища Государственного музейного фонда: в особняке бывшего Английского клуба (Тверская, 21), особняке В.П. Берга на Арбате (Арбат, 26)²⁴, музее бывшего Строгановского училища (Рождественка, 11)²⁵. В связи с этим 25 февраля 1919 г. специальная комиссия приняла решение провести осмотр этих хранилищ «с точки зрения безопасности от пожаров»²⁶. Проверка прошла также в помещениях Исторического музея. Составленный архитекторами С.Ф. Кулагиным и И.И. Дюмуленом «Акт осмотра Исторического музея 5 марта 1919 года» дает представление о его положении в эти годы. В частности, в акте отмечалось: «Громадное количество ящиков с ценными коллекциями, свезенными сюда из разных мест, заполняет закрытые для публики залы 1-го и 2-го этажей. В трех из них происходят научные занятия (во втором этаже). В 1-м же несколько зал открыты для публики. Вопрос о разгрузке от ящиков зал, так или иначе посещаемых, например проходных, где может иметь место случай пожара, может быть разрешен в положительном смысле путем переноски ящиков в один или два зала, открытых для обозрения публики, вблизи от бокового входа, но при условии закрытия их для публики. <...> Что касается соединения Музея с бывшим Губернским правлением проходом над Воскресенскими воротами, таковое соединение вполне возможно и по техническим условиям особых затруднений не представляет, так как место будущей двери или арки в проход совпадает с гладью стены Музея. Из здания же бывшего Губернского правления ход существует»²⁷. Произведенный комиссией в эти же дни (14 марта 1919 г.) осмотр здания бывшего Губернского правления показал, что он также находится в непрестом положении: многие

его помещения были арендованы различными организациями: Губернским революционным трибуналом (2-й этаж), архивом (часть этажа, примыкающая к Воскресенским воротам), Строительным отделением и коммунальными квартирами (3-й этаж)²⁸.

2 октября 1919 г. Ученая коллегия РИМ вновь обратилась в Музейный отдел НКП РСФСР с просьбой ускорить решение вопроса, отмечая, что «музей изо дня в день становится все более и более в безысходное положение, благодаря невозможности развивать дело разбора и описи своих коллекций... в безотрадном положении находится библиотека музея, насчитывающая уже свыше 1 млн книг... по планам музея в здании б. Городской Думы должны быть размещены 15 отделов, в которых будет вестись фондовая работа. Здание же самого музея отойдет почти исключительно под общедоступную показательно-образовательную часть... необходимо прорубить лишь две двери одну из дома Думы, а другую из коридора музея и все три здания составят единое целое» (*прил. 1*).

Ходатайство Исторического музея было поддержано и заведующей Музейным отделом Н.И. Троцкой (Седовой) в ее письме (от 18.10.1919) в президиум Моссовета (*прил. 2*). Несмотря на поддержку Музейного отдела, 24 октября 1919 г. из Моссовета был получен официальный ответ: «В виду военного положения и катастрофического состояния жилищного вопроса расширение Исторического музея путем занятия новых помещений Управделами Президиума Моссовета признает несвоевременным»²⁹.

В ноябре 1919 г. по распоряжению НКП РСФСР была создана комиссия по обследованию РИМ и определению его профиля. Руководитель этой комиссии искусствовед П.П. Муратов, выступивший с докладом на объединенном заседании Всероссийской коллегии по делам музеев с представителями РИМ, «признал целесообразным» разделение Исторического на ряд самостоятельных музеев, посвященных отдельным отраслям материальной культуры и декоративного искусства. В ходе обсуждения предлагалось изъять из фондов все предметы, имеющие художественное значение и передать в проектирующийся Национальный музей.

Между тем начало 1920 г. было наиболее трудным периодом: голод в залах, постоянное недоедание привело к гибели 16 сотрудников музея³⁰. От голода, истощения и болезней умерли Н.Н. Кононов (зав. отделом архива бытовых и историко-литературных материалов), А.И. Станкевич (основатель и первый заведующий музейной

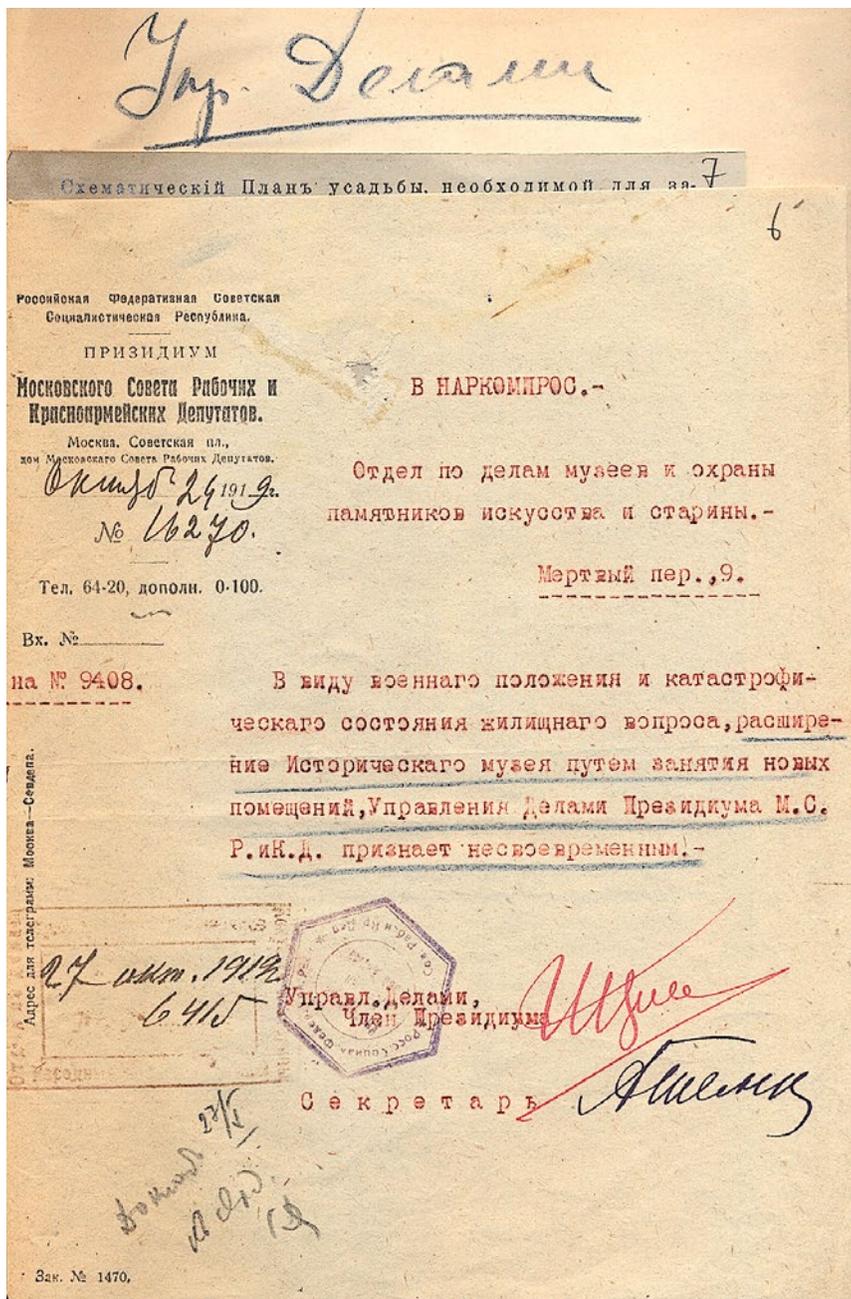

Рис. 3. Отношение Моссовета в Музейный отдел Наркомпроса. 24 октября 1919 г.

библиотеки), Л.И. Бирюкова (сотрудница отдела исторических древностей, отдела исторического быта — с 1919 г.), В.Н. Щепкин (палеограф, основатель отдела рукописей и книг старой печати). Многим сотрудникам удалось в это трудное время выжить благодаря получению в 1919—1923 гг. академического пайка, поддерживающего прожиточный минимум. Вспоминая это тяжелое послевоенное время, археолог В.А. Городцов писал в дневнике: «Бывали дни, и было их много, когда с утра до вечера во рту не было не только хлеба, но и капли воды. Зима 1919 и 1920 годов было особенно тяжела. Дров ни полена — ни единой щепки. Все стыло и замерзало. В Историческом музее, где я тогда служил, лопались стекла в железных витринах, так как железо от стужи сокращалось и давило с такой силой на стекла, что они от нажима железа трескались и разваливались. Сидеть за работой не было сил. Ноги мерзли. По всему телу пробегала дрожь, и зубы колотили друг о друга. У меня в это время погибли ноги и начали падать здоровые зубы. На холодных каменных полах оставаться целые часы было нестерпимо мучительно»³¹. Положение было, видимо, настолько тяжелым, что руководство музея, для того, чтобы выжить, всерьез обсуждало проект создания при музее (в конце 1921 — начале 1922 г.) мыловаренного завода, о чем упоминал в своих дневниковых записях заведующий отделом византийских древностей РИМ археолог А.А. Захаров, отметив, однако, что заместитель Наркома просвещения РСФСР М.Н. Покровский не разрешил мыловаренного завода: «не хочу, чтобы называли мыловаром»³².

Ситуацию усугублялось тем, что в апреле 1921 г. многолетний директор РИМ Н.С. Щербатов был смещен с должности. Как отмечал заведующий читальным залом музея Ю.М. Соколов: «Щербатов не уволен из музея, но сведен лишь к должности члена «тройки» (Щёкотов, Сергеев, Щербатов), зав. хозяйственной частью»³³. Вскоре он был выселен из квартиры в Историческом музее (в которой жил со своей семьей с 1884 г.), а затем арестован³⁴. Директором музея стал искусствовед Н.М. Щёкотов. Положение Исторического музея становилось все более сложным.

В годы Гражданской войны, воспользовавшись анархией и беспределом, в городе активизировались бандиты, участились кражи в храмах и музеях. На заседании церковной секции подотдела учета и охраны памятников искусства и старины реставратор Н.Н. Померанцев привел статистику: «в Москве осенью 1921 г. за два месяца

было разграблено 39 ризниц»³⁵. В октябре 1921 г. Ю.М. Соколов писал брату: «В Историческом музее нашей большая неприятность: третьего дня оказалась взломанной одна из музейных кладовых и выкрадены ценности, правда большей частью из числа поступивших в сравнительно недавнее время в порядке передачи из музейного фонда. Громила ловкий и, судя по ориентированности в сложном здании музея, должен быть из своих. Идет следствие. Входим и выходим по пропускам и т. д.»³⁶ Тогда же он сообщил, что стараниями сотрудников, с большим трудом, удалось «расширить штаты, добиться освобождения читального зала из-под архива, настоять на исправлении канализации, водопровода, вентиляции, телефона и т. д., и т. д., и т. д.»³⁷.

Не оставляя попытки получить здание бывшего Губернского правления, Исторический музей пригласил для его осмотра специальную комиссию Строительного отдела НКП РСФСР, которую возглавил известный архитектор Р.И. Клейн. В акте комиссии от 31 марта 1922 г., осмотревшей здание бывшего Губернского правления, «ныне перешедшего в ведение РИМ», отмечалось, что практически все помещения требуют капитального ремонта: стены, окна, двери, крыши, печи. Указывалось, что некоторые комнаты пострадали от пожара, иные были заняты сотрудниками Московского отдела народного образования (МОНО), архивом, издательством и типографскими машинами (*прил. 3*). В «Предварительной смете на ремонт и приспособление здания б. Губернского правления под залы Исторического музея в Москве», приложенной к акту, указывалось: «Принимая во внимание настоящее положение строительного рынка и транспортных затруднений, а также оплату рабочей силы в соответствии с современной стоимостью хлеба; при переводе на советские принято, что один довоенный рубль = 800.000 руб. советских, т. е. стоимость работ выразится в сумме 51.005 р. 36 к. × 800.000 = 40.804.288.000 р. В настоящей смете предусмотрены работы, обеспечивающие здание от разрушения; стоимость работ по реставрации здания будет представлена отдельно»³⁸. Таким образом, Исторический музей получил это здание только на бумаге, но въехать туда не мог, так как для ремонта помещений нужны были существенные денежные вложения, которых в те годы не было.

Между тем от безысходности в начале 20-х гг. свои фонды музей разместил на 2 этаже в неотделанных залах. Каждой отрасли

материальной культуры был выделен отдельный зал: в нынешнем зале 27 размещалось стекло, в 28–30 — керамика, 29 — кость, в 28а находился отдел крестьянского быта, в 31–32 — металл, 33 — финифть, в 34–35 — отдел тканей, 36–39 — отдел древней живописи. Оборудование было примитивным, поэтому размещение фондов напоминало склады. Лишь через несколько лет, в 1929 г., шесть первых залов 2 этажа были освобождены от хранилищ отдела домашнего быта, и коллекции перемещены во вновь оборудованные кладовые в подвалах музея.

Несмотря на отчаянное положение, вызванное дефицитом музейных площадей, Исторический музей предоставлял свои помещения некоторым учреждениям и организациям. С 1918 до осени 1926 г. несколько комнат занимал Археологический подотдел Музейного отдела НКП РСФСР, работавший под руководством В.А. Городцова. Кроме того с начала 1920-х гг. музей был тесно связан с Московской секцией (МС) РАИМК — ГАИМК, научно-исследовательским центром, объединившим в своих рядах лучшие силы московских археологов, этнологов, историков, искусствоведов, музееведов. Входили в нее и многие сотрудники музея (В.А. Городцов, Ю.В. Готье, А.А. Захаров, Н.Д. Протасов, Д.Н. Эдинг, Г.Л. Малицкий и др.). Большую часть времени своего существования МС (1920–1922 и 1924–1929) располагалась в здании музея³⁹. Также музей предоставил помещения для химических и технологических работ научно-технической лаборатории тканей и шитья (руководитель В.К. Клейн), созданной при МС РАИМК, а с 1924 г. часть комнат занимали работники Центральных государственных реставрационных мастерских (переехавших из Кремля).

Не добившись успеха в присоединении соседних зданий, руководство РИМ, заручившись поддержкой НКП РСФСР и Моссовета, получило в свое распоряжение ряд архитектурных памятников на правах отделений (филиалов). В эти годы музею передавали коллекции вместе с помещениями, в которых они находились. В 1920-е гг. музею принадлежали музей П.И. Щукина (М. Грузинская, 15), дом Московского археологического общества (Берсеневская наб., 22), Соборная палата в Лиховом переулке (№ 6) с синодальной библиотекой, дом Д.И. Иловайского с библиотекой (Пименовский пер., 16), Дом-музей 40-х годов (Собачья площадка, д. 7). Решением Главнауки НКП отделениями музея стали Музей Старой Москвы⁴⁰ (1922) и Военно-исторический музей⁴¹ (1924).

Рис. 4. Коллектив сотрудников Исторического музея. Середина 1920-х гг. Публикуется впервые. ОПИ ГИМ Ф. 545

В 1924 г. директор ГИМ Н.М. Щёкотов подал в НКП РСФСР докладную записку «К вопросу о филиализации монастырей-музеев», в которой предложил создать объединение историко-бытовых музеев во главе с Историческим. Проект не был принят, однако в 1920-е гг. к музею в качестве филиалов были присоединены некоторые храмы, ставшие историко-бытовыми музеями: бывшие монастыри Пафнутьев Боровский, Троицкий Белопесоцкий, Высоко-Петровский, Александровский, «Музей-собор Василия Блаженного», а также «Музей архитектурных памятников села Коломенского», «Генуэзская крепость» в г. Судак⁴² и Алушкинский музей в Крыму. Среди протоколов заседаний правления ГИМ (председатель П.Н. Лепешинский) зафиксировано обсуждение вопросов использования музеем помещений Казанского собора на Красной площади, некоторых бывших монастырей (Симонова, Богоявленского) под складские помещения⁴³. В 1930-е гг. филиалами Исторического музея стали «Музей бывшей церкви Иконы Божией Матери „Грузинская“ на Варварке» (ныне церковь Святой Живоначальной Троицы в Никитниках), «Дом бояр Романовых XVII в.» и «Музей бывший Новодевичий монастырь». Каждый филиал вел самостоятельную учетную, научную, экспозиционную и массовую работу. В целом работа филиалов способствовала росту научной деятельности и популярности Исторического музея.

После революции 1917 г. в здании упраздненной Городской думы обосновались различные арендаторы. В 1929 г. была снесена Иверская часовня, а в 1931-м — Воскресенские ворота, соединяющие здания Исторического музея и Думы. В 1936 г. здание Думы реконструировали, практически полностью заменив старые интерьеры, и передали открывшемуся Центральному музею В.И. Ленина. Прошло почти полвека, и только в ноябре 1993 г. было принято решение о предоставлении ГИМ этого здания. В 2006 г. была юридически завершена процедура передачи музею территории, названной Музейным кварталом, включающем помимо зданий Думы и Московского губернского правления, корпуса бывшего Монетного двора и Никольские торговые ряды. Теперь это один из наиболее значимых ансамблей в центре столицы. Получение этих зданий позволило существенно увеличить экспозиционно-выставочные площади ГИМ и создать условия для сохранности и полноценного использования музейных коллекций. Сегодня в здании Музея Ленина (быв. Городской думы) находятся выставочные пространства

и фонды музея, а в новом двухэтажном павильоне во дворе здания — уникальный Музей Отечественной войны 1812 года. Дальнейшее освоение Музейного квартала составит новую эпоху в истории Исторического музея.

Приложение 1

Копия

2 октября 1919 г.

Вх. № 5912. Отд. Муз.

РСФСР

Народный Комиссариат по просвещению

Российский Исторический музей

Ученая Коллегия

Октября 2 дня 1919 г.

№ 2413

В Отдел по делам музеев и охране
памятников искусства и старины

Ученая Коллегия Российского Исторического музея обращается к Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины с убедительной просьбой принять все надлежащие, зависящие от него меры к ускорению решения вопроса о расширении помещений Музея, так как последний изо дня в день становится все более и более безвыходное положение, благодаря невозможности развивать дело разбора и описи своих коллекций.

Необходимо не терять из вида, что Исторический музей в настоящее время занят всецело систематической разборкой и распределением своих собраний по группам, а затем по Отделам, причем в то же время из вещей отбираются дублиеты, могущие в будущем быть переданными в провинциальные и другие музеи, и при этом составляется и описание разбираемых собраний, но эта громадная научная работа донельзя затрудняется отсутствием отдельных соответствующих помещений.

Эта вынужденная задержка работ замедляет и возможность дальнейшего использования собрания на общественную пользу. Независимо от изложенного, осложнено и дело размещения низших служащих музея, часть которых и до сего времени живет, хотя и в светлых, но значительно углубленных подвальных помещениях, в перегороженных друг от друга коморках. Наконец, в столь же

безотрадном положении находится и библиотека Музея, перегруженная необходимым для нее книжным имуществом, постоянно пополняемым и ныне, да и впредь она должна будет пополняться новыми книгами по специальности Музея. Нельзя упускать при этом из вида и ту массу необходимейших для Библиотеки изданий, вышедших на Западе в течение 5 лет войны.

Все перечисленные нужды, касающиеся до размещения обширной библиотеки, заключающей в себе уже теперь значительно свыше миллиона книг (существующее же помещение библиотеки Музея может вместить с трудом не более 800 томов) и Отдела иконографии, а также устройства квартир для младших служащих Музея, были бы полностью удовлетворены передачей в распоряжение Музея б. владения Московского Губернского правления во всем его объеме, т. е. вместе с домом по Никольской ул. под названием «Никольские ряды».

Что же касается до столь же насущнейшей необходимости в скорейшем времени разместить бесценнейшие собрания исторических памятников старины в условиях, доступных обозрению широких масс, так и для ученых занятий специалистов, то для сего необходимо безотлагательно передать Музею также и здание бывшей Московской Городской думы. В этом здании, по предложению Ученой коллегии Музея, должны быть размещены все, свыше пятнадцать Отделов и Отделений Музея, в которых будет сосредоточена научная работа по всем специальностям изучения и разработки русской старины людьми науки, так и профессиональными работниками в условиях и обстановке лабораторий.

Здание самого Музея отойдет почти исключительно под общедоступную показательно образовательную часть.

К сему Ученой коллегии Музея не может не обратить внимания Отдела на то, что благодаря существованию здания «Воскресенские ворота» здание музея, дом бывшей Городской думы и дом Губернского правления представляют одно целое, так как в Воскресенских воротах существует коридор, доходящий до стен здания Музея. Стоит лишь пробить две двери: одну из дома Думы в Губернское правление, а другую из коридора в Музей и все три здания составят «единое общее».

В интересах наглядности сего положения прилагается общий схематический план необходимой Историческому музею усадьбы, помещенный в отчете Музея еще в 1914 год. Правильность ходатай-

ства и насущность для Музея объединенной территории признавалась и прежним режимом, признается эта необходимость и органами Советской власти.

В виду всего вышеизложенного Ученая Коллегия Российского Исторического музея вынуждена вновь в дополнение к своему ходатайству от 12/5 с. г. за № 1135, просить Отдел по делам музеев, которому близки интересы правильного развития жизни и функционирования Музеев, принять надлежащие решительные шаги к практической передаче необходимых Музею обоих зданий, так как отсутствие их не только тормозит, но и положительно парализует работу Музея: он, сделавшийся в последнее время средоточием не только своих многочисленнейших ценных собраний и коллекций, передаваемых в него Отделом на хранение и в собственность, вынужден ставить свою работу в зависимость от помещения и даже ее сократить.

Подписали: Председатель Ученой Коллегии
Ученый секретарь

ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 34. Л. 4–5

Приложение 2

В Отдел по делам музеев, искусства и старины
18 декабря 1919 г. Мертвый п., 9
В Президиум Московского Совета

Препровождая при сем отношение Государственного Российского Исторического музея за № 2413 по вопросу о передаче в ведение Музея необходимых ему: 1) быв. владения Московского Губернского Правления и 2) дома быв. Городской Думы, Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения, поддерживая ходатайство Российского Исторического музея, считает необходимым по возбужденному вопросу высказать следующие соображения:

1) Недостаток надлежащих зданий для расположения хранения сокровищ искусства и старины является серьезнейшим препятствием на пути к осуществлению планов Отдела, направленных к тому, чтобы сделать эти сокровища не только материальным, но и духовным достоянием народа. Благодаря этому недостатку многие драгоценности, перешедшие в собственность народа, остаются, как и прежде, под спудом. Для хранения их Отдел принужден зани-

мать частные особняки, которые не всегда являются безопасными для хранения, а с другой стороны часто малопригодны по своим размерам и устройству для планомерного расположения коллекций и их обозрения широкими народными массами. Можно сказать, что, не будь этого серьезного препятствия, культурно-просветительная деятельность, составляющая одну из крупнейших и основных задач Отдела, могла бы протекать с несравненно большим успехом.

Насколько сильно стремление народа к подобному «наглядному» обучению свидетельствует хотя бы количество экскурсантов, прошедших под руководством Отдела, а именно 50 000 человек за время с 1-го апреля по настоящий день.

Двери хранилищ искусства и старины должны быть раскрыты настежь, чтобы была удовлетворена эта живая и самостоятельная тяга народа к просвещению. Потребность же эта может быть удовлетворена лишь в том случае, если найдется место для планомерного расположения предметов, служащих живым источником народного просвещения.

2) Отдел естественно не может оставить старые музеи в том виде, в каком они существовали при старом режиме. Он выдвинул ряд совершенно новых задач, вытекающих из нового культурного строительства. Эти новые задачи требуют пересмотра нового расположения хотя бы собраний того же Российского Исторического музея.

Если в прежние времена означенный музей устраивался, имея в виду преимущественно памятники искусства и быта правящих классов, то в настоящее время такое положение не может удовлетворять ни научным, ни культурным требованиям Советской Республики. Народное искусство, искусство, быт и история крестьянина, мелкого ремесленника и рабочего также должно быть выявлено и раскрыто. Богатые собрания памятников народного искусства и быта имеются в «складах» указанного музея, но за неимением помещения эти драгоценности остаются нераскрытыми и останутся такими и впредь, если не придут на помощь Отделу все, кому дорого осуществление новых культурных начинаний.

Со своей стороны Отделом собраны уже за недолгое время его работы богатые коллекции именно для музея народного искусства и быта и для музея художественных ремесел, которые могли бы сильно пополнить собрание Российского Исторического музея. Памятники подобного искусства по количеству много превышают произведения верхних слоев народа и потому для них нужно зна-

чительно большее здание, чем дом Российского Исторического музея. Вполне возможно, что собрание подобных памятников, скромного, малоизвестного, но тем не менее драгоценного для народа искусства и быта послужат толчком к написанию новой и истинно «народной» истории древней России и мелких национальностей, вошедших в ее состав.

3) По мнению Отдела каждый более или менее крупный музей должен быть не только постоянной выставкой предметов искусства, древности и быта, но и учено-учебным институтом. Каждому серьезному посетителю музея, не говоря уже об ученом специалисте, должна быть дана возможность пополнить свои знания путем чтения соответственных научных и популярных источников или путем систематических лекций, читаемых тут же, вблизи вещественных свидетелей той или иной эпохи, и только в этом случае музеи перестанут быть теми величественными склепами, которыми они были до сих пор.

Библиотеки, архивы (фотографические, документальные и др.), музейные мастерские (как-то: реставрационная, фотографическая, переплетная и др.), наконец, аудитории, все это требует места во много раз больше, чем это требовалось при старом мертвенном состоянии музеев, отделенных от народных масс узкими интересами научной касты.

В виду всего вышеизложенного Отдел и поддерживает ходатайство Государственного Российского Исторического музея как идущего навстречу планам нового музейного строительства, выработанным Отделом.

Предлагая вниманию Президиума Московского Совета свои соображения и опуская для краткости многие другие, Отдел надеется, что Президиум Московского Совета окажет всяческое содействие в полном удовлетворении ходатайства Российского Исторического музея, в котором работа как научного, так и популяризаторского характера будет вестись под надлежащим надзором Отдела и в соответствии с культурными требованиями нового времени.

Приложение: отношение Российского Исторического музея № 2413

Подписали:

Заведующий Отделом Н. Троцкая

Управляющим делами Детинов

ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 34. Л. 2–3

Акт

Марта 31 дня 1922 года мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт на предмет осмотра состояния здания бывшего Губернского Правления, ныне перешедшего в ведение Российского Исторического музея; при этом оказалось, что главное здание, выходящее на Воскресенский проезд, состоит из 3-х этажей с проездом во двор, делящим 1-й этаж на 2 части. В первом этаже справа от проезда находятся обширные сени с квартирой из 2-х комнат при них. По другой стороне проезда имеется торговое помещение. Весь 1-й этаж покрыт кирпичными сводами. Из указанных сеней во второй и третий этажи ведет деревянная лестница. Помещение второго этажа незначительной высоты, тоже покрытое сводами, по характеру своему имеет вид второстепенного значения, в настоящее время ничем не занято. В 3-м этаже находятся два зала, из коих один занят МОНО, другой архивом. Означенное здание постройкой своей относится к XVIII веку, здание требует обычного среднего ремонта, причем крыши, печи, полы и уборные необходимо отнести к капитальному ремонту.

К главному корпусу с правой стороны, по границе владения Казанского собора, примыкает 3-х этажный квартирный корпус. Постройка первых двух этажей также относится к XVIII веку, потолочные покрытия коего кирпичные своды. Третий этаж относится к позднему строительству с деревянным накатом по таким же балкам. Первые два этажа заняты квартирантами, в третьем этаже помещаются спальни для экскурсантов при МОНО. Состояние этого здания удовлетворительное, но требует обычного очередного ремонта, кроме крыши и некоторых печей, которые необходимо капитально ремонтировать. С левой стороны к главному зданию быв. Губернского правления прилегает 3-х этажный корпус, который расположен вдоль границы бывшей Московской Городской Думы и заканчивается Воскресенскими воротами, примыкающими к зданию Российского Исторического музея. Два этажа этого здания покрыты кирпичными коробовыми сводами. В концепцию плана этого корпуса входят 3 отдельных зала, из коих два крайних, судя по существующим колоннам и карнизам, имели отделку в ампирическом характере с дорическим оттенком и могут быть отнесены к началу XIX века. В настоящее время вдоль всего корпуса

устроен центральный коридор, по обе стороны коего расположены небольшие комнаты, причем почти в каждой комнате поставлена печь, трубы коих во многих местах проложены через деревянные перегородки без всякой изоляции, чем в пожарном отношении представляют серьезную опасность.

Третий этаж относится к позднейшей постройке, покрыт деревянным накатом по деревянным балкам. Первый этаж требует капитального ремонта, второй среднего, а третий этаж находится в удовлетворительном состоянии и потребует лишь незначительной побелки и окраски. По границе с Театральной площадью, начиная от владений бывшей Московской Городской Думы до Никольских Торговых помещений, расположен 4-х этажный корпус, коего два нижних этажа покрыты кирпичными коробовыми сводами, относящихся тоже к XVIII веку, надстройка двух верхних этажей, по-видимому, произведена в XIX веке. Первый этаж занят мелкими квартирами, второй этаж — общежитием, третий и четвертый этажи — Государственным книгоиздательством. Это здание требует обычного ремонта, за исключением 1-го этажа и квартиры, поврежденной пожаром в 3-м этаже, которые отнесены к капитальному ремонту. Дворовый 3-х этажный корпус, делящий владение на два двора, относится к XVII веку. 1-й и 2-й этажи покрыты кирпичными сводами, а 3-й этаж — деревянным потолком по таким же балкам. Первый этаж занят складами архива, второй этаж находится в полуразрушенном виде, без полов, дверей и печей. Третий этаж занят типографией, где на сводах установлены тяжелые типографские машины. Означенная типография отапливается временными печами, к которым почти вплотную уложены книги и разные бумаги, что в пожарном отношении представляет серьезную опасность. Весь средний корпус подлежит внутреннему переустройству и капитальному ремонту.

Здание торговых помещений, выходящие на Никольскую улицу, недавней постройки требует обычного ремонта, за исключением водяного отопления, которым в настоящем не пользуются; степень повреждения его может быть определена лишь после специального обследования системы. В настоящее время помещения отапливаются временными печами, ничем не изолированных от кругом их лежащего товара.

Комиссия пришла к заключению, что капитальному ремонту подлежат: крыши над всем зданием, печей — около 80% всех печей,

первый этаж, 50% всех этажей, поврежденная пожаром квартира, 2-й этаж в дворовом корпусе. В остальных частях здания исполнить обычный очередной ремонт для поддержания здания от разрушения согласно приложенной сметы.

Член Коллегии Управления Российского Исторического музея:
Сергиевский

Архитектор: Р. Клейн

Заведующий технико-хозяйственным отделом: Н. Романовский

ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 2

-
- ¹ *Датиева Н.С.* О строительстве здания Исторического музея // Историческому музею — 125 лет. Тр. ГИМ. Вып. 100. М., 1998. С. 327, 328.
  - ² ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 154–155 об.
  - ³ *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 164.
  - ⁴ *Щербатов Н.С.* Возникновение отделов Музея и мысли о дальнейшем размещении разнородных его собраний и окончательном его устройстве // Отчет ИРИМ за 1914 г. М., 1916. С. 96.
  - ⁵ В Университете им. А.Л. Шанявского на Миусской площади, построенном архитектором А.И. Ивановым-Шицем в 1912–1913 гг, аудитория, сопоставимая по масштабу и оснащению с аудиторией Исторического музея, открылась в 1913 г.
  - ⁶ По старой нумерации — зал № 24, в 1971–1985 гг. — зал № 14а, в настоящее время — хранилище отдела археологических памятников ГИМ.
  - ⁷ *Щербатов Н.С.* Возникновение отделов... С. 102.
  - ⁸ Там же. С. 105.
  - ⁹ Там же. С. 95.
  - ¹⁰ Речь идет о Музее российских древностей московского купца и коллекционера П.И. Щукина (1853–1912), который подарил в 1905 г. свой музей РИМ. На здании Музея российских древностей появилась вывеска «Отделение Императорского Исторического музея имени Императора Александра III — Музей Петра Ивановича Щукина». До конца жизни московский купец содержал на свои деньги музей и семь сотрудников, оставался его хранителем и продолжал пополнять коллекции; после внезапной кончины Щукина в 1912 г. экспонаты начали перевозить в РИМ, где они были распределены по разным фондам, «растворившись» в его обширном собрании.
  - ¹¹ Василий Алексеевич Городцов. Дневники ученого. 1914–1918. Из собрания ГИМ. В 2 кн. / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Марштупа, Т.А. Цапина. Отв. Ред. А.Д. Яновский. М., 2019. Т. 1. С. 458.
  - ¹² *Орешников А.В.* Дневник. Кн. 1: 1915–1924 / Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М., 2010. С. 125.
  - ¹³ Отчет Государственного Исторического музея за 1916–1925 гг. М., 1926. С. 114.

- ¹⁴ *Розанов И.Н.* (1874—1959), литературовед, книговед, библиофил. Поступил на службу в РИМ в 1919 г. помощником библиотекаря, позже организовал и возглавил Отдел истории русской книги гражданской печати (1921—1941).
- ¹⁵ *Розанов И.Н.* Как создавалась Государственная библиотека при Историческом музее: исторический очерк. М., 2013. С. 59.
- ¹⁶ Там же. С. 64.
- ¹⁷ 1.03.1917 г. помещение Московского охранного отделения в Большом Гнездиновском переулке подверглось разгрому, некоторые документы погибли в огне. Группа политических деятелей и историков спасла часть архива от уничтожения и организовала их перевозку в РИМ. 2.03.1917 г. при Исполнительном комитете московских общественных организаций образована Комиссия по разработке политических дел г. Москвы, которую возглавил историк и публицист С.П. Мельгунов. В марте — мае 1917 г. сотрудники комиссии перевезли в РИМ также фонды Московского губернского жандармского управления и жандармских отделений железных дорог, документы Канцелярии московского генерал-губернатора и других дореволюционных учреждений. Для хранения этих материалов был отведен читальный зал РИМ. 9.04.1918 г. вместо Комиссии по разработке политических дел создана Архивно-политическая комиссия при СНК г. Москвы и Московской обл. (возглавил ее зам. начальника политуправления РККА Р.П. Катаян, заведовал архивом А.П. Малинин); с 1.08.1918 г. она получила название — Московский историко-революционный архив (МИРА). С 10.08.1920 г. в связи с переездом в новое здание (Москворецкая ул., д. 25) МИРА был закрыт. Читальный зал РИМ полностью освобожден от архивных материалов лишь в 1922 г.; см.: (*Наумов В.П.* Московский историко-революционный архив (МИРА) (1917—1920 гг.) // История ГАРФ. К 90-летию ГАРФ: Документы. Статьи. Воспоминания. М., 2010. С. 15—25).
- ¹⁸ Отчет Государственного Исторического музея... С. 7.
- ¹⁹ Корш Евгений Федорович (1879—1969), историк, филолог, переводчик, музейный работник. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Сотрудник Исторического музея (1904—1929): помощник библиотекаря (без содержания), представитель РИМ в Музее П.И. Щукина (1905—1912), мл. хранитель Исторического отдела (с 1912), мл. хранитель и зав. отделом оружия им. А.А. Катуар де Бионкура (с 1914), хранитель отделения Музея им. П.И. Щукина (с 1915), зав. отделом прикладного (бытового) искусства (с 1918), зав. отделом истории России XIX в. (с 1924), ученый секретарь и член Правления, зам. директора ГИМ (1926—1929).
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 54 (Музейный отдел Главнауки).
- ²¹ Там же. Ед. хр. 11. Л. 75.
- ²² Там же. Ед. хр. 17. Л. 19—19об.
- ²³ Там же. Ед. хр. 229. Л. 26.
- ²⁴ С 1921 г. в этом перестроенном после войны здании находится Театр им. Евгения Вахтангова.
- ²⁵ С 1933 г. располагается Московский архитектурный институт.

- ²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 394. Л. 5–5об.
- ²⁷ Там же. Л. 27.
- ²⁸ Там же. Л. 30.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 34. Л. 6.
- ³⁰ Отчет Государственного Исторического музея... С. 7.
- ³¹ ОПИ ГИМ. Ед. хр. 352. Л. 107, 107об.
- ³² ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 12. Л. 39.
- ³³ Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М., 2010. С. 437.
- ³⁴ Н.С. Щербатов после революции был председателем Союза служащих РИМ и Ученой коллегии (1917–1921); заведующим отделением войны и революции (с 1919); ученым сотрудником отделения государственного быта (1921); заведующим библиотекой МАО (1922–1924); сотрудником, лектором-руководителем ВИМ (1925–1926).
- ³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 417. Ед. хр. 315. Л. 49.
- ³⁶ Там же. С. 479.
- ³⁷ Там же. С. 652.
- ³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3–9.
- ³⁹ Созданное в 1932 г. Московское отделение ГАИМК также до 1938 г. располагалось в помещениях ГИМ.
- ⁴⁰ Музей Старой Москвы основан в апреле 1919 г. Предполагалось его открыть в здании бывш. Английского клуба, затем в Высокопетровском монастыре и, наконец, в бывш. особняке Юсуповых (Б. Харитоньевский пер., 24). Однако музей так и не был открыт; его коллекции поступили в ГИМ, в частности, архив хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 402).
- ⁴¹ В 1918 г. из полковых музеев, Музея Отечественной войны 1812 года и коллекции частных лиц было образовано специальное хранилище в бывш. особняке Юсуповых. В 1920–1921 гг. это хранилище было переименовано в Военно-исторический музей (ВИМ). В 1924 г. ВИМ стал филиалом ГИМ, а затем, когда особняк Юсуповых перешел в другое ведомство, фонды ВИМ были перевезены в ГИМ.
- ⁴² Сохранился протокол заседания (26.09.1928) с докладом А.А. Фомина о реставрационных работах и приеме древностей Генуэзской крепости в Судачке в ведение ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 15).
- ⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 15, 68об, 72–72об.

Византийское наследие в русской иконописи второй половины XVII века

«**К**ак ни велико было число противников западных — „фряжских“ икон, сторонников их было еще больше, и русская иконопись быстро приближалась к концу. Тот медленный, почти незаметный в своей постепенности ущерб, который судьба готовила великому древнерусскому искусству, и который привел новгородскую икону к раннемосковским и Строгановским письмам, теперь, в работах царских иконописцев и живописцев, сразу обозначился совершенно ясно. С ними кончилась русская „иконопись“, но русская „живопись“, о которой иным из них как будто грезились, не с ними началась»¹. Так писал И.Э. Грабарь в очерке, включенном в «Историю русского искусства» и посвященном Симону Ушакову и его современникам, усилиями которых осуществлялась заметная европеизация иконописания в Москве во второй половине XVII в.² Автор пришел к выводу, что «трагедия ушаковского искусства заключается в том, что он не был в сущности ни иконописцем, ни живописцем: отстав от первых, он не пристал ко вторым. Оттого, при несомненной даровитости, он не мог дать ничего, что восхищало бы нас своей яркостью и давало подлинную художественную радость», и заключил: «Увы, для нас он злой гений русской иконописи»³. Такими были представления, сложившиеся к началу 1900-х гг. и прошедшие на смену тезиса о том, что «школа Ушакова воодушевлена была совершенно новыми, до того неизвестными идеями, с древностью имевшими лишь общий корень христианского искусства, но вовсе не иссохшие ветви его застоя и исключительности», высказанного Г.Д. Филимоновым⁴. В исследованиях историка искусства и реставратора Н.П. Сычева поднимается вопрос об истоках новых художественных тенденций в творчестве живописца, обращающем на себя внимание оригинальной трактовкой образа⁵.

Имя Симона Ушакова остается почти синонимом русской иконописи второй половины XVII в. и в наши дни⁶. Показательно освещение эволюции московского иконописания указанного периода на основе трактатов, в большинстве случаев оценивающих традиционное направление как пройденный этап, «старинский обычай»⁷. Следовательно, творческий опыт московских придворных художников представляется как определяющий общий характер русского иконописания второй половины XVII в. в целом⁸. Несомненной же заслугой В.Г. Брюсовой является включение в круг изучаемых явлений, наряду с искусством царских иконописцев, произведений мастеров Новгорода, Поволжья, двинских городов и Заонежья⁹. Благодаря этому сложность и противоречивость эволюции становится более очевидной, чем может показаться на первый взгляд, при избирательном фиксировании явлений.

Мгновенное исчезновение византийского наследия, составлявшего основу русского иконописания, еще совсем недавно столь ревниво оберегаемого царской и церковной властями, выглядит невероятным. Могла осуществиться лишь его радикальная трансформация, отчасти напоминающая произошедшую в XIII в. в Пизе¹⁰. Но для этого должны были сложиться похожие условия, характеризующиеся наличием различных художественных традиций. В Москве дело обстояло значительно проще: на элитарном уровне был дан сильный толчок в сторону европеизации, впрочем, достаточно умеренной, подобной той, что уже существовала в иконописании Украины и Белоруссии¹¹. В стилистическом аспекте она была, тем не менее, радикальнее, чем греческая иконопись поствизантийского периода¹².

Русская иконопись XIV – первой половины XVII в. обнаруживает глубокую связь с византийской культурой эпохи Палеологов, представляя одну из ее национальных школ. Их пути расходятся после 1453 г., когда Византия перестает существовать, и заметно возрастает роль искусства Крита, мастера которого создают иконы как для православных греков, так и для итальянских католиков, прежде всего, Венеции¹⁴. Тем не менее, иконописание Московской Руси в течение двух последующих столетий в целом удерживает византийский характер иконографии, развивая при этом собственный художественный стиль. Его, как правило, отличают более светлая гамма и выразительная тонкая контурная линия.

Изменения в церковном искусстве под воздействием западных идей вызвали тревогу в Москве, в связи с этим по принципам иконописания, равно как и по частным вопросам иконографии, появляются правила Стоглавого собора 1551 г.¹⁵ В них прежде всего речь идет о соответствии православному церковному Преданию. Таким образом традиции русской иконописи укрепляются и распространяются во всем христианском мире, включая Восток и Балканы¹⁶. Существенным было и то, что в тяжелый период Смутного времени все же удалось сберечь талантливых иконописцев, чье становление пришлось на рубеж XVI–XVII вв., и на чьи плечи легло воссоздание утраченного¹⁷. Так можно схематически обозначить этап, предшествовавший переходу ведущих московских мастеров в сферу влияния западной культуры.

Можно ли говорить о византийском наследии в русском иконописании второй половины XVII в. вообще? К 1654 г. относится распоряжение патриарха Никона собрать иконы, писанные московскими мастерами «по образцам картин франкских и польских», выколоть им глаза и носить по Москве, с угрозой наказания за выполнение подобных изображений, о чем свидетельствует Павел Алеппский, описавший и то, как патриарх в 1655 г., в Неделю Торжества Православия, разбивал эти иконы о железные плиты пола Успенского собора. Патриарх Никон относился с пиететом к греческой иконописи и, будучи еще архимандритом Новоспасского монастыря, в 1647 г. заказал список Иверской чудотворной иконы Богоматери, который иеромонах Ямалих выполнил на Афоне в 1648 г.¹⁸ Известны в России и другие воспроизведения этого образа, относящиеся к XVII в., принадлежащие кисти греческих мастеров. Работы последних, вероятно, ввозились в большем количестве, чем это известно на сегодняшний день. В Москве в настоящее время находится критская икона начала XVII в. с изображением Похвалы Богоматери: Богоматерь с младенцем восседает на древе; в «медальонах», образованных его ветвями, — полуфигуры пророков¹⁹. Подобная композиция, Древо Иессея, представлена и на иконе кисти мастера Виктора, датированной 1674 г., парной изображающей сидящим на древе Христа среди апостолов, хранящейся в Греческом институте в Венеции²⁰. Эти произведения обнаруживают композиционную схему, ближайшим образом соотносимую с известной иконой Богоматери «Владимирская» («Древо Московского государства»), исполненной Симоном Ушаковым в 1668 г.²¹ Это одно

из немногих реальных свидетельств знакомства московских иконописцев с творчеством современных им греческих. Вероятно, существуют и другие примеры.

Однако в целом творчество Симона Ушакова и художников его круга скорее позволяет судить о разработке или сознательной интерпретации традиционной византийской иконографии, начиная с датированной 1659 г. иконы «Благовещение с акафистом», над выполнением которой вместе с ним трудились Яков Казанец и Гаврило Кондратьев. Один и тот же сюжет, при сохранении общей схемы, в иконах кисти Симона Ушакова (1673) и Ивана Максимова (1670) получает эмоциональную окраску с подчеркнута светским лиризмом. Надо сказать, что этого вовсе нет в написанных Симоном Ушаковым Киккской иконы Богородицы (1668) и преподобного Сергия Радонежского (1669 г.), хотя обе выполнены в европейской манере. Тихон Филатьев как бы соединяет иконописное изображение с «гравюрной средой». Таковы его «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» (1689) и «Иоанн Предтеча в пустыне, со сценами жития» (1689). Никита Павловец в иконе Богородица «Вертоград заключенный» (около 1670 г.) в этом смысле даже заметно опережает попытки интерпретировать византийские образцы, одновременно нагружая иконографическую схему избыточной символикой²². В другом произведении того же иконописца «Праздники Богородичные» (1675) из церкви Успения на Апухтинке в Москве иконографический цикл интерпретирован как при перенесении на гравюру, с ее специфическими выразительными средствами. Этот подход становится весьма распространенным в работах художников школы Оружейной палаты, в которых византийская иконография варьируется и одновременно соединяется с западными моделями. Такова икона «Единородный сыне» (после 1668 г.) из церкви Григория Неокесарийского в Москве²³. Наблюдая эти примеры «половинчатой» адаптации традиционного иконописания, нельзя не вспомнить характеристику: «Ушаков был придворным иконописцем и не мог не считаться с церковными канонами. Но, придерживаясь традиционных иконографических схем, он пытался примирить с ними черты живописного реализма, стремился в своих произведениях придать осязаемые человеческие черты Богу и святым»²⁴. Не выглядит ли все это по отношению к сакральному образу элементарной профанацией, в которой преуспел Запад задолго до России?

Однако нельзя сказать, что подобные тенденции всецело охватили московскую иконопись третьей четверти XVII в. В Успенском соборе Московского Кремля находится большая икона Богоматери «Тихвинская» с 99 клеймами, выполненная в 1668 г. патриаршими иконописцами Федором Елизарьевым и Гавриилом Кондратьевым. Ее иконография и художественный стиль представляют традиционный путь развития византийского наследия²⁵. Совсем иная по манере письма икона Богоматери «Тихвинская» с чудесами (1680) из церкви Одигитрии на Песках в Калуге²⁶ имеет ту же основу. Поэтому постановка вопроса о роли византийской традиции в том и другом случаях представляется одинаково оправданной.

В области использования византийского наследия, вероятно, особо может быть рассмотрено богатое и разнообразное творчество царского изографа Федора Зубова, подробно освещенное в монографии В.Г. Брюсовой²⁷. Сформировавшись как мастер в Великом Устюге, художник основательно усвоил основы местных писем с их развитой иконографией, прежде чем осуществить работы в Ярославле и Москве. Они декоративны, но это качество не служит самоцелью. Мастер проявил необычайную чуткость к новым явлениям, и поэтому его индивидуальная манера эволюционировала, стерлась грань между иконописной и живописной манерами.

Гурий Никитин, как известно, кроме фресок, создал немало икон, дающих примеры оригинальной разработки традиционных иконографических схем в духе своего времени²⁸. Показательно, что в стенописях, напротив, широко использованы в качестве образцов европейские гравюры.

Ярославские иконописцы второй половины XVII в., судя по сохранившимся произведениям, в отличие от московских придворных, не обнаруживают по отношению к византийскому наследию столь откровенно выраженные реформаторские тенденции. Они охотно разрабатывают евангельскую или житийную тематику, создают циклы композиций, иллюстрирующих чудеса Толгской иконы Богоматери, композиции на темы церковных песнопений²⁹. Все это большей частью осуществляется в рамках иконографического канона, при умелом использовании готовых формул, временами заимствованных из иных композиций. Таковы иконы «Величит душа моя Господа» из церкви Николы Рубленного и «Хвалите Господа с небес» из церкви Параскевы Пятницы на Всполье. Особое место занимают в искусстве Ярославля иконы работы Семена

Спиридонова Колмогорца с их манерой миниатюрного письма, позволяющей создавать обширные циклы, обрамляющие центральные изображения житийных иконных композиций³⁰. Высочайший профессионализм в них сочетается с элементами фольклорного подхода, значительно позднее проявившимися в творчестве палехских иконописцев.

Судя по данным произведениям, в недавнее время подвергнутых реставрационному раскрытию, в течение всей второй половины XVII в. византийское наследие оставалось жизненным в иконописании Северной Руси³¹. Об этом прямо говорят белозерские иконы «Успение Богородицы» из Успенской церкви (1660) и «Иоанн Богослов в молчании», с житием, из местного ряда иконостаса церкви Ильи Пророка (1690–1695); икона «Страшный суд» из Мироносицкой церкви в Вологде. Хотя проникали сюда и иконы нового стиля, в том числе работы Кирилла Уланова (Богородице-Рождественский собор в Устюжне). Иконы из храмов Иркутска, относящиеся к этому же периоду, в основном принадлежат к тому же консервативному направлению, оставшемуся почти не затронутым влиянием придворного искусства³².

К приведенным примерам следует также присоединить огромное количество икон, оказавшихся в старообрядческой среде, причем не только в захолустных скитах и часовнях, но и в храмах центральной России, возведенных во второй половине XVII в. Новый стиль прозападного характера с его подчеркнутой светскостью с трудом проникал в русскую провинцию с укорененным в ней традиционным иконописанием, «питавшимся» в конечном счете византийским наследием. Элитарные иконостасы, такие как во Введенском соборе в Сольвычегодске³³, скорее были исключением.

Тезис о жизнеспособности византийского наследия в русской иконописи во второй половине XVII в., особенно в провинции, подтверждают житийные иконы Николая Чудотворца из Поволжья и с Русского Севера³⁴. Они восходят к различным оригиналам, неодинаковы по составу житийных клейм, разнообразны по манере исполнения, но вместе с этим отличаются глубоким традиционализмом, существование которого составляет одну из интереснейших историко-культурных проблем. Он фактически неотделим от духовной культуры средневековой Руси со всеми ее особенностями и приоритетами. И поэтому легко можно понять позицию протопопа Аввакума, подвергшего столь суровой

критике новую иконопись, ориентированную на отход от вековых традиций³⁵.

«Послание некоего изуграфа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу» — трактат Иосифа Владимировича — посвящен защите нового направления в художественной практике³⁶. Она более отвечала эстетическим вкусам московского царского двора, но в то же время предполагала разрыв с великой традицией. Пройдет немало лет, прежде чем будут осознаны утраченные ценности и русское иконописание станет предметом пристального изучения³⁷.

Думается, уже удалось осознать, что во второй половине XVII в. византийское наследие в русской иконописи не исчезло бесследно, но лишь перестало быть на виду в связи с европеизацией религиозного искусства. Оно нашло приют в мастерских провинциальных иконописцев, потомки и продолжатели дела которых сохранили и донесли византийские традиции до первых исследователей, в свою очередь, представивших в своих трудах не только общий художественный процесс развития русской религиозной культуры, но и ее утраченные звенья.

¹ *Грабарь И.[Э]*. Симон Ушаков и его школа // *Грабарь И.[Э]*. История русского искусства. М., 1914. Т. VI. С. 425.

² Там же. С. 425–454.

³ Там же. С. 440.

⁴ *Филлимонов Г.[Д]*. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1873. С. 84.

⁵ *Сычев Н.* Икона Симона Ушакова в Новгородском епархиальном древлехранителе // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского Археологического общества. Пг., 1915. Т. X. С. 91–104; он же. Новое произведение Симона Ушакова в Государственном Русском музее // Мат-лы по русскому искусству. Л., 1928. Т. 1. С. 78–111.

⁶ *Брюсова В.Г.* Симон Ушаков и его время // Русская художественная культура XVII века. М., 1991 (Государственные музеи Московского Кремля. Мат-лы и исслед. Вып. VIII). С. 9–19.

⁷ *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной церкви. Париж, 1989. С. 275–314.

⁸ *Данилова И.Е., Мнева Н.Е.* Живопись XVII века // История русского искусства. М., 1959. Т. IV. С. 374–402; *Мнева Н.Е.* Искусство Московской Руси. М., 1965. С. 203–214; *Малков Ю.Г.* Живопись // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. II. С. 215–226; *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика. М., 1992. С. 588–615.

- ⁹ Брюсова В.Г. Русская живопись 17 века. М., 1984.
- ¹⁰ Lasareff V. New Light on the Problem of the Pisan School // The Burlington Magazine. 1936. Vol. LIVIII. P. 61–73.
- ¹¹ См.: Александрович В. Релігійна мистецька культура України XVII століття: нова релігійна ситуація, нове мистецтво // Берестейська унія і українська культура XVII століття. Львів, 1996. С. 133–136; Шедевры українського іконопису XII–XIX ст. Київ, 1999; *Высоцкая Н.Ф.* Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагодзяў. Мінск, 1994.
- ¹² См.: Поствизантийская живопись. Иконы XV–XVIII веков из собраний Москвы, Сергиева Посада, Твери и Рязани. Каталог выставки. Афины, 1995.
- ¹³ Подробнее о византийском контексте русской иконописи этого периода см.: Айналов Д.В. Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917; *Радожић С.* Византијско сликарство од 1400. до 1453. // Моравска школа и њено доба. Научни скуп у Ресави, 1968. Београд, 1972. С. 1–12.
- ¹⁴ *Chatzidakis M.* Les débuts de l'école crétoise et la question de l'école dite italo-greque // In memoria di Sofia Antoniadis. Venezia, 1974. P. 169–211; idem. Icônes de Saint-Georges des Grecs et de la collection de l'Institut Hellénique de Venise. Venise, 1962.
- ¹⁵ *Ostrogorsky G.* Les décisions du Stoglav au sujet de la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine // Recueil Uspanskij. Paris, 1930. Vol. I. P. 393–411.
- ¹⁶ *Grabar A.* L'expansion de la peinture russe aux XVIe et XVIIe siècles // Seminarium Kondakovianum. Beograd, 1940. T. XI. P. 65–92.
- ¹⁷ Пуцко В.Г. Роль копий в формировании стиля русского искусства XVII века // Линтула. СПб., 2018. Вып. 11. С. 89–98.
- ¹⁸ Поствизантийская живопись... № 81.
- ¹⁹ Там же. № 44.
- ²⁰ *Chatzidakis M.* Icônes de Saint-Georges des Grecs et de la collection de l'Institut Hellénique de Venise. № 129. Pl. 71.
- ²¹ Ср.: Чубинская В.Г. Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская», «Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской» (Опыт историко-культурной интерпретации) // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л., 1985 (ТОДРЛ. Т. XXXVIII). С. 290–308. Конечно, вряд ли имело здесь место использование более далеких ранних прототипов. О них см.: The Tree of Jesse in the Byzantine Mural Painting of the Thirteenth and fourteenth Centuries: A Contribution to the Research of the Theme // Зограф. Београд, 1989. № 20. P. 48–59.
- ²² Опыт истолкования композиции см.: Турцова Н.М. Икона Никиты Павловца «Богоматерь Вертоград заключенный». Символика предметного фона // Филевские чтения. Тезисы 5-й науч. конф. по проблемам русской художественной культуры второй половины XVII – начала XVIII в. 22–25 декабря 1997 г. М., 1997. С. 61–63.
- ²³ Ряд названных икон воспроизведен в изд.: Русская живопись XVII–XVIII веков. Каталог выставки. Л., 1977.

- ²⁴ Мнева Н.Е. Искусство Московской Руси... С. 204.
- ²⁵ Бандиленко Е.А. Икона «Богоматерь Тихвинская, с житием и деяниями» (к вопросу о составе клейм) // Русская художественная культура XVII века. С. 83–96.
- ²⁶ Иванова И.А. Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» // Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. М.; Л., 1966 (ТОДРЛ. Т. XXII). С. 419–436.
- ²⁷ Брюсова В.Г. Федор Zubov. М., 1985.
- ²⁸ Брюсова В.Г. Гурий Никитин. М., 1982.
- ²⁹ Ярославская иконопись XIII–XVIII веков. Каталог выставки. . и авт. вступ. ст. И. Болотцева. Ярославль, 1981.
- ³⁰ Брюсова В.Г. Семен Спиридонов Колмогорец — изограф XVII века (1642–1695 г.). К вопросу о холмогорско-устюжской школе живописи // Ежегодник Института истории искусств. 1960. М., 1961. С. 246–277; она же. Русская живопись 17 века... С. 153–154. Ил. 76–79.
- ³¹ Рыбаков А.А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995.
- ³² Крочкова Т.А. Иркутские иконы. Каталог. М., 1991. № 2–17.
- ³³ Добрынин С.Н. Иконостас Введенского собора. Сольвычегодск, 1991.
- ³⁴ См.: Лики русской иконы. Древнерусская живопись XVI–XVIII веков из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Каталог выставки. М., 1995. № 26; Древнерусское искусство. Выставка «Итоги экспедиций музеев РСФСР по выявлению и собиранию произведений древнерусского искусства». Каталог. М., 1966. С. 43. Ил. 22 (1667); Сокровища церковного искусства Архангельского музея. Париж, 1990. № 16.
- ³⁵ Робинсон А.Н. Идеология и внешность. (Взгляды Аввакума на изобразительное искусство) // Труды Отдела древнерусской литературы: Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 353–381.
- ³⁶ Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 24–61.
- ³⁷ См.: Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология. М., 1993. Вып. 1.

Кресты-энколпионы купятицкого типа. К вопросу об интерпретации медальонных святых

В связи с изучением Купятицкой иконы Богородицы XII в. с целью ее иконографической реконструкции встает вопрос об археологических аналогах иконы, имеющей вид креста-энколпиона. На лицевой стороне крестов этого типа изображается Распятие, на обороте – Богородица «Одигитрия» в рост с Младенцем на левой руке. На концах креста в медальонах представлено по три святых с каждой стороны. Утраченная ныне икона известна нам по единственной фотографии¹, показывающей ее с богородичной стороны. Важный для реконструкции вопрос, была ли изначально икона цельным энколпионом или одной только разрозненной богородичной створкой, исследовался нами особо². Анализ привел к предположительному заключению о полном (комплектном) состоянии креста-иконы. Второй определяющий аспект реконструкции – воссоздание иконографического комплекса медальонных святых – также частично рассматривался нами на примере более поздних списков XVII–XX вв.³ Но, безусловно, наибольший интерес представляют синхронные аналогах иконы, подобные ей кресты-энколпионы XI–XIII вв.

Энколпионы многообразно и систематически изучаются на протяжении уже более 150 лет. Обширный корпус публикаций последовал в 30–50-е гг. XX в. как результат совместной плановой работы Российской и Украинской Академии наук по археологическому обследованию Киева и его окрестностей. В ходе раскопок так называемой большой мастерской было установлено киевское происхождение крестов-мошевикув рассматриваемого типа⁴.

Наиболее значительные труды принадлежат Г.Ф. Корзухиной (1906–1974). Ею предпринята общая классификация энколпионов⁵, которой пользовались все последующие поколения археологов

вплоть до настоящего времени. Но более всестороннее и последовательное их изучение стало возможным после выхода в свет фундаментального труда — полного Свода крестов-реликвариев⁶. Позже он был дополнен каталогом одной из крупнейших коллекций энколпионов из собрания Исторического музея в Москве⁷.

По технике исполнения энколпионы делятся на две группы (Свод. С. 1, 2): 1). Все изображения отлиты рельефом (рельфные энколпионы) и 2). Рельфны только центральные фигуры Христа и Богородицы, а медальонные святые выполнены чернением или инкрустацией (рельфно-черневые). Купятицкая икона полностью рельефна, поэтому она относится к 1-й группе. Но выпуклые центральные фигуры, возможно, обладают общими стилистическими особенностями. В то же время концевые изображения, как плоские, так и рельефные, могут иметь иконографическую преемственность. Поэтому рассматривались обе группы.

Кроме техники исполнения, классификационная система Свода предусматривает разделение энколпионов по размеру — на «большие», «средние» и «малые». Кресты рассматриваемого купятицкого типа включают «большие» и «средние». Вопрос о величине Купятицкой иконы изучался нами отдельно⁸. Ее размер (8,7 × 7,2 см) укладывается в число «средних», хотя несколько превышает по высоте «классический стандарт» — 8,1 × 7,0 см — по Корзухиной (Свод. С. 14, 19).

В Своде собрано и описано свыше 1500 энколпионов. На долю купятицкого типа приходится около 300. Они пополнены не вошедшими в Свод памятниками из Каталога ГИМ и других публикаций⁹. Но не все они могут быть приняты в число аналогов иконы. Отбор аналогов ограничен рядом условий. Здесь важны два тезиса. Первое — нужно отклонить те экземпляры, которые лишены однозначности по тем или иным параметрам. И, во-вторых, учитывая белорусское явление иконы и киевское происхождение крестов-энколпионов, желательно оставить предпочтение за белорусскими и киевскими (поднепровскими) находками.

Тезис о белорусских может показаться натяжкой — ведь неизвестно (если оставить в стороне мистический аспект обретения иконы), как она могла оказаться на Пиньщине. Резон здесь тот, что центров производства энколпионов, откуда крест мог быть доставлен в белорусское Полесье, в то время (XII в.) было не так много. И наибольшей известностью пользовался Киев. Средства сообщения также были ограничены. Исследователь белорусских древно-

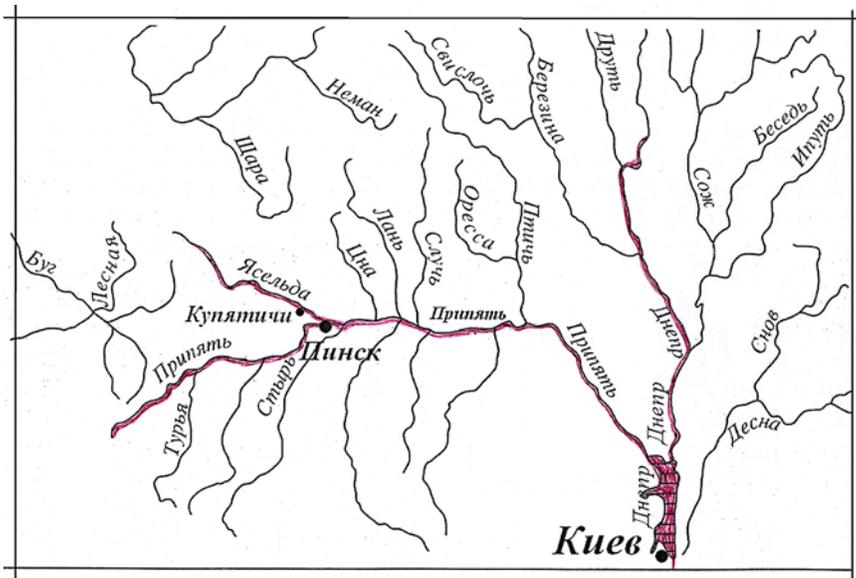

Рис. 1. Водный путь из Киева в Купятичи и Белую Русь

стей археолог Л.В. Алексеев (1921–2008), резюмируя результаты своей работы, писал, что «...продукция южнорусских ювелиров расходилась по Руси главным образом по водным коммуникациям, и находок более всего там, где пути связаны с Киевом непосредственно»¹⁰. Древние Купятичи находятся на р. Ясельде, которая впадает в р. Припять вблизи Пинска. А Припять, в свою очередь, является притоком Днепра, главной водной артерии Киева. Иными словами, из Киева в Купятичи и в Белую Русь вела прямая водная магистраль (рис. 1).

Археологическому рассмотрению энколпионов купятицкого типа посвящена статья украинского археолога В.Н. Зоценко¹¹ (1953–2009). Составленная исследователем карта находок¹² послужила нам руководством при территориальном отборе крестов-аналогов, происходящих из окрестностей «большой киевской мастерской».

По первому вышеуказанному тезису (об однозначности параметров) лишается должного авторитета анонимный материал того или иного порядка: «происхождение неизвестно», «местонахождение не установлено» и т. п. Сюда же попадают нередкие в археологии «случайные находки» и «подъемный материал», ото-

рванные от стратиграфии. Должны быть также исключены, как фактически не имеющие информации, так называемые упоминательные экземпляры, которые при крайне скудном описании не снабжены воспроизведениями. К ним приравниваются прописки, несущие черты субъективного восприятия даже при профессиональном исполнении. Наконец, не имеет смысла анализировать предметы, находящиеся в руинированном состоянии, а также фрагменты, не содержащие иконографических сведений. Если строго придерживаться принятых ограничений, то из трех сотен крестов остается только 16. Если смягчить строгость отбора, то можно привлечь к рассмотрению в качестве резерва еще ряд экземпляров.

Какие при этом могут быть основания? Например, корсунские кресты, выходящие за пределы принятого региона, но близкие, по наблюдениям археологов¹³, к находкам из Киева; утраченные кресты, сохранившиеся в воспроизведениях по старым публикациям; беспаспортные экземпляры киевских музеев «из прежних поступлений», т. е. как бы «осевшие» на месте первых находок; кресты из других музейных собраний, так ли иначе связанные с раскопками киевских древностей. Всего таким образом отобраны 62 экземпляра¹⁴. Это та вещевая база со всеми оговорками и допущениями, на основе которой осуществлялась настоящая разработка. Выборка крестов представлена в трех таблицах: для больших — рельефных и рельефно-черневых, для средних — рельефных (таблица 1 — см. приложение) и средних — рельефно-черневых.

Исследование велось параллельно с нескольких точек зрения: стилистические особенности рельефных изображений в медальонах, данные эпитафики, традиции иконографического канона, богословские трактовки.

Методика изучения стилистико-иконографических особенностей рельефа приближена к той, что предложена Б.А. Рыбаковым (1908—2001) для поиска изделий, отлитых в одной литейной форме¹⁵. Конечно, здесь не требовалась столь высокая точность сличения¹⁶, тем не менее, каждый крест сравнивался с иконой и друг с другом. Работа кропотливая, но дала свои результаты.

Состав святых определяется, прежде всего, по надписям. Мнения археологов на этот счет суммированы в Своде. Но известно, что немалую роль в научных изысканиях играет прецедент. Особенно это касается энколпионов, имеющих в большинстве случаев

сложное состояние сохранности — с затертыми, оплавленными, трудно читаемыми надписями. Поэтому интересно проследить в литературе первые иконографические наблюдения безотносительно к принятым условиям отбора крестов и наличию того или иного экземпляра в Своде. Несколько высказываний (то, что можно назвать иконографическим прецедентом) находим в каталоге киевских меценатов Н.А. Леопардова и Н.П. Чернева.

Надо сказать, что Корзухина мало им доверяла: «Наименее ценны пояснения Леопардова» (Свод. С. 11). Возможно, начальная серия выпусков каталога (1890) могла быть таковой. Собиратель древностей, Леопардов не был профессионалом-археологом, но предоставил свою коллекцию ученому сообществу для работы, о чем сам писал в предисловии¹⁷. Впрочем, другой крупный исследователь мелкой пластики, в том числе металлических крестов, Т.В. Николаева, имела другое мнение об этих изданиях: «Н. Леопардовым и Н.П. Черневым дан профессиональный обзор древностей»¹⁸. Вторая же серия сборников, в которые вошли предметы из Церковно-археологического музея Киевской духовной академии (ЦАМ КДА), аннотировалась профессором последней Н.А. Петровым, авторитетным представителем археологической науки того времени. Описывая *богородичную* створку средних *рельефно-черневых* энколпионов, он приводит исчерпывающие сведения о святых в медальонах, считывая надписи и записывая их с эпиграфической точностью: «В трех верхних концах награвировано: вверху св. Николай Н/И//Л/А, справа (от Богородицы. — Е.В.) апостол Павел П/А//Л/О, слева апостол Петр П/Т//Р/О»¹⁹. Крест найден на Княжей горе в Киеве, хранится в киевском Историческом музее (НМИУ). На другом кресте (среднем *рельефном*), происходящем также с Княжей горы, профессор фиксирует надпись *распятской* створки, «относящуюся к предстоящим Спасителю лицам: МѠ ИОАН»²⁰. От цельного креста осталась только эта распятская створка, хранящаяся в том же Историческом музее в Киеве.

Из приведенных и прочих описаний этой коллекции можно заключить, что святые богородичной створки выявлены полностью (на *рельефно-черневых* крестах): «Николай — Павел + Петр» и что на лицевой стороне при Распятии выявлены только боковые святые (на *рельефно-черневых* и *рельефных*): «Богоматерь + Иоанн», а верхний святой, без надписи, назван предположительно (на *рельефно-черневых*) — Саваоф=Бог Отец²¹, Вседержитель²², ангел²³. При этом

большие энколпионы и богородичная створка средних рельефных остались без комментариев.

В ближайших последующих публикациях эти сведения подтверждаются и пополняются из других крупных собраний киевских древностей. Так, иконографический подбор богородичной створки «Николай – Павел + Петр» обнаруживается надписями и на *больших рельефно-черневых* энколпионах – цельный крест, откопанный при земляных работах близ города Переяслава²⁴, ныне утраченный.

Вошедшая в научный оборот «апостольская» схема боковых медальонов богородичной створки повторяется затем в описаниях энколпионов уже вне зависимости от качества и наличия надписей. Профессор Петров, характеризуя коллекции ЦАМ КДА, отмечает цельный крест с Вознесенского спуска в Киеве²⁵, И.А. Хойновский, публикуя результаты своих раскопок на так называемом Князем дворе в Киеве, аннотирует подобный же цельный крест²⁶.

Что касается верхнего медальона, то на богородичной створке, так же, как раньше мы видели на лицевой, в случае трудности прочтения (или отсутствия) надписей, появляются вопросительные высказывания: вместо уясненного прежде святителя Николая – Саваоф²⁷ или Спаситель²⁸. Аналогичное предположение о Спасителе значится и в каталоге известных киевских собирателей Б.И. и В.Н. Ханенко. Об этом издании, имеющем теперь для нас статус первоисточника, поскольку сама коллекция почти полностью погибла во время Второй мировой войны, Корзухина, в противоположность выпускам Леопардова, была высокого мнения: «...статьи в сборниках Ханенко написаны с большим знанием дела» (Свод. С. 11). Еще более лестную и подробную характеристику каталогу Ханенко давала Т.В. Николаева, указав, в частности, что «в научном определении коллекции большое участие принимали такие крупные ученые того времени, как археологи В.В. Хвойко и В.Б. Антонович»²⁹. Отмеченная в каталоге богородичная створка³⁰ из Пекарей близ Киева уцелела и содержится в киевском Историческом музее. Четкие надписи на средокрестии к святым боковых ветвей переданы с учетом эпиграфики: ПΑΥΛ ΠΕΤΡΪ.

До сих пор рассматривалась только «апостольская» схема боковых медальонов, причем на всех *рельефно-черневых* крестах, но расшифровка надписей на *рельефных* показала, помимо Петра и Павла, других святых: воинов Георгия³¹ и Димитрия³², святителя Николая³³. Разные святые зафиксированы надписями также на *лицевой*

створке при Распятии, в частности, Георгий на верхнем конце нескольких *рельефно-черневых* крестов³⁴ с Княжей горы.

Результаты первичных прочтений собраны в таблице 2 (см. приложение).

Изучение описаний Свода показало, что здесь прослеживаются 20 крестов с иконографическими заметками и надписями (12 из них оговорены выше по первым публикациям). К оставшимся присовокупляются энколпионы из каталога ГИМ, не вошедшие в Свод или введенные без комментариев. Всего 30 единиц. В результате анализа всех этих данных выяснилось, что фактически новых интерпретаций медальонных святых нет, лишь подтверждены прежние и добавлены некоторые уточнения, ускользнувшие от внимания первых эпитаграфистов. Так, на больших рельефных энколпионах (Свод, № 11=Лео-6=Кат. ГИМ, № 42), не затронутых иконографическими пометами, выводятся очевидные по образу (в лоратах, с лабарамы и зеркалами) архангелы Михаил и Гавриил в верхних медальонах, соответственно, лицевой и оборотной сторон. А в боковых ветвях *богородичной* створки обобщенные «предстоящие» конкретизируются как Петр и Павел (Свод, С. 60), по примеру подписных *рельефно-черневых* крестов, больших и средних.

В дальнейшем сосредоточим внимание на одной только богородичной створке как непосредственном аналоге иконы.

Суммируя все вышесказанное, можно заключить, что на оборотной стороне энколпиона, при Богородице, отобразилось два иконографических комплекса: «апостольский» и «разных святых». Апостольский, с Петром и Павлом, имеет три варианта верхнего медальона: святитель Николай — по надписям, и два предполагаемых — Господь Саваоф и Христос Вседержитель.

И если «апостольская» схема закономерно вписывается в канонические богородичные композиции, то разнообразие святых вызывало вопросы уже в начале археологических открытий. Объяснение такой иконографической непоследовательности предложил упоминавшийся выше издатель своей богатейшей коллекции Богдан Иванович Ханенко³⁵. В основе лежала идея тезоименитства святых-покровителей по желанию заказчика. К этому можно добавить, что энколпион в принципе является укладкой, куда между створками могли быть помещены частицы мощей святых угодников, в том числе соименных владельцу.

Это логическое рассуждение проливает свет на «апостольский» вариант боковых медальонов со святителем Николаем на верхнем конце. В самом деле, святой IV в. представляется невместным с богословской точки зрения среди исповедников (Павел) и учеников (Петр) Христа. Тезис о «тезоименитых» святых позволяет перевести всю эту «никольскую» группу вместе с апостолами в разряд «разных святых», где к таковым соименникам относятся также Петр и Павел.

Обратимся к двум предположительным вариантам «апостольской» схемы — со Спасителем и Саваофом. Как представители высшего божественного ряда, они больше согласуются по равночестности с ближайшими (обóженными) последователями Христа, нежели святитель Николай. О варианте с Саваофом судить затруднительно, отлагаем его до будущих изысканий. Остается наиболее оправданный вариант со Спасителем, богословскую интерпретацию которого нам приходилось уже разбирать и обосновывать³⁶. Суть в том, что при расположении Вседержителя на верхнем конце энколпиона Богородица оказывается в центре «святой соборной и апостольской церкви», которую утвердил Христос на своих учениках. Глава сей Церкви, сам Христос, соответственно, помещается в возглавии, а по сторонам, на плечах креста, — главнейшие из апостолов, первоверховные Петр и Павел.

Помимо рассмотренных поэкземплярных описаний крестов, в Своде имеется общий иконографический вывод о святых в медальонах, согласно которому «апостольская» схема наличествует на всех *рельефно-черневых* энколпионах, со святителем Николаем сверху (Свод. С. 101–102), и на *рельефных больших*, с архангелом Гавриилом (Свод. С. 60). На *рельефных средних* Сводом выведена обобщенная иконография святых вокруг Богородицы (Свод. С. 60–61), в зависимости от вида распятой створки: либо все три воина (при «столпообразной» фигуре Христа) либо (при «изогнутой» фигуре) все трое неизвестных святых.

«Воинский» расклад согласуется с отмеченным выше комплексом «разных святых» (по Ханенко). Что же касается неизвестных святых, то стилистический анализ этих рельефных изображений в сравнении с иконой позволяет выявить «апостольскую» схему и на *средних рельефных* энколпионах.

Проанализируем, прежде всего, фигуры медальонных святых на самой иконе, адаптировав ее к виду энколпиона, без деко-

Рис. 2. Купятицкий крест. Адаптирован к виду энколпиона, без рамы. Фрагмент

ративной рамы (рис. 2). Надо сказать, что по состоянию сохранности этот энколпион едва ли не превосходит все отобранные аналоги. Возможно, потому, что меньше других пролежал в земле, как повествует «Житие»³⁷, — около 200 лет³⁸, и лишь немного оплавился в огне. Тогда как археологические энколпионы «увидели свет», извлеченные из земли, спустя 700—800 лет.

Здесь нужно оговориться, что если на *рельефно-черневых* энколпионах образы святых трактованы условно, схематически, и поэтому не могут быть подвергнуты стилистическому анализу, то на *рельефных* крестах, как произведениях скульптуры, видна пластическая моделировка фигур с проработкой черт лица, одежды, атрибутов (по крайней мере, изначально, в неиспорченных еще временах и переливками экземплярах). Хорошо известно, сколь высоко было развито искусство мелкой пластики в античности и затем в Византии, откуда пришли к нам энколпионы. На иконе и ближайших аналогах это художество пластики сохраняется в достаточной степени. Поэтому, анализируя рельефные энколпионы, мы вправе говорить об образной характеристике изображенных святых.

Итак, в левом медальоне, где по надписям показан апостол Павел, видим хрупкую, как бы съеденную, худощавую фигурку с узкими плечиками, с головой, склоненной к левому плечу, к центру,

к Богородице, — словно прислушивается. В греческом иконописном подлиннике о нем сказано, что «...на вид был мал ростом и не толст, взлыс, плешив»³⁹. Облачен в гиматий — типичное апостольское одеяние. Возникает образ книжника, философа, каковым и был на самом деле апостол Павел (Савл=Саул до обращения), образованнейший человек своего времени, принадлежавший к партии фарисеев — ученых мужей, «законников» древней Иудеи⁴⁰. Исхудалость Павла, трактуемая в христианской экзегетике как аскетическое истощание⁴¹ (Фил. 2: 6–7), характерна для иконографии святого XI–XII вв.

Справа, где по надписям должен располагаться апостол Петр, предстает совершенно другой образ. Фигура крупная, коренастая, крепкого сложения. Прямо поставленная голова будто выросла в шею, окладистая борода. Гиматий наброшен на оба плеча. В греческом иконописном подлиннике читаем: «По виду муж ровный, коротковолос, борода густая, небольшая и круглая, стан прямой»⁴². Возникает образ простолюдина, «рыбара», каким и был в действительности апостол Петр, призванный Христом в ученики прямо от рыбацких сетей (Мф. 4:18–19; Мр. 1:16–17). В иконографии Петра XII–XIII вв. подобный грубоватый, мужественный образ — не исключение.

Верхний медальон сохранился хуже, но образу Христа Вседержителя, согласно богословской концепции в «апостольском» комплексе, как показано выше, он не противоречит.

На ряде аналогов иконы все эти особенности повторяются. Для сравнительного стилистического анализа из всех аналогов (62 ед.) отобраны только рельефные (39 ед.), из них — только средние (37 ед.), поскольку на больших, как отмечено выше, показана особая иконография с архангелами в верхних медальонах, а из средних — только цельные кресты и богородичные створки (27 ед.), т. к. распятская половина оставлена сейчас вне рассмотрения.

Несколько крестов из киевского Исторического музея (Свод, № 76, 142, 144) позволяют убедиться в их соответствии иконе (рис. 3). Сохранность памятников не лучшая, но маленькая, угловатая, скособооченная фигурка со склоненной к приподнятому плечу головой в левом медальоне узнаваема. И в правом медальоне, несмотря на потертость рельефа, можно узнать крупную, приземистую, «основательную» фигуру, словно оправдывающую имя апостола — Петр, что с греческого означает «камень», «скала». Верхний

Рис. 3. Сравнительный стилистический анализ фигур святых в медальонах. Верхний ряд — левый медальон, апостол Павел; средний ряд — правый медальон, апостол Петр; нижний ряд — верхний медальон (возглавие), Христос Вседержитель

медальон на этих примерах менее нагляден, но на других (Свод, № 69, 110) также сопоставим с образом Вседержителя на иконе. Кресты же из группы «разных святых» (рис. 3, в конце каждого ряда) выглядят иначе. Образ левого медальона (Свод, № 141) не вписывается в характеристику философа, больше похож на воина. Подобный же («воинский») образ верхнего медальона, в «шлеме» (Кат. ГИМ, № 66-М), не подходит к виду Вседержителя. И справа (Свод, № 107), вместо широкой объемистой фигуры Петра видим стилистически инородный образ.

Близкий аналог иконы имеется в московском Историческом музее (рис. 4) — разрозненная створка (Кат. ГИМ, № 65-М), происходящая из Кáнева под Киевом. Хранится с 1907 г. в составе коллекции И.А. Богданова. Рельеф потерт, но узнаем слева тщедушную фигурку апостола Павла с приподнятым плечом и крупную, устойчивую, «весомую» фигуру апостола Петра справа. Верхний медальон сохранился даже лучше, чем на иконе. И он, надо согласиться, вполне соответствует образу Вседержителя.

Еще один крест (рис. 5) из того же музея (Кат. ГИМ, № 46 = Свод, № 174) — цельный, неизвестного происхождения, с сильно оплавленным рельефом. Но и здесь все святые в медальонах узнаваемы.

Итак, на богородичной створке средних рельефных энколпионов ряду неизвестных святых по концам ветвей может быть усвоена «апостольская» иконографическая схема с первоверховными апостолами Петром и Павлом и Христом Вседержителем в возгавии. Всего выявлено 16 таких крестов из 27 обследованных (более 50%). Они отражены в таблице 3 (см. приложение).

Рис. 4. Богородичная створка энколпиона с «апостольской» схемой боковых медальонов из собрания ГИМ, отдел металла (Кат. ГИМ, № 65-М)

Рис. 5. Энколпион с «апостольской» схемой боковых медальонов на богородичной створке и столповидной фигурой Распятия на лицевой створке из собрания ГИМ, отдел археологии (Кат. ГИМ, № 46 = Свод, № 174)

Здесь нужно заметить, что выведенная Сводом (С. 61) зависимость состава медальонных святых богородичной створки от вида Распятия строго не выдерживается. Из двух типов Распятия – столповидный или изогнутый – энколпионам купятицкого типа Сводом усваивается последний, тип II (Свод. С. 61). Между тем, рассмотренный «апостольский» иконографический комплекс прослеживается на цельных аналогах Купятицкой иконы с обоими разновидностями Распятия. В частности, на приведенном кресте из ГИМ (рис. 5) видим столповидное Распятие (тип I, по Своду).

Результаты настоящей работы могут быть использованы при атрибуции музейных памятников и частных коллекций, еще не поступивших в научный оборот, а также в археологических исследованиях при обнаружении новых крестов-энколпионов.

- ¹ Памятники русской старины в западных губерниях России. СПб., 1885. Вып. 8: Холмская Русь. Табл. 10 – между с. 406–407.
- ² *Васильева Е.П.* Образ Богоматери Одигитрии в древнерусской мелкой пластике (проблематика изучения) // Труды ГИМ. М., 2017. Вып. 208. С. 228–230. Рис. 2 на с. 219.
- ³ *Васильева Е.П.* Крест-икона «Богоматерь Купятицкая» (иконографический аспект) // Труды ГИМ. М., 2019. Вып. 212. С. 40–45; *Она же.* Одигитрия белорусского Полесья – Купятицкая икона Богоматери: проблемы иконографии // Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання. IV МНПК: 1000 гадоў Брэсту і 260 гадоў Юльяну Урсын Нямцэвічу. Брэст, 2019. С. 196–206. Ил. 1–5 на вкладке.
- ⁴ *Корзухина Г.Ф.* Памятники домонгольского медного литья // *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы: кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003. С. 29–31, 240.
- ⁵ *Корзухина Г.Ф.* О памятниках корсунского дела на Руси // ВВ. XIV. 1958. С. 133.
- ⁶ *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы... (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: Свод).
- ⁷ *Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: Кат. ГИМ).
- ⁸ *Васильева Е.П.* Образ Богоматери Одигитрии... С. 230–232.
- ⁹ В целом в нашем распоряжении оказалось 343 креста. К описанным в Своде (316 ед. – 236 рельефных и 80 рельефно-черневых) добавилось 27 из других источников.
- ¹⁰ *Алексеев Л.В.* Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3. С. 219; *Она же.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. 1. С. 42–52. О связях Турово-Пинской земли с Киевом по водным путям писал и Н.И. Петров (Купятицкая икона Богородицы

- в связи с древнерусскими энколпионами // Труды IX археологического съезда в Вильне в 1893 г. М., 1897. Т. II. С. 76).
- 11 *Зоценко В.Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов // *Древности Среднего Поднепровья*. Киев, 1981. С. 113–124.
- 12 Там же. С. 120. Рис. 5.
- 13 *Беляшевский Н.Ф.* Раскопки на Княжей Горе в 1892 году // *Киевская старина*. Киев, 1893. Т. XLI. С. 12–13.
- 14 *Большие рельефные основная группа* – 1 (Свод № 11=ГИМ-42); *большие рельефные резервная группа* – 1 (Свод № 184=ГИМ-61-М); *большие рельефно-черневые резервная группа* – 3 (Свод № 44; № 69=ГИМ-149; № 80=ГИМ-137-М); *средние рельефные основная группа* – 9 (Свод № 26, 42, 46, 47, 49, 51, 74, 76; Кат. ГИМ № 65-М); *средние рельефные резервная группа* – 28 (Свод № 31, 33, 34, 41, 43, 44, 69, 73, 81, 82, 83, 84, 101, 106, 107, 110, 140, 141, 142, 144, 154; № 173=ГИМ-43; № 174=ГИМ-46; Кат. ГИМ, № 54-М, 58-М, 66-М; Лео-2, Хан-56/57); *средние рельефно-черневые основная группа* – 7 (Свод № 17; № 20=ГИМ-138; № 30, 31; № 36=ГИМ-136; № 37=ГИМ-148; № III/3); *средние рельефно-черневые резервная группа* – 13 (Свод № 5, 12, 14, 23, 27, 32, 33, 38, 42; № 64=ГИМ-133; № 66=ГИМ-135; № 79; № III/4).
- 15 *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 454–455.
- 16 Археологом изучено 342 энколпиона, сделано 58311 сопоставлений (Там же. С. 454).
- 17 *Леопардов Н.А., Чернев Н.П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Сер. I. Киев, 1891. Вып. 3/4. С. II (далее – *Леопардов*).
- 18 *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. САИ. М., 1983. Вып. Е1–60. С. 11.
- 19 *Петров Н.И.* Описание энколпионов, крестиков и образков, принадлежащих церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии // *Леопардов*. Сер. II. Киев, 1891. Вып. I. С. 7. Аннотация к № 7. Ил. – *Леопардов*. Сер. I. Киев, 1890. Вып. I. Табл. 1, № 11 = Свод-31, табл. 53.
- 20 Там же. С. 8. Аннотация к № 7. Ил. – *Леопардов*. Сер. I. Киев, 1890. Вып. I. С. 6. Табл. 2/3, № 18 = Свод № 76, табл. 20.
- 21 *Леопардов*. Сер. I. Киев, 1891. Вып. 3/4. С. 5. Табл. 5^a, № 36 = Свод, № 12 (НМИУ).
- 22 *Петров Н.И.* Описание энколпионов... // *Леопардов*. Сер. II. Киев, 1891. Вып. I. С. 7. Табл. 1, № 7=Свод № 23 (ныне утрачен).
- 23 *Леопардов*. Сер. II. Киев, 1893. Вып. 2. С. 2. Табл. 2, № 4=Лео-36 = Свод № 12 (НМИУ).
- 24 Полтавское епархиальное древлехранилище: Указатель с описанием выдающихся письменных и вещественных памятников церковной старины Полтавской епархии / Составил Заведывающий Полтавским епархиальным древлехранилищем свящ. В. Трипольский. Полтава, 1909. С. 119. Табл. 17 (по счету – таблицы не нумерованы), № 870 = Свод, № 44, табл. 49.
- 25 *Петров Н.И.* Коллекция древних предметов и монет, пожертвованных церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии

- Н.А. Леопардовым. Киев, 1895. С. 22, № 258. Ил. — *Петров Н.И.* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1915. Вып. IV/V. С. 29. Табл. 16, № 4–5 (в тексте под № 8–9) = Свод, № 14.
- 26 *Хойновский И.А.* Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною, с объяснениями и 20-ю таблицами рисунков. Киев, 1896. Ч. 1. С. 180–181, № 1004 = Свод, № 22 (утрачен).
- 27 *Петров Н.И.* Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1897. С. 122, № 3906 (в Своде нет).
- 28 Там же. С. 120, № 3884 = Свод, № 10.
- 29 *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... С. 13.
- 30 *Ханенко Б.И.* и *В.Н.* Древности русские: кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1. С. 14–15. Табл. V, № 59 = Свод, № 30. Табл. 53 (далее — *Ханенко*).
- 31 Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. Киев, 1898. С. 8, № 36 (в Своде нет) — в левом медальоне; *Ханенко*. С. 14. Табл. V, № 58 = Свод, № 141. Табл. 30 (в левом медальоне).
- 32 *Ханенко*. С. 14. Табл. V, № 56/57 (слева). В Своде нет. Ныне утрачен.
- 33 *Ханенко*. С. 14. Табл. V, № 58 = Свод, № 141. Табл. 30 (справа). НМИУ.
- 34 Каталог украинских древностей... С. 8–9. Табл. 1, № 45 = Свод, № 32; С. 9, № 46 = Свод, № 33; С. 9, № 55 = Свод, № 34. Последний утрачен, остальные — в черниговском музее им. В.В. Тарновского.
- 35 *Ханенко*. С. 5.
- 36 Более подробно: *Васильева Е.П.* Крест-икона... С. 43; *Она же.* Оидигитрия белорусского Полесья... С. 201–202.
- 37 Особая глава в «Житии» посвящена истории утраты и нового обретения иконы (*Hilarion Denisowicz*. *Parergon cudow swiętych obraza Przczystey Bogarodzice w monastyrze Kupiatickim*. — Roku Panskiego 1638. W Drukarni Świętoscudotworney Kiiowopieczarskiej Ławry. Rozdział III. O spaleniu od tatarów tey Cerkwie, y o wtorym cudownym naydzieniu tegoż Obraza [О спалении татарами той церкви и о втором чудесном нахождении того же Образа]. S. 6–8). См. об этом: *Васильева Е.П.* Образ Богоматери Оидигитрии... С. 227.
- 38 От сожжения церкви с иконой во время похода Батяя (1237–1242) до ее второго обнаружения на старом пепелище в середине XV в. См.: *Луцко В.Г.* Купятицкий крест-энколпион // *Художественный металл в России: Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова*. М., 2001. С. 145.
- 39 *Фартусов В.Д.* Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года: Опыт пособия для иконописцев / Составил Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств академик исторической живописи Виктор Доримедонтович Фартусов. М.: Синодальная типография, 1910. Репринт. М., 2002. С. 329.
- 40 Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб.: Издательство П.П. Сойкина, 1912. Т. 2. Репринт. М., 1992. Стб. 1725.
- 41 *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви: Догматическое богословие. М., 1991. Гл. VII: Домостроительство Сына. С. 109–112.
- 42 *Фартусов В.Д.* Руководство... С. 328.

Приложение

Таблица 1 (фрагмент, № 60–84 по Своду).
Отбор археологических аналогов Купятицкой иконы Божией Матери из средних рельефных энколпионов

№ Свода	Створки	Дата публикации	Иллюстрация	Причина отклонения	Примечание	Условные обозначения причины отклонения
60*	о/с	1944 2003	ил. т. 22	1, 3, 10	-	1 – происхождение вне киевского (белорусского) региона
62*	л + о	1993 2003	ил. т. 22	1, 3, 4, 10	-	2 – происхождение неизвестно или сомнительно 3 – нынешнее местонахождение не установлено
63	л + о	1962	ил.	1, 3, 9	-	4 – случайная находка
64	о/с	1961	ил.	1, 3, 9	-	5 – подъемный археологический материал
65	л/с	1909	без ил. (?)	1, 3, 4, 9	-	6 – частная коллекция современного происхождения
66	л/с	1962 1993	ил.	1, 9	-	7 – руинированность
67	л + о	1989	ил.	1, 9	-	8 – фрагментарность без дополнительной информации
68	о/с	1985	-	1, 9	-	9 – нет воспроизведений в Своде
69	л + о	1974 2006	ил. – (л + о) ил. – о/с	4, 9	-	10 – воспроизведения в виде прорисовки 11 – стилистическое несоответствие (низкий рельеф, квадратные пропорции и т. п.)
70	о/с	2003	-	1, 2, 9	-	
71	л + о	2003	т. 25	1	-	
72	о/с	1960	ил.	4, 7, 8, 9	Варшава	
73*	л + о	2003	т. 20	10	-	
74	(л) + о	2003	т. 20 – о/с	-	-	
75	л/с	2003	-	9	-	

№ Свода	Створки	Дата публикации	Иллюстрация	Причина отклонения	Примечание	Условные обозначения к таблице
76	л + о	1890 1899 1915 2003	ил. – (л + о) ил. – о/с ил. – (л + о) т. 20 – л/с	–	в Своде – л/с	1 – см. список сокращений по литературе к таб-лицам (..) – в скобки взята створка без воспроизведения на снимке * – воспроизведение прорисовкой ** – возможно, створки непарные Цветом строки выделены аналоги: светло-серым (№ 74, 76) – основная группа, темно-серым – резервная
77	о/с	2003	–	2, 9	–	
78	о/с	2003	т. 20	8	–	
79	о/с	2003	–	9	–	
80	о/с	2003	т. 20	11	–	
81	(л + о)**	1899 1993	ил. – о/с ил. – (л + о)	9	раскопки кон. XIX в. створки м. б. непарные о/с=Xан ¹ –60/61 (л)+о	
82	о/с	1993	ил.	9	раскопки кон. XIX в.	
83	о/с	1993	ил.	9	раскопки кон. XIX в.	
84	л/с	1993	ил.	9	раскопки кон. XIX в.; в Своде – о/с	

Таблица 2. Изображения святых в медальонах по первым иконографическим наблюдениям

№ п/п	Год публик.	Створки	№ Свода	Источник*	Иконография		Место нахождения	Происхождение	Примечание
					Распятская (л/с)	Богородичная (о/с)			
1	1890	о/с	31	Лео-11 (ан к № 7)	-	-	НМИУ	Княжа гора	-
	1891/П								
2	1890	л + о	76	Лео-18 (ан к № 7)	-	-	л/с – НМИУ	Княжа гора	-
	1891/П								
3	1891/3–4	л/с	12	Лео-36 = Лео-4	?	– БМ + ИБ	НМИУ	Княжа гора	обратн. надп.
	1893								
4	1891/П	л/с	23	Лео-4 = Лео-36	(Бог-Отец? – БМ+ИБ?)	(ангел –? – БМ + ИБ?)	НМИУ	Киев, Андр. спуск	-
	1893								
5	1893	л/с	нет	Лео-7	(Вседержитель) – БМ + ИБ	-	?	Киев (?)	-
	1895								
6	1895	л + о	14	Петр (колла), № 257	(Свф – БМ + ИБ)	-	ЦАМ КДА	Киев, Вознесенск. спуск	без ил.
	1915								
7	1896	л + о	22	Петр (колла), № 258	-	-	?	Киев	-
	1897								
8	1897	л + о	10	Петр (альб), т. 16, № 4–5 (текст № 8–9)	(Свф – БМ + ИБ)	-	ЦАМ КДА	Жаковичи	без ил.
	1897								
	1896	л + о	22	Хойновский, 1896–1004	-	-	?	Киев	без ил.
	1897								
	1897	л + о	10	Петр (ук-2)-3884	(Свф – БМ + ИБ)	-	ЦАМ КДА	Жаковичи	без ил.
	1897								

9	1897	л/с	нет	<i>Петр (ук-2)-</i> 3898	(Свф – БМ + ИБ)		?	Киев (?)	без ил.
10	1897	о/с	нет	<i>Петр (ук-2)-</i> 3906	-	(Свф – Павел + Петр)	?	?	без ил.
11	1898	л + о	нет	<i>Тарновский,</i> 1898–36	НО – БМ + ИБ	? – Георг +?	?	Княжа гора	без ил.
12	1898	л/с	<u>32</u>	<i>Тарновский,</i> 1898–45	Георгий –? +?	-	Чернигов	Княжа гора	-
13	1898	л/с	<u>33</u>	<i>Тарновский,</i> 1898–46	Георгий – БМ + ИБ	-	Чернигов	Княжа гора	ил. – <i>Ков,</i> <i>Луц</i>
14	1898	л/с	34	<i>Тарновский,</i> 1898–55	Георгий – БМ + ИБ	-	?	Княжа гора	без ил.
15	1899/1	л + (о)	нет	<u><i>Хан-56/57</i></u>	(Свф –? – БМ + ИБ) ? – Дим-?+Никол-?		?	?	ил – л/с
16	1899/1	о/с	<u>141</u>	<i>Хан-58</i>	-	(Спсль –?) – Георг + Никол	НМИУ	?	-
17	1899/1	о/с	<u>30</u>	<i>Хан-59</i>	-	(Спсль –?) – Павл + Петр	НМИУ	Княжа гора	-
18	1899	л/с	34	<i>Грушев-</i> <i>ский-П/2</i>	(? – БМ + ИБ)	-	?	Львовск. обл.	-
19	1908	л/с	<u>80</u>	<i>Уваров, № 99,</i> рис. 162	(ангел –? +?)	-	ГИМ-137М кол.Ува- рова	-	-
20	1909	л + (о)	<u>44</u>	<i>Триполь-</i> <i>ский-870</i>	Георгий – БМ + ИБ	Николай – Па- вел + Петр	?	Пере- ясл.у.	ил – л/с

Условные обозначения к таблице

- * – см. список сокращений по литературе к таблицам
- (...) – в скобки взято иконографическое высказывание без надписи
- ? – высказывание предположительное или надпись неразборчива
- Серым цветом выделены строки рельефно-черневых энколпионов
- Подчеркиванием выделены номера аналогов иконы
- Келем выделены большие энколпионы
- Жирно выделены публикации без иллюстраций

Таблица 3. Средние рельефные энколпионы купятицкого типа с «апостольской» схемой боковых медальонов

№ п/п	№ свода, № кат. ГИМ, др.	Вид Распятия	Створки	Происхождение	Местонахождение	Примечание
1	26	тип I – прямой	л + о	Белоруссия	Гродно	–
2	31	тип II – изогнутый	л + о	Днепропетров. обл.	ГРМ	аналог к ГИМ-54-М
3	33	–	о/с	Звенигород	Львов	<i>Грушевский</i> / П / 3
4	42=ГИМ-47	–	о/с	Киев	ГИМ, с 1892	от Беляшевского
5	46	–	о/с	Десятинная церк.	НМИУ	–
6	47	тип II – изогнутый	л + о	КПД	КПД-музей	–
7	69	тип II – изогнутый	л + о	Белоруссия	Могилев –?	–
8	76= <i>Лед</i> ¹ -18	тип I – прямой	л + о	Княж. гора=Пекари	НМИУ	сохр. только л/с
9	81*	тип I – прямой (?)	л + о	Княж. гора=Пекари	Чернигов	по <i>Ков, Пуц</i> ¹ – о/с= <i>Хан</i> ¹ /60/61
10	110	тип I – прямой	л + о	Херсонес	Севастополь	–
11	140	–	о/с	Киев –?	НМИУ	–
12	142= <i>Лед</i> ¹ -17	тип II – изогнутый	л + о	Киев –?	НМИУ	–
13	144= <i>Лед</i> ¹ -12	–	о/с	Киев –?	НМИУ	–
14	174=ГИМ-46	тип I – прямой	л + о	?	ГИМ, с 1927	–
15	ГИМ-54-М	тип II – изогнутый	л + о	?	ГИМ, с 1907	от Богданова, ан. к № 31
16	ГИМ-65-М	–	о/с	Канев	ГИМ, с 1907	от Богданова

Условные обозначения к таблице

¹ – см. список сокращений по литературе к таблицам

* – возможно, створки непарные

Серым цветом выделены строки аналогов из основной группы

Список сокращений по литературе к таблицам

- ГИМ-46, —47, —54-М, —65-М, —66-М — *Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013
- Грушевский-II/2, -II/3* — *Грушевський М.С.* Звенигород Галицкий: Историко-археологічна розвідка М. Грушевського // Записки Наукового Товариства ім.Шевченка (НТШ). Львів, 1899. Т. XXXI — XXXII. Кн. V—VI. Розд. III. Реферати подани в цілості, № 2. С. 1—28. Табл. 2 (между с. 6—17), № 2, № 3
- Ков, Пуц — Коваленко В.П., Пуцко В.Г.* Бронзовые кресты-энколпионы из Княжеской Горы // *Byzantinoslavica*. Praga, 1993. LIV. Т. 2. С. 300—309. Рис. 2, № 3=Свод № 33; рис. 2, № 4/5=Свод № 81
- Лео-2, - Лео-4 — Леопардов Н.А., Чернев Н.П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Сер. II. Киев, 1893. Вып. 2. Табл. 2, № 2; табл. 2, № 4
- Лео-7* — там же. Сер. II. Киев, 1891. Вып. 1. Табл. 1, № 7
- Лео-11* — там же. Сер. I. Киев, 1890. Вып. 1. Табл. 1, № 11
- Лео-12* — там же. Сер. I. Киев, 1891. Вып. 2. Табл. 3, № 12
- Лео-17* — там же. Сер. I. Киев, 1890. Вып. 1. Табл. 2, № 17
- Лео-18* — там же. Сер. I. Киев, 1890. Вып. 1. Табл. 3, № 18
- Лео-36* — там же. Сер. I. Киев, 1891. Вып. 3/4. Табл. 5^а, № 36
- Петр (альб)* — *Петров Н.И.* Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1915. Вып. IV—V. Табл. 16, № 4/5 (в тексте № 8/9)
- Петр(колл)* — *Петров Н.И.* Коллекция древних предметов и монет, пожертвованных Церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии Н.А. Леопардовым. Киев, 1895, № 257=*Лео-2*; № 258=Свод № 14
- Петр(ук-2)* — *Петров Н.И.* Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1897, № 3884=Свод № 10; № 3898; № 3906
- Тарновский, 1898* — Музей украинских древностей, пожертвованный Черниговскому губернскому земству В.В. Тарновским. Чернигов, 1903, № 36; № 45=Свод № 32; № 46=Свод № 33; № 55=Свод № 34
- Трипольский-870* — Полтавское епархиальное древлехранилище: Указатель с описанием выдающихся письменных и вещественных памятников церковной старины Полтавской епархии / Составил Заведывающий Полтавским епархиальным древлехранилищем свящ. В. Трипольский. Полтава, 1909, № 870
- Свод — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы: кресты-реликвиарии XI — XIII вв. СПб., 2003
- Уваров* — Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1908. Отд. VIII — XI, № 99. Рис. 162
- Хан-56/57, — Хан-58, — Хан-59, — Хан-60/61 — Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности русские: кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1, № 56/57; № 58=Свод № 141; № 59=Свод № 30; № 60/61=Свод № 81
- Хойновский, 1896* — *Хойновский И.А.* Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною, с объяснениями и 20-ю таблицами рисунков. Киев, 1896. Ч. 1

Богослужение и духовенство собора Покрова на Рву* (к 465-летию начала богослужения)

История богослужения и духовенства собора Покрова на Рву до сих пор практически не исследовалась. В XIX веке протоиерей Иоанн Иоаннович Кузнецов собирал сведения о настоятелях собора, а о богослужении в соборе нет ни одного исследования, хотя, как всякий храм, собор Покрова на Рву строился, прежде всего, для молитвы и богослужения, и именно они были смыслом его существования на протяжении веков.

Первое, что необходимо отметить — что собор был построен царем Иоанном Васильевичем в благодарность Богу за победу над Казанским царством и поэтому был ружным, то есть обеспечивался всем необходимым за счет казны, клир также получал царскую ругу. Главной задачей ружного причта было совершать полный круг богослужения и молиться за царскую семью.

По этой же причине собор был бесприходным. Присутствие народа на богослужении особо не предполагалось изначально, и его придельные храмы строились очень небольшими. Но это не значит, что богомольцев в соборе не было. К собору, по свидетельству иностранца, стекалось множество народа¹, и до, и особенно после прославления блаженных Василия и Иоанна. Приделы, где находились мощи блаженных, стали самыми посещаемыми в соборе.

Если же обратиться к дате начала богослужения в соборе, то, согласно летописи, освящение первых, еще деревянных церковей состоялось 1 октября 1554 г. Не обсуждая в данной статье, где были построены и когда были разобраны эти деревянные храмы, отметим безусловную преемственность между ними и последующим каменным собором. Эта преемственность в Церкви связана в первую оче-

---

* Пояснения к тексту синодика и сокращения см. в начале Приложения.

редь с посвящением престолов. Таким образом, с церковной точки зрения, история богослужения в соборе началась 465 лет назад.

Служба должна была совершаться «вседневно»² во всех приделах собора, которые в богослужебном смысле являлись отдельными храмами и имели отдельные постоянные причты. Вероятно, в некоторых случаях богослужения совершались причтом всех приделов «соборно», например, в дни престольных праздников, но архивных сведений об этом не сохранилось. Своих певчих в соборе до середины XIX в. не было, все пение и чтение ложилось на служащих священников и дьячков. В случае болезни или отлучки священник нанимал за себя другого.

Изначально престолов было девять и соответственно было девять причтов³. Собор возглавлял протопоп. В главном, Покровском, храме служили до XVII в. два священника, дьякон, дьячок и пономарь, в Троицком и Никольском приделах (вероятно, более значимых) — священник, дьякон и дьячок; в остальных приделах — священник и дьячок⁴. После освящения придела Василия Блаженного в конце XVI в. соборный причт увеличился, а возможно, что в Васильевском приделе сначала был свой причт, но затем (после Смуты?) его объединили с соборным, так что священники служили в двух храмах поочередно: протопоп, три священника, два дьякона, дьячок и пономарь⁵. Также в соборе были еще пономари, сторожа и просвирицы, но о них сведения более отрывочные. Получается, что всего при соборе состояло не менее 30—40 человек одновременно.

К концу XVII в. число клириков собора увеличилось почти вдвое за счет выстроенного при колокольне не позднее 1615 г. храма ап. Андроника и прп. Марии Египетской⁶ и церкви, перенесенных к собору с Красной площади. Все эти храмы тоже содержались на царскую ругу как до, так и после переноса к собору⁷.

В XVI — начале XVII в. на богослужении у Покрова на Рву царь и церковные власти бывали не менее четырех раз в году: в престольные праздники Покрова Божией Матери, Входа Господня в Иерусалим (когда совершалось шествие на осляти), на Рождество свт. Николая^{*}, когда праздновали Николе Великорец-

* Празднуется 29 июля/11 августа. Первый русский месяцеслов, включающий празднование Рождества свт. Николая, относится к XIV в. В 1556 г. в Новгороде был даже основан монастырь «на Розважи улицы Николая

кому^{*}, и в день преставления Василия Блаженного. Заметки о порядке богослужения и крестных ходов к собору в эти дни сохранились в «Чиновниках Успенского собора Кремля»⁸. Если по каким-либо причинам царь и патриарх не приходили в эти праздники в собор, то ради чести праздника на богослужение направлялся кто-либо из архиереев. Праздничный колокольный звон в день Покрова также бывал не в Кремле, а у собора. Также церковные «власти» посылались патриархом служить в Троицком приделе на Троицу, и есть упоминания XVII в. о посылке «черных властей» на престольное богослужение в приделе Марии Египетской⁹.

Крестные ходы к собору были упразднены Петром I, кроме дня Покрова Божией Матери, но Петр же подтвердил: «Смотреть накрепко, чтоб в тех церквах (приделах собора. — Т.Б.) служба была вседневная»¹⁰.

Одной из привилегий соборян с древности было служение молебнов перед иконой Спасителя на Спасских воротах Кремля. В XVIII в. молебны были перенесены в выстроенную у Спасских ворот часовню¹¹.

При Екатерине II были упразднены все придельные причты, и по штатам 1764 г. остался один соборный причт, состоящий из протопопа, двух священников, дьякона, дьячка и пономаря¹². Им было указано «служить в придельных церквах во время храмовых праздников или по собственному произволению»¹³. Однако придельным причтам было разрешено оставаться «на прежних местах на своем коште, до приискания новых мест»¹⁴. Одновременное богослужение во многих приделах прекратилось после 1771 г., когда большинство соборян умерло от эпидемии¹⁵.

Чудотворца Рождение». Празднование сохранялось в местах особого почитания святого. Из месяцесловов праздник был изъят в царствование императрицы Екатерины II, возможно, потому, что он отсутствовал в других Поместных Православных Церквях. В 2004 г. патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил, по желанию настоятелей храмов и прихожан, возобновить празднование Рождества свт. Николая.

* Великорецкий образ свт. Николая, обретенный на берегу реки Великой 24 мая 1380 г., был принесен в Москву с Вятки для поклонения в 1555 г. В честь этого события 29 июля 1555 г. была освящена деревянная церковь, а затем выстроен каменный придел Покровского собора. Память образа в самом селе Великорецком отмечается в день его обретения — 24 мая/6 июня.

В дальнейшем богослужение совершалось в соборе ежедневно, но в основном в Васильевском или Покровском храмах.

После 1918 г. служба проходила только по воскресеньям и большим праздникам. Тогда же при регистрации группы верующих была впервые юридически зафиксирована община — 60 человек¹⁶. В 1929 г. богослужение в соборе прекратилось¹⁷.

Теперь о причте собора: всего выявлено более 600 имен священно- и церковнослужителей, в том числе 35 протопопов (кроме тех, которые служили в XVI в.). Остального причта, по нашей оценке, выявлено до $\frac{2}{3}$ служивших за время существования собора.

Места причта в соборе наследовались, и в XVII—XVIII вв. среди соборян прослеживается немало родственных связей¹⁸. Встречаются клирики, подвизавшиеся здесь всю жизнь, пройдя путь от пономаря до священника¹⁹. Согласно документам, мальчик-пономарь уже в возрасте 8—10 лет получал царское жалованье²⁰.

Обычай наследования мест сохранялся до второй половины XVIII в. В случае прерывания династии находил и представлял кандидатов на праздные места протопоп с братией. Он же должен был свидетельствовать о добропорядочной жизни ставленников.

Жили соборяне до XVIII в. в разных местах, только небольшая часть — в Китай-городе, в относительной близости от собора. Нередки упоминания, что пожилой уже дьячок живет у священника своего придела, что клирик собора живет «по чужим углам» или в отдалении от храма²¹. Материальное положение клириков собора тоже было очень разным. Руга уже в XVII в. была небольшой, а другие доходы каждый получал, как мог: от подаяния богомольцев, за исполнение треб, написанием различных челобитных, пуская к себе жильцов и т. п. Среди причта XVII—XVIII вв. были иконописцы, переписчики книг и нот, позолотчики и другие мастера²².

Наибольший пробел в источниках о причте собора составляют первые десятилетия после его освящения. Первым нам известен причт всех приделов за 1584/1585 год²³ и имя протопопа Дмитрия, который был значительной фигурой в церковной жизни Москвы. При нем происходило первое поновление собора, прославление блаженного Василия и создание придела в его честь в 1588 г. Протопоп Дмитрий был знаком с блаженным Иоанном Московским по прозванию Большой Колпак и указал ему место для погребения в соборе. К протопопу стекались свидетельства о чудотворениях блаженных Василия и Иоанна²⁴. Его подпись (за себя и за сына —

следующего Покровского протопопа Гаврилу²⁵) стоит среди других под Утвержденной грамотой об избрании на царство Бориса Годунова в 1598 г.²⁶ Покровский протопоп Дмитрий также упоминается в соборном приговоре 1594 г. «Об учреждении в Москве поповских старост...»²⁷ и в приговоре патриарха Иова «О церковном благочинии» 1604 г.²⁸

Следующим, по архивным документам, был сын протопопа Дмитрия — Покровский протопоп Гаврила, служивший с 1613 г. до 1627 г.²⁹ Всего в XVII в. в соборе сменили друг друга не менее четырнадцати протопопов.

Покровские протопопы служили в своем соборе нечасто. По своему положению они были участниками важнейших патриарших богослужений, больших крестных ходов и других торжеств, а также Земских и Поместных соборов³⁰. Покровский протопоп участвовал и в древнем ежегодном обычае соборных панихид над безродными покойниками на Убогих домах³¹.

Кроме богослужебных, Покровский протопоп имел административные и хозяйственные обязанности — он присутствовал в Поповской (Тиунской) избе, надзирал за порядком и благочинием в соборе и на Поповском крестце близ собора, где собирались для найма не имевшие средств для пропитания безместные священники³². Также он наблюдал за ремонтами собора и у него, по-видимому, были и ключи от подклета собора, в котором хранились товары из царской казны. Это следует из дела протопопа Максима Иоаннова, который в 1674 году позволил посторонним торговым людям «в тое полате пеньку скласть на время без найму»³³. Этот протопоп примечателен также тем, что был духовным отцом влиятельного дворцового протопопа «Спасского собора, что у Государя на сениях», Александра Алексея³⁴. Протопоп Максим также участвовал в Большом Московском соборе 1667 г.,³⁵ и при нем произошло в 1672 г. обретение мощей и прославление блаженного Иоанна Московского³⁶.

Несмотря на отсутствие прихода, протопопы и священники собора имели духовных детей. В конце XVII в. у протопопа Михаила Григорьева духовной дочерью была княгиня Авдотья Васильевна Пожарская (урожденная Третьякова, вдова знаменитого воеводы Семена Романовича Пожарского)³⁷. В память о протопопе Михаиле до нас дошло вкладное Евангелие, которое можно видеть в экспозиции музея «Покровский собор»³⁸.

Покровский протопоп и в XVII в. относился к высшему московскому духовенству. Его положение определялось статусом самого собора — царского обетного храма, но уже не столь значимого для государства, как в XVI в. Тем не менее, царь Михаил Федорович, подчеркивая преемственность своей власти, делал в собор богатые вклады³⁹. Однако в дальнейшем казне было все сложнее содержать грандиозный собор и его состояние и содержание причта на рубеже XVII—XVIII вв. заметно ухудшилось.

В это время собор, кроме новых приделов, оброс лачугами, чуланами, пробитыми в стенах подклета, и палатками его служителей, которые селились, где только можно⁴⁰. О служившем в это время священнике придельного храма Василия Великого Григории Павлове (1717—1726) сообщает вкладная надпись на еще одном экспонате музея «Покровский собор» — на престольном кресте⁴¹.

После сокращения причта при Екатерине II⁴² утвердилась практика предоставлять места в соборе священникам, получившим образование. В это же время московский архиерей Платон (Левшин) приложил много усилий к улучшению быта духовенства епархии, так что в конце XVIII в. большинство оставшихся в соборе клириков (протопоп, два священника, дьякон, дьячок и пономарь) уже имели жилье вблизи собора⁴³.

Наиболее яркой фигурой этого периода можно назвать протопопа Иоанна Герасимовича Харламова. Он скончался в возрасте всего лишь 44 лет и при этом возглавлял собор 17 лет⁴⁴. Его имя занесено на находящуюся ныне в экспозиции музея памятную доску, поскольку он наблюдал за масштабной реставрацией собора⁴⁵.

Он родился в семье сельского дьячка, успешно учился в Троицкой семинарии⁴⁶. Начальство прочило его в монахи, но он отказался, «отговариваясь несовершенством лет»⁴⁷. В 1772 г. он получил место священника Кремлевского Архангельского собора⁴⁸. Свой досуг он посвящал переводу духовных книг. В Покровский собор Харламов был поставлен в возрасте 27 лет. Уже служа там, он перевел восемь творений святителя Амвросия Медиоланского, которые были изданы. Кроме того, он переводил нравоучительные произведения с немецкого и французского языков и два года — в 1787—1789 гг. — редактировал издаваемые Н.И. Новиковым богословские журналы⁴⁹.

Он также был присутствующим в консистории, по поручению Синода преподавал катехизис в Успенском соборе, регулярно со-

служал архиереям и говорил проповеди, проверял по распоряжению священноначалия проповеди других священников, а затем его назначили цензором. Он состоял благочинным Никитского сорока и выполнял множество других поручений священноначалия, например, для совершения праздничных богослужений направлялся вместо архиерея в загородные церкви.

Не меньшую нагрузку нес каждый из настоятелей собора XVIII–XIX вв. Все они служили практически пожизненно, по 10–20 лет и за беспорочную службу не раз удостоивались наград.

В XIX в. в русском обществе возрос интерес к отечественной истории, и соборяне тоже стали собирать свидетельства древности⁵⁰. Настоятель собора протоиерей Александр Ильич Воскресенский издал краткое житие Василия Блаженного, следующий после него настоятель протоиерей Николай Иванович Надеждин ходатайствовал о переосвящении придела Рождества Богородицы в честь покоившегося в нем Блаженного Иоанна Московского, но оно состоялось лишь через 40 лет.

Наиболее полное научное исследование по истории и архитектуре собора в XIX в. было выполнено протоиереем Иоанном Кузнецовым, настоятелем собора в 1921–1923 гг. В архиве музея «Покровский собор» недавно обнаружена его рукопись «Протопопы»⁵¹, содержащая данные о настоятелях собора, которые о. Иоанн собирал, работая в архивах.

Служивший вместе с о. Иоанном Кузнецовым протоиерей Иоанн Андреевич Ковалевский также издал три исторических исследования: первое, в 1889 г., о Спасских воротах Кремля, второе, в 1894 г., — о блаженных Василии и Иоанне, третье, в 1902 г., — о юродивых Восточной и Русской церкви⁵². Это исследование не утратило своего значения и сегодня, и было уже дважды переиздано в наше время.

В 1913–1918 гг. собор возглавлял выдающийся церковный деятель, ныне прославленный в лике святых, священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Служба в соборе прекратилась в 1929 г. Последним из настоятелей собора был протоиерей Петр Петрович Сахаров, затем до своей кончины в 1944 г. служивший в храме Иоанна Воина на Якиманке.

К данной статье прилагается синодик священнослужителей собора за время его существования⁵³. Богослужбная история собора нуждается в дальнейшем глубоком изучении, а синодик — в пополнении по мере выявления новых источников.

- ¹ *Генрих Штаден*. Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 159.
- ² Стоглав: Собор бывший в Москве при Вел. государе царе и вел. князе Иване Васильевиче (в лето 7059). Казань, 1862. С. 128–130; *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 2. Стб. 462.
- ³ Первое перечисление всех причтов — 1585 г. (ДАИ. Т. 1. С. 203).
- ⁴ ДАИ. Т. 1. С. 203.
- ⁵ Такой вывод можно сделать из сравнения соборного причта в 1585 г. и в 1625 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281. Л. 366). К сожалению, промежуточных документов с составом васьильевского причта не найдено.
- ⁶ Первое упоминание о руге в эти храмы: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 278 (1615–1616) — «попу Семену годовое сукно». О посвящении престолов церкви Андроника и Марии есть интересная гипотеза: в день ап. Андроника в 1606 г. было восстание москвичей против Лжедмитрия I, а в день прп. Марии Египетской в 1613 г. — принесена присяга Земского собора Михаилу Федоровичу Романову, таким образом можно предположить, что церковь была выстроена в благодарность за избавление от Смуты (см.: *Баталов А.Л.* Собор Покрова Богородицы на Рву: история и иконография архитектуры. М., 2016. С. 389–390). Позднее главным символом преодоления Смуты стал Казанский собор.
- ⁷ Это опровергает расхожее представление о том, что деревянные храмы вдоль кремлевской стены были построены родственниками казненных на месте совершения казней, «на крови» (*Баталов А.Л.* Обетное строительство в Москве «на рву» и в Пскове «на гребле»: закономерности сакральной топографии средневекового города // Искусствознание. 2013. № 1/2. С. 23; *Он же.* Собор Покрова Богородицы на Рву... С. 389).
- ⁸ *Голубцов А.П.* Чиновники Успенского собора Кремля и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. 22–23, 106, 108, 160–161, 199, 202, 215, 251, 260, 276, 283; *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165–7183. М., 1908. С. 35, 107, 155, 194, 212, 228, 257.
- ⁹ *Голубцов А.П.* Чиновники... С. 101 (сноска).
- ¹⁰ *Забелин И.Е.* Материалы для истории... Ч. 2. Стб. 465.
- ¹¹ *Белянкин Л.Е.* Исторические записки о Флоровских, что ныне Спасских, Кремлевских воротах в Москве, содержащие в себе обзор достопамятностей этого места и почерпнутые из исторических источников. М., 1850. С. 21–25; *Свящ. Иоанн Ковалевский.* Кремлевския Спасския ворота в Москве. М., 1889. С. 35–38;
- ¹² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
- ¹³ Там же. Д. 64.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Скворцов Н.А.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. М., 1914. Вып. 2. С. 29; *Белянкин Л.Е.* Исторические записки... С. 15.
- ¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 4–17.
- ¹⁷ ЦГАМО. Ф. 2157 (Московский обл. совет народных депутатов и его исполком). Оп. 1. Д. 23. Л. 9–10.

- ¹⁸ Ярким примером является семья священника Меркурия Тимофеева, служившего в церкви ап. Андроника и прп. Марии Египетской в 1620-х гг. После кончины о. Меркурия его сыновья служили: Андрюшко — дьячком в «своем» храме Андроника и Марии, а потом в соборном причте, Петрушко — соборным пономарем (потом стал священником в приделе Входа в Иерусалим), а Марко Меркульев сначала был дьячком в Троицком приделе, а потом занял место отца, став священником. Братья Меркульевы служили затем в соборе до 1650-х гг. (см. синодик)
- ¹⁹ В XVIII в. Григорий Александров служил священником более 45 лет, сначала в приделе Всех Святых, а потом в соборном причте (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 73).
- ²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 10 (1754). Пономарь Иван Алексеев был принят в придел Всех Святых в возрасте 9 лет: «Вологоцкой епархии Вологоцкого уезда Комельской волости погосту церкви Рождества Богородицы, что на перевозе, священников сын».
- ²¹ В XVIII в., например, 70-летний протопоп, до этого 13 лет служивший в соборе, жил за Арбатскими воротами (*Забелин И.Е.* Материалы для истории... Ч. 2. Стб. 562; Ч. 1. Стб. 344).
- ²² В 1674 г. священник Михаил Григорьев Смольянинов значится как переписчик книг; в 1694 г. дьячок Яков Григорьев переписывал для царевича книгу «Золотые ключи»; в 1680-х гг. священник Иван Ефимьев писал «певческие партесные переводы» и «обиход греческого четверогласного пения»; в 1770 г. дьякон Алексей Васильев — позолотчик по полименту и лакировщик и дьякон Василий Михайлов — иконописец I-го класса участвовали в поновлении кремлевских соборов (см. синодик).
- ²³ ДАИ. Т. 1. С. 203.
- ²⁴ *Кузнецов И.И., свящ.* Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве: Св. Василий и Иоанн Христа ради юродивые: Лобное место. М., 1900. С. 31.
- ²⁵ Вероятно, протопоп Гаврила сначала служил в соборе в приделе блаженного Василия одновременно с отцом — Покровским протопопом Дмитрием.
- ²⁶ ААЭ. Т. 2. С. 47 (1598 г.).
- ²⁷ ААЭ. Т. 1. С. 440—442 (1594 г.).
- ²⁸ ААЭ. Т. 2. С. 383 (1604—1605 гг.).
- ²⁹ РИБ. Т. 9. С. 250.
- ³⁰ Деяния собора 1649 г. / Под ред. С.А. Белокурова // ЧОИДР. 1894. Т. IV. С. 37—38 (упоминается протопоп Владимир); Деяние Московского собора, бывшего в царских палатах в лето от создания мира 7162, от воплощения же Бога Слова 1654. М., 1887 (упоминается протопоп Артемий); ВИБЛ. Ч. 6. С. 289 (Документы Собора 1667 г. — упоминается протопоп Максим).
- ³¹ Так, в 1692 г. «в неделю четвертую по Пасце» по велению патриарха отпевать умерших ходили «за Сретенские ворота архимандрит Петровский, игумен Спасский, протопоп Покровский со Рву, протопоп Александровский с собором» (*Георгиевский Г.П.* Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. М., 1896. С. 44—48).

- ³² Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). Ч. 2. Кн. 2. С. 71–73; ААЭ. Т. 2. С. 380.
- ³³ РГАДА: Ф. 141 (Дела старых лет). Оп. 5. Д. 382 (1674 г.).
- ³⁴ Забелин И.Е. Материалы для истории... Ч. 2. Стб. 661. Про Алексева см.: Извеков Н.Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке. М., 1906. С. 222.
- ³⁵ ВИВЛ. Ч. 6. С. 289 (Док. Собора 1667).
- ³⁶ Кузнецов И.И., свящ. Покровский (Св. Василия Блаженного) собор... С. 32–33.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 371 (Преображенский приказ). Оп. 2. Д. 1051 (1700 г.).
- ³⁸ Успенская Л.С. Святыни Покровского собора. М., 2004. С. 32–35.
- ³⁹ Там же. С. 19–25.
- ⁴⁰ ОАС. Т. 9. С. 506–508 (1729 г.).
- ⁴¹ Успенская Л.С. Святыни Покровского собора. С. 37.
- ⁴² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64. Л. 7.
- ⁴³ Баталов А.Л. Собор Покрова Богородицы на Рву... С. 382–385; РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 (1780 г., план, экспликация).
- ⁴⁴ Белянкин Л.Е. Исторические записки... С. 16.
- ⁴⁵ Успенская Л.С. Святыни Покровского собора. С. 8, 10–11.
- ⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 757. К. 17. № 30. Л. 3 об. Дело о составлении ведомостей об учителях и учениках Троицкой семинарии и о расходах на ее содержание.
- ⁴⁷ Смирнов С.К. История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867. С. 147.
- ⁴⁸ Там же. С. 504.
- ⁴⁹ Харламов Иоанн Герасимович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- ⁵⁰ Можно сказать, что «Книга достопамятностей», недавно выложенная в интернет ее хранителем, была первым сборником архивных материалов о соборе.
- ⁵¹ Архив Покровского собора. П-1/55.
- ⁵² Свящ. Иоанн Ковалевский. Кремлевские Спасские ворота в Москве. М., 1889.; Он же. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, Московские чудотворцы. М., 1894; Он же. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церквей: Исторический очерк жития сих подвижников благочестия. М., 1902.
- ⁵³ Синодики церквей, перенесенных к собору с Красной площади, за годы до переноса собирались попутно и поэтому фрагментарны.

Приложение*
Синодик священно- и церковнослужителей
собора Покрова на Рву

Пояснения к тексту

1. Имена священно- и церковнослужителей расположены в синодике по месту служения (храму, приделу). Внутри каждого придела — по сану. В случае изменения места служения или сана — по последнему по времени.
2. У каждого имени указаны известные годы служения в соборе, у настоятелей, в скобках, — годы жизни.
3. Наименования «протопоп» или «протоиерей», а также «поп» или «священник» приводятся по источникам. Иногда в источниках одно и то же лицо именуется и «дьячок», и «пономарь», и «церковник», что отражено в синодике. Имена приводятся по источникам, при разночтениях варианты даны в скобках.
4. «г.р.» — год рождения. Указан ориентировочно, т. к. в документах встречаются расхождения на 2–3 года.
5. † — дата кончины.
6. «з.д.» — сведения взяты из заголовка дела в описи (дело не выдавалось).
7. «ставл. гр.» — в деле есть ставленная грамота.
8. «биогр.» — в источнике есть биографические данные.
9. «прож.» — есть сведения о месте проживания.
10. «фото» — есть фотография.

Сокращения

ААЭ	Акты археографической экспедиции. Т. 1, 2. СПб., 1836
АГС	Архив Государственного совета. СПб., 1897. Т. 4. Царствование императора Александра I-го (с 1810 по 19 ноября 1825 г.), [Ч. 3]
АПС	Архив Покровского собора
ВИВЛ. Ч. 6.	Древняя Российская Вивлиофика, изд. Н.И. Новиковым. М., 1788. Ч. 6
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации

---

* Из-за сложной системы отсылок для удобства пользования справочным аппаратом список сокращений (архивов и наиболее часто используемых источников) дается, в виде исключения, перед синодиком.

ДАИ	Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: [В 12-ти т.]. СПб., 1846–1872. Т. 1
Д.ч.	Душеполезное чтение
клир.	клировые ведомости
МВ	Московские ведомости
МЕВ	Московские епархиальные ведомости
МЦВ.1881.оф.1	Московские церковные ведомости, 1881 г., официальный отдел. № 1
ОАС	Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1868–1914
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. Т. 13
ПСТБИ	Православный Свято-Тихоновский Богословский институт
ПЭ	Православная энциклопедия
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
ревиз.	ревизские сказки
РИБ	Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. М., 1884. Т. 9
СГЛА	Славяно-греко-латинская академия
ЦГА Москвы	Центральный государственный архив Москвы
ЦГАМО	Центральный государственный архив Московской области
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей Российских
Акты Святейшего Тихона	Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: В 2-х частях / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994
<i>Белянкин</i>	<i>Белянкин Л.Е.</i> Исторические записки и сведения о Покровском и св. Василия Блаженного соборе в столичном граде Москве. М., 1847
<i>Волобуева и др.</i>	<i>Волобуева Т.И., Кузнецова О.П., Романова С.Н., Савостьянова Н.Ю., Столярова З.Н.</i> Священно-церковнослужители и ктитория Московской епархии первой трети XX столетия. Тверь, 2013
Деяние 1654	Деяние Московского собора, бывшего в царских палатах в лето от создания мира 7162, от воплощения же Бога Слова 1654. М., 1887
Деяние 2000	Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века. Москва, 12–16 августа 2000 г.

- Забелин. Ч. 1*   *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. 1884. Ч. 1–2
- и Забелин. Ч. 2*
- Зерцалов. 1695*   *Зерцалов А.Н.* Московский Китай-город в XVII в. (по описи 1695 г.) // ЧОИДР. 1893. Кн. 2
- Кн. достопам.   Московского Покровского собора и Василия Блаженного, что на рву, впредь для памяти книга записная достопамятных вещей. Рукопись
- Николев*   *Николев И.Н.* Перехожее духовенство при московских церквях за 1712–1723 годы. М., 1881
- Переписи XVIII   Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896
- Переписи XVII   Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896
- Переписные кн. 1638   Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881
- Переписные кн. 1665–1676   Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг. М., 1886
- П.к. 1 и 3 команд   Переписные книги города Москвы 1737–1745 гг. М., 1881. Т. 1. Переписная книга I и III команд: Перепись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе
- П.к. 2 команды   Переписные книги города Москвы 1737–1745 гг. М., 1881. Т. 1. Переписная книга II команды: Тверская часть
- П.к. 8 команды. Мещанская часть   Переписные книги города Москвы 1737–1745 гг. М., 1881. Т. 1. Переписная книга VIII команды: Мещанская часть
- П.к. 7 части. Сретенская и Яузская   Переписные книги города Москвы 1737–1745 гг. М., 1881. Т. 1. Переписная книга VII части: Сретенская и Яузская
- П.к. 5, 6 и 12 команды   Переписные книги города Москвы 1737–1745 гг. М., 1891. Т. 1. Переписные книги 5-й команды, 6-й команды 1741–1744 гг., 12-й команды 1744 г.
- П.к. 4 команды, 10 команды   Переписные книги города Москвы 1737–1745 гг. М., 1893. Т. 1. Переписные книги 4-й команды 1737 г., 10-й команды 1738 и 1739 гг.: Приложение: Перепись дворов и строений на земле Новинского монастыря 1683 г.]
- Половцов*   *Половцов А.А.* Русский биографический словарь. В 25 т. СПб., 1896–1918
- Протопопы   *Прот. Иоанн Кузнецов.* Протопопы. Рукопись. Архив Покровского собора. П-1/55
- Розанов. Ч. 1*   История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821) / Соч. Николая Розанова. [Состояние Московского епархиального управления под непосредственным управлением Св. Синода. 1, 2. Синодская контора. Московская дикастерия (1721–1742)]. М., 1869

- Розанов.* Ч. 2. История Московского епархиального управления...
Кн. 1 (1742–1757): 1, 2. Пр. Иосиф (Волчанский). Пр. Платон I (Малиновский)]. М., 1870. Ч. 2. Кн. 1
- Розанов.* Ч. 2. История Московского епархиального управления ...
Кн. 2 [(1757–1775): Пр. Тимофей (Щербатский). Пр. Амвросий (Зертис-Каменский)]. М., 1869–1871. Ч. 2. Кн. 2
- Розанов.* Ч. 3. История Московского епархиального управления ...1.
Кн. 1 Пр. Платон II (Левшин)]. М., 1870. Ч. 3. Кн. 1
- Розанов.* Ч. 3. История Московского епархиального управления...
Кн. 2 Пр. Августин (Виноградский). Пр. Серафим (Глаголевский)]. М., 1871. Ч. 3. Кн. 2
- Росписной список. 1638 Росписной список города Москвы 1638 года / Под ред. И.С. Беляева. М., 1911
- Синодик Синодик в Бозе почивших священнослужителей Московской (городской) епархии. М., 2004. Т. 2
- Скворцов.* Вып. 1 *Скворцов Н.А.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. М., 1911–1914. Вып. 1–2
Вып. 2
- Смирнов* *Смирнов С.К.* История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867
- Юхименко* *Юхименко Е.М.* Покровский собор (храм Василия Блаженного) на Красной площади. М., 2011

Соборный причт храма Покрова Богородицы на рву и придела Василия Блаженного

Покровский храм освящен: деревянный – в 1554 г.,¹ каменный – в 1561 г.² Причт в XVI в.: протопоп, 2 священника, дьякон, дьячок и пономарь³.

Храм Василия Блаженного освящен около 1588 г., возможно, первоначально имел отдельный причт (до Смутного времени?).

В XVII в. соборный причт (на два храма – Покрова и Василия Блаженного): протопоп, 3 священника, 2 дьякона, дьячок, 2 пономаря, просвиря, 6 сторожей⁴, в XVIII в. – протопоп, 2 священника, 2 дьякона? (по факту – один), дьячок и 2 пономаря, после введения штатов с 1764 г. – протопоп, 2 священника, дьякон, дьячок и пономарь⁵, в сер. XIX – нач. XX в.: протоиерей, 2 священника, дьякон, 3 причетника⁶ (на место одного причетника с 1852 г. на причетнический оклад брали дьякона)⁷.

Настоятели собора:

- протопоп Дмитрий (Димитрий)⁸ 1584–1605
протопоп Гаврила (Гаврило)⁹ 1598–1627
протопоп Иван Лаврентьев¹⁰ 1629–1636
протопоп Викула Варламов¹¹ 1636–1648
протопоп Владимир¹² 1649–1653
протопоп Григорий¹³ 1653
протопоп Иван¹⁴ 1654
протопоп Артемий (в постриге Авраамий)¹⁵ 1654–1655, сентябрь
протопоп Евстратеи¹⁶ 1655
протопоп Савва (Сава)¹⁷ 1666
протопоп Максим Иоаннов¹⁸ 1666–1679
протопоп Дмитрий Григорьев¹⁹ 1679
протопоп Иван Васильев²⁰ 1685 – †02.12.1689
протопоп Иван²¹ 1689–1692
протопоп Михайла Григорьев²² 1693 – †1723
протопоп Василий Иванов²³ 1723–1727
протопоп Григорий Михайлов²⁴ 1727–1731
протопоп Иоанн Климонтов²⁵ 1732 – †1744
протопоп Тимофей Федоров²⁶ 06.08.1744–03.05.1751 (†16.05.1751)
протопоп Иван Алексеев²⁷ 1751–1760
протоиерей Иоанн Васильев²⁸ 10.06.1760–1763, в соборе с 1747
протоиерей Прохор Алексеев²⁹ 1763
протоиерей Федор Иванов³⁰ 1765–1771 (1723 г. р. – †1771)
протоиерей Иоанн Антипов³¹ 1771 – †03.10.1773
протоиерей Иоанн Герасимов Харламов³² 1774–1790 (1747 г. р. –
†06.01.1791)
протоиерей Афанасий Михайлов Ильинский³³ 1791–1811 (1732 г. р. –
†1811)
протоиерей Иоанн Дмитриев Шумилин-Платонов³⁴ 22.02.1811–
1831 (1773 г. р. – †1831)
протоиерей Иоанн Алексеев Левшин³⁵ 28.04.1831–1853 (1776 г. р. –
†1853, август)
протоиерей Александр Ильин Воскресенский³⁶ 31.10.1853–1873
(1800 г. р. – †23.11.1873)
протоиерей Николай Иоаннович Надеждин³⁷ 12.12.1873–1890
(1813 г. р. – †30.12.1890)
протоиерей Константин Иоаннович Богдавленский³⁸ 07.01.1891–
1913 (10.05.1841 г. р. – †27.05.1913)

сщмч. протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов³⁹ 1913–1918
(1864 г. р. — †05.09.1918)
протоиерей Иоанн Андреевич Ковалевский⁴⁰ 1918–1921, в соборе
с 22.11.1883, священник с 30.01.1884 (1856 г. р. — †1921)
протоиерей Иоанн Иоаннович Кузнецов⁴¹ 1921–1923, в соборе
с 08.01.1891 (1863 г. р. — †1923)
протоиерей Петр Петрович Сахаров⁴² 1923–1929 (1872 г. р. — †1944)
игумен Иосиф (Шапошников)⁴³ 1991 — †30.12.2004

Соборный причт

поп Иван⁴⁴ 1584–1585
поп Клементий⁴⁵ 1584–1585
поп Стефан (Степан) Семенов⁴⁶ 1613–1634
поп Иван Михайлов⁴⁷ 1613–1641
поп Петр Шурыга⁴⁸ 1618–1627
поп Володимер Гаврилов⁴⁹ 1625–1652
поп Петр Степанов⁵⁰ 1630–1631
поп Петр Ортемьев сын Шуригин⁵¹ 1630–1638
поп Григорий Тимофеев⁵² 1638
поп Никита⁵³ 1638–1648
поп Фома⁵⁴ 1647–1648
поп Григорий⁵⁵ 1647–1652
поп Дмитрий Семенов⁵⁶ 1623–1652
поп Евстафий⁵⁷ 1665–1666
поп Иван⁵⁸ 1665–1666
поп Софроний Иевлев⁵⁹ 1665–1666
поп Назар Яковлев⁶⁰ 1684–1689
поп Иван Ильин⁶¹ 1684–1695
поп Яков⁶² 1682
поп Лука Максимов⁶³ 1684–1687
священник Иоанн Ефимов (Ефимьев)⁶⁴ 1684–1690
поп Михаил Фролов⁶⁵ 1695
поп Дмитрий Марков⁶⁶ 1684–1698
поп Симеон Яковлев⁶⁷ 1693–98
поп Никита Васильев⁶⁸ 1712–1742
поп Софон (Сафон, Софония) Данилов⁶⁹ 1727–1731
поп Иван Георгиев (Егоров)⁷⁰ 1722–1727
поп Петр Андреев⁷¹ 1735
священник Иван Михайлов⁷² 1741 — †03.12.1760

- священник Павел Иванов⁷³ 1742
священник Стефан Артемьев⁷⁴ 1722–1731
поп Федор Сергеев⁷⁵ 1722
поп Федор Козмин⁷⁶ 1731
священник Иван Федоров⁷⁷ 1731
священник Григорий Стефанов⁷⁸ 1749
священник Иоанн Захарьев⁷⁹ 1749–1761
священник Иоанн Игнатьев⁸⁰ до 1753
поп Иван Иванов⁸¹ 1755–1768
священник Иоанн Васильев⁸² 1755
поп Гавриил Савин (Саввин)⁸³ 1755–1768
священник Григорий Александров⁸⁴, ранее 1758–1803 (1729 г. р. —
†1803)
поп Иван Васильев⁸⁵ 1760
поп Никита Иванов⁸⁶ 1758 — †1771
священник Никита Никитин⁸⁷ 1762–1797
священник Дмитрий Игнатьев⁸⁸ 1763
священник Василий Михайлов⁸⁹ 1770 — †1771
священник Михайла Никитин Садыков⁹⁰ 1797–1824
священник Дмитрий Федоров⁹¹ 1783 — †1810
священник Даниил Иванов Воинов⁹² 20.06.1810 — †21.01.1823
священник Лука Иванов Титов⁹³ 1823–1830
священник Иван Иванов Быков⁹⁴ 10.05.1825 — †1857, сентябрь
священник Николай Иоаннов Линьков (Леньков)⁹⁵ 27.01.1833–1872
священник Михаил Никитин Лебедев⁹⁶ 09(10).09.1857–1864
священник Александр Иванов Величкин⁹⁷ 10.02.1865 — †1884
протоиерей Николай Александрович Копьев⁹⁸ 01.07.1874–18.10.1875
священник Григорий Ефремов Скворцов⁹⁹ 05.11.1876–1882
протоиерей Василий Филиппович Барбарин¹⁰⁰ 26.02.1884–1890
священник Дмитрий Арсеньевич Карнеев (Корнеев)¹⁰¹ 1915–1918
сщмч. протоиерей Роман Иванович Медведь¹⁰² 1918
протоиерей Сергей Николаевич Орлов¹⁰³ 1923
протоиерей Николай Иванович Строганов¹⁰⁴ 1919–1929
дьякон Онтон¹⁰⁵ 1584–1585
дьякон Пимен¹⁰⁶ 1588–1590
дьякон Ефим Федосеев¹⁰⁷ 1620
дьякон Иван Поликарпов¹⁰⁸ 1623–1634
дьякон Давыд Андреев¹⁰⁹ 1625–1641
дьякон Микита (Никита) Васильев¹¹⁰ 1638–1640

- дьякон Тихон¹¹¹ 1645–1652
дьякон Диомид¹¹² 1648–1652
дьякон Михаил¹¹³ 1657
дьякон Назар¹¹⁴ 1665–1666
дьякон Игнатий¹¹⁵ 1665–1666
дьякон Василей Ефимов (Ефимьев)¹¹⁶ 1688–1698
дьякон Даниил Ильин¹¹⁷ 1697–1898
дьякон Иван Васильев¹¹⁸ 1731–1742
дьякон Иван Михайлов¹¹⁹ 1722–1728
дьякон Иоанн¹²⁰ 1731
дьякон Макарий¹²¹ 1731
дьякон Прокопий Трифионов¹²² 1736
дьякон Андрей Яковлев¹²³ 1738
дьякон Дмитрий Семенов¹²⁴ 1742
дьякон Иван Филипов¹²⁵ 1747
дьякон Матвей Осипов¹²⁶ 1760
дьякон Тихон Фомин¹²⁷ 1765
дьякон Матвей Савин¹²⁸ 1768
дьякон Демьян (Диомид) Васильев¹²⁹ 1769 – †1783
дьякон Петр Михайлов Ополченский¹³⁰ 1812–1823
дьякон Александр Данилов Воинов¹³¹ 1823–1835
дьякон Иоанн Алексеев Смирнов¹³² 1838 – †01.10.1860
дьякон Андрей Степанов (Стефанов) Смирнов¹³³ 1853–1867
дьякон Дмитрий Тимофеев Загорский¹³⁴ 1862 – †1879
дьякон Иван Петров Смоленский¹³⁵ 1866 – †28.08.1872
дьякон Федор Алексеев Виноградский¹³⁶ 1860–1913
дьякон Иван Иванов Смирнов¹³⁷ 1882–1887
дьякон Василий Василиев Величкин¹³⁸ 1883–1897
дьякон Петр Александров Белоусов¹³⁹ 1886–1925
дьякон Иван Семенов Недумов¹⁴⁰ 1897–1925
- дьячок Васка Дмитриев¹⁴¹ 1584–1585
дьячок Еремка (Еремейка, Еремей) Гаврилов¹⁴² 1625–1650
дьячок Юшка¹⁴³ 1650–1852
дьячок Андрюшка¹⁴⁴ 1665–1666
дьячок Васька Дмитриев¹⁴⁵ 1684–1685
дьячок Лучка (Лука) Дмитриев (Димитриев)¹⁴⁶ 1684–1688
дьячок Иван Данилов¹⁴⁷ до 1695
дьячок Яков Григорьев¹⁴⁸ 1693

- дьячок Герасим (Гераска, Гараска) Иванов¹⁴⁹ 1693–1695
дьячок Афонка Яковлев¹⁵⁰ 1697–1698
дьячок Иван Стефанов¹⁵¹ 1722–1727
дьячок Илья Дмитриев¹⁵² 1739–1745
дьячок Игнатий Лаврентьев¹⁵³ 1739–1745
дьячок Никита Яковлев¹⁵⁴ 1737
дьячок Егор Григорьев¹⁵⁵ ок. 1771
дьячок Петр Васильев¹⁵⁶ ок. 1771
дьячок Василий Ильин¹⁵⁷ 1772–1809
дьячок Петр Иванов¹⁵⁸ 1781–1803
дьячок Федор Егоров Ордынский¹⁵⁹ 1802–1821
дьячок Федор Семенов Протасов¹⁶⁰ 1814–1821
дьячок Георгий (Егор) Матвеев¹⁶¹ 12.11.1817–1851
дьячок Иоанн Матвеев Проферансов¹⁶² 1822 – †08.18.1862
дьячок Иван Андреев Орлов¹⁶³ 1822–1835
дьячок Павел Григорьев Соколов¹⁶⁴ 22.07.1842–1872
псаломщик Герасим Ильин¹⁶⁵ 1768
псаломщик Василий Иванов¹⁶⁶ 1765
псаломщик Тимофей Тимофеев Некрасов¹⁶⁷ 1872–1882
псаломщик Александр Иоаннов Поспелов¹⁶⁸ 1874–1876
псаломщик Александр Георгиев Березкин¹⁶⁹ 1877–1980
псаломщик Петр Дмитриев Петропавловский¹⁷⁰ 1881–1884
псаломщик Иван Васильев Крылов¹⁷¹ 1881
псаломщик Сергей Георгиев Троицкий¹⁷² 1885–1886
псаломщик Петр Владимирович Добросердов¹⁷³ 1892–1897
псаломщик Александр Петрович Зверев¹⁷⁴ 1903–1904
псаломщик Михаил Федоров Шеметов¹⁷⁵ 1907–1919
псаломщик Алексей Васильев Воронцов¹⁷⁶ 1911–1925
- пономарь Волотка Агеев (Володка Агзеев)¹⁷⁷ 1629–1632
пономарь Гаврилка Иванов¹⁷⁸ 1632–1634
пономарь Захарко Алексеев¹⁷⁹ 1640–1641
пономарь Андриюшка Меркульев¹⁸⁰ 1631–1652
пономарь Андриюшка Тихонов¹⁸¹ 1650–1652
пономарь Васка¹⁸² 1665–1666
пономарь Якушка¹⁸³ 1665–1666
пономарь Мишка Флоров¹⁸⁴ 1684–1695
пономарь Бориско¹⁸⁵ 1685–1886
пономарь Ивашко Борисов¹⁸⁶ 1684–1689

пономарь Андрияшка Терентьев¹⁸⁷ 1693–1698
пономарь Мишка Федотов¹⁸⁸ 1693–1698
пономарь Матвей Иванов¹⁸⁹ до 1710
пономарь Гавриил Семенов¹⁹⁰ с 1710
пономарь Федор Матвеев¹⁹¹ 1722–1727
пономарь Козма Гаврилов¹⁹² 1722–1727
пономарь Петр Иванов¹⁹³ 1835
пономарь Иван Семенов¹⁹⁴ 1768
пономарь Иван Алексеев¹⁹⁵ 1756–1768
пономарь Петр Степанов (Стефанов)¹⁹⁶ 1759–1760
пономарь Петр Иванов¹⁹⁷ 1781–1798
пономарь Михаил (Михайла) Петров¹⁹⁸ 1778–1793
пономарь Иван Егоров¹⁹⁹ 1797
пономарь Григорий Петров²⁰⁰ 1809
пономарь Дмитрий Петров Покровский²⁰¹ 1805–1824
пономарь Иван Степанов Ремизов²⁰² 1838–1839
сторож Якушка Иванов²⁰³ 1626–1638
сторож Онисимко²⁰⁴ 1638
сторож Ивашка Васильев²⁰⁵ между 1639 и 1657
сторож Алексей Андреев²⁰⁶ 1729–1742
сторож Ефим Яковлев²⁰⁷ до 1756
сторож Иван Симеонов²⁰⁸ 1765
сторож Андрей Емельянов²⁰⁹ до 1729
сторож Иван Андреев²¹⁰ 1722–1729
просвирня Дарья Александрова²¹¹ 1740–1742
просфорница Анна Александровна Розанова²¹² 1897–1916
просфорница Мария Георгиева Погожина²¹³ ранее 1912

Приделы

Храм Живоначальной Троицы

Первоначальный храм освящен в 1554 г., в составе каменного собора – в 1559 г.

Причт: священник, дьякон, дьячок (в XVIII в. добавился пономарь)²¹⁴ (до 1771 г.).

поп Федор²¹⁵ 1584–1585
поп Евстратий²¹⁶ 1613–1614
поп Елизарий Григорьев²¹⁷ 1618–1629
поп Никита (Микита) Софонов (Софонтьев)²¹⁸ 1624–1652

- поп Ермолай²¹⁹ 1665–1666
поп Сергей Афонасьев²²⁰ 1671–1687
поп Василий²²¹ 1790–1793
поп Кирила Васильев²²² 1695–1696
поп Александр Иванов²²³ 1699
поп Ерофей Иванов²²⁴ 1722–1727
поп Василий Васильев²²⁵ 1731–1743
священник Авраамий Евсеев²²⁶ 1740
священник Федор Семенов (Симеонов)²²⁷ 1755 – †до 1761
священник Иван Власов (Власиев)²²⁸ 1768–1770
дьякон Юрий²²⁹ 1584–1585
дьякон Григорий Микитин²³⁰ 1632–1634
дьякон Борис Кондратьев²³¹ 1640–1652
дьякон Иосиф²³² 1650
дьякон Харитон²³³ 1665–1666
дьякон Иван (Иоанн)²³⁴ 1671–1685
дьякон Прокопий Иванов²³⁵ 1686–1693
дьякон Иван Алексеев²³⁶ 1722–1727
дьякон Алексей²³⁷ 1731
дьякон Михайло Степанов²³⁸ до 1765
- дьячок Офремка²³⁹ 1584–1585
дьячок Мишка Григорьев²⁴⁰ 1631–1633
дьячок Левка Григорьев²⁴¹ 1632–1633
дьячок Ондрюшка Григорьев²⁴² 1640–1641
дьячок (пономарь?) Стенька Борисов сын²⁴³ 1650–1652
дьячок Левка²⁴⁴ 1650–1652
дьячок Данилка²⁴⁵ 1665–1672
дьячок Ларька²⁴⁶ 1684–1685
дьячок Васька Сергеев²⁴⁷ 1686–1687
дьячок Федор²⁴⁸ 1692–1693
дьячок Алексей Петров²⁴⁹ 1722–1727
дьячок Симеон Авраамиев²⁵⁰ 1740
пономарь Александр Афонасьев²⁵¹ до 1743
пономарь Гаврила Андреев²⁵² 1743
пономарь Афанасий Филимонов²⁵³ 1754
дьячок (пономарь?) Козьма Яковлев²⁵⁴ 1755

Храм Свяителя Николая Великоорецкого

Деревянный храм освящен в 1555 г., каменный – в 1559 г.

Примт: священник, дьякон, дьячок²⁵⁵ (до 1771 г.).

поп Федор²⁵⁶ 1584–1585

поп Никита (Микита)²⁵⁷ 1618

поп Петр Мелентьев²⁵⁸ 1618–1636

поп Никита Петров²⁵⁹ 1640–1646

поп Петр²⁶⁰ 1650–1652

поп Козма²⁶¹ 1665–1666

поп Михаил²⁶² 1671–1672

священник Михаил Григорьев Смолянинов²⁶³ 1674

поп Георгий²⁶⁴ 1684–1685

поп Иван Иванов²⁶⁵ 1686–1695

поп Игнатий Петров²⁶⁶ 1727–1631

поп Никита Герасимов²⁶⁷ 1737–1739

поп Николай Никитин²⁶⁸ 1753–1755

поп Николай Герасимов²⁶⁹ 1761–1769

дьякон Офонасий²⁷⁰ 1584–1585

дьякон Федор Мизгирь²⁷¹ 1623–1626

дьякон Василий Алексеев²⁷² 1629

дьякон Михаил Григорьев²⁷³ 1631–1652

дьякон Назар²⁷⁴ 1665–1666

дьякон Игнатий²⁷⁵ 1666–1672

дьякон Иоанн²⁷⁶ 1684–1685

дьякон Матфей Иванов²⁷⁷ 1686–1687

дьякон Митрофан²⁷⁸ 1692–1693

дьякон Максим²⁷⁹ 1731

дьякон Федор Фомин²⁸⁰ 1768–1772

дьячок Юшка²⁸¹ 1584–1585

дьячок Иван (Ивашка) Михайлов²⁸² 1625–1646

дьячок Ерощка²⁸³ 1650–1652

дьячок Ефимка²⁸⁴ 1665–1666

дьячок Митька²⁸⁵ 1671–1672

дьячок Гришка²⁸⁶ 1684–1687

дьячок Ивашка²⁸⁷ 1692–1693

дьячок Яков Лукьянов²⁸⁸ 1722–1727

дьячок Андрей Васильев²⁸⁹ 1759–1760

дьячок Александр Иванов²⁹⁰ 1761
церковник Илья Емельянов²⁹¹ 1768

Храм Входа Господня в Иерусалим

*Деревянный храм освящен в 1554 г., каменный – в 1559 г.
Притч: священник и дьячок²⁹² (до 1771 г.).*

поп Богдан²⁹³ 1584–1585
поп Стефан (Степан)²⁹⁴ 1613–1617
поп Дмитрий²⁹⁵ 1624–1625
поп Кузьма²⁹⁶ 1636
поп Петр Меркульев²⁹⁷ 1629–1652
поп Иоанн (Иван) Иосифов²⁹⁸ 1665–1686
поп Иаков (Яков) Иванов²⁹⁹ 1690–1722
поп Иван Иванов³⁰⁰ 1722–1744
священник Никифор Петров³⁰¹ 1757
священник Иаков Адрианов³⁰² 1741–1768
дьячок Васка³⁰³ 1584–1585
дьячок Марко³⁰⁴ (не Меркульев) 1625–1626
дьячок Федька Максимов³⁰⁵ 1629
дьячок Федька Ульянов³⁰⁶ 1631–1652
дьячок Мишка³⁰⁷ 1671–1672
дьячок Петрушка³⁰⁸ 1684–1685
дьячок Офонка Семенов³⁰⁹ 1686–1687
дьячок Иларион³¹⁰ 1692–1693
дьячок Яков Яковлев³¹¹ 1722–† до 1754
дьячок Андрей Никифоров³¹² 1754–1755
пономарь Иосиф Петров³¹³ 1722–1727
церковник Прохор Иустинов³¹⁴ 1768

Храм свв. Киприана и Иустины

*Деревянный храм освящен в 1554 г., каменный – в 1559 г., в 1786 г.
переосвящен в честь мчч. Адриана и Натальи.
Притч: священник и дьячок³¹⁵ (до 1771 г.).*

поп Ортемий³¹⁶ 1584–1585
поп Петр³¹⁷ 1617–1627
поп Артемий³¹⁸ 1618–1619
поп Ортемий Шишкин³¹⁹ 1633

поп Петр Артемьев³²⁰ 1624–1647
поп Исай³²¹ 1650–1652
поп Михаил³²² 1665–1666
поп Симеон Романов³²³ 1671–1690
поп Иван³²⁴ 1692–1693
поп Григорей Иванов³²⁵ 1722–1731
священник Стефан Иванов (Степан Иоаннов)³²⁶ 1722–1769

дьякон Иван³²⁷ 1623–1624
дьякон Петр Петров³²⁸ 1747
дьячок Иванка³²⁹ 1584–1585
дьячок Васька³³⁰ 1623–1624
дьячок Ромашка³³¹ 1625–1636
дьячок Пантелейка (Панка) Осипов³³² 1628–1632
дьячок Янка Дорофеев³³³ 1628–1632
дьячок Вавилка Петров³³⁴ 1632–1634
дьячок Демидка Давыдов³³⁵ 1642–1646
дьячок Ивашка³³⁶ 1650–1652
дьячок Сенька³³⁷ 1665–1672
дьячок Ефимко Федосеев³³⁸ 1684–1687
дьячок Васька³³⁹ 1692–1693
дьячок Петр Григорьев³⁴⁰ 1722–1731
дьячок Василий Иванов³⁴¹ 1734

Храм трех патриархов Александра, Иоанна и Павла Константинопольских

Деревянный храм освящен в 1554 г., каменный – в 1559 г., в 1849 г. переосвящен в честь сщмч. Григория Армянского.

Притч: священник и дьячок³⁴² (до 1768 г.).

поп Григорий³⁴³ 1584–1585
поп Федор³⁴⁴ 1625–1626
поп Иван Филипов³⁴⁵ 1625–1646
поп Лука³⁴⁶ 1650
поп Авраамий³⁴⁷ 1650–1652
поп Иван Никитин³⁴⁸ 1633–1666
поп Никита Федоров³⁴⁹ 1671–1685
поп Иаков³⁵⁰ 1686–1693
поп Михаил Прохоров³⁵¹ 1722 – †1737

поп Федор Михайлов³⁵² 1722–1744
поп Василий Иванов³⁵³ ранее 1758
священник Антон (Антоний) Федоров³⁵⁴ 1754–1760
священник Платон Алексеев³⁵⁵ 1760–1768
дьячок Меншичок³⁵⁶ 1584–1585
пономарь Сергейка³⁵⁷ 1584–1585
пономарь Осипка³⁵⁸ 1584–1585
пономарь Иванка³⁵⁹ 1584–1585
дьячок Янка Филипов³⁶⁰ 1629–1634
дьячок Лазарка Андреев³⁶¹ 1625–1629
дьячок Федька Григорьев³⁶² 1638–1646
дьячок Ивашка³⁶³ 1650–1652
дьячок Ефимка³⁶⁴ 1665–1666
дьячок Андрюшка³⁶⁵ 1671–1672
дьячок Назарка Никитин³⁶⁶ 1684–1687
дьячок Петрушко³⁶⁷ 1692–1693
дьячок Иван Михайлов³⁶⁸ 1743–1744
дьячок Василий Савин³⁶⁹ до 1756
дьячок Николай Адрианов³⁷⁰ 1756
дьячок Гаврила Петров³⁷¹ 1761

Храм прп. Александра Свирского

Деревянный храм освящен в 1554 г., каменный – в 1559 г.

Притч: священник и дьячок³⁷² (до 1771 г.).

поп Яков³⁷³ 1584–1585
поп Родион Григорьев³⁷⁴ 1618–1626
поп Федор Федоров³⁷⁵ 1629–1633
поп Семен Васильев³⁷⁶ 1633–1634
поп Матвей Федоров³⁷⁷ 1635–1645
поп Самуил³⁷⁸ 1650–1652
поп Михаил³⁷⁹ 1665–1666
поп Иван³⁸⁰ 1671–1672
поп Иван Ануфриев³⁸¹ 1684–1686
поп Григорий³⁸² 1692–1693
поп Петр³⁸³ 1692–1693
поп Зиновий Петров³⁸⁴ 1717
поп Максим Потапов³⁸⁵ 1722–1739
священник Алексей Сильверстов³⁸⁶ 1730 – † ок. 1761

поп Сава Данилов³⁸⁷ 1742
священник Алексей Алексеев³⁸⁸ 1751 — †1771
дьякон Родион³⁸⁹ 1623—1624
дьячок Ондрюшка³⁹⁰ 1584—1585
дьячок Лука Микифоров³⁹¹ 1625—1629
дьячок Максимка Иванов³⁹² 1631—1634
дьячок Иосипка (Оська) Федоров³⁹³ 1640—1645
дьячок Ивашка³⁹⁴ 1646—1652
дьячок Сенька³⁹⁵ 1665—1666
дьячок Якушка³⁹⁶ 1671—1672
дьячок Асоноко Стефанов³⁹⁷ 1684—1687
дьячок Ефимьюшка (Евтифей, Евфигей)³⁹⁸ 1690—1693
дьячок Зиновей Павлов³⁹⁹ 1722—1727
церковник Иван Ларионов⁴⁰⁰ 1722—1727
церковник (сторож) Иван Федоров⁴⁰¹ 1753—1768

Храм сщмч. Григория Армянского

Деревянный храм освящен в 1554 г., каменный – в 1559 г., в 1788 г. переосвящен в честь свт. Иоанна Милостивого патриарха Александрийского, а престол в честь Григория Армянского позднее был перенесен в придел Трех патриархов.

Притч: священник и дьячок⁴⁰² (до 1771 г.).

поп Савин⁴⁰³ 1584—1585
поп Петр⁴⁰⁴ 1613—1627
поп Федор Савинов (Савин)⁴⁰⁵ 1629—1646
поп Козьма⁴⁰⁶ 1650—1651
поп Борис⁴⁰⁷ 1651—1652
поп Иван⁴⁰⁸ 1665—1666
поп Дмитрий Гаврилов⁴⁰⁹ 1671—1692
поп Михайло Иванов⁴¹⁰ 1722—1727
поп Федор⁴¹¹ 1731
священник Димитрий Афанасьев (Афонасьев)⁴¹² 1755—1768
дьячок Сидорка⁴¹³ 1584—1585
дьячок Васька Алексеев⁴¹⁴ 1623—1626
дьячок Федька Савинов⁴¹⁵ 1628—1631
дьячок Павлик Егоров⁴¹⁶ 1631—1632
дьячок Васька (Панька) Петров⁴¹⁷ 1634
дьячок Петрушка⁴¹⁸ 1640—1641

дьячок Исайка⁴¹⁹ (расписался Сенька) 1645–1646

дьячок Сенька⁴²⁰ 1645–1652

дьячок Якушка⁴²¹ 1665–1666

дьячок Левка⁴²² 1671–1692

расписался Ларька⁴²³ 1684–1685

дьячок Иван Михайлов⁴²⁴ 1722–1727

дьячок Николай Федоров⁴²⁵ 1737

дьячок Конон Тимофеев⁴²⁶ 1746

дьячок Николай Логинов⁴²⁷ 1756–1759

дьячок Иван Иванов⁴²⁸ 1760

Храм прп. Варлаама Хутынского

Деревянный храм освящен в 1554 г., каменный – в 1559 г.

Причт: священник и дьячок⁴²⁹ (до 1771 г.).

поп Михаил⁴³⁰ 1584–1585

поп Харитон⁴³¹ 1613–1614

поп Иван⁴³² 1617

поп Василий⁴³³ 1618–1619

поп Дорофей Иванов⁴³⁴ 1625–1629

поп Лазарь Никитин⁴³⁵ 1631–1634

поп Иван Андреев⁴³⁶ 1636–1652

поп Кирилл⁴³⁷ 1665–1672

поп Лев Ефимьев⁴³⁸ 1684–1694

поп Диомид Лвов⁴³⁹ 1722–1731

священник Алексей Борисов⁴⁴⁰ 1761–1769

священник Леонтий Васильев⁴⁴¹ 1739

дьячок Михалка⁴⁴² 1584–1585

дьячок Петр Харитонов⁴⁴³ 1625–1629

дьячок Никитка Васильев⁴⁴⁴ 1631–1634

дьячок Михаил Васильев⁴⁴⁵ 1633

дьячок Иван (Ивашка) Матвеев⁴⁴⁶ 1638–1641

дьячок Трофимка⁴⁴⁷ 1645–1652

дьячок Якушка⁴⁴⁸ 1665–1666

дьячок Ивашка⁴⁴⁹ 1671–1672

дьячок Петрушка Андреев⁴⁵⁰ 1684–1685

дьячок Ларька⁴⁵¹ 1686–1687

дьячок Мишка⁴⁵² 1692–1693

дьячок Василей Прокофьев⁴⁵³ 1722–1726

церковник Петр Алексеев⁴⁵⁴ 1768

Храм Ризоположения

Причт:

в первой половине XVII в. до переноса к собору ц. «Положения Ризы Пречистые Богородицы на рву»: поп, дьякон и дьячок⁴⁵⁵;

в 1681 г. «ц. Ризоположения с приделами»: 2 попа, дьякон и дьячок (в приделах причт отдельно)⁴⁵⁶;

в 1692 г. «храм Персвятыя Богородицы Ризоположения, что у Троицы на рве в приделе идежа лежат мощи Иоанна Блаженного»⁴⁵⁷;

в 1699 г. в ц. «Положения Ризы Пречистые Богородицы»: 2 попа, дьякон, дьячок, пономарь, просвирия, 2 сторожа⁴⁵⁸;

в 1722 г.: «ц. Риз-положения Пресвятыя Богородицы, где лежат мощи Иоанна Блаженного»⁴⁵⁹;

в XVIII в.: 2 священника, дьякон и дьячок, пономарь, 2 сторожа⁴⁶⁰;

в 1780 г. храм переосвящен в честь Рождества Богородицы, в 1916 г. – в честь Иоанна Блаженного.

До XVIII в.:

поп Лукьян⁴⁶¹ 1623–1624

поп Сидор (Исидор)⁴⁶² 1624–1635

поп Мина⁴⁶³ 1635

поп Лука⁴⁶⁴ 1638

поп Федор⁴⁶⁵ 1690

дьякон Сава Павлов⁴⁶⁶ 1633–1635

проскурница Ирина⁴⁶⁷ 1638

сторож Тимошка Иванов⁴⁶⁸ 1638

С начала XVIII в.:

поп Симеон Тихонов⁴⁶⁹ до 1714

поп Борис Тихонов⁴⁷⁰ 1714–1751

поп Василий Ильин⁴⁷¹ 1714–1746

поп Василий Дмитриев⁴⁷² 1746

священник Василий Никифоров⁴⁷³ 1727–1738

священник Михаил Ефимов (Ефимиев)⁴⁷⁴ 1763 – †1771

священник Василий Иванов⁴⁷⁵ 1751 – †1766

дьякон Петр Денисов⁴⁷⁶ 1722–1727

дьякон Иоанн⁴⁷⁷ 1731

дьякон Иван Матвеев⁴⁷⁸ 1745–1760

дьякон Алексей Алексеев⁴⁷⁹ 1761–1768

дьякон Алексей Васильев⁴⁸⁰ 1770

дьячок Ивашка Болванов⁴⁸¹ 1618–1619
дьячок Петр Алексеев⁴⁸² сент. 1762 — февр. 1763
пономарь Василей Моисеев⁴⁸³ 1722–1726
церковник (пономарь) Петр Михайлов⁴⁸⁴ 1763
церковник Степан Сергеев⁴⁸⁵ 1763
церковник Иван Михайлов⁴⁸⁶ 1768
просвирница Матрена Иванова⁴⁸⁷ 1763
сторож Порфирий Никитин⁴⁸⁸ начало XVIII в.

Храмы Апостола Андроника и прп. Марии Египетской

Находились при колокольне собора, освящены ранее 1615 г., упразднены около 1780–1782 г.

Именовались в документах по-разному и имели разный состав причта в разные годы:

1615–1616 гг. «у Покрова на рву ап. Андроника и Марии Египетской» – причт общий (АМ*): поп и дьячок;

1617 г. «Марии Египетской, что в приделе у Андроника» – причт общий (АМ);

1623–1650 гг. «Марии Египетской, что у Покрова на рву»; «Марии Египетской, что позади Василия Блаженного на рву», «прп. Марии Египетской и ап. Андроника, что на рву позади Василия Блаженного», «ап. Андроника, что у Покрова на рву» и даже «ап. Андроника, что у Марии Египетской на рву» – причт общий (АМ);

1650-е и далее «церковь ап. Андроника, придел Марии Египетской» – два отдельных причта (А – свящ, дьячок, пономарь) и (М – свящ, дьячок)⁴⁸⁹ (до 1771 г.).

поп Семен⁴⁹⁰ 1615–1616
поп Меркурий Тимофеев⁴⁹¹ 1617–1633
поп Марко (Маркел) Меркульев⁴⁹² 1625–1652
поп Федор⁴⁹³ 1650–1651
поп Иван⁴⁹⁴ 1651–1652
поп Яков⁴⁹⁵ 1665–1666
поп Максим⁴⁹⁶ 1665–1666
поп Сава (Савелий?)⁴⁹⁷ 1684–1685
поп Петр Савельев (Савелов)⁴⁹⁸ 1686–1690
поп Василий Иванов⁴⁹⁹ 1686–1687

* Причт общий церковей ап. Андроника и Марии Египетской.

поп Иван Петров⁵⁰⁰ †1723
поп Василий Федоров⁵⁰¹ 1722–1737
поп Иван (Иоанн) Лаврентьев (Лаврентиев)⁵⁰² 1684–1731
священник Иван (Иоанн) Сидоров⁵⁰³ 1722–1769
священник Федор Михайлов⁵⁰⁴ 1737
священник Иоанн Стефанов⁵⁰⁵ 1756–1762
дьячок Олешка Афанасьев⁵⁰⁶ 1629–1646
дьячок Алешка⁵⁰⁷ 1650–1652
дьячок Гаврило Марков⁵⁰⁸ 1640–1652
дьячок Ивашка⁵⁰⁹ 1650–1652
дьячок Ивашка⁵¹⁰ 1665–1666
дьячок Ивашка⁵¹¹ 1670–1672
дьячок Федька⁵¹² 1665–1666
дьячок Алешка Петров⁵¹³ 1684–1685
дьячок Мишка Иванов⁵¹⁴ 1686–1687
дьячок Гришка Петров⁵¹⁵ 1684–1693
дьячок Ивашка⁵¹⁶ 1692–1693
дьячок Васька Иванов⁵¹⁷ 1692–1693
дьячок Михайло Иванов⁵¹⁸ 1722–1727
дьячок Иван Егоров⁵¹⁹ 1760–1768
дьячок Петр Васильев⁵²⁰ 1768–1774
пономарь Ивашка⁵²¹ 1650–1652
пономарь Стенька⁵²² 1665–1666
пономарь Ивашка (Петров?)⁵²³ 1684–1687
пономарь Михайло Михайлов⁵²⁴ 1722–1727
просвирня Дарья Иванова⁵²⁵ 1756

Храм Василия Великого (Кесарийского) на рву

В 1613–1614 назван «у Покрова на рву в приделе»⁵²⁶, в Строельной книге 1657 г. показан между Фроловских и Никольских ворот, перенесен к собору между 1681–1683 гг., упразднен ок. 1780–1782 г.

Притч: священник и дьячок⁵²⁷ (до 1771 г.).

До переноса:

поп Алексей⁵²⁸ 1617–1631
поп Богдан Олексеев⁵²⁹ 1632–1633
поп Костянтин Олексеев⁵³⁰ 1633–1641
поп Иван⁵³¹ 1645–1652
дьячок Бориска Олексеев⁵³² 1632–1652

После переноса:

поп Павел Агеев⁵³³ 1684–1693
поп Григорий Павлов⁵³⁴ 1717–1726
поп Алексей Григорьев⁵³⁵ 1731–1756
священник Роман Иванов⁵³⁶ 1761
священник Федор Матфеев (Матвеев)⁵³⁷ 1761–1770 (1732 г. р. – †1771)
дьячок Никита Григорьев⁵³⁸ 1684–1690
дьячок Афиногенка⁵³⁹ 1692–1693
дьячок Михаил Иванов⁵⁴⁰ 1755
пономарь Феодор Львов⁵⁴¹ 1756
пономарь Стефан Яковлев⁵⁴² 1761
церковник Илья Михайлов⁵⁴³ 1768

Храм Феодосии девицы

До переноса к собору – «Феодосии девицы, что у Богоявления на рву в приделе». Перенесен к собору около 1680 г., упразднен около 1780–1782 гг.

Примеч.: священник и дьячок⁵⁴⁴ (до 1771 г.).

До переноса:

поп Авдей (Овдей)⁵⁴⁵ 1613–1614
поп Федор⁵⁴⁶ 1618–1819
поп Семен (Симеон) Васильев⁵⁴⁷ 1632–1652
поп Петр⁵⁴⁸ 1665–1672
дьячок Васька⁵⁴⁹ 1624–1625
дьячок Ивашка Васильев⁵⁵⁰ 1632–1633
дьячок Ивашка Семенов⁵⁵¹ 1633–1652
дьячок Ивашка⁵⁵² 1666–1672

После переноса к собору:

поп Григорий Константинов⁵⁵³ 1681–1687
поп Василий⁵⁵⁴ 1690
поп Иоанн Артемьев⁵⁵⁵ 1692–1693
поп Иван Миронов⁵⁵⁶ 1722–1727
поп Стефан⁵⁵⁷ 1631–1637
священник Иван Иванов⁵⁵⁸ 1768–1769
дьячок Сенка⁵⁵⁹ 1684–1685
дьячок Ивашка⁵⁶⁰ 1692–1693
дьячок Антипа Лаврентьев⁵⁶¹ 1722–1727
церковник Прокопий Никифоров⁵⁶² 1768–1770

Храм Параскевы Пятницы

До переноса к собору – «в Китае у Фроловских ворот», «у Фроловского мосту», в 1652 г. – «у Спасских ворот», перенесен к собору между 1679–1683 гг., упразднен около 1780–1782 гг.

Притч.: священник, дьячок, пономарь⁵⁶³ (до 1771 г.).

До переноса:

поп Андрей (Ондрей) Онуфриев⁵⁶⁴ 1632–1634
поп (протопоп?) Петр Дмитриев⁵⁶⁵ 1638
поп Иван⁵⁶⁶ 1642
поп Стефан⁵⁶⁷ 1640–1652
поп Исакий (Исак)⁵⁶⁸ 1640–1652
дьячок Ондрюшка Федоров⁵⁶⁹ 1632–1634
дьячок Федыка⁵⁷⁰ 1665–1672
пономарь Ивашка Иванов⁵⁷¹ 1632–1633
пономарь Микифорка (Никифор)⁵⁷² 1640–1652
пономарь Петрушка⁵⁷³ 1665–1666

После переноса:

поп Максим Василков⁵⁷⁴ 1684–1687
поп Петр Максимов⁵⁷⁵ 1690–1731
священник Иван Иванов (Иоанн Иоанннов)⁵⁷⁶ 1737–1769
дьячок Пашка Максимов⁵⁷⁷ 1684–1685
дьячок Андрюшка⁵⁷⁸ 1686–1687
дьячок Федор Григорьев⁵⁷⁹ 1695–1727
дьячок Иван Ларионов⁵⁸⁰ до 1755
дьячок Адриан Иванов⁵⁸¹ 1755–1765
пономарь Кандратей Михайлов⁵⁸² 1722–1727
церковник Николай Алексеев⁵⁸³ ранее 1765–1768

Храм Усекновения честные главы Иоанна Предтечи

Перенесен к собору «со рву в Китае на площади» между 1679–1683 гг., упразднен около 1780–1782 гг.

Притч.: священник, дьячок, пономарь, сторож⁵⁸⁴ (до 1771 г.).

До переноса:

поп Акинфей⁵⁸⁵ 1618–1619
поп Лука Ондреев⁵⁸⁶ 1624–1653
дьячок Сава⁵⁸⁷ 1618–1619

После переноса:

поп Михаил Иванов⁵⁸⁸ 1690
поп Илья Васильев⁵⁸⁹ 1722–1731
священник Дионисий Владимиров⁵⁹⁰ 1737–1739
священник Гавриил Володимеров (Гаврила Владимиров)⁵⁹¹ 1761–1768
дьячок Федор Иванов⁵⁹² 1722–1744
дьячок Иван Михайлов⁵⁹³ 1732 – †1743
дьячок Василий Степанов⁵⁹⁴ 1759
пономарь Григорий Силин⁵⁹⁵ 1722–1727
пономарь Ермил Владимиров⁵⁹⁶ 1768

Храм Всех Святых

*Перенесен к собору между 1679–1683 гг., упразднен около 1780–1782 гг.
Причт: священник и дьячок⁵⁹⁷ (до 1771 г.).*

После переноса:

поп Иаков⁵⁹⁸ 1690
поп Александр Иванов⁵⁹⁹ 1717
поп Борис Александров⁶⁰⁰ 1722–1726
поп Иван⁶⁰¹ 1731
священник Иван Иванов⁶⁰² 1739–1754
дьячок Яков Иванов⁶⁰³ 1717–1727
пономарь Иван Алексеев⁶⁰⁴ 1754
пономарь Сава (Савва) Борисов⁶⁰⁵ 1764–1768

Храм Богоявления на рву

*Перенесен к собору между 1679–1683 гг., упразднен около 1780–1782 гг.
Причт: священник, дьякон, дьячок и пономарь⁶⁰⁶ (до 1771 г.).*

До переноса:

поп Федор Евсеев⁶⁰⁷ 1630–1632
поп Андреян Артемьев⁶⁰⁸ 1632–1634
поп Константин (Кстеннин)⁶⁰⁹ 1633
поп Тимофей Константинов⁶¹⁰ 1638–1646
поп Стефан⁶¹¹ 1650–1652
поп Назарий⁶¹² 1671–1672
дьякон Трофим Никитин⁶¹³ 1631–1632
дьякон Афтоном (Артомон) Проклов⁶¹⁴ 1632–1634
дьякон Федор Ильин⁶¹⁵ 1640–1672

дьячок Васька Тимофеев⁶¹⁶ 1631–1632
дьячок Васька Андреев⁶¹⁷ 1632–1634
дьячок Стенька Тимофеев⁶¹⁸ 1640–1646
дьячок Микифорка (Микишка)⁶¹⁹ 1650–1652
дьячок Ивашка⁶²⁰ 1671–1672
пономарь Артюшка Афтономов⁶²¹ 1632–1634
пономарь Максимка Семенов⁶²² 1631–1632
пономарь Максимка Артемьев⁶²³ 1640–1652
пономарь Ивашка⁶²⁴ 1671–1672

После переноса:

поп Спиридон Архипов⁶²⁵ 1684–1702
поп Тихон Леонтьев⁶²⁶ с 1702
священник Иван Демидов⁶²⁷ до 1717
поп Алексей Козмин⁶²⁸ 1722–1738
священник Герасим Львов⁶²⁹ 1761 – †1771
дьякон Иоанн⁶³⁰ 1684–1685
дьякон Федор Ермолаев⁶³¹ 1690–1693
дьякон Федор Матвеев⁶³² до 1721
дьякон Петр Козмин⁶³³ 1721–1727
дьякон Герасим⁶³⁴ 1731
дьякон Петр Иванов⁶³⁵ 1742–1747
дьякон Гавриил Иванов⁶³⁶ 1754
дьякон Иван Федоров⁶³⁷ 1754–1757
дьякон Петр Матвеев⁶³⁸ 1757–1763
дьячок Мишка Фролов⁶³⁹ 1684–1693
дьячок Федор Фролов⁶⁴⁰ 1722–1727
дьячок Федор И. Смирнов⁶⁴¹ 1761
пономарь Якушка (Якушка) Семенов⁶⁴² 1684–1687
пономарь Федька⁶⁴³ 1692–1693
пономарь Игнатей Васильев⁶⁴⁴ 1722–1727
церковник Николай Васильев⁶⁴⁵ 1768

Храм прп. Сергия Чудотворца

До переноса к собору, «что на Пожаре, что на рву». Перенесен к собору между 1679–1683 гг., упразднен около 1780–1782 гг.

Причт: священник, дьячок, пономарь⁶⁴⁶ (до 1771 г.).

До переноса:

Поп Лазарь Мелентьев⁶⁴⁷ 1629–1643

После переноса:

поп Дмитрий⁶⁴⁸ 1690

поп Иван Федосеев (Федосьев)⁶⁴⁹ 1722–1745

священник Михаила Тимофеев⁶⁵⁰ 1755–1772

дьячок Алексей Иванов⁶⁵¹ 1722–1727

дьячок (церковник) Алексей Михайлов⁶⁵² 1738–1768

Следующие далее храмы не упоминаются у собора в XVIII в.:

Храм Рождества Богородицы

1617 г. – что «на рву у Никольского мосту в приделе у Зачатия св. Анны», затем «Рождества Богородицы с приделом Зачатия...», причт прослеживается до 1687 г.: поп, дьячок и пономарь.

В 1681 г. – ц. Рождества Богородицы с приделами Зачатия и Всех святых,

в 1688 г. в смете на ремонт собора упоминается храм Рождества Богородицы⁶⁵³ (возможно, ошибочно?);

в 1692–1693 гг. в Ружной книге храмы Рождества и Зачатия значатся, но причт за рву не расписался⁶⁵⁴.

В 1699–1700 гг. «...по осмотру из Приказу Большие казны и по сказке того собору протопопа Михаила Григорьева събратьею, тех ... церквей (Рождества и Зачатия) у того Покровского собора нет»⁶⁵⁵.

поп Семион⁶⁵⁶ 1618–1619

поп Василий Степанов⁶⁵⁷ 1631–1652

поп Сергей⁶⁵⁸ 1665–1672

поп Никита Максимов⁶⁵⁹ 1684–1687

дьячок Гришка Васильев⁶⁶⁰ 1638–1652

дьячок Ивашка⁶⁶¹ 1665–1672

дьячок Тимошка⁶⁶² 1686–1687

пономарь Федька Васильев⁶⁶³ 1640–1652

пономарь Васька⁶⁶⁴ 1665–1666

пономарь Мишка (Митка?)⁶⁶⁵ 1665–1666
пономарь Ивашка⁶⁶⁶ 1671–1672
пономарь Мишка⁶⁶⁷ 1686–1687

Храм Зачатия Богородицы на рву (в 1686 и 1690–1692 гг. нет
расписок причта за ругу)

поп Иосиф Иванов⁶⁶⁸ 1617–1618
поп Максим Борисов⁶⁶⁹ 1629
поп Петр Кононов⁶⁷⁰ 1631–1652
поп Федор⁶⁷¹ 1665–1672
поп Давыд⁶⁷² 1684
дьячок Гришка Григорьев⁶⁷³ 1629
дьячок Андрюшка Петров⁶⁷⁴ 1631–1638
дьячок Федька Петров⁶⁷⁵ 1640–1452
дьячок Митька⁶⁷⁶ 1665–1672

Храм ап. Марка Евангелиста на рву

поп Федор Володимеров⁶⁷⁷ 1638–1641
поп Стефан Герасимов⁶⁷⁸ 1650–1652
поп Ананья⁶⁷⁹ 1665–1666
поп Иосиф⁶⁸⁰ 1671–1672
поп Кондратей⁶⁸¹ 1684–1687
поп Евстигней Никитин⁶⁸² 1692–1693
дьячок Ивашка⁶⁸³ 1640–1641
дьячок Тимошка⁶⁸⁴ 1650–1652
дьячок Андрюшка⁶⁸⁵ 1665–1672
дьячок Ивашка Митрофанов⁶⁸⁶ 1684–1687
дьячок Ивашка Афонасьев⁶⁸⁷ 1692–1693
пономарь Федька⁶⁸⁸ 1640–1652
пономарь Васка⁶⁸⁹ 1684–1687
пономарь Стенька Евстигнеев⁶⁹⁰ 1692–1693

Храм Рождества Христова

поп Ефрем⁶⁹¹ 1624–1625
поп Иван Григорьев⁶⁹² 1630–1631
поп Григорий Фомин⁶⁹³ 1633–1638

- ¹ ПСРЛ. Т. 13 (1). С. 251–252.
- ² ПСРЛ. Т. 13 (2). С. 334.
- ³ ДАИ. Т. 1. С. 203.
- ⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1630); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 460 (1698–1699).
- ⁵ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1720-е); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 2. Д. 62 (1801).
- ⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217. Л. 2.
- ⁷ АПС. П-1/38, П-1/39 клир.
- ⁸ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585); *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, Московские чудотворцы. М., 1910; Протопопы. Л. 1; Кн. достопам. Л. 55 об. — 57 (житие блаженного Иоанна); *Свящ. Иоанн Ковалевский*. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви: Ист. очерк жития сих подвижников благочестия. М., 1902. С. 245; *Юхименко*. С. 42; ААЭ. Т. 1. С. 440–442 (1594), Т 2. С. 47 (1598, отец следующего протопопа Гаврилы), С. 383 (1604–1605); *Белянкин*. С. 15; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 330.
- ⁹ ААЭ. Т 2. С. 47 (1598); РИБ. Т. 9. С. 250 (1613); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 278 (1615–1616), 281 (1625–1626); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1037 (1627); П.к. 1 и 3 команд. С. 8 (1626); Протопопы. Л. 1.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1634–1636); Протопопы. Л. 1.
- ¹¹ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1636, 1647); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 540 (по 1649); Протопопы. Л. 1.
- ¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 540 (с 1649), д. 541 (1650–1652).
- ¹³ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1653); Протопопы. Л. 1.
- ¹⁴ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1654); Протопопы. Л. 1.
- ¹⁵ Деяние. 1654; ДАИ. 2. С. 458 (биогр.); *Холмогоров Г.И.* Старосты поповские. М., 1911. С. 6 («бывший протопоп старец Авраамий»).
- ¹⁶ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1655); Протопопы. Л. 1.
- ¹⁷ *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7183. С. 197; Протопопы. Л. 1.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666); Ф. 141 (Дела старых лет). Оп. 5. Д. 382 (1674); *Юхименко*. С. 51, *Забелин*. Ч. 1. Стб. 341 (1676, 1679); Вивлиофика. Ч. 6. С. 289 (Док. Собора 1667); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 661 (1675); Кн. достопам. Л. 73; Протопопы. Л. 1.
- ¹⁹ Кн. достопам. Л. 75.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 545 (1685–1686 протопресвитер), д. 546 (1686–1687 нет расписки); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 342 (1686), стб. 483 († 2 дек. 1689) (погребен при храме свт. Николая в Клениках).
- ²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 547 (1689); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 343 (1692); Протопопы. Л. 1.
- ²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 549 (1693–1694 поступил), д. 550 (1694–1695), д. 551 (1697–1698); Ф. 371. Оп. 2. Д. 1051 (1700); Ф. 237. Оп. 1. Ч. 3. Д. 6576 (1696); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7 (1715); ОАС. Т. 9. Стб. 312–313, 507–508 (1729); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 344 (1710, †1723); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 465

- (1698–1699); Переписи XVIII. С. 205 (1718–1723 прож.); Святыни. С. 34–35 (1709); *Юхименко*. С. 45; Протопопы. Л. 1.
- ²³ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 344 (1723 поступил); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (прож., 1657 г. р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 148 (1725); ОАС. Т. 7. Стб. 102 (1727); Т. 9. Стб. 313, 508 (1725, 1729); Протопопы. Л. 1.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 258 (1729); ОАС. Т. 7. Стб. 325 (1727 май); Т. 8. Стб. 302 (1731 апрель – бывш. протопоп); Т. 9. Стб. 508 (1729); Т. 11. Стб. 272–273 (1731); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 344 (1729); Протопопы. Л. 2 (1654 г. р.).
- ²⁵ ОАС. Т. 11. Стб. 475–476 (1731 биогр.), 615–616; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, Д. 31792 (1737); Ф. 390. Оп. 1. Д. 1118 (1737), 1280 (1738); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 4 (1740), д. 5 (†1744), д. 8 (1742), д. 83 (ок. 1740 прож.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 148, 149 (1738, есть сын Ефим), 150 (1743); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 344 (1731–1733). Стб. 345 (1737); *Розанов*. Ч. 1. С. 211. (1738); П.к. 1 и 3 команд. С. 17 (1742); Протопопы. Л. 2.
- ²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 5 (с авг. 1744–1747); АГС. Т. 4. Ч. 3. Стб. 323–324 (биогр.), 325, 339, 344, 345; Протопопы. Л. 3.
- ²⁷ АГС. Т. 4. Ч. 3. Стб. 324 (биогр); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 9 (1754), д. 17 (1756), д. 18 (1756), д. 20 (1757), д. 21 (1757), д. 24 (з.д.), д. 28 (1758), д. 30 (1760), д. 40 (1755); Оп. 747. Д. 267 (1756–1758, брат – соборный пономарь Иван Алексеев); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 1. С. 146–147 (1752); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1754), 1720 г. р.; Протопопы. Л. 3.
- ²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 11 (1755 священник, отец дьячка Михаила Иванова из придела Василия Великого), д. 27 (1761), д. 35 (с 10.06.1760 протопоп), д. 32 (1760, биогр., поступил в собор в 1747 г.), д. 33 (1760), д. 36 (1760), д. 38 (1761), д. 40 (1761), д. 41 (1761), д. 42 (1761), д. 57 (1763).
- ²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56 (1763), д. 57 (1763).
- ³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 61 (1765), д. 62 (1765), д. 67 (1769), д. 71 (1770), д. 71а (1770); Оп. 747. Д. 289 (1768 прож., 1723 г. р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769); *Скворцов*. Вып. 2. С. 29 (†1771); *Белянкин*. С. 15–16; *Юхименко*. С. 52; Протопопы. Л. 4; Кн. достопам. Л. 4.
- ³¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 73 (1772), д. 76 (1772), д. 78 (†03.10.1773), д. 3 (прож.); *Скворцов*. Вып. 2. С. 28 (1771–1772); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 2. С. 97 (1771 принят), 98 (1772–1774), 221, 222 (ошибочно назван Антоновым); Протопопы. Л. 3, 6 об.
- ³² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 82 (1777 з.д.), д. 83 (1778), д. 86 (1781), д. 88 (1783), д. 90 (1787), д. 91 (1790); Оп. 744 клир. Д. 105 (†06.01.1791); Ф. 54. Оп. 182. Д. 673 (1780 план, прож.); РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 16 (1780, план, прож.); *Скворцов*. Вып. 2. С. 18–19 (1773–1777), 115 (1775), 133, 134, 232, 243; *Розанов*. Ч. 3. Кн. 1. С. 25 (1775), 27 (1775–1776), 97 (1777), 166 (1788 – †1790 дек.), 185 (1788), прим. С. 44 (1782), 89, 98 (1779); *Смирнов*. С. 147, 349–350, 359–360, 400, 469, 504, 505, 551; *Филарет (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы. 1720–1858 г. СПб., 1861. С. 360; *Белянкин*. С. 16, 18, 61; Протопопы. Л. 3–5 (биогр.); Кн. достопам. Л. 1 (автограф «Надпись вокруг...»), 5 об. (1776), 8 (1779), 9 (1781), 10 об. (1783), 11 (1785), 12 об (1786), 13 (1788, 1790), 13 об. (†1791), 82 (1784); 1747 г. р.

- ³³ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 105 (1791 назначен); оп. 1. Д. 94 (1798), д. 97 (1797), д. 98 (1798), д. 99 (1802), д. 101 (1803), д. 102 (1809); *Скворцов*. Вып. 2. С. 249, 250, 252, 255, 260 (1798), 624; *Розанов*. Ч. 3. Кн. 1. С. 166–168 (1791–1799). С. 193 (1799), 219 (1799–1800, 1811); *Белянкин*. С. 16; *Юхименко*. С. 52, 63; Протопопы. Л. 5–6 (биопр); Кн. достопам. Л. 13 об. (+17.02.1811), 14 об.; погребен на Лазаревском кладбище.
- ³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1587 (1811–1814), д. 1651 (1821), д. 1705 (1824–1851), д. 1777 (1828); ЦГА Москвы. Ф. 2123. Оп. 1. Д. 1 клир. (1830, тень дьякона Александра Воинова); *Розанов*. Ч. 3. Кн. 1. С. 219 (1811), 221 (1803), 250 (1800); *Розанов*. Ч. 3. Кн. 2. С. 7–8, 10 (1813–1814, 1817–1819), 101 (1813), 119 (1818), 142 (1821); *Белянкин*. С. 16. (+1831, погребен в Новодевичьем монастыре); *Юхименко*. С. 63; Протопопы. Л. 6–8 (биопр). Кн. достопам. Л. 14 об. (поступил в собор 22.02.1811, автограф), 17 об. – 21 (1811), 19–20 об. (1812–1815); *Филарет (Дроздов), митрополит Московский*. Несколько резолюций митр. Филарета по епархиальным и училищным делам. М., 1877. С. 8.
- ³⁵ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1968 (1835), д. 2131 (1831–1842), д. 2259 (1847), д. 2341 (1850); АПС. П-1/38 клир. (1838–1841, 1844–1845, 1847–1853); *Белянкин*. С. 16; *Юхименко*. С. 63; Протопопы. Л. 8; Кн. достопам. Л. 23 об. (1849), 26 об. (+15.08.1853, погребен в Новодевичьем монастыре), 60 об. (1847), 61 (1848, 1849), 63 об. (1850), 64 (1852).
- ³⁶ АПС. П-1/38 клир. (1853–1869), П-1/39 клир. (1870–1872), П-1/44. Ед. хр. 159 (1857, ревиз. 1802 г.р.); МЦВ.1883.7. С. 105 (упом.); Синодик. С. 154; *Белянкин*. С. 58 (1862); *Юхименко*. С. 63; Кн. достопам. Л. 30 об. (1861), 32 (1872), 34 (1866), 35–36 (1866–1867), 38 об. (1869), 39 (1870), 40–41 (1871), 44 (+23.11.1873, погребен в Алексеевском женском монастыре), 64 об. –66 (1854–1857), 68–68 об. (1860, 1861), 69 об. (1863), 70 (1864), 70 об. (1866), 73 (1873); Протопопы. Л. 8–9 (биопр.), 1800 г.р. – +23.11.1873); *Арх. Григорий Воинов*. Из моих воспоминаний. М., 1892. С. 37 (1872); *Голубцов С.* Храм и кафедра богословия ИМГУ – МВТУ // Московский журнал. 2003. № 10 (биопр.); *Анциупова Т.Н.* МГТУ глазами историка. М., 2000. С. 17; *Воскресенский А.И.* Краткое сказание о житии и чудесах святого блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца, почерпнутое из достоверных источников: Пролога, Степенной книги и древней рукописи, хранящейся в библиотеке Покровского собора. М., 1857; *Воскресенский А.И.* Проповеди // Д.ч. 1862. № 7; 1869. № 1, 4; 1869. № 5; 1870. № 10; 1871. № 2.
- ³⁷ АПС. П-1/39 клир. (1874–1877, 1879–1886, вдов с 31.01.1863); *Половцов*. (РБС). Т. XI. С. 34 (биопр.); ОР РГБ. Ф. 172. К. 522. Ед. хр. 2. Л. 39 об.; ЦГА Москвы. Ф. 508. Оп. 8. Д. 3. Л. 1–1 об.; У Троицы в Академии. 1814–1914 гг.: Юбилейн. сборник ист. материалов. М., 1914. С. V–VI, 42–79; Русские достопамятности. М., 1877. Т. 2. С. 35 (биопр.); МЕВ. 1875. Оф. 2. С. 3.; 1876.16. С. 45; 1876.5. С. 10; 1876.37. С. 141; МЦВ. 1881. Оф. 1. С. 4 (упом.); 1882.9. С. 112 (упом.); 1884. Оф. 11. С. 41 (набедренный); 1886.35–37; 1888. Оф. 27. С. 84; 1891.4 (биопр.); Прибавление к «Церковным Ведомостям» 1891. № 3; Синодик. С. 212; Протопопы. Л. 9; Кн. достопам. Л. 44 об. (1873), погребен на Даниловском кладбище; *Надеждин Н.И.* Проповеди и заметки // Д. ч. 1866. № 10; 1869. № 9, 10; 1873. № 1, 9.

- ³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 356. л. 556 об.–557 (1841, рождение); оп. 759. Д. 780 (1894, автограф); Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912); МЦВ. 1881. Оф. 1. С. 1 (упом.); 1886.37. С. 553 (упом); 1888. Оф. 19. С. 62; 1891. Оф. 1 (назначение в собор), 2. С. 4; 1902.32. С. 420 (упом.); 1913.49. С. 1000–1001; МВ. 1913. № 123 (29 мая). С. 3; 124 (31 мая). С. 3 (о погребении); Вся Москва. 1875. Стб. 431; 1878. Стб. 440 (прож.); 1885. Стб. 122 (прож.); 1897. Стб. 277; 1903. Стб. 671, 673; *Юхименко*. С. 63–64; Д.ч. 1913. № 4. С. 567–569; Храм в Слободе Царских печатников: история церкви Успения Пресвятой Богородицы в Печатной слободе / [авт.-сост. — инокиня Магдалина (Корнилова)]. М., 2009 (фото, биогр.); Исторический архив. 2006. № 2. С. 112 (фото, биогр.); *Савва (Тихомиров)*. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. В 9 т. Сергиев Посад, 1898–1911: Т. 3. С. 296–297; Т. 4. С. 724; Т. 7. С. 467; *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора. Н. Новгород, 2010. С. 221–222; *Маркова Н.А.* Родственники митрополита Филарета. М., 2019. С. 4–5, 22, 42 (фото, биогр.); Синодик. С. 201; Протопопы. Л. 9–10 (биогр). *С.К.Б. (священник Константин Богоявленский)*. Указатели к словам и речам высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского. М., 1886. Погребен на Калитниковском кладбище.
- ³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913); оп. 763. Д. 246 (1915, автограф); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Акты Святейшего Тихона. С. 121, 180, 236, 242, 243, 272, 273, 853, 862; *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские. М., 1994. Репринт. Ч. 1. С. 187–192.; Деяние. 2000 (прославление); Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Июнь – август. Тверь, 2003. С. 152–172; *Волобуева и др.* С. 72; *Юхименко*. С. 66–68, 69, 71; Протопопы. Л. 11; *Восторгов И.И.* Полн. собр. соч. В 5 т. М., 1913–1916; Репринт. СПб., 1995.
- ⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912); Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18 (1918 дек. – 1921, биогр., автограф); Ф. 2303. Оп. 1. Д. 111 (1921); АПС. П-1/39 клир. (1883–1886, с 1884.03.08 – ключарь); МЦВ. 1887.14. С. 52 (набедренник), 53; 1892. Оф. 4. С. 18–19 (1892); 1894. Оф. 1. С. 4; 1914. Оф. 48. С. 604–606; 1915. Оф. 21. С. 232. (1915); Вся Москва. 1897. С. 277, 1903. Стб. 673; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739 (1919); Святой отрок Гавриил. М., 1923 (1919); Церковники и их агенты пред народным революционным судом // Революция и церковь (журнал). 1919. № 6/8. С. 62–76; Синодик. С. 192; *Волобуева и др.* С. 128; *Юхименко*. С. 71; *Свящ. Иоанн Ковалевский*. Кремлевские Спасские ворота в Москве. М., 1889; *Он же*. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной русской церкви: исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. М., 1902. И.А. Ковалевский (†1921) погребен на Пятницком кладбище на Рижской (захоронение обнаружено М.Д. Владимировой).
- ⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912); Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18 (1919–1922, биогр., автограф); Ф. 2303. Оп. 1. Д. 111 (1921); *Козлов В.Ф.* Епархиальный дом в Москве. М., 2015 (фото); ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 8. Д. 187 (1922, настоятель); МЦВ.

- 1891.1. (1891, назначение в собор); 1894. Оф. 29 (1894); 1916. Оф. С. 426–434 (1916); Вся Москва. 1897. С. 277; 1903. Стб. 673; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739; Святой отрок Гавриил. М., 1923; Церковники и их агенты пред народным революционным судом // Революция и церковь (журнал). 1919. № 6/8. С. 62–76; *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись Покровского собора. М., 2013. С. 11–12, 16 (†1923, апрель, фото); *Юхименко*. С. 68–69 (фото), 71; Синодик. С. 195; *Волбуева и др.* С. 144; *Кузнецов И.И.* Московский Покровский и святого блаженного Василия, что на Рву, собор. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, московские чудотворцы, в сем соборе почивающие. Спасские ворота. Лобное место. М., 1895; *Он же*. О построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора. М., 1896; *Он же*. Еще новые данные о построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора. М., 1896; *Он же*. Покровский (св. Василия Блаженного) собор в Москве. Святые Василий и Иоанн, Христа ради юродивые. Лобное место. М., 1900; *Он же*. О возобновлении в 1673 году иконы Спаса Нерукотвореннаго и Пречистыя Богородицы и московских чудотворцев Петра и Алексия на западной стене Спасских ворот. М., 1901; *Он же*. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. М., 1910.
- ⁴² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 766. Д. 166. Л. 2 об. –3 (1900, биогр.); Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1836. Л. 25–27 (1904 биогр.); Ф. 2123. Оп. 1. Д. 189. Л. 133 об. –135. (1915); д. 3. Л. 101 об. –103 (1918); Ф. 229. Оп. 4. Д. 3637; Ф. 2303. Оп. 1. Д. 4 (1923 назначение обновленческое), д. 8. Л. 12 (1923); Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 21–22 (1923–1925); *Волбуева и др.* С. 274; *Александрова Т.Л., Суздальцева Т.В.* Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима. М., 2007 (до кончины был настоятелем храма Иоанна Воина на Якиманке, †1944); *Ильинка сквозь века: Хранители царского обета*. М., 2017. С. 77 (фото); погребен на Даниловском кладбище (место захоронения указано М.Д. Владимировой).
- ⁴³ Православные москвичи проводили в последний путь игумена Иосифа (Шапошникова) // Седмица.RU. Сайт Церковно-Научного Центра «Православная Энциклопедия». Новости. 2005. 4 января. URL: <https://www.sedmitza.ru/text/319028.html> (Дата обращения 13.02.2020).
- ⁴⁴ ДАИ. Т. 1. С. 203.
- ⁴⁵ ДАИ. Т. 1. С. 203.
- ⁴⁶ РИБ. Т. 9. С. 163 (1613–1614); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617), д. 403 (1623–1624), д. 281 (1625–1626), д. 471 (1626–1627), д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634).
- ⁴⁷ РИБ. Т. 9. С. 150 (1613–1614); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617), д. 281 (1625–26), д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641); Переписные кн. 1638. Стб. 152 («у него сын подьячей Дмитрий Минчаков»); Росписной список. 1638. С. 127 (прож.).
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619), д. 471 (1626–1627).
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652); Переписные кн. 1638. Стб. 152 («у него зять площадной подьячий Ивашка Лодратов»); Росписной список. 1638. С. 127 (прож.).

- 50 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 409 (1630–1631, освящение придела Василия Блаженного, июль 1631).
- 51 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 409 (1630–1631); Переписные кн. 1638. Стб. 182 (сын Шуригин, возможно, он же Петр Шурыга); Росписной список. 1638. С. 152 (прож.).
- 52 Переписные кн. 1638. Стб. 154 (зять попа Григория Патрекеева, посланного в Грузию, возможно, брат Меркурия Тимофеева); Росписной список. 1638. С. XXX, 129 (прож.).
- 53 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 538 (1645–1646), д. 540 (1647–1648); Переписные кн. 1638. Стб. 183; Росписной список. 1638. С. 153 (прож.).
- 54 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 540 (1647–1648).
- 55 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 540 (1647–1649), д. 541 (1650–1652), возможно, что это Григорий Тимофеев.
- 56 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624), д. 404 (1624–1625), д. 471 (1626–1627), д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 540 (1648–1650), д. 541 (1650–1652 роспись); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1635), 1623–1635 – во Входоиерусалимском приделе, затем соборный; Росписной список. 1638. С. 250 (прож.).
- 57 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 58 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 59 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 60 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 545 (1685–1686), д. 546 (1686–1687), д. 547 (1688–1689); возможно, он же дьякон Назар.
- 61 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 545 (1685–1686), д. 546 (1686–1687), д. 547 (1688–1689), д. 549 (1693–1694), д. 550 (1694–1695); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 308 (1680) (прож.).
- 62 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 341 (1682, соборный ключарь); возможно, он же в приделе Трех патриархов.
- 63 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 64 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685 дьякон), д. 545 (1685–1686 дьякон), д. 546 (1686–1687 дьякон), д. 547 (1688–1689 священник); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1043–1044 (1686 дьякон, 1691 священник); Стб. 1066 (1690).
- 65 *Зерцалов*. 1695. С. 17 (прож.). Возможно, он же дьячок Мишка Фролов из придела Богоявления.
- 66 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685 дьякон), д. 545 (1685–1686 дьякон), д. 546 (1686–1687 дьякон), д. 549 (1693–1694 поп), д. 550 (1694–1695), д. 551 (1697–1698); Переписи XVIII. С. 186. (1718–1723).
- 67 *Зерцалов*. 1695. С. 27 (прож.); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 549 (1693–1694 дьякон), д. 550 (1694–1695 дьякон), д. 551 (1697–1698 поп); Ф. 237. Оп. 1. Ч. 3. Д. 6576 (1696 поп).
- 68 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1691 г. р.), стб. 861 (1731); ОАС. Т. 9. Стб. 507 (1712–1729); Т. 11. Стб. 151, 273 (1731); Т. 28. Стб. 62 (1748, его сын Николай Поповский – в СПб. университете); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 32 (1747, упом. «бывший»); АПС. П-1/44. Ед. хр. 148, 149 (1725, 1738); *Розанов* I. С. 211 (1735, 1738); П.к. 1 и 3 команд. С. 17 (1742).

- ⁶⁹ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1683 г.р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 148 (1725); ОАС. Т. 11. Стб. 273 (1731).
- ⁷⁰ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 520 (1722 поступил); Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1688 г.р.); ОАС. Т. 7. Стб. 195–196 (биогр.).
- ⁷¹ АПС. П-1/44. Ед. хр. 149 (1735).
- ⁷² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 33 (1760), д. 36 (†03.12.1760), д. 83 (1740 упом.); ОАС. Т. 21 (1741 возвращен сан, определен в собор); Т. 29. Стб. 788 (1749, его сын Александр Иванов, беглый уч. СГЛА); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 2. С. 87–88 (1760); П.к. 1 и 3 команд. С. 17 (1742, ц. Василия Блаженного) из с. Вороново Моск. уезда, лишен сана за «слово и дело» в 1734 г. и забрит в солдаты, в 1741 г. возвращен сан и определен в Покровский собор.
- ⁷³ П.к. 1 и 3 команд. С. 71 (1742).
- ⁷⁴ АПС. П-1/44. Ед. хр. 148 (1725, дьякон); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, дьякон, прож., 1676 г.р.); ОАС. Т. 11. Стб. 273 (1731 священник).
- ⁷⁵ Переписные книги. П.к. 4 команды 1737 г., 10 команды 1738 и 1739 гг. Стб. 249 (1722 прож.).
- ⁷⁶ ОАС. Т. 11. Стб. 273 (1731).
- ⁷⁷ ОАС. Т. 11. Стб. 273 (1731).
- ⁷⁸ ОАС. Т. 29. Стб. 789 (1749 сын в СГЛА, беглый ученик Никита Меншиков).
- ⁷⁹ ОАС. Т. 29. Стб. 829 (1749 сын в СГЛА, «непонятный» Иван Сокольский); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761).
- ⁸⁰ Синодик. С. 304 (до 1753, потом храм Троицы в Листах).
- ⁸¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 222 (1768, прож., биогр., 1682 г.р.); оп. 1. Д. 14 (1755).
- ⁸² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 11 (1755).
- ⁸³ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 289 (1768, прож., 1732 г.р., брат дьякона Матвея Савина); оп. 1. Д. 40 (был дьячком в приделе Григория Армянского 1755–1758, затем дьякон в приделе Троицы, в 1761 поставлен в попы), д. 56 (1763).
- ⁸⁴ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 32 (до 1758 – дьякон, 1758–1760), д. 40 (1761), д. 56 (1763), д. 62 (1765), д. 64 (1768), д. 69 (1769), д. 73 (1764–1772, 1727 г.р., поставлен в священники 11.10.1758 в придел Всех святых), д. 78 (1773), д. 79 (1774), д. 85 (1779), д. 86 (1781), д. 87 (1783), д. 88 (1783, 1727 г.р.), д. 90 (1787), д. 94 (1798), д. 97 (1797, 1729 г.р.), д. 99 (1802), д. 101 (1803); Ф. 54. Оп. 182. Д. 673 (1780 план, прож.); РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 16 (1780, план, прож.); *Скворцов*. Вып. 2. С. 608 (ок. 1770 г.); Кн. достопам. Л. 82 (1784).
- ⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 33 (1760), д. 36 (1761), д. 54 (биогр.); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 2. Прил. С. 87–88 (1732 г.р. – †1771).
- ⁸⁶ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 32 (1758, дьякон), д. 33, д. 36 (1760–1761, биогр., поставление в священника), д. 40 (1761), д. 56 (1763), д. 64 (1768), д. 73 (†1771); оп. 747. Д. 289 (1768–1769, прож., 1732 г.р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 2. С. 87–88 (1760); 1732 г.р. – †1771.
- ⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56 (1763), д. 73 (1772), д. 78 (1773), д. 86 (1781), д. 88 (1783), д. 90 (1787), д. 95 (1797, з.д.), д. 98 (†1797), д. 99 (1798–1802 упом. его дом, а он и сын умерли); Ф. 54. Оп. 182. Д. 673 (1780 план, прож.); РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 16 (1780, план, прож.); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 2. С. 326

- (1774), 1731–1732 г. р.; *Белянкин*. С. 15 (биогр., †29.05.1796); Кн. достопам. Л. 9 (1781), 10 об. (1783), 11 (1785), 13 об. (†29.05.1796), 82 (1784); *Юхименко*. С. 52; ОР РГБ. Ф. 277. № 8. Л. 9. (1769–1779, сын Степан Виноградов – 19 л.).
- ⁸⁸ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56 (1763).
- ⁸⁹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 14. Д. 13 (1770–1771 дьякон в соборе, затем священник ц. Димитрия Солунского на Ильинке.); *Скворцов*. Вып. 2. С. 271. Отец архиеп. Московского Августина (Виноградского).
- ⁹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 97 (1797 биогр., ставл. гр.), д. 98 (1798), д. 99 (1798–1802, прож.), д. 101 (1803, 1753 г. р.), д. 102 (1809); оп. 744 клир. Д. 1587 (1814), д. 1651 (1821), д. 1705 (1824); АПС. П-1/44. Ед. хр. 157 (1821); *Скворцов*. Вып. 2. С. 263; *Розанов*. Ч. 3. Кн. 2. С. 192 (1821, 1769–1770 г. р.); Кн. достопам. Л. 17 об. (1811).
- ⁹¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 88 (1783 переведен в собор, 1750 г. р.), д. 90 (1787, дьякон), д. 92 (1791, дьякон, 1754 г. р.), д. 94 (1798, дьякон), д. 97 (1795–1797, 1752 г. р.), д. 101 (1803, биогр., свящ., 1752 г. р.), д. 102 (1809); оп. 744 клир. Д. 105 (1791, прож.); Кн. достопам. Л. 71. (†1810).
- ⁹² Кн. достопам. Л. 21 (†21.01.1823), 70 об. (1810); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1587 (1814, 1779 г. р., вдов); д. 1651 (1821, прож.); д. 1777 († до 1828, дьякон Александр Воинов – его сын, прож. в его доме); АПС. П-1/44. Ед. хр. 157 (1821); *Белянкин*. С. 79 (1812); Кн. достопам. Л. 17 об. (1811), 71 об. (свящ. с 20.06.1810), 77 об.
- ⁹³ Кн. достопам. Л. 21 (12.02.1823 поступил); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1705 (1824, 1776 г. р.), д. 1777 (1828, 1780 г. р.); Ф. 2123. Оп. 1. Д. 1 клир. (1830).
- ⁹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1777 (1828, 1782 г. р., рукоположен в священники к собору 10.05.1825), д. 1968 (1835), д. 2131 (1842, ключарь с 1831), д. 2341 (1850); Ф. 2123. Оп. 1. Д. 1 клир. (1830); АПС. П-1/38 клир. (1838–1841, 1844–1845, 1847–1857); П-1/44. Ед. хр. 158 (†04.09.1857 был ключарем); *Белянкин*. С. 24 (1849, †04.09.1857, погребен на Даниловском кладбище), 61; Кн. достопам. Л. 23 об. (1849), 60 об. (1847), 64 (1853), 65 об.–66 (1856–1857), 71 об. (†04.09.1857).
- ⁹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1968 (1835), д. 2131 (1842), д. 2259 (1847), д. 2341 (1850); АПС. П-1/38 клир. (1838–1841, 1844–1845, 1847–1869); АПС. П-1/39 клир. (1870–1872, 1874–1877, 1879–1886) с 12.09.1857 ключарь, 1795 г. р.; АПС. П-1/44. Ед. хр. 158, указ быть ключарем; АПС. П-1/44. Ед. хр. 159 (1857, ревиз.); *Белянкин*. С. 57–58 (1853–1866); *Юхименко*. С. 59; Кн. достопам. Л. 25 (1853), 25 об. (1856), 30 об. (1861), 32 (1872), 41 (1871), 64 (1853), 65 об.–67 (1856–1858), 69 об. (1862–1863), 70 (1864).
- ⁹⁶ АПС. П-1/38 клир. (1857–1864), 1813 г. р.; АПС. П-1/44. Ед. хр. 159 (1857, ревиз.); Кн. достопам. Л. 67–67 об. (1859), 68 об. (1860), 70 (1864), 72 (биогр).
- ⁹⁷ АПС. П-1/38 клир. (1866–1869); АПС. П-1/39 клир. (1870–1872, 1874–1877, ключарь с 24.08.1874, 1879–1884), 1816 г. р.; Кн. достопам. Л. 33 об. (1865), 36 (1866), 41 (1871); МЕВ. 1875.оф.6. С. 35 (1875); 1876.оф.9. С. 22 (1876); 1876.оф.38. С. 138 (1876); 1881.оф.1. С. 2 (упом.); Синодик. С. 240; *Белянкин*. С. 59 (1865); МЦВ.1884.оф.6. С. 21 (†1884).

- ⁹⁸ АПС. П-1/39 (1874–1875), 1841 г. р.; МЕВ.1876.44. С. 382; МЦВ. 1892.оф.18. С. 83–85; 1916.оф. 41–42. С. 612 (биогр., †26.09.1916); Синодик. С. 209; *Волобуева и др.* С. 132.
- ⁹⁹ АПС. П-1/39 клир. (1876–1877, 1879–1882), 1830 г. р.; МЕВ. 1878.оф.13. С. 61. (1878); Синодик. С. 285.
- ¹⁰⁰ АПС. П-1/39 клир. (1883–1887, свящ.), 1857 г. р.; МЦВ. 1884.оф.6. С. 21 (назначен в собор); 1887.оф.14. С. 52 (набедренник); 1888.34. С. 108; 1889.оф.29; 1890.оф.16; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 3155 (1911, ц. Всех Святых на Кулишках, протоиерей); *Волобуева и др.* С. 26; Семейный генеалогический сайт MyHeritage. URL: https://www.myheritage.com/names/василий_барбарин?lang=RU (Дата обращения 25.02.2020) (фото, †1918). *Свящ. В. Барбарин*. Ветхозаветные указания на троичность лиц в Боге (Против иудействующих и субботников). М., 1890; *Он же*. Жизнь и чудеса святых блаженных Василия и Иоанна, Христа ради юродивых, московских чудотворцев. М., 1888 (переиздания – 1890, 1894, 1903, 1910); *Он же*. Московский Покровский и св. Василия Блаженного собор. М., 1888 (переиздания – 1892, 1906); *Он же*. Необходима ли видимая сторона в таинствах и сколько таинств должна иметь истинная церковь Христова? М., 1889; *Он же*. Хлыстовщина: Разбор 12 заповедей основателя хлыстовщины Даниила Филипповича. М., 1890.
- ¹⁰¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 763. Д. 246 (1915); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Ф. 1371. Д. 15, Л. 33 об. –36 (1916, биогр.); Богословский сборник (Вестник ПСТБИ). 2000. № 6. С. 287 (1918); *Волобуева и др.* С. 121.
- ¹⁰² ЦГА Москвы. Ф. 2303. Д. 218. Л. 1–2 (1930 биогр.); Акты Святейшего Тихона. С. 872–873; *Доненко Н., прот.* Протоиерей Роман Иванович Медведь // Московский журнал. 1996. № 3. С. 19–24; *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2000. Кн. 4. С. 288–367, 475; *Волобуева и др.* С. 178; Деяние 2000 (прославление). Мощи почивают в храме Покрова на Лышиковой горе. *Волобуева и др.* С. 214.
- ¹⁰³ ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 18 (1921–1925); ЦГА Москвы. Ф. 2124. Д. 2761 (1916, биогр., Л. 28 об. –32); Ф. 229. Оп. 4. Д. 4203; *Волобуева и др.* С. 325.
- ¹⁰⁴ ДАИ. Т. 1. С. 203.
- ¹⁰⁵ Кн. достопам. Л. 57 об. (житие блаженного Иоанна); *Свящ. Иоанн Ковалевский*. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви: Ист. очерк жития сих подвижников благочестия. М., 1902. С. 247.
- ¹⁰⁶ Переписи XVII. С. 116 (1620).
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624), д. 404 (1624–1625), д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 412 (1633), д. 543 (1633–1634).
- ¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634), д. 536 (1640–1641).
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641); Росписной список. 1638. С. 19 (прож., сын просвирницы ц. Космы и Дамиана в Ст. Панех); Переписные кн. 1638. Стб. 19 (служит у Троицы на рву), возможно, он же поп Никита в 1646.

- ¹¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 538 (1645–1646), д. 540 (1648–1650), д. 541 (1650–1652).
- ¹¹² РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Д. 540 (1648–1650), д. 541 (1650–1652).
- ¹¹³ *Забелин*. Ч. 2, Стб. 222 (1657, прож.).
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), возможно, он же поп Назар Яковлев.
- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 547 (1688–1689), д. 549 (1693–1694), д. 550 (1694–1695), д. 551 (1697–1698).
- ¹¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 551 (1697–1698).
- ¹¹⁸ ОАС. Т. 11. Стб. 605 (1731); Т. 15. Стб. 393 (1739 у присяги не был); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 83 (1740); АПС. П-1/44. Ед. хр. 149 (1738, прож.); П.к. 1 и 3 команд. С. 17 (1742).
- ¹¹⁹ АПС. П-1/44. Ед. хр. 148 (1725); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож. 1702 г. р.); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 675 (1728 переведен священником в ц. Георгия на Всполье), возможно, сын протопопа Михаила Григорьева.
- ¹²⁰ ОАС. Т. 11. Стб. 605 (1731).
- ¹²¹ ОАС. Т. 11. Стб. 605 (1731).
- ¹²² ОАС. Т. 21. Стб. 108, 110 (в 1736 лишен сана за «слово и дело»).
- ¹²³ АПС. П-1/44. Ед. хр. 149 (1738, прож.).
- ¹²⁴ П.к. 1 и 3 команд. С. 71 (1742).
- ¹²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 32 (1747).
- ¹²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 33 (1760); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 2. С. 87–88 (1760).
- ¹²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 62 (1765 посвящен).
- ¹²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 289 (1768, прож., 1728 г. р., брат свящ. Гавриила Савина).
- ¹²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768), д. 65 (1769, посвящен в 1761), д. 73 (1772), д. 78 (1773), д. 86 (1781), д. 88 (†1783); Оп. 747. Д. 289 (1768, прож., Демьян, 1736 г. р.); Ф. 54. Оп. 182. Д. 673 (1780, план, прож.); РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 16 (1780, план, прож.); *Юхименко*. С. 52.
- ¹³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 102 (1809); оп. 744 клир. Д. 1587 (1814), д. 1651 (1821); АПС. П-1/44. Ед. хр. 157 (1821); *Белянкин*. С. 21 (рукоположен в дьякона к собору 1809 г., вывозил ризницу в 1812 г.); Кн. достопам. Л. 4 (1812), 18 (1812), 21 (1823 рукоположен в священника в ц. Николы в Пыжах).
- ¹³¹ Кн. достопам. Л. 21 (1823 биогр.); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1777 (1823–1828), д. 1968 (1835, прож., биогр., сын свящ. Даниила Воинова и зять прот. Иоанна Шумилина-Платонова).
- ¹³² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 2131 (1838–1842), д. 2259 (1847); АПС. П-1/38 клир. (1838–1841, 1844–1845, 1847–1853, 1855–1860), 1794 г. р.; П-1/44. Ед. хр. 159 (1857, ревиз.); *Белянкин*. С. 58 (1856); Кн. достопам. Л. 23 об. (1849), 25 об. (1856), 60 об. (1847), 71 об. (†1.10.1860, погребен в Покровском монастыре).
- ¹³³ АПС. П-1/38 клир. (1853–1867), 1828 г. р.; П-1/44. Ед. хр. 159 (1857, ревиз.); Кн. достопам. Л. 36 (1867), 68 об. (1860).
- ¹³⁴ АПС. П-1/38 клир. (1862–1869, пономарь); П-1/39 клир. (1870–1872 псаломщик, с 31.07.1872 дьякон, 1874–1879), 1841 г. р.

- ¹³⁵ АПС. П-1/38 клир. (1866–1869); П-1/39 клир. (1870–1871); Кн. достопам. Л. 72. (биогр., †28.08.1872); *Арх. Григорий Воинов*. Из моих воспоминаний. М., 1892. С. 35–41 (1872).
- ¹³⁶ АПС. П-1/38 клир. (1860–1869); П-1/39 клир. (1870–1872, в 1872 г. переведен в ц. Николы Москворецкого 15 мая, потом 2 сент. обратно на дьячское место (был на дьячковском), 1874–1877, 1879–1887), 1836 г. р.; ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913 упом. как умерший); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 (1916, упом.); Вся Москва. 1897. С. 277, 1903. Стб. 673.
- ¹³⁷ АПС. П-1/39 клир. (1882–1887), 1845 г. р.
- ¹³⁸ АПС. П-1/39 клир. (1883–1887, псаломщик), 1860 г. р.; Вся Москва. 1897. С. 277; ЦГА Москвы. Ф. 2125. Д. 357 (1912, ц. Бориса и Глеба на Поварской, дьякон); *Волобуева и др.* С. 51.
- ¹³⁹ АПС. П-1/39 клир. (1886–1887 псаломщик); ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912, с 1886 псаломщик, с 02.03.1897 дьякон); Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913), 1865 г. р.; Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18 (1623); Ф. 2303. Оп. 1. Д. 111 (1921); Вся Москва. 1897. С. 277; Вся Москва. 1903. Стб. 673; *Волобуева и др.* С. 29.
- ¹⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912, с 1897 псаломщик, с 12.04.1907 дьякон); Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913, 1870 г. р.); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18 (1623); Вся Москва. 1903. Стб. 673; *Волобуева и др.* С. 195.
- ¹⁴¹ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ¹⁴² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 540 (1648–1650); Переписные кн. 1638. Стб. 276; Росписной список. 1638. С. 227 (прож).
- ¹⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652), возможно, одно лицо с дьячком Андрюшкой.
- ¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- ¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 198 (1684–1685).
- ¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 545 (1685–1686), д. 546 (1686–1687).
- ¹⁴⁷ *Зерцалов*. 1695. С. 14 (прож.).
- ¹⁴⁸ *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 2000. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 2 ч.
- ¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 549 (1693–1694), д. 550 (1694–1695); *Зерцалов*. 1695. С. 16 (прож.).
- ¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 551 (1697–1698).
- ¹⁵¹ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726), сын дьякона (потом свящ.) Стефана Артемьева 1707 г. р.
- ¹⁵² П.к. 8 команды. Мещанская часть. Стб. 204 (1739–1745).
- ¹⁵³ П.к. 7 части. Сретенская и Яузская. Стб. 93 (1737–1745).
- ¹⁵⁴ П.к. 4 команды, 10 команды. Стб. 101 (1737).
- ¹⁵⁵ *Скворцов*. Вып. 2. С. 611 (ок. 1771).
- ¹⁵⁶ *Скворцов*. Вып. 2. С. 611 (ок. 1771).

- 157 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 75 (1772 определен, биогр.), д. 77 (1772), д. 83 (1778), д. 86 (1781), д. 88 (1783), д. 90 (1787), д. 94 (1798), д. 97 (1795–1797, 1754 г. р.), д. 99 (1802), д. 101 (1803), д. 102 (1809).
- 158 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 86 (1781), д. 88 (1783), д. 90 (1787 упом. как дьячок, а расписался «пономарь»), д. 97 (1795–1797, 1760 г. р.), д. 99 (1802), д. 101 (1803), отец пономаря Дмитрия Петрова и, возможно, Михаила Петрова.
- 159 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 99 (1802), д. 101 (1803), д. 102 (1809 пономарь); оп. 744 клир. Д. 1587 (1814), д. 1598 (1816), д. 1651 (1821, биогр., 1782 г. р.), тесть дьячка Федора Семенова.
- 160 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1587 (1814), д. 1598 (1816), д. 1651 (1821, 1794 г. р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 157 (1821, подозрение в краже).
- 161 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1777 (1828), д. 1968 (1835), д. 2131 (1842, биогр., до 1838 пономарь, 1796 г. р.), д. 2259 (1847), д. 2341 (1850); оп. 745. Д. 553. Л. 357 об. –358 (1839, биогр.); Ф. 2123. Оп. 1. Д. 1 клир. (1830, 1801 г. р.); АПС. П-1/38 клир. (с 1817 пономарь, с 16.06.1825 дьячок, 1838–1841, 1844–1845, 1847–1850) 1799 г. р.; П-1/44. Ед. хр. 157 (1825).
- 162 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1705 (1824), д. 1777 (1828), д. 1968 (1835, дьячок с 1825, 1801 г. р.), д. 2131 (1842, 1797 г. р.), д. 2259 (1847, 1800 г. р.), д. 2341 (1850); Ф. 2123. Оп. 1. Д. 1 клир. (1830); АПС. П-1/38 клир. (1838–1841, 1844–1845, 1847–1853, 1855–1862), 1800 г. р.; П-1/44. Ед. хр. 159 (1857, ревиз.); *Белянкин*. С. 58 (1861); Кн. достопам. Л. 30 об. (1861), 71 об. –72 (биогр., †18.08.1862).
- 163 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1705 (1822–1824), д. 1777 (1828), д. 1968 (1835); Ф. 2123. Оп. 1. Д. 1 клир. (1830, 1771 г. р.).
- 164 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 2131 (1842), д. 2259 (1847), д. 2341 (1850); АПС. П-1/38 клир. (1844–1845, 1847–1853, 1855–1869, с 22.08.1862 дьячок); П-1/39 клир. (1870–1872), 1820 г. р.; П-1/44. Ед. хр. 159 (1857, ревиз.); *Белянкин*. С. 54, 58 (1853–1861); Кн. достопам. Л. 25 (1853 дьячок), Л. 30 об. (1861).
- 165 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 289 (1768, прож., 1733 г. р.).
- 166 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 62 (1765).
- 167 АПС. П-1/39 (72, 1874–1877, 1879–1882), 1849 г. р.
- 168 АПС. П-1/39 клир. (1874–1876), 1851 г. р.
- 169 АПС. П-1/39 клир. (1877, 1879–1880), 1844 г. р.
- 170 АПС. П-1/39 клир. (1882–1884), 1856 г. р.; *Волобуева и др.* С. 223.
- 171 АПС. П-1/39 клир. (1881), возможно, он же (см.: *Волобуева и др.* С. 140).
- 172 АПС. П-1/39 клир. (1885), 1864 г. р.
- 173 Адрес-календарь г. Москвы на 1892 год. М., 1892. С. II; *Вся Москва*. 1897. С. 277;
- 174 *Вся Москва* 1903. Стб. 673; 1904. Стб. 617; вероятно, он же (см.: *Волобуева и др.* С. 105).
- 175 ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 (1907–1913), 1883 г. р.; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739; *Церковники и их агенты пред народным революционным судом // Революция и церковь (журнал)*. 1919. № 6/8; Святой отрок Гавриил. М., 1923; *Волобуева и др.* С. 369.

- 176 ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912), д. 203; оп. 772. Д. 307 клир. (1916); Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18 (1919–1925, 1875 г. р. биогр.); Ф. 2303. Оп. 1. Д. 111 (1921); Церковники и их агенты пред народным революционным судом // Революция и церковь (журнал). 1919. № 6/8; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739; Святой отрок Гавриил. М., 1923; *Волобуева и др.* С. 67. 1875 г. р.
- 177 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632).
- 178 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 179 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641).
- 180 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632 пономарь в ц. ап. Андроника), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634 пономарь в ц. ап. Андроника), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652).
- 181 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 182 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 183 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 184 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 545 (1685–1686), д. 546 (1686–1687), д. 547 (1688–1689), д. 550 (1694–1695).
- 185 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 545 (1685–1686).
- 186 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687), д. 547 (1688–1689).
- 187 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 549 (1693–1694), д. 550 (1694–1695), д. 551 (1697–1698).
- 188 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 549 (1693–1694), д. 551 (1697–1698).
- 189 *Забелин.* Ч. 1. Стб. 344 (+1710, зять пономаря Гавриила Семенова).
- 190 *Забелин.* Ч. 1. Стб. 344 (1710, поставлен на место тестя – Матвея Иванова).
- 191 *Забелин.* Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1697 г. р.).
- 192 *Забелин.* Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1717 г. р.).
- 193 АПС. П-1/44. Ед. хр. 149 (1735, у него жена Ирина Борисова, вдова).
- 194 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 289 (1768, биогр., прож.; 1742 г. р.), возможно, он же сторож Иван Симеонов.
- 195 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768); оп. 747. Д. 267 (1756–1758, 1738 г. р., брат протопопа).
- 196 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 33 (1760); оп. 474. Д. 267 (1759, 1730 г. р., брат дьячка Василия Степанова придела Иоанна Предтечи).
- 197 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 88 (1783), д. 86 (1781), д. 90 (1787), д. 101 (1798, 1758 г. р.).
- 198 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 83 (1778, 1751 г. р.), д. 86 (1781), д. 88 (1783), д. 90 (1787); *Скворцов.* Вып. 1. С. 14 (1792–1793, переведен в звонари Успенского собора); Ф. 54. Оп. 182. Д. 673 (1780 план, прож.); РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 16 (1780, план, прож.).
- 199 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 97 (1795–1797, 1775 г. р.).
- 200 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 102 (1809).
- 201 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 1587 (1814, 1785 г. р., сын дьячка Петра Иванова), д. 1651 (1821), д. 1705 (1824); АПС. П-1/44. Ед. хр. 157 (1821).
- 202 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744 клир. Д. 335. Л. 354 об. –355 (1839); АПС. П-1/38 клир. (1838–1841, 1816 г. р.).

- ²⁰³ П.к. 1 и 3 команд. С. 8 (1626); Переписные кн. 1638. Стб. 7.
- ²⁰⁴ Росписной список. 1638. С. 66. (прож.).
- ²⁰⁵ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 229 (1639–1657).
- ²⁰⁶ ОАС. Т. 9. Стб. 508 (1729); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 83 (около 1740); АПС. П-1/44. Ед. хр. 149 (1738, прож.); П.к. 1 и 3 команд. С. 17 (1742).
- ²⁰⁷ АПС. П-1/44. Ед. хр. 150 (до 1756, биопр. 1701 г. р.).
- ²⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 61 (1765).
- ²⁰⁹ ОАС. Т. 9. Стб. 181 (ранее 1729).
- ²¹⁰ АПС. П-1/44. Ед. хр. 148 (1725); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 548 (1722–1726, прож.); ОАС. Т. 9. Стб. 506 (1729).
- ²¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 83 (1740 примерно); П.к. 1 и 3 команд. С. 17 (1742).
- ²¹² ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. (1912); Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916).
- ²¹³ ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 217 клир. († до 1912); Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1 клир. (1913, упом.); Ф. 203. Оп. 772. Д. 307 клир. (1916, упом.).
- ²¹⁴ ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 461; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- ²¹⁵ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ²¹⁶ РИБ. Т. 9. С. 273, XVI (1613–1614).
- ²¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619), д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629); П.к. 1 и 3 команд. С. 8 (1626).
- ²¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 404 (1624–1625 дьякон Никита), д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631, дьякон), д. 532 (1631–1632, с 1632 поп), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652).
- ²¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. д. 542 (1665–1666).
- ²²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672); д. 544 (1684–1685); д. 546 (1686–1687).
- ²²¹ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- ²²² *Зерцалов*. 1695. С. 13 (прож., сын свящ. ц. Ипатия Гангрского Василия Семенова и отец свящ. ц. Никола Большой Крест Георгия Кириллова, был в соборе недолго, затем был на месте отца в Ипацкой ц.).
- ²²³ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 343 (1699).
- ²²⁴ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1683 г. р.).
- ²²⁵ ОАС. Т. 11. Стб. 273, 610 (1731); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); АПС. П-1/44. Ед. хр. 150 (1743).
- ²²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 4 (1740).
- ²²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 13 (1755), д. 40 († до 1761), возможно, тесть Никиты Иванова.
- ²²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768), д. 67 (1769), д. 69 (1769); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769); *Скворцов*. Вып. 2. С. 608 (ок. 1770).
- ²²⁹ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ²³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634).
- ²³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652).

- 232 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652, взял деньги вместо дьякона Бориса).
- 233 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 234 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672), д. 544 (1684–1685).
- 235 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693).
- 236 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1689 г. р.).
- 237 ОАС. Т. 11. Стб. 603 (1731).
- 238 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (до 1765, выбыл в ц. свт. Николая в Грузинах).
- 239 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 240 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633).
- 241 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634).
- 242 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641).
- 243 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 244 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 245 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 246 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 247 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687).
- 248 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 249 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562. (1722–1726, прож., 1707 г. р.).
- 250 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 4 (1740, сын Авраамия Евсеева).
- 251 АПС. П-1/44. Ед. хр. 150 (до 1743).
- 252 АПС. П-1/44. Ед. хр. 150 (1743, биогр.).
- 253 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 13 (1754, без указа).
- 254 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 13 (1755, 1735 г. р.).
- 255 ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 461; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 256 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 257 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619); Переписи XVII. С. 29 (1620).
- 258 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619), д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 340 (1635–1636).
- 259 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646).
- 260 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 261 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 262 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672), вероятно, он же – дьякон Михаил Григорьев и священник Михаил Григорьев Смольянинов.
- 263 ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 340; *Юхименко*. С. 42 (1674), вероятно, он же поп Михаил и дьякон Михаил Григорьев.
- 264 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 265 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); *Зерцалов*. С. 29 (прож.).
- 266 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1667 г. р.); ОАС. Т. 11. Стб. 273, 615–616 (1731).
- 267 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1739).
- 268 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 15 (1753–1755); *Розанов*. Ч. 2. Кн. 1. Прил. С. 85–86.

- 269 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761), д. 41 (1761), д. 64 (1768), д. 70 (1769); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769).
- 270 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 271 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624), д. 404 (1624–1625), д. 281 (1625–1626).
- 272 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629).
- 273 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 412 (1633), д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 412 (он же получил ладан на придел Василия Блаженного), д. 541 (1650–1652); Забелин. Ч. 1. Стб. 339 (1635); Росписной список. 1638. С. 250. (прож.), вероятно, он же поп Михаил и священник Михаил Григорьев Смолянинов.
- 274 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 275 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666, дьякон в соборе), д. 543 (1671–1672).
- 276 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 277 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687).
- 278 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 279 ОАС. Т. 11 С. 603 (1731).
- 280 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768), д. 74 (1772, з. д.).
- 281 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 282 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 409 (1630–1631), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646); Росписной список. 1638. С. 250 (прож.).
- 283 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 284 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 285 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 286 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 287 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 288 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1701 г. р.).
- 289 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 267 (1759, 1738 г. р.); оп. 1. Д. 41 (1760, перешел к ц. Успения у Гостиного двора).
- 290 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 41 (1761, биогр., 1744 г. р., брат дьячка Ивана Иванова из придела Григория Армянского — д. 30).
- 291 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768 без указа).
- 292 ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 461; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 293 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 294 РИБ. С. 275, 347 (1613–1614); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617).
- 295 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 404 (1624–1625).
- 296 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1636).
- 297 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629, пономарь ц. Марии Егип.), д. 532 (1631–1632, соборный пономарь), д. 533 (1632–1633, соборный пономарь), д. 536 (1640–1641, поп), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1643), сын попа Меркурия Тимофеева.
- 298 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672), д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 299 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690, Входеоерусалимский придел); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693, Входеоерусалимский придел), д. 549 (1693–1694

- и далее соборный причт), д. 550 (1694–1695), д. 551 (1697–1698); Ф. 237. Оп. 1. Ч. 3. Д. 6576 (1690–1702); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 520 (1722).
- ³⁰⁰ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1669 г. р.); ОАС. Т. 11 Стб. 615–616 (1731); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 348 (1743); П.к. 5, 6 и 12 команды. С. 104 (1741–1744).
- ³⁰¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 9 (1754–1755, отец пономаря Андрея Никифорова).
- ³⁰² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 21 (1720 г. р., в 1757 поставлен в священника из дьячков ц. Киприана и Иустины, а там был с 1741), д. 40 (1761), д. 64 (1768).
- ³⁰³ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ³⁰⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626).
- ³⁰⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629).
- ³⁰⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 412 (1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652); Переписные кн. 1638. Стб. 170 (ц. Троицы на рву); Росписной список. 1638. С. 142. (прож.).
- ³⁰⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- ³⁰⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- ³⁰⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687).
- ³¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- ³¹¹ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1714 г. р.); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 9 († до 1754).
- ³¹² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 9 (1754–1755), сын свящ. Никифора Петрова.
- ³¹³ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., 1706 г. р.).
- ³¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768 без указа).
- ³¹⁵ ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 461; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- ³¹⁶ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ³¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617), д. 471 (1626–1627).
- ³¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619), вероятно, он же Ортемий Шишкин.
- ³¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633).
- ³²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 404 (1624–1625), д. 281 (1625–1626), д. 471 (1626–1627), д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 340 (1636–1647).
- ³²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- ³²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- ³²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672), д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- ³²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- ³²⁵ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1678 г. р.); ОАС. Т. 11. (1731).
- ³²⁶ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., дьякон придела Николы Великорецкого, 1708 г. р.); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 344 (1729 дьякон); ОАС. Т. 9. Стб. 313 (1729 дьякон); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 129 (1747 свящ., прож.), д. 40 (1761), д. 56 (1763), д. 64 (1768); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769).
- ³²⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624, возможно, это соборный дьякон — см. дьякон Иван Поликарпов).

- 328 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 129 (1747, прож., 1719 г. р.).
- 329 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 330 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624, возможно, из ц. Григория Армянского).
- 331 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626).
- 332 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1628–1629), д. 532 (1631–1632).
- 333 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1628–1629, в Троицком приделе), 532 (1631–1632) (возможно, сын попа Дорофея из придела Варлаама Хутынского).
- 334 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 335 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646).
- 336 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 337 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 338 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 339 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 340 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., сын попа Григория Иванова, 1713 г. р.); ОАС. Т. 11 (1731).
- 341 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 486 (1734, биогр., перешел в ц. Космы и Дамиана на Покровку).
- 342 ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 461; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 343 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 344 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626).
- 345 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632), д. 412 (1633), д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1635–1644).
- 346 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 347 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 348 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633, соборный дьякон), д. 538 (1645–1646 свящ.), д. 542 (1665–1666 свящ.); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 486 (упоминается в 1734 г. как умерший 40 лет назад, отец дьячка Василия Иванова).
- 349 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672), д. 544 (1684–1685).
- 350 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- 351 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1670 г. р.); ОАС. Т. 11. Стб. 273, 615–616 (1731); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (†05.09.1737).
- 352 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, дьячок, сын свящ. Михаила Прохорова, прож., 1717 г. р.); РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 6841 (1743–1744, поп).
- 353 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 28 (1758).
- 354 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 28 (1758, в 1754 был дьячком в Троицком приделе), д. 29 (1760, произведен в священники к ц. Михаила Малеина).
- 355 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 29 (1760, биогр., произведен), д. 40 (1761), д. 42 (1760–1761), д. 64 (1768).
- 356 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 357 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 358 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 359 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).

- 360 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629, соборный пономарь), д. 532 (1631–1632), 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634).
- 361 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629).
- 362 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646); Переписные кн. 1638. Стб. 244; Росписной список. 1638. С. 43 (прож.).
- 363 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 364 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 365 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 366 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 367 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 368 РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 6841 (1743–1744, сын свящ. Михаила Прохорова, брат свящ. Федора Михайлова).
- 369 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 18 (1756, произведен в священники в Сретенский монастырь).
- 370 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 18 (1756), 1738 г. р.
- 371 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 44 (1761).
- 372 ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 462; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 373 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 374 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1616–1617), д. 398 (1618–1619 брал ладан и в придел Трех патриархов), д. 281 (1625–1626).
- 375 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632), д. 412 (1633, брал ладан в собор, а в др. день – к своему приделу), д. 533 (1632–1633); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 и далее (1635–1642).
- 376 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1633–1634).
- 377 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1635, 1642).
- 378 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 379 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 380 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 381 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 382 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1694).
- 383 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 384 Переписи XVIII. С. 115 (1717).
- 385 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1682 г. р.); ОАС. Т. 9. Стб. 508 (1712–1729); ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1739).
- 386 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 12 (1753), д. 27 (1758), д. 83 (1740, прож.); П.к. 1 и 3 команд. С. 17 (1742).
- 387 П.к. 1 и 3 команд. С. 71 (1742).
- 388 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 27 (1758–1761, биогр., 1740 г. р., сын свящ. Алексея Сильвестрова, посвящен в дьякона и свящ.), д. 64 (1768), д. 83 († ок. 1771 г.); ОАС. Т. 50. Стб. 675 (1770); *Скворцов*. Вып. 1. С. 98 (1771 переводился в ц. Николая Заяицкого, но умер); *Скворцов*. Вып. 2. С. 28 (†1771, зять прот. Иоанна Антипова).
- 389 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624).

- ³⁹⁰ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ³⁹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629).
- ³⁹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- ³⁹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645).
- ³⁹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 538 (1646), д. 541 (1650–1652).
- ³⁹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- ³⁹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- ³⁹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- ³⁹⁸ *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- ³⁹⁹ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1680 г.р.).
- ⁴⁰⁰ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1676 г.р.).
- ⁴⁰¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 12 (1753), д. 64 (1768 без указа).
- ⁴⁰² ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 462; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- ⁴⁰³ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ⁴⁰⁴ РИБ. Т. 9. С. 163, 379–380 (1613–1614); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617), д. 404 (1624–1625), д. 281 (1625–1626), д. 471 (1626–1627).
- ⁴⁰⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629), д. 409 (1630–1631, дьякон – ошибочно), д. 532 (1631–1632), д. 412 (1633), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1635–1644); Переписные кн. 1638. Стб. 4 (Василия Блаженного, что на рву); Росписной список. 1638. С. 6 (прож.).
- ⁴⁰⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- ⁴⁰⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- ⁴⁰⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- ⁴⁰⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672), д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- ⁴¹⁰ *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1667 г.р.); РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 90 (1727), см.: Михаил Иванов ц. Иоанна Предтечи 1690.
- ⁴¹¹ ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731).
- ⁴¹² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 19 (1756), д. 30 (1760), д. 40 (1755–1761), д. 64 (1768).
- ⁴¹³ ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- ⁴¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624), д. 281 (1625–1626).
- ⁴¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629, одновременно с попом Федором Савиновым), д. 409 (1630–1631 брал ладан в свой придел и в ц. Варлаама Хутынского).
- ⁴¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632).
- ⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633).
- ⁴¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641).
- ⁴¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 538 (1645–1646).
- ⁴²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652).
- ⁴²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- ⁴²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672), д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693).

- 423 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 424 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1717 г. р., сын попа Михайла Иванова, возможно, он же в 1768 г. церковник).
- 425 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737), вероятно, сын попа Федора.
- 426 АПС. П-1/44. Ед. хр. 151 (1747).
- 427 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 19 (1756 поступил), д. 30 (1759).
- 428 АПС. П-1/44. Ед. хр. 153 (1757); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 30 (1760, биогр., 1737 г. р.), брат Александра Иванова из Никольского придела, в д. 41.
- 429 ДАИ. Т. 1. С. 203; *Забелин*. Ч. 2. Стб. 461; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 430 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 431 РИБ. Т. 9. С. 184 (1613–1614).
- 432 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617).
- 433 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619).
- 434 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629).
- 435 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 436 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 339 (1636, 1647); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652).
- 437 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 438 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693), д. 393 (1691–1693); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 708.
- 439 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1677 г. р.); ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731).
- 440 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761), д. 64 (1768), д. 67; оп. 747. Д. 142. Л. 137 об. (1744, биогр., прож., пономарь в соборе, 1727 г. р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769).
- 441 *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1739).
- 442 ДАИ. Т. 1. С. 203 (1584–1585).
- 443 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626), д. 529 (1629).
- 444 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634).
- 445 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633).
- 446 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641); Переписные кн. 1638. Стб. 18 (сын просвирницы ц. Воскресения на Ильинке); Росписной список. 1638. С. 18. (прож.).
- 447 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652).
- 448 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 449 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 450 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 451 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687).
- 452 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 453 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1667 г. р.).
- 454 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768 без указа).
- 455 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624).

- 456 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 388–390.
- 457 *Успенская Л.С.* Святыни Покровского собора. М., 2004. С. 37.
- 458 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 463–464.
- 459 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563.
- 460 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 464; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 461 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 403 (1623–1624).
- 462 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 404 (1624–1625); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 349 (1635), Росписной список. 1638. С. 152. (прож.).
- 463 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 349 (1635).
- 464 Переписные кн. 1638. Стб. 114; Росписной список. 1638. С. 93 (прож.).
- 465 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- 466 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 349 (1635).
- 467 Переписные кн. 1638. Стб. 183 («у нее сын поп Лазарь»); Росписной список. 1638. С. 152 (прож.).
- 468 Переписные кн. 1638. Стб. 114, Росписной список. 1638. С. 93. (прож.).
- 469 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7 (упом. в 1714 г., постригся в Ипатьевский монастырь, священник, брат священника Бориса Тихонова).
- 470 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1669 г.р.); ОАС. Т. 11. Стб. 273, 615–616 (1731); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7 (1714–1746); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1739); Переписи XVIII. С. 22 (указан как священник ц. Ризоположения Рождественского монастыря, жил рядом с монастырем); П.к. 1 и 3 команд. С. 88 (1742).
- 471 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7 (1714–1746).
- 472 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7 (1746, биогр., рукоположен, но не служил, перешел в Николаевскую госпитальную ц., 1721 г.р.).
- 473 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563, (1722–1726, прож., дьячок, 1680 г.р.); ОАС. Т. 11. Стб. 273 (1731); АПС. П-1/44. Ед. хр. 149 (1738, прож.).
- 474 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 62 (1763–1765), д. 55 (1763, поставлен из ц. Сошествия Св. Духа за Пречист. воротами. во второго попа), д. 69 (1769), д. 71а (1770); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769).
- 475 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 23 (1758, з.д.), д. 40 (1761), д. 55 (1763), д. 56 (1763), д. 63 (упом., до †1766).
- 476 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1700 г.р.).
- 477 ОАС. Т. 11. Стб. 603 (1731), возможно, он же дьякон Иван Матвеев.
- 478 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 22 (1749–1755), д. 56 (1763 упом.), тесть следующего дьякона Алексея Алексеева.
- 479 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 45 (1761), д. 56 (биогр., поступил в 1761), д. 62 (1765), д. 64 (1768), д. 79 (1774), д. 80 (1774, упом.); оп. 747. Д. 289 (1768, прож., 1739 г.р.); Ф. 54. Оп. 182. Д. 673 (1780 план, бывш. дьякон, канцелярист); РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 16 (1780, план, прож.); *Скворцов*. Вып. 2. С. 622 (1772, упом.); из сторожей Ивановского монастыря.
- 480 *Скворцов*. Вып. 2. С. 271 (1770, позолотчик по полименту и лакировщик).
- 481 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619).
- 482 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56 (1763), д. 63 (1763, биогр., был без указа); АПС. П-1/44. Ед. хр. 154 (1763, биогр., 1743 г.р.).

- 483 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563, 1680 г. р.
- 484 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56 (1763).
- 485 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56 (1763).
- 486 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768 без указа).
- 487 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56 (1763).
- 488 ОАС. Т. 7. Стб. 298 (нач. XVIII в.).
- 489 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 462; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 490 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 278 (1615–1616) (АМ).
- 491 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617–1618), д. 398 (1618–1619), д. 403 (1623–1624), д. 404 (1624–1625), д. 529 (1629), д. 533 (1632–1633); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 340 (1628) (АМ).
- 492 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 281 (1625–1626 дьячок в Троицком приделе), д. 529 (1629 дьячок в Троицком приделе), д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632, поп Маркел (М)), д. 533 (1632–1633 (М)), д. 534 (1633–1634, поп Марк (МА)), д. 536 (1640–1641, (МА)), д. 538 (1645–1646 подписи нет), д. 541 (1650–1652 А); Переписные кн. 1638. Стб. 178 (ц. Троицы на рву), (АМ, А).
- 493 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652) (М).
- 494 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652) (М) (на место попа Федора).
- 495 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666) (А).
- 496 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666) (М).
- 497 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685, расписался поп Петр Савельев, (А)).
- 498 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687, (А)); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- 499 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687) (М).
- 500 ОАС. Т. 9. Стб. 313 (+1723) (А).
- 501 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1672 г.р.); ОАС. Т. 9. Стб. 312 (1729, прож.), 507 (1728–1729, поставлен в 1724); ОАС. Т. 11. Стб. 273, 615–616 (1731); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 344 (1727–1729), 348 (1737); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); Ф. 235. Оп. 1. Д. 3440 (1737 освящение, антиминос), (А).
- 502 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685 дьякон в приделе Богоявления), д. 546 (1686–1687 дьякон в приделе Богоявления), д. 548 (1692–1693); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1661 г.р.) (М).
- 503 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., дьячок, 1706 г.р.); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761), д. 64 (1768); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769); П.к. 5, 6 и 12 команды. Стб. 94. (1741–1746, поп) (М).
- 504 ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737) (М).
- 505 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 17 (1756), д. 40 (1761), (возможно, он же соборный дьячок Иван Стефанов в 1720-х).
- 506 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629), д. 532 (1631–1632), д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646, подписи нет) (АМ).
- 507 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652) (М).
- 508 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641, пономарь (АМ)), д. 538 (1645–1646, (АМ)), д. 541 (1650–1652 дьячок, (А)) сын попа Марка.
- 509 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652) (М).
- 510 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666) (М).

- 511 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672) (М), возможно, одно и то же лицо с 1650 г.
- 512 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666) (А).
- 513 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685, вероятно, сын попа Петра Савельева) (М).
- 514 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687) (М).
- 515 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685) («поп Петр Савельев расписался», – вероятно, его отец), д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693) (А).
- 516 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693) (М, подписи нет).
- 517 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693) (М).
- 518 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1697 г. р.) (А).
- 519 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 31 (1760 в приделе Варлаама Хутынского), д. 42 (1760–1761), д. 64 (1768) (А).
- 520 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768), д. 81 (1774) (М).
- 521 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652) (М).
- 522 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666) (А).
- 523 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685, «поп Петр Савельев расписался», – вероятно, его отец), д. 546 (1686–1687) (А).
- 524 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1719 г. р.) (А).
- 525 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 17 (1756).
- 526 РИБ. Т. 9. С. 215.
- 527 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 463; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 528 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617), д. 403 (1623–1624), д. 404 (1624–1625), д. 409 (1630–1631).
- 529 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633), д. 533 (1632–1633).
- 530 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641).
- 531 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652).
- 532 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 543 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652); Росписной список. 1638. С. 18 (прож.).
- 533 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); *Зерцалов*. 1695. С. 19 (прож.).
- 534 Переписи XVIII. С. 187 (1718); *Успенская Л.С.* Святыни Покровского собора. М., 2004. С. 37 (1726); *Юхименко*. С. 52; возможно, сын предыдущего священника придела.
- 535 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1700 г. р.); ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 11 (1755); оп. 747. Д. 142, д. 267 (1749–1756, вдов и бездетен, 1706 г. р.); возможно, внук и сын предыдущих священников придела.
- 536 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 38 (1761, перешел в ц. Георгия в Ендове).
- 537 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 38 (1761, поставлен в священники из дьяконов ц. Успения в Казачьей), д. 56 (1763), д. 62 (1765), д. 64 (1768), д. 69 (1769–1770); оп. 747. Д. 289 (1768, прож., 1732 г. р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769); *Скворцов*. Вып. 2. С. 608 (ок. 1770, придел Трех патриархов, †1771).
- 538 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).

- 539 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 540 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 11 (1755, сын свящ. Ивана Васильева).
- 541 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 16 (1756, з. д.).
- 542 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 39 (1761, поставлен в пономари).
- 543 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768).
- 544 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 463; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 545 РИБ. Т. 9. С. 183, 296 (1613–1614).
- 546 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619).
- 547 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646, нет подписи), 541 (1650–1652); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 328 (прож. до 1639).
- 548 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 549 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 404 (1624–1625).
- 550 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633).
- 551 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 534, д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646, нет подписи), д. 541 (1650–1652).
- 552 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 553 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 328 (1681, «двор в приходе ц. Богородицы в Столешниках, что был попа Семена Васильева»); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 554 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- 555 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 556 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1677 г. р.).
- 557 ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737).
- 558 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761), д. 64 (1768); оп. 747. Д. 289 (1768, прож., 1726 г. р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769).
- 559 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 560 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 561 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1713 г. р.).
- 562 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768 без указа), д. 68 (1769–1770, поставлен в свящ. в село).
- 563 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 463; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 564 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 348 (1635).
- 565 П.к. 1 и 3 команд. С. 8 (1626, поп); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 348 (1638, поп); Переписные кн. 1638. Стб. 9 (1638 протопоп?).
- 566 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 348 (1642).
- 567 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646 подписи нет), д. 541 (1650–1652).
- 568 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641, дьячок), д. 538 (1645–1646, дьячок, подписи нет), д. 541 (1650–1652, дьячок), д. 542 (1665–1666, поп), д. 543 (1671–1672, поп).
- 569 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 570 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 571 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633).

- 572 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646, подписи нет), д. 541 (1650–1652).
- 573 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 574 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 575 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693), д. 393 (1691–1693); *Зерцалов*. 1695. С. 28 (прож. в Зарядье); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1722–1726, прож., «за Никицкими ворота в приходе ц. Смоленские Богородицы», 1667 г. р.); ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731), возможно, сын предыдущего священника придела.
- 576 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); АПС. П-1/44. Ед. хр. 149 (1738, прож.); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1739); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 14 (1755), д. 40 (1761), д. 56 (1763), д. 64 (1768); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769).
- 577 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 578 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687).
- 579 *Зерцалов*. 1695. С. 29 (прож.); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562, 1677 г. р.
- 580 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 14 (1755, постригся в Боровский монастырь).
- 581 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 14 (1755, 1741 г. р., сын свящ. Ивана Иванова, выбыл).
- 582 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 562 (1772–1776, прож., 1703 г. р.).
- 583 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1765–1768, до 1765 в приделе Троицы).
- 584 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 464; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 585 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619).
- 586 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 349 (1634–1653); Переписные кн. 1638. Стб. 183; Росписной список. 1638. С. 152 (прож.); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 404 (1624–1625), д. 412 (1633).
- 587 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619).
- 588 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690), возможно, он же поп Михайло Иванов в приделе Григория Армянского.
- 589 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1684 г. р.); ОАС. Т. 9. Стб. 507 (1729) ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731).
- 590 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); Ф. 1183. Оп. 1. Д. 466 (1739); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1739).
- 591 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761), д. 64 (1768).
- 592 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563 (1722–1726, прож., 1685 г. р.); П.к. 5, 6 и 12 команды. С. 104 (1741–1744, прож.); П.к. 4 и 10 команды. Стб. 171 (1737–1739, прож.).
- 593 П.к. 1 и 3 команд. Стб. 358 (до 1732, прож.); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 25 (+1743).
- 594 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 267 (1759), 1729 г. р. (брат соборного пономаря Петра Степанова, прож.).
- 595 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 563, 1682 г. р.; *Николаева М.Н.* Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи. В 2 т. М., 2004. Т. 2. № 623. С. 92 (поручитель).
- 596 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768), возможно, брат свящ. Гавриила Владимировича.

- 597 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 598 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- 599 Переписи XVIII. С. 245. (1718–1723), возможно, отец Григория Александрова и Бориса Александрова.
- 600 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1694 г. р.).
- 601 ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731), вероятно, он же – Иван Иванов (см. ниже).
- 602 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 10 (1754); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1739).
- 603 Переписи XVIII. С. 22. (1717, дьячок придела Николы Великорецкого); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1693 г. р.).
- 604 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 10 (1754, принят в 9 лет, 1745 г. р.).
- 605 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 60 (1764).
- 606 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 464–465; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 607 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 409 (1630–1631), д. 532 (1631–1632), возможно, он же – в 1618 г. в приделе Феодосии.
- 608 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 609 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633).
- 610 Росписной список. 1638. С. 66 (прож.); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646 подписи нет).
- 611 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 612 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 613 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632).
- 614 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 615 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646 подписи нет), д. 541 (1650–1651), д. 543 (1671–1672).
- 616 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632).
- 617 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 618 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646 подписи нет).
- 619 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 620 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 621 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 533 (1632–1633), д. 534 (1633–1634).
- 622 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632).
- 623 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646 подписи нет), д. 541 (1650–1652).
- 624 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 625 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687), д. 548 (1692–1693); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 3948 (1682 – до 1702).
- 626 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 3948 (1702, зять свящ. Спиридона Архипова).
- 627 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 430 (1717, перешел в ц. Воскресения у Арбатских ворот).
- 628 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1676 г. р.); ОАС. Т. 11. С. 615–616 (1731); РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792 (1737); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 888 (1738).
- 629 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761), д. 71а (1770); оп. 747. Д. 289 (1768, прож., 1721 г. р.); АПС. П-1/44. Ед. хр. 155 (1769).
- 630 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).

- 631 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 632 *Николев*. С. 63 (до 1721).
- 633 *Николев*. С. 63 (1721, поставлен из села Воздвиженского); *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1689 г. р.).
- 634 ОАС. Т. 11. С. 603 (1731).
- 635 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 8 (1742–1747, поставлен в священники в село, 1717 г. р.).
- 636 *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1754 переведен из собора).
- 637 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 20 (1757, поставлен в священники в Соловецкую пустынь); *Скворцов*. Вып. 1. С. 8 (1754, поставлен из дьячков ц. Спаса на Болвановке).
- 638 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 20 (1757, биопр., 1735 г. р., поставлен из села), д. 56 (1763, упом.).
- 639 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 548 (1692–1693).
- 640 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1677 г. р.).
- 641 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 43 (1761).
- 642 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 643 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 644 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1714 г. р.).
- 645 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768 без указа).
- 646 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 464; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64.
- 647 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 409 (1630–1631), д. 409 (1630–1631), д. 412 (1633); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 349 (1629–1643).
- 648 *Забелин*. Ч. 1. Стб. 1067 (1690).
- 649 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1667 г. р.); ОАС. Т. 11. Стб. 615–616 (1731); П.к. 1 и 3 команд. Стб. 338 (1723–1745, прож.).
- 650 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 40 (1761), д. 56 (1763), д. 64 (1768); *Скворцов*. Вып. 2. С. 608, 622 (ок. 1772, переведен в ц. Воскресения в Преображенском).
- 651 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 564 (1722–1726, прож., 1714 г. р., сын попа Ивана Федосеева).
- 652 П.к. 2 команды. Тверская часть. Стб. 10, 36 (1738–1742, прож.); ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 64 (1768).
- 653 ЧОИДР. 1859. Кн. 2. С. 59.
- 654 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 655 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 463–464.
- 656 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 398 (1618–1619).
- 657 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633), д. 409 (1630–1631), д. 536 (1640–1641), д. 541 (1650–1652); Переписные кн. 1638. Стб. 74; Росписной список. 1638. С. 68 (прож.); *Забелин*. Ч. 1. Стб. 439 (1652).
- 658 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 659 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 660 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 541 (1650–1652); Переписные кн. 1638. Стб. 74; Росписной список. 1638. С. 68 (прож.).
- 661 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 662 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687).

- 663 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 541 (1650–1652).
- 664 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 665 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 666 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 667 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 546 (1686–1687).
- 668 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 397 (1617–1618).
- 669 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629).
- 670 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 412 (1633), д. 534 (1633–1634), д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652); Переписные кн. 1638. Стб. 10; Росписной список. 1638. С. 11 (прож.).
- 671 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 672 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685).
- 673 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 529 (1629).
- 674 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 532 (1631–1632), д. 412 (1633), д. 534 (1633–1634); Переписные кн. 1638. Стб. 10. (сын попа Петра Кононова); Росписной список. 1638. С. 11 (прож.).
- 675 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 538 (1645–1646), д. 541 (1650–1652), сын попа Петра Кононова, возможно, он же – следующий поп Федор.
- 676 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–66), 543 (1671–72).
- 677 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641); Переписные кн. 1638. Стб. 183; Росписной список. 1638. С. 153 (прож.).
- 678 *Забелин*. Ч. 2. Стб. 639; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 679 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666).
- 680 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 543 (1671–1672).
- 681 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 682 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 683 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641).
- 684 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 541 (1650–1652).
- 685 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 542 (1665–1666), д. 543 (1671–1672).
- 686 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 687 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 688 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 536 (1640–1641), д. 541 (1650–1652).
- 689 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 544 (1684–1685), д. 546 (1686–1687).
- 690 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 548 (1692–1693).
- 691 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 404 (1624–1625).
- 692 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 409 (1630–1631).
- 693 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 412 (1633); Переписные кн. 1638. Стб. 183; Росписной список. 1638. С. 153 (прож.).

Степан Саввич Нарбеков против Успенского собора. Эпизод из истории межевания в России XVII века

В собрании Синодальных свитков и грамот отдела рукописей Государственного Исторического музея хранится комплекс документов¹, касающийся поземельного спора между двумя крупными землевладельцами. Одна из сторон спора — Большой Успенский собор Москвы, место венчания на царство российских государей, усыпальница митрополитов. Другая сторона — думный дворянин Степан Саввич Нарбеков, происходивший из древнего знатного рода². Родоначальник Нарбековых — мурза Большой Орды Багрим, приехал в Москву на службу к великому князю Василию II и принял православие, причем его крестным отцом стал сам великий князь. В середине XVII в. Нарбековы породнились с царствующим домом Романовых. Екатерина Федоровна Нарбекова была матерью царицы Марии Ильиничны Милославской. Предки Степана Саввича прославились на военной стезе и на государевой службе, за что были пожалованы землями в разных местах, в том числе и в Бежецком уезде Новгородской волости, по соседству с землями Успенского собора. Небольшой смежный участок границы владений стал предметом спора между соседями, ход которого можно проследить по вышеуказанным грамотам.

Данный комплекс содержит челобитные участников спора, поданные царям Иоанну и Петру Алексеевичам, дела, подготовленные подьячими Поместного приказа с выписями из писцовых и межевых книг разных лет по спорным землям, копии с данных на земли, сказки свидетелей по делу, результаты проведенного сыска и очных ставок, чертежи спорных земель с указанием межи и наказы межевщикам. Вся информация расположена в документах непоследовательно, имеются повторы и лакуны. Вероятно, часть свитков с описанием данного дела была либо утрачена, либо на-

ходится в других хранилищах³. Представленная ниже последовательность событий является реконструкцией, основанной на документах, хранящихся в фондах ОР ГИМ.

Дело началось с челобитной ключаря Успенского собора Иакова Иванова, поданной 18 июня 1692 г.⁴ Ключарь бил челом государям с просьбой обновить межевые знаки и признаки, обозначающие границы владения Успенского собора — деревни Сабель с прилегающими землями, расположенными в Верховском стане Бежецкого уезда Новгородской волости. Последнее межевание данных земель проводилось в конце 20-х гг. XVII в. межевщиком Даниилом Свечиным⁵. Спустя 60 лет представление о четких границах владений было утрачено в силу изменения течения реки Ужени, которая разделяла земли Нарбекова и Успенского собора. Такая ситуация стала причиной систематически возникающих конфликтов, что, вероятно, и побудило ключаря Успенского собора подать вышеупомянутую челобитную.

В ответ на эту челобитную последовал указ государей от 20 июня 1692 г., в котором межевщику Венедикту Гавриловичу Моклакову⁶ и подьячему Исайе Баскакову⁷ было велено обновить межу⁸.

Исполнению указа воспрепятствовали приказчик и крестьяне смежных с землями Успенского собора владений Степана Саввича Нарбекова — деревни Миновской. 19 августа 1692 г. представителем Нарбекова Андреем Теплыниным была подана челобитная⁹, в которой было заявлено, что крестьяне Успенского собора неправильно указывают границу своей земли. Согласно писцовым книгам Даниила Свечина 1627—1629 гг., эта граница проходит по реке Ужени. Как утверждалось в челобитной Теплынина, крестьяне Успенского собора намеренно вводят межевщиков в заблуждение, ложно называя речкою Уженью ручей Гневаш. Кроме того, в челобитной обращалось внимание на обрушение земли на некоторых участках реки Ужени и изменение ее русла вследствие этого обстоятельства. В связи с этим представители Нарбекова просили разобраться в данной ситуации прежде, чем проводить межевание. А для подтверждения факта обмана со стороны крестьян Успенского собора они просили опросить незаинтересованных в данном межевании лиц, проживающих в окрестностях.

В ответ на это челобитье представители Успенского собора попросили провести очную ставку с Андреем Теплыниным, которая и была назначена на 21 августа. Однако Теплынин на нее не явился

без указания причин, за что был схвачен и посажен на съезжий двор. Очная ставка, тем не менее, состоялась¹⁰, со стороны Нарбекова выступили его крестьяне. На очной ставке каждая из сторон настаивала на своем. Тогда среди окрестных жителей был проведен сыск по поводу наличия обвалов на реке Ужени. Опрос 420 человек показал следующее: 22 человека сказали, что старое русло реки Ужени действительно засыпано, 395 человек — что оно не засыпано, 4 человека воздержались от дачи показаний (рис. 1). Данные этого сыска решили дело в пользу Успенского собора.

С этим решением, с росписью земель, сказкой и крепостью от приказчика Нарбекова Василия Теплынина межевщики, представители Успенского собора и С.С. Нарбекова поехали на спорные земли 24 августа. На месте крестьяне Нарбекова указали межевщикам, где проводить границу, крестьян же Успенского собора к процессу межевания не допустили. В то время на место межевания пришел сбежавший из-под стражи Андрей Теплынин, который привел с собой крестьян. И, как свидетельствует в своей челобитной священник Иоанн, управляющий деревней Сабель: «И они стрельцов били и писца чуть не убили ж, / собрався многолюдством человек ста с три с дубьем, / и земли межевать не дали. А прикащик Васька Те/плынин-то им кричит: «Положу богородицких кре/стьян человек дватцать или больши на земле, а ме/жевать-де земли не дам. А меня-де хоть и повесят. А стою / я за землю по указу и по письму государя моего Стефа/на Савича»¹¹. По словам того же священника Иоанна в письме Нарбекова, на которое ссылался Василий Теплынин, было указано стоять накрепко. Чем закончилась данная история, неизвестно. А в Москву была отправлена указанная выше челобитная управляющего деревней Сабель с подробным описанием произошедшего инцидента и с просьбой наказать ослушников¹² (рис. 2).

Вероятно, в дальнейшем стороны стали собирать документы, подтверждающие их правоту на территориальные притязания. 13 октября тот же священник Иоанн подал межевщику Венедикту Моклакову и подьячему Исайю Баскакову выпись из бежецких писцовых и межевых книг, в которой была указана старая межа с писцовыми признаками, расставленными по всей границе владений Успенского собора¹³. А 14 октября к межевщикам явился Василий Теплынин. Крепостей на земли он не подал, сославшись на то, что крепости находятся в Москве у Степана Саввича. Зато он подал

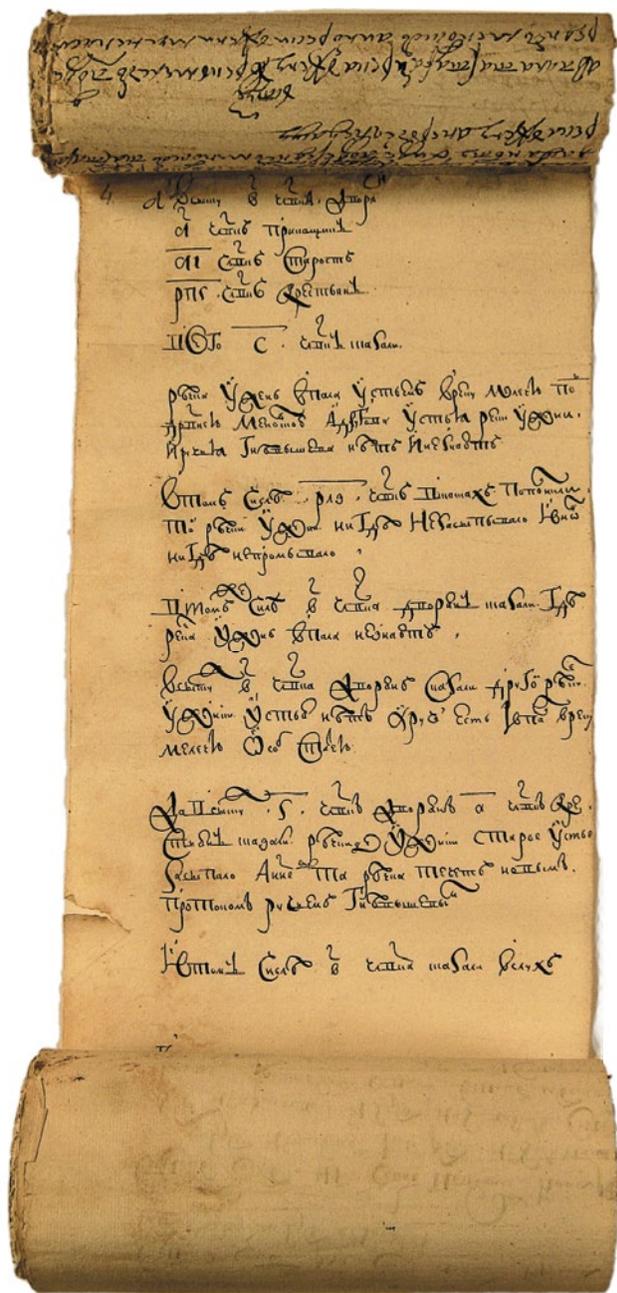

Рис. 1. Синодальная грамота 1855 (фрагмент). Итоги сыска

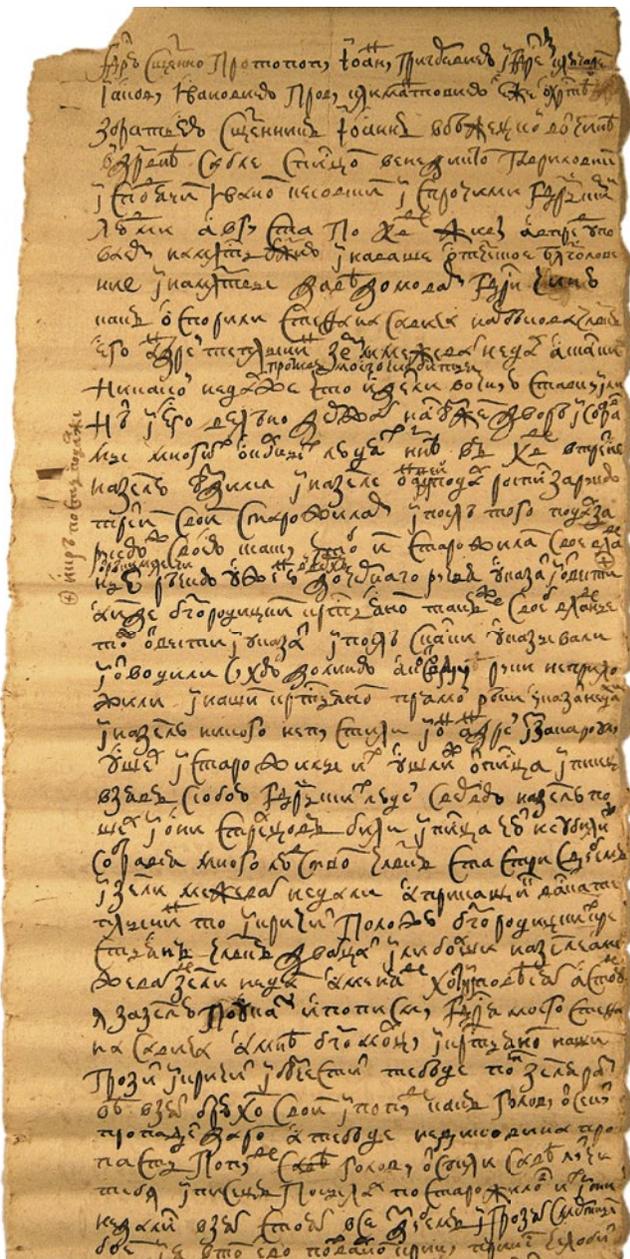

Рис. 2. Синодальная грамота 1850 (фрагмент). Отписка священника Иоанна о том, что приказчик Василий Теплынин мешает межеванию земель

сказку, в которой были обозначены границы земель, и отправил челобитную к государям с просьбой отложить межевание до подходящего сезона и дожждаться крепостей из Москвы¹⁴.

Скорее всего, просьба о переносе сроков межевания была удовлетворена, и дело было отложено примерно на год. На основании информации, имеющейся в одной из грамот комплекса¹⁵, можно предположить, что межевание спорных земель возобновилось 20 сентября 1694 г. В источнике отмечено, что в этот день состоялся отвод земель. По ходу дела было выявлено наличие обвалов в некоторых местах течения реки Ужени, о чем между сторонами учинился спор, как в 1692 г. В одной из челобитных стороны, «поговоря меж / себя полюбовно, усмотря крепостей, договорились, что / учинить межа от реки Мелечи речкою Уженью старою, которую засыпало, вверх до Черного ручья»¹⁶, о чем и была подана заручная любовная челобитная государям¹⁷.

Как именно размежевали земли, неизвестно, так как спустя несколько лет спор возобновился. В 1697 г. С.С. Нарбеков подал государю новую челобитную с чертежом спорного участка (рис. 3)¹⁸. Дело в том, что в начале этого года (21 февраля и 16 марта) царем Петром Алексеевичем был издан ряд указов, касающихся судопроизводства¹⁹. В этих указах в числе прочего предусматривалось вместо очных ставок проведение расспросов и «розысков о свидетелях», наказание лжесвидетелей. Данными законодательными актами и воспользовался Степан Саввич. В поданной челобитной он обвинил подьячего Поместного приказа Леонтия Львова в сговоре с протопопом и ключарями Успенского собора, а также с межевщиком Венедиктом Моклаковым. Львов якобы направил подложную грамоту Моклакову с указанием размежевать спорные земли не по любовной челобитной, а по сказкам «дальних жителей и недрузей» Нарбекова, вероятно, имелся ввиду опрос, подтвердивший правоту крестьян Успенского собора в споре 1693 г. Таким образом Нарбеков хотел инициировать проверку правильности проведенного в 1694 г. межевания, результаты которого ущемляли его интересы. Кроме того, челобитная повторяла просьбу размежевать земли по любовной челобитной, о которой упоминалось выше, т. е. по меже Даниила Свечина, с учетом установленного факта обвалов земли по течению реки Ужени. Кроме того, Нарбеков попросил поменять межевщика, так как к Венедикту Моклакову у него, по понятным причинам, доверия не было.

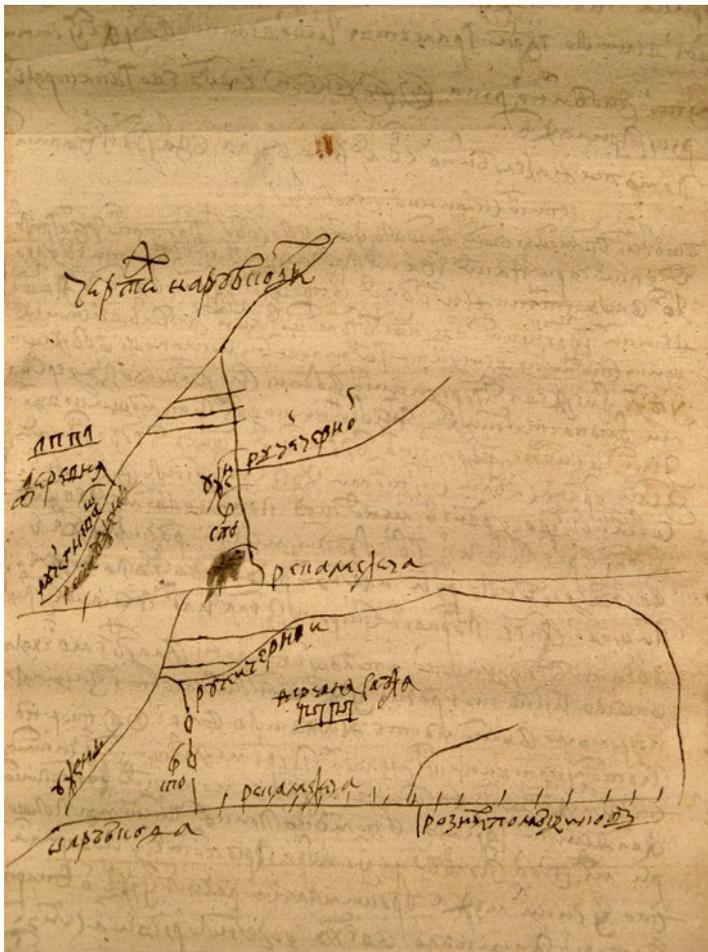

Рис. 3. Синодальная грамота 1855 (фрагмент). Чертеж спорного участка земли, представленный С.С. Нарбековым

Разумеется, в ответ на эту челобитную протопоп Успенского собора обратился к государю с просьбой не верить обвинениям Нарбекова²⁰.

16 июня 1697 г. в Поместном приказе думные дьяки Протасий Иванович Никифоров, Автоном Иванович Иванов²¹ и другие слушали это дело и приговорили²²:

1. Послать грамоту к Венедикту Моклакову, велеть ему те земли межевать по прежнему указу, по статьям писцового наказа, по за-

ручной челобитной думного дворянина Стефана Саввича Нарбекова и протопопа Успенского собора с братией, разыскать и размежевать «в правду».

2. Подьячих и служилых людей к этому межевому делу взять в Бежецком верхе у воевод.

3. Послать воеводе об этом послушную грамоту и о послушной грамоте послать в Разряд память. Вервь²³ (мерные веревки — длинник (80 сажень) и поперечник (30 сажень) взять у челобитчиков. А сажень запечатать и послать из Поместного приказа.

4. Отказать Нарбекову в просьбе поменять межевщика.

5. Воеводе Бежецкого верха разыскать о сопротивлении межеванию крестьян Нарбекова.

6. Дать Моклакову людей, пушкарей и стрельцов для обеспечения проведения межевания.

7. Обо всем этом сообщать в Поместный приказ.

8. Моклакову прислать прежнюю грамоту в Москву (вероятно, имеется ввиду «подложная» грамота подьячего Леонтия Львова, в которой было написано межевать «против государева указу»).

Был ли исполнен данный приговор, сказать определенно нельзя. Известно, что дело Нарбекова и Успенского собора еще раз обсуждалось в Поместном приказе спустя полтора месяца — 3 августа 1697 г.²⁴ На этот раз постановили:

1. Послать грамоту к Венедикту Моклакову по прежнему приговору 16 июня, велеть ему те земли по заручной полюбивной челобитной и по розыску размежевать «в правду», чтобы больше не было споров о межевании.

2. Точно расписать Моклакову соглашение полюбивного челобитья.

3. Прежнюю грамоту прислать в Поместный приказ.

4. Неуказанные в полюбивной челобитной пограничные земли Успенского собора и С.С. Нарбекова размежевать по наказу.

5. Межевые книги с подписями прислать в Поместный приказ.

Вероятно, данный приговор не успел вступить в силу, т. к. в процессе рассмотрения данного дела возник еще один спорный участок на меже — рыбные ловли²⁵. И через десять дней, 13 августа, думные дьяки Никифоров и Иванов с товарищами вынесли другое решение с учетом новых обстоятельств²⁶:

1. Воеводе Бежецкого верха, представителям Успенского собора и С.С. Нарбекова вместе с жителями окрестных земель осмотреть

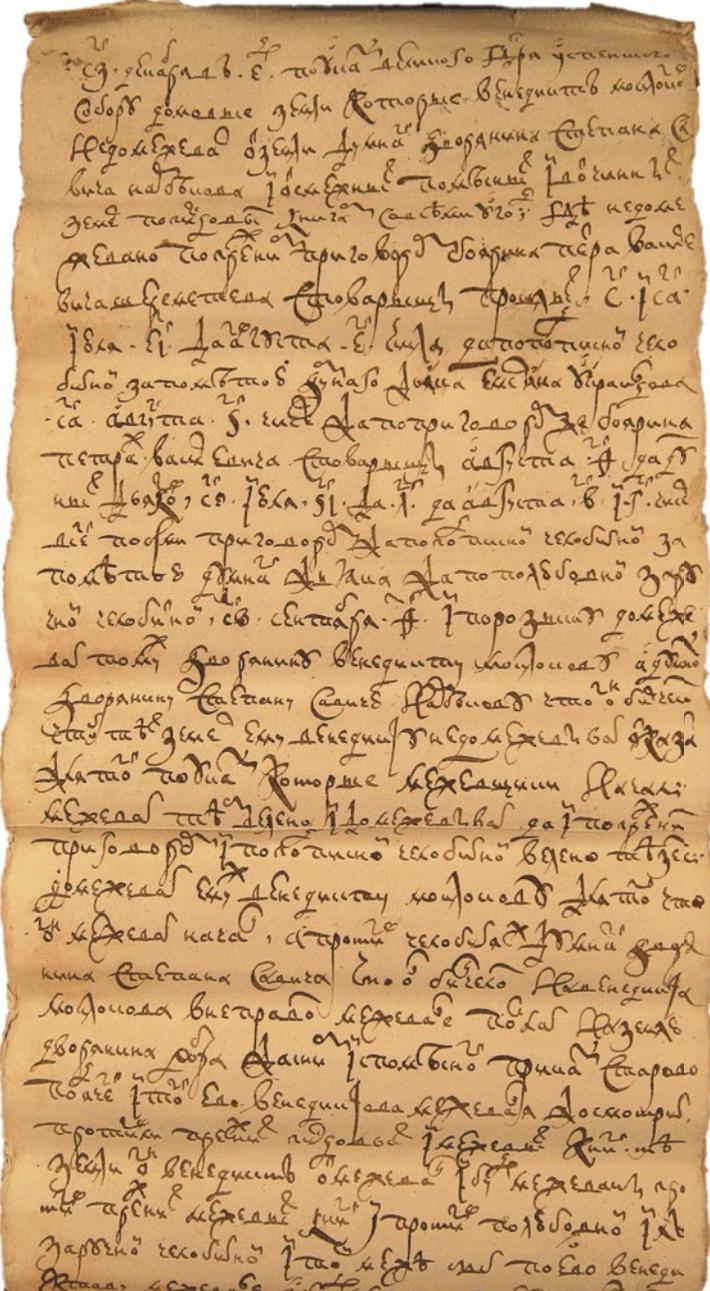

Рис. 4. Синодальная грамота 1865 (фрагмент). Наказ межевщику В.Г. Моклакову

эти рыбные ловли и другие объекты на спорном участке (мельницы, подтопленные луга) — как они соотносятся с имеющимися у сторон документами и писцовыми книгами.

2. Нарисовать чертеж спорного участка.

3. Результаты осмотра и чертеж прислать в Поместный приказ.

Результат окончания спора по поводу рыбных ловель неизвестен в силу отсутствия в ОР ГИМ источников, содержащих какую-либо информацию на этот счет. Последним документом, имеющимся в распоряжении авторов, является наказ межевщику Венедикту Моклакову, датированный 5 декабря 1698 г.²⁷ (рис. 4):

1. Моклакову велено domeжевать спорные земли по полюбовной челобитной 1694 г., по розыску и по приговорам Поместного приказа, т. к. по указам царя от 1697 г. межевание должен закончить тот межевщик, который его начал.

2. Относительно обвинений Нарбекова в адрес межевщика Моклакова — поручено отправить дворянина и опытного подьячего из Поместного приказа для проверки. Если же выяснится, что межевание было произведено не по писцовым книгам и не по полюбовной челобитной 1694 г., то результаты этого межевания требуется отменить и размежевать по вышеуказанным документам.

3. При расследовании должны присутствовать и Венедикт Моклаков, и представители С.С. Нарбекова.

4. За неправильное межевание у межевщика и у челобитчиков будет изъята половина поместий и вотчин. Эти конфискованные земли будут отданы тому, чья правота будет доказана.

5. Относительно насильственных действий при межевании людей С.С. Нарбекова приказано провести расследование, а также допросить тех, кто дал противоречивые показания, с какой целью это было ими сделано.

6. Обо всем этом подготовить указы и послать в Разряд память.

Установить, был ли выполнен данный наказ, и чем закончился спор С.С. Нарбекова и Успенского собора, можно по писцовой и межевой книге Венедикта Гавриловича Моклакова, но найти ее пока не удалось. Поиски планируется продолжить.

¹ ОР ГИМ. Син. грам. 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1865.

² Хамамото Мами. Русификация мусульманской верхушки и русская аристократия (на примере родословия Нарбековых) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tataroved.ru/tatmurzi/ntatarstan/1>. (Дата обращения 24.05.2019).

- 3 До сих пор материалы по данному комплексу в других хранилищах не найдены.
- 4 ОР ГИМ Син. грам. 1856.
- 5 Межевые книги Даниила Свечина — РГАДА. Фонд 1209. Ед. хр. 23, 24, 24а.
- 6 В справочнике С.Б. Веселовского (*С.Б. Веселовский. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975*) данных о Моклакове нет.
- 7 В 80-х — начале 90-х гг. XVII в. был межевщиком в разных уездах (см.: *С.Б. Веселовский. Указ. соч. С. 42*).
- 8 ОР ГИМ Син. грам. 1856.
- 9 ОР ГИМ Син. грам. 1855.
- 10 Там же.
- 11 ОР ГИМ Син. грам. 1850.
- 12 Там же.
- 13 ОР ГИМ Син. грам. 1857.
- 14 ОР ГИМ Син. грам. 1852.
- 15 ОР ГИМ Син. грам. 1855.
- 16 Там же.
- 17 ОР ГИМ Син. грам. 1854.
- 18 ОР ГИМ Син. грам. 1855.
- 19 Дополнение к именному указу от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // ПСЗРИ. Т. III. № 1576.
- 20 ОР ГИМ Син. грам. 1855.
- 21 Послужные списки П.И. Никифорова (сотрудника Афанасия Ордина-Нащекина) и А.И. Иванова подробно приведены в справочнике С.Б. Веселовского (*С.Б. Веселовский. Указ. соч. С. 373–374*).
- 22 ОР ГИМ Син. грам. 1855.
- 23 *Тетерин Г.Н.* История межевания, землеустройства и земельного кадастра. Новосибирск, 2007. О работе Поместного приказа см.: Вехи российского землеустройства: время, события, люди. Сост. С.Н. Волков. М., 2000.
- 24 ОР ГИМ Син. грам. 1855.
- 25 Данный сюжет, по мнению авторов, будет целесообразнее рассмотреть отдельно.
- 26 Там же.
- 27 ОР ГИМ Син. грам. 1865.

Ф.А. Петров, М.В. Фалалеева

Материалы об Адаме Мицкевиче в собрании Исторического музея

Как писал известный польский историк литературы Вацлав Ледницкий, «проведя первый год своей московской жизни в тиши и в скромном окружении чисто „своих“, Мицкевич внезапно оказался в атмосфере неправдоподобного успеха в обществе и литературного признания. ... Где и когда пользовался Мицкевич таким признанием и уважением, как в Москве и Петербурге? ... Окружали его там почти идолопоклоннические восторги и широко открытые ему все двери, и скромный ковенский учитель превратился в поражающе быстром темпе в кумира салонов московских аристократок, равно как и поэтов, писателей и литературных критиков»¹. Как известно, в конце 1826 г. Мицкевич познакомился с А.С. Пушкиным. Знакомство сразу же переросло в тесную дружбу и творческий союз. Гораздо позже, в 1832 г., находясь в Дрездене, Адам Мицкевич в третьей части поэмы «Дядя» написал замечательные слова, ставшие всемирно известными:

Вечером, в ненастье, стояли двое юношей
Под одним плащом, взявшись за руки.
Один был странник, пришелец с Запада,
Неведомая жертва царского гнета,
Другой – поэт русского народа,
Прославленный на всем Севере своими песнями.
Они недолго, но близко были знакомы
И через несколько дней уже стали друзьями.

Долгое время считалось, что в отделе письменных источников Исторического музея хранится подлинный автограф Адама Мицкевича. Речь идет о записке, написанной на французском языке и датированной 24 июля 1828 г., без подписи, в которой

содержится просьба Адама Мицкевича петербургскому генерал-губернатору Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову о разрешении перевестись на службу в Санкт-Петербург, в канцелярию генерал-губернатора. В этом документе, в частности, говорится: «Адам Мицкевич находится с 1825 года при Его Сиятельстве московском генерал-губернаторе», однако «по семейным обстоятельствам он вынужден проситься на государственную службу в Петербург»². Речь идет о генерал-губернаторе князе Дмитрие Владимировиче Голицыне, с именем которого связано восстановление Москвы после пожара 1812 года и строительство новых общественных заведений — театров и других сооружений (назовем хотя бы знаменитую Первую градскую больницу в начале Ленинского проспекта). Как известно, Голицын покровительствовал сосланному Адаму Мицкевичу и его другу Франтишеку Малевскому. Эта записка была опубликована в 1899 г. П.И. Бартеневым в журнале «Русский архив», однако, в дальнейшем документ не был предметом специального изучения. Простое сопоставление почерка записки с автографами Мицкевича сразу же доказало ошибочность этого предположения.

Так что, к большому сожалению, автографами Адама Мицкевича наш музей не располагает. Поэтому мы можем довольствоваться лишь теми упоминаниями об одном из главных польских поэтов эпохи романтизма, которые содержатся в письмах его русских друзей.

В Историческом музее хранится богатая переписка братьев Мухановых — Павла Александровича и Александра Алексеевича — офицеров, литераторов 1820-х — начала 1830-х гг., хорошо знакомых с А.С. Пушкиным и входивших в круг знакомых Адама Мицкевича. Нас заинтересовало письмо Павла Александровича Муханова (на тот момент штабс-капитана лейб-гвардии Драгунского полка, а впоследствии действительного тайного советника и председателя Археографической комиссии при Императорской Академии наук), написанное 26 февраля 1828 г. в Москве. В этом письме речь идет о лицах, входивших в круг Мицкевича: Петре Александровиче Муханове — штабс-капитане лейб-гвардии Измайловского полка, декабристе, русском литераторе, находившемся в то время на каторжных работах в Сибири; об опальном генерале Алексее Петровиче Ермолове, герое Отечественной войны 1812 года и кавказском главнокомандующем, а также о другом герое 1812 года — генерале Александре Ивановиче Чернышеве, чей отряд в феврале 1813 г.

освободил Берлин от французских войск, и который, наоборот, оказался в фаворе при Николае I. Говорится и о князе Петре Андреевиче Вяземском («Князь Вяземский поехал 3-го дни в Питер, говорят, желает иметь место за неимением грошей»), историке Михаиле Петровиче Погодине, журналистах Николае Алексеевиче Полевом и Фаддее Венедиктовиче Булгарине. Наконец, говорится о самом Пушкине — в связи с критическим отзывом о романе «Евгений Онегин» профессора Московского университета М.Г. Павлова, опубликованным в журнале «Атеней». Особый интерес вызывают содержащиеся в письме сведения о товарище Мицкевича Франтишке Малевском (юристе и издателе), который к этому времени «определился в Петербург». И, наконец, о самом Адаме Мицкевиче: «Мискевич здесь (в Москве. — *Ф.П., М.Ф.*), надеется переселиться в Петербург: где более поляков и свежие вести о Польше»³.

Общими знакомыми и Пушкина, и Мицкевича были и другие Мухановы — братья Владимир и Николай Алексеевичи. Владимир Алексеевич (1805—1876) — камер-юнкер, переводчик и литератор. Николай Алексеевич (1802—1871) — отставной поручик лейб-гвардии гусарского полка, впоследствии крупный чиновник министерства Народного просвещения и Министерства иностранных дел. Среди их обширной переписки можно отметить письмо Владимира Муханова от 12 (24) февраля 1832 г. из Парижа. В нем, в частности, говорится о парижской лекции Адама Мицкевича, «который, по уверению многих, навлекает на себя неудовольствие поляков, говоря будто бы слишком сладко про Россию. Я сам там не был, а что-то не верится этим сладостям»⁴. Во всяком случае, известно, что в том же году общий друг и Мицкевича, и Пушкина, литератор Сергей Александрович Соболевский (родственник Мухановых) привез Пушкину из Парижа четвертый том собрания сочинений Мицкевича, который приобрести в России было невозможно.

Упомянутая лекция была своеобразной прелюдией к циклу лекций о славянских литературах, прочитанному Мицкевичем в Коллеж де Франс в 1840 г., уже после смерти главного русского поэта. В этих лекциях Мицкевич говорил, что голос Пушкина «открыл новую эру в русской истории»⁵.

В фонде «Рукописные книги и сборники из собрания П.И. Щукина» отдела письменных источников нами были обнаружены списки произведений Адама Мицкевича в русских переводах и переложениях 1830-х — 1850-х гг. Основываясь на них и других руко-

писных памятниках, которые хранятся в ОПИ ГИМ, мы представили ниже русские переводы Мицкевича и расположили их, начав с самых популярных у читателей.

Наиболее известным и часто исполняемым был романс «К ней».

Когда в час веселый откроешь ты губки,
И мне ты воркуешь нежнее голубки,
Я с трепетом внемлю, я весь вне себя!
Боюсь проронить хоть единое слово,
Молчу: не желаю блаженства другого:
Все слушал бы, слушал и слушал тебя.
Но глазки сверкнули живее кристаллов;
Жемчужные зубки блестят средь кораллов;
Румянец в ланитах уж начал играть;
Теперь я смелее смотрю тебе в очи,
Уста приближаю ... и слушать нет мочи.
Хочу целовать, целовать, целовать!⁶

Это стихотворение было переведено с польского в 1843 г. русским поэтом, князем Сергеем Григорьевичем Голицыным (бабушка которого, Наталья Петровна Голицына, была прототипом знаменитой графини из «Пиковой дамы»). Сергей Голицын, в юности — бравый артиллерийский офицер, участник ряда военных кампаний — в 1837 г. вышел в отставку и женился на фрейлине, польской графине Марии Езерской. Последние годы жизни он провел в своем имении Стара Весь Седлецкой губернии царства Польского, где и умер в 1868 г., но похоронен был в России, в родовом имении Голицыных Зубриловка Саратовской губернии.

По словам современников, князь Голицын был «известен в обществе любезностью, остроумием и талантами, очень приятный музыкант и стихотворец»⁷. Позднее его друг Михаил Иванович Глинка стихотворение «К ней» положил на музыку. Примечательно, что герой повести Достоевского «Вечный муж», написанной на четверть века позже, исполняет именно этот романс, а говорится о нем при этом как о «давно забытом». Тем не менее, впоследствии он настолько прочно вошел в русскую культуру, что многие считают его старинным русским романсом.

На втором месте по популярности стоит «польская баллада» А.С. Пушкина «Воевода» (вольный перевод баллады Адама Мицкевича «Дозор»):

Поздно ночью из похода / Воротился Воевода. / Он слугám велит молчать; / В спальню кинулся к постеле; / Дернул полог... В самом деле! / Никого; пуста кровать. / И, мрачнее черной ночи, / Он потупил грозны очи, / Стал крутить свой сивый ус... / Рукава назад закинул, / Вышел вон, замок задвинул; / «Гей, ты, — кликнул, — чертов кус!»⁸

Польское восстание 1830—1831 гг. выявило расхождения в политических позициях Адама Мицкевича и Александра Сергеевича Пушкина, однако их заочная полемика сочеталась с чрезвычайно высокой взаимной оценкой. Не случайно поэма «Воевода» была написана Пушкиным в 1833 г. После убийства Пушкина на дуэли появилась даже легенда, что Адам Мицкевич, потрясенный его гибелью, считал себя обязанным вызвать на дуэль Жоржа Дантеса. Во всяком случае, известны слова Мицкевича из некролога, опубликованного во французском журнале *Le Globe* от 25 мая 1837 г.: «Пуля, поразившая А.С. Пушкина, нанесла интеллектуальной России ужасный удар»⁹. В том же собрании сочинений мы встречаем переводы Мицкевича, выполненные почти забытым ныне Юрием Игнатьевичем Познанским (1808—1878), офицером, полковником Генерального штаба, переводчиком и поэтом, воспитанником Благородного пансиона при Московском университете¹⁰. Речь идет о стихотворении «Аккерманские степи» из «Крымских сонетов» Мицкевича — это вольный перевод Юрия Познанского:

В океане сухом и безбрежном плывет
Колесница моя, точно в море ладья.
Средь играющих вод, то летит, то нырнет,
Средь волнистых лугов, средь разлива цветов,
И проносится мимо гряды островов
Ярко-цветущего бурьяна.
Вот покрыла все мгла, ни стези, ни кургана.
Как все мрачно окрест — путеводных нет звезд.
Облачко вот блестит, и заря уже горит.
Нет, то блещет там Днестр, то маяк Аккермана,
Ты запылалась в вышине
Но постойте: Как тихо! Слышится мне,
Как шумят журавли в недостижной дали
Соколиным очам: Вот я слышу, как там
Пошатнулся цветок и вспорхнул мотылек.

И как скользкою грудью, касаясь травы,
Проползает змея ... Ах, как тихо здесь! ... Я
Напрягаю там слух, что из милой Литвы
Ко мне голос приветный — чуть слышно дойдет...
Едет — никто не зовет¹¹.

Где бы ни находился Адам Мицкевич, он постоянно думал о своей родине. Как писал русский поэт и переводчик Николай Васильевич Берг, «Мицкевич, унеся свою Литву с собой за границу, был ею, можно сказать, постоянно болен: куда бы ни отправлялся, что бы ни делал он — образы Литвы везде его преследовали неотступно; как поэт, он стремился их воплотить, написать что-нибудь такое, что было бы насквозь пропитано Литвою и вместе стоило бы Литвы: было бы также, по возможности роскошно и благоуханно, как снившиеся ему и не дававшие нигде покоя ее и пажити»¹². По словам знаменитого русского фольклориста И.В. Киреевского, переводы Познанского отличались «верным чувством поэтических красот подлинника, изящной простотой языка и способствовали распространению творчества польского поэта в России».

Теперь еще об одном переводе. Вспомним трагическую фигуру одного из ближайших друзей А.С. Пушкина, поэта Ивана Ивановича Козлова, переводчика Мицкевича и его большого поклонника, в молодые годы — подпоручика лейб-гвардии Измайловского полка, который в 1821 г. потерял зрение. До самой смерти он жил в Петербурге. Переводы Козлова отличаются глубиной проникновения в мелодику поэзии польского поэта. В рукописных сборниках из собрания П.И. Щукина мы отыскивали его стихотворение «Подражание сонету Мицкевича» в списках середины XIX века:

Увы! Несчастлив тот, кто любит безнадежно;
Несчастнее его, кто создан не любить,
Но жизнь тому страшней, в чьем сердце пламень нежный
Погас — и кто любви не может позабыть!¹³

Показательно, что это стихотворение было написано в 1828 г., когда Адам Мицкевич переехал из Москвы в Петербург.

А теперь речь пойдет о русской поэтессе, которую иногда называют Каролиной Павловой русской литературы и которая принадлежала скорее уже к послепушкинской плеяде литераторов. Речь идет о Евдокии Петровне Ростопчиной, урожденной Сушко-

вой, жене графа Андрея Федоровича Ростопчина, сына известного по 1812 году московского генерал-губернатора Федора Васильевича Ростопчина. Именно в этом грозном году и родилась Евдокия Сушкова. После того, как ее мать умерла в молодом возрасте, Евдокия воспитывалась в знаменитом Пашковом доме, в семье дедушки и бабушки. Детские воспоминания Евдокии на всю жизнь сохранили образ красивого молодого человека «с густыми темными волосами, с вдохновенным взором, со лбом мечтателя». Об этом она вспоминала в письме Елене Малевской, урожденной Шимановской, от 17 марта 1852 г.: «Более двадцати лет тому назад, в одну гостеприимную гостиную древней Москвы, в семейство в высшей степени русское, т.е. в высшей степени полное радушия и сердечности, один из друзей дома привел как-то двух красивых молодых людей, двух путешественников, двух иностранцев, едва начинавших свою карьеру, но уже привлечших общее внимание. Один из них, смуглый, бледный, с густыми темными волосами, с вдохновенным взором, со лбом мечтателя, всем своим обликом предвещал великое будущее, судьбу славную и исключительную. У другого, более светловолосого, более серьезного, было то милое лицо, что сразу завоевывает сердца своим добрым и симпатичным выражением. А друг дома, приведший молодых людей, посадивши на колени девочку — племянницу хозяев, сказал ей такие слова: „Смотри хорошенько, дитя, эти люди заставят говорить о себе“... Первый, темноволосый, был уже известным автором «Конрада Валленрода», направляющимся в Крым в поисках пламенного вдохновенья для своих превосходных сонетов, — то был Адам Мицкевич, одно из самых знаменитых имен века, поэт, пред которым с той поры преклонились все прочие! Что же до его спутника, милостивая государыня, то вы, должно быть, уже узнали его и с душевной гордостью назвали, — его спутником был историк и мыслитель Малевский, уже тогда приступавший к благородным занятиям, наполнившим и прославившим его жизнь. Друг дома, приведший их, был тогда молодым офицером — теперь это генерал Павел Муханов (его письмо цитируется нами выше. — *Ф.П., М.Ф.*)... Дом, где сие происходило, был Пашков дом, в то время один из самых блестящих салонов Москвы. Что касается девочки, милостивая государыня, — это я, не забывавшая славное появление двух знаменитых гостей, и с той поры, всякий раз, когда я слышала их имена, я старалась припомнить их черты, радуясь в душе, что некогда вглядывалась в оные»¹⁴.

В рукописных сборниках середины XIX века часто можно встретить стихотворение Евдокии Ростопчиной «Насильный барон» («Насильный брак»), написанное в 1845 г. дорогойю между Краковом и Веной («Посвящается мысленно Мицкевичу»¹⁵). Это аллегорическое произведение было опубликовано в номере «Северной пчелы» от 17 декабря 1846 г. и вызвало неоднозначные оценки. Вскоре последовало правительственное распоряжение об уничтожении вышедшего номера. Тем не менее, это стихотворение переписывали и читали в России, о чем и свидетельствуют его многочисленные списки.

Переводы и подражания Адаму Мицкевичу, которые мы встречаем в рукописных литературных сборниках, свидетельствуют о большом интересе русского общества к творчеству польского поэта. Ведь владельцами и переписчиками этих сборников были не только дворяне, офицеры, чиновники, студенты, но также купцы и даже крестьяне.

В фонде ОПИ ГИМ собирателя русского фольклора и историка Елпидифора Васильевича Барсова мы находим рукопись, подписанную фамилией «Майков» (возможно, Аполлон Николаевич Майков), об Адаме Мицкевиче с переводами его «Крымских сонетов» и их критическим разбором. Эта работа относится к середине XIX века. Приведем фрагмент из этой рукописи: «Восточные образы Мицкевича сошлись с образами Байрона и Мура, которых кисти были также напитаны радужными красками Востока. Замечательно также, что самые смелые гиперболические сравнения выдержаны у Мицкевича до конца: этим самым поэт как бы дает отчет в своей смелости, и читатель, пораженный с первого раза неожиданностью, мало по малу, свыкается с картинами и незаметно переносится в мир, ими изображаемый. Сверх того, над каждою картиною, над каждою мыслию носится сильное, сердечное чувство: любовь, грусть, сострадание. Прочтите сонеты VIII и IX, и вы постигнете всю глубину чувства, какою обладал поэт, и вы удивитесь благородству его мыслей; начало XVII сонета не представляет одной безжизненной картины замков, торчащих на горах подобно исполинским черепам, но рисует пред нами развалины твердынь, отслуживших свою службу и падших жертвою неблагодарности. Так безжизненным предметам поэт умел придать значение, и их участие трогает сердце человека. Но это всего яснее выдается почти повсюду, чему поэт посвящает самые сильные места, с чего, так сказать, свивает венец сонета — это любовь к Родине. Так первый

сонет заключается мыслию о Родине, так XIV сонет весь посвящен этому чувству. Но Родина отнята у поэта, он один на чужбине. ... Ему остается одна только отрада — самозабвение, а в конце II сонета ропщет на мысль, которая носит в себе память, впивающуюся, как гидра, в спокойное сердце. Иногда (конец III сонета) поэт завидует доле пернатых, хочет быть вольным, как они, летать на свободе. В других сонетах мы видим преимущественно мысль спокойную, глубокую, философскую или встречаем верную заметку из книги человеческого сердца. ... Так, в XVIII сонете поэт изъясняет рождение бессмертных песнопений. В заключение скажем, что Сонеты Мицкевича живо, полно и верно воспроизводят в бесчисленном множестве картин страну, где путешествовал поэт. Каждая картина имеет свое значение, одушевлена мыслию, приближающую ее к сердцу человеческому; предметы облагорожены, возвышены, олицетворены; одни изображения природы освещены колоритом чисто восточным, разрисованы радужными красками восточной фантазии, а над другими веет теплое сердечное чувство любви, участия, сострадания или грусти; поэт нигде не упускает случая облегчить словами скорбь, так сильно гнетущую его сердце, скорбь о невозвратной потере любезной ему Отчизны»¹⁶. Здесь же даны шесть переводов из «Крымских сонетов», отличающиеся от известных:

Могила гарема

Мирза Путнику.

Вот здесь из любви виноградника в снедь для Аллаха взяты
Незрелые кисти; здесь вечности рака — могила,
Исхитив из моря утех и блаженства, вложила
Безвременно перлы в лоно темноты.

Они заслонились веков и забвенья пеленою;
В ограде над ними, как знамя у войска теней,
Холодная блещет чалма, и чуть видны под ней
Стоят имена, иссечены снизу Гяура рукою.

Путник.

О розы рая! У невинности истока
Дни ваши отцвели под листьями стыда,
От взоров иноверца скрывшись навсегда.
Теперь ваш гроб смущает чужеземца око;
Но я позволю, — о! прости, Пророк Святой!
Из странников один глядит он со слезой.

Алушта днем

Уж перси гор стряхают мгlistые халаты;
Намаз утра звучит среди золотых полей,
Кивает лес — и с майских сыплются кудрей
Как с четок у Калифа яхонты, гранаты.
Поля в цветах, цветы, летая по полянам,
Рой пестрый мотыльков — как радуги коса
Алмазным балдахином скрыли небеса.
Там дальше саранча влечет крылатый саван.
А там, где лысая скала глядится в воды,
Бьет вал и отражен, на новый штурм бежит,
И пена в нем как тигра взор огнем горит.
Вещая берегам сильнейши непогоды,
На глубине ж чуть зыблется волна, и в ней
Купаются суда и стаи лебедей.

Алушта ночью

Свежеют ветры, жар полдневный утихает,
На плечи Чатырдагу пал фонарь миров.
Дробится, льет разливы пурпурных ручьев —
И гаснет. Путник, заблудясь, глядит, вникает.
Уж горы почернели; в долах ночь сглушает,
Ручей сквозь сон журчит на ложе васильков,
И воздух благовонья — музыки цветов,
Лепечет сердцу и от слуха убегает
Ночию под крылами сумрака и тишины. Скоро
Я пробужден блистаньем резким метеора.
Дол, горы, небо, облили золотые искры.
О, ночь Востока! — как Востока одалиски
Ты ласками светишь, когда же сны уж близки,
Ты к новым ласкам пробуждаешь искру взора.

Чатырдаг

Мирза

Трепеща, Мусульманин, целую пяту твоей твердыни.
Мачта Крымского судна, исполни Чатырдаг!
О, минаре Вселенной! О, гор Падишах!
Ты от дольных скал убежал в тучевые равнины.

Восседаешь себе под вратами небес, как высокий
Гавриил, неусыпный хранитель чертогов в раю,
Темный лес тебе плащ, а страх — янычары твою
Чалму из туч вышивают молнии потоки.
Осеняет ли мгла, печет ли нас солнечный зной,
Саранча ль пожирает нам жатвы, гяур ли жжет селы,
О, ты, Чатырдаг! Завсегда неподвижный, глухой.
Как дрогоман создання, меж небом и землей
Подславши под ноги людей и громы, и доли,
Лишь внемлет одни Господни к природе глаголы.

Развалины замка в Балаклаве

Вот эти замки — в грудах падшая громада —
Тебе красой и стражей были, гордый Крым!
Теперь торчат в горах как череп-исполин;
В ней гад ползет, иль человек презренной гада.
На башню всходим. След гербов найти мне надо.
Здесь есть и надпись: это имя, может быть,
Богатыря — грозы врагам — в забвенье спит,
Завившись, как червяк, меж листьев винограда.
Здесь Грек красы Афин на стенах высекал,
Отсюда Влах Монголам цепи полагал,
И Мекки странник песнь намаза напевал.
Днесь над гробами ворон чернокрылый реет,
Как в той стране, где всё от язвы вокруг пустеет,
Всегдашний черный флаг уныло в башне веет.

Аюдаг

Люблю я глядеть, опершись на скалу Аюдага,
Как пенные волны, то черной сомкнувшись ватагой,
Бушуют, то словно сребристы снега
В бесчисленных радугах пышно кружатся.
Стихают на мелях, на зыби дробятся,
Как войско китов, обступив берега,
Воюют торжественно сушу — и вспять убегают,
А в бегстве тьму раковин, перлы, кораллы роняют.
Так точно на сердце твоём, певец младой!
Порою страсть вздымает грозные волненья,
Но лиру ты берешь — и мирно над тобой

Она проносится и тонет средь забвенья
И песни дивные роняет за собой,
И время их плетет главе на украшенья¹⁷.

Отдельные материалы об Адаме Мицкевиче мы находим в фонде ОПИ ГИМ Петра Алексеевича Бессонова, русского фольклориста, секретаря Общества любителей российской словесности при Московском университете, а впоследствии профессора Харьковского университета. Бессонов был тесно связан с крупнейшими деятелями науки и культуры многих славянских народов, прежде всего польского, чешского, болгарского, сербского и хорватского. Примечательно, на наш взгляд, письмо Бессонову от белорусского литератора Алексея Казеновича, датированное 28 октября 1852 г. Казенович дал меткую оценку творчества Адама Мицкевича: «Теперь в Белоруссии — дзяды, поминки, прочтите Мицкевича „Дзяды“, на вас так и повеет Литвой, есть немного и Белорусского в этой поэме. Я люблю Мицкевича за эту любовь к народу, за желание восстановить в поэтической форме старое поверье, или отживший или отживающий обычай, поэтически восстановить поэтическую сторону народа, — лучшую»¹⁸.

Нам представляется перспективным дальнейшее изучение и публикация обширного собрания документов Исторического музея за вторую четверть XIX в. по истории русско-польских культурных связей. Это переписка, дневники, воспоминания московских и петербургских знакомых польского поэта. Среди них Фаддей Венедиктович Булгарин, княгиня Зинаида Александровна Волконская, Дмитрий Владимирович Веневитинов, князь Петр Андреевич Вяземский, Антон Антонович Дельвиг, Алексей Алексеевич Перовский (под псевдонимом «Антоний Погорельский»), братья Ксенофонт и Николай Полевые, отец и сын Оленины — Алексей Николаевич и Петр Алексеевич, граф Иван Степанович Лаваль, Авдотья Петровна Елагина, братья Николай и Павел Павлищевы (Николай — муж сестры Пушкина Ольги Сергеевны), Сергей Александрович Соболевский, Алексей Степанович Хомяков и др. Эти документы ждут своих исследователей.

---

¹ Цит. по: *Гомолицкий Л.Н.* Сочинения русского периода. В 3 т. 2011. Т. 2. Стихотворения и переводы. Роман в стихах. Из переписки [Электронная книга].

- 2 ОПИ ГИМ. Ф. 213. Ед. хр. 167. Л. 3.
- 3 ОПИ ГИМ. Ф. 117. Ед. хр. 33. Л.18–18 об.
- 4 Там же. Ед. хр. 200. Л. 47.
- 5 *Мицкевич А.* Собрание сочинений: В 5-ти т. М., 1948–1954. Т. IV. С. 381.
- 6 ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 792. Л. 28.
- 7 Русский биографический словарь: Дополнительные материалы. Гоголь — Гюне. М., 1997. С. 193.
- 8 ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 766. Л. 170–171 об.
- 9 *Мицкевич А.* Собрание сочинений. В 5 т. М., 1948–1954. Т. IV. С. 381–385.
- 10 *Баскаков В.Н.* Забытый переводчик А. Мицкевича // Славянские страны и русская литература. Л., 1973.
- 11 ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 766. Л. 218 об.
- 12 *Берг Н.В.* Адам Мицкевич. Как и когда писался «Пан Тадеуш» // Русская старина. 1875. Т. XII. № 3. С. 592.
- 13 ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 814. Л. 24–24 об.
- 14 *Росточина Е.П.* Письмо госпоже Елене Малевской, урожденной Шимановской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. Т. XVI. С. 408–411.
- 15 ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. Л. 2–3.
- 16 Там же. Ф. 450. Ед. хр. 784. Л.125–126, 134.
- 17 Там же. Ф. 450. Ед. хр. 784. Л. 128–133.
- 18 Там же. Ф. 56. Ед. хр. 492. Л. 2 об.–3.

Санкт-петербургская купеческая династия
Чиркиных в XVIII в. Новые материалы
из собрания отдела письменных источников
Государственного исторического музея

Изучение купеческого сословия в России является актуальным, поскольку оно играло важную роль в становлении промышленности и торговли, в появлении фабрик и заводов, а также в формировании государственного капитала. Ярким представителем столичного купечества в XVIII в. был род Чиркиных, откупщиков государственного винного откупа, которому принадлежали Русская судоходная компания и бумажно-полотняная фабрика в Малой Охте. Чиркины владели обширными участками земли на территории Васильевского острова, где находились жилые каменные здания, пивоваренный и солодовенный заводы, торговые лавки и другие строения. Благодаря Чиркиным на Васильевском острове появились Благовещенская церковь, ктиторами которой они являлись, а также дом № 8 в Академическом переулке¹ и «Доходный дом Чиркина» (№ 5) на Малом проспекте². Эти дома были перестроены в XIX и XX вв. О семейном деле Чиркиных писали в газете «Санкт-Петербургские ведомости», их имена упоминаются в официальных документах XVIII столетия. Иван Родионович Чиркин и его сын Александр были похоронены на кладбище Александро-Невской Лавры³, месте упокоения дворян и аристократов, что подчеркивает высокий статус этого купеческого рода.

Однако в настоящее время деятельность Чиркиных, переживших стремительный взлет и падение в течение одного столетия, остается малоизученной, и охарактеризована исследователями лишь в общих чертах.

В данной статье будут рассмотрены недавно обнаруженные материалы из коллекции П.И. Щукина, хранящиеся в Государственном историческом музее – бумаги купцов Чиркиных (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 280, 281, 282). Среди документов есть челобит-

ные, прошения, определения Мануфактур-коллегии, письма, контракты, реестры, счета, ведомости, долговые расписки, судебные дела с изложением вексельных споров, описи движимого и недвижимого имущества.

Начало деятельности Чиркиных в столичном Петербурге связано с именем Родиона Степановича Чиркина (1680–1754), уроженца Серпухова, который вместе с сыном приехал в Санкт-Петербург в 1713 г., где занимался торговлей крепкими напитками⁴ и стал родоначальником первой пивоваренной династии⁵. Указом от 31 декабря 1737 г. на откуп Чиркину отдается питейная продажа на Васильевском острове⁶. Так, Родион Степанович становится откупщиком государственного винного откупа. Сын Родиона Чиркина Иван продолжил дело отца и стал директором питейных сборов. Именно эта деятельность принесла ему известность. В 1755 г. Елизавета Петровна «за приращение питейных сборов» пожаловала Ивану серебряный ковш в стиле рококо (ныне хранится в Эрмитаже, инв. № ЭРО-5134). Интересно отметить, что в описи движимого имущества Чиркиных упоминается два жалованных ковша «позолоченные с прописью весом 659 золотников» (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. С. 346). Одно из главных направлений в семейном деле Чиркиных было пивоварение и продажа пива. До шестидесятых годов XVIII в. пиво в Россию поставлялось в основном из Швеции и о его продаже чаще всего узнавали из объявлений в газетах. Например, в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1748 г. опубликована информация, что «привезенное к здешнему купцу Ивану Чиркину из-за моря шведское пиво, называемое битель Юль Тальстром Дубель, продаваться будет бочками на судне, называемом „Санкт Александр Чупоре“. Потом стали доставлять и «аглинское пиво, эль называемое». Таким образом, Чиркин продавал «полпиво на английский манер»⁷. Сохранились многочисленные письма, где к Ивану Родионовичу обращаются с просьбой сварить полпиво. Одно из них от управителя дома графов Апраксиных П.С. Щелканова, который хочет купить полпива в дом «его сиятельства Петра Федоровича Апраксина» (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 280. Л. 6, 11). При пивоваренных заводах находились жилые покои для работников завода, погреба и амбары, перечисленные в реестре построек, сгоревших 24 мая 1771 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 416).

Сохранились интересные и подробные описания устройства заводов и фабрик, например: «Каменный солодовенный завод о двух

этажах, нижний для рощения солода, а верхний для поклажи ячменя и прочего. Другой каменный завод о двух этажах. Два каменных овина для сушения солода в два этажа... мельница деревянная о четырех больших жерновах голландских для молония хлеба лошадыми машиною ходом вокруг. Другая мельница машинная с большими колесами, из которых на нижнем лошади, стоя на одном месте преступая, а оное ворочалось и молонье производилось. Каменный водочный завод для сидения водок с двумя кладовыми, с двумя жилыми покаями и кухнею» (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 416 об.).

В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 31 мая 1765 г. есть объявление: «Санкт-петербургского купца и питейных зборов директора Ивана Чиркина на фабрике, состоящей в Санкт-Петербурге на Малой Охте, делаются на продажу хорошаго мастерства на полотно настольныя и обойныя травчатыя, а также зеленыя, черныя и протчих цветов вощанки, половые брезенты, и разных манеров бумажные шпалеры; желающим купить или приказывать делать, кому каких манеров потребны, имеют быть показываны обрасцы как в оной фабрике, так и в доме его, состоящем на Васильевском острове в 5 линии за третьею перспективою»⁸. В ОПИ ГИМ хранятся ведомости, в которых указано количество мастеров и учеников, а также количество вощанок и проданных бумажных шпалер (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. С. 142).

В челобитных на имя Екатерины II от купца Григория Никонова упоминается красильная фабрика, которую он просит открыть для производства суконной, шелковой и бумажной материй (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 122). Указано предположительное место для строительства – Выборгская сторона, на берегу Большой Невы, между Большой и Малой Охтенскими слободами. Этот участок земли куплен Григорием Никоновым совместно с директорами Иваном Чиркиным и Иваном Шукиным в 1756 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 50–51). Строительство было инициировано позднее Григорием Никоновым, который обязался вложить свой первоначальный капитал в размере 1000 руб. Сохранилась копия определения конторы Государственной мануфактуры от 2 октября 1777 г. по делу о производстве красильной фабрики, данное санкт-петербургскому купцу Григорию Никонову (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 114–117). В документе изложены подробные указания для устройства фабрики: красить разные сорта шелковой, бумажной и шерстяной материи «самым хорошим и прочным мастерством»,

принимать иностранных мастеров и подмастерьев «с указными пашпортами и по контракту».

Судя по всему, передача Чиркиным Григорию Никонову, своему свойственнику, инициативы по устройству фабрики была связана с ухудшением здоровья Ивана Родионовича, который спустя год (в 1778 г.) умер. Его сыну Александру не удалось спасти семейное дело. Он стал последним крупным представителем династии. В «Русской старине» в 1883 г. была опубликована заметка И. Чернова о Чиркиных, где автор пишет, что «потомки его и по настоящее время в Серпухове, живут бедно»⁹. Их разорение связывают с событиями государственного переворота 28 июня 1762 г., когда в кабаках Ивана Чиркина несколько дней солдаты и люди других чинов пили «безденежно», т.е. не платив — питейные дома были разграблены, и убытки, по следствию камер-конторы, составили 15 089 руб., которые зачли Чиркину в откупную сумму. Реестр этого ущерба был опубликован в «Русской старине»¹⁰. Однако же в челобитных, написанных через 10 лет после переворота, Иван Родионович излагает целый ряд причин, которые привели его к бедственному положению (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 35–38). Одна из них — вложение средств в строительство Ораниенбаума. В реестре о выдаче денег и материалов в ведомство Ораниенбаумской конторы от купца Чиркина указана точная сумма вложений с 1751 по 1762 г. — 78 420 руб. $\frac{1}{2}$ копейки (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 114–124). Также Чиркин упоминает и о захвате его денег (порядка 70 000 руб.) бывшим товарищем, известным купцом Саввой Яковлевым. В 1759 г. Яковлев взял на откуп все питейные сборы Москвы и Санкт-Петербурга, Ингерманландии, Кронштадта и Ладоги на семь лет. Таким образом он стал обер-директором, а его товарищи по откупной компании — директорами питейных сборов, среди которых значится и Иван Родионович Чиркин. В собрании ОПИ ГИМ хранится копия «обязательства» от 1760 г. сроком на шесть лет, согласно которому Чиркин отдает Яковлеву свою часть питейных сборов («одну шестую на десять доль») по Москве и в уезде, а сам принимает от Яковлева «санкт-петербургских питейных зборах таковую ж часть...» (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 169–170). Вскоре Савва Яковлев был уличен в получении «в свою пользу двоекратной накладки на продажную французскую водку прибыли». Сам Яковлев заплатил в качестве откупной суммы 36 050 рублей¹¹, «а достальные слагал на товарищей своих». В документах компаний-

щики Саввы утверждают, что «весь сбор с продажи французской водки имел он Яковлев в одних своих руках и чинимыми на нее накладками пользовался один же». Они не только никакого в том участия не принимали, но и не имели ни малейших сведений об этом. Камер-контора, учитывая эти обстоятельства, распорядилась взыскать всю сумму с Яковлева, но он подал апелляцию, рассчитывая отсрочить взыскание, или вообще избежать его, и дело было взято на рассмотрение Правительствующего Сената. Доводы Яковлева оказались неубедительны — решено было взыскать недоплаченную сумму именно с него. Тем не менее, второй департамент во время отсутствия императрицы и отбывшего в Москву первого департамента, противореча указу, начал взыскивать откупную сумму с товарищей Яковлева и даже приступил было к продаже их недвижимых имений¹² (обстоятельства этого дела изложены в одном из документов 1776 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 90. Ед. хр. 281. С. 181). Среди пострадавших был и Иван Родионович, тщетно оправдывавшийся и взывавший к справедливости в своих обращениях к императрице. Чтобы платить откупа в казну и сохранить свою репутацию, Иван Чиркин вынужден был брать деньги в долг, общая сумма которых, согласно черновым записям, составляла 22 580 тыс. руб. Большие убытки он понес во время пожаров, в результате которых его владения «здесь и в Швеции» сильно пострадали, а имущества сгорело на 38 000 руб.¹³ В том числе пострадали пивоваренный, солодовенный, водочный заводы, кожевенная и крахмальная фабрики «и все... движимое без остатку превращено в пепел». Пытаясь избежать разорения, он в своих челобитных к Екатерине II просил у нее разрешения продавать свои имения по вольной цене и «крепости писать» (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 191–192). Но, несмотря на свои многочисленные обращения к императрице, имения попали под секвестр. Расплачиваться с кредиторами продолжил его сын Александр, который сдавал в аренду имеющиеся дома под харчевню и «питейную продажу» (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 176). Один из контрактов был заключен Александром с английским купцом Иваном Корниловым Келли, согласно которому англичанин берет у Чиркина в наем за 75 руб. в год участок земли, расположенного напротив дома Чиркина на Васильевском острове «для поклажи пильнаго тесу» (обтесанных бревен), и просит оборудовать пристань для выгрузки (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 195). В одном из документов описаны условия контракта Александра Чиркина с бра-

том своей жены, Гаврилой Зиминым, заключенный в августе 1778 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 152). Вероятно, Чиркин совершил эту сделку из страха потерять контроль над доходами с имения. Согласно документу, он сдал в наем 10 деревянных лавок, 2 каменных дома и погреб с жилыми покоями. В своем письме к архипастырю Александр, прося о помощи, упоминает контракт с Зиминым и говорит, что Гаврила, под видом спасения имущества Чиркина, уговорил его заключить с ним договор аренды сроком на пять лет за как будто взятые 5 000 руб. (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 50). Получается, деньги Александр Чиркин не получил, но принял предложение Зимины, чтобы его собственность не попала под секвестр. Таким образом, предпринимательская деятельность Чиркиных в последние годы жизни Ивана Родионовича и его сына Александра, который пережил отца всего на семь лет, была мотивирована необходимостью погашения долгов и угрозой потери недвижимого имущества, которое все же попало под секвестр. Несмотря на финансовые трудности, Чиркины делали все возможное, чтобы не допустить ареста их собственности и продажи ее за бесценок (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 292). Положение Александра Чиркина было еще осложнено судебными тяжбами с мачехой и мужем покойной сестры Елизаветы – надворным советником, коллежским ассессором Иваном Сенлораном. Александр, незадолго до кончины, передал все дела своему дяде Федору Кишкину и зятю Григорию Никонову (ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 466–468).

Хранящиеся материалы в ОПИ ГИМ содержат ценные сведения об имущественном положении столичных купцов-предпринимателей, устройстве их фабрик и заводов, раскрывают нюансы личных и договорных отношений, а также позволяют понять, почему и при каких обстоятельствах происходило разорение одной из крупнейших купеческих династий XVIII в. Эти материалы разнообразны и представляют интерес для изучения различных тем: винные откупа, пивоварение, становление промышленности, а потому требуют дальнейшего рассмотрения и анализа.

¹ Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д. Дома и люди Васильевского острова. М., 2008. С. 24.

² Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996.

- ³ Захоронения находятся на территории некрополя XVIII в. в Александро-Невской Лавре.
- ⁴ Чиркин С.А. Петербургская купеческая династия Чиркиных в XVIII в. // Современные научные исследования и инновации. М., 2014. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/43302>. (Дата обращения: 13.12.2019).
- ⁵ Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 годов. СПб., 2003. С. 106.
- ⁶ Н.В. Лаврентьев, Г.С. Таболина. Благовещенское кладбище на Васильевском острове // Вестник Национального научного комитета по историческим некрополям НК ИКОМОС, Россия. СПб., 2019. Вып. 1. С. 17.
- ⁷ Полпиво – слабое, легкое пиво.
- ⁸ Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1765. Вып. от 31 мая. С. 6.
- ⁹ Чернов И. Иван Родионович Чиркин // Русская старина. СПб., 1883. Т. XXXVIII. С. 680.
- ¹⁰ Бычков-Ростовский Ф.А. 28 июня 1762 г. в Санкт-Петербурге // Русская старина. СПб., 1883. Т. XXXVII.
- ¹¹ За исключением суммы 6309 рублей за «простойные дни», когда в кабаках «пили безденежно» в честь восшествия на престол Екатерины II 28 июня 1762 г.
- ¹² Вероятно, подобное «недоразумение» стало результатом того, что С. Яковлев пользовался заступничеством обличенных властью лиц, среди которых был сам светлейший князь Г.А. Потемкин (Мухин А.Б. Савва Яковлев – купец, промышленник, предприниматель // Вестник СПбГУ. СПб., 2005. Вып. 4. С. 158).
- ¹³ Иван Чиркин занимался международной торговлей и в документах именуется как «содержатель ластовых и мореходных судов». В «Санкт-Петербургских ведомостях» есть объявления о привезенном Чиркиными шведском пиве, о продаже шведского листового кровельного железа (Вып. от 29 мая 1761 г. С. 6; Вып. от 1 ноября 1762 г. С. 8), а родному городу Серпухову Чиркин подарил колокол, отлитый в Швеции, с надписью: «Колокол пожертвован в город Серпухов Кресто-Воздвиженской церкви 1751 года июня 20 дня Санкт-петербургским купцом Иваном Родионовичем Чиркиным, лит в Швеции в граде Стокгольме, вывезен на российском корабле».

Об импортозамещении в преддверии Отечественной войны 1812 года

Период с 1811 по 1812 гг. Александр I назвал предвоенным. Он написал своей сестре Марии Павловне 17 февраля [1811 г.]: «От моего твердого намерения не вступать в войну с Францией, кажется, не будет большого проку, поскольку очевидно, что есть и обратное намерение вступить в войну со мной»¹. А через год уточнил: «Вы помните времена, следовавшие за Тильзитским миром... России было даровано спокойствие, и она выиграла время, чтобы собрать силы... Вот уже почти год представляется очевидным, что Франция точит на нас зуб... Все наши приготовления должны убедить, что мы не строим себе иллюзий на этот счет... В двух словах, Император Наполеон решил пойти войной на Россию...»². Но при этом Александр I просил сестру при возможной встрече с Наполеоном сказать, что он сторонник союза с Францией и придерживается принципов континентальной системы (то есть инициатива развязывания войны исходит от Наполеона)³.

В это же время шли войны с Турцией и Персией. Предвоенная обстановка чувствовалась во всем — купцы награждались медалями за поставки хлеба в молдавскую армию⁴; а текстильные фабриканты стали выпускать орденские ленты⁵.

Этот период большинство историков называют вторым этапом континентальной блокады. В это время были прекращены торговые отношения с Англией, но, благодаря протекционистскому таможенному тарифу 1811 г., под нейтральными флагами в Россию стали поступать английские товары или их аналоги из азиатских стран. В то же время форсировано развивались отношения с США и Латинской Америкой, так, в частности, был направлен чрезвычайный посланник и утвержден штат дипломатической миссии в Бразилии⁶.

Одним из трудно решаемых вопросов были английские долги россиянам (ликвидационные комиссии в Петербурге, Риге и Архангельске отмечали, что для их уплаты не хватает реквизированного у англичан имущества)⁷. В провинции же англичане продолжали предъявлять претензии к местным купцам⁸.

В 1812 г. в Англии были уверены в скором возобновлении торговли с Россией и боролись за расширение круга лиц, причастных к реэкспорту индийских товаров⁹.

В предвоенное время уже значительное число англичан служило в российских департаментах¹⁰. Однако ставка на английских специалистов как на безусловных союзников в период войны с Францией не совсем оправдалась. Так, после Бородинской битвы (кстати, во время ратификации мирного договора с Англией) англичане, даже служащие чугунно-литейного завода, стали уезжать из благополучного Петербурга¹¹.

Но во второй этап континентальной блокады более активно проводилось импортозамещение, что означало экономическую независимость, в том числе снабжение армии и насыщение внутреннего рынка отечественной продукцией по невысоким розничным ценам¹². В этот период на экономическую ситуацию влияли противоречивые тенденции. Положительную роль сыграл протекционистский таможенный тариф 1811 г.¹³

Кроме того, под личным покровительством государя императора находились военная промышленность и сукноделие; патронат, а часто и фактическое руководство Александровской мануфактурой, осуществлялся вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

Импортозамещение осуществлялось в основном государственными предприятиями, так как в это время у казны было больше возможностей для их финансирования (фабрики, как правило, открывались на средства Сохраненных казн Приказов общественного призрения, работавших как кредитные учреждения для «свободных» сословий). Частное промышленное предпринимательство стимулировалось льготной кредитной политикой и увеличивающимся количеством долгосрочных подрядов военного министерства, с оплатой продукции по ежегодным средним ценам. Дополнительной рабочей силой на фабриках часто были арендованные крепостные¹⁴.

Информационно поддерживали промышленный протекционизм периодические издания. В «Московских ведомостях» сооб-

щения об открытии фабрик часто начинались словами: «Мы с удовольствием сообщаем публике о новых успехах в распространении нашей отечественной промышленности...»¹⁵. Критика отечественного промышленного предпринимательства не велась.

В то же время дестабилизирующим обстановку фактором стала реализация «Плана финансов» М.М. Сперанского (1810), предусматривавшего разгосударствление — невыгодную для казны распродажу казенных земель, начавшуюся в бывших польских губерниях, а в 1812 г. перешедшую в центральные. Этот процесс затронул и некоторые казенные фабрики. Так, Купавинская мануфактура вместе с посессионными рабочими оказалась в руках князя Юсупова¹⁶.

Была попытка передать в частные руки даже златоустовские заводы (в 1811 г. был расторгнут договор с московским купцом А. Кнауфом из-за систематической невыплаты им арендных сумм). Интересно, что «в мае 1811 г. министр финансов Д.А. Гурьев представил Александру I записку, в которой ходатайствовал „о водворении в России оружейного искусства по образцу Золингенской фабрики“»¹⁷ (фабрика была открыта на Златоустовском заводе только в 1813 г.)¹⁸. Еще в 1811 г. заговорили о низкой рентабельности златоустовских заводов (в этот период вообще доходы казенных горных заводов падали из-за волнений рабочих)¹⁹. С переходом их на военное положение рабочих стали наказывать за любое нарушение дисциплины, а вот выплачивать «амуничные деньги» и полностью выдавать провиант забывали, «рабочие Миасского завода не получали и денег, причитавшихся им за перевозки 1801—1812 гг.»²⁰. Златоустовский завод выставили на торги 24 апреля 1812 г., но потребовали залог в 200 тыс. руб.²¹ Покупателей не нашлось.

«План финансов» Сперанского сделал, вопреки пропаганде, более неустойчивой российскую денежную систему (после провозглашения серебряного рубля основной денежной единицей упал курс ассигнаций)²².

Дестабилизировали экономику и ввозимые из-за рубежа фальшивые ассигнации (даже англичане были фальшивомонетчиками). Так, в июне 1811 г. московский обер-полицмейстер Ивашкин констатировал, что «живущий в доме кн. Куракина англичанин, живописный мастер О. Бутлер» изготавливал фальшивые 25-рублевые ассигнации, а распространял их «уроженец г. Выборга М.И. Маронен»²³. Но подобные инциденты рассматривались как частные случаи.

При проведении в жизнь политики импортозамещения на первый план вышел департамент государственных имуществ (указ об его открытии вышел 31 декабря 1811 г., фактически он начал работу 8 декабря)²⁴, в который назначались профессионалы из своего же министерства²⁵.

Интересно, что в это время наиболее быстро получали чины в курирующем промышленность департаменте мануфактур²⁶.

Кроме того, большинство проблем второго этапа континентальной блокады решалось в Министерстве финансов, в ведение которого после второго этапа министерской реформы перешла и внешняя торговля.

При обсуждении вопросов импортозамещения первоначально предполагалось «разделить» промышленность на независимую от импорта и на «привязанную» к импортному сырью. Однако это деление во многих случаях оказалось условным.

Наиболее успешно импортозамещение проходило в сукноделии (интересно, что сомневавшийся в возможности создания собственной промышленности доктор исторических наук В.Г. Сироткин даже не упоминает эту отрасль). Приоритетное развитие суконной промышленности обуславливалось необходимостью обмундировать армию и флот, причем со снижением цены²⁷, а также спросом внутреннего рынка (на обязательные мундиры для чиновников и требования моды)²⁸. Импорт зарубежных сукон был запрещен протекционистским тарифом, но сырье (шерсть мериносов) по тарифу 1811 г. импортировалось беспошлинно.

Хотя в России достаточное развитие получило тонкорунное овцеводство (стада мериносов были на Украине, в бывших польских губерниях, Прибалтике и Новороссии). В 1811 г. в центральной России тоже стремились развести племенных испанских овец-мериносов. Так, сообщали из Гжатска, «помещики здешнего уезда гг. Плоховы» имели до 400 голов испанских овец, а «фабрикант, 1 гил. купец Санбуров» — до 250 голов (указывалось, что «шерсть употребляется ими на собственные изделия»)²⁹. Также для собственной суконной мануфактуры в Воронеже коммерции советник Тулинов «в 1808 г. купил... в Одессе у г. Миллера 20 мериносов и от смешения их с силезскими овцами имеет он теперь более 400 самых лучших овец... Назначил в продажу более 100 баранов своего завода, которые ничем не уступают выписанным мериносам, и положил цену за барана не более 20 руб.»³⁰. В 1812 г. в Москве ти-

пичным было следующее объявление: «Продаются мериносы: бараны и овцы с ягнятами (18 шт.) на Петровке, против Аглинского клуба»³¹. Продавалась и отечественная шерсть: «На Покровке, близ Земляного валу, в доме № 159... гр. Румянцева продается привезенной из Украины добротной шерсти до 170 пуд.»³².

Ввозились также испанская и австрийская шерсть. Это объяснялось кризисом сукноделия в Австрии: «Австрийские фабриканты начинают также упадать при нынешних тяжких обстоятельствах. По причине недостатка в занятиях многие работники уже распущены. В Богемии и Моравии содержатели шерстяных фабрик жалуются особенно на малый расход своих изделий; прежде сего произведения их фабрик вывозились в иностранные земли в большом количестве»³³. Благодаря браку Наполеона Австрия и после оккупации торговала с Россией. В 1812 г. в Москве констатировали: «Сюда навезено из Австрии множество овечьей шерсти самой лучшей доброты»³⁴. Помимо этого в Москве продавались: «шпанская чисто вымытая овечья шерсть, 130 руб. пуд» на Старой Басманной ул.³⁵; «шленская шерсть» в Покровской части, у купца Сокольникова³⁶.

Интересно, что, несмотря на все похвалы в адрес отечественной шерсти, суконные фабриканты, желая привлечь покупателя хорошим качеством своей продукции, отмечали, что работают только с испанской шерстью (см. рекламу сукон фабрики Маслова)³⁷.

В это же время продолжался поиск отечественных аналогов ввозимой краски индиго и на казенной Павловской мануфактуре, и частными заводчиками³⁸. А иностранцы открывали собственные красильни, как в 1811 г. англичанин Кинг — новую красильню на английский манер на Москве-реке, под Новинским³⁹.

Ведущая роль в сукноделии принадлежала казенным Павловской, Екатеринославской и Иркутской фабрикам и суконным мануфактурам при приказах общественного призрения, более ориентированными на местные потребности. Именно они на капиталы Сохранной казны и приказов общественного призрения, работавших как кредитное учреждение, в основном открывались в 1811–1812 гг. Так, в 1812 г. «Лифляндский гражданский губернатор Дюгамель... представил правительству образцы изделий, вырабатываемых на суконной фабрике лифляндского Приказа Общественного призрения. Фабрика заведена за год пред сим управляющим Г. Гиршфельдом»⁴⁰. В начале 1812 г. в ассортименте фабрики уже

были тонкие сукна, полусукна, байки, которые продавались в открытом в Риге фирменном магазине⁴¹. В ведомости за 1812 г. отмечено, что эта фабрика, находящаяся на мызе Засенгоф близ г. Риги (8 станков, 60 вольнонаемных), произвела 300 локтей и 700 аршин сукон и шерстяных материй⁴².

В Саратове под эгидой Приказа общественного призрения действовала небольшая фабрика (4 стана, 40 вольнонаемных, выработано 2440 аршин сукон, 1122 аршина продано)⁴³. Подобная фабрика была заведена Приказом и в Минске⁴⁴.

Интересно, что положение рабочих на казенных предприятиях улучшилось. 25 мая 1811 г. вышел именной указ «О платеже подушных и рекрутских денег за мастеровых и рабочих казенной лосиной фабрики от казны на счет вещей, фабрикой приготовляемых» (действие указа распространялось и на другие государственные предприятия). Выход указа объяснялся тем, что рабочие не имеют земли для хлебопашества, а зарплата — их единственный доход⁴⁵. Государство продолжало покровительствовать и «старым» суконным фабрикантам. Так, московский суконный фабрикант, отставной прапорщик П. Залюбовский получил звание мануфактур-советника⁴⁶.

Показателен рескрипт Александра I министру внутренних дел Козодавлеву: «Осип Петрович! До сведения Моего дошло, что коммерции советник Лион, приняв во владение суконную обязанную фабрику в Тамбовской и Воронежской губерниях, показал уже по оной немалые успехи... необходимо... отвратить все встречающиеся ему в производстве оного препоны...»⁴⁷.

Продолжали работать фабрики, успешные в 1807–1809 гг. Так, в 1812 г. их владельцы получили награды за свою деятельность (братья Чероковы, коллежская советница Бахметьева, купцы Пантелеев, Александров, Осипов, Углечанинов, Быковский и др.)⁴⁸. В 1812 г. расширил ассортимент суконный фабрикант генерал-майор Мерлин⁴⁹.

Реализация сукон, помимо поставок в военное министерство, велась через сеть лавок (иногда в домах фабрикантов) и ярмарок. В Москве частыми были следующие объявления: «Продаются близ Мясницких ворот и Почтамта российские тонкие сукна и фризы»⁵⁰; «близ Пречистенских ворот, в доме П.В. Панова получены... разных доброт и цветов сукна, фризы и байки» (здесь же сукна принимались в отделку)⁵¹; «на Самотеке, на валу, в доме Наумова про-

даются сукна и байки русские разных цветов до 300 половинок»⁵². Продавались и сравнительно дешевые «суровые сукна». В 1811 г. сообщалось о продажах: в «Пречистенской ч., 1 кварт. ...привезенные с фабрики суровые сукна из лучшей шерсти, до 200 половинок»⁵³; «русские двухаршинные сукна для домашнего употребления» (Старая Конюшенная, в доме Камыниных)⁵⁴; суровые сукна (до 400 половинок) в уже упомянутом доме Наумова⁵⁵.

То есть, одна из главных целей протекционистского тарифа — развитие собственного сукноделия, была достигнута⁵⁶.

А вот хлопчатобумажная промышленность целиком зависела от импортного сырья. Критик импортозамещения В.Г. Сироткин, «забыв» про протекционистский тариф 1811 г., не отметив деятельности министров внутренних дел и министра финансов⁵⁷, в ведении которых находилась промышленность, обратил внимание, что в работах М.И. Туган-Барановского и М.И. Покровского упомянута только хлопчатобумажная промышленность, они ссылались только на Александровскую мануфактуру⁵⁸, и говорили об импорте хлопка. Сироткин вопрошал: «Была ли его переработка в России выгодней покупки готовой английской пряжи, неизвестно»⁵⁹.

Это не совсем так. В 1812 г., несмотря на успехи Александровской бумагопрядильни, преобладал импорт пряженной бумаги, которая была дороже отечественной. Так, бумаги сырца за весь 1812 г. привезли по европейской торговле 73 069 пуда 32 фунта (на 1 661 485 руб. 25 коп.); по азиатской — 11 954 п. 35 ф. (на 117 706 руб. 6 ¼ коп.). То есть всего импортировано сырца 85 024 п. 27 ф. (на 1 779 191 руб. 31 ¼ коп.) А хлопчатой пряженной бумаги по европейской торговле привезено 76 502 п. 39 ½ ф. (на 8 587 933 руб. 66 ¼ коп.), а по азиатской на 9 598 967 руб. 28 ¾ коп.⁶⁰

Однако «хлопчатая бумага» и краски поступали не только из Америки (до сентября 1812 г. официально сообщалось о доставке «хлопчатой бумаги» и других товаров с американских кораблей)⁶¹ и контрабандно из Англии (эти товары шли в основном через Петербургский порт), но и из Азии (ввозились через Астрахань, Таганрог, Феодосию, Тирасполь и даже Тобольск). В какой-то мере английский импорт замещался дешевыми азиатскими аналогами⁶². Как уже отмечалось, на заседаниях Госсовета 18 и 26 августа, 16 и 29 сентября, 4 октября, 1, 3, 10 и 13 ноября 1811 г. рассматривался вопрос о стимулировании такой торговли⁶³. Принимались на высшем уровне и представители из Азии⁶⁴. А в га-

зетах, ожидая конец войны с Персией, писали о положительных качествах персов и их готовности к сотрудничеству. Так, в ноябре 1811 г. появилась переводная с немецкого статья «Сравнение турок с персами»⁶⁵.

Многие азиатские товары ввозились через Астрахань. В июне 1811 г. сообщалось: «С открытием навигации... пришло 5 здешних купеческих кораблей, 4 от персидских берегов и 1 от Баки, с бумагою хлопчатою и пряденою, чернильными орешками, мареной, кубовой краскою... коврами, грецкими орехами»⁶⁶. А из России в Персию ушел «корабль здешнего купца Кафтанникова с полосным железом и мукою»⁶⁷. Интересно, что если в 1810 г. к берегам России пришло только 2 персидских корабля, то в 1812 г. — 49⁶⁸.

Возросло значение г. Феодосии; в 1811 г. в газетах появилось описание герба этого морского порта: «В щите, имеющем голубое поле, крестообразно изображены трезубец Нептунов и Меркуриев жезл, в заглавии щита хлебный сноп, а в подножии золотое руно»⁶⁹. В этот период увеличился товарообмен Феодосии с азиатскими странами⁷⁰. Примечательно, что в марте 1812 г. стала действовать Феодосийская страховая компания (капитал — 100 акций по 1000 руб. каждая; страховка судов, ходящих по Азовскому и Черному морям, на 8 тыс. руб.)⁷¹. Для поощрения этой торговли взимались небольшие таможенные пошлины, а о купеческих доходах можно судить по приобретению недвижимости. Так, в 1811 г. евпаторийский купец С. Агонов купил дом подпоручика И. Каракаши в Феодосии за 5 тыс. руб.⁷² Государство отмечало заслуги купцов в Феодосии: «21 января 1812 г. золотой медалью на Аннинской ленте ценою 59 руб. 50 коп. награжден карасубазарский купец 2 гил. Берлин „за полезные труды Феодосийскому краю по разным вопросам промышленности“»⁷³.

Процветала купеческая торговля и в Тирасполе. Косвенно об этом свидетельствует интенсивное строительство купцами каменных зданий. В мае 1812 г. сообщалось, что тираспольское «купеческое общество... назначило 100 тыс. руб. для построения в нашем городе каменного в 2 этажа Магистратского дома и вокруг него лавок. Город наш при вступлении своем во владение России состоял не более как из 20 маленьких дворов, а ныне так застроен, что одних каменных домов находится в нем около 50...»⁷⁴. Кроме того, «бумажный товар» привозили караваны, направляемые из Тобольска⁷⁵.

Все это способствовало развитию отечественного бумагопрядения. Наиболее устойчивым было положение Александровской мануфактуры, которая являлась автономным подразделением Министерства финансов и находилась при Санкт-Петербургском Приказе общественного призрения. Правительственная поддержка мануфактуры сказалась и на быстром карьерном росте ее служащих⁷⁶. Как уже отмечалось, на Александровской мануфактуре увеличился выпуск пряжи, а также продавалось оборудование для текстильных предприятий (внедряли оборудование «воспитанники мануфактуры»)⁷⁷.

А в Москве часто появлялись сообщения об оптовой продаже пряжи⁷⁸.

Бумагопрядильное производство налаживалось и при известных частных ситцевых фабриках. Так, купец первой гильдии, известный фабрикант Грачев выбрал наименее затратный путь для увеличения производства. В 1811 г. он поместил объявление о дополнительном приеме на бумажно-прядильную фабрику до 100 человек крепостных мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет (принимались на 4 года на полное содержание фабриканта, зарплату получали только за последние 2 года (50 руб. в год)⁷⁹.

Для дополнительного дохода на Александровской мануфактуре в 1811–1812 гг. продолжился выпуск бумажных чулок, ранее ввозившихся из-за границы⁸⁰. В Москве А.С. Насонов продавал чулки «бумажные, самые тонкие, с филейными узорами и прозрачными стрелками», произведенные на его фабрике⁸¹. Это был доходный бизнес, поэтому объявления о продаже «чулочных станков» выходили постоянно⁸².

К факторам, способствующим развитию ситценабивной промышленности, можно отнести и незначительный импорт ситцев⁸³.

То есть, ситец и чулки отечественного производства действительно появились на внутреннем рынке.

Более неустойчивым было положение шелковой промышленности. Как уже отмечалось, отечественное производство шелка-сырца было незначительным (так, «в Кизляре ежегодно производилось шелка до 250 пуд.»)⁸⁴. Крупным поставщиком шелка стала Персия⁸⁵.

Шелковые фабрики к этому времени были уже частными. В 1812 г. в «Ведомости о мануфактурах...» значилась перешедшая из казенного ведения «учрежденная по прежним привилегиям фабрика действительного тайного советника кн. Юсупова; Богородской округи, в селе

Купавне; 130 станов; 724 чел. приписных»⁸⁶. Впоследствии на Всероссийских промышленных выставках она отмечалась как лучшая. «Учрежденной по прежним привилегиям» была и шелковая фабрика дворянина Е. Лазарева. Находилась в «Богородском у. в селе Фрянове; 168 станов; 1172 чел. приписных»⁸⁷. Известность получил «магазин шелковых товаров, состоящий на Мясницкой, в Милютинском пер., в доме г. Милютина», в котором торговали «левантинами лучшей доброты и цветов, тафтами полосатыми, нанками, полушелковыми летними материями, диванными материями, платками шалевыми, платками экоссе...» «с фабрики г. Милютина»⁸⁸. В 1812 г. продавались шелковые чулки с фабрики московского купца А.С. Насонова⁸⁹.

Конкурентом отечественным шелкам на внутреннем рынке был китайский шелк. В Москве он продавался «в лавке под вывескою китайских и турецких товаров, что подле маклерских контор, в доме Плотникова»⁹⁰.

Достижением была и появившаяся в столицах отечественная мебель хорошего качества. Даже в Павловске, в Розовом павильоне (ранее здесь была дача Багратиона, выкупленная в казну)⁹¹ по рисункам Воронихина «в Петербургских мастерских была изготовлена мебель, фанерованная карельской березой. Примечательной особенностью предметов стало использование для их обивки вышивок крестом по канве с изображением цветов, главным образом роз...»⁹².

А в газетах писали о недопустимости экспорта по низким ценам конского волоса, используемого при набивке мебели (в 1812 г. отпущено из Санкт-Петербургского порта «грив конских» — 4869 пуд. 21 фунт на 40 875 руб. 66 коп.⁹³; «хвостов конских» — 20967 шт. на 8470 руб. 20 коп.⁹⁴). Но в 1812 г. на экспорт пошла и мебель (из Санкт-Петербургского порта ее было вывезено на 18845 руб.)⁹⁵ (для привлечения западного потребителя цена мебели первоначально занижалась).

Отечественная мебель пользовалась спросом и на внутреннем рынке. С 1811 г. при сдачах внаем больших помещений указывалось, что они могут подойти под мебельный магазин⁹⁶ (большинство таких магазинов появилось в этот период, ранее отдельные предметы импортной мебели продавались в промтоварных лавках).

В это же время стали пользоваться спросом и отечественные кареты, но стоимость их была немногим ниже импортных: «Продается двухместная карета Петербургской работы последнего фасона за 1100 руб.»⁹⁷.

Надеялись на прибыль и от продажи посуды Александровского Императорского фарфорового завода⁹⁸. Для лучшей реализации посуды открыли новую «фирменную лавку» в Трубниковском пер. в Москве⁹⁹.

Налаживался выпуск и дешевой фаянсовой посуды. На первый план вышла казенная Киево-Межигорская фаянсовая фабрика, где после пожара 1810 г. была проведена модернизация¹⁰⁰. Благодаря новому оборудованию, а также найденной вблизи фабрики качественной желтой глине¹⁰¹, расширился ассортимент (столовая посуда, вазы, цветники, чайные сервизы, кружки, чернильницы, подсвечники) и улучшилось качество выпускаемой продукции¹⁰². В Москве же для реализации этой посуды вскоре открылся фирменный магазин «на Никольской, в доме купца Глазунова, № 6»¹⁰³.

Массовым стало и производство изразцов, используемых при отделке печей и зданий. Так, в начале 1812 г. «во Владимирской губ., в г. Шуе у купцов Носовых заведен гончарный завод, на котором делают разного сорта для печей белые рисованные штуки и простые прочные изразцы» (по качеству не уступали московским и ярославским, но были дешевле)¹⁰⁴.

Открывались и селитряные заводы (инициировал создание этих заводов Н. Румянцев с 1807 г.). Известно, что в декабре 1808 и в 1810 г. на селитру были повышены цены¹⁰⁵. В 1811 г. появилось пособие «О заведении селитроварения» (автор — владелец заводов в Малороссии)¹⁰⁶. В 1812 г. для «поощрения производства» селитра экспортировалась беспошлинно¹⁰⁷.

А вот обработка железа шла медленно. До континентальной блокады необработанное железо экспортировали за рубеж, а импортировали железные изделия из Англии и Германии. Основным стимулом для развития этой отрасли были заказы военного министерства.

Так, для Брянского арсенала требовалось: «Проволока железная средней руки 15 пуд. по 16 руб.; сталь литая русская на английский манер 10 пуд. по 59 руб. 95 коп.; железо полосное Демидовское 1500 пуд. по 325 коп. за каждый пуд; пилы московской работы на аглинский манер разные...»¹⁰⁸. Инструментальный завод также запрашивал (с указанием цен) проволоку и «толстое железо»¹⁰⁹. Организовывались торги и для желающих взяться за переделку кавалерийских касок (1010 шт.)¹¹⁰.

Примечательно, что одним из первых крупных производителей железных изделий был И. Баташев, который в 1798 г. построил

на р. Железнице Верхнежелезнинский косный завод, а в 1803 г. — проволочную фабрику¹¹¹. Выгодным занятием было изготовление оборудования для винокурен. Так, Н.Н. Демидов продолжил продажу «медных и железных кубов»¹¹².

В это время стали производить новое оборудование для пищевой промышленности. Так, в железной лавке И. Тимофеева продавалась «макаронная и вермишельная машина»¹¹³ (макароны импортировались; иностранцы открывали макаронные фабрики).

А непосредственно перед Отечественной войной французы «Г. Дюфур с сыном... завели фабрику разных механических машин и инструментов за Калужской заставою, на даче... кн. Юсупова»¹¹⁴.

Налаживалось производство и сложных механизмов, например, башенных часов. Так, в 1812 г. появилось следующее объявление: «Ведомства экспедиции кремлевского строения механик Я.И. Лебедев продает своей фабрики готовые новые на колокольни и на башни часы, аглинского манера»¹¹⁵.

Нарушилась монополия А. Полторацкой в изготовлении швейных игл. Так, в 1812 г. «иностранец, недавно приехавший в Москву... завел английскую булавочную фабрику, на которой делают и передаются разного сорта большие и малые булавки с литыми головками; также тамбурные и филейные иголки, спицы для вязания чулок, железные и медные с позолотою плетеные клеточки... всякая проволочная работа» (фабрика на Никитской, в бывшем доме кн. Дашковой)¹¹⁶. Примечательно, что в начале 1812 г. повысилась пошлина на импортные иглы обыкновенные и тамбурные — 2 руб. (с тысячи)¹¹⁷.

Продолжали работать и чугунно-плавильные заводы. Известность приобрел чугунно-плавильный завод Михельсона близ Калужской заставы, на который принимались и ученики¹¹⁸.

Продажа железных изделий в Москве велась на Балчуге, в железном торговом ряду¹¹⁹, а также в колокольном¹²⁰.

Но даже в это время конкуренцию составляли импортные железные изделия (особенно немецкие). В какой-то мере это объяснялось субъективным фактором, в частности, покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны. В январе 1811 г. она писала: «Вообще же бесконечные потрясения, которые Германия переживает во всех отношениях в настоящее время делают... весьма горестным пребывание в ней тех, кто нам дорог; в существовании Германии, всех ее сословий, начиная с особ Королевского рода и вплоть до ремесленников есть что-то такое шаткое»¹²¹.

Конкретно поддержка выражалась и в том, что военные заводы заказывали немецкую сталь. Так, для Брянского арсенала требовалась «сталь немецкая лучшая 25 пуд. по 29 руб. 20 коп.»¹²². Московский инструментальный завод также заказывал сталь немецкую по 16 руб. пуд¹²³.

Спросом пользовалась немецкая мебель. А в столицах продавались «кареты разных манеров, лучшей немецкой работы»¹²⁴.

Русско-немецкие отношения укрепило соглашение, опубликованное 12 июня 1812 г., между Александром I и герцогом Саксен-Веймарским и Эйзенахским: «Желая взаимно благоприятствовать и споспешествовать сношению и свободной торговле между обоюдными их подданными, а притом и уничтожать противные сему намерению пошлины, взимаемые досель в обоих государствах с имуществ и наследств»¹²⁵.

Появлялись и совершенно новые для России производства. Так, с 1807 г. купец Чурсинов стал производить клеенку. К 1811 г. «его клеенки был постоянный спрос, они в больших количествах закупались Медицинскою экспедициею при военном департаменте, которая в лазаретах меняла кожи на клеенки (Чурсинов награжден золотой медалью „За полезное“»¹²⁶.

Конкурентами были только китайские клеенки, продававшиеся в лавке турецких и китайских товаров на Ильинке¹²⁷.

Появились отечественные и так называемые предметы престижа. К таким вещам относилась вакса (смазанную салом обувь носил простой народ). Вакса же была импортная, английская и стоила дорого. Интересно, что перед континентальной блокадой «англичанин Торнер» привез с собой «черную ваксу, которая улучшает качество кожи». Вакса продавалась в лавке Коло близ Кузнецкого моста, в доме Дюмутье и в сапожной мастерской А. Мертена и К^о по цене 250 коп. за бутылку¹²⁸. Но и в 1812 г. вакса, не портящая обуви, продавалась в Москве¹²⁹.

Другим отечественным товаром, заменившим импорт, стало мыло. Перед континентальной блокадой было модным английское и итальянское (в лавке Коло близ Кузнецкого моста, в доме Дюмутье продавалось разных сортов английское мыло, с рекламой, что оно «делает тело мягким и белым», а также неаполитанское мыло)¹³⁰.

А в 1811–1812 гг. китайцы стали продавать дешевые аналоги французской косметики и мыла. Так, в уже упомянутой «лавке турецких и китайских товаров продавались: магнезия по 250 коп. ко-

робка, помада для чернения волос — 8 руб. банка, мыло меккское цветное для лица — 250 коп. фунт, китайские притирания по 150 коп. скляночка»¹³¹.

Но в континентальную блокаду мыло, причем «твердое», стали варить и на российских салотопенных заводах. Так, в 1811 г. появилось следующее объявление о продажах: «В Охотном ряду... против Мясного ряда, в доме купца Второва, своего завода сальные свечи, литые, по 960 коп., маканные по 930 коп.; мыло самое лучшее и крепкое по 9 руб. у купца Е. Катова»¹³².

Та же цена на мыло была и у других московских купцов¹³³. Мыловаренные заводы функционировали и на окраинах империи. Так, в начале века в Барнауле Кольвано-Воскресенской штатной команды майор Мартин «устроил два завода — кожевенный и мыловаренный... Имел до 60 тыс. годового дохода». Проблем со сбытом не было: «Закупают у них кожи и мыло, отправляют для продажи в Кяхту, Семипалатинск и Бухтарму»¹³⁴.

В 1811 г. как о большом достижении писали о начавшейся в Петербурге продаже «лампадного масла, не уступающего деревянному, без всякой копоти» (в лавке С. Крючкова в Большой Миллионной)¹³⁵.

На внутреннем рынке появился дешевый отечественный табак. В это время табакокурение в России было довольно распространено. Так, знаменитый историк Карамзин ежедневно «выпивал две чашки кофе и выкуривал трубку табаку»¹³⁶. Трубки в основном изготавливались иностранцами, принимавшими заказы в лучших гостиницах¹³⁷.

То есть стал распространяться курительный табак, но импорт нюхательного табака еще преобладал¹³⁸, хотя по азиатской торговле в 1812 г. ввозился в основном курительный¹³⁹.

Крупными импортерами табака были французы; он продавался почти во всех французских лавках (в лавке Демаре¹⁴⁰, у Дандильи¹⁴¹, у Монтана и Прево на Кузнецком мосту, в доме генерала Бланкеннагеля¹⁴²).

Продавался и американский «курительный табак Вакштаб». Возможно, благодаря положению о нейтральном судоходстве, его импорт увеличился, а цены упали. Так, в 1808 г. в книжной лавке И. Готье «близ Кузнецкого моста» он стоил «350 коп. картуз»¹⁴³. А в 1811 г. он подешевел до «150 коп. картуз» (лавка Е. Быкова, большой овощной ряд)¹⁴⁴.

Азиатский курительный табак привозился в Москву и Петербург из Астрахани¹⁴⁵.

Но в 1811–1812 гг. в России уже разводили табак в значительных количествах. Наиболее известным был амерфорский табак (выращивался в селе Красиловке Черниговской губ. Борзенского повета). И цены на него были низкими – в 1811 г. лучший сухой табак стоил 3 руб. за пуд¹⁴⁶. И в розничной московской торговле отечественный табак стоил дешевле импортного (75 коп. за фунт)¹⁴⁷.

Импортозамещение было и в пищевой промышленности.

Значительный доход в указанный период приносила соледобыча (ранее соль в значительных количествах импортировалась). Соляные промыслы находились в ведении Министерства финансов. Но структура управления отраслью несколько изменилась¹⁴⁸. В 1811 г. отечественной соли было продано 18 049 819 пудов, импортной – 883 244 пуда¹⁴⁹. В финансовом отчете за 1811 г. отмечен доход «от продажи по государству соли – 16 324 677 руб. 9 коп.; в недоимке к 1812 г. – 5 377 руб. 20 коп.»¹⁵⁰. Кроме того, в этом году поступили совокупные «взыскания по части винной, соляной и другим долгам – 280 701 руб. 44 ½ коп.»¹⁵¹. Но и расходы по соляному ведомству в 1811 г. были большими: «на содержание соляного управления, на добывание и развоз соли – 23 604 255 руб.»¹⁵². С 1812 г. решили увеличить «соляной» доход, разрешив вольную продажу соли (манифест от 5 ноября 1811 г.)¹⁵³. А в инициированном министром финансов графом Гурьевым указе от 23 декабря 1811 г. определялось количество соли, поставляемой из казенных магазинов на вольную продажу¹⁵⁴ (опубликован 27 декабря). Из казенных запасов отпускались: из Элтонских озер – 4 млн пуд. (по 45 коп. пуд), из Камышинских луговых запасных магазинов – 3 млн пуд. (по 55 коп. пуд), из Нижегородских магазинов – 1 млн пуд. (по 110 коп. пуд)¹⁵⁵.

На первый план вышли Дедюхинские казенные соляные варницы. Этому способствовал выход указа от 5 июля 1811 г. «О назначении вновь цены за выварку соли на казенных Дедюхинских промыслах». Называлось обязательное количество добываемой соли – 1 400 000 пуд., за которую казенным работникам выдавалось 20 коп. за пуд, а вся сверхплановая соль, добытая вольными работниками, оплачивалась по 24 коп. за пуд¹⁵⁶. При этом увеличивались и капиталовложения¹⁵⁷. Предполагалось и дополнительное стимулирование работников: «Сбереженные суммы разделить

на 2 части; из коих одна казне, вторую делят на 3 части: одну казне, вторую чиновникам, третью мастерам и работникам¹⁵⁸.

Важным представлялось и развитие сахарной промышленности. Интересно, что сахар изначально считался престижным продуктом, необходимым в дворянской среде. Хотя в тарифе 1811 г. он был отнесен к деликатесам, обложенным значительной пошлиной, сахар-рафинад и песок продолжали ввозить¹⁵⁹. В целом в 1812 г. по европейской торговле ввезено дорогого сахару-рафинаду 13 216 пудов 12 $\frac{1}{4}$ фунтов на 669 952 руб. 37 $\frac{1}{4}$ коп¹⁶⁰.

Сахар лидировал и среди контрабандных товаров. Так, в объявлении московской конторы по продаже конфиската для привлечения покупателей говорилось, что «с будущего 1812 г. продаваться будет в каждый аукцион сахару рафинаду по 50 бочек»¹⁶¹, что и выполнялось¹⁶².

Колебания цен в 1812 г. в Петербурге на сахар-рафинад были незначительными: 75–76 руб.¹⁶³ Но в российскую столицу ввозили и самый дешевый «сырец гаванский желтый», средняя цена которого была 28 руб.¹⁶⁴

А в Москве часто в продаже был китайский сахар. Так, «в лавке под вывескою китайских и турецких товаров... в доме Плотникова» помимо чаев продавались «сахар рафинад (70 руб. пуд), рафинад кусками и «мелочью» без бумаги (62 руб. пуд), «желтый песок» по 26 руб. пуд и «леденец Бергамский черный, употребляемый от кашля, по 250 коп. фунт»¹⁶⁵.

То есть сахар был востребованным и дорогим товаром. Поэтому налаживалось его производство в России. Интересно, что в Москве свекловичные семена в расфасовке до 10 пудов продавались «близ Девичьего поля... в Зубове, в доме княгини Мещерской»¹⁶⁶.

Государство продолжало активно поддерживать сахарозаводчиков. Так, в августе 1811 г. Госсовет рассматривал просьбу «московских купцов Карзинкина и Лобкова о дозволении им устроить в Москве сахарный завод». Что было разрешено, а также на основании указа 1805 г. эти разрешения получали все желающие. Так же решили понизить цены на дрова и торф¹⁶⁷.

В газетах постоянно писали об успехах сахароварения: «Действительный статский советник Рябинин, коллежский советник Бахметьев и майор кн. Енгальчев... устроили ныне вновь таковые заводы, первые двое в Тульской губ. в Новосильском у., а последний в Тамбовской губ. в Шацком у. и засеяли свекловицею весьма

значащее пространство земли»¹⁶⁸. Делался вывод и о хороших перспективах отечественного сахароварения¹⁶⁹. В качестве преференции сахарозаводчикам разрешалось выкуривать небольшое количество вина, появлялись и технические новинки, общие для этих двух видов производства¹⁷⁰.

Но продолжали функционировать и сахарные заводы с неполным циклом производства. Так, в 1812 г. у купца И.П. Бубуки продавалась отечественная патока по 8 руб. 50 коп. за пуд¹⁷¹.

Успехи были и отечественного винокурения, которое было защищено высокими таможенными пошлинами по тарифу 1811 г.¹⁷², хотя импорт вин продолжался. В частности, высоко котировались французские вина (в Москве марочные вина всегда были в наличии в винном погребе Монтана и Прево)¹⁷³. Наибольшим спросом пользовалось шампанское. Оно было на столе у императорской семьи во время храмовых праздников¹⁷⁴. Даже в апреле 1812 г. общалось о продаже шампанского: «На Маросейке, в доме 1 гил. купца И.П. Бубуки, в овощной лавке продается... белое и красное шампанское лучшего сорта, 9 руб. бутылка»¹⁷⁵ (цена шампанского была та же, что и в Петербурге). Как отмечал князь П.А. Вяземский, шампанское полюбили в Москве, хотя цены на него возросли в конце 1812 г.¹⁷⁶

Но на российском внутреннем рынке спиртное в основном было отечественное. Откупная система 1811–1815 гг. приносила значительный доход (поступления в казну по этой статье в 1811 г. составили более 75 млн руб., а в 1812 г. — более 73 млн руб.)¹⁷⁷. Проблемой оставался сивушный привкус, который начали успешно преодолевать казенные винокуренные заводы (среди крупных Симбирский, Мелекесский, пензенские Бриловский и Синдоровский, вятские). При этом «главный начальник над казенными винокуренными заводами» Нелидов внедрял технические новинки¹⁷⁸.

Отечественное спиртное все в больших количествах поступало в Москву и Петербург. Так, в 1811 г. «за Москвою-рекою, на Полянке, у Козачьего подворья, в погребе купца Бродникова, продают вновь полученные донские, горские и французские вина». А известные зарубежные вина стремились скопировать. В 1811 г. на старейшей, существовавшей с XVII в., Коренной ярмарке в Курске в продаже были «виноградные вина и водки на манер французских»¹⁷⁹.

Отечественные вина были дешевле иностранных. Так, молдавское вино стоило 12 руб. ведро, а водка сладкая голицынская

по 4 руб. за штоф¹⁸⁰. В столицах же помимо «кавказских» водок появились качественные крымские вина¹⁸¹. Это произошло во многом благодаря успешному функционированию Крымского казенного виноградного училища, открытого в 1804 г..¹⁸²

Между тем впервые со всей строгостью стали наказывать за плохое качество вина. В Переяславский уездный суд были вызваны «поверенный действительного тайного советника камергера М.Г. Спиридонова слугитель И. Мусатов и купец Гавриловского Посада В. Комаров по делу о не выгорном вине, оказавшемся в некоторых питейных домах»¹⁸³.

Вскоре качество пива достигло зарубежных аналогов. В 1812 г. сообщалось: «На Никитской, в доме Якобиев у нанимающего Н. Иванова Санкт-Петербургской варки, на манер английской, портер и пиво, которые как вкусом, так и добротой ничем не уступают настоящему английскому»¹⁸⁴.

На примере же растительных масел можно увидеть, насколько отечественный продукт был дешевле импортного. Так, в 1812 г. «близ Охотного ряду, на Тверской, в доме священника, в овощной лавке купца И. Романова продается новополученное горчичное настоящее сарептское масло, по вкусу не уступающее прованскому, по 60 руб. пуд и по 170 коп. фунт». Здесь же продавалось и прованское масло 1 сорта по 4 руб. за фунт¹⁸⁵.

Называлось и имя Г. Нейца как крупного производителя горчицы и горчичного масла в Сарепте. С начала 1811 г. по октябрь он продал в Петербург и Москву «горчицы 116, масла 37 пуд.». Кроме того, саратовские помещики Горяинов и Струков поставили на внутренний рынок 100 тыс. банок горчицы. Так, у Струкова под горчицу было отведено 30 десятин, уродилось 120 четвертей, из которых получилось до 500 пудов выделанной горчицы¹⁸⁶.

Сыры украинского производства (из Одессы и Киева) заменяли импортные (голландский, пармезан)¹⁸⁷.

В это время увеличился спрос на дешевую отечественную рыбу. Если ранее в списке продуктов по фиксированным низким ценам значилась осетрина, которая всегда была в Москве в живорыбном ряду¹⁸⁸, то в 1811–1812 гг. ввозились петербургские, прибалтийские и архангельские виды рыбы в специализированные лавки (как деликатесы – угри, сиги, стерлядь и миноги; дешевой рыбой была архангельская навага, петербургские корюшка и форель, револьские кильки)¹⁸⁹. Зато импортировалась полюбившаяся россиянам

шведская селедка¹⁹⁰. Хотя отечественная соленая рыба была значительно дешевле и уже хорошего посола — архангельская селедка, ревельская селедка и кильки, сельди, заготовленные Российско-американской компанией (РАК), — в Москве продавались в Рыбном гостином дворе и в Петербургской лавке¹⁹¹.

В садоводстве активно внедряли яблони и вишни отечественной селекции¹⁹².

Политика импортозамещения сопровождалась появлением новых учебных заведений. В 1811 г. была учреждена Московская практическая академия коммерческих наук (открытие профинансировало Обществом любителей коммерческих знаний)¹⁹³. Капитал общества — 30 тыс. руб.; почетные члены: министр финансов Д.А. Гурьев, министр просвещения А.К. Разумовский и директор департамента внешней торговли М.А. Обресков¹⁹⁴. В том же 1811 г. на пожертвования было открыто училище в г. Ставрополе¹⁹⁵. При казенных горных заводах так же появился ряд школ и училищ. В г. Нерчинске открылось уездное училище в день тезоименитства Александра I 3 августа 1811 г. (56 чел. учеников). Дом для училища пожертвовал городничий И.А. Далбин (он же внес деньги и 14 книг). Денежные пожертвования сделали исправник Муромов, купцы Истомины и Черепанов (по 50 руб.)¹⁹⁶.

В распространении отечественной продукции большую роль играли ярмарки. На крупнейшей Макарьевской в 1811 г. констатировали: «Здесьние суконные, шелковые, ситцевые, полотняные и другие ряды весьма мало имели иностранного товара, а напротив того в великом количестве наполнены были российскими изделиями, кои отправляются отсюда в разные города и вымениваются у азиатцев на потребные для наших фабрик материалы, как-то на шелк, хлопчатую бумагу, верблюжью шерсть и козий пух; сии две последние статьи ныне дешевле противу прежних лет»¹⁹⁷.

На трех других, таких же крупных, ярмарках товарооборот возрос. Так, в начале 1812 г. из Харькова сообщалось, что оборот Крещенской ярмарки колебался от 19 до 20 млн руб. В достаточном ассортименте были шелковые, бумажные, шерстяные и нитяные изделия¹⁹⁸.

А летом 1811 г. на Коренной ярмарке в Курске «было привезено товаров на 4 500 000 руб.»¹⁹⁹. Ассортимент товаров был самым широким, основные страны-производители: Россия, Китай, Бухария²⁰⁰.

Ирбитская ярмарка прославилась благодаря китайским товарам. Одним из основных был чай, который, наряду с кофе, становился привычным напитком знати (употреблялся и императорской фамилией)²⁰¹. В 1812 г. торговый оборот увеличился «против прошлого года на 1 млн руб.», прибыль колебалась от 20 до 80%²⁰². Ярмарки появлялись и на Кавказе. В 1811 г. крупный торг был в Александровске²⁰³.

Но большинство ярмарок были крестьянскими. В сообщении из Шадринска говорилось: «В ноябре на Михайловской ярмарке сумма денежного оборота простиралась до 159 700 руб. Товаров иностранных была весьма малая часть; но главный торг происходил коровьим маслом, салом, сырыми кожами, крестьянским сукном и холстом, также хлебом и другими жизненными припасами»²⁰⁴.

В период континентальной блокады купцы наживали значительные капиталы, которые вкладывали в недвижимость. Одним из самых известных было приобретение титулярным советником Г.А. Перетцем, сыном крупнейшего откупщика А.И. Перетца, имения «девицы из дворян Н.И. Скрыдловой» («600 дес. с имеющимися на той земле крестьянским хоромным и гуменным строением»). Покупка обошлась в 1200 руб.²⁰⁵ С 1811 г. узаконивались сделки прежних лет по приобретению купцами поместий (ранее утверждение этих сделок как сомнительных откладывалось). Так была утверждена купчая «от Санкт-Петербургского купца Д. Степанова, писанная в сей палате в 1807 г., данная от секунд-майора Н.В. Сабанеева на проданное им недвижимое имение... за 200 руб.»²⁰⁶. Крупные сделки совершались и в Крыму²⁰⁷.

Широкие возможности для приобретения купцами земель давал план разгосударствления Сперанского (мера непопулярная и приносившая казне минимальный доход)²⁰⁸.

Негативным последствием продолжавшейся континентальной блокады был рост контрабанды. Но, учитывая близящееся возобновление торговли с Англией, боролись с ней как-то странно. Например, в газетах обязательно указывались имена таможенников, поймавших контрабандистов (причем часто таможенники были уже уволены и неизвестно где находились)²⁰⁹. Продажа конфискованных товаров стала постоянной (часто указывалось, что страна — производитель товаров — Англия). Так, петербургская таможня приглашала желающих на распродажу в январе 1812 г. конфискованных товаров, среди которых была английская фаянсовая посуда (сто-

ловые и чайные сервизы)²¹⁰. А в Москве по высочайшему повелению была учреждена «контора для продажи конфискованных товаров», в которой «будут продаваться... сахар, кофе, гвоздика, перец, краска индиго...»²¹¹. Доход от продажи конфиската был значительным. В 1811 г. поступило 12 658 166 руб. 86 коп. (в недоимке к 1812 г. осталось 3 141 833 руб. 14 коп.)²¹². В 1812 г. в недоимке уже числилось 4 350 726 руб. 28 ½ коп. Эта сумма и поступила к концу года²¹³.

Таким образом, во многом благодаря протекционистскому тарифу, в период континентальной блокады отечественная промышленность успела сделать ускорение, позволившее обмундировать армию и в значительной мере насытить внутренний рынок²¹⁴. Следует учитывать, что одна из главных целей протекционистского тарифа — развитие собственного сукноделия, была достигнута²¹⁵.

¹ Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: Переписка из трех углов (1804—1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] / Вступ. ст., коммент. Е. Дмитриевой. М., 2017. С. 155.

² Там же. С. 173—174.

³ Там же. С. 174—175. Следует отметить, что герцогство Ольденбургское было уже захвачено французами.

⁴ 15 апреля 1811 г. золотой медалью на голубой ленте ценой 60 руб. 85 коп. награжден заславский купец 1 гил. М. Гальперсон «за исправное окончание поставки для молдавской армии хлеба 59 450 четвертей по ценам, для казны выгодным, и за перевозку за свой счет в разные магазины хлеба». В этот же день золотой медалью на алой ленте ценой 60 руб. 85 коп. награжден дубинский и житомирский купец (и раввин) Р. Моргульс «за перевозку в разные магазины хлеба за свой счет и за поставку для Молдавской армии хлеба по низким ценам» (*Фельдман Д.З., Петерс Д.И.* «На пользу Отечества». О слугах евреев Российской империи и их награждении. М., 2016. С. 99).

⁵ В 1811 г. из Петербурга сообщалось: «В здешний магазин российских сукон купца Кузнецова, состоящий против Адмиралтейства в доме Кусовникова, поступили в продажу орденские ленты от московского фабриканта Локтева» (Московские ведомости. 1811. 19 июля. № 57. С. 1570).

⁶ «11 июля 1811 г. чрезвычайного нашего посланника и полномочного министра при США, двора нашего действительного камергера гр. фон дер Палена повелеваем в том же качестве перевести в Бразилию». Тогда же был опубликован «Примерный штат миссии, учреждаемой в Бразилии при Его Королевском Высочестве, регенте португальском» (с выплатой 19 700 руб. в год, считая 1 руб. в 50 штиверов голландских). 16 июля «на вакансию чрезвычайного нашего посланника и полномочного министра при республике Соединенных Американских Штатов повелеваем определить находящего»

- ся в Филадельфии генеральным консулом надворного советника Дашкова» (Московские ведомости. 1811. 27 сентября. № 77. С. 2010–2011).
- ⁷ См.: *Носова Г.В.* Экономическая политика Российской империи в Прибалтийских губерниях в эпоху Наполеоновских войн // Россия и Балтия. Памятные даты и историческая память. М., 2015. Вып. 7. С. 14–15.
- ⁸ В 1811 г. в гжатском магистрате рассматривалось дело купца В. Балаева по «взысканию с него по векселю на удовольствие английского купца В. Баврика за уплатою 525 руб. достальных 1282 руб. 81 коп.» (Московские ведомости. 1811. 9 декабря. № 98. Приложения. С. 1244).
- ⁹ В апреле 1812 г. «купечество и ремесленники г. Бирмингема... решили подать Правительству прошение об отмене статей постановлений об Ост-Индийской компании, коими все прочие подданные Великобритании лишаются права производить торговлю в Индии» (Московские ведомости. 1812. 24 апреля. № 33. С. 962).
- ¹⁰ См.: *Носова Г.В.* 1810 год — решающий год континентальной блокады // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Сб. материалов. М., 2017. Т. XV. С. 35.
- ¹¹ 10 сентября 1812 г. из Петербурга выехали следующие английские подданные: В. Джонс, живший на Васильевском о-ве, Т. Аульд с малолетними сыном и дочерью, живший при чугунно-литейном заводе, Т. Кау и др. (Санкт-Петербургские ведомости. 1812. 10 сентября. № 73. С. 1084).
- ¹² Получение значительной прибыли намечалось в послевоенное время.
- ¹³ Значительными были и таможенные сборы, которые увеличились после введения протекционистского таможенного тарифа (22 ноября 1811 г. вышло постановление Гурьева о продолжении действия европейского тарифа, на 1811 г. изданного с некоторыми дополнениями). См.: Архив государственного совета. Журналы по делам департамента государственной экономии. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). СПб., 1881. Т. 4. Ч. 2. С. 1246.
- ¹⁴ Например, в 1812 г. Вяземский писал: «Видя из писания вашего ко мне, что вам, бедным, тяжело платить денежный оброк, ибо надбавка вновь по ревизии душ и плата за них вам весьма тягостна... согласны вы, чтоб я отдал вас на откуп госпоже Арсеньевой... или другому какому помещику за денежную мне заплату, которая возместит и за новые души по ревизии платить деньги» (ОПИ ГИМ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 4. Л. 21).
- ¹⁵ Московские ведомости. 1811. 4 ноября. № 88. С. 2311.
- ¹⁶ Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб., 1814. С. 17.
- ¹⁷ *Муктан А.В.* Немецкий фактор в формировании промышленной базы России (на примере Златоустовской фабрики «белого оружия» по документам Российского государственного исторического архива) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Мат.-лы Междунар. научн. конф.. Москва, 17–20 сентября 1998 г. М., 1998. С. 14. Еще 20 февраля 1807 г. по именному указу начато строительство Златоустовского завода холодного, в том числе и наградного оружия (Златоустовское художественное оружие XIX века. Альбом / Авт.-сост. Т.И. Абольская. Л., 1986. С. 6).

- ¹⁸ Муктан А.В. Немецкий фактор в формировании промышленной базы России... С. 15.
- ¹⁹ Перед войной 1812 г. на Урале бастовали свыше 20 тыс. приписных крестьян (Шушканов Н. Крепостной Златоуст. Свердловск, 1935. С. 74).
- ²⁰ Там же. С. 74, 92. В 1825 г. подсчитали, что за «подводную гоньбу» в указанные годы они недополучили 2 752 руб. 92 коп. (там же. С. 93).
- ²¹ Московские ведомости. 1812. 6 марта. № 33. С. 963.
- ²² См.: Носова Г.В. Реформы М.М. Сперанского в сфере денежного обращения в 1810–1811 годах и оценка их результатов // Забелинские научные чтения. 2005. М., 2006. С. 313–327.
- ²³ 26 июня 1811 г. московский обер-полицмейстер Ивашкин (с его автографом) отправил рапорт генерал-фельдмаршалу, главнокомандующему в Москве И.В. Гудовичу, в котором говорилось, что квартальный надзиратель задержал живущего в Москве уроженца г. Выборга М.И. Маронена, пытавшегося расплатиться за копеечную гребенку 25-рублевой фальшивой ассигнацией. Маронен «сознался, что таковые ассигнации получает, заведомо фальшивые, от... живущего в доме кн. Куракина англичанина, живописного мастера О. Бутлера» (в бумажнике Маронена оказалось еще 9 фальшивых ассигнаций). После обыска жилища Бутлера был найден «как весь принадлежащий к деланию фальшивых 25-рублевых ассигнаций инструмент, весьма довольное количество совершенно сделанных и неотделанных ассигнаций...» (ОХД до 1917. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2843. Л. 1–1об.).
- ²⁴ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 31, № 24937. С. 942.
- ²⁵ Начальником 1-го отделения стал действительный статский советник Михайлов, который продолжал оставаться членом Комиссии по расчетам с заграничной армией; 2-го – служащий по Министерству финансов надворный советник Чекменев с производством его в следующий чин; 3-го – член Лесного департамента действительный статский советник Ватутин; 4-го – служащий в том же департаменте правителем канцелярии коллежский советник Кирсанов; 5-го – находящийся при министре финансов статский советник Илличевский; а отделения судебных и тяжбных дел находящийся не у дел коллежский советник Могилянский (Московские ведомости. 1811. 2 декабря. № 96. С. 2527–2528).
- ²⁶ 19 ноября 1811 г. вышел именной указ о награждении чином статского советника, «находящегося в ведении департамента мануфактур коллежского советника В. Прилуцкого» (на основании высочайшего указа от 6 августа 1809 г.). См.: Московские ведомости. 1811. 27 декабря. № 103. С. 2738.
- ²⁷ «Желающие поставить Адмиралтейству сукна овечьего для подкладки, потребного с 1810 г. вперед на 4 года, в каждый до 136, 137 арш. с верхками и дешевле выпрошенной Санкт-Петербургским купцом Патюховым цены, по 48 коп. за каждый аршин...» (Московские ведомости. 1809. 24 июля. № 59. С. 1357).
- ²⁸ Способствовала развитию текстильного производства и мода, в основном французская, которая стала значимым элементом при определении социального статуса. Так, ежегодно менялся цвет и фасон суконных панталон модников (Комиссаржевский Ф.Ф. История костюма. Минск, 1999. С. 360).

- 29 Московские ведомости. 1811. 30 декабря. № 104. С. 2761–2762.
- 30 Там же. 2 сентября. № 70. С. 1853.
- 31 Там же. 1812. 8 мая. № 37. С. 1051.
- 32 Там же. 1811. 2 августа. № 61. С. 1675.
- 33 Там же. 2 декабря. № 96. С. 2529.
- 34 Там же. 1812. 27 марта. № 25. С. 728.
- 35 Там же. 5 июня. № 45. С. 1247.
- 36 Квартировал у надворного советника Н.А. Леонтьева (Московские ведомости. 1811. 5 августа. № 62. С. 1696–1697).
- 37 «Продаются из Шпанской шерсти тонкие сукна, полученные на сих днях с фабрики г. Маслова» (продажа в доме Маслова на Большой Дмитровке; дом № 36). См.: Московские ведомости. 1812. 2 марта. № 18. С. 523).
- 38 В 1811 г. появилась заметка барона Биберштейна «О новейших опытах над извлечением синей краски вайды, учиненных в Харькове». Отметив, что «по открытию Америки краска индиго в Европе вообще заменяла вайду», он посчитал, что выгодно при нынешних обстоятельствах восстановить разведение вайды. Посеяв семена вайды, доставленные из Киева и Москвы, он отметил: «С десятины получают 800 пуд. свежих листьев, из которых добывают 150 фунтов чистой краски. Это выгодно, несмотря на то, что вайды требуется втрое больше, чем индиго (пуд индиго стоил 600 руб. и более)» (Московские ведомости. 1811. 30 декабря. № 104. С. 2764–2765).
- 39 В окраску принимались все виды тканей: шелк, бархат, разные сукна (Московские ведомости. 1811. 27 мая. № 42. С. 1178). Свои услуги предлагал и англичанин Грей, «имеющий машину для возобновления мужского платья» (там же. С. 1178).
- 40 Московские ведомости. 1812. 27 марта. № 25. С. 727.
- 41 Там же. С. 728.
- 42 Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб., 1814. С. 16.
- 43 Там же. С. 8.
- 44 3 стана, 39 вольнонаемных. Произведено 1 703 арш., продано 1 209 арш. (там же. С. 9).
- 45 ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 31. № 24648. С. 664.
- 46 На основании 11 ст. Манифеста от 1 ноября 1810 г. (Московские ведомости. 1811. 1 ноября. № 87. С. 2285).
- 47 Там же. 1812. 8 июня. № 46. С. 1257.
- 48 См.: Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 37, 38.
- 49 Московские ведомости. 1812. 16 марта. № 22. С. 639.
- 50 Там же. 8 мая. № 37. С. 1044.
- 51 Там же. 1812. 1 июня. № 44. С. 1214.
- 52 Там же. 1811. 23 декабря. № 102. С. 2715.
- 53 Там же. С. 2725.
- 54 Там же. 16 декабря. № 100. С. 2658.
- 55 Там же. 23 декабря. № 102. С. 2715.
- 56 В этой связи интересна мотивировка указа Александра I о награждении сенатора Аршеневского орденом Св. Александра Невского: «Осмотр знат-

- нейших мануфактур в России, по повелению Нашему произведенный вами в действо столь благоуспешным во всех отношениях образом, содействуя в полной мере видам нашим и попечению об усилении и распространении отечественной промышленности, приобрел вам все права на нашу признательность» (Московские ведомости. 1812. 20 марта. № 23. С. 655).
- 57 И в последующих работах этого автора имелся ряд неточностей. Так, говоря о начале континентальной блокады, он и. о. министра финансов Ф. Голубцова называет только государственным казначеем, а его заместителя Д. Гурьева — министром финансов (Гурьев стал министром финансов только после отставки Голубцова) (см.: *Сироткин В.Г.* Наполеон и Александр I. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801—1812 гг. М., 2003. С. 243).
- 58 *Сироткин В.Г.* Континентальная блокада и русская экономика (обзор французской и советской литературы) // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 75.
- 59 Там же. С. 75—76.
- 60 Государственная внешняя торговля 1812 года... С. 16—17. В 1812 г. из Петербурга сообщалось: «В течение минувшего марта в здешней портовой таможене привозимых из-за моря товаров следующее количество: бумаги хлопчатой сырца 3920 пуд. 25 ф. (116 600 руб.), сандалу синего в поленьях 2 175 пуд. 24 ф. (на 16 000 руб.), квасцов 149 пуд. 34 ф. (на 1 048 руб. 95 коп.) (причем сразу же начался реэкспорт хлопчатой бумаги сырца — вывезено 3 148 пуд. 27 ф. по цене от 40 руб. пуд; пряденной 197 пуд. 36 ф. по 100 руб.). См.: Московские ведомости. 1812. 24 апреля. № 33. С. 961).
- 61 Так, 26 июля 1812 г. сообщалось о продаже «от Санкт-Петербургской портовой таможи... с американского корабля «Лаура» 35 кип бумаги хлопчатой, сырца» (Санкт-Петербургские ведомости. 1812. 26 июля. № 60. С. 916).
- 62 Из Азии импортировали те же: хлопчатую бумагу, краски, табак и хлопчатобумажные ткани.
- 63 Архив государственного совета. Журналы по делам департамента государственной экономики. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). СПб., 1881. Т. 4. Ч. 2. С. 1190.
- 64 Так, в 1811 г. отмечалось: «Сверх того ужином же угощался в боковой Эрмитажа камере обретающий в Санкт-Петербурге капитан паша Исмаил с бывшими при нем чиновниками на 6-ти кувертах... Приглашены грузинские царевичи...» (Камер-фурьерский церемониальный журнал 1811 года. СПб., 1910. С. 8).
- 65 «Персы, напротив того, надлежащим образом уважают различные мнения других народов о вере и с удовольствием принимают наставления и сведения... Они оказывают отличное гостеприимство иностранцам... Особенно уважают они европейцев, что вовсе несогласно с образом мыслей турок... Персы... храбры и свирепы в сражении и весьма обходительны в мирное время» (Московские ведомости. 1811. 29 ноября. № 95. С. 2502). Отмечалась также образованность персов (там же. С. 2503).
- 66 Там же. 2 августа. № 61. С. 1667—1668. Были приведены цены на азиатские товары: платков полупелюковых дюжина — 72 руб., бумажных — каждый

по 5 руб., нагайской бумаги пряженной 1 сорта — 270 руб., 2 сорта — 240 руб., красной пестряди кусок — 14 руб., кумача — 6 руб. 50 коп., серпанки — 9 руб. (там же. С. 1668).

67 Там же. 2 августа. № 61. С. 1668.

68 Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 36.

69 Московские ведомости. 1811. 15 июля. № 56. С. 1569.

70 Значительным стал экспорт: в 1809 г. отошло всего 27 кораблей (экспорт — 121 058 руб. 25 коп., пошлины с экспорта — 2945 руб. 31 коп.), а в 1811 г. — 150 кор. (экспорт — 824 608 руб. 20 коп., пошлины с экспорта — 13 865 руб. 12 коп.), в 1812 г. отошло 191 кор. (экспорт — 686 033 руб., пошлины с экспорта — 10 030 руб. 91½ коп.) (Виноградов В.К. Феодосия. (Исторический очерк). Екатеринбург, 1902. С. 147).

71 Московские ведомости. 1812. 20 марта. № 23. С. 657—658.

72 В 1812 г. сделка утверждена в Таврическом гражданском суде (Объявления о купчих). Приложения к Санкт-Петербургским ведомостям. 1812. 9 января. № 3. С. I).

73 Фельдман Д.З., Петерс Д.И. «На пользу Отечества». О заслугах евреев Российской империи... С. 100.

74 Московские ведомости. 1812. 4 мая. № 36. С. 1008.

75 Так, 20 апреля 1812 г. сообщалось из Тобольска: «Из крепости Св. Петра на Сибирской линии отправленный в ноябре 1810 г. калужским купцом Свешниковым с компанией караван в Коканию возвратился 16 марта на Петропавловский меновый двор с разным бумажным товаром и щипцварным семенем на 66 верблюдах» (Московские ведомости. 1812. 1 июня. № 44. С. 1209).

76 Так, в именных указах говорилось о производстве в коллежские секретари на Александровской мануфактуре за «установление механизма Н. Павловского», за участие в строительстве и внутренней механизации — И. Кошкина, а в титулярные советники «при Александровской мануфактуре бухгалтера 10 класса В. Вигнера» (Московские ведомости. 1812. 2 марта. № 18. С. 504).

77 См.: Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 24.

78 Так сообщалось, что «в Басманной части, 3 квартале, в д. № 244» (напротив дома Демидова) продается «несколько пудов хорошей хлопчатобумажной пряжи» (Московские ведомости. 1812. 8 мая. № 37. С. 1046).

79 В доме Грачева, находящегося «напротив Таганского съезжего двора», можно было заказать и чугунные детали для прядильных машин (Московские ведомости. 1811. 24 мая. № 41. С. 1153).

80 См.: Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 24.

81 Московские ведомости. 1812. 8 мая. № 37. С. 1043.

82 Так, сообщалось: «Продаются 5... чулочных станков, 3 из них иностранной работы (Пятницкая часть, дом Курицына)» (Московские ведомости. 1812. 5 июня. № 45. С. 1247).

83 В 1812 г. ввезено ситцу по европейской торговле 117 289 арш. (на 154 877 руб.), а по азиатской на 10 391 руб. 60 коп. (Государственная внешняя торговля 1812 года... С. 16—17).

- ⁸⁴ См.: *Носова Г.В.* 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 25.
- ⁸⁵ Московские ведомости. 1811. 2 августа. № 61. С. 1667—1668. Были приведены цены на азиатские товары: платков полушелковых дюжина — 72 руб., бумажных — каждый по 5 руб., нагайской бумаги пряденной 1 сорта — 270 руб., 2 сорта — 240 руб., красной пестряди кусок — 14 руб., кумача — 6 руб. 50 коп., серпанки — 9 руб. (там же. С. 1668).
- ⁸⁶ За 1812 г. «выработано 7625 арш. шелковых материй, 14700 лент; продано 5669 арш. материй, 12210 лент (Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год... С. 17).
- ⁸⁷ В 1812 г. «выработано 29838 арш.; продано 26226 арш.» (Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год... С. 17).
- ⁸⁸ Московские ведомости. 1812. 8 мая. № 37. С. 1041.
- ⁸⁹ Там же. С. 1043.
- ⁹⁰ Московские ведомости. 1811. 24 мая. № 41. С. 1151.
- ⁹¹ В 1811—1812 гг. дача переделана А.Н. Воронихиным.
- ⁹² *Вершинина Н.М.* Особенности использования тканей и вышивок в павильонах Павловского парка конца XVIII начала XIX века // Дворцово-парковые ансамбли России и художественная культура Западной Европы. Конец XVIII — первая треть XIX века. Научн. конф. 15—16 декабря 2011 г. Сб. ст. — СПб., 2011. С. 63.
- ⁹³ Государственная внешняя торговля 1812 года... С. 63.
- ⁹⁴ Там же. С. 64.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ «Отдается в наймы 2 этаж на 23 сажени, удобный для мебельного магазина за сходную цену, на большой Сретенке, 4 кв., д. № 406» (Московские ведомости. 1811. 12 июля. № 55. С. 1535).
- ⁹⁷ Московские ведомости. 1811. 11 января. № 3. С. 85.
- ⁹⁸ Завод находился в удельном ведомстве, с назначением Гурьева министром финансов рассматривался «как доходная часть» казны.
- ⁹⁹ Сообщалось, что «с Александровского завода получена фарфоровая посуда» (продается в Трубниковском пер., в доме статского советника И.П. Поливанова) (Московские ведомости. 1812. 1 мая. № 35. С. 999).
- ¹⁰⁰ Сделаны разные временные пристройки, работа велась уже на 40 станках (Московские ведомости. 1812. 5 июня. № 45. С. 1244—1245).
- ¹⁰¹ В апреле 1812 г. сообщалось: «...в ближайшем расстоянии от Киево-Межигорской фаянсовой фабрики... найдена недавно желтая глина в весьма достаточном количестве. Сделанная из нее посуда принимает обыкновенную фаянсовую глазурь, имеет приятный желто-густой цвет и прочностью своею несравненно превосходит обыкновенный фаянс». Для начала активных разработок нового месторождения глины решили заручиться поддержкой Александра I: «Ныне получено здесь с оной фабрики... 5 прекрасных чайных приборов, 2 вазы и 2 тарелки, которые поднесены были и приняты Его Величеством с благоволением» (Московские ведомости. 1812. 24 апреля. № 33. С. 960).
- ¹⁰² Посуда «чистотою отделки, прочностью состава и глазури превосходит несравненно ту, которая выделялась до пожара и между прочим отлича-

- ется красотой фасонов в новейшем вкусе» (Московские ведомости. 1812. 5 июня. № 45. С. 1245).
- ¹⁰³ Московские ведомости. 1812. 8 мая. № 37. С. 1040.
- ¹⁰⁴ Там же. 1812. 15 мая. № 39. Вклейка после с. 1100.
Там же. 1812. 2 марта. № 18. С. 523.
- ¹⁰⁵ В 1811 г. вызывались и поставщики медной посуды для разливки селитры на Шостенском заводе (вес котлов — от 32 до 26 пудов) (Московские ведомости. 1811. 22 июля. № 58. С. 1602).
- ¹⁰⁶ Продавалось «в книжной лавке университетского комиссионера И. Переплетчикова на Тверской, в доме Бекетова» (цена пособия 1 руб.). Актуальность пособия объяснялась так: «После указа 1810 г. ... о приглашении к заведению и распространению вновь селитряных заводов и прибавке цены на селитру, многие из помещиков предприняли завезть у себя селитрование, но, не имея наставления о заведении, встретили затруднения...» (Московские ведомости. 1811. 9 декабря. № 98. С. 2598).
- ¹⁰⁷ Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 36.
- ¹⁰⁸ Московские ведомости. 1811. 30 декабря. № 104. С. 2772.
- ¹⁰⁹ «4 пуда железа толстого по 3 руб. за пуд, 2 пуда железа осьмигранного по 3 руб. 60 коп. за пуд, 2 пуда железа полосного по 3 руб. 25 коп. пуд, 2 пуда железа резного по 3 руб. 60 коп. пуд, 30 пудов проволоки железной по 35 коп. фунт» (Московские ведомости. 1811. 22 июля. № 58. С. 1603).
- ¹¹⁰ Московские ведомости. 1811. 16 декабря. № 100. С. 2656—2657.
- ¹¹¹ Отечественные записки. 1826. № 72 (апрель). Ч. 26. С. 11.
- ¹¹² Заказы принимались и на другую посуду для винокурения на 1-й Мещанской, в доме В. Ерофеева или в лавке № 15 в Колокольном ряду (Московские ведомости. 1811. 5 августа. № 62. С. 1696).
- ¹¹³ Лавка была в доме купца Троилина в Арбатской части (Московские ведомости. 1811. 20 декабря. № 101. С. 2691).
- ¹¹⁴ Перечислялись изготавливаемые приспособления: прессы и другие инструменты, в пользу золотых дел мастеров и ювелиров, для тиснения золота и серебра; станы для распиливания медных и свинцовых досок; цилиндры нового изобретения для полировки и лощения бумаги и картона на бумажной фабрике (Московские ведомости. 1812. 15 мая. № 39. Вклейка после с. 1100).
- ¹¹⁵ «Заказ можно оформить близ Кузнецкого мосту, в д. Хомякова» (Московские ведомости. 1812. 2 марта. № 18. С. 525).
- ¹¹⁶ Там же. 8 мая. № 37. С. 1041.
- ¹¹⁷ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XLV (книга тарифов). Общее дополнение к тарифам. С. 63.
- ¹¹⁸ Московские ведомости. 1811. 1 ноября. № 87. С. 2299.
- ¹¹⁹ Так, на Балчуге в железном ряду продавались «косы Сибирских заводов А.А. Кнауфа» (косы рекламировались по привычному имени прежнего владельца). См.: Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 34. В начале XIX в. «Сибирью называли Урал». См.: Шумилов Е.Ф. Андрей Федорович Дерябин. 1770—1820. Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. Ижевск, 2000. С. 53).
- ¹²⁰ Московские ведомости. 1811. 5 августа. № 62. С. 1696.

- ¹²¹ Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: Переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов. М., 2016. С. 152–153.
- ¹²² Московские ведомости. 1811. 30 декабря. № 104. С. 2772.
- ¹²³ Там же. 22 июля. № 58. С. 1602.
- ¹²⁴ Там же. 20 декабря. № 101. С. 2680.
- ¹²⁵ Там же. 1812. 12 июня. № 47. С. 1273.
- ¹²⁶ Там же. 1811. 7 января. № 2. С. 44.
- ¹²⁷ Там же. 23 сентября. № 76. С. 1997.
- ¹²⁸ В рекламе подчеркивалось, что этот «состав, которого секрет никому еще, кроме его, не известен». Вакса «не марает шелковых чулков... Вообще ваксы, до сих пор употребляемые, составляют частью из крепкой водки, от которой кожа всегда перегорает» (Московские ведомости. 1805. 28 октября. № 86. С. 2229–2230).
- ¹²⁹ «Продается глянцевая вакса... Стоит 1 сорта, сделанная на чернильных орешках, по [4] руб. серебром, 2 сорта — по 3 руб.» (Московские ведомости. 1812. 6 марта. № 19. С. 558).
- ¹³⁰ Там же. 1805. 28 октября. № 86. С. 2229–2230.
- ¹³¹ Там же. 1811. 16 декабря. № 100. С. 2646.
- ¹³² Там же. 1809. 9 декабря. № 98. С. 2599.
- ¹³³ Так, в приходе Николы в Столпах, в доме купца А. Волкова продавалось лучшее крепкое мыло по 9 руб. пуд (Московские ведомости. 1811. 14 января. № 4. С. 112).
- ¹³⁴ Там же. 2 декабря. № 96. С. 2529.
- ¹³⁵ Там же. 4 ноября. № 88. С. 2311.
- ¹³⁶ *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 2017. С. 220.
- ¹³⁷ «Иностранец, токарных дел мастер Шейрман» изготавливает «по новейшей моде трубочные чубуки» (обращаться на Тверскую, в Отель де Пари). См.: Московские ведомости. 1811. 23 декабря. № 102. С. 2723.
- ¹³⁸ Так, по европейской торговле в 1812 г. ввозились все виды табака: «нюхательного 14 711 п. 1 ф. (386 851 руб. 59½ коп.); курительного 6 396 п. 22¼ ф. (159 296 руб. 72 коп.); листового 3 996 п. 29 ф. (60 455 руб.)» (Государственная внешняя торговля 1812 года... С. 22).
- ¹³⁹ В 1812 г. нюхательного табаку было ввезено всего 6 п. на 66 руб. Курительного же табака по Каспийскому морю, из Кяхты и Персии было ввезено 1 014 п. 36 ф. (6 976 руб.) (там же. С. 23).
- ¹⁴⁰ Московские ведомости. 1811. 16 декабря. № 100. С. 2645.
- ¹⁴¹ Там же. 15 июля. № 56. С. 1555.
- ¹⁴² Там же. 23 декабря. № 102. С. 2721.
- ¹⁴³ Там же. 1808. 21 ноября. № 94. С. 3045.
- ¹⁴⁴ Там же. 1811. 26 июля. № 59. С. 1630.
- ¹⁴⁵ Так, в 1811 г. из Астрахани сообщалось: «С открытием навигации... пришло 5 здешних купеческих кораблей, 4 от персидских берегов и 1 от Баки». В числе привезенных товаров был табак курительный (там же. 1811. 2 августа. № 61. С. 1667–1668).

- ¹⁴⁶ Там же. 1812. 2 марта. № 18. С. 525.
- ¹⁴⁷ Там же. 1811. 14 января. № 4. С. 112.
- ¹⁴⁸ 23 декабря 1811 г. вышел указ «Об открытии департамента горных и соляных дел и о прекращении действий горного и монетного департаментов» (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 31. № 24927. С. 935).
- ¹⁴⁹ Носова Г.В. Об особенностях налогообложения предпринимателей в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Мат-лы XVIII Межд. научн. конф., 2–4 сентября 2013 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014. С. 530.
- ¹⁵⁰ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 448.
- ¹⁵¹ Там же. С. 451.
- ¹⁵² Там же. С. 457.
- ¹⁵³ Исключение составляли Иркутская губ., где соль продавалась по прежним правилам, и Астраханская губ., в которой соль для соления рыбы отпускалась из запасных казенных магазинов. А илецкая соль из-за «превосходно качества» отпускалась с прежней пошлиной – 60 коп. с пуда (ПСЗРИ – СПб., 1830. Т. 31. № 24851. С. 899, 901).
- ¹⁵⁴ ПСЗРИ – СПб., 1830. Т. 31. № 24924. С. 931.
- ¹⁵⁵ Московские ведомости. 1811. 27 декабря. № 103. С. 2746.
- ¹⁵⁶ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 31. № 24710. С. 806.
- ¹⁵⁷ «В дополнение сумм, какое потребуется на составление двойного капитала для Дедюхинских промыслов, внести в исчисление издержек по соляной части на будущий год» (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 31. № 24710. С. 807).
- ¹⁵⁸ Там же; 13 сентября указ опубликован в «Московских ведомостях» (Московские ведомости. 1811. 13 сентября. № 73. С. 1916).
- ¹⁵⁹ Так, в июле 1811 г. через Петербургский порт ввезено «сахара-сатурня 368 пуд. 20 ф. на 50 тыс. руб., сахарного песку 49 578 пуд. 28 ф. на 1 612 780 руб.» (там же. 26 июля. № 59. С. 1622). Навигация 1812 г. также началась импортом сахара. Из Петербурга сообщалось, что в марте ввезено сахарного песку 1 407 пуд. 7 ф. (на 35 353 руб.) (Московские ведомости. 1812. 24 апреля. № 33. С. 961).
- ¹⁶⁰ Государственная внешняя торговля 1812 года... С. 22.
- ¹⁶¹ Московские ведомости. 1811. 30 декабря. № 104. С. 2776.
- ¹⁶² Действительно, в 1812 г. в числе следующих на распродажу конфискованных товаров обязательно назывался сахар (Там же. 1812. 27 апреля. № 34. С. 980).
- ¹⁶³ Если в январе он стоил 76 руб., в марте 78–80 руб., в мае его цена упала до 67½ до 73 руб., в июне – 72 1/8 руб., в сентябре достигла своего минимума – 49 руб., но в декабре снова поднялась до 75 руб. (Государственная внешняя торговля 1812 года... С. 75–76).
- ¹⁶⁴ В январе он стоил 28 руб., в июне – 23 руб., в сентябре упал до 20 руб., но в декабре снова достиг исходных 28 руб. (там же. С. 75–76).
- ¹⁶⁵ Московские ведомости. 1811. 24 мая. № 41. С. 1151.
- ¹⁶⁶ Там же. 1812. 27 апреля. № 34. С. 983.
- ¹⁶⁷ Там же. 1811. 2 августа. № 61. С. 1663–1664. Причем в России еще в небольших количествах добывался каменный уголь, а в 1812 г. его было ввезено на 110 893 руб. (Государственная внешняя торговля 1812 года... С. 22).

- 168 Одной из главных причин заведения этих заводов были «преимущества и выгоды, Всемилостивейше дарованные свеклосахарным заводчикам» (Московские ведомости. 1811. 15 июля. № 56. С. 1540).
- 169 «Не только они сами, но и Государство вообще может гораздо более получить пользы» (там же. С. 1540).
- 170 Так, в 1812 г. сообщалось о продаже для рябиноводочного и свеклосахарного производств растиральной ручной машины (в доме тайного советника Лаптева близ Сухаревской башни) (Московские ведомости. 1812. 6 марта. № 19. С. 557).
- 171 Там же. 27 апреля. № 34. С. 984.
- 172 По «Положению о нейтральной торговле на 1811 г.» повышалась пошлина на вина «венгерские, французские, испанские, немецкие под именем рейнвейна, мозельвейна и др., флорентийские и прочие итальянские, с островов Мадеры, и Азорских и Кипрских; с оксофа или 18 ведер» облагались пошлиной в 80 руб. А «воложские, белые и красные, всякие; беломорские и греческие, белые и красные; с оксофа или 18 ведер» пошлиной в 40 руб.» (Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады ...С. 34).
- 173 Московские ведомости. 1811. 23 декабря. № 102. С. 2721.
- 174 Носова Г.В. 1810 год — решающий год континентальной блокады... С. 23.
- 175 Московские ведомости. 1812. 27 апреля. № 34. С. 984.
- 176 «По возвращении жителей после французов цена за бутылку шампанского доходила до 25 руб. ... на ассигнации. Но такая цена никого не пугала: незлопамятные москвичи запивали горе свое, что французы были в Москве, и радость, что их из Москвы прогнали, и совершали все эти тризны и поминки по французам их же французским вином» (Вяземский П.А. Записные книжки. М., 2017. С. 215).
- 177 Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 616—619. См. подробнее: Носова Г.В. Питейные откупа в России в 1811—1815 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат-лы XX Межд. научн. конф., 5—7 сентября 2017 г. / Сост. И.В. Корнеев. Бородино, 2017.
- 178 См.: Носова Г.В. Основные источники финансирования русской армии в период 1812—1814 годов // Финансы. 2017. № 2. С. 54, 55.
- 179 Московские ведомости. 1811. 2 августа. № 61. С. 1667.
- 180 Там же. 16 декабря. № 100. С. 2679.
- 181 Там же. 1812. 4 мая. № 36. С. 1008.
- 182 Виноградных лоз лучшей импортной и отечественной селекции там насчитывалось 39394 шт. В 1811 г. было «выделано вин: из Зантских белого 22 ведра, кларету 40, из Корфских белого 35 вед., красного 25, из французского 35, ренских 7, таврических 84. А всего 248 вед.» (Там же. 4 мая. № 36. С. 1008).
- 183 Там же. 1811. 20 декабря. № 101. Объявления, б/с.
- 184 Там же. 1812. 8 мая. № 37. С. 1047.
- 185 Там же. 13 марта. № 21. С. 608.
- 186 Там же. 1811. 2 декабря. № 96. С. 2529.
- 187 Так, «в старой Конюшенной... в овощной лавке у Н. Петрова продается сыр Одесский лучший по 80 коп. фунт (Там же. 11 января. № 3. С. 85).

На Петровке, в Петербургской лавке В.С. Короткова «продается... сыр на голландский манер киевский по 80 коп. ф.» (там же. 1812. 16 марта. № 22. С. 649).

- ¹⁸⁸ Так, объявлялось, что «у С. Мочалова продается свежая осетрина по 175 коп. фунт, белая рыба свежая по 1 руб. фунт» (Московские ведомости. 1811. 2 августа. № 61. С. 1677).
- ¹⁸⁹ «В Рыбном Гостином дворе, под № 15 в лавке М.А. Фомичева угри 1 сорта по 7 р., 2 сорта по 6 руб., 3 сорта по 5 руб. пара; сига малосольные крупные по 4 руб., средние 2 руб. пара, петербургская форель лучшая по 150 коп., корюха петербургская по 10 руб. сто, архангелогородская навага и корюха по 5 руб. сто...» (Московские ведомости. 1811. 27 декабря. № 103. С. 2748–2749). «В Старом гостинном дворе... у И.Г. Орлова, продаются... миноги нарвские — по 6 руб. сто, угри малосольные — 5 руб. пара, сига малосольные — 150 коп. пара, ягода морошка — 60 коп. фунт» (Московские ведомости. 1812. 8 мая. № 37. С. 1047). «На Петровке, близ Кузнецкого моста, в доме г. Елагиной, в лавке С. Докучаева продаются стерляди духовые по 5 руб. кастрюлька» (Там же. 16 марта. № 22. С. 648).
- ¹⁹⁰ Так, с открытием навигации в 1812 г. сообщалось: «В течение минувшего марта в петербургской портовой таможене появилось сельдей шведских 35 бочек (на 3 тыс. руб.)» (Там же. 24 апреля. № 33. С. 961).
- ¹⁹¹ В Рыбном Гостином дворе, в лавке М.А. Фомичева, продаются свежие сельди архангельские по 15 руб. сто, сига́вая икра красная 70 коп. фунт, ревельские кильки 5 руб. боченок» (Там же. 1811. 27 декабря. № 103. С. 2748–2749). А на Петровке, в Петербургской лавке В.С. Короткова продавались «сельди Американской компании в бочонках по 4 и по 2 руб.» (Там же. 1812. 16 марта. № 22. С. 649). На Петровке, близ Кузнецкого моста, в доме г. Елагиной, в лавке С. Докучаева продавались сельди ревельские по 2 руб. десяток (Там же. 16 марта. № 22. С. 648).
- ¹⁹² Особый спрос был на имеющую сладкий вкус вишню-владимирку, полученную путем долгих опытов из исходных черешневых отростков во Владимирской губ.: «Близ Арбатских ворот и горшечных лавок у купца Прусакова продаются вишни владимирские по 4 руб. ведерко». Помимо этого в продаже «грузди мелкие соленые по 2 руб. ведерко, грибы белые отварные по 2 руб. ведерко» (Московские ведомости. 1812, 2 марта. № 18. С. 526).
- ¹⁹³ Наиболее крупные пожертвования внесли: государственный канцлер гр. Н.П. Румянцев (1 тыс. руб.), градский глава А.А. Куманин (314 руб.), нежинский грек Г.Д. Мими (933 руб. и различных вещей на 150 руб.), московский купец В.Д. Нарской (1250 руб. и вещей на 135 руб.) и др. Сенатор и попечитель Академии П.С. Валуев подарил эллино-российско-французский лексикон, купец 1 гил. Д.А. Лухманов — портрет Александра I, купец И.К. Козлов — две живописные иконы (Московские ведомости. 1811. 23 декабря. № 102. С. 2696).
- ¹⁹⁴ Там же. С. 2697.
- ¹⁹⁵ «Бывший кавказский гражданский губернатор Малинский в 1810 г. ... открыл в пособие устройению училища добровольную подписку. Воронежский купец Курепин отдал дом под училище в г. Ставрополе, а тамошнее

- купечество вынуждено отвести другой дом для помещения учителей... Дворянство же и др. жители губернии собрали 2500 руб., да обязались ежегодно собирать по 460 руб.» (Там же. 4 ноября. № 88. С. 2311).
- ¹⁹⁶ Там же. 20 декабря. № 101. С. 2667.
- ¹⁹⁷ Там же. 6 сентября. № 71. С. 1879.
- ¹⁹⁸ Там же. 1812. 27 марта. № 25. С. 728.
- ¹⁹⁹ Там же. 1811. 2 августа. № 61. С. 1667.
- ²⁰⁰ «В числе привозных товаров были шелковые, бумажные, шерстяные, полотняные, китайские, бухарские изделия, полотна русские, пестрядь, крашенина, набойка... галантерейные вещи, пушные, овощные и москательные товары, разные железные, медные и оловянные поделки, кожи, виноградные вина и водки на манер французской...» (там же. С. 1667).
- ²⁰¹ Так, в 1811 г. «после обеденного стола Их Императорские Величества с Императорскую свитою... соизволил иметь выезд в тамошний сад на линиях... по возвращении с оной в Голландском, что в саду, доме кушали чай и кофе...» (Летопись Ораниенбаума. История дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях. 1710–1918 / Сост. М.А. Павлова. СПб., 2015. С. 202).
- ²⁰² Констатировали, что «купцов больше всего из Москвы, Казани и Сибири, а также армяне астраханские и бухарцы. Сибирские купцы торговали китайскими и пушными товарами» (Московские ведомости. 1812. 1 июня. № 44. С. 1209).
- ²⁰³ Сообщалось: «В конце минувшего месяца была здесь ярмарка, которая продолжалась четверо суток. Съезд торгующего купечества с разным товаром был довольно велик» (Московские ведомости. 1811. 9 декабря. № 98. С. 2591).
- ²⁰⁴ Там же. 7 января. № 2. С. 45.
- ²⁰⁵ Объявления о купчих (приложения к Санкт-Петербургским ведомостям. 1811. 3 ноября. № 88. С. IV).
- ²⁰⁶ Имение «состоит в Грязовицкой округе в дер. Артемове без жребия, Шалданове без жребия, Ванякове... в пустошах Федотове половину, Кичагине и Студенце все без остатка, пашенной и непашенной земли с лесом, сенными покосами и всеми угодьями». См.: Объявление о купчих к № 3 Санкт-Петербургских ведомостей (1811, 10 января. С. I).
- ²⁰⁷ В 1811 г. фиксируется покупка, совершенная в [1808 г.] севастопольским купцом В. Юнгом от помещика Мегмет Бея земли... в Симферопольском у. состоящую, за 25 тыс. руб.» (объявления о купчих. См.: приложения к Санкт-Петербургским ведомостям. 1811. 5 сентября. № 71. С. II).
- ²⁰⁸ Хотя начали с земель в бывших польских губерниях. Так, от Министерства финансов объявлялось о продаже «в августе в Каменец-Подольском... старостинских и прочих казенных имений» (Московские ведомости. 1811. 2 августа. № 61. С. 1672). Еще более активно распродажи госсобственности проходили в 1812 г. Так, в мае 1812 г. продавались земли в Витебской губернии (поветах Витебском, Невельском, Городецком, Суражском, Полоцком и др.) (Там же. 1812. 11 мая. № 38. Вклейка после с. 1072). В 1812 г. «производима будет в г. Костроме с 20 февраля продажа казенных имуществ»

(за планами земель явиться в особую Костромской губ. Комиссию); в Смоленской губ., в Бельском у. — казенная земляная дача «Жарковское болото» 11 856 дес. 2143 саж.; в Казани продажа казенных выездных лесов; в губ. Орловской и Астраханской — земли, рыбные ловли и др. казенные оброчные статьи (Московские ведомости. 1811. 30 декабря. № 104. С. 2768). Вскоре опять появилось распоряжение «О назначении в продажу в мае и июне месяцах казенных землях, выездных лесах и оброчных статьях» в Симбирской губ. (казенные земли 24643 дес. 2368 саж.); Рязанской губ. (казенные земли 2229 дес. 60 саж.); Слободско-Украинской губ. (62 сада на 119 дес. 724 саж.; рыбных ловель 12 на 111 дес. 1467 саж.) (Московские ведомости. 1812. 15 мая. № 39. Вклейка после с. 1100). 12 июня 1812 г. появилось последнее объявление: «На основании манифеста от 10 сентября 1810 г. в Астраханской и Орловской губерниях продаваться будут земли, рыбные ловли и другие оброчные казенные статьи» (там же. 1811. 23 декабря. № 102. С. 2707).

²⁰⁹ Так, в июле 1812 г. «от Временного департамента Коммерц-коллегии пограничным таможенным объездчикам М. Фарановскому, Г. Чулкову и М. Пухину объявляется, чтоб они для получения по решению сего департамента в награду половинной суммы из 500 руб. серебром монетою, конфискованной по их донесению Радзивилловской таможеню у шляхтича Стржебецкого, в сей департамент явились» (Санкт-Петербургские ведомости. 1812. 26 июля. № 60. С. 917).

²¹⁰ Московские ведомости. 1811. 27 декабря. № 103. С. 2746. Напоминалось, что при покупке посуды должны быть заплачены и обязательные аукционные 2%.

²¹¹ Московские ведомости. 1812. 27 апреля. № 34. С. 980.

²¹² Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 450.

²¹³ Там же. С. 466.

²¹⁴ Интересно, что в конце 1817 г., то есть в период действия умеренно фри-тредерского тарифа, была предпринята завуалированная попытка защитить протекционизм. Фактически отрицались война и континентальная блокада как причины запретительной системы и перечислялись страны, придерживавшиеся принципов протекционизма (Саксония и Пруссия, Нидерланды, Швеция и Норвегия, Португалия, Дания и Испания), причем в них эту систему поддерживали «патриотические общества». Хотя анонимный автор, учитывая политическую конъюнктуру, осторожно утверждал, что «запретительная система на счет иностранных мануфактурных изделий и колониальных товаров... почти ни в одном государстве не достигла еще своей цели» (Московские ведомости. 1817, 29 декабря. № 104. С. 2214).

²¹⁵ С 1810 по 1812 г. появились 84 новые суконные фабрики. В конце 1809 г. их было 52 (см.: Носова Г.В. Об особенностях функционирования налоговой системы при и. о. министра финансов Ф.А. Голубцова // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сб. мат-лов. М., 2019. С. 184). В 1812 г. — 136 фабрик (см.: Носова Г.В. Промышленность // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг. Энциклопедия. М., 2012. С. 159).

Внелитературные свидетельства популярности первых российских «выигрышных билетов»

Среди российских ценных бумаг «выигрышные билеты» занимают особое место. История первых выпусков и последующего обращения этих бумаг, эмитированных Государственным банком в 1864 и 1866 гг., неоднократно привлекали внимание специалистов по банковской истории¹, а их описание вошло в специализированные каталоги, изданные в последние десятилетия².

Первый внутренний 5% заем был выпущен на основании императорского Указа от 13 ноября 1864 г., второй — на основании Указа от 14 февраля 1866 г.

Это были первые российские внутренние займы (раньше прибегали только к заграничным), а его облигации стали первыми свободно обращающимися отечественными ценными бумагами. Облигации 1864 г. на предъявителя (1 млн экземпляров) выпускались достоинством в 100 руб., размещались по курсу 98 руб. 50 коп. (при внесении полной суммы) и должны были погашаться в течение 60-ти лет по возрастающим ценам от 120 до 150 руб. Для обеспечения успеха в реализации займа, который многим казался весьма рискованным предприятием, управляющий Государственным банком барон А.Л. Штиглиц подписался за свой счет на сумму в 30 млн руб. Часть займа распространялась в Берлине через посредство банкирской конторы «Mendelsohn & Co». Облигации обращались на биржах Берлина, Гамбурга, Франкфурта-на-Майне и Амстердама. Платеж процентов по билетам за границей производился в ведущих банкирских конторах Европы (рис. 1, 2).

О целях первого выпуска займа в императорском указе говорилось: «Для преподания Государственному Банку достаточных средств к расширению операций его на пользу отечественной промышленности и к восполнению деятельного сооружения важ-

Рис. 1, 2. Билеты 1-го (1864) и 2-го (1866) внутренних 5% выигрышных займов на капитал в 100 руб. МЭФ Банка России

нейшей для государства линии железных дорог между Москвой и Черным морем... признали нужным возместить Государственному банку значительнейшую часть долгосрочных ссуд, произведенных из бывших кредитных установлений, в прежнее время, на государственные и общественные надобности...»³.

Тиражи погашения проводились два раза в год – 2 января и 4 июля. Выигрышные – в течение первых 30 лет один раз в год. На облигации, принесшие их обладателям денежный приз, при выплате в Государственном банке ставился штамп, после чего они продолжали участвовать в тиражах погашения. В случае же попадания облигации в тираж погашения ее владелец, естественно, лишился возможности получить выигрыш. Констатация этого печального факта обогатила русскую лексику новым устойчивым выражением «выйти в тираж» (рис. 3).

В каждом тираже разыгрывались выигрыши на общую сумму 600 тыс. руб., самый крупный – составлял 200 тыс. рублей. Помимо этого существовали призы стоимостью в 75, 40 и 25 тыс. руб., три приза в размере 10 тыс. руб., пять – 8 тыс., восемь – 5 тыс., двадцать – 1 тыс. и двести шестьдесят – 500 руб.⁴

Рис. 3. Квитанция Банкирского дома «Бр. Джамгаровы» (Москва) о получении платы за страхование от тиража погашения закладного листа Государственного дворянского земельного банка. 1916 г. МЭФ Банка России

Успешный опыт размещения 1-го займа способствовал принятию решения о новом выпуске. 100-рублевые билеты 2-го выигрышного займа 1866 г. продавались уже не по предварительной подписке, а по курсу, установленному Государственным банком. Начальный курс составил 104 руб. Чтобы вызвать доверие публики по предложению министра финансов новые билеты сохранили внешнее оформление предыдущих.

Биржевой курс билетов 2-го займа через год после выпуска уже доходил до 140–150 руб. Публикации в прессе о выигрышах, издание брошюр, популяризирующих выгодные сделки по покупке и продаже ценных бумаг, подогревали ажиотажный спрос публики. В этой связи Е.И. Ламанский — один из руководителей Государственного банка — вспоминал: «Поднимавшиеся цены на акции и выигрышные билеты содействовали проявлению духа спекуляции, которого Россия прежде не знала. Спекулятивные стремления в публике еще более усилились с выпуском второго выигрышного займа. Не говоря уже о соблазне выигрышей, затаенное желание получить которые волновало всех, самая разница в ценах на выигрышные билеты еще более усиливала игру на биржах»⁵.

В журнале «Отечественные записки» отмечалось, что первый займ «коснулся самым чувствительным образом всех слоев нашего общества», «ни одна финансовая мера не возбуждала еще столько толков, надежд и сочувствия»⁶. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в марте 1869 г. сообщала: «Многие совсем потеряли головы и ходят как полоумные; многие нажились, многие рассчитывают нажиться; легкость наживы кружит головы; в банкирских конторах то и дело покупаются билеты выигрышных займов, несмотря на то, что поднялись они невероятно высоко...».

Е.И. Ламанский стал получать по почте письма с предложениями от держателей билетов с просьбами поспособствовать самому крупному выигрышу и обещаниями отблагодарить за помощь частью денежного приза. Известны несколько случаев подделки выигрышных билетов за границей⁷. Некоторыми банкирскими конторами номера билетов стали отдаваться в прокат на выигрыш за незначительную плату, получила распространение продажа выигрышных билетов с рассрочкой платежа, а также страхование облигаций займов от попадания в тираж погашения.

Популярность выигрышных билетов у публики продолжала расти как в период денежной реформы С.Ю. Витте (1895–1897), так и после. Биржевая цена в конце 1891 г. билетов 1-го займа составляла 234 руб., 2-го займа – 218 руб.; в 1895 г. соответственно – 281 и 241 руб., в 1901 г. – 475 и 369 руб. В 1902 г. перед тиражом цена 1-го займа доходила до 500 руб.⁸

Популярности выигрышных билетов у российской публики и, как следствие, отражению ее в отечественной художественной литературе посвящен специальный раздел одной из статей доктора исторических наук П.В. Лизунова, в котором он развивает тему, затронутую в своих предыдущих работах⁹. В качестве примеров исследователем приводятся рассказы А.П. Чехова «Выигрышный билет» и «Житейские невзгоды», пьеса Шолом-Алейхема «Крупный выигрыш» и его же рассказ «Выигрышный билет», рассказ А.И. Куприна «Миллионер», новелла Н.А. Тэффи «Флирт», повесть Рудого Панько «Выигрыш без билета 25000 рублей», опубликованная под гоголевским псевдонимом¹⁰. Позже автором статьи были выявлены новые упоминания о выигрышных билетах в очерках А.С. Суворина, сказке «Премудрый пескарь М.Е. Салтыкова-Щедрина, фелетоне А.П. Чехова «Осколки московской жизни» и в пьесах «Иванов», «Свадьба», рассказах «Крыжовник» «Бумажник» и «Калхас»,

в воспоминаниях В.В. Вересаева, рассказах «Ворон» И.А. Бунина и «Ходынка» Л.Н. Толстого.

Приведем лишь один пример, где ценная бумага, не просто упоминается, а служит сюжетообразующим элементом. В чеховском рассказе «Выигрышный билет» (1887) семейная пара за вечерним чтением газеты решает проверить результаты тиража выигрышных облигаций. После обнаружения совпадения серии билета, принадлежащего супруге, муж решает сохранить интригу и не торопится проверять номер. Предаваясь размышлениям над тем, как они смогут воспользоваться выигрышем, супружеская пара по началу, «томя и дразня себя надеждой на возможное счастье», радуясь открывающимся перспективам, строит радужные планы (покупка имения, заграничные путешествия). Но постепенно их настроения резко меняются. Супруги начинают понимать, что захотят распорядиться выигрышем по-разному. Муж вскоре начинает ненавидеть жену и понимает, что та догадывается о его настроениях. Наконец газета просматривается еще раз и выясняется, что номер билета не совпадает. «Надежда и ненависть обе разом исчезли», — подводит читателя к развязке автор, мечтания уступают место разочарованию, а созерцание убогого быта вызывает у главного героя бурное раздражение.

Среди упомянутых П.В. Лизуновым произведений фигурирует и рассказ Шолома-Алейхема «Семьдесят пять тысяч» («Еврейская народная газета». Варшава, 1902), в сюжете которого выигрышный билет играет важную роль. П.В. Лизунов включает рассказ в перечень тех, которые связаны с историей первых двух выигрышных внутренних займов. Однако оснований для этого не имеется.

Главный герой узнает, что он выиграл 1 мая по облигации

Рис. 4. Закладной с выигрышами лист Государственного дворянского земельного банка на капитал в 100 руб. 1889 г. МФ Банка России

выигрышного займа 75 тыс. руб. Указанная дата дает право утверждать, что речь идет о 5% закладном с выигрышами листе Государственного дворянского земельного банка (иногда его называли «третьим выигрышным займом»). Согласно утвержденным министром финансов правилам, извлечения из которых напечатаны на оборотной стороне ценной бумаги, с 1890 по 1895 г. выигрышные тиражи должны были проходить дважды в год — 1 мая и 1 ноября, а с 1896 г. — ежегодно 1 мая. В этот же период выигрышные тиражи билетов 1-го и 2-го займов 1864 и 1866 гг. проводились также два раза в год, но, соответственно: 2 января и 1 июля, 1 марта и 1 сентября¹¹ (рис. 4).

Еще одно художественное произведение — рассказ «Портной Шмуклер»¹², в котором фигурирует выигрышный билет Государственного дворянского земельного банка, принадлежит перу непрофессионального литератора, художника И.А. Владимирова. Впервые рассказ был опубликован в 2000 г. в малотиражном издании «Нумизматический альманах»¹³ и оказался малодоступен широкому кругу специалистов. Во всяком случае, можно констатировать, что в поле зрения П.В. Лизунова и его коллег, изучающих российские ценные бумаги, он не попал. Спустя несколько лет без комментариев и упоминания о первой публикации текст был воспроизведен в приложениях к книге об И.А. Владимирове, авторство которой принадлежало внучке художника — Н.И. Баторевич¹⁴.

Сюжет рассказа весьма занимателен. Бедному еврейскому портному по фамилии Шмуклер, жившему в Вильно рядом с юнкерским училищем, один из юнкеров — племянник адъютанта Скобелева заказал выпускной мундир и рейтузы, однако испытывая финансовые трудности при получении заказа, вместо наличных 90 рублей по договору оставил 100-рублевый выигрышный билет Государственного дворянского земельного банка. Такой способ расплаты поверг неискушенного в финансовых вопросах портного в глубокое уныние, поскольку он не имел никакого представления о том, как он сможет обратить ценную бумагу в наличные деньги. Вскоре в окрестностях его жилища стали шалить квартирные воры, и Шмуклер, озаботившись сохранением билета, не нашел лучшего способа, как приклеить его столярным клеем к одной из своих внутренних дверей, завесив ее готовыми изделиями. Прошло два года, о билете время от времени вспоминали, но ничего не предпринимали. Длилось это до тех пор, пока однажды к нему совершенно

случайно не проявил интерес приятель сына, с которым тот познакомился на одном из музыкальных вечеров. Этот молодой человек оказался сыном главного кассира Виленского отделения Государственного банка. Списав и затем проверив серию и номер билета с помощью отца, он выяснил, что в последнем тираже на него пал выигрыш 75 тысяч! Семья Шмуклера не сразу поверила своему сказочному счастью. Нужно было нести билет в банк, однако не тут-то было: он оказался приклеенным настолько прочно, что отделить его от двери оказалось невозможно. И вот однажды утром окрестные зеваки увидели, как Шмуклер торжественно грузит дверь в экипаж извозчика. В таком виде вместе с дверью билет и был доставлен в банк, где было установлено, что на него действительно пал выигрыш. Однако поскольку для проверки подлинности следовало отправить его на экспертизу в Санкт-Петербург, потребовались усилия банковского переплетчика, чтобы неповрежденным отделить его от поверхности двери. Операция закончилась удачно. У выхода из банка Шмуклера уже ждала толпа, многие спешили вступить с ним в знакомство. На банковском экипаже дверь вместе с хозяином отправилась домой. Слухи о выигрыше быстро распространились по городу и внесли в жизнь портного и его семьи много беспокойства. К нему зачастили подозрительные личности, предлагая различные, сулящие, якобы, большую выгоду способы помещения призовых денег. Городовые, выставя себя в роли спасателей, инсценировали попытку ограбления с тем, чтобыполучить денежное поощрение. Все это вынудило семью принять решение о переезде, и вскоре она уехала в Одессу. Этим и заканчивается рассказ.

Возвращаясь к выигрышным билетам двух первых займов, приведем еще одно упоминание, отсутствующее в перечне П.В. Лизунова. Речь идет об известных литературных воспоминаниях А.М. Скабичевского, в которых он, характеризуя семейную обстановку пишет: «Мать же моя увлекалась чтением до самозабвения, вся уходила в книгу, радуясь и плача вместе с героями и переживая все их тревожнения. Она швыряла книгу на пол, если роман кончался неблагополучно, и, напротив, — когда герои сочетались браком, злодеи подвергались заслуженной казни и мукам преступной совести, — лицо ее принимало торжествующий вид, как будто она выигрывала двести тысяч»¹⁵. Вне всякого сомнения, речь здесь идет о самом крупном денежном призе, который могли принести только выигрышные билеты 1864 или 1866 гг. Характерно, что если

в дореволюционные времена эти детали в пояснении не нуждались, то для советского и постсоветского читателя, знакомящегося с текстом воспоминаний по изданиям 1923 и 1928 гг. (последнее было воспроизведено в 2001 г.), комментарии были бы весьма желательны. Показательно, однако, что такая «финансовая мелочь» осталось комментаторами незамеченной.

Перечень свидетельств, связанных с обращением выигрышных билетов, можно дополнить несколькими предметами, выходящими за круг литературных текстов. До настоящего времени они остаются без внимания специалистов по банковской истории. Если последние за редким исключением обращаются к предметам материальной культуры, вещевым комплексам, произведениям декоративно-прикладного и ювелирного искусства, ограничиваясь, как правило, изобразительными источниками, то историки искусства имеют весьма смутное представление о финансовой и банковской истории и проходят мимо связанных с ней деталей, иногда играющих отнюдь не последнее место в сюжете произведения.

В декабре 2016 г. для Музейно-экспозиционного фонда (МЭФ) Банка России в одном из антикварных магазинов г. Самары был приобретен кошелек прямоугольной формы (7,5 × 5,9 см; Н – 1,9 см; вес – 97 г; серебро 84°, ткань; гравировка), получивший инвентарный номер № 17809. Снабженный кнопкой-защелкой и обтянутый внутри тканью красного цвета, он имеет три отделения для монет. На обеих сторонах можно легко обнаружить московские пробирные клейма последней четверти XIX в., удостоверяющие, что предмет изготовлен из серебра 84°, рядом – клейма изготовителя: В.О. Они и позволили установить, что предмет изготовлен в период 1890-х гг. в мастерской серебряных изделий В.В. Осетрова в Москве¹⁶. На лицевой стороне кошелька имеется гравировка – стилизованное изображение билета внутреннего 5% выигрышного займа на капитал в 100 руб., а на оборотной – цифра 200 000, которая, как уже сказано выше, связана с суммой самого крупного выигрыша (рис. 5–7).

Похожие предметы время от времени появляются в продаже, как на прилавках антикварных магазинов, так и на торговых площадках в сети Интернет. Встречается и вариант, в котором обе стороны по краям предмета декорированы в технике чернения, в некоторых образцах использована ткань иного цвета, имеются отличия в размерах и весе (от 71 до 105 г), клеймах изготовителя и проч.

В некоторых случаях над стилизованным изображением государственного герба, помещенного в окружность, имеется надпись «Государственный банк», которая действительно присутствует на ценной бумаге, привлекая внимание гравера в процессе поиска темы для художественного оформления¹⁷.

Можно предположить, что спрос на подобные кошельки, рассчитанные не только на хранение разменной монеты (включая банковское и казначейское серебро), но прежде всего на хранение монет из золота, увеличился после 1897 г., когда они заняли видное место в денежном обращении¹⁸ (рис. 8). Обнаружить какие-либо источники, проливающие свет на историю их бытования — задача трудная, если вообще выполнимая, поэтому любые сведения такого рода приобретают особую ценность. Позже в том же самарском магазине появился в продаже похожий кошелек с дарственной (или владельческой) надписью, где указана дата — *12 февраля 1917 года*, относящаяся, как уже известно, к периоду, когда из денежного обращения исчезла не только золотая, но и разменная серебряная и медная монеты (рис. 9). Выбор темы оформления кошелька самым тес-

Рис. 5–7. Кошелек с надписью: «Билет внутреннего 5% с выигрышами займа...». Мастерская серебряных изделий В.В. Осетрова. Москва. 1890-е гг. МЭФ Банка России

Рис. 8. Почтовая открытка с изображением русских золотых и серебряных монет. Начало XX в. МЭФ Банка России

Рис. 9. Обратная сторона серебряного кошелька с изображением цифры 200 000 и гравировкой с фамилией владельца и датой получения в дар (?)

ным образом связан с выпуском первых выигрышных займов и обращением его облигаций. Общеизвестно, что символы и пожелания богатства, удачи, финансового успеха (наряду с нази-даниями о пользе расчетли-вости и бережливости: «кто денежки бережет, тот без нужды проживет») нередко со-провождали декоративное оформление предметов, име-ющих отношение к деньгам.

Второй интересный предмет также приобретен в Самаре в 2019 г. Это запонка с выполненным в технике эмали изображением купона билета первого выигрышного займа 1864 г., где фигурирует купон за № 25 и информация о выдаче 2 января 1878 г. положенного держателю дохода в сумме 2 руб. 50 коп. На этом основании можно предположить, что запонка изготовлена

Рис. 10–11. Запонка с изображением купона билета первого выигрышного займа 1864 года. МЭФ Банка России

в ближайший (не более 6 месяцев) к этой дате период (рис. 10–11). На защелке запонки присутствует штампованная надпись: *H.R. B-te SGDG*, где *B-te SGDG* означает – *breveté sans garantie du gouvernement* – «запатентовано без правительственной гарантии». Можно предположить, что при выполнении заказа отечественный ремесленник использовал в основе изделия французскую запонку, декорировав ее таким оригинальным образом. Вряд ли это предмет серийного производства.

Сведения о бытовании подобных аксессуаров нам не встречались, но скорее всего, такие запонки могли быть преподнесены служащему какой-нибудь мелкой банкирской конторы, биржевому дельцу, маклеру и проч. Не исключено, что подобный подарок мог быть получен от коллег или родственников. На одной из электронных торговых площадок удалось встретить запонки с похожим

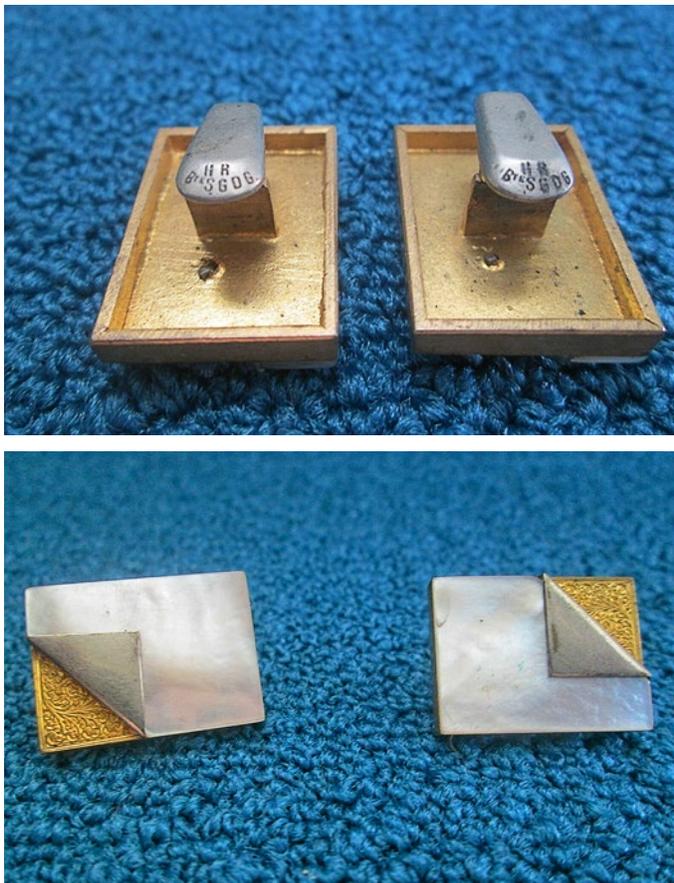

Рис. 12–13. Запонки с клеймом: *H.R. B-te SGDG*

клеймом (рис. 12–13). Очевидно, подобные изделия производились и в XX в., такая форма патентного права действовала с 1844 по 1968 г. во Франции (рис. 14).

Третий источник – это картина художника Николая Неврева (1830–1904) «Выигрышный билет» («Большой выигрыш»), написанная в 1874 г. (холст, масло; 75 × 95 см)¹⁹. Поступившая в 1926 г. из коллекции московского купца и мецената Н.С. Мазурина (1841–1888), картина хранится в собрании Пермской художественной галереи (рис. 15). В 1876 г. журнал «Всемирная иллюстрация» опубликовал гравюру, в основу которой положена эта картина. Подпись под изображением сообщала: «С фотографии «Русская светопись».

Рис. 14. Запонки парижской фирмы «H.R.»

Худ. А.А. Попов, гравер А. Зубчанинов». Иллюстрации предпослана небольшая заметка (рис. 16)²⁰.

Николай Васильевич Неврев принадлежит к плеяде художников, картины которых были с особым сочувствием встречены русской публикой в период Великих реформ и пореформенное время. Как отмечают современные исследователи его творчества, биографических сведений о художнике сохранилось немного²¹. Он родился в 1830 г. в Москве, в небогатой купеческой семье и только на двадцать первом году поступил в Московское училище живописи и ваяния, которое оставил, не закончив курса обучения. Студенты училища были более близки к народной жизни, чем их коллеги из Императорской Академии художеств, проявляли больший интерес к окружающей их повседневности, внимательно изучали бытовые картины, созданные голландскими живописцами XVII в., вдохновлялись остросатирическими произведениями таких мастеров, как П.А. Федотов (рис. 17).

Делая по выходе из училища свои первые самостоятельные шаги в профессиональной карьере как портретист, Неврев в середине 1860-х гг. с новой силой увлекся жанровой живописью, как и многие представители литературы и искусства, захваченный теми общественными настроениями, которые были связаны с происходившими в стране переменами. Но постепенно обличительная тематика, где блистали близкие ему художники В.Г. Перов и В.В. Пукирев, сменяется в его картинах бытописанием²².

После успеха у публики таких его произведений как «Панихида на сельском кладбище» (1865), «Протоиерей, провозглаша-

Рис. 15. «Выигрышный билет» («Большой выигрыш»). 1874 г. Художник Н.В. Неврев. Пермская художественная галерея. ПГХГ РК-3131, Ж-181

Рис. 16. Гравюра А. Зубчанинова по рисунку А.А. Попова с картины Н.В. Неврева «Выигрышный билет» (1874)*

* По кн.: Всемирная иллюстрация: Еженедельный иллюстрированный журнал. СПб., 1876. Т. 15. № 383

Рис. 17. Н.В. Неврев. Автопортрет. 1858. ГТГ *

ющий на купеческих именинах многолетие» (1866), «Торг (Из недавнего прошлого. Сцена из крепостного быта)» (1866) художник уже в 1870-е гг. создает ряд менее удачных полотен. К ним и относит картину «Выигрышный билет» («Большой выигрыш»), написанную в 1874 г., поэт, прозаик и публицист В.В. Артемов. Он считает, что бытописательские картины этого периода, исполненные Невревым, у публики «большого успеха не имели». «В них, — утверждает автор, — нет прежней драматической напряженности, хотя у художника сохранились наблюдательный взгляд, умение точно схватить и мастерски передать психологическое своеобразие облика каждого человека»²³.

Автор заметки во «Всемирной иллюстрации» по понятным причинам, наоборот, описывая содержание картины, отнес ее к лучшим произведениям художника: «Представляемый нами рисунок изображает молодого человека, значительный куш в лотерею.

* <http://www.artsait.ru/foto.php?art=n/nevrev/img/1>; дата обращения: 15.01.2020.

Он спешит поделиться своим счастьем с близким ему семейством, с которым ищет, может быть, породниться. Радостно вбегает он в пальто в комнату и, не снимая фуражки, потрясает выигравшим билетом, восклицая: „Ура, двадцать пять тысяч!“ Фигура молодого человека очень хороша: на лице его разлиты радость и какое-то горделивое сознание, что на его долю выпало счастье быть героем нынешнего дня»²⁴. Какую ценную бумагу держит в руке молодой человек, автор заметки не сообщает, но у нас нет сомнений, что это 5% билет второго выигрышного займа (1866). Об этом свидетельствует бирюзовый цвет бумажного листа и хорошо различимая цифра «100», обозначающая единственно возможный номинал. На каком основании автор выразил твердую уверенность в том, что речь идет о выигрыше 25 тыс. руб. при большом количестве других вариантов, сказать сложно. Вся остальная часть авторской интерпретации сюжета возражений не вызывает.

Изображение этой картины Неврева сегодня выложено любителями живописи и поклонниками творчества художника на многих сайтах российского сегмента Интернета. Любопытно, что в большинстве случаев воспроизводится фэйковый вариант, в котором вместо висящего в интерьере квартиры живописного портрета Петра I, в раму помещен портрет Моны Лизы.

Подводя итог проделанной работе, следует отметить, что ранее сделанные коллегами выводы о популярности выигрышных билетов 1864 и 1866 гг. у отечественной имущей публики нашли дополнительное подтверждение, автором исправлены некоторые неточности и добавлены новые сведения, пополняющие перечень свидетельств. Впрочем, лучшее свидетельство популярности процентных бумаг — их биржевой курс.

Необходимо подчеркнуть, что ценность данному сообщению придает то, что упомянутые выше предметы, в отличие от литературных текстов, дают возможность отразить интересное явление российской финансовой жизни музейными средствами с помощью изобразительных и вещественных памятников.

---

¹ Бугров А.В. Выигрышные займы 1864 и 1866 годов // Вестник Банка России. 2003. № 69. С. 35–40. Он же: Выигрышные займы 1864 г. 1866 г. // Из истории государственной кредитной системы. Вторая половина XVIII в. — начало XX в. М., 2004. С. 378–394; Государственный банк 1860–1917. М., 2012. С. 110–116; Лизунов П.В. Захарий Жданов: Судьба «короля бирже-

- вых спекулянтов» // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 222–262. Он же: «Невский банкир» Генрих Генрихович Блок // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 237–264; Регулирование денежного обращения. Выпуск внутренних выигрышных займов 1864 и 1866 гг. // История Банка России 1860–2010. В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 169–197; Внутренние пятипроцентные с выигрышами займы: любимые бумаги русской «публики» // История, Университет, историк / Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2014. Вып. 19. С. 87–115 (статья вошла в одну из глав вышедшей в том же году монографии: *Лизунов П.В.* Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 424–444).
- ² *Таранков В.И.* Ценные бумаги государства российского. М.; Тольятти, 1992. С. 68–81; Российские ценные бумаги. Каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России. В 3 т. М., 2010. Т. 1. С. 94.
- ³ История Банка России 1860–2010. В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 188–189.
- ⁴ Там же. С. 189.
- ⁵ [*Ламанский Е.И.*] Воспоминания // Ламанский Е.И. Избранные сочинения. М., 2005. С. 162.
- ⁶ *Лизунов П.В.* Внутренние пятипроцентные с выигрышами займы... С. 90.
- ⁷ Там же. С. 95, 97–100.
- ⁸ Там же. С. 97, 98. О том, что население продолжало высоко ценить выигрышные билеты даже после Октября 1917 г., свидетельствует состав бумажной части клада периода гражданской войны, найденного в июле 1954 г. в Рыльске (Курская обл.). Помимо денежных знаков в него входил и билет второго внутреннего 5% займа 1866 г. См.: *Стародубцев Г.Ю.* Клад времен Гражданской войны из города Рыльска (Курская область): предварительное сообщение // Деньги в российской истории: вопросы производства, обращения, бытования. Вып. I: Сб. мат-ов Первой межд. науч. конф. (18–19 октября 2018 г., С.-Петербург). СПб.: «Гознак», 2018. С. 205.
- ⁹ Раздел озаглавлен: «Выигрышные билеты в русской литературе и жизни». См.: *Лизунов П.В.* Внутренние пятипроцентные с выигрышами займы... С. 106–114.
- ¹⁰ *Лизунов П.В.* «Невский банкир» Генрих Генрихович Блок ... С. 237–264; История Банка России 1860–2010... Т. 1. С. 197.
- ¹¹ Там же. С. 243.
- ¹² Рукописный текст рассказа хранится в Отделе рукописей РНБ (ОР РНБ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5 об.). Авторская датировка отсутствует. В документации ОР РНБ указан 1902 г. и г. Вильно (очевидно, делавший запись архивист имел ввиду время и место создания произведения), редакция рассказа отнесена к 1940-м гг.
- ¹³ Портной Шмуклер (Из воспоминаний художника И. Владимиров) / Публ., вступ. ст. и послесл. М.Г. Николаева // Нумизматический альманах. 2000. № 1(12). С. 49–54; № 2 (13). С. 47–54.
- ¹⁴ *Баторевич Н.И.* Всю жизнь я служил России... Жизнь и творчество художника И.А. Владимиров. СПб., 2013. С. 215–223.
- ¹⁵ *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М., 2001. С. 20.

- ¹⁶ См. № 2330, 2331 в кн.: *Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л.* Золотое и серебряное дело XV–XX вв. [Территория СССР]. М., 1983. С. 212.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Николаев М.Г.* Кошелек «на удачу» (к истории одного из новоприобретенных экспонатов Музейно-экспозиционного фонда Банка России) // *Деньги и кредит.* 2017. № 5. С. 73–77.
- ¹⁸ В период 1900–1904 гг. доля в обращении золотой монеты даже превышала долю банкнот. Максимум был отмечен в 1903 г., когда на них пришлось свыше 52% общего объема внутреннего денежного обращения страны. См.: *Все о деньгах России.* М., 1998. С. 70.
- ¹⁹ ПГХГ РК-3131, Ж-181.
- ²⁰ Всемирная иллюстрация: Еженедельный иллюстрированный журнал. СПб., 1869–1898. 1876. Т. 15. № 383. С. 351–352.
- ²¹ *Артемов В.В.* Николай Неврев. М.: Белый город, 2004. С. 2.
- ²² Известен был Н.В. Неврев и как художник, работавший в жанре исторической живописи. Для специалистов-музейщиков не будет лишним знание следующего факта. В середине 1870-х годов один из основателей Российского Исторического музея граф А.С. Уваров, увлекшийся идеей украсить его залы художественными полотнами на исторические темы, решил привлечь Неврева к участию в устраиваемом Московским обществом любителей художеств конкурсе, предложив ему сюжет из жизни Галицкой Руси, когда она стала подвергаться проискам западного латинства (см.: *Артемов В.В.* Николай Неврев... С. 32). Написанная им картина «Роман Галицкий принимает послов папы Иннокентия III» (1875) по каким-то причинам в РИМ все же не попала. Какое-то время она находилась в собрании С.Н. Голяшкина, а сегодня ее можно увидеть в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь.
- ²³ Там же. С. 30.
- ²⁴ Всемирная иллюстрация... 1876., Т. 15. № 383. С. 351.

Боткины в письмах А.П. Константинова,
доверенного фирмы «Петра Боткина Сыновья»
в Санкт-Петербурге (по материалам ОПИ ГИМ)

Имя Аркадия Петровича Константинова (ок. 1829—10 апреля 1894 г.)¹ сейчас малоизвестно, однако во второй половине XIX века его хорошо знали в среде купечества и чиновничества как доверенное лицо чаеоторговой фирмы «Петра Боткина Сыновья» в Санкт-Петербурге. Чаи боткинской фирмы входили в число лучших и рекомендовались в книге «Подарок молодым хозяйкам», выдержавшей более двадцати изданий². Магазины фирмы были во многих городах Российской империи³.

Родом Аркадий Константинов был из Москвы. В документах писали «московский мещанин Аркадий Константинов»⁴. Один раз было указано, что он «московский мещанин семеновской слободы»⁵. Семеновская слобода была образована на месте села Семеновское с церковью Симеона Богоприимца. Согласно материалам о московском купечестве по 6-й ревизии 1811 г., в Семеновской слободе проживал Николай Никитин Константинов (41 год) с братом Алексеем (32) и племянником, купцом 3-й гильдии Петром Васильевым Константиновым (28 лет), а также с сыном Иваном (8 лет) и матерью Петра Анной Алексеевной (49 лет)⁶. Таким образом, можно реконструировать часть генеалогического древа семьи Константиновых. Первым известным представителем семьи был Никита Константинов, у которого было три сына — Николай, Алексей и Василий. Василий Никитич Константинов женился на Анне Алексеевне, и у них был сын Петр, у которого в свою очередь родился сын Аркадий. В 7-й ревизии 1815 г. Петр Васильевич Константинов уже обозначен как выбывший из московского купечества в 1814 г.⁷

В 1844 г. А.П. Константинов окончил курс Московского мещанского училища⁸, которое было основано в 1835 г. Московским купе-

ческим обществом⁹. В 1845 и 1851 гг. училище окончили его брат Василий и двоюродный брат Иван¹⁰.

Несмотря на московское происхождение, Аркадий Константинов долгое время проживал в Санкт-Петербурге, где был представителем торгового дома «Петра Боткина Сыновья» с 1870 по 1894 г. (до своей смерти). А.П. Константинов был не единственным московским уроженцем в числе петербургских служащих Боткиных — таковыми были и А.И. Новиков, И.А. Теплухин¹¹, Н. Лебедев¹². Все они ранее служили у Боткиных в Москве, а потом им было доверено представлять фирму в столице.

Простые служащие проживали в лавках фирмы «Петра Боткина Сыновья» в Гостином дворе¹³, а представители фирмы, занимавшие более высокое положение, имели отдельное жилье. В частности, А.П. Константинов жил в доме № 6 по Троицкому переулку¹⁴ (ныне ул. Рубинштейна), затем в доме № 87 по Невскому проспекту (1889—1890)¹⁵, потом в доме № 93 по Невскому проспекту (1893)¹⁶.

Женат Аркадий Петрович Константинов был с 1859 г.¹⁷ на Александре Кузьминичне (ок. 1836 — 15 января 1889 г.)¹⁸, имел дочь Александру (род. 1860)¹⁹. Похоронены супруги А.К. и А.П. Константиновы на кладбище Новодевичьего Воскресенского монастыря в Санкт-Петербурге²⁰.

В отделе письменных источников Исторического музея хранятся более двухсот пятидесяти писем и телеграмм А.П. Константинова Петру Петровичу Боткину (1831—1907)²¹, который в течение долгих лет возглавлял семейную чаоторговую фирму «Петра Боткина Сыновья», сначала вместе с братьями Василием, Николаем и Дмитрием, а потом как исполнительный директор образованного в 1893 г. товарищества²².

Письма Константинова хранились в особняке Боткиных-Гучковых в Петроверигском переулке в Москве, который после смерти П.П. Боткина унаследовала одна из его дочерей, Вера Петровна Боткина, вышедшая замуж за Николая Ивановича Гучкова. Оттуда они поступили в Музей Старой Москвы, а в 1945 и 1947 гг. образовали фонд № 122 «Боткиных-Гучковых» Исторического музея²³.

Письма Аркадия Петровича Константинова очень информативны и разноплановы. В них есть сведения как о торговой деятельности фирмы Боткиных — о ведении дел, о персонале фирмы,

о покупателях, так и о жизни Боткиных в Петербурге. Константинов писал в Москву своему патрону регулярно, по несколько раз в неделю, и зачастую по этим сведениям можно проследить развитие той или иной ситуации в жизни семейства. Подобная практика отчетов служащих о младших членах семьи, живших отдельно от старших родственников, существовала у Боткиных и ранее. В частности, В.Ф. Басманов, служащий в Кяхте, докладывал П.К. Боткину обо всех действиях его сына Дмитрия Боткина, направленного в Кяхту, причем не только о служебной деятельности, но и о личной жизни, о здоровье²⁴.

В столице проживало несколько представителей многочисленной боткинской семьи: знаменитый врач Сергей Петрович Боткин с семьей²⁵, известный коллекционер и художественный деятель Михаил Петрович Боткин с семьей²⁶, их вдовья сестра Александра Петровна Визгина с дочерью²⁷. Обо всех них есть упоминания в письмах. Зачастую это уникальные сведения семейно-бытового характера, которые могли бы быть полезны исследователям, изучающим историю семьи Боткиных. Например, там можно найти немало сведений о жизни и деятельности выдающегося терапевта Сергея Петровича Боткина (о его семейном быте, праздниках, покупках, поездках).

Аркадий Петрович Константинов помнил все дни рождения, дни ангелов, дни свадеб многочисленных петербургских Боткиных («Сегодня в день свадьбы Сергея Петровича и Екатерины Алексеевны, от имени Вашего поздравил их и доставил отличный пирог и рог изобилия, украшенный конфетками, за что он очень Вам благодарен»²⁸) и памятные даты («Сегодня заказывал обедню по покойному Василию Петровичу»²⁹). Для писем типичны такого рода фразы: «В воскресенье 26 числа будет день рождения Анастасии Сергеевны, а потому вероятно Вы сделаете распоряжение мне по примеру прежних случаев и в это день отвезти подарок Анастасии Сергеевне»³⁰. Подобные фразы встречаются практически о каждом из петербургских Боткиных. Иногда Петр Петрович делал дорогие подарки родным, при этом их закупкой и доставкой также занимался Константинов. В одном из писем читаем: «Относительно ландо, то Михаил Петрович купил уже ландо, и на нём катается. Не прикажете ли заплатить деньги 2050?»³¹. За доставку подарков в обратную сторону, из Санкт-Петербурга в Москву, отвечал также Константинов³².

Из писем Константинова известно о деталях семейной жизни Боткиных: «У Сергея Петровича Анна Петровна³³ и Василий Алексеевич Андреев³⁴ объявили о помолвке»³⁵, или «В воскресенье Государь Император сделал предложение Сергею Петровичу быть восприемником при святом крещении у новорожденной дочери Екатерины Сергеевны»³⁶. Встречаются данные о прислуге в семьях петербургских Боткиных³⁷, о гостях, которые бывали у них³⁸. Поскольку Константинов занимался похоронами С.П. Боткина, он отчитывался о своих действиях П.П. Боткину³⁹. Эти письма иногда содержат дополнительные сведения, мелкие детали, личностные оценки.

Аркадий Петрович Константинов слыл человеком дельным, расторопным, разбирающимся в финансах. Именно поэтому петербургские Боткины к нему часто обращались по такого рода вопросам: «Михаил Петрович просил купить для него Рыбинских акций 100 штук»⁴⁰. Константинов подыскал квартиру М.П. Боткину, когда тот решил вернуться из Италии и поселиться в Петербурге⁴¹. Квартира была найдена в доме Масловых на Офицерской улице⁴². Несколько лет спустя А.П. Константинов был представителем М.П. Боткина при покупке особняка на Николаевской набережной, именно его подпись стоит на документах⁴³. Он же осматривал дом во время его перестройки архитектором А.К. Бруни: «Сегодня был в доме господина Михаила Петровича, хотя они и не совсем устроились, но дом вышел очень хороший и всем понравился»⁴⁴.

Также Аркадий Петрович занимался переводами денег на личные нужды членов боткинской семьи⁴⁵. В письмах видна обеспокоенность А.П. Константинова тем, как нерационально С.П. Боткин с женой используют свое имущество: «Дом Екатерины Алексеевны стоит незанятый»⁴⁶ (дом № 7 по Сергиевской улице). В другом письме Аркадий Петрович сообщал о возможности занятия этого дома Китайским посольством⁴⁷.

Отчитывался Константинов Петру Петровичу Боткину о своей поездке в имение С.П. Боткина, в мызу Культиллы. «В Николин день я ездил в Финляндию на дачу Сергея Петровича, и я Вам только могу сказать, что очень хорошо местоположение, и превосходный воздух, так что Сергей Петрович со своим семейством будет в наслаждении, только езда подальше Гатчинской [дачи]»⁴⁸. Именно А.П. Константинов выполнял поручения Петра Петровича Боткина о строительстве в Культилле церкви Святых апостолов

Петра и Павла. Он практически заведовал этой стройкой — нанимал рабочих, закупал материал⁴⁹.

Живя в Петербурге, А.П. Константинов занимался делом о разводе дочери Петра Петровича Боткина Анны Петровны с мужем Василием Алексеевичем Андреевым, которое рассматривалось в Священном Синоде⁵⁰.

За свою многостороннюю деятельность А.П. Константинов получал достойное денежное вознаграждение и внимание со стороны всех Боткиных. Оплата труда Константинова была в разы больше, чем у других служащих. Например, он имел годовое жалование 4 000 и награждение 1 500 рублей, в то время как у других петербургских служащих было 1 700 и 300 (А.И. Новиков), 1 380 и 500 (И.А. Теплухин) соответственно⁵¹.

По просьбе А.П. Константинова в фирму «Петра Боткина Сыновья» был принят его племянник Петр Васильевич Константинов. Последний окончил Мещанское училище⁵², в которое его тоже пристроили Боткины⁵³ по просьбе дяди⁵⁴, а затем служил в московском амбаре⁵⁵. Больная жена Константинова лечилась у С.П. Боткина⁵⁶. Сам Аркадий Петрович бывал на праздниках и вечерах в семьях Сергея Петровича и Михаила Петровича Боткиных⁵⁷. Иногда жил на даче у Боткиных, в частности, у С.П. Боткина в Культилле Константинов отдыхал вместе с женой и дочерью⁵⁸.

Константинов стал доверенным лицом наследников С.П. Боткина. Через него проходили деньги, собираемые на строительство начального училища в память С.П. Боткина⁵⁹ на Большом проспекте Васильевского острова⁶⁰. Когда Александру Сергеевичу Боткину стало невыносимо жить в одном доме с мачехой, он в 1891 г. снимал комнату в квартире у А.П. Константинова⁶¹.

Упоминания о самом Аркадии Петровиче Константинове есть в переписке Боткиных. В частности, М.П. Боткин нередко сообщает о том, что виделся с Константиновым, в том числе и тогда, когда тот приходил к нему в особняк на пересечении Николаевской набережной и 18-й линии⁶². Когда Аркадий Петрович Константинов тяжело болел, даже очень занятой М.П. Боткин навещал его⁶³; также был он и на похоронах Аркадия Петровича⁶⁴.

Таким образом, из переписки видно, что Аркадий Петрович Константинов был доверенным лицом не только фирмы «Петра Боткина Сыновья» в столице, но и петербургских представителей семьи Боткиных. Он знал многие детали их жизни, о которых сооб-

щал в письмах главе фирмы П.П. Боткину. Благодаря этим сведениям письма А.П. Константинова, хранящиеся в отделе письменных источников Исторического музея, являются исключительно ценным источником информации о жизни и деятельности представителей семьи Боткиных.

- ¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 285 Л. 486 об.—487.
- ² *Молоховец Е.* Подарок молодым хозяйкам или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. 23-е изд., испр. и доп. СПб., 1902. Ч. 2. С. 91.
- ³ *Бакалдина Е.В.* География продаж боткинского чая // XXXVII Международные научные чтения (памяти А.Д. Сахарова). М., 2018. С. 50—54.
- ⁴ ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 23. Д. 2426. Л. 78 об.
- ⁵ Там же. Ф. 19. Оп. 126. Д. 285. Л. 486 об.
- ⁶ Материалы для истории Московского купечества. М., 1887. Т. 5. С. 186.
- ⁷ Там же. Т. 6. С. 138.
- ⁸ Исторический очерк пятидесятилетнего существования Московского мещанского мужского училища, основанного Московским купеческим обществом в память совершеннолетия его императорского высочества государя наследника цесаревича Александра Николаевича. 1835—1885. М., 1885. С. 58.
- ⁹ Там же. С. 6—9.
- ¹⁰ Там же. С. 92, 95.
- ¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 23. Д. 2002. Л. 133 об.—134; Д. 2179. Л. 144 об.—145.
- ¹² Там же. Д. 21311. Л. 182 об.—183.
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 778. Оп. 1. Д. 1464. Л. 19.
- ¹⁴ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах на 1882 год. СПб., 1882. С. 9.
- ¹⁵ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах на 1889 год. СПб., 1889. С. 96; Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах на 1890 год. СПб., 1890. С. 8.
- ¹⁶ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах на 1893 год. СПб., 1893. С. 98.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 255. Л. 184.
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 254. Л. 435 об.—436.
- ¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 254. Л. 10.
- ²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 285. Л. 487.
- ²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 254—257. Письма А.П. Константинова П.П. Боткину за 1870—1894 годы.
- ²² *Бакалдина Е.В.* Петр Петрович Боткин: чаоторговец и благотворитель // Исторические Боткинские чтения: Вып. I. СПб., 2017. С. 57—71.

- ²³ ОПИ ГИМ. Историческая справка к описи фонда № 122 (сост. И.С. Коган).
- ²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 42. Л. 87–162 об.
- ²⁵ Сергей Петрович Боткин (1832–1889), его вторая жена Екатерина Алексеевна (1850–1929), его дети от первого брака: Сергей (1859–1910), Петр (1861–1933), Анастасия (1863–1925), в замужестве Бородулина, Евгений (1865–1918), Александр (1866–1936), Виктор (1871–1922); дети от второго брака: Мария (1875–1960), в замужестве Андриевская, Екатерина (1880–1940), Алексей (1882–1886), Зоя (1883–1952), Софья (1884–1967), в замужестве Конн, Людмила (1886–1951), в замужестве Чехова-Боткина, Елизавета (1888–1968), в замужестве Фролишер.
- ²⁶ Михаил Петрович Боткин (1839–1914), его жена Екатерина Никитична (1857–1917), их дети: Екатерина (1880–1957), в замужестве фон Энден, Елена (1882–1964), Елизавета (1884–1942), в замужестве Зеленская, Михаил (1885–1893), Любовь (1887–1920), в замужестве Самарина, Сергей (1888–1918), Надежда (1890–1891).
- ²⁷ Александра Петровна Боткина (1818–1882), в замужестве Визгина, и ее дочь Александра Никитична (ок. 1847–1907), в замужестве Котельникова.
- ²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 254. Л. 17.
- ²⁹ Там же. Л. 86.
- ³⁰ Там же. Л. 196.
- ³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 255. Л. 112 об.
- ³² Там же. Ед. хр. 254. Л. 5.
- ³³ Анна Петровна Боткина (1854–?) — старшая дочь П.П. Боткина, в 1880–1884 гг. была замужем за В.А. Андреевым. После развода вернула девичью фамилию.
- ³⁴ Василий Андреевич Андреев (1853–?) — представитель московской купеческой семьи Андреевых, в 1880–1884 гг. был женат на А.П. Боткиной.
- ³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 254. Л. 96.
- ³⁶ Там же. Ед. хр. 254. Л. 105.
- ³⁷ Там же. Ед. хр. 254. Л. 7 об., 9 об., 18 об.; ед. хр. 256. Л. 126; ед. хр. 257. Л. 34.
- ³⁸ Там же. Ед. хр. 255. Л. 25; ед. хр. 256. Л. 88, 131; ед. хр. 257. Л. 91.
- ³⁹ Там же. Ед. хр. 257. Л. 141; ед. хр. 258. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Ед. хр. 254. Л. 136 об.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 254. Л. 1.
- ⁴² ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3166. Л. 9 об., 28 об.
- ⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 71. Д. 217. Л. 24.
- ⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 254. Л. 103 об.
- ⁴⁵ Там же. Ед. хр. 254. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Ед. хр. 254. Л. 44 об.
- ⁴⁷ Там же. Ед. хр. 254. Л. 53 об.
- ⁴⁸ Там же. Ед. хр. 255. Л. 6 об.–7.
- ⁴⁹ Там же. Ед. хр. 255. Л. 31, 35–40, 46, 57, 70–70 об., 72–79.
- ⁵⁰ Там же. Ед. хр. 254. Л. 112.
- ⁵¹ Там же. Ед. хр. 83. Л. 55.
- ⁵² Там же. Ед. хр. 257. Л. 127–127 об.

- ⁵³ Боткины обучали за свой счет детей бедных родителей в этом училище. См.: Исторический очерк пятидесятилетнего существования Московского мещанского мужского училища ... С. 83, 116, 119, 150.
- ⁵⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 255. Л. 10 об., 12.
- ⁵⁵ Там же. Ед. хр. 83. Л. 43, 45.
- ⁵⁶ Там же. Ед. хр. 254. Л. 10.
- ⁵⁷ Там же. Ед. хр. 254. Л. 9, 145 об.
- ⁵⁸ Там же. Ед. хр. 255. Л. 85.
- ⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 75. Д. 56. Л. 27.
- ⁶⁰ Угол Большого проспекта Васильевского острова и 22-й линии.
- ⁶¹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 258. Л. 36.
- ⁶² Там же. Ед. хр. 172. Л. 76.
- ⁶³ Там же. Ед. хр. 175. Л. 104.
- ⁶⁴ Там же. Ед. хр. 175. Л. 108.

Штрихи к портретам членов русской императорской семьи по дневникам барона Жозефа де Бая (ОПИ ГИМ)

Дневниковые записи французского археолога и дарителя Российского императорского музея барона Жозефа де Бая¹, много лет проведшего в России и пережившего в семьях Шереметевых и Щербатовых нелегкие годы войны и революционного лихолетья (1914–1921), хранятся в ОПИ ГИМ и охватывают период с июля 1914 по июль 1918 г.² Записи, которые автор вел на французском языке, полностью не опубликованы, однако фрагменты, связанные с отражением событий Первой мировой войны и двух русских революций, Февраля и Октября 1917 г. в Петрограде и Москве, стали предметом сообщений на Забелинских научных чтениях (2014, 2016) и последующих публикаций³. Притом некоторые моменты, касающиеся бытовой и общественной жизни, а также трагической судьбы императора Николая II и членов его семьи, нашедшие отражение в дневниках, остались за кадром повествования как в силу своей кажущейся малозначимости на фоне более глобальных событий, так и из-за опасения касаться все столь обширной и болезненной темы, не имея возможности развить ее в рамках заявленного исследования. Между тем сообщаемые автором детали представляют известный интерес.

Широко освещавшаяся в прессе и СМИ столетняя годовщина гибели семьи последнего русского императора в ночь с 16 на 17 июля 1818 г. вновь привлекла внимание к случившейся в Екатеринбурге трагедии и спровоцировала волну дискуссий, в которых отразился существующий до сих пор раскол в общественном сознании по вопросу об оценке личности императора Николая II и мере его ответственности за события, потрясшие страну. Подготовленные в ГИМ выставки затронули некоторые аспекты данной темы⁴.

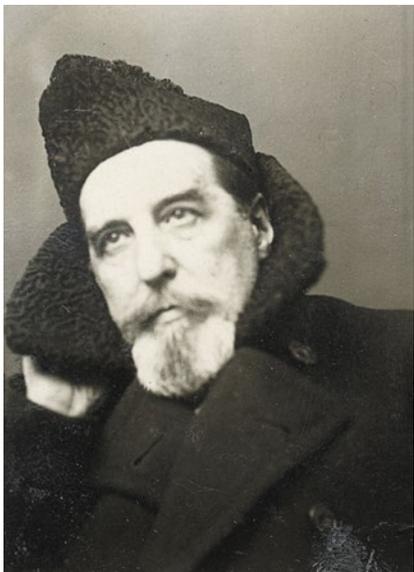

Рис. 1. Портрет Барона Жозефа де Бая.
Фото. Москва. Ноябрь 1915 г.
(ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. 100. Л. 1а)

В этой связи уместно вновь предоставить слово барону де Баю (рис. 1), как представителю союзнической страны, искренне преданному России, дабы и малое его свидетельство не кануло в Лету, но оказалось услышано и позволило еще немного приблизиться к истине, тем более что он вел дневник исключительно для личного пользования, и его трудно упрекнуть в осознанной фальсификации.

Упоминания об императорской семье и ее главе появляются на первых же страницах дневника в связи с происшедшими во время визита президента Франции Раймона Пуанкаре⁵ в Россию (1914) высочайшими приемами и другими

торжественными мероприятиями, на которых де Баю как единственному представителю французской колонии в Петербурге довелось присутствовать⁶. Содержание этих записей связано в первую очередь с высокой оценкой деятельности самого де Бая, в частности как члена Комитета по устройству Музея Отечественной войны 1812 г. в Москве, и представлением его к высочайшим наградам. Так, по личному распоряжению императора генерал А.А. Мосолов⁷ вручил барону великолепную раму к портрету государя, подаренному ему Николаем II еще в 1912 г. во время юбилейных торжеств на Бородинском поле⁸. Упоминаются в дневнике и другие члены императорской семьи, прежде всего, великая княгиня Ксения Александровна, сестра Николая II, и вдовствующая императрица Мария Федоровна, в связи с их тесными контактами с Шереметевыми, в частности Дмитрием Сергеевичем, сопровождавшим великую княгиню Ксению в поездках, и совместным участием в различных благотворительных акциях. На страницах своего дневника автор вскользь коснулся пышных дворцовых приемов, устроенных по случаю визитов в Санкт-Петербург короля саксонского Фридриха Ав-

густа III⁹, а также румынского наследного принца Кароля¹⁰, рассматривавшегося в качестве возможного претендента на руку одной из великих княжон¹¹.

Позже, в разгар Первой мировой войны, де Бая интересуется реакцией императорской четы на известие о разграблении его фамильного замка и утрату им коллекций и наград, вывезенных ранее из России. Он приводит на страницах дневника фразу (рис. 2), якобы произнесенную российской императрицей, узнавшей, что немецкий кронпринц разбил ударом сапога ее портрет из музейного реликвария замка: «Я предпочитаю, чтобы он его разбил, чем взял себе...»¹²

Значительное место в дневниковых записях занимает описание многочисленных версий убийства Григория Распутина и реакции членов императорской семьи на это событие¹³. Очень подробно,

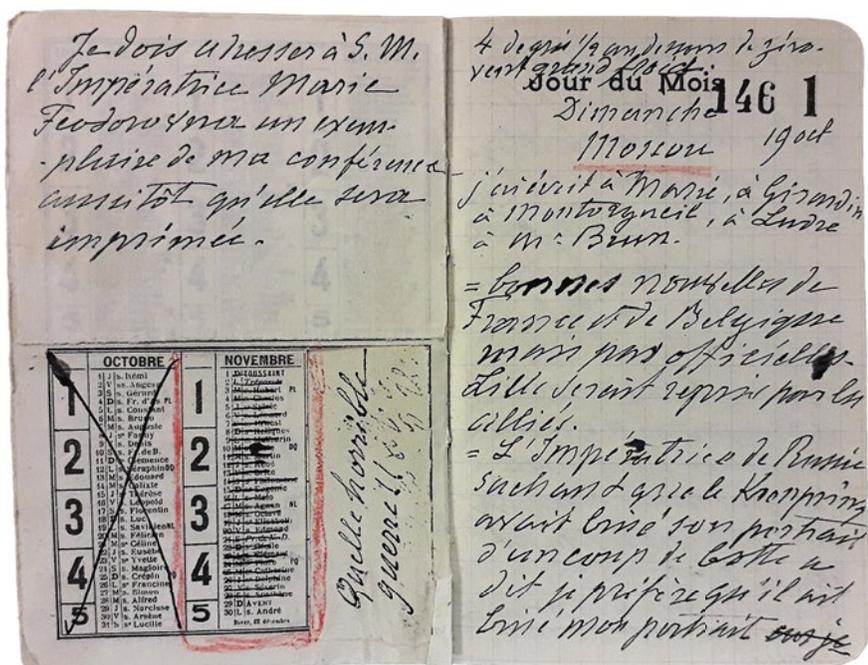

Рис. 2. Разворот дневника барона Ж. де Бая с записями: об освобождении союзниками г. Лиля, о реакции императрицы Александры Федоровны на известия о разграблении его родового замка, об обещании послать императрице Марии Федоровне экземпляр своей речи, посвященной бомбардировкам г. Реймса. 19 октября 1914 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. 98. Л. 109 об., 110)

по всей видимости, со слов очевидца, описана роковая ссора, приведшая к окончательному разрыву отношений двух сестер, великой княгини Елизаветы и императрицы Александры Федоровны. Она произошла за несколько дней до убийства «старца», когда Елизавета Федоровна приезжала из Москвы в Царское Село, чтобы довести до сведения младшей сестры и ее венценосного супруга истинное положение дел в стране и попытаться предотвратить грозящую катастрофу¹⁴. Рефреном на страницах дневника повторяется мысль о мнимой измене государыни и ее связи с противником, муслировавшаяся во всех слоях общества и активно подогреваемая оппозиционной либеральной прессой¹⁵. Но эта тема заслуживает отдельного серьезного исследования.

Остановимся подробнее на двух эпизодах, приведенных автором. Первый связан с отречением Николая II от престола 2 (15) марта 1917 г. Это весьма показательный разговор, состоявшийся в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве между низложенным монархом и генералом Морисом Жаненом¹⁶ — главой французской военной миссии при Ставке с весны 1916 до конца 1917 г.

Морис Жанен, питомец военной школы Сен-Сир и выпускник Французской академии Генштаба, а затем стажер русской Николаевской академии Генштаба, автор исследований по истории русско-турецкой и русско-японской войн, дивизионный генерал, убежденный сторонник франко-русского союза, неоднократно посещал Россию и неплохо владел русским языком; во время визита императорской четы во Францию в 1896 г. — адъютант Николая II (рис. 3). После свертывания работы военной миссии в августе 1918 г. он был назначен командующим войсками Антанты в России, но основная деятельность генерала разворачивалась в Сибири и на Дальнем Востоке, где его главной задачей стала эвакуация во Владивосток и отправка в Европу Чехословацкого корпуса для пополнения сил союзников на Западном фронте. Возглавляя с ноября 1918 г. французскую военную миссию при правительстве А.В. Колчака, к которому Жанен относился без особой симпатии, как, впрочем, и к белому движению в целом¹⁷, он не смог (или не захотел) обеспечить личную безопасность адмирала, что дало повод недоброжелателям обвинить бывшего союзника в предательстве, предопределившем плачевный исход всего «Белого дела». В ответ генерал, считавший себя другом покойного императора¹⁸, напомнил своим оппонентам о трагической судьбе Николая II и его семьи, для спасения которых ничего

не было сделано, так как, по его словам, главы дипломатических ведомств (прежде всего послы Великобритании и Франции) отрицательно отнеслись к таким попыткам, предпринятым в Могилеве. Известно с его же слов, что он получил личное указание от французского посла Мориса Палеолога не вмешиваться в происходящее¹⁹. Подробности последнего свидания Жанена с Николаем II де Бай услышал в пересказе виконта Лестранжа, директора банка «Лионский кредит». Прочитируем эту запись полностью:

«19/6 апреля 1917 г. Вчера виконт де Лестранж слышал из уст самого генерала Жанена, вернувшегося с русского фронта, следующее. Он был принят Императором на следующий день после его отречения, когда государь прибыл в Могилёв²⁰. Николай II обратился к нему с вопросом: „Как поживаете, *mon général*, давненько я не имел удовольствия видеть вас“. „Простите, сир, но мы с вами виделись от силы три дня назад“, — отвечал Жанен. Император продолжил беседу, а потом сказал: „Я отправляюсь в Царское [Село] и намереваюсь поочередно пригласить вас всех провести там несколько дней“. Император говорил так беспечно, как будто ничего серьезного не произошло. После некоторого колебания генерал спросил: „Позволит ли ваше величество дать ему совет?“ — „Какой совет?“ — „Тот, что вашему величеству следует отправиться в Англию либо в Швецию“. — „Это почему?“ — „Потому что здесь ваша персона в опасности и вблизи столицы опасность эта еще больше возрастет“. — „Вы полагаете? Я так не считаю, и ваш совет удивляет меня, ведь существует Временное правительство“. —

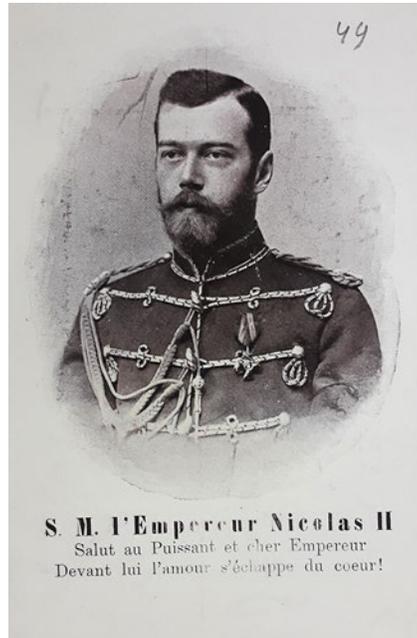

Рис. 3. Открытка с портретом Николая II и стихотворным текстом на французском языке: «Приветствуем славного и могучего императора, любимца всех сердец». Париж. 1896. Дар барона де Бая Историческому музею. (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 2. Ед. 13. Л. 49)

„Но, сир, это правительство сегодня здесь, а завтра оно может лишиться власти, опасность велика“. И Император слушал с таким видом, как будто не отдавал себе отчет в серьезности положения, он вел себя так безмятежно, будто ровным счетом ничего не произошло. Генерал Жанен до сих пор пребывает в шоке от этого разговора».

Таково свидетельство де Бая, находившего поведению российского императора в столь критический момент лишь одно разумное объяснение, связанное с воздействием тибетских лекарственных снадобий, полученных государем от придворного врача, бурята по происхождению, Петра Александровича Бадмаева. «Питье, которым поят императора, вполне может быть причиной этого состояния», — подвел он итог услышанному²¹. Надо признать, что сам Жанен, анализируя свои впечатления от этой встречи, в личном дневнике высказался еще более определенно: «Я нашел императора ошеломляюще спокойным, одно из двух — или он обладает из ряда вон выходящим самообладанием, либо он лишился рассудка»²². Близки к оценке генерала Жанена и впечатления его соотечественника Мориса Палеолога, исполнявшего обязанности посла Франции в России и по долгу службы имевшего аудиенцию с императором в начале января 1917 г. Признавая несомненные личные достоинства русского царя, такие как добросовестность, человечность, кротость и честь, он видел причины его апатии и бездействия в том, что Николай II не любил на деле своей власти и не дорожил ею, защищая прерогативы самодержавия лишь из чувства осознания высшего долга: «Слова императора, его молчание, его недомолвки, серьезное и сосредоточенное выражение его лица, его неуловимый и далекий взгляд, замкнутость его мысли, все смутное и загадочное в его личности утверждают меня в мысли, которая уже несколько месяцев не оставляет меня, а именно: что император чувствует себя подавленным и побежденным событиями, что он больше не верит ни в свою миссию, ни в свое дело; что он, так сказать, отрекся внутренне; что он уже примирился с мыслью о катастрофе и готов на жертву»²³.

В этой связи достаточно убедительно звучит следующее сохранившееся свидетельство. Во время пребывания царской семьи в Тобольске, после отстранения протоиерея Алексея Васильева, сыгравшего, по-видимому, в судьбе пленников не самую благовидную роль²⁴, богослужения для царской семьи совершал протоиерей

Владимир Хлынов, настоятель Тобольского Софийско-Успенского кафедрального собора²⁵. В 1920-е гг. он находился в заключении на Соловках одновременно со священником Михаилом Польским²⁶, впоследствии протопресвитером РПЦЗ, который в своей книге о новомучениках привел рассказ Хлынова о государе. Несмотря на то что факт нахождения обоих в ссылке на Соловках в указанный период неоспорим (имеется даже совместное фото), ряд исследователей высказывают сомнения в том, что Михаил Польский слышал этот рассказ непосредственно от протоиерея, а не из «третьих уст». Тем не менее свидетельство это представляется достаточно интересным, чтобы привести его полностью. Вот что рассказывал Михаил Польский:

«В соловецком заключении был настоятель Тобольского кафедрального собора протоиерей о. Владимир Хлынов, который совершал службы для Государя и Его Семьи в губернаторском доме и был духовником Их Величеств.

По его свидетельству Государь сказал ему, между прочим:

— Я никак простить себе не могу, что я сдал власть. Я никогда не ожидал, что власть попадет к большевикам. Я думал, что сдаю власть народным представителям...

У отца протоиерея создалось убеждение, что это переживание было самым болезненным у Государя и по преимуществу преследовало его в дни заключения и может быть сознавалось им как какой-то грех, от тяжести которого он хотел избавиться²⁷.

Государыня тяжело болела другим. Ей было трудно простить несправедливость в отношении к ней. Ее мучило непонимание и клевета на нее общества.

— Все говорили про меня: немцы, немцы...

По мнению отца протоиерея, Государыню мучила мысль, что такое предубеждение против нее так и не рассеялось в русском обществе и восторжествовало²⁸.

Возвращаясь к дневникам, стоит привести еще один фрагмент, относящийся к марту 1917 г. Повествует он о первой неудавшейся попытке ареста старшей сестры императрицы, великой княгини Елизаветы Федоровны, настоятельницы женской Марфо-Мариинской обители, предпринятой по приказу Временного правительства через несколько дней после отречения императора под предлогом того, что она «немецкая шпионка» и «хранит в монастыре оружие». Елизавета Федоровна, всем сердцем преданная своему детищу,

Рис. 4. Портрет великой княгини Елизаветы Федоровны. Литография. Москва. 1913 г. (ИЗО ГИМ. 77002/14. и III 9802)

обители, созданной на ее средства после трагической гибели во время покушения в Кремле ее супруга, великого князя Сергея Александровича, отказывалась принимать во внимание угрожающую лично ей опасность. По словам де Бая, она говорила: «Мой муж был убит в Москве — но я осталась в ней, была объявлена война — и я осталась, разразилась революция и династия была отрешена от власти — а я все же остаюсь в Москве. Только лишь в том случае, если в Москву явится Вильгельм (которого она почитала за Антихриста) — я не задержусь здесь ни на одну минуту!»²⁹

Обратимся к записи от 11 марта 1917 г. «...От Временного правительства приходили за Великой Княгиней Елизаветой (рис. 4). Узнав об этом, она запретила свите ее сопровождать и вышла одна к делегатам от правительства. Те заявили, что имеют приказ на ее арест и просят ее пройти в автомобиль. Она ответила им: „Хорошо, я последую за вами, но позвольте мне сперва подняться в часовню, где идет служба, на которой я хотела бы присутствовать“. Искавшие ее пошли вместе с нею в часовню. Служба завершилась целованием креста, и Великая Княгиня сказала им: „Полагаю, что вы христиане и подойдете к кресту“, что они и сделали. Священник узнал среди них военных, которых он, будучи капелланом, знал во время войны с Японией. Он обратился к ним с напутственным словом, и они ушли восвояси, а Великая Княгиня осталась, что дало ей повод сказать сестрам после их ухода: „Очевидно, мы недостойны еще мученического венца“»³⁰. Прошло чуть больше года, и 7 мая 1918 г., на третий день после Пасхи, в день празднования Иверской иконы Божьей Матери, патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель милосердия и отслужил молебен. Через полчаса после отбытия патриарха Елизавету Федоровну арестовали чекисты и латышские стрелки по личному распоряжению

Ф.Э. Дзержинского. Патриарх Тихон пытался добиться ее освобождения, но тщетно — она была заключена под стражу и выслана из Москвы в Пермь, а затем в Екатеринбург и Алапаевск, где в ночь на 18 июля 1918 г. закончился ее земной путь.

С точки зрения обыденного здравого смысла сложно пытаться постичь логику праведников и святых или вновь и вновь подвергать пристрастному анализу внутренние мотивы поступков и причины рокового бездействия представителей правящей династии Романовых, меру их ответственности в вопросах, касающихся судьбы страны и своей собственной: почему не вняли советам умудренных жизненным опытом друзей Николай Александрович и Елизавета Федоровна? Окончательные ответы на эти непростые вопросы лежат не в прошлом и даже не в настоящем, а лишь в плоскости развернутой в будущее православной парадигмы.

Последние упоминания о Николае II встречаются на страницах дневника де Бая в июле 1918 г. (рис. 5). Это лаконичная запись:

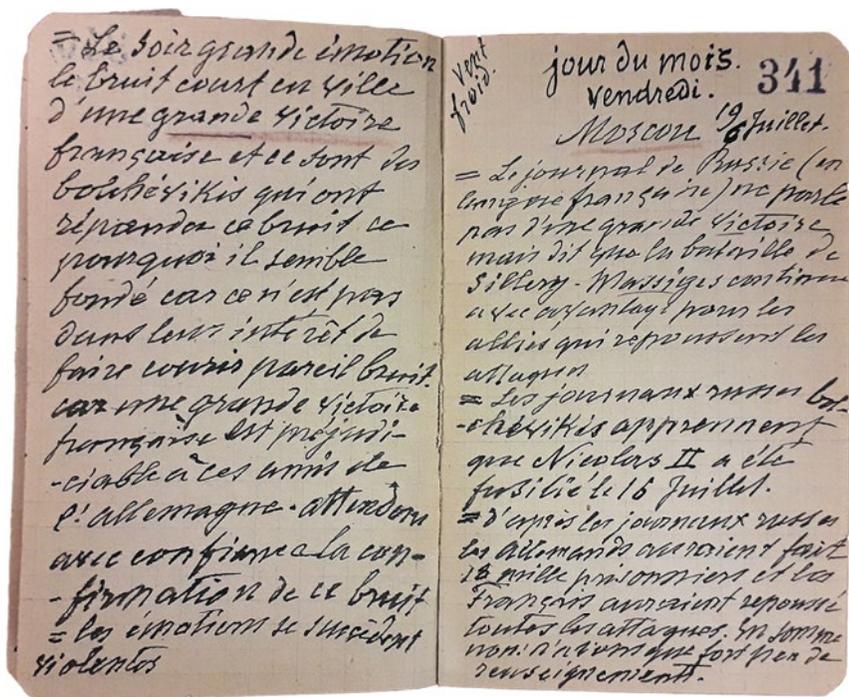

Рис. 5. Разворот дневника барона Жозефа де Бая с записью о расстреле императора Николая II. 19 июля 1918 г. (ОПИ ГИМ. Оп. 1. Ед. 102. Л. 340 об., 341)

«Русские газеты сообщают, что Николай II был расстрелян большевиками 16 июля»³¹. Несколькими днями позже автор приводит слухи о том, что Николай II перед расстрелом был подвергнут жестоким пыткам, подобным тем, которые немцы применяли к взятым в плен казакам во время войны³², и что Вильгельм (немецкий император Вильгельм II) якобы приказал Советам расстрелять своего родственника, после того как тот отверг предложенную ему помощь. «Казнь Николая II поразила многих, а между тем этого следовало ожидать. Те, кто совершили этот акт, казнили его без всякого суда. Печально, что в XX веке в Европе находятся люди, которые после отмены смертной казни без раздумий применяют ее... Они использовали в качестве претекста заговор, о котором ничего не известно, и приближение чехословаков. Это доказывает, что они боятся... Будут ли служить панихиды по Николаю II?»³³ Подводя итоги месяца, де Бай писал: «В этом июле истекает четвертый год войны и начинается пятый. Дай Бог, чтобы мы приблизились к Победе! <...> Этот месяц заканчивается тревожно, поскольку в Москве царит террор... Все взоры обращены на Запад в ожидании столь важной для России победы союзников. Взоры обращены и на Восток в ожидании того, что предпримут чехословаки, и на Север в надежде на действия англичан и тех, кто к ним примкнул. Состояние России показывает, к чему приводит гражданская война»³⁴.

А чехословацкими войсками, как и всеми силами Антанты, командовал его соотечественник генерал Морис Жанен. Он сокрушался о том, что не сумел ни убедить Николая Александровича покинуть вовремя Россию, ни предоставить ему необходимую защиту, но ему суждено было оказать последнюю, посмертную услугу семье Романовых. В 1918–1919 гг. Жанен, являясь монархистом, не сочувствовал белому движению, он не спешил поддерживать узурпаторов власти и принимать на себя ответственность за чудовищные преступления против мирного населения, творимые колчаковцами. В последний период своей «Сибирской эпопеи» (конец 1919 – начало 1920 г.) он, очевидно, тяготился незавидной ролью в чужой гражданской войне и стремился ограничить собственные задачи благополучной эвакуацией Чехословацкого корпуса в Европу.

Поэтому, когда к нему обратился генерал Диттерихс³⁵, Жанен сделал все от него зависящее для сохранения останков алапаевских мучеников, и именно он, руководствуясь чувством долга, взял

на себя сложную и ответственную задачу спасения материалов, добытых следователем Н.А. Соколовым³⁶ в Екатеринбурге, на месте гибели царской семьи. После формального отказа английских властей принять их он, не обращаясь к французскому правительству, на свой страх и риск, в частном порядке вывез чемоданы с материалами следственного дела во Францию, чтобы передать их затем по указанию великого князя Николая Николаевича русскому послу Михаилу Николаевичу Гирсу³⁷.

...Закончился июль 1918 г., и завершились дневниковые записи де Бая, сохранившиеся в собрании ГИМ. Впереди его ожидало еще много мытарств, прежде чем он смог наконец завершить свою миссию и вернуться на родину, во Францию³⁸. А в России остались друзья, остались собранные им обширные коллекции, включая материалы, предназначенные для музея, создававшегося к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года (так случилось, что эти собрания оказались востребованы на век позже)³⁹. Стараниями князя Николая Сергеевича Щербатова сохранился и такой ценный для нас источник, как дневники, заглянув в которые можно понять ход мыслей, мотивы поступков вынужденного изгнанника, а также сравнить и дополнить оценки, данные действующим лицам и событиям столетней давности, с нашими сегодняшними представлениями о них. Определяя задачи историка, Марк Блок писал: «Достаточно ли мы уверены в самих себе и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев? <...> история, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук — бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями... Когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно-белую картинку...»⁴⁰ И, говоря о преимуществах понимания над осуждением, подытожил: «Нам надо лучше понимать душу человека хотя бы для того, чтобы вести неизбежные битвы, а тем паче чтобы их избежать, пока еще есть время. При условии, что история откажется от замашек карающего архангела, она сумеет нам помочь излечиться от этого изъяна. Ведь история — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской»⁴¹.

- ¹ *Амур-Огюст-Луи-Жозеф Бертелло, барон де Бай* (Amour-Auguste-Louis-Joseph Berthelot, baron de Baye; 1853–1931) – Иосиф Августович де Бай, французский археолог и путешественник, президент Общества антикваров Франции (с 1906 г.), член Парижского географического общества, почетный член Уральского общества любителей естествознания, член Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года. Много раз посещал Россию, которую считал второй родиной.
- ² Дневники барона Жозефа де Бая за 1914–1918 гг. хранятся в собрании Исторического музея в составе архива князя Н.С. Щербатова (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 98–102).
- ³ *Николаева Е.Е.* Первая мировая война в дневниках и письмах барона Жозефа де Бая (по материалам ОПИ ГИМ) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 204. Забелинские научные чтения. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2017. С. 138–155; Октябрь 1917 года в Москве по дневникам барона Жозефа де Бая (из собрания ГИМ) // Великая российская революция. 1917. 100 лет изучения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.). М., 2017. С. 732–739; Революционные события 1917 г. в дневниках барона Жозефа де Бая из собрания Отдела письменных источников Исторического музея // Труды Государственного исторического музея. Вып. 213. Забелинские научные чтения. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2019. С. 356–383. О трагической судьбе семьи Шереметевых и их ближайшего окружения в дни революции и постреволюционный период см.: *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. М., 2006; *Смит Д.* Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М., 2018.
- ⁴ Выставка «Памяти последнего императора. Реликвии эмигрантского музея в Белграде» (12.07.2018–01.10.2018), авторы – научные сотрудники ОПИ ГИМ Н.К. Миско, А.И. Свиноаренко; выставка «Николай II. Семья и престол» (10.11.2018–15.04.2019), автор-составитель – научный сотрудник ИЗО ГИМ Е.А. Лукьянов; см. также: *Misko N., Falaleeva M.* The collection of the Tsar Nicholas II Museum in Belgrade within the state Historical Museum, Moscow // *The Last Romanovs archival and museum discoveries in Great Britain and Russia.* London, 2018. P. 95–103.
- ⁵ *Раймон Пуанкаре* (Raymond Poincaré; 1860–1934) – французский государственный деятель, президент Франции (1913–1920). Два раза приезжал в Россию с официальными визитами (в 1912 и 1914 гг.) по делам русско-французского союза. В первый свой визит (1912), будучи премьер-министром Франции, посетил в рамках культурной программы Исторический музей. Любопытно, что тогда же, по-видимому, произошло его знакомство с де Баем. Вот как описано это событие в мемуарах московского губернатора В.Ф. Джунковского: «Затем Пуанкаре проехал в Исторический музей и был встречен князем Н.С. Щербатовым и мною, как председателем исполнительной комиссии по устройству выставки 1812 г. Пуанкаре именно эту выставку и хотел посмотреть. Объяснения давал ба-

- рон де Бай — француз, который, состоя членом-соревнователем Комитета по устройству Музея 12 года в Москве, являлся вместе с тем и официальным корреспондентом для Франции. Благодаря его неутомимым трудам, он пробудил среди военных кругов и исторических кружков в Париже большой интерес к устраиваемому музею, последствием чего в музей поступило очень много предметов, гравюр, писем, коллекций эпохи войны 1812 г., любезно присланных соотечественниками барона де Бай. Ко времени посещения господином Пуанкаре музей представлял уже очень большой интерес и был довольно полон» (см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания: В 2 т. М., 1997. Т. I. С. 698—699).
- 6 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 22—26 об.
- 7 *Александр Александрович Мосолов (1854—1939)* — генерал-лейтенант, дипломат. В 1900—1916 гг. исполнял обязанности начальника канцелярии Министерства императорского двора под началом министра барона (с 1913 г. — графа) В.Б. Фредерикса; входил в близкое окружение императора Николая II. Автор неоднократно переиздававшихся воспоминаний «При дворе императора».
- 8 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 24.
- 9 Визит короля Саксонии Фридриха Августа III в Санкт-Петербург состоялся 6—9 (19—22) июня 1914 г.
- 10 Карл (Кáроль) Гогенцóллерн-Зигмáринген Румынский (Carol Hohenzollern-Sigmaringen; 1893—1953) — будущий король Румынии Карл II; внук в. к. Марии Александровны, единственной дочери российского императора Александра II, вышедшей замуж за герцога Альфреда Эдинбургского, второго сына королевы Виктории; это был единственный российско-английский брак за всю историю Российской империи.
- 11 Принц Кароль рассматривался в качестве возможного жениха в. к. Ольги Александровны, старшей дочери Николая II и Александры Федоровны. По мнению последнего министра иностранных дел Российской империи Н.Н. Покровского, несмотря на то, что, по-видимому, молодой человек не сумел снискать расположения ни одной из сестер, брак этот вполне мог быть заключен по окончании войны из династических соображений (см.: *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 197).
- 12 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 146—146 об.
- Событие это, благодаря стараниям супруги барона де Бая Мари и самого владельца замка, не затерялось на фоне поистине апокалиптических картин разрушений отдельных исторических памятников и целых городов во время Первой мировой войны, но нашло отклик на страницах французской и русской прессы и стало, по-видимому, известно членам русской императорской семьи. Наиболее чувствительный для хозяина ущерб был нанесен «реликвариуму» — своеобразному музею, устроенному в одном из помещений замка, где наряду с семейными реликвиями хранились ценные подарки, привезенные де Баем из России (см.: *Le pillage du château de Baye par un fils de Guillaume II.* Le Temps. 7 octobre 1914. P. 1. С. 6 en bas; *Николаева Е.Е.* Первая мировая война в дневниках и письмах барона Жо-

зефа де Бая (по материалам ОПИ ГИМ) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 204. Забелинские научные чтения. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2017. С. 138–155).

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 35–43 об., 152, 241–243.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 43 об. — 44.

Приводя в своем дневнике этот отрывок, де Бай уклончиво ссылается на слова одного «очень осведомленного лица». Остается неизвестным, кто именно поведал ему о происшествии во дворце, но этот эпизод с небольшими вариациями приводит в своих дневниковых записях и французский посол Морис Палеолог, у которого было много источников информации, в том числе и в непосредственном окружении русской императорской семьи. «Я восстановил этот эпизод благодаря конфиденциальным сведениям, полученным несколько дней спустя от великой княгини Марии Павловны и великого князя Павла Александровича... Что касается последних слов, в которых я сомневался (в версии, рассказанной Палеологу, отчаявшись быть услышанной, Елизавета Федоровна позволила себе напоследок напомнить младшей сестре о плачевной участи французского короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты. — Е.Н.), я нашел им подтверждение у графини Олсуфьевой (Александра Андреевна Олсуфьева — гофмейстерина великой княгини), которая слышала их напрямую от Елизаветы Федоровны» (см.: *Paléologue M. Au portes du jugement dernier*. Paris, 1940. P. 172–173; перевод Е.Н.).

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 150–151.

В связи с этими обвинениями интересно свидетельство английского посла Джорджа Бьюкенена о разговоре с А.Ф. Керенским по поводу Александры Федоровны. «Сам Керенский однажды сказал мне, что не было найдено ни одного компрометирующего документа, который свидетельствовал бы о том, что либо она, либо император когда-либо задумывались о заключении сепаратного мира с Германией. Он сказал, что после революции он имел продолжительную беседу с императрицей, во время которой ее величество с негодованием отвергла всякую мысль о том, что она действовала в интересах Германии. „Я англичанка, а не немка, — заявила она, — и я всегда была верна России“» (см.: *Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918*. М., 2006. С. 256).

¹⁶ Морис Жанэн (*фр.* Pierre-Thiébaud-Charles-Maurice Janin; 1862–1946) — французский военный деятель и дипломат, участник Гражданской войны в России. Подробнее о деятельности французских военных миссий в России см.: *Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны // Великая война 1914–1918*. М., 2013. Вып. 3. С. 33–41; *Beneteau A. Suivre les interets francais en plein chaos revolutionnaire. Etude des attaches militaires en Russie*. 1916–1920. Paris, 1918. № 47. P. 61–72.

¹⁷ О бывших союзниках, например, он отзывался так: «В общем, та же картина... Реакционные идеи, злоба. Мы выбрались из каши после того, как нам изменили русские, а они сами остались в ней сидеть. Наконец, восхищение немцами, которые их разбили... Я давно, еще в России, говорил,

что за исключением отдельных лиц, из которых многих, как, например, бедного Николая II, нет уже в живых, все русские — неблагоприятные создания...» А о представителях правительства адмирала Колчака — еще резче, как о «сборище пройдох, спекулянтов и грубых реакционеров, собравшихся в Омске и представивших прежнюю Россию» (*Жанен М.* Отрывки из моего сибирского дневника // *Сибирские огни.* 2019. № 7. С. 135, 147). Впервые эти отрывки из дневника М. Жанена были опубликованы в парижском журнале «*Le monde slave*» («Славянский мир»), № 12 (1924) и № 3, 4 (1925). Об участии союзников в Гражданской войне см. также: *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918—1922. Впечатления очевидца. Paris, 1985; *Грондейс Л.* Война в России и Сибири. М., 2018; *Billebeau J.* Le général Janin dans la tourmente sibérienne 1918—1920 // *Revue historique des armées.* Paris. № 186 (1/1992).

- 18 Генерал М. Жанен, как и все главы военных миссий, обедал за одним столом с императором, обсуждал с ним на досуге кампании Цезаря, а Николай II открыто называл его своим другом. Наследник Алексей, ровесник младшего сына генерала, подружился с ним и звал в шутку «папá».
- 19 «Пусть они по крайней мере узнают теперь, что я о них думаю. Вспомнить только Николая II и его семью. Они не интриговали с бошами, и тем не менее для их спасения ничего не было сделано. Посланные отрицательно отнеслись к нашим попыткам спасти их в Могилеве» (см.: *Жанен М.* Отрывки... С. 143). Давая в 1920 г. объяснения Роже Могра, исполняющему обязанности французского верховного комиссара Сибири по поводу обстоятельств фактической выдачи Колчака пробольшевистскому иркутскому правительству, Жанен писал: «Адмирал был передан комиссарам временного правительства так же, как это было сделано с царём, которого французский посол мне персонально запретил защищать» (цит. по: *Мультипули П.В.* Николай II: Дорога на Голгофу. М., 2010. С. 73—74). Подтверждением тому факту, что французские правящие круги отстранились от судьбы свергнутого императора, является сообщение, отправленное в Париж самим французским послом Морисом Палеологом: «Секретно. 21 марта 1917 года. Руководители военных миссий при русской Ставке заявили о готовности сопровождать императора в Царское Село, желая оказать ему тем самым услугу и защиту. Я приказал генералу Жанену не покидать Могилёва» (цит. по: *Мультипули П.В.* Николай II... С. 73—74).
- 20 3 марта 1917 г. отрекшийся от престола Николай Александрович вернулся в Могилев, чтобы увидеться с матерью, императрицей Марией Федоровной, и попрощаться с главами военных миссий. Город встретил его красными флагами и «Марсельезой»...
- 21 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 194 об. — 195 об. Перевод Е.Н.
- 22 *Général Maurice Janin.* En mission dans la Russie en guerre. 1916—1917. Paris, 2015. P. 119—120.

Во время Кронштадтского восстания 1906 г. министр иностранных дел А.П. Извольский, прибывший с докладом на виллу в Петергоф, нарушив этикет, спросил у государя, как он может быть так спокоен в тот момент, когда на карту поставлена судьба династии? Император, подняв на него

глаза, ответил: «Если вы меня видите столь спокойным, то это потому, что я имею твердую и полную уверенность, что судьба России, точно так же как судьба моя и моей семьи, находится в руках Бога, который поставил меня на мое место. Что бы ни случилось, я склонюсь перед Его волей с сознанием того, что у меня никогда не было иной мысли, как только служить стране, управление которой Он мне вверил» (см.: *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 133).

- ²³ Известно, что император Николай II неоднократно устно и письменно возвращался к мысли о том, что ему, рожденному в день святого праведного Иова многострадального, уготована тяжелая участь. В разговоре с премьер-министром П.А. Столыпиным, состоявшемся в 1909 г., он признался: «...Поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей награды здесь, на земле...» (цит. по: *Палеолог М.* Дневник французского посла. М., 2018. С. 82). Члены императорской семьи и многие высшие сановники при дворе знали, что одна из основных черт характера государя — мистическая покорность судьбе. Возлагая на себя в августе 1915 г. функции главнокомандующего, он сказал французскому послу: «Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия!» (см.: *Paléologue M. Guillaume et Nicolas II.* Paris, 1935. P. 230; перевод Е.Н.).
- ²⁴ Подробнее об этом см.: *Мельник-Боткина Т.* Воспоминания о царской семье. М., 2004. С. 88–96.
- ²⁵ Владимир Александрович Хлынов (1875–1932) — уроженец Екатеринбургa, кандидат богословия, клирик Тобольской епархии, протоиерей. С 5 июля 1917 г. — настоятель Тобольского кафедрального собора. После отстранения настоятеля Благовещенского храма о. Алексия Васильева совершал службы для царской семьи, находившейся в заключении в Тобольском губернаторском доме, и был их последним духовником. Находился на Соловках в 1920-х гг., во время пребывания там о. Михаила Польского, где рассказывал ему о царской семье. После освобождения вернулся в Тюмень, служил в церкви Пророка Божия Илии. Арестован в 1930 г. Осужден в 1932 г. как член организации «Союз Спасения России» и приговорен к двум годам ссылки в Северный край. Как удалось недавно выяснить, скончался протоиерей Владимир Хлынов 10 августа 1932 г. в заточении, в Среднеазиатском лагере под Ташкентом. Реабилитирован посмертно прокуратурой Тюменской области 12 января 1990 г. (см.: *Канков К.Г.* Последний духовник императора Николая II и его семьи: тобольский протоиерей Владимир Хлынов. М.; Тобольск, 2018).
- ²⁶ Михаил Афанасьевич Польский (1891–1960) — священнослужитель Русской православной церкви за границей, протопресвитер, богослов, публицист. В 1923 г. арестован за борьбу с обновленчеством и четыре с половиной месяца провел в Бутырской тюрьме. Затем отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Подробности ареста и пребывания на Соловках описаны в его «Очерке бежавшего из России священника». В марте 1930 г. нелегально пересек советско-персидскую границу. При побеге

из России взял с собой сведения о пострадавших священнослужителях, которые позднее использовал в своих сочинениях.

²⁷ Включив в свою книгу о новомучениках свидетельство о. В. Хлынова, М. Польский предварил его собственными размышлениями: «Пребывание в Тобольске было временем, видимо, особых нравственных терзаний государя. Государь выразил сожаление о своем отречении, которое он сделал в надежде, что пожелавшие его удаления окажутся способными победоносно закончить войну и спасти Россию. Но за его уходом последовал большевизм, развал армии и разращение страны. Он страдал теперь при виде того, что его самоотречение во избежание внутренних волнений во время войны оказалось бесполезным и что он, руководствуясь лишь благом своей родины, на самом деле оказал ей плохую услугу своим уходом. Эта мысль преследовала его и причиняла ему тяжкие страдания» (см.: *Польский М. Новые мученики российские. Джорданвилль / Репр. воспроизведение изд. 1949 г. М., 1993. Т. 1. С. 246–247*).

²⁸ Там же.

²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 41. Перевод Е.Н.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 186–186 об. Перевод Е.Н.

Помимо свидетельства де Бая это событие нашло отражение в других источниках (оно включено, например, в жизнеописание в.к. Елизаветы, составленное М. Польским). Все они примерно одинаково передают суть происшествия, существенно разнясь в деталях. Интересна личность священника, пользовавшегося в 1917 г. таким уважением среди бывших солдат и офицеров русской армии, что они посчитали невозможным исполнить данный им приказ. Это был известный в Орле батюшка о. Митрофан Сребрянский (в монашестве Сергей; 1870–1948). В молодости он отошел от церкви, увлекшись народничеством, затем принял сан, был назначен настоятелем Покровского храма 51-го драгунского Черниговского полка в Орле. В чине капеллана участвовал со своим полком, шефом которого являлась в.к. Елизавета Федоровна, в боях в Маньчжурии во время Русско-японской войны. Автор «Дневника полкового священника», издававшегося с февраля 1905 г. в «Вестнике военного духовенства», а затем вышедшего отдельной книгой. Не желая перебираться в Москву и покидать своих прихожан, хотел отклонить просьбу в.к. Елизаветы, которой был представлен еще в 1903 г. во время торжеств по случаю прославления св. Серафима Саровского, окормлять создаваемую ее трудами Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Позже, убедившись в богоугодности этого начинания, принял предложение. Стал ближайшим сподвижником в.к. Елизаветы, духовником сестер обители и ее самой. Пережив революцию, коллективизацию, аресты, ссылку, Русско-японскую, Гражданскую и Великую Отечественную войны, скончался 5 апреля (23 марта ст.ст.) 1948 г., в маленькой деревне Владычня под Тверью. В сентябре 1999 г. причислен Русской православной церковью к местночтимым святым Тверской епархии, а в августе 2000 г. канонизирован на Юбилейном архиерейском соборе Русской православной церкви в лике святых новомучеников и исповедников Российских (см.: *Мищенко А.К. Материалы из жизни отца*

Митрофана Сребрянского // Сборник Орловского церковного историко-археологического общества. № 1 (4). Орел, 1999. С. 100–110).

31 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 350.

32 Там же. Л. 39 об.

33 Там же. Л. 360, 361, 367 об. Перевод Е.Н.

34 Там же. Л. 368–369. Перевод Е.Н.

35 Диттерихс Михаил Константинович (1874–1937) – русский генерал чешского происхождения. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения на Дальнем Востоке. Подарил М. Жанену на прощание маленький образок св. Николая Чудотворца, полученный от императрицы Александры Федоровны.

36 Соколов Николай Алексеевич (1882–1924) – юрист, до Октябрьской революции – следователь по особо важным делам. Расследовал дела о расстреле царской семьи и гибели алапаевских мучеников. Первое время М. Жанен контактировал с ним при посредстве сотрудника французской миссии Пьера Жильяра (Pierre Gilliard; 1879–1962), бывшего наставника цесаревича Алексея, автора ряда книг мемуарного характера (Тобольский дневник Пьера Жильяра, воспитателя Цесаревича (январь–май 1918 года). М., 2018; Император Николай II и его семья. М., 1991; Трагическая судьба русской императорской фамилии. Ревель, 1921 и др.).

37 Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) – старейший на тот момент русский дипломат в эмиграции, бывший советник русского посольства в Париже, посол в Константинополе и Риме, тайный советник, гофмейстер.

«Я был рад, что имею возможность доказать, что французы и в беде остаются верными друзьями», – написал Жанен в своем дневнике и добавил: «Когда я вспоминаю, что узнал членов [императорской семьи] во время торжественной встречи в 1896 году, мне представляется горьким примером тщетности дел человеческих видеть, что от них остались лишь эти жалкие останки, путешествующие по свету под охраной иностранца с сердцем более верным, чем у многих из их близких, чтобы вернуться во Францию, где их приветствовали когда-то с таким энтузиазмом (см.: Général Maurice Janin. En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris, 1915. P. 253, 261; перевод Е.Н.) <...> и не знать, обрели ли они после всех споров и разногласий приют, достойный их несчастья» (см.: Général Janin. Ma Mission en Sibérie, 1918–1920. Paris, 1933. P. 305; перевод Е.Н.).

38 Сохранилась выписка из его дневника за август 1918 г. с рассказом об аресте, сделанная князем Н.С. Щербатовым (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 101–103 об.).

39 Филиал ГИМ – «Музей Отечественной войны 1812 года» был открыт 4 сентября 2012 г.

40 Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 77.

41 Там же. С. 79.

И.Л. Журавская

Записки князя Николая Васильевича Ухтомского

В отделе Письменных источников ГИМ, хранится любопытная, рукописная тетрадь с биографическими записками Н.В. Ухтомского, не попадавшими до сих пор в поле зрения историков. Их автор князь Николай Васильевич Ухтомский (1805–1870), представитель древнего княжеского рода, рыбинский помещик, капитан, участник Польской кампании 1830–1831 гг. и ополчения 1855–1856 гг.

Род князей Ухтомских, ведущий начало от Рюрика, оставил заметный след в отечественной истории. Из него вышли воеводы, стольники, дипломаты, политики, ученые. В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина есть упоминание о том, как во время Казанского похода 1469 г. в «достопамятной» битве с войском татарского хана Ибрагима, отличился воевода князь Василий Ухтомский. «Одoleвая многочисленность врага храбростию, сцеплялся с Ибрагимовыми судами, разил неприятелей ослопом и топил их в реке»¹. Этому же сюжету посвящена картина А.П. Рябушкина «Князь Ухтомский Василий в битве с татарами на Волге», хранящаяся в Третьяковской галерее.

В Елизаветинскую эпоху большую известность приобрел архитектор Дмитрий Васильевич Ухтомский (1719–1774), с именем которого связано строительство Красных ворот в Москве, а также знаменитой колокольни Троице-Сергиевской Лавры. В 1749 г. Ухтомский основал в Москве первую в России архитектурную школу, в которой обучались многие будущие известные архитекторы, в том числе Матвей Казаков.

Заметный след в отечественной науке и культуре оставил князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921), дипломат, ученый востоковед, коллекционер, публицист, переводчик, автор знаменитого

трехтомного труда «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», изданного в 1893—1895 гг. Богатейшая коллекция буддийских ценностей, собранная Э.Э. Ухтомским, составляет важную часть восточной коллекции Эрмитажа и других музеев Санкт-Петербурга.

Среди известных представителей рода князей Ухтомских почетное место занимает советский академик Алексей Алексеевич Ухтомский (1875—1942), ученый с мировым именем, крупный физиолог, создатель учения о доминанте. Интересно отметить, что именно он являлся последним владельцем рукописной тетради Н.В. Ухтомского².

Николай Васильевич Ухтомский не относился к выдающимся представителям своего древнего княжеского рода. Как и все его предки, он честно служил царю и отечеству, участвовал в Польской кампании 1830—1831 гг., в чине капитана вышел в отставку, жил в своем поместье, вел хозяйство, занимался общественной деятельностью, был судьей, мировым посредником, в годы Крымской войны 1853—1856 гг. ушел в ополчение. В литературе имя князя Н.В. Ухтомского чаще всего упоминается в связи с биографией его прославленного внука академика А.А. Ухтомского. Записки Николая Васильевича не только добавляют некоторые подробности к биографиям членов его семьи, но содержат много любопытных деталей о военных событиях, в которых ему довелось участвовать, а также о жизни и быте провинциального дворянства середины XIX в.

В фондах Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника хранится «Полный христианский месяцеслов», изданный в 1801 г. с рукописными записями его владельцев, касающимися главных семейных событий. Эти записи начал делать отец Николая Васильевича, князь Василий Иванович Ухтомский, а продолжали и он сам, и его потомки — вплоть до начала XX в.³. Получилась краткая семейная хроника рыбинской ветви рода Ухтомских, начиная со второй половины XVIII в.

Возможно, что этот месяцеслов натолкнул Николая Васильевича на мысль составить более подробную семейную летопись и свое жизнеописание. Он много раз принимался за записи, однако вскоре бросал начатое, «будучи нетерпеливого характера и имея различные развлечения»⁴. Наконец 14 сентября 1831 г., двадцатипятилетний князь «взялся за перо с решительными намерениями

начать с тем, чтобы непременно кончить». Завершил он свои записки в 1864 г., исписав большую часть тетради, сшитую из 128-ми листов добротной бумаги, со штемпелем «высочайше утвержденной компании угличской фабрики».

Начав составлять свое жизнеописание, Николай Васильевич не мог не коснуться истории своего рода, которым, несомненно, гордились все Ухтомские. Подробно своей генеалогией Николаю Васильевичу поневоле пришлось заняться после запроса Герольдии «о подтверждении принадлежности его к «древнему княжескому роду Ухтомских, получившему свое начало от Рюрика и Владимира Мономаха». По этому поводу князь записал: «Я не знал, что делать, мне и в голову не приходило подымать такую старину, да и не считал для себя это необходимым. Но делать нечего пришлось доискиваться о своей родословной в Москве в Вотчинном департаменте, и в Ярославле в Духовной консистории, и в Дворянском депутатском собрании».

Князья Ухтомские являлись прямыми потомками Юрия Долгорукова и Всеволода III Большое Гнездо и принадлежали к одной из ветвей удельных князей Белозерских. Первый Белозерский князь Глеб Василькович Белозерский (1237–1278), князь Ростовский принадлежал к двенадцатому колену древнего рода, ведшему свое происхождение от Рюрика. Он был женат на татарской княжне из рода Чингисхана, через которую все Ухтомские наследовали татарскую кровь. В Общем гербовнике дворянских родов под изображением родового герба князей Ухтомских записано: «В родословной князей Белозерских, находящейся в Бархатной книге и других родословных, показано, что правнук великого Князя Владимира Святославовича, крестившего Русскую землю, Великий Князь Всеволод Юрьевич [Большое гнездо] посади сына своего Князя Константина на княжение в Ростове. Сын сего Князя Константина Князь Василий имел сына Князя Глеба и посади его на удел на Бело-Озере. У правнука оного Князя Глеба Васильевича, Князя Василия Романовича был внук Иван Иванович Ухтомский, коего потомки Князья Ухтомские многие, как Российская История показывает, служили престолу Стольниками и в иных знатных чинах и пожалованы были от Государей поместьями и другими знаками Монарших милостей»⁵.

Ухтомские принадлежали к одной из ветвей князей Белозерских. Князь Иван Иванович (XVII колено от Рюрика) получил свое

фамильное прозвание от земель на реке Ухтоме, которыми владел. В гербе князей Ухтомских, как потомков Белозерских удельных князей, были использованы древние эмблемы Белозерского княжества, две серебряные рыбы, серебряный месяц, золотой крест (эта эмблема восходит к титулярнику Алексея Михайловича).

В «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи...» о гербе князей Ухтомских написано: «В щите, имеющем голубое поле, изображены: золотой крест, под ним серебряная луна, рогами вверх обращенная, а в нижней части щита две серебряные рыбы, плавающие крестообразно в реке. Щит покрыт мантией и шапкою, принадлежащими княжескому достоинству»⁶ (рис. 1).

Непривычные для князя хлопоты по доказательству своей принадлежности к знаменитому роду увенчались успехом. 17 марта 1848 г. был получен «Указ его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Герольдии Ярославскому Дворянскому Депутатскому Собранию». В нем говорилось, что «Герольдия, слушав дело о дворянстве рода Князей Ухтомских», подтвердила правильность определения Ярославского Дворянского Депутатского Собрания, принятые в 1816, 1836 и 1847 гг. о внесении «Гвардии Подпоручика Князя Василия Ухтомского с сыном Николаем (капитаном) и дочерью Параскевою, а также детей Капитана Князя Николая Васильева Ухтомского..., в 5-ю часть родословной книги» и утверждала их»⁷.

Получив это подтверждение из Герольдии, князь Николай Васильевич успокоился после пережитых волнений и хлопот. «Это меня и княгиню совершенно успокоило, — констатировал он, — и тогда весело было разглядывать стоящую у меня в кабинете картину Родословное древо, подаренное мне из сельца Семеновское после почтеннейшего князя Петра Дмитриевича Ухтомского⁸, где покоится под ветвями своих потомков Василий Константинович Ростовский князь, сын великого князя Константина Всеволодовича Мудрого, владычествовавшего на Российском престоле в 1213 году»⁹. О Глебе Васильковиче, первом Белозерском удельном князе, и Константине Всеволодовиче, старшем сыне Всеволода Большое Гнездо уже шла речь выше. Необходимо лишь добавить, что Константин Всеволодович, старший сын Всеволода Большое Гнездо, живший в 1186—1218 гг., последовательно был князем Новгородским, Ростовским и, наконец, в 1216—1218 гг. великим князем Владимирским. Его называли Мудрым за владение языками, любовь к книгам

Рис. 1. Герб рода князей Ухтомских. По кн.: «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году». Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1799–1840. Ч. IV. С. 3.

и искусствам. Своему старшему сыну Василько Константиновичу (1209–1238) он передал в удел Ростовское княжество. По отзывам летописца, князь Василько, был умен и хитер, «паче меры храбр», любим своей дружиной и жителями Ростова. С его именем связано завершение строительства в Ростове Успенского собора, освященного в 1230 г. В 1238 г. князь Василько попал в плен к татарам, отказался принять присягу хану, и был убит. Русская православная церковь причислила его к лику святых и почитает как мученика.

Потомок древнего княжеского рода Николай Васильевич Ухтомский родился 28 апреля 1805 г. в родовой усадьбе Вослома¹⁰, принадлежавшей еще его прапрадеду. «Первое впечатление, – вспоми-

нает он, — врезавшееся в моей памяти, есть нашествие Французов на Москву в 1812 году; также, что родительница моя Княгиня Екатерина Егоровна¹¹, имевшая полное уважение от всех своих знакомых и составлявшая счастье супруга, детей и домашних, после тяжелой болезни еще во цвете лет в 1813 году навсегда оставила сиротами: меня и сестру мою Парасковью старшую пятью годами¹². Когда князю Николаю исполнилось 10 лет, его отец, отставной подпоручик Василий Иванович Ухтомский (1864—1826), отдал сына в пансион при Ярославском Демидовском высших наук училище. Училище было основано в 1803 г. на деньги одного из представителей прославленной династии основателей горнозаводской промышленности на Урале, ученого натуралиста, действительного статского советника Павла Григорьевича Демидова (1738—1821).

Пансион предполагал 3 года обучения. Режим пансионеров был характерным для закрытых учреждений того времени. Вставали пансионеры в 6 часов утра, в 8 часов — чай, к которому им подавался белый хлеб; в 12.30 — обед, состоящий «из 5 вкусных и здоровых» блюд; ужинали в 8.30, в 9 часов — отбой. При пансионерах «неотлучно» находились надзиратели. Окончившие курс успешно, производились в студенты и принимались к слушанию лекций в Демидовском высших наук училище¹³.

Демидовское училище являлось высшим учебным заведением, по статусу близким к университету. В высочайших указах говорилось, что «аттестаты Ярославского училища высших наук имеют равную силу с аттестатами университетов»¹⁴. Современный Ярославский государственный университет, также носящий имя П.Г. Демидова, считается его преемником. В училище преподавали словесность философию, естественное и народное право, математику, историю, химию, политическую экономию и финансы, а также новые языки, рисование и танцы, фехтование и музыку.

Однако, Николай Васильевич, закончивший училище в 1821 г «действительным студентом», не слишком лицеприятно отзывался о нем: «Демидовское училище — заведение весьма незавидное, и откровенно скажу, что там поучиться основательно ничему было невозможно по той причине, что учили всему понемножку»¹⁵. Необходимо отметить, что понятие «действительный студент», существовавшее в России в XIX в. (до 1835 года), означало ученую степень, которая присваивалась лицам, окончившим университет без отличия, т. е. студентам, успешно выдержавшим экзамены,

но не набравшим нужного количества баллов для получения следующей более высокой ученой степени — кандидата. Тем не менее, все выпускники Демидовского училища в случае поступления на военную службу имели право, через шесть месяцев нахождения в нижних чинах, быть произведенным в офицеры, «хотя бы в полках, куда они приняты, на тот раз не было вакансий»¹⁶. Отец хотел определить сына в Преображенский полк, где служил он сам и его предки, однако Николай Васильевич убедил его позволить определиться в какой-нибудь армейский полк, объясняя свое нежелание служить в гвардии недостатком в своем светском воспитании.

Итак, расставшись с родной Восломой, в 1822 г. он «пустился в океан света» и начал свое воинское поприще в Малороссийском гренадерском полку, квартировавшем в Тульской губернии в г. Одоев. Обладая крепким телосложением, высоким ростом — 9 вершков (более 180 см) и, судя по всему, легким характером, молодой князь, «был очень счастлив расположением, как полкового командира, так и господ офицеров и с совершенным удовольствием исполнял фронтную службу». 23 сентября 1822 г. сразу же после производства в офицеры он отправился в отпуск в Вослому, «чтобы утешить родителя новым своим чином»¹⁷ (рис. 2).

Тем временем военная служба князя продолжалась. В 1826 г. Малороссийский гренадерский полк, в который он поступил, был переименован и стал называться Гренадерским фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского. В 1827 г. он получил назначение бригадного адъютанта 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии. Его служба проходила в Москве, Нарве, Петербурге, куда бригада был переведен в начале 1828 г. «по случаю выступления гвардии в турецкий поход».

В это время Николай Васильевич был уже женат. Со своей будущей супругой он познакомился в 1824 г., когда ему было 19 лет, ей — меньше 15. В своей тетради князь-романтик записал: «Она была для меня каким-то небесным явлением. Я не мог смотреть ей прямо в темно-голубые глаза, обрамленные черными длинными ресницами, которые поражали меня лучом ярчайшим самого солнца»¹⁸. Избранницу князя звали Елизавета Алексеевна Наумова. Женившись, он счастливо прожил с ней всю жизнь.

Молодая супруга первое время сопровождала князя, но после рождения в мае 1828 г. первенца, сына Николая, и вслед за этим — в июле 1829 г. Александра, молодая княгиня с двумя сыновьями

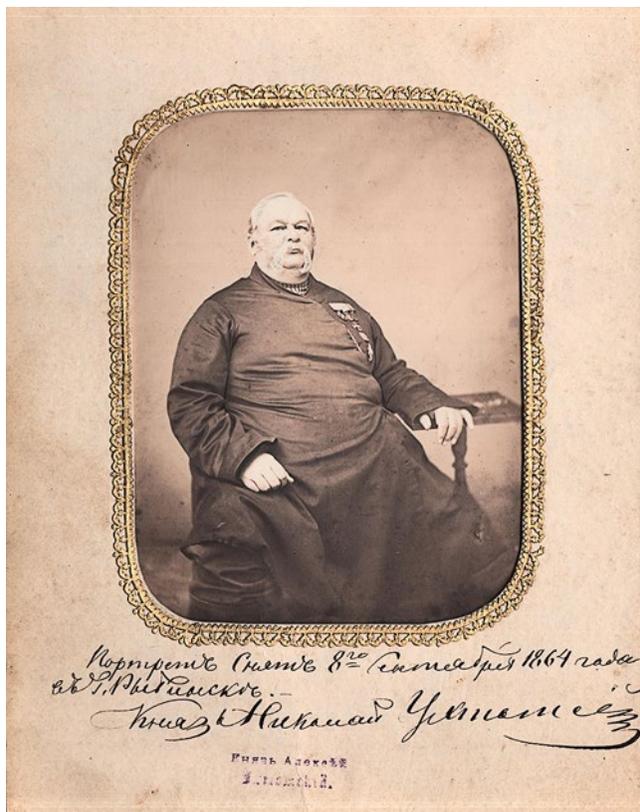

Рис. 2. Князь Н.В. Ухтомский. Рыбинск. 8 сентября 1864 г. Фотография. ОПИ ГИМ. Ф. 92. Д. 108

уехала в Вослomu. Николай Васильевич, уже штаб-капитан и ротный командир, «желая, быть неразлучным с семейством», принял решение в сентябре 1830 г. подать прошение об отставке. В октябре, в виду скорого рождения следующего ребенка, и «по особенному вниманию начальства», он получил отпуск и уехал в Вослomu, где и собирался дожидаться решения о своей отставке. Однако в ноябре 1830 г. в Польше началось восстание, которое переросло в полномасштабные военные действия. В таких условиях отставка была невозможна.

В начале января 1831 г., благословив новорожденную дочь Екатерину, простившись с родными, Николай Ухтомский покинул Вослomu. Он нагонял свой полк, который в составе 3-й гренадерской

дивизии, должен был быть переброшен на территорию Польши. По дороге князь был задержан на 14 дней под Можайском по случаю холерного карантина, и вынужден был провести две недели в Колоцком монастыре. Затем он вновь отправился в путь. Подъезжая к Виленской заставе, с удивлением узнал, что его полк оставлен в Вильно для несения здесь караульной службы. В Виленской губернии в то время было крайне неспокойно — шла активная подготовка к восстанию. Повстанцы захватили уже несколько городов, их главной целью была столица бывшего Великого княжества Литовского. Прибыв в Вильно 25 января 1831 г., штабс-капитан Ухтомский отметил, что «весь город находился в положении весьма близком ко всеобщему восстанию». В течение двух последующих месяцев он находился в Вильно в составе своей части в постоянном напряжении, «будучи всякую минуту готовым действовать против неприятелей»¹⁹.

С обострением ситуации в Виленской и Гродненской губерниях на пост военного губернатора этих областей был назначен бывший начальник 3-й гренадерской дивизии, герой Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант Матвей Евграфович Храповицкий. Князь Николай Ухтомский, служивший под началом Храповицкого с 1822 г., всегда отмечал расположение к себе прославленного генерала. В марте 1831 г., когда Малороссийский полк был направлен на театр военных действий на территорию Польши и готовился выступить из Вильно, Храповицкий оставил штабс-капитана Ухтомского при себе адъютантом «по особым поручениям и для занятия в секретной своей канцелярии». Сдав командование ротой, Николай Васильевич, «не без горести расстался с полком и поселился в Вильно»²⁰, оставаясь в должности плац-адъютанта при военном губернаторе генерале Храповицком.

«Март и апрель были ужасны в этом городе, — отметил князь Ухтомский, — войска почти не было, а кругом множество мятежников и, ежели бы не прибыл сюда сборно-линейный казачий полк под командованием полковника [П.С. Верзилина], то, конечно, Вильна не была бы спасена от нападения бунтовщиков»²¹. Скучая по семье, князь часто писал в Вослому. По его словам, с 1 мая по 6 декабря по виленской почте им было отправлено 35 писем домой. Три из них, с описанием происходивших в это время событий, он приводит в своих записках. Так 7 июня, в Троицын день, Николай Васильевич наблюдал за тем, как везут раненых с места битвы, быв-

шей в этот день в 12-ти верстах к западу от Вильно на Понарских высотах. В ходе этого сражения отряд генерала Д.Е. Остен-Сакена нанес поражение польскому корпусу Гельгуда. «С некоторого времени, — объясняет ситуацию Николай Васильевич, — небольшая часть регулярных войск прокрались из Польши в Виленскую губернию и, присоединив возмущившихся здешних жителей, имели и имеют намерение атаковать и взять Вильно, но верно, не удастся их покушение, и окрестности Вильно будут их могилою». «Насчет меня будь покойна, — успокаивает он жену, — я хотя бы и желал быть поближе к сражающимся, но нельзя, в канцелярии так много дела, что некогда и со стула встать»²².

4 сентября Николай Васильевич пишет о пушечных выстрелах, которыми русская армия известила жителей Вильно о взятии 26 августа 1831 г. Варшавы, «главного города их сообщников». В этом письме звучат пафос победителя: «Так, друг мой Лиза, Варшава взята штурмом после двухдневной битвы, тридцать тысяч мятежников положили оружие к ногам храбрых русских воинов, которые вошли в столицу врагов своих как полчища ангелов: сильны, смертоносны в бою, но кротки и благотворительны по окончании одного ...»²³.

В сентябре, когда военные действия с Польшей близились к концу, Н. Ухтомский вновь вернулся к вопросу об отставке. Выразив свое желание Матвею Евграфовичу Храповицкому, князь получил неожиданный для себя комплимент, о чем он не замедлил написать жене: «Генерал мне на это отвечал, что он бы не советовал выходить и уверен, что кто из начальников меня узнает, так не расстанется». Долгожданную отставку Николай Васильевич получил в декабре 1831 г. С этого времени начался новый этап его жизни.

Вернувшись на родину, Николай Васильевич Ухтомский сразу же был вовлечен в бурную общественную жизнь рыбинского дворянства с его собраниями, выборами, неизбежными интригами и прочее. «В половине 1832 года, — записал князь, — начались предварительные толки о предстоящих дворянских выборах, и меня многие стали склонять идти в должность Рыбинского исправника, дававшую, как утверждали люди опытные, безгрешного дохода до шести тысяч рублей серебром»²⁴. Необходимо отметить, что ежемесячное жалованье штабс-капитана в то время составляло порядка 70 рублей, т. е. 840 рублей в год. Таким образом, сумма в 6000 рублей могла бы быть очень привлекательной для отставного

военного и помещика средней руки, получавшего оброка не более 1,5 тысячи рублей. Однако Николай Васильевич, «имея, — как он отметил, — всегдашнее отвращение от взяток» от предлагаемой должности «решительно отказался». В свою защиту ему пришлось даже представить письмо от М.Е. Храповицкого, вновь назначенного в это время командующим Гренадерским корпусом, с предложением быть его адъютантом. Но в том же 1832 г. князь Ухтомский выдвинул свою кандидатуру на должность уездного судьи, который выбирался дворянским собранием сроком на три года.

Эти выборы дали Николаю Васильевичу полезный жизненный опыт. «...Дворянские выборы, — отметил он, — это, можно сказать, отличный предмет для драматических писателей. Тут можно очень хорошо вникнуть в характеры и бесхарактерность людей, высокомерие и низость заметны почти на всяком шагу, и, к счастью, насмотревшись в Вильно на лицемерие и гибкость людей, являвшихся в дом военного губернатора, я мог принять все меры предосторожности от легковерия и опрометчивости в этом представившемся мне новом поприще гражданского быта»²⁵. Новичок, пока не искушенный в перипетиях жизни губернского дворянства, он с удивлением наблюдал за поведением на выборах даже близких знакомых, и отмечал: «Везде партии, везде шепот, но еще всего ужаснее: те же партии, те же доверенные особы на другой день оказываются противоречащими и заводящими новые связи. Словом, горе новому и неопытному человеку, и легко можно извинить тем молодым людям, которые навсегда готовы посвятить труднейшим обязанностям, лишь бы не подвергаться ужасам дворянских выборов»²⁶. В конце 1832 г. «торжественно по целой губернии 165 шарами из 200 бывших на этих выборах» князь был выбран судьей в Рыбинский уездный суд.

При вступлении князя Ухтомского в должность судьи предводителем уездного дворянства был Павел Сергеевич Шишкин, сменивший затем Сергеем Владимировичем Михалковым. «Оба были люди весьма хорошие, — характеризует их Николай Васильевич, — имели прекраснейшие семейства, и первый из них, живши всегда в Ярославле, был очень полезен для уезда, а второй, большую половину трехлетия жил за границею и в Москве, оставляя свою должность на моих руках»²⁷.

Сергей Владимирович Михалков (1789—1843), полный тезка и прапрадед знаменитого советского поэта представитель старин-

ного дворянского рода, был типичным русским просвещенным баринем начала XIX. Он был достаточно богат, образован. После окончания Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, служил в гвардии. «Мой прапрадед Сергей Владимирович Михалков (1789–1843), – писал в книге «Два брата, две судьбы» Сергей Михалков, – прошел путь в Семеновском полку от унтер-офицера до подпоручика, отличился в сражениях против наполеоновских войск под Аустерлицем в 1805 г., при Фридланде в 1807 г., за что был награжден боевыми орденами России»²⁸. Несколько лет он провел в путешествии по странам Европы (Франция, Италия, Швейцария, Германия), слушал лекции в Гёттингенском университете, был членом масонской ложи. Из-за границы С.В. Михалков привозил произведения искусства, он стал первым в семье собирателем книг и составил довольно внушительную – более чем в 1200 томов – библиотеку. Его собрание стало основой будущих художественных коллекций родового гнезда Михалковых усадьбы Петровское²⁹.

На страницах рукописи Н.В. Ухтомского встречается также имя сына Сергея Владимировича, Владимира Сергеевича Михалкова, о котором его правнук не без гордости пишет: «Заметный след в истории культуры оставил его сын и мой прадед Владимир Сергеевич Михалков (1817–1890), женатый на княжне Елизавете Николаевне Голицыной. <...> Высокообразованный человек он посвятил себя деятельности на ниве народного образования, приобрел широкую известность как крупный коллекционер». Владимир Сергеевич увлекался палеонтологией, минералогией, собиранием гравюр и книг. Наиболее ценной была библиотека, насчитывающая к началу XX в. около 50 тыс. томов, которая считалась одной из лучших частных библиотек России. Все коллекции хранились в усадьбе Петровское, где Владимир Сергеевич провел большую часть жизни. Сейчас геологические и палеонтологические собрания Михалковых хранятся в Академии наук, часть переданных книг послужили основой собрания Рыбинской городской публичной библиотеки, значительная часть художественных ценностей Михалковых из усадьбы Петровское находится в составе коллекций Рыбинского музея заповедника³⁰, а также Ярославского художественного музея. Интересно отметить, что имение Петровское Рыбинского уезда стало «родовым гнездом» Михалковых лишь в XVIII в., до этого оно принадлежало княжескому роду Ухтомских.

В начале XVIII в. Петр Дмитриевич Михалков (1684—1743) получил его в приданое за своей женой княжной Александрой Никитичной Ухтомской, родной сестрой деда Николая Васильевича, Ивана Никитича (1725—1791)³¹.

В 1837 г. был сделан еще один шаг на общественном поприще князя Н.В. Ухтомского — он был избран председателем Ярославской Уголовной палаты. Институт судебных палат был введен еще Екатериной II. В состав Палаты уголовного суда по закону 1775 г. входили председатель, два советника и два ассессора. Должность председателя соответствовала V классу табели о рангах, т. е. статскому советнику. Первоначально председателя Уголовной палаты назначала сама императрица, выбирая из двух кандидатур, предложенных Сенатом. С 1831 г. эта должность стала выборной. Занимаясь общественной жизнью, молодой хозяин Восломы не забывал о хозяйстве своего поместья, вникая во все его мелочи и получая явное удовольствие от своей новой деятельности. Постепенно он увеличил свое имение, купив к имеющимся 150 крепостным еще 400. К 1861 г. в его имении уже было 548 душ мужского пола при 8148 десятинах земли. По его словам, к 1858 г. «господская запашка увеличилась от 17 четвертей ржи, бывшей в посеве в единственной усадьбе Восломе, до 88 четвертей», во всех ярославских усадьбах, в Восломе, Николаеве, Екатерининском, Липовке и Наумовском, кроме того в селе Нельше Суздальского уезда Владимирской губернии было посеяно в том же году 30 четвертей ржи³². Все эти сведения содержатся во второй части рукописи, которую с 1-го апреля 1864 г., после 27-ми летнего перерыва продолжил вести Николай Васильевич, занося туда все, что, по его мнению, заслуживало внимания. Большое внимание уделял молодой хозяин и скотоводству, поголовье которого при нем увеличилось: «так что во всех местах было до 100 лошадей и до 200 штук рогатого скота и, сколько возможно, улучшенной породы». В хозяйстве появились коровы знаменитых Холмогорской и Тирольской породы, для конного завода, существовавшего в имении с 1792 г., князь покупал лошадей Орловской породы, в том числе, Хреновского конного завода.

Семейство Ухтомских разрасталось: с 1828 по 1844 г. в семье родилось 12 детей³³, трое из которых умерли в младенчестве. Дети получали домашнее образование первоначально в доме родителей в Восломе, становясь старше, — в Москве в доме бабушки Анны Федоровны Чегодаевой, мальчики Николай, Александр, а позднее

и Алексей по достижении 13-ти лет уезжали в Петербург поступать в Морской кадетский корпус, где все трое получили образование.

Размеренное, спокойное течение жизни для князя Николая Васильевича было прервано с началом Крымской войны. Вспоминая о событиях этого времени, Николай Васильевич записал: «...в 1853 году Россия в защиту грекам решила воевать с Турцией, и за Порту вступились Франция и Англия, взяв себе в помощь Сардинию. Трудно было нашему отечеству одному бороться с четырьмя державами... И потому еще в 1854 году стали поговаривать об ополчении»³⁴. Историки давно пришли к выводу о неэффективности и бесполезности ополчения 1855 г. с военной точки зрения. Однако социально нравственный аспект этого явления большей частью оставался за рамками изучения этого вопроса. Не много известно и воспоминаний участников ополчения. В этом смысле записки князя Ухтомского, офицера Подвижного ополчения и командира Рыбинской дружины, редкий и интересный источник.

29 января 1855 г. был издан «Высочайший Манифест о призвании к Государственному ополчению». На местах должны были быть созданы губернские комитеты ополчения, в задачи которых входило сбор ратников, фуража, продовольствия, материальных пожертвований, обеспечение ратников формой одежды. Каждый уезд выставлял по одной дружине, в которой должно было быть 19 офицеров, 80 урядников (унтер-офицеров), 920 ратников, 18 горнистов и барабанщиков, 51 — нестроевых — врач, фельдшер, писари, оружейники, ложники, кузнецы, плотники, ездовые и денщики...³⁵

Ополчение формировалось не на добровольной основе. Офицеры избирались дворянскими собраниями по губерниям и уездам из числа помещиков, ранее «с отличием» служивших в армии.

В феврале 1855 г. все дворянство собралось в Ярославле на выборы в ополчение. Настроение царило приподнятое, все поддерживали правительственный манифест, если кто-то имел иную точку зрения, то общественное мнение их строго судило. Князь отметил «выходку» Любимского предводителя дворянства генерала Николая Лукьяновича Бабарыкина (Боборыкина) по поводу знаменитого местного откупщика Лихачева, сказав в его присутствии, «что богач, который в настоящее время не сочувствует правительству, похож на свиную шкуру, набитую золотом, похож на истукана, и таких людей следует изгонять из общества». После чего последний «схватил кое-как шубу и шапку и выкатился вон»³⁶. В литера-

туре отмечается, что на губернские собрания по поводу выборов в ополчение съезжалось гораздо больше людей, чем на обычные дворянские собрания. В Ярославле Николай Васильевич встретил на собрании многих своих хороших знакомцев, как военных, так и статских. Некоторые, включая тех, кто по состоянию здоровья или занимаемой должности имели право не идти в ополчение, записывались добровольно, других избирали.

Князь Н.В. Ухтомский записался добровольцем. И это не смотря на свои 50 лет, большое семейство, и чрезвычайную тучность, а также невзирая на серьезную травму ноги, из-за которой некоторое время ходил на костыле. Его горячее желание идти в ополченцы озадачило многих, в том числе предводителя Рыбинского дворянства И.Л. Голохвастова, который попытался отговорить Николая Васильевича и даже шутливо угрожал забаллотировать его кандидатуру. Тучность князя была предметом постоянных шуток, так ярославский губернатор генерал-лейтенант Алексей Петрович Бутурлин, узнав, что тот записался в ополчение, сострил: «Вот славная мишень для неприятеля». Князь ответил тоже шуткой: «Я постараюсь стоять впереди, чтобы другим за мной было безопасно и попрошу, ежели меня убьют, положить вместо брестера, чтобы можно было удобнее вредить неприятелю». Ответ этот, как отметил Ухтомский, чрезвычайно понравился губернатору и всем присутствующим, а генерал Бабарыкин, человек тоже весьма тучный, начал оспаривать с князем, кто из них будет служить прикрытием один другому. Дородность князя подтверждается и его фотопортретом, вклеенным в тетрадь. Подпись на паспорту гласит: «Портрет снят 8-го Сентября 1864 года в г. Рыбинске. Князь Николай Ухтомский». Не смотря на то, что фотография была сделана 8 лет спустя после окончания Крымской войны, князь запечатлен на ней в своем ратническом кафтане, который был, видимо, очень дорог ему, как память об участии в Подвижном ополчении.

Согласно Положению о государственном ополчении, дружинами каждой губернии должен был заведовать начальник губернского ополчения на правах начальника дивизии. Начальники дружин пользовались правами командиров отдельных батальонов. Начальником 131-й Угличской дружины был избран кавалер орденов Анны 3 степени с бантом и Владимира 4-й степени – Петр Иванович Завьялов, заведующим дружинами Ярославской губернии – генерал-майор Николай Лукьянович Бабарыкин. По окон-

чании выборов, «все, вступившие в ополчение, — подводил итоги Николай Васильевич, — как-то близко соединились, чувствовалось какое-то внутреннее торжество, спокойствие совести... В день наших выборов было выпито много, и прапорщики заметно старались угощать старшие чины — в предположении подчинения»³⁷. Однако, не смотря на патриотический подъем, царивший на Собрании, 19 офицеров, необходимых для комплекта не набралось, недостающие были назначены из других уездов и даже губерний.

В губерниях первой очереди, к которым относилась Ярославская губерния, дружины формировались в течение весны—лета 1855 г. С 1 апреля начался набор ратников в Рыбинскую дружину. Ухтомский был назначен «партионным офицером» и командующим 1-й роты. Он предложил «формировать роты по росту ополченцев и цвету их волос», в 1-ю роту — брюнетов, во 2-ю, 3-ю роту — блондинов, в 4-ю — всех рыжих. Судя по всему, так и было сделано. Итогами князь был доволен. «Вышел прекрасный фронт», — удовлетворенно записал он, и далее: «Я служил с полным усердием, и чистосердечно полюбил свою красавицу 1-ю роту, щеголял своими молодцами, завел швальню, красильню, отличный хор песенников и особенных певчих..., экипировав своих молодчиков в такие же кафтаны, как была назначена форма ратникам».

К 1 мая набор был кончен, а к 20 мая были получены ружья, после чего 1-я рота по ходатайству ее командира отправилась на просторные квартиры в село Арефино, недалеко от Восломы. «Я служил с полным усердием, — с гордостью записал Николай Васильевич, — и чистосердечно полюбил свою красавицу 1-ю роту, щеголял своими молодцами, завел швальню»³⁸, красильню, отличный хор песенников и особенных певчих, соединив своих под руководством регента № 3 В. Покровского с некоторыми способными ратниками, экипировав своих молодчиков в такие же кафтаны, как была назначена форма ратникам»³⁹. Затем дружину затребовали в Рыбинск для смотров, где она получила знамя, которое торжественно прибывали к древку и освящали перед городским Спасо-Преображенским собором при собрании всей дружины.

Летом 1855 г. формирование дружин первой очереди было закончено, общая численность дружинников по всем губерниям составила около 200 тысяч человек. Им предстояли разные маршруты: на юг к Севастополю и побережью Азовского моря, на север в Прибалтику и на запад. Рыбинская дружина направлялась к запад-

ным рубежам, ее выступление в поход было назначено на 18 июля. Перед этим был устроен дворянский спектакль с участием дружинных офицеров, в котором пели молодые княжны Ухтомские, дочери Николая Васильевича. После спектакля был бал у начальника дружины Петра Ивановича Завьялова. В этих удовольствиях и сборах время протекло быстро. И в назначенный день, 18 июня, в девять часов ударили в большой соборный колокол, потом в Соборе служили обедню и водосвятный молебен на площади, после которого за крестным ходом из всех церквей дружина при чрезвычайном стечении народа двинулись к Угличской заставе, где протоиерей еще раз благословил ратников в дальний путь.

В Рыбинском музее хранится семейная икона Ухтомских с изображением Воздвижения креста⁴⁰, которой благословил семью Николай Васильевич Ухтомский, уходя в поход. На ее обороте сохранилась памятная надпись: *1855 ГОДА 18 ИЮЛЯ ПРИ ВЫСТУПЛЕНИИ / ИЗ РЫБИНСКА ДРУЖИНЫ N13 В ПОХОДЪ / В КИЕВЪ И ДАЛЕЕ В СОСТАВЕ СРЕДНЕЙ АРМИИ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПРОТИВ НЕПРИЯТЕЛЯ ОБРАЗЪ СЕЙ БЛАГОСЛОВЕНЪ И ОСТАВЛЕНЪ ВЪ С. ВОСЛОМЕ СЪ ТЕМЪ ЧТО ЕЖЕЛИ / ВОЗВРАЩУСЯ БУДУ МОЛИТЬСЯ [неразборчиво] ВМЕСТЕ / С СЕМЕЙСТВОМ ВЪПРОТИВНОМЪ ЖЕ СЛУЧАЮ ПРЕДОСТАВ / ЛЯЮ ВЪ ВОСПОМИНАНИЕ СУПРУТЕ СВОЕЙ КНЯГИНЕ ЕЛИ / ЗАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ КАПИТАН И КАВАЛЕР / НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВЪ УХТОМСКИЙ*⁴¹.

На всем пути следования дружины повсюду ее торжественно и сердечно встречали. Угощения от местных дворян и купечества следовали одно за другим. Накрывали столы, устраивали музыкальные вечера. Нижним чинам раздавали вино, калачи, деньги. Все семейство Ухтомских некоторое время сопровождало дружину и имело возможность наблюдать все походные порядки и беспорядки, происходившие, как подчеркнул князь, «от излишнего употребления вина многими из ратников, которым подносили на каждом шагу при прощании их друзья и родственники»⁴². Княгиня Елизавета Алексеевна и младший сын, 13-летний Алексей, носивший в то время ратнический кафтан, провожали его и далее до Москвы.

От Москвы путь дружины лежал на запад по Смоленской дороге. На Бородинском поле был устроен парад, с целью «возбудить в ратниках воинственный дух». Далее по маршруту был Смоленск, где было получено печальное известие об оставлении Севастополя. «Ратники, — записал князь Ухтомский, — спрашивали меня,

правда ли это, и когда слухи подтвердились, некоторые стали просить меня представить начальству их желание отправиться прямо в Севастополь на вырубку». Тогда он, человек бывалый, постарался внушить им старое мудрое правило, «что в службе вообще следует ни на что не напрашиваться, ни отчего не отговариваться»⁴³. После Смоленска маршрут дружины пролегал через Минск, Белосток, Ломжу, Остроленку, Прасныш (современный Пшасныш). Последней точкой движения стал Пултуск, в 60 км от Варшавы. В Польше начались массовые заболевания. Хорошо известно об огромных потерях, которые понесла русская армия в годы Крымской войны от болезней. Не составило исключения и ополчение, подвергшееся эпидемии тифа.

В январе 1856 г. от тифозной горячки скончался командующий Рыбинской дружиной П.И. Завьялов, и командование дружиной принял на себя князь Ухтомский. В это время вообще больных в дружине было до 300 человек и умирало по 20 человек в день. Из 3-й пехотной дивизии, квартировавшей в Радомской губернии, были присланы нижние чины для обучения наших ратников стрельбе, в том числе 4 барабанщика и 4 горниста. «...и в две недели по приходе в Пултуск примерли все горнисты, досталось барабанщикам и прочим. Также из варшавских госпиталей прислано было 6 фельдшеров и до 40 человек инвалидов ухаживать за больными, и те погибли, так что из фельдшеров остался жив только 1», — констатировал князь Ухтомский. 25 февраля пришла очередь заболеть и ему самому. Болезнь продолжалась более месяца и долгое время после этого еще давала о себе знать приступами лихорадки. 29 марта поступило сообщение, что из Петербурга по телеграфу вручен приказ о роспуске ополчения по случаю прекращения войны, и 11 апреля дружинам, находившимся в западных пределах России, следовало начать движение назад. К тому времени в Рыбинской дружине уже не доставало 400 человек (одной трети ее состава!), умерших от болезней.

Несмотря на эти удручающие цифры, князь был склонен оптимистически оценивать значение и итоги Подвижного ополчения: «Ополчение, хотя в делах против неприятеля почти не было, но непременно, это имело влияние на европейскую политику, тем более что, ежели бы нужно было, этот сбор, охотно идущих на защиту своего отечества, мог удвоиться, утроиться, а цифра была немаловажная»⁴⁴.

За участие в ополчении князь Ухтомский получил два высочайших благоволения, орден Св. Анны 3 ст., медаль светлой бронзы на Андреевской ленте и, наконец, — знак отличия беспорочной службы за XV лет на георгиевской ленте. Знамена восьми дружин Ярославской губернии, за исключением Угличской, как военные реликвии были переданы в Ярославский собор. Иконы же Рыбинской дружины князь Николай Васильевич передал в Спасо-Преображенский собор Рыбинска, и в новую Покровскую церковь, в которую поступил образ с надписью на киоте о времени формирования и расформирования дружины также икона с образом Печерской богородицы с вычеканенной и вызолоченной на киоте подписью князя Ухтомского и казначея Василевского. В советское время Спасо-Преображенский собор был закрыт (в 1929) и разрушен, после ряда попыток приспособить его под овощехранилище, речной вокзал, цирк и театр в нем было устроено общежитие. Покровская церковь была полностью разрушена.

Возвратившись домой после похода, князь вновь «окунулся» в общественную деятельность уезда. Так ввиду подготовки крестьянской реформы, когда, как он отметил, было предложено «всем и каждому заявлять на словах и письменно свои предложения по улучшению состояния крепостного сословия или упрочить их благосостояние»⁴⁵, Николай Васильевич решил письменно изложить свои мысли, что по его словам, многими было одобрено. При этом он опирался на либеральные соображения молодого реформатора Алексея Михайловича Унковского⁴⁶, в то время предводителя дворянства Тверской губернии. Излагая свои соображения, он исходил из того, что «для такого великого дела, при освобождении миллионов народа и упрочения их независимого состояния, никогда не прочь для блага общественного терять некоторые свои выгоды»⁴⁷.

В августе 1860 г. князь принял на себя должность посредника Рыбинского уезда по специальному размежеванию земель, а позднее и мирового посредника. Введенная в 1859 г. для улаживания поземельных отношений между помещиками и крестьянами, должность мирового посредника не была синекурой, и Николаю Васильевичу пришлось очень не просто. Сам он в своих записках отметил: «Должность мирового посредника весьма разнообразна, и угодить на всех весьма трудно, а так мне и внутренне сознаться нелегко в своей исправности, [...] но меня утешает, что время от вре-

мени общее число недоимок заметно уменьшается, и что крестьяне во многих случаях показывают свое усердие и доверие, в чем сами мне сознавались, что чем более меня узнают, тем более, верят моему слову»⁴⁸.

Принято считать, что на первом этапе существования института мировых посредников их ряды пополнялись лучшими представителями русского общества (так называемые мировые посредники первого призыва), тогда округ каждого посредника был не слишком обширен, деятельность их была весьма успешна и много способствовала правильному ведению крестьянского дела. Во время этим институтом очень дорожила высшая администрация. На этот первый период и пришлась деятельность Николая Васильевича Ухтомского в качестве мирового посредника. Занимался он и благотворительной деятельностью, например, часть своих земель в Сырнове он пожертвовал для строительства школы для крестьянских детей, которую потом постоянно опекал⁴⁹.

Заметным событием в жизни провинциального Рыбинска стало посещение его наследником цесаревичем Николаем Александровичем во время его ознакомительной поездки по стране, что было отмечено и в записках князя Ухтомского: «23 июня 1863 года посетил г. Рыбинск наследник престола Великий Князь Николай Александрович, который пробыл у нас три дня»⁵⁰. Практика ознакомительных путешествий по стране была начата еще при Николае I, продолжена при Александре II и Александре III, и была связана с воспитанием и образованием цесаревичей. Это были познавательные путешествия, во время которых будущий император представлялся России и в то же время открывал для себя страну, которой ему предстояло управлять, вместе с тем это было и развлекательной прогулкой. Великого князя Николая Александровича сопровождали воспитатель граф С.Г. Строганов, полковник Д.Б. Рихтер, профессор К.П. Победоносцев, а также художник А.П. Боголюбов, который делал зарисовки этого путешествия (рис. 3). Николай Александрович объехал обширную часть империи, охватывающую 20 губерний. Он побывал в Рыбинске, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Астрахани, Новочеркасске, Керчи, Ялте, где общался с широким кругом людей, дворянством, купечеством, мещанами, крестьянами. В Рыбинске наследника встречал губернский предводитель, мировые посредники, в числе которых был князь Ухтомский, старшины и старосты. «Старшины

Рис. 3. Рыбинск. Рисунки А.П. Боголюбова. 1863 г.

По кн.: Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма / К.П. Победоносцев, И.К. Бабст. М. : тип. Грачева и К°, 1864

поднесли Его Высочеству хлеб-соль и адрес на имя государя императора: о готовности идти поголовно для усмирения поляков, по случаю возникшего там возмущения, и против других врагов отечества нашего»⁵¹ — записал Николай Васильевич. Реакция народа, встречавшего наследника в Рыбинске, отмечена К.П. Победоносцевым в его знаменитых «Письмах о путешествии государя наследника...»⁵²: «Восторг народа был неописанный; он бежал за экипажем, хватался за крылья коляски, бабы блинщицы бежали, предлагали свою⁵³ хлеб-соль, блины. Народ не отходил от дома купца Переславцева, где остановился Цесаревич; многие провели ночь на улице, ни одним криком, ни шумом, не тревожа покой дорогого гостя: многие из них не имели впрочем и пристанища, потому что пришли из-за нескольких десятков верст»⁵⁴. Встречи с народом нашли отражение в журнале состоявшего при наследнике полковника Рихтера, а описания этих встреч не могут не вызвать улыбку. Так крестьяне Владимирской губернии никак не могли определить, кто из приехавших офицеров был царским сыном. Сопровождавший цесаревича художник А.П. Боголюбов предложил одной из крестьянок отгадать, «который из двух сидевших в коляске наследник». „Должно быть, молоденький, — отвечала она, — он такой пригоженький, другой бородатый, непригожий, да и поподлее“. Я попрошу позволение не называть другого», — смеялся Рихтер, так как именно он находился в одном экипаже с цесаревичем⁵⁵.

Однако, как правило, цесаревича Николая Александровича быстро узнавали. Каждому хотелось увидеть царского сына, ведь, как уверяли спутников наследника: «цари к нам не ездят, только патреты доходят». Скопления народа часто приводили к давке. Тем не менее, выражение народных чувств приятно поражало спутников наследника. «Не берусь описывать восторга и криков, встречавших цесаревича, с каждым городом это увеличивается, так что скоро я не буду находить выражений, подходящих к действительности», — писал Рихтер в 1863 г. из Ярославля⁵⁶. В записках Ухтомского по этому поводу говорится: «Все сословия были восхищены юным цесаревичем, [...] Великий князь из Рыбинска отправился при общем доброжелательстве на пароходе в Ярославль и вообще посещал все волжские города, и путешествие это было весьма полезно в политическом отношении во всех губерниях и городах, где был наследник, принимали его с восторгом, и высказывалась полная готовность всех сословий на всякие жертвы для защиты престола и отечества»⁵⁷ (рис. 4).

Последние годы своей жизни Николай Васильевич провел в Рыбинске, в Зачеремушной части города, где в 1867 г. купил два участка земли с небольшим деревянным домом и хозяйственными постройками. Дорогую его сердцу Вослому он определил в наследство младшему сыну Алексею и мечтал о том, чтобы тот вышел в скором времени в отставку «и занялся хозяйством в назначенной ему усадьбе Восломе и ближайших к ней деревням». Мечтал он о возвращении своей незамужней дочери Анны, подолгу гостившей в Симбирске у старшего брата Николая: «Вот бы и зажили добрым порядком»⁵⁸. Этими словами 17 апреля 1864 г. князь завершает свои записки.

Умер Николай Васильевич в 1870 г. Семейный архив и библиотека перешли к его младшему сыну Алексею Николаевичу, а затем и к внуку, будущему известному физиологу, академику АН СССР А.А. Ухтомскому. В 1914 г. он сделал надпись на полях семейного хронографа: «Дедовская книга, хранившаяся в Восломе, перешла ко мне по кончине покойной матери кн. Антонины Федоровны Ухтомской. Кн. Алексей Ухтомский. Сентября 1914 г. Рыбинск»⁵⁹. Тогда же, видимо, и остальные книги и рукописи семейной библиотеки Ухтомских попали к нему, в том числе и «журнал» жизни деда. Николай Васильевич свои записки предназначал детям и внукам, «чтобы, когда-нибудь дети детей моих прочитали, кто был их

Рис. 4. Рыбинск. Рисунки А.П. Боголюбова. 1863 г.

По кн.: Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма / К.П. Победоносцев, И.К. Бабст. М. : тип. Грачева и К°, 1864

дедушка и как жил на белом свете»⁶⁰. Таким образом, рукописная книга Н.В. Ухтомского попала по прямому назначению и нашла в лице Алексея Алексеевича Ухтомского благодарного и заинтересованного читателя. Он не только внимательно читал рукопись деда, но отмечал в ней наиболее интересные для себя места. Его почерк, сделанный на полях книги, легко узнается. Почти все подчеркивания и заметки, оставлены в тех местах рукописи, где встречается имя княжны Анны Николаевны Ухтомской — одной из дочерей Николая Васильевича, тетки Алексея Алексеевича, заменившей ему мать.

Родился будущий академик как его отец и дед, в Восломе в 1875 г. Тогда же был отдан на воспитание тетке, Анне Николаевне Ухтомской, которая, по его словам, стала не только его «главной воспитательницей», но и «спутницей». Жили они с Анной Николаевной в Рыбинске, в городском усадебном доме Николая Васильевича Ухтомского, о котором тот с гордостью упоминал в своих записках: «Я очень доволен, что имею в Рыбинске порядочный дом, и, дай Бог, не иметь крайности его продать»⁶¹. Именно этот дом отца унаследовала незамужняя Анна Николаевна, сюда она перевезла из Восломы малолетнего Алексея Ухтомского, в нем прошли его

детские и отроческие годы, сюда он неизменно возвращался в зрелые годы. Сейчас в этом небольшом деревянном доме, уцелевшем среди бетонных многоэтажек, располагается мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского⁶².

Интересы у молодого Алексея Ухтомского были разнонаправленными. Это отразилось и на его образовании. Нижегородский кадетский корпус, Московская духовная академия, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, затем Физико-математический факультет этого же университета. Тема его богословской диссертации «Космологическое доказательство Бытия Божия». Эта диссертация, как позднее он отметил в своей автобиографии, «поставила действительно на очередь ближайшее изучение физиологии головного мозга, нервной деятельности вообще, а также физиологии поведения»⁶³. Так он начал заниматься физиологией, стал учеником, а затем ближайшим помощником профессора Н.Е. Введенского (который, в свою очередь, был последователем И.М. Сеченова), а после его смерти принял под свое начало кафедру физиологии человека и животных Петроградского университета. В 1933 г. профессор А.А. Ухтомский был избран членом-корреспондентом, а через два года действительным членом Академии наук СССР.

Интересно отметить, что в течение всей своей жизни А.А. Ухтомский оставался глубоко верующим человеком, в 1917 г. он стал делегатом Поместного Собора Русской православной церкви. Единовец⁶⁴, он был старостой Единовечерской Никольской церкви, находившейся в Петербурге на улице Марата (в 1931 г. эта церковь была закрыта, и в ее помещениях разместился музей Арктики и Антарктики).

Память о предках и родных местах, о восломском доме деда, где он родился, всегда будоражила Алексея Алексеевича. Он остро чувствовал связь с прошлым и не раз обращался к наследию предков, рассматривал «старинные бумаги, портреты, разные рукописные обрывочки, ... относящиеся к восломской были»⁶⁵. На память о своих дорогих стариках он даже припечатывал некоторые письма печатью своего деда князя Николая Васильевича Ухтомского⁶⁶, эта печать уцелела и хранится в музее.

В 1915 г. 40-летний А.А. Ухтомский с котомкой за плечами и палкой в руках совершил паломничество в «родные заволжские места». Восломский дом Ухтомских к тому времени уже давно был продан.

Во время этого своего путешествия в прошлое он ночевал в сараях, строенных еще отцом, беседовал со стариками, знавшими его дедов, прислушивался, как «журчит по-старинному родная речка Восломка». Также как журчала она «в день, когда я родился на ее берегу в 1875, отец в 1842, тетушка Анна в 1832 и дед Николай Васильевич в 1806, и когда поселились на ней первые Ухтомские ... И великий душевный покой сошел ко мне...»⁶⁷ — так писал будущий советский академик за два года до революционных потрясений в России.

В годы советской власти А.А. Ухтомского дважды арестовывали. Во время второго ареста ему грозил расстрел, которого чудом удалось избежать. Позднее, вспоминая о том, как он впервые попал в ЧК в 1920 г. в Рыбинске, он отметил, что только счастлирое стечение обстоятельств, «маленькая бумажка из Петроградского совета»⁶⁸, случайно оказавшаяся в кармане, спасла его от расстрела. Здесь необходимо отметить, что старший брат Алексея, князь Александр Алексеевич, он же архиепископ Андрей, бывший епископ Уфимский и Мензелинский, также не раз арестовывался в годы советской власти. После очередного ареста в 1937 г. он был расстрелян.

В непростые годы советской власти, физиолог, академик Российской Академии наук (1935), лауреат Ленинской премии (1932), А.А. Ухтомский, всегда чувствовавший крепкую связь со своим прошлым, черпал вдохновение и жизненные силы в истории своего древнего княжеского рода. Умер он в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Наследие академика А.А. Ухтомского — рукописи его научных трудов, переписка — хранится в Архиве Российской академии наук. Опубликованы его труды и письма. Меньше повезло семейному архиву Ухтомских. Осенью 1920 г. в рыбинском доме, в котором хранились книги, рукописи, картины, фотографии из восломской усадьбы, был произведен обыск, многие вещи были изъяты. Алексей Алексеевич через своих друзей хлопотал о возвращении семейного архива, что-то удалось вернуть: часть наследия хранится сейчас в Рыбинском и Ярославском музеях, остальные вещи и документы из семейного архива — были рассеяны по свету или безвозвратно утеряны.

Рукописная тетрадь с записками Николая Васильевича Ухтомского поступила в Исторический музей в 1959 г. через закупочную

комиссию. Еще ранее в составе коллекции П.И. Щукина в музей попали письма Николая Васильевича. Таким образом, в отделе письменных источников ГИМ счастливо воссоединились две части рукописного наследия Н.В. Ухтомского, каждая из которых представляет несомненный интерес, как исторический источник.

- ¹ *Карамзин Н.М.* История Государства российского: в 12 т. СПб.: Издание Е. Евдокимова, 1892. Т. 6. С. 14.
- ² На нескольких страницах тетради стоит штамп: *Кн. Алексей УХТОМСКИЙ*, которым отмечены и многие другие книги его библиотеки.
- ³ Месяцеслов хранится в собрании Рыбинского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.
- ⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 92. Д. 108. Л. 2.
- ⁵ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1799—1840. Ч. IV. С. 3. См. также: *Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года*: Издание С.Н. Тройницкого 1912 г. / Ред., подгот. текста, комм., послесл. О.Н. Наумова. М.: Изд-во «Старая Басманная», 2008.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ОПИ ГИМ. Там же. Л. 27.
- ⁸ Петр Дмитриевич Ухтомский (1762—1829), князь, сын Дмитрия Михайловича Ухтомского (1726—1791), подполковник; принимал участие в боевых действиях русско-турецкой войны 1787—1791 гг. под командой А.В. Суворова, отличился при штурме Измаила, в ходе Отечественной войны 1812 года состоял в Ярославском ополчении. Прямых наследников не имел.
- ⁹ ОПИ ГИМ. Там же. Л. 28.
- ¹⁰ Усадьба Вослома находилась в Рыбинском уезде Ярославской губернии в 7 км от Арефино, в первой трети XVII в. принадлежала кн. И.Б. Ухтомскому, прапрадеду Н.В. Ухтомского. См.: *Ярославские усадьбы: каталог с картой расположения усадеб* / В.В. Стерлина, Е.А. Графова, А.Б. Чижков, Ю.В. Стародубов. М.: Ин-т Наследия, 2016. С. 125.
- ¹¹ Екатерина Егоровна Ухтомская, в девичестве Бобоедова (1871—1813).
- ¹² ОПИ ГИМ. Там же. Л. 2—2об.
- ¹³ *Головщиков К.Д.* Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803—1886). Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1887. С. 69.
- ¹⁴ Там же. С. 55.
- ¹⁵ ОПИ ГИМ. Там же. Л. 3.
- ¹⁶ *Головщиков К.Д.* Павел Григорьевич Демидов и ... С. 69.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Там же. Л. 3об. —4.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 8об. —9.
- ²⁰ Там же. Л. 10.
- ²¹ Там же. Л. 10.

- 22 Там же Л. 11.
- 23 Там же. Л. 11, 11 об.
- 24 Там же. Л. 19.
- 25 Там же. Л. 20–20об.
- 26 Там же. Л. 20, 21.
- 27 Там же Л. 21–21об. Письма Николая Васильевича Ухтомского за этот период (1836–1838) к С.В. Михалкову хранятся в фонде Михалковых в ОПИ ГИМ.
- 28 *Михалков С.В., Андронов М.В.* Два брата, две судьбы. М.: Грааль, 2003. С. 10.
- 29 *Михайлова Г.Б.* Усадьба Петровское и род дворян Михалковых в истории Рыбинского края. Рыбинск, 2000. С. 14.
- 30 Там же. С. 22, 27.
- 31 Ярославские усадьбы... С. 128.
- 32 Там же. Л. 23.
- 33 Князь Ухтомский записал: «...при благодатном моем семействе, которое по отставке из судей еще увеличилось рождением в 1840 году Прасковьи, в 1842 году Алексея, потом Дмитрия, Надежды 2-й, названной этим именем потому, первая Надежда в 1842 году скончалась после скарлатины, и, наконец, 12-е дитя наше была Наталья, которая, как и Дмитрий и 2-я Надежда скончались». ОПИ ГИМ. Там же. Л. 25.
- 34 Там же. Л. 29об.
- 35 *Смолин Н.Н.* Дружины Государственного подвижного ополчения 1855–56 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2009. Т. VII. С. 325, 326.
- 36 ОПИ ГИМ. Там же. Л. 30об., 31.
- 37 ОПИ ГИМ. Там же. Л. 35–35об.
- 38 Швальня – швейная мастерская.
- 39 Там же. Л. 43.
- 40 РБМ-14469. Инв № 1–453.
- 41 *Михайлова Г.Б.* Усадьба Вослома и семейная хроника ее владельцев князей Ухтомских. Рыбинск, 2003. С. 18.
- 42 ОПИ ГИМ. Там же. Л. 46 об.
- 43 Там же. 52 об.
- 44 Там же. Л. 79
- 45 Там же. Л. 84 об.
- 46 Алексей Михайлович Унковский (1829–1893), юрист, участник подготовки крестьянской реформы. С 1857 г. – предводитель дворянства Тверской губернии. В составленной им записке об условиях освобождения крестьянства, он указывал, что освободить крестьян следует с земельным наделом, содержащим в себе необходимое количество пахотной, луговой и выгонной земли. В записке говорилось, что количество этой земли, менее которого не может иметь крестьянин, необходимо определить по каждому уезду отдельно и вместе с тем необходимо определить местную цену земли.
- 47 Там же. Л. 85.
- 48 Там же. Л. 94.
- 49 *Михайлова Г.Б.* Усадьба Вослома и семейная хроника ... С. 17.

- 50 ОПИ ГИМ. Там же. Л. 94 об.
- 51 Там же. Л. 95.
- 52 Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма / К.П. Победоносцев, И.К. Бабст. М.: тип. Грачева и К°, 1864. В путешествиях по стране в 1861 и 1863 гг. государя наследника цесаревича Николая Александровича (1843–1865) его сопровождали приглашенные в свиту К.П. Победоносцев и И.К. Бабст, которые преподавали наследнику статистику и русское гражданское право. Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), правовед, государственный деятель, писатель, переводчик, историк церкви, профессор; действительный тайный советник. Иван Кондратьевич Бабст (1823–1881), историк, экономист, публицист, редактор, заслуженный профессор Московского университета.
- 53 Так в тексте.
- 54 *Бабст И.К., Победоносцев К.П.* Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. Перепеч. С изд. 1864 г. с испр. и доп. СПб.: Русская симфония, 2010. С. 58, 59. — (Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук).
- 55 *Мелентьев Ф.И.* О.Б. Рихтер — летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 196–197.
- 56 Там же. С. 197.
- 57 ОПИ ГИМ. Там же. Л. 95 об.
- 58 Там же. Л. 107.
- 59 РБМ-16660. Инв. № К-816.
- 60 ОПИ ГИМ. Там же. Л. 2.
- 61 Там же. Л. 106 об.
- 62 Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского, открытый в 1990 г., является филиалом Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника
- 63 Автобиография А.А. Ухтомского // Академик А.А. Ухтомский. Собрание сочинений. Л.: ЛГУ, 1962. Т. VI. С. 5.
- 64 Единоверцами принято называть членов Русской Православной Церкви, которые в богослужебной практике и домашнем укладе жизни придерживаются старого, «дониконовского» обряда. Постепенное сближение старообрядцев с официальной церковью началось еще в правление Екатерины II, а оформилось при Павле I.
- 65 Письмо В.А. Платоновой. 28.08.1914. // *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 59.
- 66 Там же. С. 60.
- 67 Там же. С. 87, 89.
- 68 *Ухтомский А.А.* Интуиция совести... С. 21.

Архивные материалы
о Льве Николаевиче Толстом в собрании ГИМ
(к 190-летию со дня рождения)

В год 190-летия со дня рождения Л.Н. Толстого хотелось бы вспомнить, что в прошлом Государственный исторический музей имел непосредственное отношение к его наследию, а также упомянуть некоторые письменные источники, которые хранятся в ОПИ ГИМ и представляют интерес для изучения личности писателя.

На рубеже XIX—XX вв. в Историческом музее наметилась практика создания мемориальных комнат выдающихся писателей. Музеем, по словам И.Е. Забелина, было «положено себе в особую обязанность всеми средствами стараться сгруппировать в стенах музея архивы достопамятных отечественных писателей с отводом для них особых помещений с присвоением им имен их...»¹. К началу XX в. в одной из башен музея уже существовала комната Ф.М. Достоевского, шел процесс оформления комнаты А.С. Грибоедова, а в 1904 г. в Российский Императорский Исторический музей поступил архив Л.Н. Толстого². Связано это было со следующими обстоятельствами. Жена писателя С.А. Толстая с 1887 г. последовательно передавала рукописи Л.Н. Толстого в Румянцевский музей, но к 1904 г. возникло недопонимание между С.А. Толстой и директором Румянцевского музея И.В. Цветаевым. Как пишет в дневнике Софья Андреевна, однажды Цветаев попросил ее ввиду ремонта освободить помещения, занятые наследием Л.Н. Толстого, под предлогом необходимости хранения более ценных рукописей. С.А. Толстая была этим оскорблена и даже сказала Цветаеву, что она тоже львица, как жена Льва, и сумеет показать свои когти³.

Однако А.И. Станкевич, бывший в то время библиотекарем Исторического музея, в своих воспоминаниях, хранящихся в ОПИ ГИМ, видел конфликт С.А. Толстой с И.В. Цветаевым несколько

Рис. 1. Библиотекарь Исторического музея. А.И. Станкевич. Фотография.
ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 2, Ед. хр. 132. Л. 5

по-другому (рис. 1). Он пишет, что бумаги были определены в Румянцевский музей при его директоре М.А. Веневитинове, и графиня с его разрешения поставила ящики с архивом в одной комнате, близ рукописного отделения, где они стояли довольно долго. Когда же директором Румянцевского музея стал И.В. Цветаев, то ящики с бумагами Толстого были перенесены в другое помещение без ведома Софьи Андреевны, которая, обнаружив это, была возмущена и потребовала объяснения. Цветаев сказал, что музею потребовалось место для чего-то более ценного. «Верно, — пишет Станкевич, — он хотел сказать для чего-то другого, имеющего более изящный вид, но графиня поняла так, что он не считает рукописи Толстого «ценными», страшно рассердилась... и решила

отвезти ящики куда-нибудь... где им было бы оказано больше уважения»⁴.

Как бы там ни было, новым местом хранения наследия Толстого Софьей Андреевной был выбран Исторический музей. 9-го января 1904 г. директор музея И.Е. Забелин сделал запись, что к нему обратилась графиня С.А. Толстая с просьбой принять на хранение бумаги ее мужа⁵.

Интересно заметить, что Л.Н. Толстой был знаком с И.Е. Забелиным, возможно, еще с 70-х гг. XIX в., когда работал над романом времен Петра I и над неоконченными произведениями эпохи конца XVII – начала XIX в. В своих записных книжках за 1870-е гг. Толстой неоднократно ссылался на работы И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей XVI–XVII вв.» и «Домашний быт русских цариц XVI–XVII вв.», «Опыт изучения русской древности», а за 1873 г. в его записных книжках значится адрес Забелина на 3-й Мещанской⁶. В дневниках Забелина, хранящихся в ОПИ ГИМ и опубликованных Н.А. Каргополовой, упоминается о визитах Л.Н. Толстого в Исторический музей. Например, 10 января 1896 г. Л.Н. Толстой принес Забелину полтора дирхема, средневековую арабскую серебряную монету, найденную близ Ясной Поляны, прося дать за нее что-нибудь нашедшему монету мужику⁷. «Дали три рубля. Встретил словами: „Давно не виделись и оба поседел“», – заканчивает запись Забелин⁸. В этот же день Толстой расписался в книге почетных посетителей Императорского Российского Исторического музея⁹. 16 декабря 1897 г. Забелин делает запись о неожиданном визите Толстого, интересовавшегося литературой по этнографии Кавказа, отмечая, что сотрудники музея засыпали графа указаниями на источники по изучению Кавказа. Толстой в это время работал над повестью «Хаджи-Мурат». Подписи Л.Н. Толстого и И.Е. Забелина стоят под коллективным письмом к кишиневскому городскому голове с осуждением еврейских погромов 1903 г.

Но вернемся к истории переезда бумаг Л. Толстого в Исторический музей. 9 января 1904 г. И.Е. Забелин отметил в дневнике: «...была Софья Андреевна, графиня Толстая, супруга Льва Николаевича с просьбой дать ей место в музее для архива Льва Николаевича и его вещей... Конечно, музей очень рад»¹⁰. Чуть позже, 17 января 1904 г. сделала запись в своем дневнике и С.А. Толстая: «Отправилась я ...в Исторический музей к ... Забелину. Едва передвигая ноги, вышел ко мне совсем белый старичок с добрыми гла-

зами и румяным лицом. Когда я спросила его, можно ли принять и поместить рукописи Льва Николаевича в Исторический музей, он взял мои руки, начал целовать, приговаривая умильным голосом: „Можно ли? Разумеется, везите их скорей. Какая радость! Голубушка моя, ведь это история!..“ На следующий день мы осматривали помещение для рукописей, и мне дают две комнаты прямо против комнат Достоевского¹¹».

В письмах к мужу январе–феврале 1904 г. С.А. Толстая описывает свои действия по передаче его архива в РИМ, отмечая любезность и расположение к ней администрации музея: «В Историческом же Щербатов и особенно его милая жена и дочь и старый Забелин произвели на меня очень хорошее впечатление»¹². Описывая лиц, присутствующих при передаче архива, С.А. Толстая особо отмечает помощника библиотекаря Кузьминского, который прежде был артиллерийский офицер, но, начитавшись книг Толстого, не смог продолжать военную службу и вышел в отставку. Он поступил в университет на историко-филологический факультет, был оставлен при университете и работал в Историческом музее. Кузьминский сказал Софье Андреевне, что день передачи рукописей Толстого в музей есть самый счастливый день в его жизни и обещался помочь разобрать и переписать все необходимое. В письме от 17 февраля 1904 г. Софья Андреевна также сообщает мужу, что когда Н.С. Щербатов, занимавший тогда должность чиновника особых поручений при председателе РИМ великом князе Сергее Александровиче, доложил последнему о «моем намерении, он велел мне сказать, что благодарит меня за честь и радость, которую я делаю Историческому музею, оставляя рукописи Льва Николаевича туда на хранение, и кроме того сказал, что это большая радость для всех служащих музея. И, правда, они все там в восторге»¹³.

Хранители музея действительно были очень благодарны С.А. Толстой за такой бесценный дар. А.И. Станкевич в письме к И.Е. Забелину от 12.01.1904 г. пишет, что следует послать Софье Андреевне экземпляр «Горе от ума» и просит Забелина написать при сопровождении книги несколько теплых слов¹⁴.

Помещенные в РИМ материалы, образовали Отдел имени графа Толстого, который постоянно пополнялся новыми поступлениями от Софьи Андреевны и входил в состав музейной библиотеки. В отчетах РИМ за 1905 г. отмечено поступление громадного собрания переписки Толстого, подлинного письменного стола Л.Н. Толстого,

его бюстов работы Н.Н. Ге, Р. Добродеева и князя П. Трубецкого, статуэтки И.Я. Гинцбурга, изобразившего Л.Н. Толстого за письменным столом, а также собрания заграничных изданий сочинений Толстого¹⁵. В отчете за 1906 г. значится поступление карандашного портрета С.А. Толстой, рисованного Л.Н. Толстым и др.¹⁶. В 1907 г. в отдел поступили 66 писем к Толстому от Н.Н. Страхова, 6 писем А.А. Шеншина (Фета) к С.А. Толстой, автобиография С.А. Толстой — рукопись в 4-х томах, два обручальных кольца С.А. и Л.Н. Толстых и др.¹⁷.

В 1908 г., юбилейный год 80-летия Л.Н. Толстого, в музей поступили автографы статей Сенкевича, Оржешко, Короленко, Златоврацкого и др. о Толстом, помещенных в «Русских ведомостях» за 28 августа 1908 г., собрание вещей, адресов, приветственных писем и телеграмм, а также коллекция журналов на русском и иностранных языках, поднесенных Льву Николаевичу по тому же поводу¹⁸.

По воспоминаниям А.И. Станкевича, графиня С.А. Толстая часто приезжала в музей и занималась разборкой всего этого материала. Вещи были помещены в большой витрине, и публика допускалась к их обозрению в те дни и часы, когда была открыта библиотека. По просьбе графини в дверь, ведущую в эту комнату, были врезаны новые английские замки, и Станкевич отпирал комнату только тогда, когда приезжала графиня или когда кто-либо желал осмотреть ее, причем всегда лично присутствовал. Когда кончались занятия, то и комната запиралась на два замка и ключи хранились у него же¹⁹.

Лев Николаевич стал пользоваться услугами библиотеки РИМ. В Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого имеется письмо Станкевича к Софье Андреевне с уведомлением, что часть книг, выданных Л.Н. Толстому, получены обратно, однако за ним еще числятся «Записки кн. Е.Р. Дашковой»²⁰.

Видимо, в музей передавались вещи, связанные с Толстым, и от сторонних лиц. Например, в ОР ГМТ имеется письмо Станкевича в Киев, в парикмахерскую к некоему Соболеву, предлагавшему музею купить сделанный им портрет Льва Николаевича. Станкевич пишет, что портрет музею не подходит, советует предложить его графине Толстой, а присланную фотокарточку портрета готов либо вернуть, либо оставить в музее в качестве дара на усмотрение Соболева²¹.

После смерти Л.Н. Толстого Исторический музей оказался вовлеченным в конфликт, разгоревшийся между Александрой Львов-

ной и Софьей Андреевной Толстыми из-за разногласий о дальнейшей судьбе архива Толстого. 20 ноября 1910 г. состоялось заседание Совета музея, так как в музей обратился поверенный А.Л., С.Л. и И.Л. Толстых Н.С. Муравьев с уведомлением, что по духовному завещанию Л.Н. Толстого все оставшиеся рукописи и бумаги должны перейти к его дочери Александре Львовне, и с ходатайством, чтобы музей продолжал временно хранить все, у него имеющееся, с тем, чтобы никто к хранилищу допущен не был²². Совет постановил оставить рукописи в музее на временном хранении и доступ кому бы то ни было к указанному собранию прекратить. В случае же требований наследников выдачи им указанного собрания, таковую произвести только в присутствии С.А. Толстой, в том числе потому, что часть наследия принадлежит ей лично, как например, ее дневники и пр²³. С.А. Толстая таким решением была очень возмущена и считала, что те бумаги, которые она перемещала из Румянцевского музея в Исторический, принадлежат ей, и ими она имеет право воспользоваться, когда сочтет нужным.

Пытаясь получить доступ к архиву, С.А. Толстая пишет 15.01.1911 г. письмо к товарищу председателя музея Н.С. Щербатову. В нем она объясняет, что работает над жизнеописанием своего мужа, и материалы, хранящиеся в РИМ, ей необходимы для продолжения работы, а учитывая ее преклонный возраст, она не может рассчитывать на работу в далеком будущем и дорожит каждым днем. При этом она обращала внимание на то, что из ее записок «все человечество узнает такие драгоценные подробности, которые известны мне одной. Например: из каких мотивов в творчестве Л.Н. возникли известные типы, эпизоды, события»²⁴. В ответном письме Н.С. Щербатов писал, что готов предоставить ей возможность работы при условии согласования с Александрой Львовной и тем, как он пишет, «прекратить газетный гомон, который созданялся вокруг этого дела»²⁵. Действительно, газеты того времени пестрели заметками на эту тему. В письме в редакцию «Российских ведомостей», опубликованном 23 января 1911 г. Александра Львовна упоминает о разговорах своей матери с сотрудниками «Русского слова», «Русских ведомостей» и др. газет. С.А. Толстая в письмах к А.И. Ксюнину, сотруднику «Нового времени», также просила без ссылок на нее публиковать ее мнения по названному вопросу. Один из основных пунктов расхождений между близкими Л.Н. Толстого заключался в том, что, как пишет Софья Андреевна, она хотела бы, чтобы наследие Толстого находилось

не в частных руках, а под защитой какого-либо просветительского учреждения, что гарантировало бы полную сохранность и целостность рукописей и препятствовало бы попаданию их за рубеж, что мог предпринять А.Г. Чертков. Со своей стороны и Александра Львовна, помимо всего прочего, опасалась, что если рукописи, особенно дневники, окажутся в руках матери, она может по своему усмотрению сделать купюры.

К согласию матери и дочери прийти не удалось. В письме к дочери Татьяне за 5/18 февраля 1911 г. Софья Андреевна пишет, что она и сын Сергей пригласили Александру в Исторический музей, однако Александра прислала оскорбительную для нее бумагу, и их встреча в стенах музея не состоялась. Заметим, что в это время С.А. Толстая в письмах к Н.С. Щербатову, знакомым, прошениях на имя министра Народного просвещения Л.А. Кассо, черновиках статей по-прежнему указывала на намерение оставить все материалы на вечное хранение в Историческом музее. В 1911 г. от нее еще идут поступления в РИМ. В марте 1911 г. она передает в музей на вечное хранение свой дневник за июль–октябрь 1910 г., свои письма мужу, копии дневников Толстого за июль–сентябрь 1910 г. и др.²⁶ А в октябре 1911 г. по просьбе Софьи Андреевны на выставку о Л.Н. Толстом, открывавшуюся в залах музея, был выдан письменный стол Льва Николаевича. Выставка, открывшаяся год спустя после смерти Толстого, стала значительным культурным событием жизни Москвы. На ее открытии присутствовало около 2000 человек. В исполнении идей Толстого, вход для рабочих и учащихся на выставку был бесплатный (рис. 2, 3).

Однако к концу 1911 г. складывается ситуация, отдаленно напоминающая ситуацию с рукописями Толстого в Румянцевском музее.

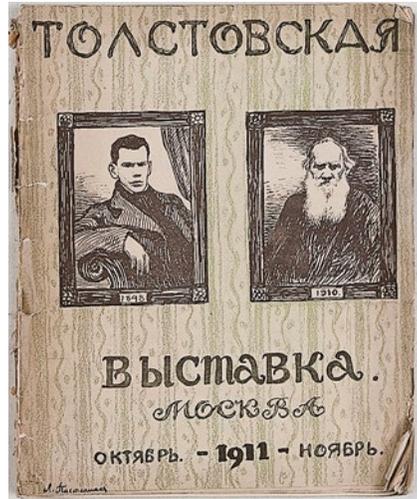

Рис. 2. Толстовская выставка в залах Исторического музея. Москва. 1911 г. Фотограф А.И. Савельев. Художественно-литературный и юмористический журнал «Искры» при газете «Русское Слово». № 40. Воскресенье. 16 октября 1911 г.

ТОЛСТОВСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МОСКВѢ (въ залахъ Историческаго музея).

Фот. А. И. Сидорова.

Л. Н. Толстой на смертныхъ снахъ. Новое произведение скульптора С. Д. Меркурова.

Отдѣлъ русской и иностранной печати.

Отдѣлъ фотографій.

Рис. 3. Толстовская выставка. Москва: Каталог. 1911 г. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. 116 с.

Руководству РИМ в виду того, что музей к этому времени входит в период активного осваивания своих площадей, было необходимо понимание, на какие пространства музей может рассчитывать. В связи с этим характерно следующее письмо князя Н.С. Щербатова к С.А. Толстой от 30 ноября 1911 г.:

«Милостивая Государыня Софья Андреевна.

По возникновении год тому назад пререканий о праве собственности рукописей гр. Льва Николаевича, хранящихся в Музее от Вашего имени, Управление музея изъявило, как Вам известно, согласие на продолжение хранения их впредь до Вашего дальнейшего распоряжения о них. Считаю своим долгом уведомить Вас, что музей вовсе не будет настаивать перед Вами об очищении помещения, занятого рукописями и прочими Вашими вещами в ближайшем будущем, я в то же время нахожусь вынужденным просить Вас, Графиня, благоволить уведомить меня, в каком положении находится ныне дело этих рукописей и состоялось ли окончательное решение об их дальнейшей судьбе. Музей, входя теперь в стадию развития деятельности своих отделений и в том числе библиотеки, должен выяснить и вопрос о приспособлении занимаемой Вами комнаты под библиотеку.

В виду сего, если рукописи имеют остаться в музее навсегда, то они будут размещены в специальных, подлежащих заказу в ближайшие месяцы шкафах для вновь устраиваемого особого отделения Архива. Если же рукописи будут Вами взяты из Музея, то важно, знать, через сколько времени хотя бы примерно это может последовать. Примите уверения в глубоком уважении и преданности готового к Вашим услугам кн. Н. Щербатова»²⁷.

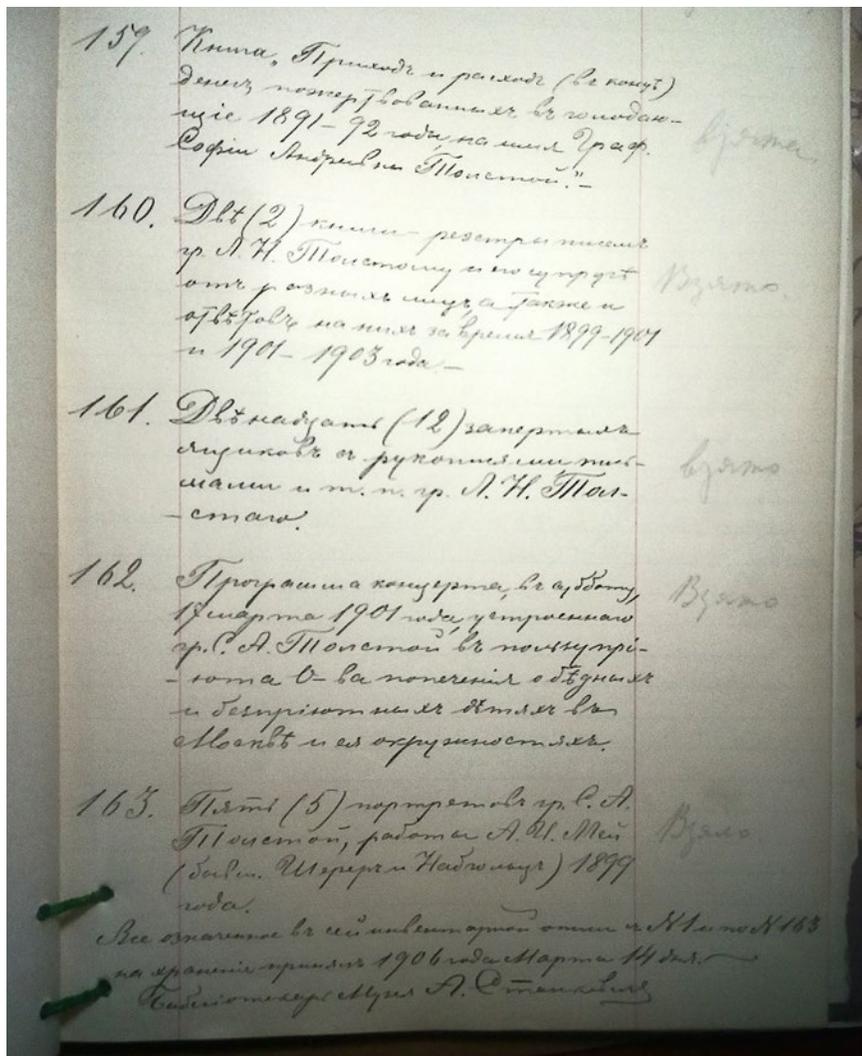
В ответном письме от 04.12.1911 г. Софья Андреевна с досадой замечала, что судьба ее вещей и принадлежащих ей рукописей зависит не от нее, а от музея. «Не имея в руках всего мне принадлежащего, я не могу ничем распоряжаться. Что касается хранения, то если Исторический музей не согласен любезно хранить доверенный мной архив, то я готова по первому требованию музея вывезти все, принадлежащее мне, в другой музей, охотно дающий на это свое помещение...»²⁸.

В прошении о доступе к рукописям на имя министра народного просвещения Л.А. Кассо от 26.04.1912 г. Софья Андреевна говорит о каком-либо просветительном российском учреждении как одном из возможных мест хранения наследия Толстого, в качестве кото-

рого подразумевает уже не только Исторический музей, но и Академию Наук или Центральный музей им. гр. Л.Н. Толстого, если таковой будет основан²⁹.

К моменту принятия сенатом решения спора о наследии Толстого в пользу С.А. Толстой в декабре 1914 г., она утвердилась во мнении передать все материалы Толстого обратно в Румянцевский музей, объясняя свое намерение в письме к хранителю Отдела рукописей Румянцевского музея Г.П. Георгиевскому, с которым у нее с давних пор сохранились доверительные отношения, в том числе и тем, что администрации Исторического музея доверять больше не может после незаконного задержания бумаг и вещей, отданных туда на хранение.

А.И. Станкевич писал, что Софья Андреевна была страшно обижена на Исторический музей за то, что сотрудники не соглашались отдать ей рукописи без разрешения суда. Когда после решения суда она приехала за вещами и рукописями в музей, то Станкевича, находившегося уже в отставке, попросили помочь при выдаче. «Графиня встретила меня дружелюбно и выразила сожаление по поводу моего ухода: „Если бы вы были по-прежнему библиотекарем, то этого не случилось бы“. Чего „этого“ не знаю, ибо я был еще библиотекарем, когда начался их спор, и мне неоднократно приходилось указывать графине на те причины, почему музей не мог отдать ей собрание без разрешения суда. Ведь Александра Львовна предъявила завещание отца, а графиня Софья Андреевна ссылалась лишь на словесное распоряжение мужа»³⁰. При возвращении архива С.А. Толстой присутствовали А.В. Орешников и В.А. Городцов, работавшие в то время в музее, которые в своих дневниках отметили раздражительность С.А. Толстой при встрече с сотрудниками. Городцов сделал в своем дневнике следующую запись: «Рукописи передаются на хранение в Румянцевский музей. Интересно отметить, что в Исторический музей они попали из Румянцевского музея, чем-то не угодившего графине. Это даёт надежду, что рукописи успеют... перекочевать ещё разок и, очень возможно, попадут снова в Исторический музей»³¹. Однако этого не случилось. В начале 1915 г. материалы Л.Н. Толстого навсегда покидают стены Исторического музея. К протоколу журнала заседания Совета Исторического музея за 14.03.1915 г. приложен акт от 29.01.1915 г. за подписью князя Н.С. Щербатова, А.И. Станкевича, М. Петровского и И. Тарабрина о возвращении С.А. Толстой под ее расписку

Инвентарная опись Отделения им графа Л.Н. Толстого в Императорском Российском историческом музее. ОПИ ГИМ НВА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 21

всех вещей, касающихся Л.Н. Толстого, в разное время сданных ею на хранение в Исторический музей³².

В РГБ на память о находившимся там когда-то богатейшем наследии Толстого сохранились три небольших ящика, которые хранятся в Музее истории библиотеки. На днище одного из ящиков

заметны слова «Дневники Л.Н. графа Толстого»³³. В Историческом же музее имеется копия-дубликат одной из инвентарных описей за подписью А.И. Станкевича с перечнем поступивших от С.А. Толстой материалов: напротив каждого предмета впоследствии карандашом вписано: «взято»³⁴ (рис. 4).

Лишившись, так сказать, большей части мемориального и рукописного наследия Толстого, в ряде фондов ОПИ ГИМ можно найти автографы Л.Н. Толстого, а также различные сведения о нем и членах его семьи. Так, в фонде Ф. Толстого (Ф. 344), сохранились два письма-автографа Л.Н. Толстого к Е.Ф. Юнге (ур. Толстой), его троюродной сестре, художнице и писательнице, о ее заметках о Т.П. Пассек³⁵ и о переиздании книги Н.И. Костомарова «Сорок лет». Там же хранятся ее воспоминания о Толстом, которые, как и переписка, были впоследствии опубликованы³⁶. Любопытна ее запись о том, как находясь в поезде в Италии среди представителей среднего класса, она осведомилась, знакомы ли ее попутчики с именем Льва Николаевича, и была потрясена шквалом эмоций и восторга при упоминании его имени. В записях за 10 ноября 1908 г. Е. Юнге приводит отклики зарубежной прессы на смерть Толстого, в частности заметку шведской газеты о том, что не дипломатия знакомила Европу с Россией и заставила уважать последнюю, а Толстой. На страницах ее записей содержатся зарисовки яснополянской жизни с подробным рассказом о ее посещениях графской усадьбы, разговорах Толстого в кругу близких ему людей и его рассуждениях о смысле жизни, воспитании, образовании, отношении к науке и искусству.

В ОПИ ГИМ хранятся материалы рода Олсуфьевых (Ф. 164), некоторые представители которого тесно общались с семьей Л.Н. Толстого. В фонде отложилась переписка Олсуфьевых, в которой упоминается Л.Н. Толстой, а также письма Татьяны Львовны и Софьи Андреевны Толстых близким друзьям, Д.А., А.М. и А.В. Олсуфьевым, опубликованные Ф.А. Петровым³⁷. В письме Анны Михайловны Олсуфьевой к сыну Дмитрию она описывает свое посещение Ясной Поляны, где проходило чтение вслух романа «Воскресенье» в присутствии С.И. Танеева, В.Г. Черткова, Н.Н. Страхова и др. и реакцию слушателей на это произведение. В письме к Д.А. Олсуфьеву за 1896 г. Т. Толстая пишет о предполагаемой поездке с Е. Олсуфьевой на Кавказ, в Нижний Новгород и Саратов. Близкая подруга Татьяны Львовны, Елизавета Олсуфь-

ева скончалась двумя годами позже; за 1898 г. сохранилось письмо С.А. Толстой к ее родителям, А.М. и А.В. Олсуфьевым, близким знакомым Толстых, со словами утешения и поддержки.

В фонде филолога-слависта и издателя, секретаря ОЛРС П.А. Бессонова (Ф. 56) хранятся автографы писем к нему Л.Н. Толстого³⁸, так же опубликованные Ф.А. Петровым³⁹. В письмах писатель сетует на сложности в издании «Азбуки», о которой пишет, что это его единственный труд, которого ему не стыдно и за который о нем останется память. Там же имеется его телеграмма, подтверждающая согласие на чтение романа в ОЛРС и обложка романа «Война и мир» с дарственной надписью Л.Н. Толстого П.А. Бессонову.

Из неопубликованных свидетельств о Л.Н. Толстом, хранящихся в ОПИ ГИМ, отметим дневники Дмитрия Викторовича Гарина-Виндинга (1853–1921), актера провинциальных и Малого театров, инициатора создания убежища для престарелых артистов. С целью получения средств для помощи малоимущим актерам Д.В. Гарин-Виндинг планировал издание литературного сборника, выручка от продажи которого пошла бы в пользу актеров. Стремясь привлечь к участию в этом проекте современных писателей, он ищет встречи с Л.Н. Толстым, чтобы просить его дать для сборника какое-нибудь произведение. Прочитав в газете объявление, что Толстой имел обыкновение кататься на велосипеде в манеже, Гарин-Виндинг поспешил туда, где увидел «человека с большой бородой в маленькой круглой шапочке». Актер отметил, что никогда не видел такой покойной и уверенной фигуры на велосипеде, как Лев Николаевич, которому в то время исполнилось уже 66 лет; «вся его посадка — это картина, рисуй его».

Изложив Толстому свою просьбу, Гарин-Виндинг сказал ему также, что играл в его пьесе «Плоды просвещения» гипнотизера, и оказалось, что Толстой видел его в этой роли и похвалил игру. Затем зашла речь о рукописях, которые постоянно направляли Толстому молодые авторы. «Ужасно боюсь я этих рукописей, особенно дамских, — заметил Толстой. — Тетради вот какой толщины, перевязанные розовой ленточкой. Ну и начинаешь читать и бросить нельзя... потому кое-что есть, но уж очень все разбросано, то там, то сям... Я ведь того мнения, что только посредственность дает читать, да спрашивает мнения. Искренний художник сам чувствует, что представляет его вещь...»⁴⁰. В дальнейшем Гарин-Виндинг в письме к А.П. Чехову просит его напомнить Толстому об обе-

щанном рассказе для сборника, однако в опубликованный сборник «Призыв» никакое произведение Толстого не вошло.

Описание встреч с писателем имеются и в фонде Д.Н. Анучина (Ф. 448), известного антрополога, впоследствии основателя музей Антропологии РАН⁴¹. Выдержки из своих дневников он позже опубликовал в редактируемой им газете «Русские ведомости», в том числе в юбилейном номере за 28 августа 1908 г. Первая встреча Анучина с Толстым состоялась в конце 1891 г. и была связана с изданием сборника в пользу голодающих. Зайдя к Толстому в гости в Москве несколькими месяцами спустя, он беседовал с ним о книге «Царство Божие внутри нас», прося разъяснить отдельные аспекты его мировоззрения. В дневнике Анучин подробно пересказывает взгляды Толстого на науку, искусство, современных художников и музыкантов, социальные проблемы, христианство. Упоминает он и свое посещение «профессорского обеда» в Эрмитаже, где присутствовало человек семнадцать, в том числе Тютчев, Тимирязев, Муромцев и др. В высоком собрании говорили, в том числе, и о Л.Н. Толстом, часть собеседников отрицала его значение как мыслителя, признавая художественный талант. Посещал Анучин Толстого неоднократно и в дальнейшем, что также нашло отражение на страницах «Русских ведомостей».

Хранящийся в ОПИ ГИМ фонд юриста В.А. Маклакова (Ф. 31), свидетельствует о дружеских отношениях, которые он поддерживал как с самим Толстым, так и с его детьми. В письмах к В.А. Маклакову сам Лев Николаевич⁴² и его дети консультируются с ним по разного рода юридическим и финансовым вопросам. Например, в 1915 г. Татьяна Львовна Толстая просит его помочь в деле вызволения из тюрьмы Душана Петровича Маковицкого, врача и последователя Толстого, поставившего свою подпись под воззванием против войны⁴³. Ему же в письме Татьяна Львовна с юмором сообщает о получении Толстым письма из Португалии от некоего состоятельного человека, в котором автор письма предлагает писателю 200 000 франков за то, чтобы он переменял свои убеждения, поскольку его сын, подпав под обаяние мировоззрения Толстого, не ценит того, что он, отец, собрал ему огромное состояние своим трудом⁴⁴.

Сестра В.А. Маклакова, Мария Алексеевна, была близким другом Татьяны Львовны и всей семьи Толстых. В фонде имеются несколько писем к ней Софьи Андреевны и Татьяны Львовны, отра-

жающие и элегические, безмятежные дни их загородного жития, включая описание празднования в семейном кругу 80-летнего юбилея писателя, и полные драматизма столкновения родных после смерти главы семьи.

Письмо Толстой С.А. к Маклаковой от 07.09.1908 г.: «Я действительно замоталась за это время. Посетителей было не очень много, но писем и телеграмм — тысячи. Мы с Гусевым все разбираем, записываем, сортируем, готовим на сдачу в Музей. Истинно трогательно отношение людей к Льву Николаевичу. И так странно, что где-то на свете его празднуют, ликуют, превозносят; а мы тихие, простые люди в нашей скромной обстановке, сидим здесь в Ясной, занятые своими делами, и точно весь этот мировой праздник рождения великого человека совсем нас не касается. Только и Лев Николаевич, и мы все чувствовали какое-то тихое умиление от всех приветствий, и такое настроение чувствовалось весь день 28 августа. Выехал в кресле Лев Николаевич в залу и с нами в первый раз обедал. Кроме Левы и Тани все дети были и все их жены...»⁴⁵. Ей же она сообщает в ноябре 1907 г. о поездках в музей для работы с архивом, а позже — летом 1911 г. о перипетиях с рукописями и дневниками, доступ к которым надеется «отвоевать»⁴⁶.

О популярности Л.Н. Толстого среди своих современников, притом разного возраста, красноречиво свидетельствуют записи жены В.А. Городцова. Узнав, что Толстой в Москве и должен ехать на вокзал, Елизавета Городцова поехала к дому Толстого в Хамовниках, где наблюдала множество таких же, как она, почитателей Толстого, стремящихся увидеть писателя. Публика была, преимущественно, бедного интеллигентного класса. Едва Лев Николаевич вышел из дома и сел в коляску, люди бросились к нему, что-то крича. Когда же коляска отъехала, то одна бедно одетая старушка побежала за коляской и только тогда опомнилась и остановилась, когда коляска скрылась из глаз⁴⁷.

Рассказ Е. Городцовой наглядно иллюстрирует невероятную популярность Толстого. Помещая свои заметки о Толстом в вышеназванном номере «Русских ведомостей», Анучин, как бы в оправдание нужности своей публикации отметил, что о Л.Н. Толстом уже написано невероятно много, но несмотря на это, едва ли можно утверждать, чтобы какие-нибудь, даже самые мелкие дополнения к его биографии были бы совершенно излишними. Так и мы, более 100 лет спустя, считаем небезынтересным дополнить облик

Толстого свидетельствами современников, равно как и вспомнить, что наш музей 10 лет был пристанищем части его бессмертного наследия.

Представляется также перспективным дальнейшее выявление и публикации материалов о Л.Н. Толстом, хранящихся в Историческом музее, особенно в свете грядущего 200-летия со дня рождения великого русского писателя.

- ¹ ОПИ ГИМ Ф. 440. Ед. 129. Л. 49–50.
- ² О передаче материалов Л.Н. Толстого в РИМ см. также: Россия и Толстой: Из материалов отдела рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого / Вступ. ст. Т. Никифоровой // Октябрь. 1997. № 11. С. 171–177. *Коваль Л.М.* Не славы ради. М.; СПб., 2000.
- ³ *Толстая С.А.* Дневники. 1862–1910. Москва: Издательство «Захаров», 2017. С. 546..
- ⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 130.
- ⁵ *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 193.
- ⁶ *Толстой Л.Н.* ПСС: [в 90 т., 79 кн.]. М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 48. Дневники и записные книжки, 1858–1880. С. 100.
- ⁷ В фонде сотрудника РИМ нумизмата А.В. Орешникова (ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 1.) сохранился конверт с автографом Л.Н. Толстого – указанием места, где была найдена монета.
- ⁸ *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки... С. 193.
- ⁹ ОПИ ГИМ НВА. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 12.
- ¹⁰ *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки... С. 212.
- ¹¹ *Толстая С.А.* Дневники. 1862–1910... С. 547.
- ¹² *Толстая С.А.* . Письма к Л.Н. Толстому. М.; Л.: Academia, 1936. – XXVIII + 862 с. С. 749.
- ¹³ Там же. С. 751.
- ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 58.
- ¹⁵ Отчет РИМ за 1905 г. М. 1906 г. Л. 33–34.
- ¹⁶ Отчет РИМ за 1906 г. М., 1907 г. Л. 48.
- ¹⁷ Отчет РИМ за 1907 г. М., 1908 г. Л. 43.
- ¹⁸ Часть этих материалов вошла в книгу, изданную к 190-летнему юбилею писателя: *Толстая Ф.Н.* Как жаль, что Толстой не арбуз. М.: Издательство АСТ, 2018 г.
- ¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 131.
- ²⁰ ОР ГМТ. Ф. 47. Инв.10469.
- ²¹ ОР ГМТ. Ф. 47. Инв. 10471.
- ²² Впоследствии, С.Л. и И.Л. Толстые обратились в музей с уведомлением о том, чтобы заявление от Муравьева от их имени считать недействительным.
- ²³ ОПИ ГИМ НВА. Оп. 1. Ед. 105. Л. 112.

- 24 ОР ГМТ. Ф. 47. КП 13530. 850/2657/2.
- 25 ОР ГМТ. Ф. 47. КП 13530; 830/2657.
- 26 ОПИ ГИМ. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 30.
- 27 ОР ГМТ. Ф. 47, КП 13530, 830/2662.
- 28 ОР ГМТ. 830/2662/2.
- 29 ОР ГМТ. 830/2680/4.
- 30 ОПИ ГИМ. Ф. 351 Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 131.
- 31 Цит. по: *Юхименко Е.М.* Первый, Российский, Исторический... к 125-летию открытия Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 2008. С. 160.
- 32 ОПИ ГИМ НВА. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2–4.
- 33 См. *Коваль Л.М.* Не славы ради... С. 38.
- 34 ОПИ ГИМ НВА. Оп. 2. Ед. хр. 5.
- 35 Татьяна Петровна Пассек (1810–1889), урожд. Кучина, писательница, с 1832 г. была замужем за этнологом-историком Вадимом Васильевичем Пассеком. Родственница и друг А.И. Герцена. Автор воспоминаний «Из дальних лет».
- 36 Ф. 344. *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. Переписка. Сочинения. 1843–1911. М., 2017 г. 544 с.
- 37 *Петров Ф.А.* Л.Н. Толстой и Олсуфьевы // *Новобасманная*, 19: Альманах. М.: Художественная литература, 1991(а). С. 633–642.
- 38 ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 527.
- 39 Переписка Л.Н. Толстого и П.А. Бессонова / Публикация Ф.А. Петрова // *Дом Остроухова в Трубниках: Альманах*. М.: ЭГО, 1995. С. 230–239.
- 40 ОПИ ГИМ. Ф. 79. Ед. хр. 24. Л. 3–7.
- 41 ОПИ ГИМ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 7.
- 42 Письма Л.Н. Толстого к В.А. Маклакову о юридической помощи крестьянам Киевской губернии и т. п. представлены в фонде в фотокопиях (Ф. 31. Ед. хр. 64а).
- 43 ОПИ ГИМ. Ф. 31. Ед. хр. 64. Л. 71.
- 44 Там же. Л. 4.
- 45 ОПИ ГИМ. Ф. 31. Ед. хр. 170. Л. 112–113.
- 46 Там же. Л. 144об.
- 47 ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 367. Л. 1–2.

Кукла в истории: типология, статус, задачи

*«Кукла – сделанное из тряпья,
кожи, битой бумаги,
дерева и прочего подобие человека,
а иногда и животного»*

Словарь Даля

Значение куклы в жизни ребенка изучается многими специалистами на протяжении XX и XXI вв. Начиная с Древнего мира она существует не только в качестве игрушки, но и как предмет декоративно-прикладного искусства. В разные периоды был востребован определенный вид куклы, производство которой зависело от уровня развития цивилизации и отрасли в целом. Предлагаем рассмотреть эволюцию куклы в хронологическом порядке по эпохам, оказавшим влияние на развитие данной отрасли, и увидим, как менялось отношение к ней. Из данного исследования исключена кукла театральная, т. к. она связана с драматургией и сценографией.

Куклы Древнего мира, обнаруженные археологами на территории, например, Древнего Египта, можно разделить на три типа: куклы для шествий и церемоний, куклы-идолы для религиозных обрядов и куклы-игрушки. Последний тип, который в основном и сохранился до наших дней, изготавливали чаще всего из дерева, керамики, алебастра, слоновой кости и льна. Куклы-игрушки имели условно обозначенные части тела и только со временем стали приобретать реалистичные формы. По поводу функциональности таких кукол стоит отметить, что это не была игрушка в нашем традиционном представлении, с которой ребенку позволялось играть, ведь часто подобные изделия создавались из очень дорогих материалов. Данный аспект может являться свидетельством статуса

куклы как предмета интерьера и искусства. В Древней Греции уже было развито производство кукол из глины, ткани и воска, как правило, статичных, но иногда и с подвижными частями. В Древнем Риме существовал свой стиль кукол, о чем позволили судить раскопки в Помпеях. Римляне усовершенствовали ее подвижность, создав подобие шарнира, и благодаря этому кукла стала более «игровой». Дошедшие до настоящего времени шарнирные куклы из драгоценных металлов и камней, скорее всего существовавших в малом количестве, выполняли функции детской игрушки и предмета искусства, возможно, коллекционирования.

Куклы эпохи Средневековья практически не имеют свидетельств их производства или сведений о них как о предмете искусства. Идеологически они не смогли пережить бурные исторические события периода становления христианства, их уничтожали — ведь кукла, как подобие человека, отражала его положение на земле, признавалась идолом и отвергалась церковью. Как выглядела кукла Средних веков, которая наверняка существовала, но не в широком производстве, сегодня доподлинно неизвестно, а современные реконструкции опираются больше на общее представление о костюме Средневековья и создают обобщенные образы эпохи. Соответственно, сложно говорить и о функции куклы, хотя отсутствие ее статуса может предположить, что она не играла какой-либо значимой роли в жизни ребенка или взрослого.

Куклы эпохи Возрождения — именно с них, по сути, начинается производство уникальных кукол, которые сегодня можно охарактеризовать как коллекционные. В XIII — начале XIV в. их производство стало особой профессией. Формировались европейские центры по изготовлению и продаже кукол в Англии, Германии и Франции. Основное производство было сосредоточено на выпуске дешевых кукол из дерева, но наряду с ними создавались и дорогие экземпляры из алебаstra, воска и терракоты. Мастера-кукольники превратились в «авторов», увековечивая свои имена. На рубеже XV—XVI вв. кукол начали одевать, причем для каждой из них одежда из ткани шилась индивидуально, тогда как раньше она была условной или нарисованной. Кукла эпохи Возрождения представлена в двух видах — подвижная игрушка, которой можно менять наряды, и как предмет интерьера, созданный для созерцания. Их продолжали изготавливать в основном из дерева, глины и ткани. В это же время начали формироваться первые коллекции кукол.

Куклы XVII столетия, по сравнению с предшествующими эпохами, больше относятся к предмету коллекционирования. О куклах-игрушках данного периода известно крайне мало – скорее всего из-за того, что во время увеличившегося их ручного производства использовали недолговечные материалы, и, благодаря такому низкому качеству, они попросту не сохранились. К концу XVII в. в Париже был организован первый кукольный цех. Французы начали изготавливать новый тип деревянной куклы, наряженной в роскошные костюмы по последней моде, и называлась она Пандорой – по имени женщины, которая, как гласит древнегреческий миф, отличалась исключительной красотой. За такую куклу монархи всего мира, не жалея государственной казны, тратили деньги, а их возлюбленные не только обновляли гардероб по моделям нарядов Пандоры, но и составляли из них коллекции. Это время взаимосвязи куклы и человека: кукла оставалась подобием человека, а человек стал подобен кукле, т. к. началось повальное увлечение модой, которая диктовалась в свете именно куклой Пандорой.

В XVII в. появилась еще одна знаменитая кукла – восковая (расцвет ее пришелся на середину XIX в.). Создавая ее, мастера пытались за счет фактуры материала сделать тело куклы похожим на человеческое. Впервые она появилась в Италии, потом в Германии, но особую популярность приобрела в Англии. Такая кукла считалась одной из самых дорогих, т. к. процесс изготовления был невероятно сложным и долгим. На протяжении двух столетий восковая кукла еще не воспринималась как игрушка, ее функции сводились к предмету коллекционирования.

Куклы XVIII века характеризуются созданием для них механического устройства. Теперь они способны совершать движения без помощи человека. Начало производства и своеобразной «технической лихорадки» в кукольном мире произошло в 1738 г., когда мастер Жак де Вокансон из Гренобля представил в Париже свое изобретение – механического флейтиста в рост человека, пальцы и губы которого могли двигаться, создавая иллюзию игры на музыкальном инструменте. Подобные механические шедевры позже назвали «автоматоны», и со временем их количество увеличилось. Куклы могли танцевать, двигать головой, писать письма и т. д. С помощью мастеров они достигали технического совершенства и виртуозности. Но, также как Пандора и восковые куклы, стоимость данного изделия порой составляла целое состояние, что делало

их скорее игрушками взрослых, чем детей. Этот вид кукол способствовал еще большему развитию коллекционирования наравне с предметами изобразительного искусства.

Куклы XIX столетия достигли пика своего технического развития, а также разнообразия в материалах и образах. Они выполняли определенные функции и превратились в предмет массового коллекционирования. Существовали различные типы кукол — дама, ребенок и народная кукла, популярность которых пришла на вторую половину XIX в. во Франции. Особое значение и успех имела фарфоровая кукла. Распространению моды на их производство способствовало бурное развитие фарфоровых мануфактур. Прославленные мастера Франции и Германии предпочитали работать исключительно с бисквитным фарфором — хрупкий и утонченный, он так соответствовал элитному статусу куклы. Кроме фарфора для производства кукольных голов использовались воск, дерево, папье-маше, композит (материал на основе бумажной пыли и клея). Тела кукол традиционно изготавливали из кожи ягненка, дерева, текстиля или композита. Французские куклы именитых производителей отличались роскошными нарядами, соответствующие женскому или детскому костюму и пошитые по моде, со всеми необходимыми атрибутами. Кукольный мир XIX в. включал в себя не только одежду, но еще мебель и посуду. Мастера во Франции стремились не только к роскоши, но и к технологическому развитию в производстве кукол, а также к их техническому совершенству — им принадлежит большое количество запатентованных изобретений, таких как шагающая кукла, открывающиеся и закрывающиеся глаза, плачущая или говорящая и т. д. Подобные изделия выпускались небольшим количеством и были дорогостоящими. Зато такие куклы были не только предметом коллекционирования, но и игрушкой для девочек из знатных и богатых семей.

В последней четверти XIX в. начался спад французского кукольного производства из-за появления серьезного конкурента — Германии, которая стала лидером благодаря низким ценам и маленькому количеству элитной продукции. Немецкие кукольники ориентировались, прежде всего, на французских мастеров, но их интересовала исключительно техническая сторона производства. Эстетику и роскошь они заменили практичностью и доступностью. Эти изменения сказались на облике куклы, изысканности ее гардероба, но зато она стала удобной для игры. На рубеже XIX—XX вв.

стал проявляться особый интерес к миру ребенка и детской психологии в целом, что отразилось прежде всего в игрушках. Кукла все больше становилась атрибутом детства и выполняла не только развлекательную функцию, но и воспитательную. Например, изделия для девочек прежде всего ориентировались на приобретение навыков по уходу за детьми, что способствовало широкому развитию производства кукол-младенцев. С их появлением в кукольной индустрии возник большой выбор одежды, мебели, колясок и аксессуаров. Вплоть до 1930-х гг. Германия сохраняла свое лидирующее положение в этой отрасли.

Куклы XX века изготавливались из новых материалов — целлюлоида, пластика. Это вывело на рынок новых лидеров — Англию и Америку. Типология кукол практически не претерпела изменений, добавились только современные образы, которые были навеяны кинематографом и позднее телевидением. Известные люди, литературные и сказочные персонажи, профессии нашли свое воплощение в кукле. Расширялся и мир кукольного быта, который практически превратился в иллюстрацию жизни людей. Это время стало самым массовым по выпуску игрушек и наиболее социально ориентированным. Производители старались охватить все слои населения и для этого создавали куклы разной ценовой категории, а огромный ассортимент позволял подобрать игрушку на любой возраст. В это время практически исчезла коллекционная кукла. Интересным является тот факт, что в прошлом столетии в Германии, Франции, Англии изготавливали куклы исключительно мужчины. В Америке же этим занимались женщины. Возможно, именно это повлияло на изменения в облике куклы. Женщина, получив неограниченные права, имела возможность для самовыражения, прежде всего, через создание своего собственного образа в виде куклы.

Грандиозным событием в отрасли принято считать создание Барби в 1959 г. — самой знаменитой куклы, феномена в истории человечества. Никто и не предполагал, что эта модель так прочно укрепится в жизни людей и будет отражать мировоззрение огромной части населения. Впервые перед широкой публикой Барби предстала в черно-белом купальнике на выставке игрушек в Нью-Йорке. Невысокая цена и непохожесть на другие изделия вызвали неоднозначную реакцию у покупателей, что только помогло Барби привлечь общественное внимание. Вскоре она обзавелась «семьей»,

собственным домом, попробовала себя в различных профессиях. Барби воплотила функции куклы — игрушки и предмета коллекционирования, т. к. практически сразу стали выпускаться уникальные модели в разработке с ведущими домами моды. «Жизнь» куклы Барби во многом иллюстрирует времена и нравы мировой культуры. Менялись вкусы публики, а вместе с ними и Барби, создатели которой стремились отражать современную жизнь. Она была то девочкой с золотыми кудрями, то суперзвездой. На примере Барби можно увидеть, как менялась социальная роль женщины на протяжении десятилетий: от домохозяйки 1960-х гг. до кандидата в президенты в 1991 г. Барби — это, пожалуй, единственная кукла, которая так быстро и надолго покорила мир. Возможно, ее успех в том, что это универсальная модель с определенными общехарактерными чертами, позволяющими создавать идеальный образ.

Куклы XXI века создаются с учетом современных технологий. Их способности стали практически безграничны, они даже могут проявлять эмоции. Территориально рынок производства игрушек значительно сократился и лидируют на нем Китай, США и Испания. С точки зрения своей функции, современная кукла как никогда прежде отвечает всем потребностям ребенка в игре, позволяя создавать различные ситуации.

Главным же направлением в коллекционировании является авторская кукла, искусство которой популярно во всем мире и ее значимость стремительно возрастает. Она, как любое произведение искусства, рождается из художественного образа. Современная авторская кукла, подобно скульптуре, предназначена для созерцания.

Рассмотрев историю развития куклы и ее производства, стоит отметить, что на всем отрезке своего существования она чаще всего выступала в двух ролях — в качестве игрушки и как предмет коллекционирования. Ей придавали разного уровня статус, она выполняла образовательную функцию, но самое главное — приносила радость человеку.

Литература

Голдовский Б.П. Художественные куклы. Большая иллюстрированная энциклопедия. М., 2009.

Греков А.У. Искусство западноевропейской игрушки. Сергиев Посад, 2006.

Дайн Г.Л. Пишу об игрушке. Сергиев Посад, 2013.

Костюхина М.С. Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века. М., 2017.

Куклы мира / Отв. ред. Т. Евсева. М., 2005.

Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. М., 2011.

На детской половине. Детство в царском доме, ОТМА и Алексей: каталог выставки. М., 2000.

Связь времен. Выставка частных коллекций / Авт.-сост. И.Б. Шалугина и др. М., 2011.

Herlocher D. 200 years of dolls. USA, 2005.

Zillner D. Dolls and Accessories of the 1950s. USA, 1998.

С.Ю. Кулябина

Документальные источники Ростово-Мариупольской экспедиции ГИМ о событиях на юге России в 1917–1919 гг.

В собрании Государственного исторического музея хранятся различные документальные памятники, отражающие события Октябрьской революции и Гражданской войны в России. Интересно, что научное комплектование некоторых из них само по себе представляет уникальный опыт по формированию исторической памяти и показывает большой профессионализм сотрудников музея. Ярким тому примером может служить историко-бытовая экспедиция Исторического музея по южным российским городам, состоявшаяся в 1958 г.

Всего в том году сотрудниками ГИМ было проведено 8 историко-бытовых экспедиций разной тематики. Среди них и Ростово-Мариупольская. Она проходила в мае – июне 1958 г. в городах Ростов-на-Дону, Таганрог, Мариуполь (тогда Жданов).

Задача экспедиции состояла в сборе источников, характеризующих экономическое и культурное развитие городов юга России в конце XIX – начале XX в., процесс формирования рабочего класса и его участие в революционной борьбе, начиная с 1905 г.

В дневнике экспедиции ее участниками была сделана запись: «Экспедиция ставит своей задачей также собрать материал, характеризующий быт и культуру разных слоев городского населения.

Отделы музея высказали свои пожелания по привозу предметов для фондов музея.

Основные пожелания нам – привезти документальный и изобразительный материал по истории революционного движения городов, по истории промышленности, как тяжелой, так и легкой (марки, клейма, специфические орудия, модели); одежду разных слоев населения, в том числе национальную (греков в Мариуполе, армян в Ростове-на-Дону, одежду донского казачества), виды фаб-

ричных зданий, городов, домов, образцы архитектурной керамики и др.»¹.

В составе группы от Исторического музея работали: А.М. Шорр, руководившая экспедицией, научные сотрудники Э.И. Бакст, С.Ф. Казакова, Г.М. Лебедева, Ю.Л. Майзенберг, В.Г. Серебренникова, а также представитель старых большевиков Р.А. Глускина.

В статье пойдет речь о коллекции документальных источников по 1917–1919 гг., собранной данной экспедицией. Основное внимание уделяется материалам, которые помогают рассмотреть события этого периода нашей истории с точки зрения представителей различных политических течений того времени.

Документальный фонд экспедиции² состоит из 22 единиц хранения. Источники, относящиеся к периоду революции и Гражданской войны, представлены в нем несколькими группами памятников. В их числе:

- личные документы, биографии, воспоминания участников революционных событий;
- выписки из документов Ростовского архива за 1918 г., дополняющие картину происходившего. Например, «История первой сотни 41-го казачьего полка станицы Кагальницкая»;
- документы социально-экономического характера. Среди них, например, расчетная книжка на получение продовольственного пособия семейством нижнего воинского чина (Пушкарева Михаила Васильевича) за 1914–1918 гг. и удостоверение больничной кассы при заводе Пушкарева за 1918 г.;
- издания периодической печати.

С исследовательской точки зрения большой интерес представляют газеты периода Гражданской войны и записи рассказов участников событий 1917–1919 гг. Значительная часть этих документов – большевистского толка. Однако представлены также источники, отражающие взгляды на происходящие события с «противоположной стороны». Их в коллекции немного. Изучение небошевистских материалов (в основном это газеты) интересно для разностороннего освещения гражданского противостояния в начале XX в., и, конечно, сбор источников такого рода по-своему уникален для 1958 г.

Понятно, что ни выявление, ни сбор печатной продукции, представлявшей сторону белогвардейцев, не входил в задачи экспедиции. Скорее всего, небольшая часть газет «противоположной стороны» была включена в коллекцию для представления «образа

врага». В дневниках участников экспедиции не зафиксированы ни их названия, ни, тем более, принадлежность к противоположной стороне конфликта. Практически вся приобретенная периодика обозначена как «документы-газеты». Существует и одно более конкретное указание. В аннотации для ежегодника ГИМ за 1959 год о собранных экспедицией материалах сказано следующее: «Значительный интерес представляет газетный фонд, полученный от И.И. Бреева, бывшего приказчика, а затем управляющего книжным магазином в Ростове-на-Дону. Газеты охватывают период с 1907 по 1923 год и содержат редкие экземпляры местных газет»³.

В фонде экспедиции хранятся газеты, представляющие разные политические течения того времени. Среди них: «Вестник Добровольческой армии» № 13 за 1918 г.; «Вечернее время» (Новочеркасск) № 79 за 1918 г.; «Вольный Дон», несколько номеров за 1918 г.; «Донской Край» за май и сентябрь 1918 г.; «Кубанский Край», номера за 1918 г.; «Сын Отечества» (Екатеринодар) № 41 за 1918 г.; «Ставропольские ведомости» № 53 за 1918 г. и др.

В результате работы экспедиции также были записаны рассказы участников революционного движения о борьбе с белогвардейцами. Среди них рассказ заводского рабочего, участника боев: «Когда Каледин наступал на город, то мне поручили командовать взводом ... Дисциплина была слабая, военного дела не знали, например, днем сидели-стреляли, а на ночь уходили домой. Когда Ростов был взят Калединым, то я остался у одного еврея — владельца колбасной мастерской. Подбрасывали в рабочие ящики листовки с призывом саботировать работу»⁴.

Рассказ сопровождает пометка сотрудника экспедиции: «здесь противоречие. Рассказчик говорил, что он безвыходно находился у колбасника и, следовательно, разбрасывать листовок не мог»⁵.

Конечно, мы не можем полностью доверять источникам такого рода, поскольку они, будучи политически ангажированными, нередко отражают желание автора преподнести события в определенном свете. Однако информация об отсутствии боевой подготовки сторонников революции весьма показательна.

Также при анализе документального фонда экспедиции интересно обратить внимание на то, что в рассказах о событиях Гражданской войны представлены разные мнения. Вот, например, отрывки из записи устного рассказа Решеткова Ильи Васильевича (Ростов-на-Дону). «И.В. Решетков считает искажением и несправед-

ливостью преклонение перед деятелями Ростовского правительства 1917–1918 гг. — Подтелковым и Кривошлыковым»⁶.

Федор Подтелков в январе 1918 г. был избран председателем Донревкома, а в апреле того же года — председателем Донского Совревкома. В мае 1918 г. он возглавил специальную комиссию, которая под охраной отряда из 120 человек выехала в районы верхнего Дона для проведения мобилизации в Красную армию. Комиссаром в этом походе был Михаил Кривошлыков.

Возвращаемся к записям экспедиции: «Они (Подтелков и Кривошлыков. — С.К.) были выдвинуты как фигуры, близкие к казачеству. Подтелков, по мнению И.В. Решеткова, предал товарищей, выдвинув и осуществив идею похода в северные округа — районы крепкого казачества, которые он хотел распропагандировать и создать сильную революционную армию. Он повел отряд не вдоль железной дороги, где ему могли бы помочь революционные рабочие, а через степи, где жили враждебно настроенные казаки. Когда отряд был окружен, Подтелков отказался от прорыва боем, а сдал оружие, решив, что ему удастся договориться с казаками. Он погиб сам и погубил большой революционный отряд»⁷.

Данную запись сопровождает примечание сотрудников экспедиции: «Присутствовавшие при беседе с т. Решетковым т. Власова Елена Аркадьевна — участник Октябрьской революции и Гражданской войны в Ростове и Глускина Р.А. (старый большевик от Исторического музея. — С.К.) — не согласны с такой оценкой Подтелкова и Кривошлыкова. Они считают, что партия правильно сделала, поставив во главе правительства людей из основной местной группы населения — казачества. Они считают, что Подтелков и Кривошлыков были еще очень сырыми членами партии, не закаленными в революционной борьбе, переоценившими свои возможности в деле быстрого привлечения массы казачества на сторону Советской власти»⁸.

Возвращаясь к небольшевистским материалам, остановимся на характеристике газет белого Юга. Их тематика разнообразна. Это и официальные вестники местной власти, такие как «Вольный Дон»; и литературно-политические издания, такие как орган Юго-Восточного комитета членов Учредительного собрания «Сын Отечества» (Екатеринодар); и другие издания, в том числе литературно-общественные, публикующие фельетоны на злободневные темы.

В целом, несмотря на то, что периодические издания в коллекции представлены разрозненными экземплярами, их изучение

раскрывает перед нами как ход военных действий, так и картину повседневной жизни, во-первых — в разных районах белого Юга, а во-вторых — в разные периоды. Сохранились газеты, изданные на Ставрополье («Ставропольские ведомости» № 53 за 1918 г.), на Кубани, на Дону.

Рассмотрим некоторые издания подробнее. «Вольный Дон» (вестник Объединенного Войскового Правительства) № 16 от 20 января 1918 г. на первой полосе публикует объявление о том, что «4 февраля 1918 г. в г. Новочеркасске экстренно созывается одновременно Большой Войсковой Круг и Съезд представителей от не казачьего населения Области войска Донского»⁹. Время выхода газеты (20 января 1918 г.) — это последние дни работы так называемого паритетного правительства и жизни донского атамана А.М. Каледина. «В это время на Дону масса „простого казачества“, да и многие офицеры, пока еще „держали нейтралитет“»¹⁰. Объявление, о котором шла речь, иллюстрирует попытку правительства использовать поддержку большинства Круга, чтобы сплотить все население против Советской власти.

Указ от 19 января 1918 г., опубликованный в этом же источнике, проливает свет на сложившуюся тогда экономическую ситуацию. В нем говорится о необходимости выпуска новых денежных знаков, в связи с прекращением «центрального управлением государственного банка высылки подкреплений денежных знаков его учреждениям, находящимся в Донской области»¹¹. Данный указ может характеризовать как региональную историю, так и общероссийскую ситуацию того периода, когда единая экономика и единая денежная система были разрушены, при этом появились разнообразные денежные знаки местных правительств.

Газета «Сын Отечества» отражает события на Кубани. В Историческом музее сохранился экземпляр номера 41 от 13 сентября 1918 г. Первая же полоса демонстрирует позитивные приметы повседневной жизни: опубликовано объявление о том, что Кубанское художественное училище возобновит занятия по обычной программе 17 сентября. К событиям военного времени возвращает объявление Комиссии по обмену военнопленными в г. Екатеринодаре. Публикация «Торгового договора Дона с Кубанью» характеризует вопросы взаимодействия местных правительств. В договоре, в частности, говорится: «Кубанское Краевое правительство обязуется заготовить и отпустить по нарядам правительства Все-

великого войска Донского: к 1 января 1919 г. 1,500,000 пудов пшеницы; к 15 октября с. г. 200 пудов семян»¹².

Показателен опубликованный «Сыном Отечества» указ Кубанского Краевого правительства о снижении зарплаты учителям в связи с трудным финансовым положением и обращение правительства к населению с просьбой помочь в оплате труда учителей. Заметка «Во мраке» рассказывает об отсутствии освещения на окраинах города. В новостях также сообщается о распространении холеры в станице Полтавской¹³.

И, конечно, в газетах 1918–1919 гг. есть отдельные рубрики «На фронтах», «Телеграммы», «Оперативные сводки», которые помогают воссоздать картину военных действий.

Таким образом, жизнь белого Юга предстает перед нами в разных ее проявлениях.

В заключении хотелось бы отметить, что документальные материалы по событиям 1917–1919 гг. из фонда экспедиции интересны и как индивидуальный вид источников, и как тематические комплексы. Среди них — разные виды памятников: существующие в одном экземпляре (такие, как записи устных рассказов) и тиражированные, воссоздающие образ эпохи. В отношении небольшие вистской прессы важно подчеркнуть, что сотрудникам ГИМ в годы советской власти удалось и собрать, и сохранить альтернативные источники по истории Гражданской войны. Сейчас, по прошествии многих лет, они становятся востребованными. Рассмотренный комплекс памятников может быть использован как в научных исследованиях, так и при создании экспозиций и выставок.

И еще раз об итогах экспедиции. На сессии ученого совета ГИМ 1959 г.¹⁴ ее работа получила положительную оценку и «вселила уверенность в коллектив музея, что можно собрать нужные и интересные материалы даже в районах, подвергавшихся оккупации и разрушению в годы Великой Отечественной войны. А научный сотрудник Ростовского областного музея, присутствовавший на сессии, отметил, что работа экспедиции ГИМ в Ростове была полезна для оживления и изменения методов собирательской работы Ростовского музея»¹⁵.

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 22. Л. 5 об.

² ОПИ ГИМ. Ф. 284.

- 3 Ежегодник ГИМ за 1959 г. С. 12.
- 4 ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 22. Тетрадь 3. Л. 5.
- 5 Там же.
- 6 ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 22. Тетрадь 1. Л. 3.
- 7 ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 22. Тетрадь 1. Л. 3 об.
- 8 Там же.
- 9 ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 11. Л. 6.
- 10 *Венков А.В.* А.М. Каледин и крах «демократии» на Дону // А.М. Каледин: эпоха и личность. Ростов н/Д, 2012. С. 43.
- 11 ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 11. Л. 6.
- 12 ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 19. Л. 35 об.
- 13 Там же.
- 14 ОПИ ГИМ. Ф. 284. Ед. хр. 22. Л. 40.
- 15 Там же.

Особенности создания музеев в 1920-е годы: на примере музеев в Костроме, Переславле- Залесском и Сергиевом Посаде

Бурное развитие краеведения в первые годы после революции привело к созданию многочисленных музеев местного края. Развернутую программу того, каким должен быть такой музей, представил в ноябре 1918 г. член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры Павел Николаевич Каптерев (1889–1955)¹.

В разработанном П.Н. Каптеревым проекте говорится о необходимости изучения края в целом, стремлении «осветить край со всех, по возможности, сторон и уловить того *genium loci*, который воплощается и в археологии, и в этнографии, и в быте, и пейзаже данного края».

Идея такого «целокупного» подхода к изучению края уже была изложена в краеведческих исследованиях 1920-х гг.² Но Каптерев подробно развил ее применительно к Сергиеву Посаду. Рассказывая о геологическом строении края, в частности ледниковых и межледниковых отложениях, он указывал даже их наиболее интересное местоположение: «например, возле Кокуевского кладбища». Ученый подчеркивал, что Посад издавна является центром игрушечного производства, и считал необходимым в отделении этнографии «подобрать все стадии изготовления деревянных, бумажных и мягких игрушек». Писал Каптерев и о том, каким должно быть изучение центра края – Лавры, которая «связана незримыми, но нерасторжимыми узами со всеми областями местной жизни»³. Одновременно по поручению Комиссии ее членами П.А. Флоренским и П.Н. Каптеревым был составлен и проект Музея Троице-Сергиевой лавры (рис. 1)⁴.

Проект краеведческого музея, представленный П.Н. Каптеревым, несомненно, был идеален. Но можно ли было тогда его осу-

Рис. 1. Павел Александрович Флоренский и Павел Николаевич Каптерев. 1934 г.
Опытная мерзлотная станция в Сковородино

ществить в этом небольшом городе, только с октября 1919 г. ставшего уездным⁵? Первоочередной задачей, на решении которой были сосредоточены все силы Комиссии, была охрана ценностей Лавры, а способом — создание музея. К вопросу создания краеведческого музея вернулись значительно позже, так как в первое время изучать весь край было просто некому.

Но по принципу всестороннего представления края, предложенного в докладе П.Н. Каптерева, после революции создавались музеи во многих других губернских и уездных городах. В тот период этим занимались краеведческие общества. В некоторых местах какие-то музеи уже были, в других они создавались буквально на пустом месте.

История начального периода создания Костромского государственного областного музея связана с организацией в 1912 г. Костромского научного общества изучения местного края (КНОИМК или КНО). В городе уже существовал Романовский музей, создан-

ный Костромской губернской ученой архивной комиссией к празднованию 300-летия Дома Романовых. В нем были сосредоточены не только разнообразные материалы, связанные с царствующей династией (реликвии, портреты, вещи Романовых и пр.), но также собрание церковных древностей, нумизматические коллекции, собрания гравюр и литографий, этнографических предметов и народного быта. Значительная часть их была связана с Костромской землей: вещи, найденные при археологических раскопках, народные костюмы, головные уборы, предметы быта и т. п.⁶

В октябре 1917 г. Романовский музей был передан городскими властями КНОИМК, и музей стал называться Музеем местного края. В него же поступили и экспонаты, которые уже успело собрать КНОИМК. А вскоре музей принял и предметы из древлехранилища Костромского церковно-исторического общества, из Естественно-исторического музея Костромского губернского земства, Музея пчеловодства и нескольких других музеев, а также экспонаты лесного отдела выставки 1913 г.⁷

Несмотря на обилие поступивших экспонатов из разнородных собраний, которые необходимо было превратить в единый музей, сотрудники продолжали активно пополнять его. При этом штат музея, включая заведующего, состоял из трех, а с 1921 г. — пяти человек⁸. Прежде всего, в послереволюционные годы в музей поступали предметы старины, мебель, произведения искусства, книги из национализированных усадеб и церковные ценности из закрывавшихся церквей.

Директором музея в 1919—1928 гг. был ученый-краевед Василий Иванович Смирнов (1882—1841), окончивший Московскую духовную академию и преподававший ранее историю в Костромской гимназии⁹. С 1912 г. он входил в КНОИМК, выполняя сначала обязанности секретаря, а позже (1919—1929), будучи председателем общества. В.И. Смирнов также ежегодно с 1921 г. вел раскопки, участвуя в археологических экспедициях¹⁰. В результате был открыт целый ряд новых памятников: неолитические стоянки, фатьяновский могильник, стоянка с сетчатой керамикой и др. Все найденные при этом материалы поступали в Костромской музей.

При КНОИМК было организовано несколько «станций», в том числе Этнологическая. Руководил ею также В.И. Смирнов, а штат состоял из трех сотрудников. Станция ежегодно организовывала экспедиции по изучению населения края и сбору экспонатов. Кроме

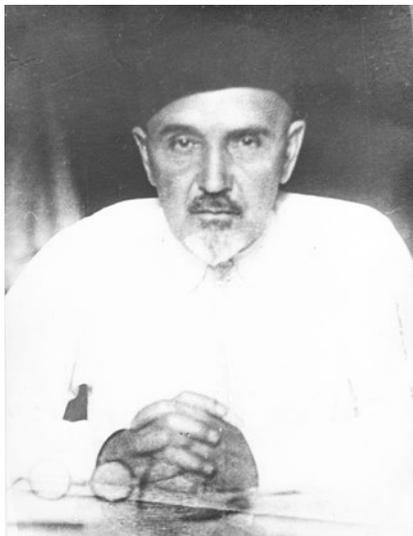

Рис. 2. Михаил Иванович Смирнов.
1920-е гг. Переславль-Залесский

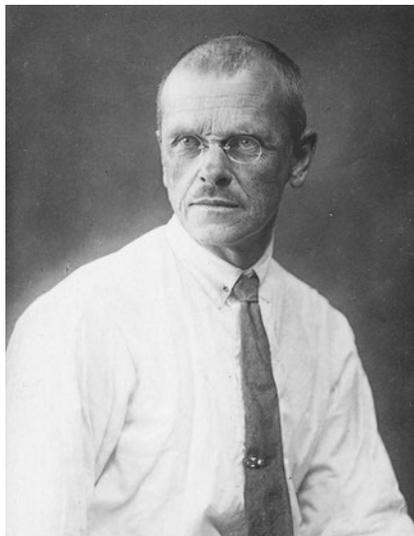

Рис. 3. Василий Иванович Смирнов.
1931 г. Архангельск

того, сотрудники станции на костромском базаре собирали и зарисовывали росписи дуг, орнаменты шитья полушубков и пр. Об успешности работы костромских этнографов свидетельствует диплом 1-й степени, полученный В.И. Смирновым на 1-й сельскохозяйственной и кустарной выставке СССР 1923 года. Он получил его «за руководство собиранием и доставку на Выставку богатейших этнографических материалов по быту и особенно искусству костромских крестьян и ветлужских черемис, замечательно полно и научно осветивших домашний и земледельческий быт края как в фотографических снимках, художественных рисунках, так и в прекрасно выбранных подлинниках — тканях, одежде, посуде, предметах хозяйства, украшенных орнаментами резными, вышитыми и расписанными»¹¹.

В художественный отдел музея поступили произведения искусства, имевшиеся в Романовском музее, и также привезенные из национализированных усадеб (в основном портреты), а с 1918 г. собрание пополнялось картинами, получаемыми из Государственного музейного фонда¹².

В 1925 г. был издан иллюстрированный путеводитель по музею¹³. В нем описаны отделы доисторический, исторический, оружейный, церковный, естественноисторический, этнографический

и художественный. Таким образом, можно сказать, что была осуществлена идея «целокупного» представления края. В создании музея участвовало очень небольшое число лиц, с успехом использовавших и преумноживших сделанное их предшественниками.

В уездных городах краеведческие музеи приходилось создавать впервые, например, в Переславле-Залесском, где энтузиаст, уроженец тех мест историк-краевед Михаил Иванович Смирнов (1868—1949), организовал и создал Переславль-Залесский государственный музей, как он выразился «на чистом поле»¹⁴. Он проработал много лет акцизным чиновником вдали от дома и вернулся после революции на родину. За плечами у него была Вифанская семинария и Нижегородское отделение Археологического института. А еще был интерес к истории. Получив к тому времени навык в работе с архивами, он опубликовал несколько работ в «Трудах Владимирской архивной комиссии», а также издал монографию о Переславле-Залесском.

М.И. Смирнов был в числе основателей Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб; закрыто в 1930 г.), возглавляемого им, и активно работавшего в городе с 1919 г. Датой начала деятельности по организации музея он считал 2 июня 1918 г. И началась она с создания картинной галереи. С большим трудом ему удалось вытребовать в Музейном отделе Главнауки в Москве собрание картин купца И.П. Свешникова, переславца по происхождению, которое тот в свое время передал Румянцевскому музею.

В первое время дальнейшее формирование музейных фондов происходило преимущественно путем вывоза ценных вещей из дворянских имений, находившихся в уезде (картины, акварели, граюры, фарфор, мебель, книги). Для этих целей М.И. Смирнову удалось достать лошадь. Из закрывавшихся монастырей и церквей в музей поступали иконы, старинное шитье, утварь, книги, архивные материалы. Уже в мае 1919 г. музей был открыт в зданиях давно упраздненного Горицкого монастыря. К моменту открытия в музее существовала картинная галерея, отдел быта помещиков и отдел родиноведения (география, естественная история и пр.). Последний был создан при участии ученого-энтомолога Сергея Сергеевича Геммельмана (1877—1938)¹⁵.

Все 1920-е гг. сбор экспонатов активно продолжался. Вскоре был открыт отдел церковных древностей: иконы, предметы из серебра (начиная с XII в.), шитье, резьба по дереву и камню, рукописные

и печатные книги. Был создан и археологический отдел — из подъемного материала и предметов, найденных М.И. Смирновым при проводившихся им раскопках на обнаруженных им же стоянках каменного века. А при поездке в Ленинград Смирнов отобрал для музея картины из Государственного музейного фонда.

Ученые-краеведы того времени сознавали важность своей работы и уделяли большое внимание публикации своих изысканий. Так, с 1917 по 1928 г. было сделано более 40 выпусков «Грудов Костромского общества изучения местного края». В «Трудах Пезан-проба» и «Трудах Переславль-Залесского исторического и краеведческого музея» были опубликованы десятки работ по истории, этнографии, хозяйству, архивам Переславского края. А в 1928 г. М.И. Смирновым был издан путеводитель и справочник по Переславлю-Залесскому. В своих воспоминаниях он писал: «Любой отдел музея, любую экспозицию можно уничтожить. Но напечатанное, хотя бы в ограниченном количестве, все же останется где-то по научным библиотекам и будет существовать, пока не обратится в труху бумага»¹⁶.

В дальнейшем нередко издательская деятельность музеев, по независимым от сотрудников музеев причинам, на десятки лет полностью прекращалась. Принимавшие участие в организации и создании музеев в послереволюционные годы краеведы, чья судьба, как правило, была печальной, в большинстве своем подверглись репрессиям, в том числе В.И. и М.И. Смирновы. В 1930 г. они были арестованы и после пребывания в тюрьмах высланы по приговору, один — на Север, а другой — в Сибирь¹⁷.

В Сергиевом Посаде, о котором в связи с проектом П.Н. Каптерева речь шла выше, краеведческий музей был создан довольно поздно, так как в Сергиевом уезде работа краеведческого общества практически началась только в 1924 г. В первую очередь занялись изучением природы края и кустарных промыслов¹⁸. В числе членов Сергиевского краеведческого общества оказались княжна Анна Дмитриевна Шаховская (1889—1959), имевшая высшее образование в этой области естественных наук и опыт работы при создании Дмитровского музея местного края, и школьный учитель естествознания в Сергиеве, любитель-орнитолог Николай Викторович Шевалдышев (1889—1938)¹⁹. Игрушками занялся Дмитрий Иванович Введенский (1873—1954), ученый, богослов, профессор Московской духовной академии по кафедре Библейской истории. Видимо, эта

Рис. 4. Дмитрий Иванович Введенский. Фото из следственного дела. 1928 г.

тема была ему близка. В 1919–1924 гг. преподавая в Сергиевском городском училище, вместе с учителями он провел обследование всех кустарных промыслов игрушек в городе²⁰.

Краеведческим обществом для изучения хозяйства Сергиевского уезда также практиковалась и такая форма работы, как обследование воскресных базаров в городе, «чтобы выяснить, какие продукты и в каком количестве вывозит каждая волость».

Созданный краеведческим обществом музей открылся для посетителей 2 января 1927 г. Располагался он на территории Троице-Сергиевой Лавры в здании Московской духовной академии. На первых порах штат состоял всего из двух человек: заведующей музеем Валентины Николаевны Мордвиновой (1888–?) и технического служащего. Экспонатов сначала было немного, но в нем имелись отделы геологии и почв, ботаники, зоологии, кустарных промыслов, торговли и быта²¹. Сергиевское краеведческое общество выпустило двухтысячным тиражом листовку о своих задачах, разъяснявшую, в частности, какую помощь жители могут оказать музею. «Ценной помощью будет также отыскивание и собирание для Музея различных предметов — образцов растений и животных, старинных рукописей и монет, книг и рабочих инструментов, старинных

костюмов и домашней утвари»²². А сделанный краеведческим обществом статистико-экономический сборник по Сергиевскому уезду был отнесен к числу лучших в Московской губернии²³.

Но уже весной 1928 г. В.Н. Мордвинову и А.Д. Шаховскую арестовали по обвинению в антисоветской деятельности, после чего музей объединили с Сергиевским историко-художественным музеем²⁴. Через некоторое время отдел социалистического строительства — так стал после присоединения называться Музей местного края — был закрыт, в дальнейшем его экспонаты были утрачены. Попытка вновь создать в Сергиевом Посаде краеведческий музей была предпринята только в середине 1990-х гг. Его открыли как отдел Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника (позднее был переименован в отдел истории и культуры XX–XXI вв.). О «целокупном» изучении района речи уже не было.

Подводя итоги, следует отметить, что краеведческие исследования в первые послереволюционные годы отличает всесторонний подход к изучению местного края в сравнении с современным, преимущественно историческим. И краеведческие музеи тогда создавались как представляющие местный край «целокупно». Обычно в состав музеев в то время входили отделы исторический, этнографический, художественный и широко представленный отдел природы.

Значительным источником формирования музейных коллекций в 1920-е гг. были художественные и исторические ценности, поступавшие в музеи из закрывавшихся монастырей и церквей, национализированных дворянских усадеб; созданные художественные отделы комплектовались в значительной степени за счет поступлений из Государственного музейного фонда.

Рис. 5. Анна Дмитриевна Шаховская.
1920-е гг.

В 1920-е гг. штаты музейных работников были малочисленны, но помогало участие краеведов, не входивших в штат и занимавшихся созданием музеев по велению сердца. Это были настоящие подвижники, бескорыстно отдававшие себя работе.

Несмотря на все трудности тех лет, ученые-краеведы большое значение придавали издательской деятельности. Возможности выпускать хорошо иллюстрированные издания не было. Зато опубликованные ими разносторонние исследования охватывали все особенности местного края.

В те годы не наблюдалось стремления развлекать посетителя музея, в их штатах не было ни экскурсоводов, ни музейных педагогов, а деятельность музеев имела просветительскую и научную направленность. В этом состоит значительное отличие от нашего времени. Скорее всего, это можно объяснить бóльшим в те годы стремлением посетителей к знаниям. Да и сами краеведы были учеными, далекими от всякого рода клубной деятельности.

Нельзя забывать о том, что благодаря подвижнической деятельности и самоотверженности ученых-краеведов и музейных работников в первые послереволюционные годы удалось сохранить многие историко-культурные памятники, ставшие бесценными экспонатами современных музеев.

---

¹ [Смирнова Т.В.] Об авторах сборника «Троице-Сергиева лавра». Биографические справки // Троице-Сергиева лавра. М.: «Индрик», 2007. С. 138–141; она же: Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции VI. М., 2010. С. 253–267.

² О необходимости «целокупного» подхода к изучению края упоминается в работах 1920-х гг. Н.П. Анциферова и И.М. Гревса, членов Центрального бюро краеведения. См.: Анциферов, Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 450.

³ Каптерев П.Н. О задачах Сергиево-Посадского общества изучения местного края. Составлено по поручению Местного общества // Трубачева М.С. Из истории охраны памятников в первые годы Советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры 1918–1925 годов / Музей 5. Художественные собрания СССР: Сб. статей. М., 1984. С. 160–161.

⁴ П.А. Каптерев был арестован по одному делу с П.А. Флоренским — делу «Партии Возрождения России». В 1934 г. находился вместе с ним в Бамлаге, где они оба работали на Сквородинской опытной станции по изучению вечной мерзлоты.

⁵ В 1919 г. был преобразован в город Сергиев, став при этом центром уезда. 6 марта 1930 г. постановлением Президиума ЦИК СССР город переиме-

- нован в Загорск в честь погибшего в 1919 г. революционера В. Загорского. 23 сентября 1991 г. указом Президиума ВС РСФСР городу возвращено историческое название — Сергиев Посад.
- 6 *Новожилова Л.Н.* Коллекция Романовского музея в составе собрания Костромского музея-заповедника // 100 лет Императорскому Романовскому музею: Альбом-каталог. Иваново: Арт-студия «Дягиль». 2014. С. 43–53.
  - 7 *Рябинцев С.В.* История трех музеев // 100 лет Императорскому Романовскому музею... С. 316–317, 320–321.
  - 8 *Дружнева Н.А., Кидяров А.Е.* История музейного дела на Костромской земле за 150 лет // 100 лет Императорскому Романовскому музею... С. 10–11.
  - 9 *Китицына Л.С.* Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882–1941) // *Смирнов В.И.* Народ в тюрьме / [В.И. Смирнов]; Сост. Т.В. Смирнова. Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад», 2011. С. 100–178.
  - 10 Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг. Указатель. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 13.
  - 11 *Китицына Л.С.* Материалы к биографии В.И. Смирнова... С. 126.
  - 12 *Сухарева Т.П.* Костромской художественный музей. События, факты, люди / Под общ. ред. Н.В. Павличковой. Кострома: ООО «Костромаиздат», 2006. С. 40–48.
  - 13 Костромской государственной областной музей. Краткий путеводитель / Сост. В.И. Смирнов; ил. Н.П. Беляевой. Кострома, 1925.
  - 14 *Смирнова Т.В.* Краевед М.И. Смирнов (1868–1949) // М.И. Смирнов и М.М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926) / Сост. Т.В. Смирнова. Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад», 2013 С. 5–30.
  - 15 *Гузилова Т.В.* Это было... было // Коммунар (газета Переславля-Залесского). 1991. 22 января. С. 3–4.
  - 16 Цит. по машинописной копии воспоминаний М.И. Смирнова о 1929 г., хранящейся в архиве автора.
  - 17 В 1930 г. были осуждены (ст.: 58–10 УК РСФСР): В.И. Смирнов (3 г. административной высылки и по этапу отправлен под Архангельск, на станцию Исакогорка) и М.И. Смирнов (на 3 г., выслан в Туруханский край). См. также: *Смирнова Т.В.* Из истории краеведения 1920–1930 гг. (по письмам Д.О. Святского) // Десятые всероссийские краеведческие чтения, Москва – Верея – Великие Луки, 13–17 мая 2016 г. / Союз краеведов России [и др.]. Москва: Краеведение; Великие Луки: МУП «Пустошкинская тип.», 2017. С. 53–62.
  - 18 *Мордвинова В.Н.* Краеведение в Сергиевском уезде // Сергиевский уезд Московской губернии. Статистико-экономический сборник. Сергиев, 1925. С 370–371.
  - 19 Подробнее о А.Д. Шаховской и краеведении в Сергиевом Посаде см.: *Смирнова Т.В.* Князь Д.И. Шаховской и краеведческое движение в Подмосковье в 1920-е гг. // Подмосковный летописец. 2010. № 4. С. 32–41; она же: Из истории краеведческого движения в Сергиевом Посаде (1920-е гг.) // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Можайск, 1–2 июня 2012 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 45–51.

- ²⁰ Введенский Д.И. У Сергиевского игрушечника. Материалы для экскурсии по истории и экономике московской кустарной промышленности. М., 1926. 98 с.
- ²¹ Мордвинова В. Открытие музея Сергиевского края // Московский краевед. 1927, № 1. С. 52.
- ²² Что такое краеведение и почему каждый должен ему помогать. Сергиев. [1928]. 4 с.
- ²³ Сергиевский уезд Московской губернии. Статистико-экономический сборник. Сергиев, 1925. 416 с. (С приложением плана г. Сергиева и карты Сергиевского уезда).
- ²⁴ В.Н. Мордвинова, А.Д. Шаховская и Д.И. Введенский арестованы в числе 80 человек в мае 1928 г. по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в Сергиево Московской обл.» (статья 58–10 УК РСФСР). В 1937 г. В.Н. Мордвинова была снова арестована в Семипалатинске и приговорена к 10 годам ИТЛ. Первый раз Н.В. Шевалдышев был арестован в 1933 г., второй раз – в 1938-м и расстрелян. За многолетний отлов лягушек по прудам Загорска (поставлял их в научных целях московским медико-биологическим учреждениям) был обвинен в «изничтожении естественных врагов mosquitoного комара» и во вредительстве, и тем самым, в принадлежности к диверсионно-вредительской организации. См.: *Шергалин Е.Э.* Светлой памяти педагога, краеведа и орнитолога-любителя Николая Викторовича Шевалдышева (1889–1938) // Русский орнитологический журнал. Экспресс-выпуск 1752. Т. 28. 2019. С. 1477–1481.

История гжельского художественного промысла. Проблемы и перспективы изучения

Гжельский художественный промысел является одним из крупнейших и старейших народных художественных промыслов России. Гжель – это уникальный вид народного искусства, художественная керамика, эволюционирующая во времени качественно и стилистически, – гончарные изделия, майолика, фаянс, полуфаянс и фарфор. Это художественный промысел как особая форма культурной деятельности человека, социокультурный феномен с присущими ему идентификационными признаками – социальными, экономическими, географическими.

Народные художественные промыслы, органически связанные с территорией своего традиционного бытования, обладают ландшафтоопределяющими свойствами, и сегодня культурологи относят их к определенному функциональному типу культурного ландшафта¹. Гжель как народный художественный промысел является уникальным культурным ландшафтом, нуждающимся в изучении и сохранении.

Гжельский промысел как вид народного искусства и организационная форма народного творчества как историко-культурный ландшафт складывался постепенно, на его развитие влияли многие факторы – социальные, экономические, религиозные, культурные. Все эти процессы нуждаются в изучении в их исторической ретроспективе, что дает богатый материал для исследования феномена локальной культуры, бытования, функционирования и трансформации традиционной культуры, в частности, культуры промысловой.

Изучение истории гжельского художественного промысла нуждается в широком культурологическом подходе в контексте истории культуры. Это является одной из задач в целях выработки

оптимальной модели формы сохранения промыслового наследия Гжели как явления культуры.

На сегодняшний день в искусствоведении накоплен богатый опыт изучения гжельского промысла как вида народного и декоративно-прикладного искусства, где в качестве объекта исследования выступают изделия, а предметом являются закономерности и стилистические особенности развития искусства Гжели. Продолжая искусствоведческие традиции, необходимо также определить новое направление анализа такого культурного явления, как Гжель, где в центре изысканий будут не только промысловые изделия с присущими им художественно-стилистическими особенностями, а в первую очередь все социокультурные, экономические, религиозные составляющие промысловой культуры: материально-техническая производственная база, социально-бытовая инфраструктура промысла, место бытования промысла как культурного ландшафта и, наконец, нематериальное наследие промысла — знания и умения мастеров, передаваемых «из-под руки», «из уст в уста» от мастера ученику, то есть социальные механизмы передачи традиции, а также уникальные техники и технологии промысла.

Особое внимание следует уделить изучению так называемой антропологической составляющей промысла — истории семей, целых поколений, столетиями связанных общим семейным делом, а также связи промысла с религией, поскольку многие народные ремесла зародились в среде крупных старообрядческих общин со свойственным им патриархальным укладом, консервативностью, специфической трудовой этикой. На развитие промысла определяющее значение оказывали все крупные исторические события, происходившие в стране, — церковный раскол в середине XVII в. с образованием многочисленных очагов старообрядческой культуры, земская реформа второй половины XIX в., и, конечно, революция 1917 г. с повсеместной национализацией, пагубно отразившейся на преемственности промысловой традиции. Неровное отношение советского государства к народным художественным промыслам на протяжении всего его существования, установление рыночной экономики в 1990-е гг., бурное развитие внутреннего туризма как одной из ведущих отраслей экономики сегодня — все эти явления вызывали неотвратимые ответные изменения в промысле, фундаментально трансформируя его экономически

и социально. Все эти взаимообусловленные процессы нуждаются в глубоком изучении.

Таким образом, по нашему мнению, история промысла должна быть вписана в контекст не только истории художественной культуры и искусства, но и истории вообще.

* * *

История гжельского промысла насчитывает несколько сот лет. Когда на гжельской земле начали заниматься гончарным ремеслом доподлинно неизвестно. Первое упоминание Гжели — одного из сел гончарного ремесленного куста, давшего впоследствии название всей территории распространения промысла, датируется 1328 г. Самые ранние документальные свидетельства о Гжели как о богатой «хорошими» глинами земле, относятся к 1663 г. Сначала в Гжели выполняли самые простые гончарные изделия: кирпич, изразцы, посуду, игрушки. Затем во второй половине XVIII в. начали производить художественную майолику, и к XIX в. она стала средоточием фарфоро-фаянсовых, полуфаянсовых и гончарных заведений с масштабным производством, в которое было задействовано практически все, по преимуществу крестьянское, население большого ремесленного района из трех десятков сел и деревень Гжельской и Карповской волостей Бронницкого и Богородского уездов Московской губернии.

В Гжели одновременно сосуществовало несколько видов производства: надомных и с устройством отдельных производственных мастерских, но всегда с преобладанием ручного труда даже на самых тяжелых этапах производства; использовался труд только членов семьи заводчика, а также привлекалась наемная сила; средоточие всего производственного процесса находилось в руках одного мастера, но существовало и разделение труда.

Гжельский товар в основном был относительно дешевым. В своем производстве гжельцы ориентировались на образцы ведущих отечественных и европейских керамических заводов, оперативно реагировали на веяния моды и потребительский спрос, имели разнообразный и подвижный ассортимент, обилие форм в изделиях бытового назначения. Гжельские изделия раскупались многочисленным мелкопоместным дворянством, мелким купечеством, духовенством, зажиточным крестьянством — Гжель «покрывала» подавляющую долю керамического рынка Российской империи

вплоть до последней трети XIX в., когда эту нишу начала постепенно занимать разрастающаяся сеть фарфоро-фаянсовых заводов и фабрик династии Кузнецовых — выходцев из той же Гжели.

К началу XX в. промысел в производственном и художественном отношении оказался в кризисном положении. В условиях жесткой конкуренции гжельских заводов с промышленным гигантом кузнецовской империи в Гжели произошло укрупнение производства с одной стороны и падение качества художественных изделий — с другой. Но также в конце XIX в. здесь было положено начало профессиональному художественно-промышленному образованию.

К тяжелым последствиям гжельское керамическое производство привела экономическая политика советской власти — национализация, раскулачивание, фактическое истребление фабрикантов, заводчиков, мастеров. Хотя в 1920–1930-е гг., в качестве исключительного явления для Гжели того времени, на заводе «Всекохудожник» довольно успешно шло производство архитектурной керамики местными мастерами и профессиональными скульпторами и художниками. Традиционный народный промысел находился в кризисе, преодоление которого пришлось на 1940-е гг., когда усилиями Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) началось его возрождение на одной из гжельских артелей «Художественная керамика». Изделия Гжели обрели новые форму и стиль, в основу которых была положена и перенесена на фарфор кобальтовая подглазурная роспись по полуфаянсу XIX в. Народное искусство уступило место декоративно-прикладному искусству авторскому, продолжившему его традиции, кустарное производство — художественной промышленности. Старые цеха национализированных после 1917 г. крупных гжельских частных заводов стали производственной базой советских гжельских фабрик, выпускавших преимущественно бело-синий расписной фарфор. В 1980-х гг. возродилась ранее известная в Гжели полихромная майолика. Сегодня в Гжели сосуществуют частные небольшие мастерские и крупные заводы и фабрики, как продолжающие традиции гжельской художественной керамики, так и осваивающие новые стили и техники керамического искусства.

* * *

Впервые Гжель начали изучать в 1830-е гг. в сфере промышленной статистики. Вплоть до конца XIX в. о здешнем промысле писали исключительно экономисты-статисты, не наделяя гжельские изделия высокой художественной ценностью, вследствие чего и без всестороннего изучения вопроса. К отдельным эпизодам истории промысла они обращались лишь с целью охарактеризовать его технологические и художественные особенности. В справочно-статистических трудах Гжель рассматривалась только как крупный промышленно-посудный центр, имеющий значительную долю на рынке фарфоро-фаянсового производства. Так, Самойлов, Нентцель, Исаев, Федченко сообщили немало интересных и ценных сведений о характере производства, об образе жизни и быте гжельских фабрикантов и их рабочих, обычаях и устоях гжельцев, что позволяет рассматривать эти очерки и статьи в качестве информативных исторических источников, пусть и не всегда достоверных в силу субъективности оценки, данной на основе устных преданий и цифр, предоставленных самими заводчиками².

Несмотря на возникший в последней четверти XIX в. в обществе большой интерес к народной культуре, национальной старине и деятельности земства в защиту отечественной кустарной промышленности, промыслу Гжели не было оказано должного внимания со стороны первых исследователей народного искусства. Гжельские изделия долгое время воспринимались как экономическое явление, которому в фундаментальной литературе по русской керамике были посвящены лишь отдельные строчки. В конце XIX в. появляются единичные работы отчасти краеведческого содержания Селезнева, Селиванова, Фуделя, которые выделяются на фоне статистических обзоров XIX в. попыткой дать некую оценку историко-художественной ценности Гжели³. Благодаря им Гжель получила общепризнанное значение в истории русской керамики, оставаясь при этом практически неизученной.

В 1940-х гг. Гжель как ярчайший образец декоративно-прикладного и народного искусства, наконец, открывают искусствоведы. Анализируя стилистические особенности гжельской керамики, искусствоведы обращаются и к истории промысла.

Первым исследователем Гжели как центра народного художественного промысла стал историк, искусствовед Александр Бори-

сович Салтыков, который изучил все доступные источники и весь небогатый на тот момент историографический материал, посвященный промыслу, провел детальный искусствоведческий анализ коллекций гжельской керамики Государственного исторического музея и других. Салтыков впервые написал историю гжельского промысла до 1920-х гг.⁴, вписав ее в контекст истории керамического искусства.

В Исторический музей Салтыков пришел еще во время учебы в МГУ, позже стал хранителем и заведующим секцией керамики отдела домашнего быта, а в 1943 г. возглавил музейный отдел керамики и стекла благодаря большому опыту художественного руководства одним из гжельских керамических заводов. Имея богатые теоретические знания и практический опыт в сфере керамического производства, Салтыков стал одним из ведущих теоретиков в области народного и декоративно-прикладного искусства. Ему удалось атрибутировать гжельскую майолику последней трети XVIII – начала XIX в. и ввести ее в научный оборот, а также составить перечень многочисленных фабрик и заводов гжельского куста XIX в., открыть важные страницы гжельской истории. И по сей день все, у кого вызывает интерес история гжельского промысла, обращаются в первую очередь к трудам Салтыкова. На сегодняшний день это самое полное и глубокое исследование вопроса.

Во второй половине XX в. статус Гжели как одного из крупнейших центров народного художественного промысла продолжал утверждаться в искусствоведческой историографии. В стенах НИИХП, где происходило возрождение промысла, его изучением занимались Н.И. Бессарабова, О.С. Попова, Е.Н. Хохлова, Р.Р. Мусина. Они обращались к различным эпизодам истории Гжели, изучая ее, прежде всего, как вид керамического искусства⁵. Гжель также становилась объектом внимания ученых-искусствоведов, занимающихся исследованием народной культуры в целом, таких как М.А. Некрасова – ученица А.Б. Салтыкова, и И.Я. Богуславская⁶. Гжель изучалась и в контексте истории керамики Л.В. Андреевой, Н.А. Якимчук, К.А. Макаровым⁷. Сотрудники музеев, хранящих гжельские изделия в своих собраниях (ГИМ, ГРМ, ВМДПиНИ, Музей Москвы и др.), изучали Гжель, публикуя каталоги своих коллекций. Это были Т.И. Дулькина (ГИМ), Н.С. Григорьева (ГРМ), Е.Н. Хохлова и Р.Р. Мусина (ВМДПиНИ), Л.Э. Калмыкова, С.В. Горожанина (Сергиево-Посадский музей-заповедник), А.А. Полюлях (Музей Москвы), Т.А. Мозжухина (Государственный музей керамики «Кусково»)⁸.

Особое место среди искусствоведов, изучающих Гжель сегодня, занимает Т.Л. Астраханцева⁹. Несмотря на глубоко искусствоведческий характер ее исследований, она уделяет немалое внимание вопросам истории промысла, открывая новые ее страницы на основе привлечения и изучения ранее не известных источников, заполняя лакуны в истории гжельского промысла.

Большим событием в изучении русской художественной керамики в целом и Гжели в частности можно назвать выход в свет масштабного коллективного труда под редакцией М.А. Некрасовой иллюстрированной энциклопедии по истории русской художественной керамики, где приведены сведения об истории сел и деревень гжельского куста, отдельных фабрик и заводов, художников, изделий и художественных направлений гжельского искусства¹⁰.

Изучение промысла ведется и гжельскими краеведами С.В. Гамелкиным, М.Г. Аверьяновой, Е.В. Никитиной, О.М. Тюленевым¹¹. Основываясь на ценном местном источниковом материале, хотя и не являясь строго научными исследованиями, эти труды имеют существенную социокультурную значимость.

* * *

Несмотря на наличие богатой историографии по гжельскому художественному промыслу, приходится констатировать, что практически весь основной опыт научного изучения гжельского промысла и его истории сосредоточен в сфере искусствоведения. Историю гжельского промысла как социокультурного и экономического феномена, как явления в широком культурологическом понимании еще предстоит написать. Необходимо формирование парадигмально нового исследовательского поля в области культурологии и привлечение новых источников.

Древняя гжельская земля как уникальная историко-культурная территория нуждается в сохранении своего промыслового наследия и поддержании живой и развивающейся промысловой культуры.

---

¹ Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М., 2004; *Мастеница Е.Н.* Культурный ландшафт как объект наследия: подходы к изучению и проблемы сохранения в музеях под открытым небом // *Вестн. Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение.* 2015. № 2 (18). С. 42–51; *Севан О.Г.* Социокультурное проектиро-

вание исторических поселений и малых городов России. Участие население и организация партнерств: монография. М., 2018; др.

- ² Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. Ч. 2. М., 1833; *Самойлов Л.Н.* Статистическое описание промышленности Московской губернии. М., 1845; Статистическое обозрение промышленности Московской губернии / Сост. С. Тарасов. М., 1856; *Федченко Г.П.* Гончарное производство (фарфор и фаянс) // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. В 3 т. СПб., 1862. Т. 1; *Ненцель А.* Очерки Гжели // Сб. мат-лов для истории Москвы и Московской губ. М., 1864; *Исаев А.* Промыслы Московской губернии. Т. 2. Металлические и гончарные промыслы. 1872; *Матисен Н.* Атлас мануфактурной промышленности Московской области. М., 1873; Сведения о фабриках и заводах Российской империи. М., 1885; Сборник статистических сведений по Московской губернии. Фарфоро-фаянсовое производство Гжельского района / сост. А.И. Скрибневский. Т. VIII. Вып. 3. М., 1904; Кустарные промыслы Богородского уезда Московской губернии // Статистический ежегодник московской губернии за 1890 год. М., 1890.
- ³ *Селезнев В.И.* Производство и украшение глиняных изделий в настоящем и прошлом (керамика): Для техников, художников и любителей керамики / сост. В.И. Селезнев, зав. фабрикой эмалей для мозаич. отд. Имп. Акад. художеств. СПб., 1894; *Селиванов А.В.* Фарфор и фаянс Российской империи. Владимир, 1903; *Фудель С.* Гжельский керамический район. Впечатления и выводы // Московский краевед. Вып. 1(9)1929, № 1 (9), М., 1929.
- ⁴ *Салтыков А.Б.* Избранные труды. М., 1962.
- ⁵ *Бессарабова Н.И., Попова О.С.* Традиции русского народного искусства в росписи фарфора. Альбом. М., 1950; *Попова О.С.* Русская народная керамика. Гжель. Скопин. Дымково. М., 1957; *Хохлова Е.Н.* Современный гжельский фарфор // Искусство художественных промыслов на современном этапе. Сб. трудов НИИХП. М., 1982. С. 18–32; *Мусина Р.Р.* Искусство Гжели. М., 1985.
- ⁶ Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII–XXI вв. / под ред. М.А. Некрасовой. М., 2013; *Богуславская И.Я.* Проблемы традиций в искусстве современных народных художественных промыслов // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. Сб. ст. Л., 1981.
- ⁷ *Андреева Л.В.* Советский фарфор. 1920–1930 годы. М., 1975; Искусство Гжели / авт-сост. Н.А. Якимчук. М., 1985; *Макаров К.А.* Гжельский керамический завод Художественного фонда РСФСР. Майоликовое производство в России в 1920–1930-х годах // Русская художественная керамика Х–XX вв. М., 1999; др.
- ⁸ *Дулькина Т.И.* Гжель: люди и вещи (формирование коллекции майолики и полуфаянса) // Забелинские научные чтения. 1997. Сб. трудов ГИМ / отв. ред. В.Е. Егоров. М., 1998. С. 260–268; *Дулькина Т.И., Григорьева Н.С.* Гжельская керамика XVIII–XX веков. М., 1988; Гжель: Керамика 18–19 вв. Керамика 20 в. Альбом / Т.И. Дулькина, Н.С. Григорьева, Т.Л. Астраханцева. М., 1989; *Калмыкова Л.Э.* Народное гончарство Москов-

- ской области XIX–XX веков (по материалам экспедиций Загорского музея) // Из истории собирания и изучения произведений народного искусства. Сб. научн. тр. ГРМ. Л., 1981. С. 99–106; *Мозжухина Т.* Фарфор заводов Гжели // Русский фарфор. 250 лет истории. Каталог / сост. Л. Андреева. М., 1995; *Пололях А.А.* Гжельская белоглиняная керамика XVI–XVII веков. М., 1994; *Дулькина Т.И.* Гжель. Тонкий фаянс. М., 2000; др.
- ⁹ *Астраханцева Т.Л.* Гжельская майолика XX века. Монография-альбом. СПб., 2006; Она же. «Гжель» мнимая и настоящая – проблемы экспертизы и борьбы с пиратством // Авторское и смежное право в Европейском Союзе и Российской Федерации. Программа «Taxis» – Интеллектуальная собственность. Вып. 2. М., 1997. С. 64–77; Она же. Александр Борисович Салтыков и Гжель // «Любовью и единением спасемся...» Проблемы изучения и комплектования народного и декоративно-прикладного искусства. Мат-лы конф. 8–9 июня 201 г. Сергиев Посад, 2016; *Московская Г.П., Астраханцева Т.Л.* Н.В. Глоба, Г.В. Монахов и филиал Строгановского училища в Гжели. Дореволюционные и советские 1920-е гг. // Академик Императорской Академии художеств Н.В. Глоба и Строгановское училище / отв. ред. Т.Л. Астраханцева. М., 2017. С. 339–352; др.
- ¹⁰ Русская художественная керамика. VIII–XXI века. Иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. и научн. ред. М.А. Некрасова. М., 2017.
- ¹¹ *Гамелкин С.В., Капытин М.Г.* Гжель и гжельцы: На родине русского фарфора. М., 1969; *Аверьянова М.Г.* Синеокая Гжель: очерки краеведа / Серия «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья». Раменское, 2014; URL: <http://palata-npr.ru/o-regione/gzhelskaya-i-karpovskaya-volosti/> (Дата обращения: 05.12.2018).

Комплекс фотографий по истории
отечественного кино 1930-х гг. в составе
коллекции фотографий отдела собрания фондов
музея В.И. Ленина. Источниковые возможности

В 2018 г. коллекция фотографий отдела собрания фондов музея В.И. Ленина (ФМЛ) Государственного исторического музея (ГИМ) пополнилась комплексом фотографий, связанных с историей отечественного кино 1930-х гг.¹ Это 13 миниатюрных (от 8,0 × 5,2 см до 9,0 × 5,7 см) фотооткрыток с портретами известных отечественных актеров театра, кино, оперы и балета конца 1930-х гг. и 34 миниатюрных (от 3,5 × 3,7 см до 5,8 × 9,7 см) фотобуклета-«гармошки».

Представляется целесообразным рассмотреть отдельно источниковые возможности фотобуклетов и фотооткрыток. Большую часть комплекса составляют буклеты, напечатанные в СССР с 1936 по 1941 г. 29 из них изданы трестом «Ленгоркино», по одному выпустили управление «Белгоскино», Московская контора «Главкинопрокат» и Ленинградский государственный академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова. В двух случаях издатель не указан. Из 34 фотобуклетов один, изданный Ленинградским театром, посвящен творчеству оперного певца Н.К. Печковского (1896–1966), а остальные представляют собой рекламу к фильмам. Из них четыре буклета посвящены зарубежным кинолентам 1931–1936 гг., а другие – советскому кино 1935–1941 гг.

Для наиболее полной презентации источниковых возможностей фотобуклетов были определены четыре проблемных поля: история кино, история фотографии, история рекламы и повседневная жизнь 1930-х гг.

Миниатюрные фотобуклеты-«гармошки» – вид кинорекламы, характерный для советского периода, в том числе для тридцатых годов. Немаловажно, что именно в то время, когда создавалась отечественная киноиндустрия, особое внимание уделялось рекламе фильмов. В отличие от афиш, стендов и плакатов, существовав-

ших в публичном пространстве, миниатюрные фотобуклеты-«гармошки» (наряду с фотооткрытками) являлись рекламой, предназначенной для личного архива зрителя, и представляли собой типичную продукцию для массового распространения.

Очень показательны для эпохи соотношения буклетов отечественных и зарубежных фильмов. В первой половине 1930-х гг. в рамках жесткой протекционистской политики закупка и показ иностранных фильмов были прекращены, а во второй половине десятилетия очень сильно ограничены. В комплексе представлены наиболее характерные для советского проката второй половины 1930-х гг.

зарубежные киноленты. Прежде всего, это два фильма Чарли Чаплина: «Огни большого города» (фильм 1931 г., буклет 1936 г.) и «Новые времена» (фильм и буклет 1936 г.). Последний стоит отметить особо, поскольку о его закупке и прокате в СССР зампред Комитета по делам искусств при СНК Б.З. Шумяцкий лично ходатайствовал перед СНК².

Другие две картины — это мелодрамы австрийского режиссера Германа Костерлитца с актрисой Франческой Гааль в главных ролях — «Петер» (фильм 1934 г., буклет 1938 г.; рис. 1) и «Катерина» (фильм 1935 г., буклет 1938 г.). В условиях ограниченного проката продукции зарубежного синемаатографа в СССР мелодрамы с Франческой Гааль стали ярким событием. Таким образом, фотобуклеты иностранных фильмов являются «маркером обратной связи» зрителя и киноиндустрии.

Отечественное кино в 1936 г. представлено фотобуклетами фильмов «Бесприданница», «Дети капитана Гранта», «Искатели счастья», «Последняя ночь» и «Подруги» (1935). В 1937 г. были изданы буклеты к прошлогодним фильмам «Депутат Балтики», «Зори

Рис. 1. Обложка рекламного фотобуклета к фильму «Петер». Ленинград: «Ленгоркино», 1938 г. Биговка, склейка. 7,0 × 5,2 см (ГИМ 115388/33. ФМЛ ФОЛ-20381)

Рис. 2. Обложка рекламного фотобуклета к фильму «Волга-Волга». Ленинград: «Ленгоркино», 1938 г. Биговка, склейка. 7,6 × 5,5 см (ГИМ 115388/14. ФМЛ ФОЛ-20362)

Рис. 3. Обложка рекламного фотобуклета к фильму «Бабы». Ленинград: «Ленгоркино», 1940 г. Биговка, склейка, штамп. 7,3 × 4,9 см (ГИМ 115388/22. ФМЛ ФОЛ-20370)

Парижа», «Федька», а также к кинопремьерам года — «Большие крылья», «Юность поэта» и «Петр Первый» (в 1937 г. вышла первая серия). В 1938 г. напечатаны буклеты к первой серии фильма «Великий гражданин» (1937), а также к фильмам 1938 г. — «Волга-Волга» (рис. 2), «Год 19-й» и «Человек с ружьем». Фотобуклеты 1939 г. посвящены кинолентам 1938 г. («По щучьему велению», «Семья Оппенгейм», «Сорочинская ярмарка») и 1939 г. («Трактористы»). 1940-м годом датированы буклеты фильмов-премьер «Бабы» (рис. 3), «Мои университеты», «Оборона Петрограда» (более известен под названием «Разгром Юденича»), «Родина», а также вышедшей на экраны годом ранее «Поднятой целины». 1941 г. представлен буклетом киноленты «Суворов». При этом к одному фильму могли издать несколько буклетов, что и отражено в комплексе, хранящемся в музее.

Небольшая подборка дает представление о классике советского кино второй половины 1930-х гг. Нет необходимости подробно говорить о том, какое значение имели фильмы «Дети капитана Гранта» и «Волга-Волга» для отечественной культуры или трилогия М. Горького, экранизированная Марком Донским (представлена

буклетом к фильму «Мои университеты»), — для всего мирового кинематографа. Не формировавшаяся целенаправленно коллекция все же представляет собой ценный источник информации о работе великих отечественных режиссеров и актеров, а также о жанрах, характерных для советского кино в те годы:

— историко-революционные фильмы («Подруги», «Последняя ночь», «Депутат Балтики», «Зори Парижа», «Год 19-й», «Человек с ружьем», «Оборона Петрограда»);

— исторические фильмы («Петр Первый», «Юность поэта», «Суворов»);

— экранизации произведений классической литературы («Бесприданница», «Сорочинская ярмарка», «Мои университеты», «Дети капитана Гранта»);

— производственная драма («Большие крылья»);

— фильмы о деревне («Поднятая целина», «Бабы», «Трактористы»);

— фильмы о вредителях и шпионах («Великий гражданин», «Родина»);

— музыкальные комедии («Волга-Волга», «Трактористы»);

— приключенческие фильмы («Дети капитана Гранта», «Федька»);

— киносказка («По щучьему велению»);

— фильм на еврейскую тему («Искатели счастья»);

— антифашистские фильмы («Семья Оппенгейм», «Семья Опперман»).

Следует подчеркнуть, что некоторые из упомянутых картин, например «Бесприданница», «Волга-Волга», «Дети капитана Гранта», являлись эталонами своего жанра на протяжении большей части (если не всего) советского периода российского кинематографа.

Фотобуклеты дают представление об усилиях, затраченных на создание сети киностудий. Прежде всего, это буклеты к фильмам республиканских киностудий, не случайно в подборке фигурируют самые известные из них: Киевская (фильм Николая Экка «Сорочинская ярмарка») и Тбилисская (фильм Николая Шенгеля «Родина»). Впрочем, эти сильнейшие республиканские студии созданы еще до 1930-х гг. А вот кинолента «Искатели счастья» (1936) снята на студии «Беларусьфильм», которая в то время находилась в Ленинграде. Любопытно, что буклет к фильму выпущен не «Ленгоркино», а минским управлением «Белгоскино».

Также следует упомянуть о фильмах знаменитой специализированной студии «Союздетфильм», созданной в 1936 г. на базе ки-

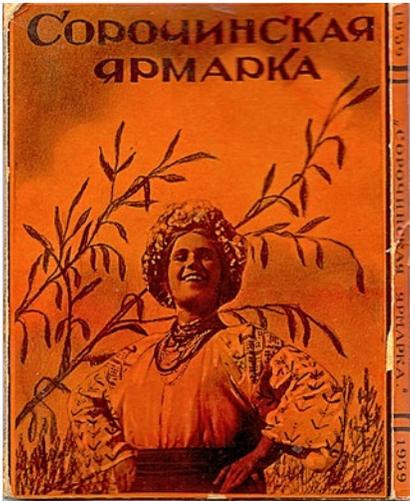

Рис.4. Обложка рекламного фотобуклета к фильму «Сорочинская ярмарка». Художник Н. Виноградова. Ленинград: «Ленгоркино», 1939 г. Биговка, склейка, штамп. 6,7 × 5,2 см (ГИМ 115388/20. ФМЛ ФОЛ-20368)

ностудии «Межрабпомфильм». Они представлены буклетами двух знаковых лент. Это сказка «По щучьему велению» — первый полнометражный фильм режиссера Александра Роу, первая большая роль Георгия Миллера, а также начало их длительного творческого содружества. Вторая лента — «Мои университеты» — заключительная часть уже упомянутой легендарной кинотрилогии Марка Донского.

В составе комплекса также есть буклет еще одного фильма, занявшего свое место в истории советского кино. Это «Сорочинская ярмарка» — первый украинский цветной фильм и один из первых цветных советских (рис. 4).

Наконец, не следует забывать и об особенностях тридцатых годов. В подборке имеется буклет фильма Михаила Дубсона «Большие крылья» (1937). Это производственная драма с Борисом Бабочкиным и Зоей Федоровой в главных ролях. Кинолента получила хорошие отзывы, в том числе от Г.К. Орджоникидзе, но буквально перед выходом в прокат в «Правде» была опубликована разгромная статья «Фальшивое кино». Картина в прокат не вышла, пленка не сохранилась, а рекламный буклет успели издать и пустить в продажу.

Следует отметить, что из 33 рекламных фотобуклетов только два (к фильмам «Мои университеты» и «Родина») изданы типографским способом. Все остальные представляют собой серебряно-желатиновые отпечатки. Иными словами, в большинстве случаев перед нами фотографическая продукция.

Что касается содержания буклетов, то, поскольку речь о рекламе, целесообразно объединить два проблемных поля — история фотографии и история рекламы.

Безусловно, миниатюрные фотобуклеты — продукция массовая. Это полная противоположность высоким образцам советской ре-

кламной фотографии. Но такая фотореклама «оседала» в домах зрителей, именно с ней человек часто сталкивался в повседневной жизни. Поэтому представляется важным исследование подобных буклетов в контексте идеалов и норм советской и мировой визуальной рекламы (прежде всего, фотографической). Например, в оформлении 16 буклетов из 33 использованы графические вставки (как составляющая дизайна обложек) и/или виньетки, обрамляющие изображения. Таким образом, миниатюрные буклеты стали ближе к характерным для тридцатых годов коллажам, в которых использовались фотографические изображения. Подобные коллажи наиболее известны по рекламным и политическим плакатам.

Кроме того, оформление фотобуклетов позволяет судить об идеале женской красоты в 1930-х гг. Безусловно, акцент, сделанный на женские образы, характерен для дизайна комплекса в целом, но в одном случае это наиболее заметно. Речь идет о буклете к фильму «Дети капитана Гранта», где на передней и задней страницах обложки помещены портреты Мэри Грант в исполнении Ольги Базановой, находившейся тогда в самом начале своей карьеры. Дело в том, что на обложках обычно помещали фото двух главных героев. Так, обложку буклета к фильму «Бесприданница» украшают портреты Ларисы и Паратова (Нина Алисова и Анатолий Кторов), а к фильму «Большие крылья» – авиаконструктора Кузнецова и его возлюбленной Лёли (Борис Бабочкин и Зоя Федорова). Стремясь подчеркнуть значение одного из персонажей, на задней странице обложки помещали кадр из фильма, как на буклете к киноленте «Бабы».

На вторую страницу обложки буклета к фильму «Дети капитана Гранта» могли поставить портрет Роберта Гранта в исполнении Якова Сегеля, но именно Ольга Базанова соответствовала существовавшим в тридцатые годы стандартам красоты, поэтому ее и только ее фотографии украсили обложку (рис. 5).

Рассматривая фотобуклеты, как отражение истории повседневности, необходимо тщательно исследовать их происхождение и бытование в составе комплекса. Проблема в том, что, прежде чем попасть в музей, он прошел через несколько рук, и данные о семье владельцев фрагментарны. Фотобуклеты и фотооткрытки переданы в ГИМ Д.М. Юриновым. К сожалению, он не знал, к какой социальной группе относилась во второй половине 1930-х гг. его

Рис. 5. Обложка («лицо» и «оборот») рекламного фотобуклета к фильму «Дети капитана Гранта». Ленинград: «Ленгоркино», 1936 г. Биговка, склейка. 5,7×4,7 см (ГИМ 115388/2. ФМЛ ФОЛ-20350)

семья, каков был ее достаток, кто именно и когда собирал эту коллекцию, являлся ли тот человек поклонником определенных жанров, режиссеров, актеров. Единственное, что можно утверждать: все хранилось в составе одного и того же личного архива.

Отсутствие полной информации о семье владельцев не позволяет корректно вписать предметы комплекса в социокультурный контекст. Для исследования социокультурного значения миниатюрных рекламных фотобуклетов к фильмам и фотооткрыток с портретами кинозвезд необходимо привлекать дополнительные источники. Но цены и тиражи можно проанализировать уже сейчас.

У 30 из 33 буклетов известна цена, которая колеблется от 60 коп. («По щучьему велению») до 2 руб. 50 коп. («Петр Первый»). В эту статистику не входят два буклета, изданные типографским способом, они дешевле, чем фотографические (по 50 коп.). Прямая зависимость от года издания не прослеживается.

Небесполезными будут и данные о тираже. Тираж известен для 14 буклетов из 33 (к фильмам 1938–1941 гг.). Чаще всего он составлял 30 000 экз. (для восьми буклетов, среди которых «Волга-Волга» и «Бабь»); три буклета — по 20 000 экз., к фильму «Поднятая це-

лина» — 35 000 экз., к киноленте «Сорочинская ярмарка» — 60 000 экз. А вот буклет к фильму «Суворов» издан в 1941 г., уже во время Великой Отечественной войны, тиражом всего в 2000 экз.

Напечатанные тиражом в 30 000 экз. буклеты — не самые дешевые в составе комплекса: среди них есть «гармошки» стоимостью 1 руб. 25 или 50 коп. Разброс цен на фотобуклеты и информация о тиражах позволяют говорить о массовом сбыте данной рекламной продукции. А это еще один штрих к портрету повседневной жизни СССР второй половины 1930-х гг. Очень характерен такой результат для эпохи зарождения индустрии детского кино, которая включала не только создание специализированной киностудии и выпуск соответствующих фильмов, но и установление специальных цен на детские сеансы. Предположительно стоимость миниатюрных фотобуклетов, посвященных детским фильмам, также была ниже.

В состав комплекса миниатюрных фотооткрыток входят тринадцать портретов: Марии Бабановой, Янины Жеймо, Ивана Козловского, Сергея Лемешева, Леонида Любашевского, Марии Максаковой, Любви Орловой, Марии Семеновой, Аллы Тарасовой, Бориса Тенина, Николая Хмелева, Николая Черкасова, Бориса Чиркова — итого девять киноактеров, три оперных певца и одна балерина. Иными словами, небольшой комплекс представляет собой выборку портретов отечественных звезд 1930-х гг. По тематическому признаку к перечисленным открыткам следует присоединить фотобуклет, посвященный творчеству оперного певца Николая Печковского.

Где изданы миниатюрные фотооткрытки, неизвестно, в семи случаях мы знаем фотографа — это Евгений Рокотов. Им выполнены портреты Марии Бабановой, Янины Жеймо³, Любви Орловой, Аллы Тарасовой, Бориса Тенина, Николая Черкасова и Бориса Чиркова (рис. 6).

Лишь в одном случае известна дата издания: фотопортрет Марии Максаковой напечатан в 1936 г. (рис. 7). Во всех остальных случаях можно лишь определить временной диапазон. Поскольку артисты позиционируются как орденосцы, он выбран с учетом времени вручения орденов. В результате хронологический период применительно к комплексу в целом был сужен до 1937–1940 гг.

Ни одна из тринадцати фотооткрыток не издана типографским способом, во всех случаях речь идет о серебряно-желатиновых отпечатках. У всех — оборотная сторона без стандартного почтового бланка.

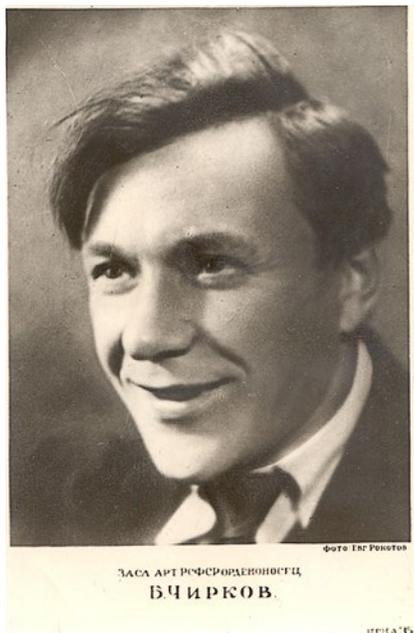

Рис. 6. Фотооткрытка миниатюрная «Заслуженный артист РСФСР орденосеца Б.П. Чирков». СССР, предположительно 1938 г. Фотограф Е. Рокотов. 8,1 × 5,3 см (ГИМ 115388/47. ФМЛ ФОЛ-20395)

Рис. 7. Фотооткрытка миниатюрная «Заслуженная артистка РСФСР М.П. Максакова». СССР, 1936 г. 8,6 × 5,0 см (ГИМ 115388/40. ФМЛ ФОЛ-20388)

Анализируя коллекцию фотобуклетов и фотооткрыток, целесообразно выделить три проблемных поля: история фотографии, история кино, история повседневности. С точки зрения истории фотографии речь об одном из наиболее традиционных и устойчивых ее коммерческих видов: портреты кинозвезд были характерной и востребованной продукцией фотоателье начиная с середины XIX в. На рубеже веков уже можно говорить о спросе на портреты артиста как показателе его популярности, опираясь, в частности, на рассказы А.П. Чехова⁴. Поэтому ожидаемыми направлениями исследования миниатюрных фотооткрыток представляются, с одной стороны, выявление их особенностей и значения в рамках эволюции подобной продукции в целом, начиная с середины XIX в. (в том числе сравнение с зарубежными аналогами). С другой — выявление их места и роли в контексте коммерческой советской фотографии 1930-х гг. Имеется в виду ее традиционный вид, кото-

рый в XX в. стал частью фотографической рекламы в широком смысле этого слова (в том числе кинорекламы). Особенно легко это можно проследить на примере советской фотографии. В фотографии зарубежной сложилось направление, получившее название *Fashion & Celebrities* (*англ.* мода и знаменитости)⁵, в рамках которого неразрывно сосуществовали портреты знаменитостей и рекламная фотография. В СССР такое направление не выделялось, хотя, по сути, два вида этой коммерческой продукции также сосуществовали и в советской фотографии.

Безусловно, тринадцать фотооткрыток и один фотобуклет не являются репрезентативной портретной галереей отечественных звезд 1930-х гг., тем более речь не только о кино. Но сопоставление портретов с другими источниками позволяет рассматривать их как выражение официального и зрительского отношения к ведущим артистам того времени.

Необходимо учитывать, что здесь рассматривается эпоха создания отечественной киноиндустрии, неотъемлемой частью которой являлся культ «звезд». Этот вопрос исследован киноведами в рамках дореволюционного периода, когда киноленты являлись коммерческими⁶. Конечно, в 1920-е гг. отечественные киноартисты также пользовались популярностью, хотя именно в то время производство фотопортретов знаменитостей не было столь широким: коммерческая индустрия уже перестала существовать, а государственную еще не создали. Но «карточки» заменяли иллюстрации из журнала «Экран»⁷.

Портреты кинозвезд 1930-х гг. отражают качественно новый этап в развитии данного вида кинорекламы — она принимает индустриальный характер. При этом 1930-е гг. — время создания советской государственной кино- и фотоиндустрии, период, когда ее частью становятся традиционные виды коммерческой фотопродукции: студийный массовый портрет, портреты знаменитостей⁸.

Особенности этого вида коммерческой фотографии неразрывно связаны с их бытованием, ведь хранившиеся в личных архивах фотооткрытки отражали зрительские симпатии владельцев.

Остается привести данные по ценам, поскольку данные о тиражах отсутствуют: 33 коп. (шесть открыток), 35 коп. (одна открытка), 40 коп. (пять открыток). В одном случае цена неизвестна. Таким образом, данные по цене имеются для подавляющего большинства предметов. Кроме того, разброс цен не так велик, как у буклетов.

Хотя здесь следует подчеркнуть, что в большинстве случаев мы не знаем точную дату издания и невозможно утверждать, что все тринадцать фотооткрыток напечатаны в течение двух лет, или проследить, как менялась цена из года в год и менялась ли она вообще. Примечательно, что фотопортреты оперных певцов и балерины стоили на несколько копеек дороже, чем портреты киноартистов, хотя причиной могло быть время издания.

Миниатюрные рекламные фотобуклеты и фотооткрытки обладают богатыми источниковыми возможностями с точки зрения истории фотографии, истории кино, истории рекламы и истории повседневности.

Портреты знаменитостей занимают свое место в истории фотографии. Безусловно, в специальной литературе упоминаются, как правило, фотопортреты XIX в. Но фотооткрытки советского периода также широко известны. С точки зрения источниковедения открытка — хорошо знакомый материал, хотя открытые письма с портретами артистов источниковедам еще только предстоит включить в число излюбленных объектов исследования. Миниатюрные рекламные фотобуклеты к фильмам, напротив, — источник не столь хорошо изученный. В специальной литературе они практически не упоминаются и пока не востребованы исторической наукой в целом и источниковедением в частности. Поэтому можно говорить о необходимости введения миниатюрных рекламных фотобуклетов к фильмам в научный оборот и проведения соответствующих источниковедческих исследований. Например, небезынтересно выявление комплексов фотобуклетов в личных и государственных архивах и сравнительный анализ подобных коллекций в контексте социального положения и зрительских симпатий владельцев. Также представляется интересным исследование различных видов советской кинорекламы 1930-х гг., значимой частью которой являлись миниатюрные фотобуклеты-«гармошки» и фотографические открытки с портретами кинозвезд.

---

¹ ГИМ-115388/1—47 ФМЛ ФОЛ-20349—20395.

Данный комплекс поступил в музей от заведующей сектором истории России XX — начала XXI в. научно-экспозиционного отдела ГИМ Н.Н. Чевтайкиной. Увидеть изображения всех этих предметов можно в Государственном каталоге Музейного фонда РФ.

- ² *Граценкова И.Н., Фомин В.И.* История российской кинематографии. 1896–1940 гг. М., 2016. С. 604.
- ³ Фотооткрытка с таким же портретом Я.Б. Жеймо авторства Е. Рокотова была издана «Ленгоркино» в 1938 г. На ее лицевой стороне, в правом нижнем углу – логотип «Ленгоркино», именно этот экземпляр представлен в каталоге Президентской библиотеки. На открытке из собрания ФМЛ ГИМ логотипы отсутствуют, поэтому можно лишь предположить, что и она издана не ранее 1938 г.
- ⁴ Рассказы «Он и она» (1882) и «Калхас» (1886).
- ⁵ См.: *Левашов В.* Лекции по истории фотографии. М., 2012.
- ⁶ См.: *Граценкова И.Н., Фомин В.И., Зоркая Н.М.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976.
- ⁷ См.: *Граценкова И.Н.* Киноантропология XX/20. М., 2014. С. 151.
- ⁸ Все частные фотоателье в приказном порядке были закрыты или национализированы в 1930 г., но в государственных ателье студийные фотопортреты делали как и прежде.

Д.Я. Кондратенко

Авиация дальнего действия в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны в Государственном историческом музее открылась выставка «Сталинская гвардия в боях за Родину». Экспозиция одного из залов была посвящена авиации дальнего действия (АДД). Авторы выставки, сотрудники музея О.А. Блюмфельд, Е.И. Дракохруст, Е.И. Индова, собрали уникальный материал, который сейчас хранится в нескольких отделах ГИМ: оружия, нумизматики, ИЗО, тканей и костюма. Но основной массив документов и фотографий находится в отделе письменных источников (ОПИ).

Большинство материалов, связанных с АДД, поступило в музей в конце 1943 – начале 1944 г. Это краткие истории создания полков, данные об участии в боевых операциях и количестве вылетов, списочные составы, краткие сведения о награжденных, фотографии, боевые листки и стенгазеты, а также предметы, принадлежавшие летчикам. В 1960–1980-е гг. собрание ГИМ пополнилось личными вещами командира 10-го гвардейского авиаполка полковника И.К. Бровко и наградами Героя Советского Союза, заместителя командира 750-го авиаполка полковника И.М. Зайкина.

Авиация дальнего действия в начале войны называлась «дальняя бомбардировочная авиация» (ДБА). В Боевом уставе бомбардировочной авиации 1940 г. значится, что она «имеет основным назначением подрыв военно-экономической мощи противника действиями по его глубокому тылу, уничтожение линейных сил военно-морского флота, прекращение и нарушение железнодорожных, морских и автомобильных перевозок крупного масштаба. Дальняя бомбардировочная авиация действует вне тактической и оперативной связи с наземными войсками, в интересах ведения войны в целом»¹.

В отчете ГИМ за 1943 г. подчеркивалось, что «работа летчиков АДД протекает в особо трудных условиях. Продолжительность полетов, трудные метеорологические условия, ночные и слепые полеты – все это требует особо высокого мастерства, стойкости и отваги. Не случайно в рядах АДД свыше 50 Героев Советского Союза»². К концу войны их стало значительно больше – 273, согласно опубликованным сведениям.

Действия АДД имели не только военное и экономическое, но также политическое значение, особенно когда наши самолеты бомбили столицы вражеских государств. О летчиках дальнебомбардировочной авиации писали в газетах, о них делали радиопередачи. В ГИМ поступили материалы 8-й гвардейской авиадивизии дальнего действия, 45-й гвардейской авиадивизии дальнего действия, 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 11-го и 25-го гвардейских полков – первых воинских подразделений, получивших звание гвардейских АДД. Летчики этих частей бомбили Берлин, Данциг, Кенигсберг, Тильзит, Инстербург, Варшаву, Ангенбург, где предположительно находилась ставка Гитлера, и другие города противника. В Историческом музее есть документы 21-го дальнебомбардировочного полка, рассказывающие о боевых вылетах в самом начале войны.

Дальняя бомбардировочная авиация была наиболее маневренной и мощной из всех видов и родов войск. Сюда отбирали лучших, опытнейших летчиков, элиту авиации. Среди них Герой Советского Союза гвардии капитан И.Ф. Андреев (1910 г. р.), штурман майор И.Ф. Бубенцов (1910 г. р.), штурман лейтенант Я.Л. Быков (1914 г. р.), командир полка подполковник И.И. Глущенко (1907 г. р.), командир звена гвардии капитан С.П. Даньшин (1911 г. р.), штурман эскадрильи гвардии майор С.И. Куликов (1913 г. р.), Герой Советского Союза заместитель командира эскадрильи гвардии капитан И.Ф. Матвеев (1912 г. р.), Герой Советского Союза гвардии штурман майор Ф.А. Минкевич (1904 г. р.), заместитель командира полка гвардии майор Н.Я. Поликарпов (1907 г. р.), Герой Советского Союза заместитель командира полка гвардии подполковник П.П. Радчук (1909 г. р.), командир эскадрильи капитан М.М. Волков (1910 г. р.), командир экипажа майор А.В. Вихарев (1912 г. р.) и др. Это грамотные, опытные летчики и штурманы. Многие из них, как А.В. Вихарев, были участниками войны с Финляндией.

В 5-м гвардейском авиаполку дальнего действия служили люди, прошедшие советско-финляндскую войну, воевавшие в Испании

или участвовавшие в походах в Западную Украину и Западную Белоруссию. Опытнейший летчик М.В. Симонов в 1937 г. участвовал в перелете Хабаровск — Николаевск-на-Амуре — Охотск — бухта Нагаева — Петропавловск-Камчатский.

Все полки прислали в ГИМ «итоги боевой работы» с 1941 по 1943 г.: сколько самолето-вылетов осуществлено в дневные и ночные часы, суммарное время налета, тоннаж сброшенных бомб, количество сброшенных листовок, пораженные цели. Так, в документах, присланных 2-м гвардейским авиаполком, указано, что его боевой налет составил 15 650 часов. В списке уничтоженных целей числятся два моста (мост — одна из самых сложных целей), 150 танков, 500 автомашин, 6 складов с боеприпасами и 3 с горючим; разбит крупный штаб, взорвано 75 железнодорожных эшелонов, 70 железнодорожных депо и зданий, сброшено 4212 кг бомб. В отчетах подчеркивалось: «Это то, что поддалось учету и подтверждено наземными войсками и партизанами»³. Люди явно не хотели, чтобы их заподозрили в приписках. Понятно, что боевой налет был выше в той части, самолеты которой чаще летали на дальнее бомбометание: бомбить Берлин, Данциг, Кенигсберг, Бухарест, Будапешт и др.

В музей также прислали фотографии, списки орденосцев и списки погибших, поименно указали Героев Советского Союза. При этом, хотя каждый полк подчеркивал, сколько в нем Героев, и в материалах АДД из фондов ГИМ упоминаются 27 летчиков, удостоенных этого звания, большинство из них представлены только фотографией и краткой подписью к ней.

Например, в 5-м гвардейском авиаполку служил Герой Советского Союза П.А. Таран, вскоре ставший дважды Героем. В музей отправили только одну его фотографию, на которой ему вручают партбилет. Герои Советского Союза Ф.А. Минкевич, Е.П. Федоров, П.П. Глазков, служившие в 3-м гвардейском авиаполку, присутствуют только на групповых фото. Создается впечатление, что те, кто готовил отчетность, хотели, чтобы люди узнали как можно больше летчиков. О Героях писали в прессе, рассказывали по радио, они были известны всей стране. Следует помнить, что в АДД это звание давали по количеству боевых вылетов и часов налета, в результате к концу войны Героев в тех же полках стало больше, чем указано в списках, переданных музею.

В фондах ГИМ есть комплекс мемориальных материалов, связанных с личностью дважды Героя Советского Союза А.И. Мо-

лодчего. Эти вещи неоднократно экспонировались. В составе комплекса — летный комбинезон, фотографии, письма, газеты, копия наградного листа и донесение о бомбежке Данцига от 18 августа 1942 г. Среди материалов, связанных с АДД, хранится еще одно боевое донесение экипажа Героя Советского Союза капитана И.Ф. Андреева — штурмана Рода, стрелка-радиста Петрова и стрелка Голубого — о бомбардировке аэродрома противника в г. Дугино 14 августа 1942 г. Это очень редкие документы. Благодаря им становится понятно, какого физического напряжения требовали боевые вылеты. Если время полета в Дугино — 2 ч 25 мин, то в Данциг — 8 ч 45 мин. Второго пилота у экипажа не было. В наградном листе А.И. Молодчего есть такая запись: «...Даже тогда, когда на территории противника сдал один мотор, летчик ведет на запасную цель, сбрасывает бомбы и сажает самолет на аэродром посадки»⁴. Журнал «Огонек» напечатал статью о нем под заголовком «Лучшие люди нашей страны» и портрет боевого летчика. Почему выбрали именно его, понятно — это был самый молодой дважды Герой. И хотя летчик был женат (в статье об этом упомянуть «забыли»), девушки засыпали его письмами. «Хочется мне вести с Вами переписку, рассказывать, вернее, описывать друг другу о целях, о жизни» — писала одна из читательниц с Урала⁵.

В ГИМ также переданы материалы, связанные с именем другого прославленного летчика, погибшего Героя Советского Союза гвардии подполковника П.П. Радчука, бомбившего Брест, Варшаву, Кенигсберг, Данциг, Тильзит и Инстербург, а также стратегически важные дорожные узлы, крупные базы снабжения, забытые эшелонами, и склады. В фондах музея есть фотографии, награды (в том числе медаль «Золотая Звезда»), наградные документы, боевой листок его подразделения.

Мемориальные предметы поступили и из семьи Героя Советского Союза легендарного капитана Н.Ф. Гастелло.

В материалах, предоставленных 4-м гвардейским полком, есть запись, что все они для «полкового музея». Не совсем ясно, собирались ли в полку организовать свой собственный музей или имели в виду выставку ГИМ. Эти документы охватывают период с начала боевых действий по 28 января 1943 г. В музей поступили списки орденосцев и погибших за указанный период, статистика полетов и боевых действий, фотографии, сведения об истории формирования воинского подразделения.

По приказу наркома обороны от 2 августа 1940 г. в составе ВВС Забайкальского военного округа был сформирован 250-й тяжелый бомбардировочный авиационный полк дальнего действия. С октября 1940 г. по май 1941 г. он проходил боевую подготовку по программе ночной бомбардировки. Большая часть летно-технического состава участвовала в боях на Халхин-Голе, 143 бойца имели награды. С 25 июня 1941 г. полк в полном составе вылетел на Западный театр военных действий. Летели восемь дней (6200 км), 9 июля приземлились в Ворошиловграде.

18 августа 1942 г. «за проявленную отвагу в боях за Родину с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за проявленный героизм личным составом»⁶ полк был преобразован в 4-й гвардейский авиационный полк дальнего действия. Тем же приказом НКО в гвардейские преобразованы еще несколько полков.

На примере этого подразделения видно, что, хотя дальние бомбардировщики, обладавшие небольшой скоростью и имевшие слабое оборонительное вооружение, должны были использоваться преимущественно ночью, их слишком часто отправляли на боевые задания днем. После отступления Красной армии и потери аэродромов дальнебомбардировочная авиация часто использовалась «не по назначению», на слишком близкие для нее расстояния для бомбежки наступающих частей вермахта, зачастую без прикрытия истребителями.

По сведениям, хранящимся в ГИМ, машины 4-го гвардейского авиаполка дальнего действия больше летали днем. Они бомбили войска противника, переправы и мосты, аэродромы, железнодорожные станции и промышленные предприятия, перебазировали летные части, сбрасывали десант в тыл, доставляли грузы к партизанам, перевозили раненых. Только с августа 1941 по декабрь 1942 г. были перевезены 1047 раненых. Одной из важнейших задач АДД стало сбрасывание листовок. За образцовое выполнение именно этого задания командования Южного фронта приказом Военного совета Южного фронта двадцать человек в полку наградили серебряными часами. Так, А.И. Молодчий сбросил 12 000 листовок над территорией противника за один вылет, что отмечено в боевом донесении. Пятый гвардейский авиаполк специально изготовил диаграмму, отражающую количество сброшенных листовок по месяцам, с 25 июня 1941 г. по 22 июня 1942 г.⁷

Отдельные самолеты из этих полков и даже целые эскадрильи перебрасывались на другие участки фронта и передавались в другие соединения. Так, несколько машин под командованием заместителя командира 4-го гвардейского авиаполка капитана Н.Я. Поликарпова базировались на аэродроме Большой Токмак (Запорожская обл.) в составе 5-й авиадивизии до марта 1942 г. А это участие в военных операциях в районах Днепропетровска, Кременчуга, Дереевки, Борислава, Полтавы, Черкасс, Мариуполя, Осипенко, Деническа (Геническа), Армянска, Сталино, Таганрога, Успенского, Матвеева Кургана, Ростова-на-Дону. Случались боевые вылеты и в Крым, от Джанкоя до Феодосии и Керчи. Боевые действия велись по разгрому группы генерала Клейста. Летчики делали в ночь по два-три вылета.

В январе 1942 г. эскадрилью капитана Гаврилова перебросили в Калинин для оказания помощи нашим войскам в тылу противника, за что этим летчикам была объявлена благодарность Военным советом Калининского фронта. 18 августа 1942 г. состоялось награждение летчиков дальнебомбардировочной авиации; старшему лейтенанту И.Ф. Матвееву присвоили звание Героя Советского Союза (в более поздних документах он числится капитаном). По документам, поступившим из 4-го гвардейского полка дальнего действия, с 1 августа 1941 г. по декабрь 1942 г. в полку погибли восемь человек. Все они — орденосцы, командиры и штурманы эскадрилий (а это четыре самолета; про остальных членов экипажей ничего не известно). Притом, если сравнивать со списками погибших в других полках, перед нами явно не полный перечень имен.

Экипаж тяжелого бомбардировщика состоял из четырех человек: летчика, штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка. В зависимости от типа самолета могло быть другое количество людей. Так, экипаж гвардии капитана В.В. Пономаренко, сбитого под Орлом, насчитывал семь человек, а экипаж капитана Е.А. Тимшина — восемь. В материалах 25-го гвардейского авиаполка (бывшего 746-го) 45-й авиадивизии дальнего действия приведен перечень членов экипажа старшего лейтенанта И.Т. Лисачева — 11 человек. Они первыми в полку получили награды за успешное выполнение заданий командования в первых семи боевых вылетах. Существование других, столь же больших экипажей документально не подтверждено. Отчасти это связано с большими потерями людей и техники в самом начале войны.

Иногда потерь удавалось избежать. Герой Советского Союза гвардии майор А.В. Вихарев, которого самого трижды сбивали, вынес раненого штурмана на себе из-за линии фронта. Семнадцать раз он совершал вылеты в глубокий тыл противника. Однажды, когда его самолет, возвращавшийся после выполненного задания, сбили, летчика подобрала партизаны и переправили в часть. Сохранилась фотография «Гв. майор Вихарев по возвращении из партизанского отряда», а также этикетки к вещам Вихарева, которые экспонировались в ГИМ во время войны и затем были переданы в музей: «Одежда Героя Советского Союза гвардии майора Вихарева, в которой он действовал вместе с партизанами, когда был сбит его корабль на территории, временно оккупированной немцами» и «Унты и шлемофон Героя Советского Союза гв. майора Вихарева, в которых десятки раз он летал на города – Кенигсберг, Данциг, Берлин, и громил военно-промышленные объекты врага»⁸. С этими вещами в музее за долгие годы произошла метаморфоза. Кто и когда сокращение слов «гв. майор» (гвардии майор) прочел как «генерал-майор», мы уже не узнаем. Но дело в том, что действительно существовал генерал-майор авиации Вихорев Александр Иванович, политработник. Так вещи Героя Советского Союза Вихарева Алексея Васильевича стали числиться как вещи генерал-майора Вихорева.

В ночь с 22 на 23 июня 1943 г. зенитной артиллерией в районе станции Дно Ленинградской области был сбит гвардии старший лейтенант Шамрай из того же 25-го гвардейского авиаполка дальнего действия, что и А.И. Вихарев. Месяц он воевал вместе с партизанами, пока 29 июля 1943 г. его не переправили через линию Ленинградского фронта и он смог вернуться в часть. В материалах полка есть интересная фотография «Ст. лейтенант Шамрай в партизанском отряде».

На одной из фотографий, хранящихся в ОПИ, – группа из семи человек: гвардии капитан Пономаренко, штурман гвардии майор Легкоступ, летчик гвардии капитан Хорошилов, воздушный стрелок гвардии старшина Ярцев, радист гвардии лейтенант Борисов, стрелок-бомбардировщик гвардии младший лейтенант Корблинов и воздушный стрелок гвардии старшина Евстегнеев. Это экипаж гвардии капитана Пономаренко из 2-го гвардейского авиаполка дальнего действия, вернувшийся из вражеского тыла. 20 июля 1943 г. их самолет сбили в районе Орла после удачной бомбежки.

Спасение не вернувшегося экипажа было огромным счастьем. Однополчан ждали до последнего, даже когда проходили все сроки. В документах обычно писали «не вернулся с боевого задания». 26 июня 1941 г. с первого вылета на бомбежку вражеской территории не вернулись семь экипажей 21-го авиаполка дальнего действия. Шесть из них считались пропавшими без вести, в том числе экипаж старшего лейтенанта И.С. Чебанова. Спустя время всех (18 человек) зачислили в списки погибших. Но из опубликованных источников выяснилось, что Чебанов в том бою выжил. Его дальнейшая судьба не совсем ясна. В опубликованных списках Министерства обороны этот летчик числится как уволенный в запас, но есть сведения, что он попал в плен к румынам. О том, что ожидание порой не было напрасным, писал Герой Советского Союза В.В. Решетников — летчик 8-й гвардейской авиадивизии дальнего действия.

В июле 1942 г. вернулся в часть после гибели машины и воздушный стрелок гвардии старший сержант Г.Е. Абдула, сбитый в районе Н-Сокольники (Калининский фронт). Сохранилась фотография, на которой он снят сразу после возвращения, в рваной гражданской одежде. К сожалению, из имеющихся в ГИМ документов, рассказывающих о чем-то спасении, не всегда ясно, что стало с остальными членами экипажа.

У спасшихся было огромное желание вернуться в свою часть. В материалах АДД есть рассказ о стрелке-радисте И.Л. Украинцеве, отличившемся в боях под Сталинградом. Его самолет вел бой с двумя «мессершмиттами», один удалось сбить, но и сам бомбардировщик подбили. Украинцев, который лишился глаза, смог выпрыгнуть из самолета, остался жив, попал в госпиталь. Фотография, присланная в музей, адресована лучшему другу из Серпухова и датирована 4 августа 1943 г. Сделана она, по-видимому, в госпитале. На скупом описании подвига синим карандашом в красной рамке сделана надпись: «Сейчас т. Украинцев жив, здоров, находится при части 8 гв. АДД»⁹.

Иногда ценой своей жизни летчики спасали экипаж. Среди материалов 3-го гвардейского авиаполка дальнего действия есть фотография гвардии майора В.Г. Опалева с краткой характеристикой. Этот опытный и храбрый летчик участвовал в бомбардировках вражеских объектов в Харькове, Сталино, Брянске, Витебске, Орле, Днепропетровске, Полтаве, Пскове, Данциге и Кенигсберге. В документе указано, что он совершил 167 боевых вылетов.

17 июля 1942 г. его экипаж выполнял задание на трофейном Me-110 («мессершмитт»), что само по себе было опасно, так как этот самолет могли подбить свои же зенитки. В бою наши летчики сбили Ю-88 («юнкерс»), но попали под зенитный огонь. На охваченной пламенем машине В.Г. Опалев сумел дотянуть до линии фронта, где все члены экипажа выбросились с парашютами и приземлились на своей территории. Но 23 марта 1943 г. самолет В.Г. Опалева, разбомбивший железнодорожную станцию Конотоп, обстреляла зенитная артиллерия противника. Уже над своей территорией, в районе Льгова, летчик дал возможность членам экипажа выбраться с парашютами, а сам разбился. Его похоронили в селе Машкино (Курская обл.) две девушки – Лена Семенова и Дуся Косицкая, которые и прислали в полк сообщение. В таких случаях в части точно знали не только, что человек погиб, но и где он похоронен.

В Брянских лесах в районе Дятьково учительницей-партизанкой Александрой Павловой похоронен гвардии стрелок-радист бомбардировщика старшина Ф.М. Марченко. Он участвовал в бомбардировках Берлина, Кенигсберга, Данцига. На тринадцатом боевом вылете был ранен, вскоре вернулся в часть и воевал с осколком в ноге, совершил 195 боевых вылетов. В ночь с 3 на 4 августа 1943 г. после бомбежки Брянского железнодорожного узла погиб при обстреле его машины самолетом противника. Среди документов 3-го гвардейского авиаполка, где он служил, сохранилась фотография улыбающегося старшины...

Среди документов 1-го гвардейского авиаполка хранится несколько историй о боевой жизни, написанных «по горячим следам» на том, «что под руку подвернулось». Так, рассказ о полете в 3-ю армию и в окруженные части можно прочесть на обрывке упаковочной бумаги. Чувствуется, что о настоящих подвигах люди писали как о привычных будничных вещах.

Поражает рассказ о событиях, происшедших в октябре 1941 г. В ночь с 4 на 5 октября эскадрилья тяжелых бомбардировщиков под командованием капитана К. Иванова выполнила боевую задачу и вернулась на свой аэродром. Экипажи ушли отдыхать. Но противник, используя отсутствие наших наземных сил на данном направлении, стремительно шел на Вязьму и Москву. 5 октября в 12:00 к аэродрому подошли танки и мотоциклисты противника. Более половины личного состава эскадрильи (в основном летчики) оказалось отрезано от своих машин.

Необходимо было спасти технику. Противник находился в 900 метрах от самолетов. Наши зенитки немцы подавили с воздуха бомбардировщиками. Летчиков не хватило, боеприпасов было мало. Капитан И.Д. Маслов, захватив ценное военное имущество, без второго пилота поднял машину в воздух, хотя в небе над аэродромом находились самолеты противника. Вслед за ним без штурмана и второго пилота вылетел капитан Е.В. Нарыжный. Один бомбардировщик вылетел с молодым летчиком лейтенантом Н.Ф. Львовым (позднее он погиб) и старшим техником отряда Швидченко. Бомбардировщик № 10 остался без пилота, штурмана и техника. Возле самолета собрались воздушный стрелок старшина Н. Лозин, радист Коваленко и моторист Хоменко. Они уже собирались поджечь самолет, но медлили — жалко машину. Однако среди оказавшихся на аэродроме наших десантников (к сожалению, его фамилию автор рассказа не помнил. — Д.К.) был старший лейтенант, летчик, давно не летавший. Он приказал запустить моторы, взлетел и привел самолет без штурмана на Тушинский аэродром в Москве. В результате противнику не оставили ни одного самолета.

Следующей ночью командир эскадрильи капитан К. Иванов пробрался на свой аэродром, захваченный немцами, проверил землянки, убедился, что самолеты и боеприпасы не достались врагу, и «только после этого начал уходить с вражеского тыла»¹⁰.

Интересен рассказ капитана Головина о том, как в ночь с 16 на 17 ноября 1942 г. бомбардировщик ТБ-3 обледенел и упал на занятую противником территорию. Члены экипажа во главе с капитаном Семеновым стали пробиваться к своим, убили двух венгерских солдат и с их карабинами перешли линию фронта. В советской форме, с пистолетами, документами и (что особенно подчеркивалось) партбилетами возвратились в часть. Один из тех трофейных карабинов — «Манлихер» М-95 — экспонировался в ГИМ в годы войны, а сейчас хранится в отделе оружия. «Этикетка» к нему с той выставки в настоящее время находится в фондах ОПИ¹¹.

Не менее интересен рассказ гвардии капитана Е.А. Тимшина о посадке самолета в тылу врага. Гвардии капитаны Тимшин и Филин в ночь с 20 на 21 января 1942 г. получили задание перебросить пушки с боеприпасами и боевыми расчетами. До партизан было два часа лёта. Садись в поле, покрытом снегом толщиной не менее 50 см. Самолет Филина при рулении застрял, он трижды пытался взлететь, а Тимшин полчаса летал над аэродромом, ждал,

пока не освободится посадочная полоса. В итоге он передал груз, принял на борт раненых и взял курс на свой аэродром. Летали в исключительно сложных условиях.

Тот же Тимшин вспоминал, как в ночь на 2 мая 1942 г. перебрасывал первомайские подарки бойцам и командирам частей генерала П.А. Белова, сражавшимся в глубоком тылу врага. Посадку производили при свете факелов, колеса увязли почти на 30 см, по мощности моторов не хватило для взлета, и, чтобы стронуть машину с места, подключили бойцов. Самолет с трудом вырулил на линию старта и взлетел. Сейчас может показаться, что не стоило так рисковать ради каких-то посылок с подарками, но солдатам было очень важно знать, что дома о них помнят.

22 мая 1942 г. летчики, в том числе и Е.А. Тимшин, получили задание перебросить боеприпасы и личный состав для окруженных частей 3-й армии. На подлете к аэродрому немецкие самолеты атаковали один из самолетов. Производить посадку пришлось вслепую, поскольку факелы были израсходованы. В отчете – короткая запись: «Сели нормально, забрав раненых, мы полетели на свой аэродром»¹². Надо отметить, что, возвращаясь из окруженных частей или от партизан, летчики всегда старались вывезти раненых. К сожалению, гвардии капитан Е.А. Тимшин и гвардии майор В.П. Филин не дожили до Победы...

Очень интересны архивные записи воспоминаний участников первых авианалетов на военные объекты Германии, служивших в 45-й дивизии дальнего действия и входящем в ее состав 25-м гвардии авиаполку. Они совершили много вылетов на территорию противника. Рассказы этих людей явно прошли литературную обработку. Возможно, это связано с тем, что в 1942 г. вышел сборник «Ночные действия авиации», в котором опубликованы воспоминания штурмана П.Г. Томкевича, стрелка И. Базаева, пилота А.С. Додонова о бомбардировке Кенигсберга, также хранящиеся в ГИМ.

А вот рассказы командира майора Угрюмова и летчика лейтенанта Ковалева о бомбардировке военно-промышленных объектов Берлина в августе 1941 г. записаны майором Сергеевым. 10 августа 1941 г. летчики получили приказ. «Прогноз погоды не оправдался, нам предсказали ясную погоду, но пришлось лететь весь путь в сплошной облачности». Над Берлином экипажи попали под мощный зенитный огонь противника, но «настал священный час расплаты», и «3400 кг бомб полетели вниз на фашистское логово»¹³.

Радист Андрианов передал на базу: «Задание выполнено, цель атакована». Затем наш самолет атаковало звено фашистских истребителей. Ведя интенсивный огонь, стрелки Кириленко, Клюгаров, Коваленко и Трифонов смогли отбросить неприятеля. 20 августа 1942 г. майора Угрюмова и лейтенанта Ковалева наградили орденами Красного Знамени.

Не менее красочны воспоминания участника первого налета на Берлин штурмана Штепенко. Называются они «Памятный день». Самолеты летели ночью. Через три часа, когда они вышли к морю, их встретил жестокий зенитный огонь. В результате один мотор и компрессор руля поворота вышли из строя, «самолет, как подбитая птица, дрогнул и развернулся». Командир принял решение не менять курс. Штурманы Штепенко и Дарелло вывели машину к цели. Небо над Берлином было затянуто облаками. «Когда появилось „окно“ в облаках, бомбы сбросили точно на объект». «Утром весь мир слушал сообщение Совинформбюро о налете советских самолетов на Берлин»¹⁴.

Благодаря записям воспоминаний и документам, хранящимся в ОПИ, становится понятно, какой ценой нам дались 1941 и 1942 годы, особенно первые месяцы войны и Сталинградская битва. Только летчики 4-го гвардейского авиаполка за период с 22 сентября 1942 г. совершили 800 боевых вылетов под Сталинград. Так, один лишь штурман Сорока за 1942 г. сделал 100 вылетов, и 50 из них — также под Сталинград.

В музей переданы некоторые документы и личные вещи погибших. Это пробитый пулей комсомольский билет воздушного стрелка В.Н. Ходынского, обгоревшая санитарная книжка и орден Красного Знамени штурмана гвардии майора П.К. Потапова; удостоверение к медали «За оборону Сталинграда» и временное удостоверение к ордену Красного Знамени гвардии старшего лейтенанта М.С. Орлова; нагрудный знак «Гвардия» и залитая кровью обложка партбилета стрелка-радиста гвардии старшины В.С. Мельникова, обгоревшие награды членов экипажа А.П. Лысова. Многие из этих предметов взяты с мест гибели владельцев. Впоследствии они не раз экспонировались на выставках. Найти и собрать вещи, похоронить погибших удавалось только в том случае, если самолет не взрывался в воздухе и падал на своей территории.

Если подбитые машины сгорали в небе, в документах — только два слова: «сгорел в самолете». Так погибли 15 января 1943 г. при

нанесении удара по аэродрому «Питомник» под Сталинградом гвардии капитан командир эскадрильи Т.П. Солодких и гвардии капитан штурман эскадрильи С.З. Бородин из 4-го гвардейского авиаполка дальнего действия.

А гвардии старшина В.Н. Ходынский из 5-го гвардейского полка, участвовавший в 184 боевых вылетах и в воздухе сбивший самолет противника, был ранен при налете на аэродром противника в Мариуполе, и пуля пробила его комсомольский билет, который сейчас хранится в музее. В тот день гвардии старшина выжил, вернулся в строй. Не вернулся он с боевого задания 10 мая 1943 г.

Из 21-го полка АДД поступило несколько копий донесений о боевых действиях в первые дни войны: когда вылетели, куда, сколько самолетов выполняло задачу, каким строем летели, сколько машин вернулось и сколько погибло. 26 июня 1941 г. с аэродрома Саки поднялось 17 самолетов. Перед летчиками стояла стратегическая задача: бомбардировка Бухареста и Плоешти. К Бухаресту пробилось только пять машин. Остальные повернули к запасной цели – порту Констанца. Они были встречены сильнейшим огнем. В районе Констанцы звено капитана Цейгина атаковали восемь Ме-109 и «спит-файр». Два самолета из группы под командованием старшего лейтенанта Хлопова атаковало звено «мессершмиттов». На аэродром не вернулось семь экипажей – 21 человек. Это был их первый бой. Больше в таком количестве на дальнюю бомбежку не вылетали. На ночные бомбардировки уходило по пять экипажей.

Уже 27 июня 1941 г. полк получил приказ: нанести бомбовый удар по танковым силам противника. Задачу выполняли 24 экипажа. Пять самолетов капитана Кошельца подверглись атаке одиннадцати Ме-109. Начался страшный бой. Наши летчики попали под сильнейший зенитный огонь. Многие машины оказались очень сильно повреждены. Так, бомбардировщик младшего лейтенанта Маркова получил 40 пробоин, кроме того, были пробиты топливные баки, выведена из строя система управления, отказал один мотор. Еле дотянув до линии фронта, экипаж совершил вынужденную посадку.

Самолет младшего лейтенанта Алексеева атаковали три Ме-109. В машине – 16 пробоин, все люди ранены. При этом стрелки-радисты продолжали вести огонь по врагу. Домой не вернулись пять самолетов; всего погибли 22 человека. Для полка шел второй день боев, он понес огромные потери. Еще пять экипажей (20 человек) погибли 11 июля. Бой с «мессершмиттами» длился 15 минут. Вы-

прыгнувших из горящих самолетов с парашютами расстреливали в воздухе вражеские истребители. Так был убит старший сержант А.С. Моторин из экипажа лейтенанта Л.М. Мухортых.

В тех тяжелых боях участвовал и 81-й авиаполк дальнего действия, будущий 5-й гвардейский. Поступившие из него документы подтверждают, что самолеты дальней авиации сбивала не только зенитная артиллерия противника, но иногда и своя. Большие и грузные недостаточно хорошо известные советские бомбардировщики порой путали с немецкими. Так, 25 июля 1941 г. в бою подбили самолет младшего лейтенанта Смирнова (штурман лейтенант Кириллович, стрелки Нарыжный и Захарченко). Машина загорелась в воздухе. Направив ее в пики, летчики сбросили груз над целью; Захарченко подбил преследовавший их истребитель. Сбив пламя, на бреющем полете Смирнов повел самолет назад. И уже над своей территорией он был обстрелян нашими войсками и вторично загорелся. Лейтенант посадил горящую машину с убранными шасси. Самолет сгорел. Экипаж, к счастью, благополучно вернулся в часть.

Командование 5-го гвардейского авиаполка очень ответственно отнеслось к поставленному музейщиками и, вероятно, политуправлением АДД заданию. Оно прислало фотографии практически всех, кто служил в полку с начала войны: летчиков, штурманов, стрелков, радистов, техников. Фотокарточки разного размера, некоторые совсем маленькие (на документы), но они сохранили для нас лица этих людей, в том числе погибших. Некоторые не успели сняться в новой форме, а иногда в деле хранилась только довоенная фотография. Все фото подписаны, но часто указана только фамилия, без инициалов. Это характерно для документов, поступивших из всех полков, что вполне понятно: обращались друг к другу чаще именно по фамилии. А на фотографии старшего техника-лейтенанта Чхеидзе кроме фамилии — имя Жорка. Подписали, как помнили, ведь спросить было уже некого: Чхеидзе погиб под Сталинградом.

Отсутствие инициалов, а часто также званий и должностей, создает определенные сложности при выяснении, о ком идет речь. Встречаются однофамильцы; отдельных летчиков или целые экипажи перебрасывали в другие полки; состав экипажей был непостоянным из-за потерь, техники порой занимали места стрелков. Все это затрудняет работу с документами. К фотографиям погибших прикреплены характеристики, в которых указано количество боевых и ночных вылетов, а также вылетов в глубокий тыл,

там рассказывается о совершенных подвигах или особо сложных полетах. Они дают четкое представление о дальнебомбардировочной авиации.

Так, заместитель командира эскадрильи Герой Советского Союза капитан Н.А. Панов 18 января 1942 г. получил задание ночью уничтожить матчасть и личный состав врага на аэродроме Мариуполь. Шел снег, над аэродромом нависли плотные облака. На высоте 250–300 метров «смелый летчик с рвением взялся за выполнение боевого задания, победил все трудности полета – вышел на цель и сброшенными бомбами уничтожил 2 самолета противника»¹⁵.

24 мая 1942 г. экипаж Панова ночью в «исключительно тяжелых метеоусловиях» один пробился к заданной цели – поселку Барвенково – и разбомбил скопление фашистских войск. 10 марта 1943 г., нанеся удар по железнодорожному узлу Керчи, экипаж Панова не вернулся с боевого задания.

Что творилось в небе над Моздоком в сентябре 1942 г., можно попытаться представить благодаря боевой характеристике командира 2-й авиационной эскадрильи И.С. Карева. 1 сентября он трижды вылетал на бомбардировку скопления мотомеханических войск противника. При этом Моздок прикрывала сильная немецкая артиллерия, которой ночью помогали прожектора. Об И.С. Кареве написано: «22.09.1942 г при выполнении *служебных* обязанностей погиб». Больше ни о ком так не писали. К сожалению, пока не удалось уточнить, что именно тогда произошло.

Летчики 5-го гвардейского авиаполка в 1941 г. бомбардировали военные и промышленные объекты на территории Румынии, нефтеперегонные заводы Плоешти, Букурешти, Бухарест, Констанцу. Капитан В.Д. Сомов шесть раз ночью летал в глубокий тыл на бомбардирование военно-промышленных объектов Плоешти и Букурешти, на его счету тринадцать танков и шесть самолетов, три из которых сбиты в бою. Тяжелый бомбардировщик – не истребитель, сбивать самолеты не его задача, поэтому каждая сбитая вражеская машина учитывалась особо. Но 26 января 1942 г. Сомов не вернулся с задания. Лейтенант И.С. Молочков, «мастер ночных полетов», погиб при выполнении боевого задания на 65-м боевом вылете в ноябре 1941 г.

О героизме летчиков 81-го авиаполка (впоследствии – 5-го гвардейского) сообщали сводки Совинформбюро, писали во всех газетах, говорили по радио. В ИЗО хранится акварель «Боевой эпизод»,

запечатлевшая подвиг младшего лейтенанта И.Т. Вдовенко¹⁶. 31 августа 1941 г. Совинформбюро сообщило о подвиге, совершенном его экипажем (на фотографии – неправильно написанная фамилия «Удовенко»), но эти события произошли 28.08.1941.

Около Днепропетровска через Днепр немцы построили понтон. Во время бомбежки переправы самолет был подбит. Вдовенко направил горящую машину на переправу и уничтожил ее. Экипаж самолета – младший лейтенант И.Т. Вдовенко, штурман Н.В. Гомоненко, стрелок-радист В.П. Карпов и воздушный стрелок Мирза Пулатов – погиб смертью храбрых. Звание Героев Советского Союза было присвоено Вдовенко и Гомоненко посмертно 20.06.1942, стрелок-радист награжден орденом Ленина, воздушный стрелок – орденом Красного Знамени. В 1990 г. Мирзе Пулатову присвоено звание Героя республики Узбекистан.

Таких таранов было немало. 27 июня 1941 г. погиб экипаж лейтенанта Тарасова из 21-го авиаполка дальнего действия: Д.З. Тарасов, Б.Д. Ерёмин, Д.Г. Капустин. Их самолет загорелся, не долетев до цели – скопления немецких танков. Переведя его в пике вместе с грузом бомб, Тарасов врезался во вражескую цель. Тарасов и его штурман Ерёмин через год удостоились звания Героя Советского Союза. В живых остался только выбросившийся на парашюте и спасенный местными жителями стрелок С.И. Ковальский.

Крайне редко люди, числящиеся по документам погибшими в годы войны, оказывались выжившими. В ГИМ хранится боевая характеристика на летчика 81-го авиаполка лейтенанта К.Д. Крылова. В ней описывается похожий таран: «17.10.41 г. действуя днем по скоплению мотомех. частей противника в районе Таганрога самолет лейтенанта Крылова прямым попаданием зенитной артиллерии был подбит. Мужественный летчик с бомбовым грузом врезался в скопление войск противника, отдав свою жизнь за Родину»¹⁷. Об экипаже ничего не говорится. Однако, согласно опубликованным документам и воспоминаниям В.В. Решетникова, младший лейтенант К.Д. Крылов выжил, выпрыгнув с парашютом. И в дальнейшем война его пощадила, более того, В.В. Решетников писал, что сам Крылов не знал ни о своем «подвиге», ни о том, куда упал самолет¹⁸. Вряд ли в полку выдумали эту историю, возможно, кто-то видел, как горящий самолет упал на скопление вражеской техники. Командованию отправили соответствующий доклад, а позже документы попали в музей.

Случалось, летчики или члены экипажей числились погибшими, и о них как о павших героях рассказывалось на выставке, состоявшейся в Историческом музее, но судьба их сложилась иначе. Среди самолетов, которые 16 апреля 1943 г. вылетели на ночную бомбежку Данцига, два пилотировали Герой Советского Союза, заместитель командира эскадрильи гвардии капитан Г.В. Лепёхин и командир эскадрильи гвардии майор (на фото написано «подполковник») М.Н. Урутин. Оба — опытные летчики, не раз летавшие в глубокий тыл противника, бомбившие Берлин, Варшаву, Будапешт, Данциг, Кенигсберг, Ангенбург. Урутин совершил 165 боевых вылетов, отличился в боях под Сталинградом, был награжден орденами Ленина и Красного Знамени, медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда». У Лепёхина — 130 боевых вылетов в глубокий тыл врага. В.В. Решетников писал, что «Михаил Николаевич котировался едва ли не самым лучшим — искусным и неуязвимым летчиком дивизии»¹⁹. По документам оба числятся погибшими 17 апреля 1943 г. под Кенигсбергом, что именно они бомбили, не указано. Однако на самом деле все оказалось иначе. Самолет сбили, Г.В. Лепёхин попал в плен, летчика переводили из лагеря в лагерь, в конце концов он попал в Бухенвальд, где участвовал в знаменитом восстании узников концлагеря 11 апреля 1945 г. Судьба была к нему жестока: спецпроверка, восстановление в армии, увольнение и арест, несправедливое обвинение, и только в 1956 г. — долгожданная реабилитация.

Трагическую историю экипажа М.Н. Урутина В.В. Решетников привел в своих воспоминаниях²⁰. На Данциг летели втроем: командир М.Н. Урутин, штурман А.А. Хевеши, один из самых грамотных штурманов полка, прошедший войну в Испании, и стрелок-радист А. Гаранкин. Воздушного стрелка не взяли. Вроде бы свой заболел, а другого не нашли. На обратном пути на границе с Литвой их самолет сбили. Всем троим удалось выпрыгнуть с парашютами. Раненый Хевеши подлечился в подобрывшей его литовской семье и пошел к линии фронта, но под Полоцком был схвачен полицаями. Его освободили из концлагеря в самом конце войны. Урутин приземлился благополучно и двинулся в сторону Минска, по-видимому, надеясь выйти к партизанам. Он и вышел, но, столкнувшись с вооруженными людьми в непонятной форме, говорившими на чужом языке, побежал, они бросились за ним, завязалась перестрелка, и летчика убили. На тех же партизан вышел спустя

некоторое время изможденный Гаранкин. У командира отряда он увидел и узнал финку Урутина. Партизаны перезахоронили летчика с воинскими почестями. Гаранкин только в ноябре вернулся в полк и поведал ту часть истории, которую знал сам. К этому времени материалы АДД были уже в музее, в них значится, что экипаж погиб под Кенигсбергом. Да и вряд ли бы тогда написали, что прославленный летчик погиб от пули партизана...

К сожалению, иногда самолеты гибли не в бою, а по вине пилота или из-за неисправной техники. В материалах 8-й гвардейской авиационной дивизии дальнего действия есть фотография командира эскадрильи гвардии майора М.Е. Пронина и наградной лист на него. За его плечами имелись 211 боевых вылетов, бомбардировки Кенигсберга, Ангенбурга, Бухареста, Варшавы, Инстербурга, он участвовал в разгроме немцев под Сталинградом и был награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени. В документе — сухо и четко: «Погиб 13 июля 1943 г.». В экипаж Пронина входили штурман гвардии капитан Харченко, стрелок-радист гвардии сержант Петров и воздушный стрелок Астафуров. О том, что произошло, снова узнаем из воспоминаний В.В. Решетникова. К тому времени летчики стали брать груз бомб, превышающий норму. Началось что-то вроде соревнования, но самолеты стали «сдавать», и летчики постепенно отказывались от перегруза. А Пронин, «как ни в чем не бывало, продолжал таскать тот же сумасшедший вес из полета в полет»²¹. В тот трагический день после взлета загорелся мотор, самолет с грузом авиабомб взорвался при попытке его посадить. Награды гвардии майора М.Е. Пронина и обгоревшие наушники тоже поступили в Исторический музей.

Не ясны и обстоятельства гибели другого героя. На выставках неоднократно экспонировались вещи Героя Советского Союза, заместителя командира полка подполковника П.П. Радчука. Обстоятельств его гибели не уточняли. По официальной версии, отважный летчик погиб в воздушном бою 6 октября 1943 г. «При возвращении с боевого задания, самолет Радчука П.П. был подбит в районе села Ивановково Тульской обл.»²² Позднее появились другие сведения. Вернувшись после бомбардировки немецких укреплений, Павел Петрович решил потренировать экипаж молодого летчика П.И. Чеботарева, во время полета самолет неожиданно стал терять высоту и врезался в землю. Летчики погибли на месте. Стрелок-радист скончался на следующий день. В.В. Решетников

в своих мемуарах пишет: «Причин его гибели никто так и не раскрыл. Свидетелей не было. Обломки молчали. В них лежал Павел Петрович и экипаж молоденького лейтенанта Чеботарева. Кто-то уверял, будто вскочили они в мощно-кучевое облако и оттуда вывалились в беспорядочном падении. Предположений было множество – техника, ошибки, усталость. Поговаривали о залетном „мессере“. Это предположение начальству понравилось больше других. На том и сошлись»²³. Существует версия, будто бы Радчук, понимая, что не дотянет до аэродрома, приказал экипажу покинуть самолет и увел машину подальше от населенных пунктов. Все сходится только в дате и месте гибели.

Среди материалов АДД в ГИМ поступили боевые листки и стенгазеты с характерными названиями «Сталинец», «Гвардеец», «Вперед». Это очень интересные документы, хотя бы потому, что выпускали их сами бойцы, какое-то время они находились в частях, висели в красных уголках. Иногда из-за нехватки бумаги их делали из чего придется. Например, стенгазета подразделения майора Филина «На боевом курсе» (№ 2 от 21.01.1943) выполнена на обороте карты, а стенгазета «За Родину» подразделения гвардии майора Брусницына – на обороте плаката «Винтовка образца 1891–1930 г.». Хотя часть стенгазет выпущена к Новому году или другим праздникам, в них много интересных сведений, которые не вошли в официальные документы, в том числе рассказы о внутренней жизни воинских формирований. Так, между экипажами устраивали соцсоревнования, проводили конкурсы художественной самодеятельности. В подразделении майора Филина собирали средства на постройку самолета «Гвардеец». Было собрано 79 390 руб. Самый большой вклад – 3100 руб. – сделал М.Т. Лановенко, многие вложили по 1000 руб. В стенгазетах всегда отмечали экипажи и отдельных летчиков, штурманов, радистов, так называемых лучших людей в отряде, и отличников учебы.

Вместе с тем именно из стенгазет мы узнаем, что не всегда все было гладко в армейской жизни. В стенгазете «На боевом курсе» подразделения гвардии майора Филина от 1 января 1943 г. есть заметка о связистах, которые «своей расхлябанностью и недисциплинированностью смазывают свою работу». Встречаются в стенгазетах и упоминания о несчастном случае при транспортировке бомб, об отказе приборов в воздухе, о течи бензина и о перетертых тросах. Уставали не только люди, но и техника.

Экипажи делали по несколько вылетов, днем и ночью. Не всегда успевали полностью привести самолеты в порядок. Довольно часто встречаются истории о том, как в полете отказали двигатели, об экипажах, перелетевших линию фронта на трех моторах. Так, в газете «Гвардеец» подразделения гвардии капитана Орлова есть рассказ о случае с экипажем гвардии капитана Москаленко. С 16 на 17 октября 1942 г. над целью у него отказал мотор, вслед за этим второй мотор загорелся. И только благодаря находчивости борттехника Науменко и его помощника Азякова пожар удалось ликвидировать. Командир корабля принял решение спасти машину и сел в нескольких километрах от линии фронта.

В газете «За родину» № 17 от 18.08.1942 даже указаны экипажи, которые не вылетели из-за болезни штурмана или летчика. Как положено, в стенгазетах есть стихи, юмористические заметки и карикатуры. Такова большая и красивая газета «Сталинец» от 1 января 1943 г. из подразделения гвардии майора Равича — единственная, в которой нет списка погибших. В основном у всех «изданий» более деловой тон: заметки о полетах и отличившихся, поздравления награжденных, рассказы о боевых эпизодах. Благодаря таким рассказам мы знаем, что капитан Семенов над пунктом «Н» был освещен девятью прожекторами противника, зенитки обстреливали его восемь минут, но он выполнил задание, сбросил бомбы и вернулся на аэродром, а «везучий-невезучий» капитан А.И. Берлинер несколько раз возвращался на подбитой машине с поврежденным мотором. В стенгазетах много фамилий, не упоминающихся в документах, — техников, механиков, мотористов, оружейников — всех, кто не летал, но без кого самолеты не поднялись бы в воздух. Благодаря стенгазетам можно составить более полный список служивших в гвардейских авиаполках. И почти в каждом выпуске — списки погибших. В одном номере — заметка о человеке, отличившемся в бою или награжденном, а в следующем — его фамилия в траурном списке.

Довольно часто в боевых листках упоминался гвардии майор А.Г. Хатин, командир корабля, заместитель командира эскадрильи по политической части, и вдруг — воспоминание о нем старшего лейтенанта Ананьева, знавшего замполита с 1936 г. Именно Хатин учил его летать ночью и в плохих метеоусловиях. Ананьев вспоминал случай, когда Хатин привел на аэродром машину с убитым летчиком и тяжело раненым штурманом. В одном из списков по-

гибших — недавно упомянутый Берлинер и командиры подразделений, чьи газеты поступили в ГИМ, гвардии майоры Филин и Орлов. Только в выпуске «На боевом курсе» от 29.11.1942, где упоминают о погибшем А.Г. Хатине, говорится еще о тринадцати погибших.

В некоторых стенгазетах есть неподписанные фотографии, как в той, что вышла в подразделении Чирского. Правда, к фотогазете 1-го гвардейского авиаполка отдельно прилагается список с подписями к фотографиям. Но за годы клей пересох, фотокарточки отклеиваются, и возникают сложности с идентификацией. Лишь в фотогазете 4-го гвардейского авиаполка, хранящейся в ИЗО ГИМ, все фотографии проаннотированы.

Также из частей в Исторический музей прислали несколько экземпляров газет Н-ских авиационных частей: «Красный сокол», «Сталинские соколы», «За правое дело» за 1941–1942 гг. Из них можно почерпнуть дополнительные сведения о летчиках АДД. Так, в газете «За правое дело» за 31 октября 1941 г. напечатана заметка о первом дневном боевом вылете на тяжелой машине Героя Советского Союза М.В. Водопьянова и А. Дмитриева. Известно, что летели они бомбить фашистскую Германию; к сожалению, других документов об этом полете в музее нет.

В ходе работы с материалами по авиации дальнего действия и во время составления именной картотеки, а также списков участников Великой Отечественной войны выявлены 602 человека, служивших в частях АДД. Это летчики, штурманы и технический состав (и список еще не полон). Из них 174 погибли или пропали без вести в первые два года войны. А впереди были еще два страшных года. Высокую цену пришлось заплатить за победу.

В стенгазете «За Родину» подразделения гвардии майора Вавилова есть такие слова о летчиках АДД: «Пусть гремит о Вас слава неумолимая!» Наша задача — сохранить их имена.

¹ Тимохович И.В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 243.

² ГИМ НВА. Оп. 1. Ед. хр. 755. Л. 3.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 2.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 2.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 9.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 30.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 39.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 4, 5.

- ⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 18.
¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 22–24.
¹¹ ГИМ 81104/78 7488 ор.; ОПИ ГИМ Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 25, 26.
¹² ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 28.
¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 7.
¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 8.
¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 9, 10.
¹⁶ ИЗО ГИМ. ИПШ хром 21458.
¹⁷ ОПИ ГИМ Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 21.
¹⁸ *Решетников В.В.* Что было – то было. М., 2017. С. 65.
¹⁹ Там же. С. 134.
²⁰ Там же. С. 196–198.
²¹ Там же. С. 207.
²² Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: В 2 т. М., 1987–1988. Т. 2. С. 342.
²³ *Решетников В.В.* Указ. соч. С. 227.

Приложение

Список военнослужащих АДД, погибших и пропавших без вести*

- Абанин. 1-й гв. авиаполк. Погиб 08.11.1942.
Абибулаев Али, сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.
Авдеев. 1-й гв. авиаполк. Погиб.
Агафуров Хайдар Хазиевич, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.
Аксёнов [Василий Михайлович], лейтенант, летчик. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.
Алексеев Георгий Александрович, Герой Советского Союза, ст. лейтенант, командир звена. 21-й авиаполк. Погиб 28.02.1943.
Ампилогов Павел Константинович, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.
Андреев. 1-й гв. авиаполк. Погиб.
Антонов Иван Александрович, ст. лейтенант, штурман эскадрильи. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.
Асадулин Мударис Ахмедович, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

---

* Информация публикуется в соответствии с данными, указанными в материалах из фондов ГИМ.

Баранов Петр Григорьевич, Герой Советского Союза, гв. лейтенант, штурман. 5-й гв. авиаполк. Погиб 11.03.1943.

Белоусов. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Берлинер Анатолий Ильич, гв. капитан, летчик. 1-й гв. авиаполк. Пропал без вести с 11.08.1942. на 12.08.1942.

Беспалов Ефим Моисеевич, капитан, зам. командира эскадрильи. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Богданов Николай Иванович, лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Бородин Семен Захарович, гв. капитан, штурман эскадрильи. 4-й гв. авиаполк. Погиб 15.01.1943.

Бочкин Иван Григорьевич, лейтенант, зам. командира эскадрильи. 5-й гв. авиаполк. Погиб 18.08.1941.

Бузаев. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Бурмистров Николай Иванович, сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 20.06.1942.

Бурхайко. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Бухарев Михаил Иванович, гв. ст. сержант, стрелок-радист. 5-й гв. авиаполк. Погиб 11.03.1943.

Быков Яков Логвинович, лейтенант, штурман звена. 5-й гв. авиаполк. Погиб 10.07.1941.

Васильев Василий Григорьевич, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Вдовенко Иван Тимофеевич, Герой Советского Союза, мл. лейтенант, летчик. 5-й гв. авиаполк. Погиб 28.08.1941.

Вепринцев Семен Васильевич, лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Вещиков Владимир Матвеевич, ст. сержант, воздушный стрелок. 1-й гв. авиаполк. Погиб 04.08.1942.

Винокуров Александр Николаевич, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Волков Михаил Михайлович, капитан, командир эскадрильи. 81-й авиаполк. Погиб 24.07.1941.

Волошин Тихон Лаврентьевич, сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Волощук Дмитрий Степанович, капитан, штурман эскадрильи. 4-й гв. авиаполк. Погиб.

Гаврилов Николай Александрович, штурман. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Гаранин Алексей Дмитриевич, Герой Советского Союза, гв. майор, летчик. 2-й гв. авиаполк. Погиб 28.06.1943.

Гарькавый Григорий Васильевич, гв. лейтенант, командир корабля. 4-й гв. авиаполк. Погиб.

Гастелло Николай Францевич, Герой Советского Союза, капитан, летчик, командир эскадрильи. 207-й авиаполк. Погиб 26.06.1941.

Гололобов Алексей Михайлович, ст. лейтенант, адъютант, штурман подразделения. 2-я эскадрилья 81-го авиаполка. Погиб 26.01.1942.

Гомоненко Никита Васильевич, Герой Советского Союза посмертно, штурман. 5-й гв. авиаполк. Погиб 28.09.1941.

Гордиенко Михаил Петрович, ст. лейтенант, начальник воздушной артиллерийской службы, штурман. 5-й гв. авиаполк. Погиб 18.08.1941.

Даньшин Сергей Петрович, гв. капитан, командир звена. 2-й гв. авиаполк. Погиб 11.09.1943.

Дементьев Павел Федорович, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Дрига (Дриго). 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Елфимов Василий Иванович, гв. старшина, воздушный стрелок. 1-й гв. авиаполк. Пропал без вести с 11.08.1942. на 12.08.1942.

Ерёмин Борис Дмитриевич, Герой Советского Союза, лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Есюнин Федор Афанасьевич, ст. лейтенант, зам. командира эскадрильи. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Живицкий Дмитрий Иванович, ефрейтор, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Запорожец Виктор Константинович, ст. лейтенант, зам. командира эскадрильи. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Ильинский [Константин Вячеславович], капитан, зам. командира эскадрильи. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Ильюшин Александр Федорович, лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Ильясов [Джумадиль], стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Капустин Дмитрий Григорьевич, ефрейтор, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Карев Иван Савельевич, командир 2-й эскадрильи. 5-й гв. авиаполк. Погиб 22.09.1942.

Карпов Владимир Петрович, стрелок-радист. 5-й гв. авиаполк. Погиб 29.08.1941.

Кириллович Владимир Петрович, лейтенант, штурман, летчик-наблюдатель. 5-й гв. авиаполк. Погиб 31.10.1941.

Кириченко, гв. старшина, воздушный стрелок. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Клименко Николай Николаевич, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Климов, штурман корабля. 1-й гв. авиаполк. Умер после тяжелого ранения в воздушном бою в мае 1942 г.

Ковалев Алексей Сергеевич, старшина, штурман звена. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Коваленко Виктор Александрович, гв. ст. сержант, воздушный стрелок. 5-й гв. авиаполк. Погиб 11.03.1943.

Ковальский Сергей Иванович, мл. сержант, воздушный стрелок. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Кожемякин Виктор Николаевич, ст. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Кожин, лейтенант, штурман звена. 5-й гв. авиаполк. Погиб.

Колесников Николай Иванович, политрук, командир звена. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Корчагин Константин Николаевич, сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Косяненко, гв. старшина, воздушный стрелок. 1-й гв. авиаполк. Погиб в октябре 1942 г.

Крылов Константин Дмитриевич, лейтенант, летчик. 5-й гв. авиаполк. Погиб 17.10.1941.

Кузнецов Семен Иванович, капитан, командир эскадрильи. 4-й гв. авиаполк. Погиб 11.06.1942.

Кузьменко Александр Никитич, гв. майор, командир эскадрильи. 4-й гв. авиаполк. Погиб.

Кузьмин, штурман. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Кулешов. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Куфенко. 1-й гв. авиаполк. Погиб до 17.06.1942.

Кучинский Петр Фролович, капитан, командир эскадрильи. 5-й гв. авиаполк. Погиб 29.08.1941.

Лапченков [Александр Евментьевич], гв. старшина, авиамеханик по вооружению, воздушный стрелок. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Лобачев. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Лобовский [Александр Петрович], ст. техник-лейтенант. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Лукутин Лаврентий Николаевич, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Львов Иван Николаевич, гв. ст. техник-лейтенант, борттехник. 4-й гв. авиаполк. Погиб 31.11.1942.

Львов Николай Федорович, лейтенант, летчик. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Лысов Александр Павлович, ст. лейтенант, командир корабля. 4-й гв. авиаполк. Погиб 31.11.1942.

Ляпин, стрелок. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Ляхов Илья Алексеевич, лейтенант, летчик. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Мамон Леонид Маркович, мл. лейтенант, летчик, 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Маркелов С.Н., ст. лейтенант, штурман. 21-й авиаполк. Не вернулся с задания.

Марков Александр Григорьевич, ст. лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Погиб 07.08.1941.

Марченко Карп Миронович, лейтенант, командир звена. 5-й гв. авиаполк. Погиб 03.06.1942.

Марченко Федор Михайлович, гв. старшина, стрелок-радист. 3-й гв. авиаполк. Погиб.

Марченко Михаил Григорьевич, воентехник 1-го ранга, техник звена. 21-й авиаполк. Пропал без вести 30.10.1941.

Масленников Александр Михайлович, капитан, адъютант эскадрильи. 21-й авиаполк. Погиб 26.06.1941.

Матвиенко. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Матвиенко Владимир Иванович, ефрейтор, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Матрочичев Иван Федорович, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Матюшко Константин Макарович, ст. лейтенант. 50-я авиадивизия. Пропал без вести с 29.11.1943. на 30.11.1943.

Медведев. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Мельников Владимир Самуилович, гв. старшина, стрелок-радист. 8-я гв. авиадивизия. Погиб 01.09.1943.

Михайлов Николай Семенович, гв. капитан, штурман. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Молочков Исидор Семенович, лейтенант, летчик. 5-й гв. авиаполк. Погиб в ноябре 1941 г.

Москвичев. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Моторин Алексей Сергеевич, сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 26.06.1941.

Мусиненко, техник-лейтенант. 1-й гв. авиаполк. Погиб 31.10.1942.

Мухин Иван Антонович, старшина, летчик, командир экипажа. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Мухортых Леонид Михайлович, лейтенант. 21-й авиаполк. Погиб 26.06.1941.

Нарыжный Евстихий Васильевич, капитан, летчик, командир эскадрильи. 1-й гв. авиаполк. Погиб 30.11.1941.

Нигрей. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Никаноров Захар Маркелович, капитан, штурман эскадрильи. 4-й гв. авиаполк. Погиб 03.09.1941.

Никонов [Константин Анисимович], мл. лейтенант, летчик. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Носков Василий Иванович, капитан, зам. командира эскадрильи. 4-й гв. авиаполк. Погиб 01.09.1941.

Оганесян, штурман. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Олешко Дмитрий Трофимович, майор, штурман звена, начальник штаба 81-го авиаполка. Погиб.

Опалев Владислав Георгиевич, гв. майор. 3-й гв. авиаполк. Погиб 23.03.1943.

Орлов Михаил Сергеевич, гв. ст. лейтенант. 8-я гв. авиадивизия. 2-й гв. авиаполк. Погиб 01.09.1943.

Орлов Г.И., гв. капитан, командир эскадрильи. 8-я гв. авиадивизия. 1-й гв. авиаполк. Погиб в 1942 г.

Павлов Виктор Кузьмич, капитан, командир эскадрильи. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Панов Николай Афанасьевич, Герой Советского Союза, зам. командира эскадрильи. 5-й гв. авиаполк. Погиб 11.03.1943.

Пахомов Павел Александрович, лейтенант, нач. связи эскадрильи. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Пивовар, старшина, летчик. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Пляшечник Яков Иванович, Герой Советского Союза, капитан, командир отряда. 1-й гв. авиаполк. Погиб 11.02.1944.

Понюшин, старшина, воздушный стрелок. 21-й авиаполк. Погиб.

Попов, гв. мл. лейтенант, штурман. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Потапов Павел Кузьмич, штурман, 8-я гв. авиадивизия. Погиб 13.07.1943.

Пронин Михаил Евтропович, гв. майор, летчик, командир эскадрильи. 8-я гв. авиадивизия. Погиб 13.07.1943.

Пужановский Дмитрий Арсентьевич, мл. лейтенант, летчик. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Пулатов Мирза, воздушный стрелок. 5-й гв. авиаполк. Погиб 29.08.1941.

Радчук Павел Петрович, Герой Советского Союза, гв. подполковник, зам. командира полка. 8-я гв. авиадивизия. Погиб 06.10.1943.

Радюков Андрей Егорович, ефрейтор, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Рейко. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Репкин, штурман. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Рогов Алексей Георгиевич, капитан, командир корабля, Герой Советского Союза. 4-я бомбардировочная авиадивизия. Погиб 08.10.1941.

Родионов. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Романюга Иван Васильевич, ст. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Русинов, стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Сахатский Василий Емельянович, лейтенант, стрелок-бомбардир. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Свинцов Михаил Михайлович, лейтенант, командир звена. 5-й гв. авиаполк. Погиб 24.08.1941.

Святец. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Семенов Алексей Иванович, лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Смирнов Александр Алексеевич, летчик, командир эскадрильи. 8-я гв. авиадивизия. Погиб под Орлом 25.08.1943.

Солодких Тихон Павлович, гв. капитан, командир эскадрильи. 4-й гв. авиаполк. Погиб 15.01.1943.

Сомов Василий Дмитриевич, капитан, командир звена 2-й эскадрильи. 5-й гв. авиаполк. Погиб 26.01.1942.

Сорока, штурман. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Старовойтов Валентин Федорович, мл. лейтенант, командир звена. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Старухин Василий Константинович, ст. техник-лейтенант, борт-механик. 1-й гв. авиаполк. Погиб 04.08.1942.

Старченко Василий Трофимович, мл. лейтенант, командир звена. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Степин Георгий Андреевич, майор, командир эскадрильи. 5-й гв. авиаполк. Погиб 19.01.1942.

Стрижаков. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Суляев [Александр Алексеевич], воздушный стрелок. 1-й гв. авиаполк. Погиб до 17.06.1942.

Танцура Василий Тимофеевич, воздушный стрелок. 5-й гв. авиаполк. Погиб 26.01.1942.

Татаринцев. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Таранников. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Тарасов Дмитрий Захарович, лейтенант, командир звена. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Тетернищев Тихон Васильевич, старшина, стрелок-радист. 21-й авиаполк.

Тимофеев. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Тимшин Е.А., капитан, командир корабля. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Трусов [Виктор Гаврилович], лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Погиб 30.08.1941.

Успенский Лев Николаевич, капитан, штурман эскадрильи. 21-й авиаполк. Погиб 07.09.1941.

Урутин Михаил Николаевич, гв. подполковник, командир эскадрильи. 8-я гв. авиадивизия. Погиб 17.04.1943.

Ушаков Иван Иванович, лейтенант, стрелок-бомбардир. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Федотов. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Филатов Владимир Александрович, мл. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 11.07.1941.

Филин Василий Петрович, гв. майор, командир эскадрильи. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Хайкин [Яков Рувимович], сержант, стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Хатин Александр Григорьевич, гв. майор, командир корабля, замком эскадрильи по политической части. 1-й гв. авиаполк. Погиб 16.11.1942.

Хлуденцов Алексей Дмитриевич, ст. сержант, воздушный стрелок-радист. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Ходынский Владимир Николаевич, гв. старшина, воздушный стрелок. 5-й гв. полк. Погиб 10.05.1943.

Холяв[кин], штурман. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Хорошилов, стрелок. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Храмченко Аркадий Павлович, штурман эскадрильи. 5-й гв. авиаполк. Погиб 29.08.1941.

Ходынский Владимир Николаевич, гв. старшина, воздушный стрелок. 5-й гв. авиаполк. Погиб 10.05.1943.

Цинцадзе. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Ципелев Александр Иванович, капитан, штурман эскадрильи. 21-й авиаполк. Пропал без вести 26.06.1941.

Цирельс, стрелок-радист. 21-й авиаполк. Погиб 27.06.1941.

Цыпляковский Николай Павлович, мл. лейтенант, помощник штурмана полка по радиолокации. 21-й авиаполк. Пропал без вести 31.07.1943.

Чересленков. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Чхеидзе Георгий, ст. техник-лейтенант, бортехник. 1-й гв. авиаполк. Погиб под Сталинградом.

Шилин Георгий Анисимович, лейтенант, начальник связи полка. 81-й авиаполк. Погиб 29.08.1941.

Шкрабиенко Александр Яковлевич, лейтенант, штурман звена. 21-й авиаполк. Погиб 26.06.1941.

Элиасов Залман Моисеевич, гв. капитан, командир звена. 5-й гв. авиаполк. Погиб 12.12.1942.

Юдашев, гв. ст. лейтенант, штурман отряда. 1-й гв. авиаполк. Погиб при защите Сталинграда.

Юсупов, воздушный стрелок-радист. 1-й гв. авиаполк. Погиб.

Положение женщин в послевоенной
Германии. 1945–1949 гг. (по материалам фонда
Н.М. Парфеновой, ОПИ ГИМ)

Время после окончания Второй мировой войны в Европе с момента подписания Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил 8 мая 1945 г. до образования ГДР и ФРГ в 1949 г. — один из интереснейших периодов в многовековых отношениях между Россией и Германией.

Вопрос о послевоенном устройстве последней обсуждался на Тегеранской конференции в ноябре-декабре 1943 г. Однако окончательного решения тогда принять не удалось. В повестке Ялтинской конференции в феврале 1945 г. эта проблема занимала ключевое место. Участники конференции заявили, что их цель — уничтожение германского милитаризма и нацизма, а также создание гарантии того, что «Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир»¹. В итоге союзники приняли принципиальное решение о разделе ее на четыре оккупационные зоны, контролируемые их войсками. Верховную власть в стране должны были осуществлять главнокомандующие вооруженных сил СССР, США, Великобритании и Франции, каждый в своей зоне.

В мае 1945 г. территория Германии уже находилась под управлением военных администраций союзных государств, что было позднее закреплено подписанной в Берлине 5 июня 1945 г. «Декларацией о поражении Германии». Войска союзников расквартировались в стране с официальным статусом победителей, но не освободителей, и это определило характер их взаимоотношений с местным населением. Для управления советской зоной постановлением СНК СССР от 6 июня 1945 г. была сформирована Советская военная администрация в Германии (СВАГ).

Дальнейшая судьба Германии решилась в июле-августе 1945 г. на Потсдамской конференции, во время которой союзники опре-

делились с политическим и экономическим будущим побежденной стороны. Целью оккупации провозглашалась так называемая политика четырех «Д» — денацификация, демилитаризация, демократизация и декартелизация Германии при сохранении ее единства. Рассматривались также вопросы, связанные с мирным населением, преследованием военных преступников, проведением судебных и земельных реформ, а также реформ системы образования и воспитания.

Это очень непростое и неоднозначное время получило неофициальное название «нулевые годы». Страна лежала в руинах. Требовалось не только восстановить экономику Германии, но и переосмыслить ее прошлое, сформировать новое мышление и организовать жизнь местных жителей.

Одной из первоочередных задач, стоявших перед советской администрацией, было установление контактов с немецким населением и налаживание нормального мирного быта. Многие города сильно пострадали. Большинство людей ютились в подвалах или в полуразрушенных домах. После поражения в войне немцы были духовно опустошены и морально подавлены. К деятельности СВАГ по решению насущных вопросов они относились настороженно и с недоверием, а зачастую даже враждебно.

Основную часть населения послевоенной Германии составляли женщины; большая часть из них осталась без мужей, погибших или находившихся в плену. По разным данным в 1946 г. женщин было на 7 283 000 больше, чем мужчин, из них от 1 500 000 до 2 500 000 вдов.

С самого начала советское руководство уделяло большое внимание работе с женщинами, понимая необходимость установления тесных контактов и сотрудничества с ними. Привлекая немок на свою сторону, новая власть рассчитывала с их помощью влиять на ситуацию в обществе, пропагандировать новые порядки и идеологию.

Проблемы и история послевоенного периода в Германии достаточно хорошо изучены зарубежными, советскими и российскими исследователями. При этом работ, связанных с женским вопросом, женскими объединениями и организациями, в российской историографии практически нет. Ценнейшим источником информации о ситуации в стране, положении немецких женщин и женском движении являются материалы Надежды Михайловны Парфеновой — известного советского педагога, общественного деятеля, заместителя председателя Антифашистского комитета советских

женщин (с 1956 г. — Комитет советских женщин), многолетнего главного редактора «Учительской газеты». Н.М. Парфенова входила в состав делегации советских женщин на Международном женском конгрессе в Париже, где 1 декабря 1945 г. была создана Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ). В дальнейшем она принимала участие в работе заседаний исполкомов и сессий МДФЖ, участвовала в работе Второго конгресса МДФЖ в Будапеште (1948), а также активно участвовала в создании Демократического союза женщин Германии, разрабатывала программу и устав союза, готовила его учредительный съезд.

Н.М. Парфенова — одна из первых советских общественных деятельниц, приехавших в Германию после Победы с официальными полномочиями как представитель МДФЖ с целью изучения положения женщин и налаживания работы среди них. В МДФЖ понимали, как важно вовлечь их в общественную и политическую деятельность, искоренить остатки нацистской идеологии.

В постановлении учредительного конгресса, состоявшегося в конце 1945 г., говорилось о необходимости активного участия женщин в ликвидации военного потенциала Германии и Японии. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на Совете Федерации в Праге (1946) было отношение к немецкому женскому движению. В октябре 1946 г. исполком МДФЖ принял решение о создании специальной комиссии по германскому вопросу и отправке ее во все зоны Германии. Федерация выступила с обращением ко всем оккупационным властям с просьбой о содействии работе комиссии, в состав которой вошли представительницы США, Франции и СССР. Возглавила ее американская журналистка К.Х. Найкинд. Советских женщин представляла Н.М. Парфенова.

Попытка осуществления этого решения сразу встретила много препятствий. Все оккупационные власти, кроме советских, отказались пустить представителей комиссии и не дали им визы. Фактически к работе комиссия приступила в январе 1947 г., начав с посещения советской зоны и Берлина. Главной задачей стало изучение положения и настроения женщин во всех регионах Германии, оказание поддержки демократическим женским объединениям и антифашистским комитетам, проведение работы по созданию единой демократической организации немецких женщин. Основные усилия направлялись на подготовку учредительного съезда. В начале декабря 1946 г. возникли центральный подготовительный

комитет во главе с Анной-Марией Дуранд-Вефер, а также комитеты на местах. Был опубликован специальный призыв к немецким женщинам. В нем говорилось: «Союз хочет сохранить мир, побороть фашизм, милитаризм и реакцию, служить единству Германии путем активного участия в политической жизни, помогать в восстановлении и сокращать нужду. Разрешить правовые, экономические и общественные жизненные вопросы женщин на основе одинаковых прав и обязанностей. Создать основу для здоровой и культурной семейной жизни. Возбудить интерес к культуре. Восстановить место Германии в мире путем мирного согласия с женщинами всех стран»². Большую помощь в этой работе оказывали антифашистские женские комитеты, созданные еще в октябре 1945 г. в восточной зоне оккупации на основании приказа Советской военной администрации. Им предшествовало стихийное возникновение объединений женщин — сначала в Берлине, а позднее во всей восточной зоне. Они принимали участие в наведении порядка на улицах и их уборке, в оказании помощи органам самоуправления, детям, старикам, больным. К началу 1947 г. работало 7000 комитетов — свыше 300 000 человек — представители всех партий и беспартийные. Центральный антифашистский женский комитет возглавляла Магда Зепдхоф (Социалистическая единая партия Германии).

В январе-феврале 1947 г. в различных регионах Германии прошли зональные конференции и собрания женщин, на которых обсуждались их положение, объединения и отношение к созданию единой женской организации в стране. 7–8 марта 1947 г. в Берлине, в Адмиралпаласе, состоялся Немецкий женский конгресс «За мир!», во время которого был образован Демократический союз женщин Германии (ДСЖГ). МДФЖ направила свою делегацию, в состав которой вошли члены комиссии по Германии, а также представители Чехословакии и Америки. Открыла конгресс Эльза Людерс из Христианско-демократического союза (ХДС). Первым председателем ДСЖГ стала Эллен Шмидт, сопредседатель Демократического союза женщин советской зоны. На съезде Н.М. Парфенова выступала от имени президиума МДФЖ и Антифашистского комитета советских женщин.

В 1946–1948 гг. Н.М. Парфенова в составе комиссии объехала почти всю Германию, посещала различные города и поселения, предприятия, учебные заведения, больницы, детские сады; встре-

чалась с представителями администраций всех уровней, с руководителями женских организаций разных политических направлений, участвовала в их собраниях и конференциях, проводила опросы среди населения. Она выступала на радио и пресс-конференциях, общалась с представителями прессы.

На протяжении 1945–1951 гг. Н.М. Парфенова подробно описывала работу комиссии, впечатления от поездок по стране и встреч, давала оценку ситуации в Германии, записывала тексты своих выступлений на различных мероприятиях, в том числе на учредительном конгрессе Демократического союза женщин Германии, состоявшемся 9 марта 1947 г. В ОПИ ГИМ хранятся двадцать тетрадей с ее записями, сделанными во время работы в Германии⁹. Эти уникальные источники, охватывающие период с лета 1945 г. до момента проведения в Берлине сессии МДФЖ (1951), позволяют по-новому взглянуть на жизнь людей в побежденной стране глазами очевидца и участника событий, они отражают реальную обстановку на занятой союзными войсками территории. Большая часть записей посвящена положению в двух зонах — советской и французской, которую комиссии удалось посетить в середине 1947 г. Сведения о положении в других зонах получены окольными путями, благодаря пересылке отдельных материалов представительницами женских организаций западных зон, а также от людей, побывавших там.

В записях Н.М. Парфеновой содержится немало сведений о политической, экономической, социальной и культурной жизни Германии. Большая часть информации, естественно, связана с женщинами и их положением в обществе; подробно описаны работа комиссии МДФЖ и деятельность самой Надежды Михайловны. Читая эти заметки, можно наглядно представить повседневную жизнь немецких женщин, их заботы, тревоги, попытки найти свое место в новой стране.

Н.М. Парфенова писала об отношении различных социальных слоев к новой власти, отмечая, что немецкая интеллигенция в большинстве своем не принимает активного участия в демократизации страны, лишь меньшая часть ее открыто поддерживает новые начинания; треть крестьян, составляющих восьмую часть населения страны, настроена реакционно. Так же была настроена и буржуазная часть общества. Требовалась большая и длительная работа по изменению ситуации, главная роль в которой отводилась демократическим женским организациям.

Надежда Михайловна отмечала необходимость дифференцированного подхода к различным группам населения. Особенно беспокоило ее положение деревенских жительниц, самых отсталых среди населения Германии. Она писала о необходимости привлечения к работе с ними горожанок, постоянно отмечала, что нет должного контакта с интеллигенцией, не ведется работа с учеными, учителями, представительницами буржуазии.

Интересные сведения сообщает Н.М. Парфенова о политической жизни в стране, о деятельности различных политических партий и попытках СВАГ на первых порах сохранять многопартийную систему, основанную на демократических выборах, о поддержке этих партий различными социальными группами населения. Один из первых приказов СВАГ от 10 июня 1945 г. положил начало деятельности прогрессивных демократических организаций. Он предписывал: «Разрешить на территории Советской зоны оккупации в Германии образование и деятельность всех антифашистских партий, ставящих своей целью окончательное искоренение остатков фашизма и укрепление начал демократизма и гражданских свобод в Германии...»⁴.

Советская администрация в 1945 г. разрешила деятельность четырех партий: Коммунистической партии Германии (КПГ), Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Христианско-демократического союза Германии (ХДСГ) и Либерально-демократической партии (ЛДП). 21 апреля 1946 г. на Первом учредительном съезде произошло слияние Коммунистической и Социал-демократической партий (только в восточной зоне). Образовалась Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ). По записям Н.М. Парфеновой можно проследить, как менялась политика советской администрации по отношению к другим партиям и осуществлялся переход к единовластию СЕПГ. При этом Н.М. Парфенова отмечала непопулярность и незначительное влияние СЕПГ среди населения советской зоны. Писала она и о слабом влиянии коммунистической партии в западных зонах, а также о том, что партия практически не поддерживала женское движение. В английской зоне местные жительницы жаловались, что коммунистки нетактичны и с ними нельзя сотрудничать.

Часто встречаются записи о популярности идеи формирования единого демократического государства. В решении Первого учредительного съезда СЕПГ говорилось, что одна из главных

задач, стоящих перед партией, — создание единой Германии как антифашистской, парламентской демократической республики, образование антифашистскими демократическими партиями центрального правительства. Руководство Советского Союза в тот период так же ратовало за единую и мирную Германию. Выступая по радио 9 мая 1945 г., И.В. Сталин заявил: «Германия остается единым государством». В ходе сбора подписей 13 124 немцев высказались за объединение страны. В советской зоне за это выступило 90% населения.

Очень часто данный вопрос поднимался в связи с созданием единой женской организации. Во время встреч с немками постоянно звучало, что главная задача — единство Германии и необходимо приобщить женщин к борьбе за это. Представители большинства политических партий настаивали, что только после объединения государства можно говорить о слиянии женских организаций. Н.М. Парфенова часто писала, что работе последних мешает зонирование, все хотят единства страны и нового правительства.

Как уже говорилось, большая часть записей посвящена описанию жизни немецких женщин и проблемам, с которыми они сталкивались в повседневной жизни. Много заметок о том, как велась работа по приобщению их к активной деятельности в области государственной, хозяйственной и культурной жизни и по изменению их мировоззрения. После двух лет оккупационного режима немцы все еще не представляли, что их ожидает в будущем. Н.М. Парфенова писала: «Главное — другое идейно-политическое направление, переработка немецких умов». Необходимо было возродить в людях надежду на постепенное улучшение судьбы их страны и освободить население от любых проявлений идеологии нацизма.

После войны сохранялись стереотипы в отношении к женщинам, утвердившиеся во времена Третьего рейха, — культ здорового тела и деторождения ради приумножения нации. Повсеместно провозглашался культ матери, на государственном уровне проводилась политика поддержки многодетных семей и матерей-одиночек, создавались женские организации в соответствии с идеологией рейха. Гитлер считал, что у женщин нет стремления работать на фабриках, в бюро, в парламенте. Хороший дом, любимый муж и счастливые дети ближе их сердцу. Место, которое традиционно отводилось женщинам фашистской Германии, отвечало принципу трех «К» — *Küche, Kirche, Kinder* (нем. — кухня,

церковь, дети). Нужно сказать, что государство не только занималось пропагандой этих идей, но и оказывало большую материальную и моральную поддержку немецким женщинам, несмотря на отводившуюся им роль второго плана. Немки, составляющие большинство населения страны, были фактически отстранены от участия в ее государственной и политической жизни. При этом большая часть женщин и девушек (около одиннадцати миллионов) состояла в нацистских организациях. Уровень пропаганды был так высок, что сложившееся в юности нацистское мировоззрение еще долго влияло на стиль жизни и поступки многих представительниц старшего поколения жителей Германии.

Создаваемым женским организациям предстояло разрушить этот стереотип в отношении женщин и привлечь их на сторону новой власти. Н.М. Парфенова неоднократно указывала на важность этой проблемы. Она писала: «Очень сложно поломать прошлые представления, разъяснить женщинам, что они живут в других реалиях, надо интересоваться вопросами сегодняшней жизни, думать не только о семье, но и о будущем государства». Обсуждая в конце 1946 г. на совете МДФЖ в Праге положение женщин в Германии и вопрос о работе там специальной комиссии, участники совета поручили Н.М. Парфеновой и другим членам комиссии передать немецким женщинам, что от их усилий зависит, какой будет новая Германия. «Не хотеть войны – мало, надо активно добиваться мира. Это решит успех борьбы с остатками фашизма».

Но немки, как правило, стояли в стороне от политики, занимались домом и семьей. Парфенова писала: «Настроение девушек – мещанское. Кроме замужества ничего не надо. В библиотеке берут только романы, газет читают мало. Немецкая женщина избалована, не привыкла к борьбе». Деревенские жительницы были отсталыми и часто смотрели на себя как на людей второго сорта.

Большинство записей сделано в 1947 г. и связано с работой комиссии МДФЖ. Зима 1946/47 г. стала самой тяжелой после окончания войны. Она выдалась чрезвычайно холодной, температура опускалась до -20° , что для Германии являлось настоящим стихийным бедствием. Разразился топливный кризис из-за неразумной политики союзников, вывозивших весь добывавшийся в стране уголь по заниженным ценам или бесплатно в счет репараций в Бельгию и Францию. Достать дрова или уголь для отопления домов было практически невозможно. При отсутствии в большинстве городов

централизованного отопления каждой семье приходилось самостоятельно заботиться об обогреве.

Из-за отсутствия топлива встал транспорт, не работали промышленные предприятия. К тому времени часть их закрыли и демонтировали, а затем вывезли из страны, главным образом в СССР и Францию. К 1947 г. СССР практически закончил демонтаж в советской зоне, что привело к ухудшению материального положения местного населения. В связи с этим возникла необходимость восстановить промышленность, вернуть на производство старые кадры, в том числе женщин.

Высокий уровень безработицы, особенно среди женщин, невысокая оплата труда (у женщин ниже, чем у мужчин), холод, голод — вот главные приметы зимы 1946/47 г. Н.М. Парфенова писала: «Германия в настоящее время является страной, где свирепствуют все пять бед: бедность, страх, грязь, лень и бескультурье».

Во время встреч с жителями различных регионов от них постоянно поступали жалобы на тяжелое материальное положение. Цены на необходимые продукты и предметы росли, а зарплаты не менялись. В Штутгарте прожиточный минимум составлял 414 марок, но у большинства было только 218. Попытки создания женских организаций нередко наткнулись на откровенный протест. После встречи с женщинами на заводе Lorenz («Лоренц») в американской зоне оккупации Н.М. Парфенова записала: «Все сводят к трудностям, тяжелым условиям жизни, которые не позволяют заниматься общественными вопросами. С мест раздавались злобные реплики: чем говорить — дали бы мяса».

Ситуация была действительно тяжелой. Из продукции лишь 10% шло населению, а 90% — на черный рынок. Английский писатель Филипп Керр описал такой рынок у Рейхстага: «...На площади размером с футбольное поле по меньшей мере тысяча людей кучковалась небольшими конспиративными группками, держа перед собой предлагаемый на продажу товар. Пакеты с сахарином, сигареты, иглы для швейных машин, кофе, продуктовые карточки, в основном поддельные, шоколад и презервативы... А купить здесь можно было все что угодно: от документов, подтверждающих право на разрушенную бомбежкой собственность, до фальшивых сертификатов о денацификации, гарантировавших, что предъявитель сего „не заражен нацистской идеологией“ и потому может быть принят на работу по какой-либо специальности, находившейся под контро-

лем союзников, будь то дирижер оркестра или дворник»⁵. За марки почти ничего не продавали. Самой твердой валютой стали сигареты, лекарства, спиртное. В январе 1947 г. Н.М. Парфенова так описала ситуацию в Берлине: «Холод и голод в доме и на работе. После работы все спешат домой. От 14 до 6 часов ежедневно нет электрического тока. Для всех главное — сохранить жизнь, — все другие вопросы уходят на задний план. На первое место выходит борьба с нуждой, стремление накормить и одеть. Большой проблемой была холодная зима и практически отсутствие топлива в жилищах, вследствие этого невозможность приготовить пищу. Женщины собирают на улицах кусочки угля для отопления. И так ежедневно». Не отапливались порой общественные здания, а в некоторых местах даже школы и детские сады. Так, собрание руководителей женских организаций в Берлине 10 февраля 1947 г., на котором присутствовала Н.М. Парфенова, проходило в холодном зале и без электричества. В ту зиму голодная смерть угрожала двадцати миллионам немцев.

Посетив детские дома, сады и школы, Н.М. Парфенова отметила: «В организованных повсеместно амбулаториях (в восточной зоне. — Н.Ч.) для детей и матерей, проводят медицинский осмотр школьников. Отмечают, что много больных и ослабленных детей, состояние здоровья — плохое. Нужно питание — жиры, сахар». Вот дневной рацион в детском саду города Хайденау (Саксония): «В одном классе местной школы открыли детский сад. Холодно. 94 ребенка от 3-х до 10 лет. Есть кухня и душ. 3 раза питание. Утром чай или кофе (хлеб свой), днем обед, вечером питье». Описала она и детский сад при фабрике занавесок и кружев в Дрездене: «1 комната, 40 детей — от 2-х до 14 лет. 1 воспитатель. Условия плохие. Одежда без подушек. Игрушек почти нет. 3 раза питание. Утро и вечер — питье, 30 гр. сахара. Обед — суп».

На некоторых встречах (например, в Галле) немки просили комиссию МДФЖ помочь своим детям — они не виноваты в прошлых преступлениях. В провинции чаще всего просили помочь с питанием — детям требовались жиры, сахар, рыбий жир, витамины. И это было самой серьезной проблемой во всех зонах. Население западных зон получало разнообразную благотворительную помощь из Америки, Швейцарии и других стран. Так, Аргентина в 1947 г. направила в Германию 560 000 посылок. Во всех зонах, кроме советской, открылись пункты помощи Евангелистской цер-

кви и различных благотворительных обществ. Оказывал помощь и Международный Красный Крест. Женщины из американской оккупационной зоны жаловались на несправедливое распределение помощи. Большинство подарков получали церковные благотворительные общества. К рабочим, а тем более антифашистам, ничего не попадало.

Особенно тяжело приходилось вдовам и женщинам, воспитывающим детей в одиночку. В Хайденау их насчитывалось три тысячи, им в первую очередь требовалась работа. У многих мужья находились в плену. На каждой встрече женщины спрашивали, когда вернутся военнопленные и как им можно помочь. У союзников к концу войны в плену находилось от десяти до одиннадцати миллионов немецких солдат. Из них в СССР — более трех миллионов. Американцы и англичане стремились быстрее отправить их домой, что и произошло в конце 1945 г. Франция и СССР не спешили освобождать пленных, используя их в качестве бесплатной рабочей силы. Последние военнопленные вернулись из СССР в 1956 г.

Кроме того, немецких женщин волновало положение беженцев и переселенцев, в большом количестве прибывавших в немецкие города из Восточной Пруссии, Судетской области (Чехословакия), с земель, расположенных по берегам Одера и Нейсе, составлявших 25% территории довоенной Германии. Число переселенцев достигло около 12 000 000. В советской зоне они составляли 27% всего населения. В Шверине (провинция Мекленбург) число жителей за счет переселенцев возросло на 50%, в Нойруппине обновились 9000 переселенцев, все время прибывали они и в Хайденау. Людей надо было разместить, накормить, дать им какую-то работу. Это, естественно, сказалось на и без того тяжелом положении местного населения. В августе 1947 г. Н.М. Парфенова, описывая ситуацию в англо-американской зоне, отметила, что «к переселенцам отвратительное отношение. Живут в бараках и без элементарных условий. Ничего впереди. Работу не дают. Вражда между ними и местными властями».

В то же время Н.М. Парфенова видела, что к тому времени сознание немецких женщин изменилось. Они стали дружнее и начали заботиться о других. Пытаясь выжить, немки самоорганизовались, создали детские учреждения, кухни для детей, активистки сами готовили пищу. В провинции Саксония (район Зангерхаузен) 3726 детей ежедневно получали суп, кофе и хлеб. Работали

бесплатно, помогая друг другу. Горожанки выезжали в сельские районы, помогали в уборке урожая, собирали по деревням молоко и фрукты.

Особую активность проявляли антифашистские женские комитеты. Они заботились о детях, переселенцах, возвращающихся из плена, стариках, больных и матерях. Их основными лозунгами стали: «Спасайте детей!», «Поборем нужду!», «Ни одного ребенка без рождественского подарка!», «Молодежь в опасности!». Повсеместно эти комитеты организовывали швейные мастерские, где из утиля и обрезков изготавливалась одежда для детей и переселенцев. В Берлине появилось 150 мастерских, в Дрездене — 79, в Лейпциге — 60. Работали добровольно и безвозмездно. Их руками изготовлены тысячи вещей.

В Хайденау комиссия посетила швейную мастерскую, где женщины организовали починку белья для заводских рабочих и детских домов. Там бесплатно постоянно трудились восемь — десять женщин. В том же городе руководительница детского сада фрау Казен добровольно отказалась от зарплаты, поскольку имела работающего мужа. Эти деньги отдавали двум нуждающимся женщинам. Остальные также работали бесплатно. В помещении бумажной фабрики организовали народные кухни, где готовили до 3000 порций в день. Многие желали получить еду, так как не имели топлива, чтобы приготовить пищу дома. На деревообделочном заводе ввели равную оплату труда, организовали медицинскую помощь, баню, выдавали некоторые продукты питания из подсобного хозяйства. В Лейпциге женский комитет и местная молодежь организовали театр «Юный мир» для идеологически правильного воспитания детей и подростков средствами искусства. Зал не отапливался, но детей в нем было много.

В Бернбурге (земля Саксония-Анхальт) открылся детский дом, где находились 86 детей. Парфенова писала о нем: «Хорошее помещение. Вид живущих там хороший. Вновь прибывшие измучены. Нужно дополнительное питание». В Берлине к Рождеству 1946 г. женщины собрали свыше 25 тонн вещей для детей. Для этого устраивали различные мероприятия, проводили лотереи. Благодаря активности местных женских организаций 45 000 детей отдыхали летом за городом.

Советская военная администрация также старалась помочь немецким женщинам. Почти пять миллионов из них по приказу мар-

шала В.Д. Соколовского получали улучшенное питание за счет проводимой земельной реформы. Н.М. Парфенова писала, что немки неоднократно говорили, что первыми им оказали помощь именно советские женщины, несмотря на горе, которое им принесли фашисты.

В записях отмечено, что немки хорошо осознали свою ответственность за молодое поколение, связывая его с будущим Германии. «Мы выпустили молодежь из рук, мы ничего не сделали, чтобы помешать фашистам овладеть ею. Мы отдавали из своих рук самое дорогое — детей надо вернуть... Мы должны сделать новое поколение. Женщины могут воспитать детей, влиять на мужа, создать счастливое будущее страны» — говорили на собраниях немецкие женщины. Н.М. Парфенова отметила важную роль прессы в деле воспитания подростков. Необходима была газета, которая дошла бы до каждого дома, чтобы каждая женщина знала, что надо делать. Это понимали гитлеровцы, выпускавшие в свое время газету «Помогай», которая была у каждого ребенка. «Надо детскому миру подарить другую газету», — писала Надежда Михайловна.

Важнейшей задачей стало не только воспитание нового поколения, но и перевоспитание всего населения, освобождение его от любых проявлений идеологии нацизма. В решениях Потсдамской конференции записано: «Образование в Германии так должно контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей». Много было сделано в этом направлении в советской зоне, где в 1945–1946 гг. осуществилось кардинальное реформирование всей системы образования, целью которой стало построение социализма в Восточной Германии. В июле 1946 г. президенты всех провинций советской зоны приняли закон о демократизации немецкой школы, с главным постулатом: «У всех равные права». Все дети имели возможность обучаться бесплатно во всех общеобразовательных школах с первого по восьмой класс; с девятого по двенадцатый класс действовал принцип прогрессивной платности, в зависимости от доходов семьи (от 150 до 200 марок в год). Под контролем советских властей были разработаны и разосланы во все школы новые программы, учебные планы и методические инструкции. Н.М. Парфенова записала свою беседу с министром просвещения восточной зоны, который рассказывал о проделанной работе: проведена школьная реформа, установлена

единая система обучения, созданы новые учебники и программы, школа отделена от церкви.

Изменения происходили и в высшей школе. В университете Бернбурга учились 560 человек от 18 до 26 лет; некоторые пришли прямо с завода, из деревни, с фронта. Для них открыли предварительный семестр, что-то вроде рабфака. Профессорские кадры университета смотрели на это начинание косо, поскольку не хотели, чтобы такой большой процент детей рабочих и крестьян попал в высшую школу. В учебный план ввели новый предмет «Уроки данного времени» – изучение текущего вопроса. Уже в 1945 г. при помощи органов СВАГ восстановили старейший в Германии Йенский университет – идеологический центр нацизма при фашистах. В сентябре 1945 г. в нем работало пять факультетов. Университет в Йене стал первым высшим учебным заведением Германии, возобновившим работу на новых демократических началах. Весной 1946 г. в нем появился педагогический факультет для подготовки учителей из народа. Осенью 1946 г. открылся институт диалектического материализма. Изменился состав студентов. Четвертую часть их составили дети рабочих и крестьян. Более 1000 студентов получали стипендию – от 60 до 160 марок в месяц.

Большой проблемой стало отсутствие учителей. Многие погибли на войне, многие подверглись денацификации. На 1 июля 1945 г. в советской зоне из 41 500 учителей 85% состояли в нацистской партии. В 1945 г. от работы отстранили 30 000 бывших ее членов. В американской зоне за то же время отстранили от преподавания 50% учителей. Как уже отмечалось, большинство преподавателей были настроены против нововведений. В восточной зоне организовали переподготовку и обучение учителей в соответствии с новой идеологией. Всего подготовили 77 000 специалистов. Большинство имело слабые профессиональные навыки, но «новый дух». Наиболее сложной оказалась работа в старших классах, где многие дети из буржуазных семей не хотели изучать русский язык. Тяжелым оказалось положение и в начальной школе. Не хватало учебников, особенно в сельских школах, в первую очередь по истории, литературе, географии, а также наглядных пособий. Нацистские учебники, изданные миллионными тиражами, изымались, взамен переиздавались учебники периода Веймарской республики или писались новые. Несмотря на все эти трудности, осенью 1945 г. начались занятия во многих школах и вузах всех четырех зон.

Н.М. Парфенова все время подчеркивала роль женщин-учителей в обучении и воспитании детей и молодежи. В восточной зоне они составляли 40% от всего преподавательского состава. Говоря о молодежи, Надежда Михайловна писала: «Они пугаются больших задач, говорят, что нет времени, материальные трудности. Надо поднять молодежь на построение мира, который лежит в развалинах». Она также отмечала, что власти выделяют мало средств на культурно-просветительную работу.

В тетрадях много записей об отношении женщин из разных социальных групп к новой власти, о трудностях и особенностях работы с ними. Буржуазные женщины стояли в стороне от общественных работ. Необходимо было работать с ними отдельно: организовывать различные культурные мероприятия, доклады, дискуссии. Практически не участвовали в общественной жизни и крестьянки — наиболее отсталая группа женщин, оторванная от новых преобразований. «Моральная нищета» — так охарактеризовала их основную черту Н.М. Парфенова. При том она все время говорила о необходимости дифференцированного подхода к ним с учетом социального положения, возраста и наличия супруга.

Н.М. Парфенова считала, что политическая активность немецких женщин напрямую зависит от их материального положения. Так, в 1946 г., когда уровень жизни был выше, они больше участвовали в общественной жизни, чем в 1947 г. После встречи с женщинами в Нойенкирхене (французская зона) в тетради появилась такая запись: «...Трудно привлечь женщин, не хотят интересоваться политикой, особенно те, кто работает. Им трудно жить, мало свободного времени. Материальное положение тяжелое и это также затрудняет работу. Сказывается влияние фашизма. Материальное благополучие и десятилетиями установившаяся пассивность. Семейное счастье плюс проповеди церкви — смысл жизни». Тяжелое материальное положение было связано и с высоким уровнем безработицы. Традиционно большинство немецких женщин являлись домохозяйками, не имели профессий, а работавшие имели низкую квалификацию. Естественно они не выдерживали конкуренции с мужчинами, особенно в условиях тяжелейшего экономического кризиса 1947 г. Большинство предприятий работали неполную неделю. Так, в Бернбурге конфетная фабрика функционировала два дня в неделю из-за отсутствия транспорта и нехватки сырья.

На предприятиях женщины также составляли меньшинство. На заводе электроламп Osram («Осрам») в Берлине из 1800 рабочих — 300 женщин; на заводе Leuna («Лойна»), производящем удобрения, из 30 000 рабочих — 4000 женщин. На небольших предприятиях такая же картина. В городе Бернбурге проживали 25 000 женщин, из них работали 4500. На кофейной фабрике в штате состояли 150 мужчин и 120 женщин, на матрацной фабрике трудились 45 человек, из них — 18 девушек. Особенно тяжелое положение с трудоустройством женщин отмечалось в западных зонах. О положении в английской зоне Н.М. Парфенова написала: «Тяжелое впечатление — работы среди женщин нет, кухни и детских учреждений нет. Собрания не проводятся». В той же английской зоне местных жительниц стали привлекать к уборке и восстановлению городов. Это трудная работа, но женщины проявляли активность и участвовали в ней; всего было задействовано 40 000 немок.

Перед властями стояла важная задача: дать женщинам и особенно молодым девушкам профессии и отправить их на работу. Организовывались различные курсы, оказывалась помощь в овладении новыми профессиями, которые раньше считались мужскими (например, строительное и судебное дело). В итоге в советской зоне женщины составили большинство в текстильной и бумажной промышленности, а также в производстве одежды. Среди новых учителей 50% были представительницами слабого пола.

В записях Н.М. Парфеновой приводятся примеры организации обучения немок: в Бернбурге появились швейные мастерские, где обучали девушек-подростков, в Нойруппине открылась вечерняя высшая народная школа для женщин. В Галле готовили к открытию дом для обучения женщин. При нем имелось общежитие на 30 человек, которые могли приехать из других районов.

Важнейший вопрос, волновавший работающих женщин, — установление равной оплаты с мужчинами. Последние, даже представители демократических партий, в большинстве случаев выступали против этого, придерживаясь стереотипов прошлого. Так, на заводе «Телефункен» в английском секторе Берлина квалифицированная работница получала 90 пфеннигов за час, а чернорабочий мужчина — от 93 пфеннигов до 1 марки 10 пфеннигов. На шоколадной фабрике «Саротти» женщинам в среднем платили 60 пфеннигов в час, мужчинам — 80.

Во французской зоне в апреле 1947 г. комиссия посетила завод акционерного общества «Металлическая промышленность Нойенкирхена», где из 454 сотрудников 74 являлись представительницами слабого пола. Вся продукция шла во Францию. Равной оплаты не было. Никакая работа с женщинами не велась. Не было также технического обучения и заботы о детях. «Женщины не надеются на изменения. Говорят, что все равно равную зарплату не дадут, а девушки думают выйти замуж и тогда не надо будет работать. На труд немецкая женщина смотрит как на горькое испытание, как на временное явление, она привыкла к легкой жизни. Средний возраст женщин 20–22 года. Есть на заводе бесплатный обед. Директор готов уравнивать в зарплатах, но не согласны мужчины». Парфенова писала: «Равноправие должно быть в умах мужчин. Женщины полагаются равных окладов с мужчинами».

В советской зоне, в соответствии с приказом Главного начальника СВАГ № 253 от 17 августа 1946 г., устранили различия в оплате труда в зависимости от пола и возраста. Женщин стали выдвигать на руководящие посты. В Берлине 5000 женщин работали кондукторами и получали равные с мужчинами деньги. Правда, этому, как отмечала Н.М. Парфенова, предшествовала упорная борьба. Конституции, принятые отдельными ландтагами (земскими парламентами) в восточной зоне, уделяли большое внимание равноправию женщин, включая их избирательные права. «Женщины имеют одинаковые права с мужчинами во всех областях государственной, хозяйственной и общественной жизни»; «За равный труд женщина имеет право на равную с мужчиной оплату»; «Обеспечивается государственная охрана материнства»; «Одиноким матери и матери, состоящие в браке, — равноправны». Иначе обстояли дела в западных зонах.

Интересны записи о выполнении программы четырех «Д» в различных зонах и отношении к этому женщин. К 1947 г. возникли серьезные разногласия между СССР и бывшими союзниками. Н.М. Парфенова писала: «Запад развивается другим путем, мы должны к этому готовиться». Со слов Эмми Шмидт, побывавшей в западных зонах в августе 1947 г., Парфенова отметила явный антисоветский настрой в тех районах страны: «Исключительных размеров достигла антисоветская пропаганда. Советский Союз и восточная зона у всех на устах — готовится война, репарации, демонтаж оборудования — негативное отношение, сытая жизнь

русских, о доходах „колхозников“ и голод немецких военнопленных. Во французской зоне много пугают советской зоной: семьи не будет, и женщине придется работать много. В американской зоне все говорят, что будет война между СССР и США».

Многие руководители, в том числе женских объединений, выступали против создания единой женской организации Германии, воспринимая ее однозначно как прокоммунистическую, и не хотели с ней сотрудничать. Так, представительницы либеральной партии фрау Тюрмер и христианского союза фрау Шпангенберг (Саксония; восточная зона) высказали свои опасения: «Нельзя объединить женщин разных взглядов и мировоззрений, тем более в условиях одной зоны. Надо подождать». Пугала и перспектива вхождения в МДФЖ: «Ее программа не известна, она может не подойти, и тогда представителям либеральных партий придется выйти из организации, что приведет к расколу женского движения». Даже компартия, имеющая слабый авторитет в западных зонах, практически не поддерживала женское движение. Сильно было и влияние женских католических организаций.

На встрече с немками в Мюнхене говорилось, что реакция опять поднимает голову; дело денацификации и демократизации идет из рук вон плохо; концерны сохранились, земля осталась у крупных землевладельцев, чистка управленческого аппарата почти не проводится. Старые кадры сохранились в учебных заведениях — школах и университетах, а реформа образования не проводилась. Многие военные преступники избежали наказания, условий для работы демократических организаций, в том числе женских, нет. После состоявшихся в западных зонах выборов в ландтаг прошли старые фашисты. В английской зоне даже существовали нацистские организации. Во время чисток и судебных разбирательств судьи оправдывали нацистов, находивших там приют.

Во французской зоне, в области Саар, один из руководителей крупного предприятия, следивший, чтобы не было саботажа, господин Кайзер, являлся членом нацистской партии с 1935 г., в годы войны он имел ежегодный доход в шесть миллионов марок. После ее завершения он начал называть себя антифашистом и выступать за единую Германию. В Высшем комитете по денацификации против его кандидатуры проголосовало пять членов, за — три. Но его поддержали социал-демократы и христианская партия. О нем весьма хорошо отзывались и было очевидно, что в итоге «очистят».

Есть запись о событиях в округе Мерциг: «...Судят господина Боха, в руках которого практически вся керамическая промышленность страны. Председатель комиссии по денацификации господин Ягер, в прошлом давал деньги на фашистскую партию, строил военные укрепления в 1938 г., имел доход 600 тыс. марок в год. Поэтому господина Боха и считают „без подвоха“. Его же поддерживает и новая военная администрация». Решением особого комитета Дюссельдорфской комиссии по денацификации (английская зона) известного магната и крупного военного преступника Гуго Стиннеса сочли невиновным, то есть денацифицировали. Еще до 1933 г. он финансировал фашистскую партию. После прихода к власти Гитлера отчислял пять пфеннигов с каждой добываемой тонны угля, за что был награжден высшими фашистскими наградами. На суде он ничего не скрывал и заявил: «Меня удивляет, что мне ставится в упрек моя связь с нацистским руководством, тем более что мои коллеги уже снова находятся на ответственных постах».

После окончания войны представителям взрослого населения Германии предлагалось от имени Контрольного совета по Германии заполнить анкету со множеством вопросов. На основании ответов определялась вина того или иного лица в преступлениях нацизма. Иногда такая анкета содержала до 131 вопроса. Отказ от заполнения грозил лишением продовольственных карточек. При результатах «виновен» или «виновен в высшей степени» отвечающий предстал перед судом и в случае осуждения отправлялся в лагерь для интернированных лиц. Для «замешанных» или «попутчиков» предполагалось наказание в виде денежного штрафа или конфискации доли имущества. Имелась категория «оправданные», но лучше всего было попасть в число «не замешанных».

К 1947 г. в западных зонах арестовали 14 000 нацистов, к ответственности привлекли 1500; приговорили к расстрелу 350 человек (всех их амнистировали). В советской зоне в июле 1945 г. издали приказ № 24 СВАГ, по которому все члены Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) изгонялись из хозяйственных органов. К осени 1945 г. ликвидировали все подпольные нацистские организации. В сентябре приняли постановление об изъятии нацистской литературы. Тогда же начались суды над нацистами, закончившиеся к 1947 г. Всего к суду привлекли 16 000 человек, 148 расстреляли. К середине 1948 г. денацификация в советской зоне успешно завершилась. Ей подверглось все взрослое

население. Комиссии по денацификации на основании приказа СВАГ № 35 были распущены.

В записях Н.М. Парфеновой приводятся факты о том, что нацисты в западных зонах «до сих пор сидят в угольной промышленности (Рурская обл.), транспорте, тяжелой промышленности. Ответственные посты поручаются бывшим преступникам. Копф — премьер-министр правительства земли Нижняя Саксония. Он официально числится в списках военных преступников за свою деятельность во время войны. Дипкельбах (стальной трест) руководит всей промышленностью Бизонии. Шланге-Шепиген — крупный помещик в прошлом — ведает продовольствием». Зачастую отстранить их от хозяйственной деятельности было нереально из-за нехватки квалифицированных кадров и руководителей.

Промышленных предприятий в западных зонах сохранилось значительно больше, чем на востоке. Союзники не спешили демонтировать заводы, они активно восстанавливали разрушенные предприятия, при этом старались повысить квоту выплавки металлов, стремясь сохранить военный потенциал Западной Германии. К 1947 г. в английской и американской зонах было скрыто от учета более 450 военных заводов. Со слов немецких активисток, побывавших в западных зонах, Парфенова записала, что в Аугсбурге (американская зона) сохранен в целости завод, производящий военные самолеты «Мессершмитт», на котором работало 20 000 рабочих. Сохранены заводы, производящие корпуса подводных лодок, стволы артиллерийских орудий. Монополистические концерны живут и здравствуют, как, например, I.G. Farbenindustrie («И.Г. Фарбениндустри») в американской зоне. Ее военный губернатор генерал Л. Клей, имея широкие полномочия, старался сохранить промышленный потенциал Германии и немецкие монополии. В итоге не были разоружены и распущены немецкие военные силы.

Многие записи Н.М. Парфеновой посвящены работе, которую проводила комиссия МДФЖ по подготовке и созыву Учредительной конференции немецких женщин. Это информация о встречах, беседах, настроении руководителей и рядовых членов женских организаций, о том, как проходили собрания. Подробно говорится о позициях различных политических партий, в том числе по женскому вопросу. Перед нами предстает яркая картина политической жизни Германии 1945–1949 гг., когда еще существовали различные партии и объединения.

В дневниках Н.М. Парфеновой упоминаются люди, с которыми ей приходилось сталкиваться. Писала она о встречах и беседах с активистками и руководительницами немецких женских объединений, представительницами различных политических партий. Это Элен Шмидт⁶ (член правления ДЖСГ, с 1949 г. — председатель ДСЖГ, член исполкома МДФЖ); Анна-Мари Дуранд-Вефер (председатель организационного комитета по подготовке учредительного съезда), неоднократно бывавшая в западных зонах и призывавшая рассказывать правду о положении там; Эмми Домериус Кенен (член СЕПГ), с 1945 г. активно занимавшаяся созданием женских комитетов на муниципальном уровне. Именно она играла решающую роль в работе подготовительного комитета ДЖС Германии, выступала с основным докладом по международным вопросам на учредительном конгрессе и пользовалась большим авторитетом. Встречалась Н.М. Парфенова также с Катариной Керн (член СДПГ с 1920 г, член ЦК СДПГ), Эльзой Людерс (член ХДС, ветеран женского движения, открывшая первое заседание учредительного конгресса ДЖСГ), Эдит Хаузер, возглавлявшей антифашистский комитет Берлина, Магдой Зепдхоф (член СЕПГ, председатель центрального антифашистского женского комитета), Э.Я. Цеткин-Милонидовой (известная деятельница женского движения, невестка Клары Цеткин) и другими. Встречаются в записях Н.М. Парфеновой и оценки деятельности некоторых женщин. Надежда Михайловна подчеркивала отсутствие в женском движении настоящих ярких личностей, способных вести за собой.

Часть записей посвящена деятельности СВАГ в отношении женских организаций. Отмечены нехватка кадров, средств на культурно-просветительную работу, иногда недостаточное внимание и недооценка женского вопроса, поскольку «за эту работу не спрашивают». Н.М. Парфенова неоднократно встречалась с начальником управления пропаганды СВАГ полковником С.И. Тюльпановым. На совещании 29 января 1947 г. обсуждалась необходимость улучшения взаимодействия с немками. Отмечались слабая работа советской администрации с женщинами и молодежью, отсутствие дифференцированного подхода к разным категориям населения: в стороне оставались крестьянки и женщины умственного труда, мало привлекались учительницы. Н.М. Парфенова задавалась вопросом: «Нет ли ошибок в подходе... Ведь не все женщины были в фашистской партии». Она считала, что необходимо активнее

привлекать советских женщин к работе с местным населением, увеличивать их число в аппарате советской администрации, особенно в провинции, и референтами по женскому вопросу должны быть сами женщины. Для завоевания симпатий местных жителей нужно использовать самые разные средства — организовывать специальные женские дома не только для отдыха, но и для учебы, а также женские клубы, проводить различные курсы и семинары, создавать библиотеки. Важно привлекать немки в вечерние высшие школы, шире использовать печать и радио, больше уделять внимания вопросам политического воспитания и для этой цели проводить различные собрания, лекции на такие темы, как «Задачи женщин в новой Германии», «Что принес фашизм женщине», «Права и обязанности женщин при демократии» и др. Подобных собраний в районе Кёпеник (Берлин) прошло свыше ста. В Галле организовали специальный семинар по новой конституции, в Нойруппине открылась вечерняя школа для немки. В провинции Саксония появилась широкая сеть консультативных пунктов по вопросам прав женщин, семьи и брака. Но такие начинания носили эпизодический характер. Настоящая политико-воспитательная работа не была развернута, а в большинстве городов и сел даже не начата. Н.М. Парфенова сформулировала главную цель этой работы: «Советскую зону сделать притягательной силой для остальной Германии. Доказать преимущество советской политики. Пропаганду сделать наступательной. Всеми мероприятиями укреплять вес СССР». 12 декабря 1947 г. она выступила в Карлсхорсте перед руководством СВАГ с докладом о деятельности комиссии МДФЖ и ее результатах, отметив положительные начинания в советской зоне.

В записях конца 1947 — начала 1948 г. Н.М. Парфенова подвела итог деятельности комиссии за год, отметив трудности и проблемы, возникшие перед комиссией и ДСЖГ. В апреле 1947 г. комиссия, наконец, собралась в полном составе, что позволило приступить к изучению положения женщин во французской зоне. Американские и английские оккупационные власти так и не дали разрешения на посещение своих зон. Большинство политических партий в западных зонах выступали против единой женской организации. В советской зоне буржуазные партии тоже были против. Так, представители ХДС отмечали, что нельзя объединить разных женщин, стремились отвлечь их от политических вопросов, считая главным

благотворительность и специфические женские проблемы. Христианская газета «Нойе Цайт» писала: «Женщина вообще не способна к самостоятельному политическому мышлению, к дальновидности». На прошедшем в январе 1948 г. в Ганновере съезде СДПГ приняли решение против деятельности ДЖСГ, женщин этой партии, участвующих в работе учредительной конференции в Берлине, из партии исключили. Интересно, что социал-демократы во многих местах стали главными противниками женских организаций и вообще равноправия. Особенно остро эта позиция проявлялась в Берлине. Так, на конференции СДПГ (1948) было принято специальное решение о том, что членство в ДЖСГ несовместимо с членством в СДПГ. «Хотят вернуть немецкую женщину в прежнее положение. Боятся ее активности, не хотят приобщать ее к решению вопроса устройства послевоенной Германии», — писала Н.М. Парфенова. Были разногласия и по названию ДЖСГ, отмечали, что союз, будучи односторонне коммунистическим, не является и немецким, так как объединяет только женщин советской зоны. Главным в работе комиссии в тот период стала подготовка ДЖСГ к приему в МДФЖ. Большинство выступало против МДФЖ, считая ее коммунистическим объединением. Парфенова подробно анализировала позиции противников и сторонников вхождения в федерацию. Противники считали, что многие жительницы западных территорий не поддержат такой шаг и от ДЖСГ отойдут женские организации этих зон, что приведет к еще большему разделению запада и востока. Произойдет раскол в советской зоне. Из организации выйдут представительницы либеральной и христианско-демократической партий. Доводы «за» — цели и задачи немецких женщин в борьбе за единую демократическую мирную Германию — совпадут со всеобщей борьбой за мир и демократию; немки получают поддержку демократических женщин из 48 стран. В июне — сентябре 1947 г. в Германии прошли зональные конференции женщин Германии (17 земель). Н.М. Парфенова постоянно выезжала с докладами о деятельности МДФЖ, разъясняла необходимость вступления в нее ДЖСГ. Об этом также много записей. Надежда Михайловна отмечала, что наиболее трудными пунктами стали Дрезден, где постоянно звучали протесты, выдвигаемые под влиянием либералок; Лейпциг, с засильем представительниц буржуазных слоев общества и влиянием западных зон; Галле, где в целом идеологическая работа велась слабо.

В сентябре 1947 г. Н.М. Парфенова выступила с отчетом о деятельности комиссии на заседании исполкома МДФЖ в Стокгольме, где впервые после образования МДФЖ присутствовала делегация немецких женщин. На основании доклада Надежды Михайловны было принято «развернутое решение сессии по германскому вопросу». 17 октября она встречалась с Отто Гротеволем — председателем СЕПГ, 6–7 декабря 1947 г. участвовала в работе Народного конгресса за единство и справедливый мир, проходившего в Берлине. Несмотря на все усилия Н.М. Парфеновой и других активисток женского движения, в марте 1948 г. докладывая в Москве о результатах своего пребывания в Германии, она констатировала невозможность создания единой всегерманской демократической организации женщин.

В большей степени к этому стремились в советской зоне. В мае 1948 г. открылся Первый конгресс ДЖСГ. В нем приняли участие Отто Гротеволь, Анна Зегерс, другие политические и общественные деятели. Были подведены итоги, отмечены основные недостатки в работе: слабый рост численности союза, преобладание в нем домохозяйек и малый процент работающих женщин. Ставился вопрос о расширении сотрудничества с представительницами буржуазных партий, необходимости большего внимания к вопросам политического воспитания, широкого использования для этого печати и радио. Говорилось также о слабости руководства, недостатке политически обученных, ясно понимающих обстановку руководителей женского движения, особенно на местах, нехватке кадров.

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все вопросы, затрагиваемые Н.М. Парфеновой в ее дневниках. В них мы находим сведения о деятельности профсоюзов и участии в ней женщин, о проведении сепаратной денежной реформы в западных зонах и ответных действиях в советской зоне. Есть заметки о плане Маршалла и противопоставлении ему советского плана демократического восстановления экономики Германии. Писала Н.М. Парфенова и о подготовке новых кадров во всех сферах экономики и образования. Много внимания уделено вопросам внутрипартийной работы, необходимости повышения роли и влияния СЕПГ, деятельности СВАГ.

Данная статья — это первая попытка познакомить исследователей с дневниковыми записями Н.М. Парфеновой. Требуется работа по их более тщательному изучению, описанию и исследованию.

Ясно одно: мы имеем источник, позволяющий по-новому осмыслить некоторые события и явления в послевоенной Германии. Особое значение он имеет для изучающих историю женского движения и женских организаций в этой стране, их роль в ее общественно-политической жизни. Перед нами предстает Германия, увиденная глазами советского общественного деятеля, отражающего политические взгляды и установки советского государства, и при этом честной, наблюдательной и образованной женщины, записывавшей то, что она сама видела и слышала, выразившей собственное мнение и свой взгляд на происходящее.

---

¹ Известия. 1945. 18 февраля.

² Все приводимые в тексте цитаты и факты взяты из материалов Н.М. Парфеновой, хранящихся в ОПИ ГИМ, Ф. 580. В настоящее время они еще не обработаны. Сами тетради не пронумерованы, поэтому здесь и далее не приводятся ссылки на конкретные страницы.

³ ОПИ ГИМ. Арх. № 6225. Ф. 580.

⁴ Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки (1918–2006 гг.): Учебное пособие / Сост. Ю.М. Кузьмин. Киров, 2007. С. 510.

⁵ Керр Ф. Берлинская ночь. М., 1995. С. 3.

⁶ Именно от Э. Шмидт Н.М. Парфенова получала информацию о положении женщин в западных зонах.

Шаг в космос: новая тема на страницах журнала «Советский Союз» в 1957–1962 годах

Пророникновение человека в космическое пространство положило начало появлению на страницах газет и журналов новых тем и рубрик. Особенно интересен период конца 1950-х – начала 1960-х гг. Его еще называют «время первых». 4 октября 1957 г. в 22 ч. 28 мин. 34 сек. по московскому времени в СССР с полигона Байконур был осуществлен запуск первого в мире Искусственного спутника земли. Это был огромный шаг в грандиозной эпопее ракетно-космического проекта нашей страны. Мир был потрясен. Успех СССР вызывал и восхищение, и изумление. Слово «спутник» вошло во многие языки мира. Первые полосы газет и журналов в октябре 1957 г. были посвящены первому спутнику или «красной луне», так его называли за рубежом. Этот день принято считать началом космической эры.

Один из участников событий академик В.А. Котельников¹, в 1954–1988 гг. занимавший пост заместителя директора и директора Института радиотехники и электроники (ИРЭ) АН СССР, вспоминал: «Во время запуска первого искусственного спутника Земли, 4 октября, я был в Подлипках, в кабинете у Королева... мы все сидели и с напряжением ждали сообщения с космодрома. Уже было довольно поздно, 22 часа 30 минут, когда, наконец, сообщили, что старт прошел нормально. После короткого всплеска радости все опять замерло в ожидании – запищит или не запищит? И, наконец, приблизительно еще через полтора часа – полное ликование! “Пищит! Шарик летает и пищит!” А дальше ожидание – “Облетит или не облетит Землю”. Разъехались по домам почти под утро. Ощущение было непередаваемое! Вырвались в Космос! Это же новая эра!»².

Тема космоса, к которой в отечественной журналистике обращались как к фантастическому сюжету, становится популярной

и практически постоянной на страницах газет и журналов. Публиковались репортажи о работе астрономических станций и институтов, сообщения о запусках искусственных спутников и испытаниях межконтинентальных баллистических ракет, роли К.Э. Циолковского в разработке теории реактивного движения. 12 апреля 1961 г. вышли специальные выпуски «Правды», «Известий», «Вечерней Москвы» и многих местных газет с сообщениями о первом полете человека в космос. Миллионы людей жаждали подробностей. Одним из таких каналов удовлетворения информационного голода для массового читателя и стала пресса.

В качестве источника было выбрано довольно необычное издание — журнал «Советский Союз». Многие и сегодня вспоминают эти листы альбомного формата с высокохудожественными цветными и черно-белыми фотографиями. «Советский Союз» — это ежемесячный общественно-политический иллюстрированный журнал, издававшийся по постановлению Политбюро ЦК ВКПб от 27 февраля 1950 г. вместо журнала «СССР на стройке», выходившего с 1929 по 1949 г. В задачи нового издания входило: «...все-сторонне показывать жизнь народов Советского Союза, успехи социалистического строительства в СССР, достижения советской экономики и расцвет социалистической демократии, успеха советской науки, техники, культуры, рост материального благосостояния населения, отражать важнейшие текущие события, происходящие в стране»³. Журнал был рассчитан на широкий круг читателей (не только отечественных) и предназначался главным образом для формирования позитивного образа страны за рубежом и пропаганды социалистического образа жизни. Это была своеобразная визитная карточка страны. Но встречается и более хлесткое определение — «советский глянec для международной аудитории»⁴. Хотя журнал был больше ориентирован на зарубежного читателя, его корреспондентов, на корочках удостоверений которых было крупно написано: «Издательство ЦК КПСС «Правда», всюду принимали. Рекламное объявление о подписке на журнал в 1955 г. содержит информацию о фирмах и агентствах 32 стран, распространявших это издание»⁵. В 1957 г. журнал «Советский Союз» выходил на 13 языках, включая русский, с 1961 г. — на 17. Один номер журнала стоил 6 руб., затем в связи с изменением масштаба цен с 1 января 1961 г. стал стоить 60 коп.⁶, объем — 10 печ. л. (40 стр.). С 1959 г. журналу придается новый более удобный формат и одновременно был уве-

личен объем до 14 печ. л. (с 40 до 56 стр., а цветных — с 12 до 16)⁷. Журнал печатался в типографии газеты «Правда», редакция которой размещалась на улице Москвина, д. 8. Перевод на иностранные языки осуществлялся в издательстве литературы на иностранных языках, с 1963 г. известное как «Прогресс». Рубрикатор массового издания был весьма разнообразен: от вопросов политики, дипломатии, экономики, социальной политики, культуры, науки, географии, истории до тем, посвященных моде, спорту, народным промыслам. Дизайн издания и подача материала отличались, прежде всего, профессионализмом. И, конечно же, журнал не мог обойти тему освоения космоса — одну из составляющих имиджа страны.

В данной статье внимание акцентировано на том, что мог читатель конца 1950-х — начала 1960-х гг. узнать об освоении космоса, как преподносилась эта информация на страницах журнала. Обратимся к его русскоязычной версии. Довольно полная подборка «Советского Союза» на русском языке с 1950 по 1990 г. находится в собрании ОКФ Исторического музея. Правда, журналы были сброшюрованы в единые книги по годам выхода, а номера начала 1960-х гг. еще и обрезаны под размер стеллажных полок так, что в некоторых даже была отрезана часть текста. Это не снижает интереса к изданию, но создает неудобства при его экспонировании и изучении.

Выбранный хронологический период с 1957 по 1962 г. — первые шесть лет после запуска первого Искусственного спутника Земли — время достаточно интенсивного вхождения человека в космическое пространство. После запуска в СССР первого искусственного спутника Земли, 3 ноября 1957 г. был запущен спутник с первым живым существом — собакой «Лайкой», 15 мая 1958 г. — третий искусственный спутник. 2 января 1959 г. был осуществлен запуск ракеты-носителя «Восток-Л», который вывел на траекторию полета к Луне автоматическую межпланетную станцию «Луна-1», называемую массовой отечественной печатью «первой советской космической ракетой». 14 сентября 1959 г. советская автоматическая межпланетная станция «Луна-2» достигла поверхности Луны, 4 октября 1959 г. — запущен аппарат «Луна-3», сделавший первую фотографию невидимой с Земли стороны Луны. 19–20 августа 1960 г. состоялся первый орбитальный полет на корабле «Спутник-5» с успешным возвращением двух живых существ — собак Белки и Стрелки. 12 апреля 1961 г. Ю.А. Гагарин совершил первый в мире пилоти-

руемый полет на корабле «Восток-1», а 6–7 августа 1961 г. Г.С. Титов — первый суточный космический полет на корабле «Восток-2». 11–12 августа 1962 г. стартовал первый в мире групповой полет двух кораблей «Восток-3» и «Восток-4», пилотируемых А.Г. Николаевым и П.Р. Поповичем (об этих запусках официально сообщалось советской прессой).

Главным редактором журнала в эти годы был Николай Матвеевич Грибачев — известный советский поэт, прозаик и публицист. Его журналистская карьера началась в 1920-е — 1930-е гг. в газете «Красная Карелия», затем почти 40 лет (1950–1954; 1956–1991 г.) он являлся главным редактором журнала «Советский Союз». Перерыв был связан с тем, что осенью 1955 г. Н.М. Грибачев в качестве представителя «Литературной газеты» был участником первой поездки делегации советских журналистов в США (в выпусках журнала за 1955 г. главным редактором значился П.Н. Кузнецов, с 1950 г. занимавший должность заместителя главного редактора). Это 33-дневное путешествие явилось результатом договоренностей между СССР и США, достигнутых во время Женевского совещания в июле 1955 г. В состав делегации помимо Н.М. Грибачева входили А.И. Аджубей («Комсомольская правда»), В.М. Бережков («Новое время»), Б.Р. Изаков («Международная жизнь»), А.В. Софронов («Огонек»), Б.Н. Полевой («Правда»), В.В. Полторацкий («Известия»). В составленном по результатам этой поездки отчете, речь шла не только об овладении приемами публичной деятельности, принятыми на Западе, но и делался следующий вывод: «...пришла пора пересмотреть систему пропаганды ... отказаться от всяческих публицистических ухарств и перейти к принципиальному, глубокому и спокойному освещению проблем»⁸. Активизация советской внешней политики требовала определенного информационного обеспечения и идеологической поддержки, которую должны были предоставлять средства массовой информации. Как редактор достаточно заметного общественно-политического издания, Н.М. Грибачев выступал с разоблачительными репортажами и статьями, направленными на поддержание положительного имиджа страны и ее лидера. Находясь осенью 1957 г. в Нью-Йорке на XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Н.М. Грибачев стал свидетелем реакции американцев на запуск первого искусственного спутника Земли. В написанных в тот период статьях: «Бэби-луна над Нью-Йорком», «Вокруг спутника», «Пыль и порох», «Америка

догоняет», представлена репортажная зарисовка отклика американского общества на это событие: «Спутник открыл и протер глаза американскому общественному мнению на советские достижения»⁹. Общий настрой этих репортажей задал тон публикациям в советской прессе об успехах СССР в освоении космоса и отставании американцев. Запуск спутника и первые космические достижения стали довольно весомым аргументом поддержки существующей системы в государстве. «Это был не только прорыв в космос — это был прорыв и разрыв «железного занавеса», за которым вдруг стала видна страна, способная творить чудеса, и страна эта была социалистической, советской»¹⁰. Работ, подписанных фамилией главного редактора, в журнале опубликовано не так много, но «острая, емкая грибачевская фраза» и его трактовка событий, находящаяся в русле идеологического курса партии и правительства, несомненно, влияли на материалы, появляющиеся на его страницах.

В редколлегию журнала входили писатели, журналисты, художники: М.И. Бугаева, больше известная как редактор журнала «Советское фото», С.Н. Заболотский, И.М. Лядов, прозаик, мастер путевых очерков Н.Н. Михайлов, живописец, график Ф.П. Решетников, писатель-фантаст В.И. Немцов и пришедший в 1958 г. О.М. Мошенский. В 1957 г. вместо писателя П.Н. Кузнецова на пост заместителя главного редактора пришел из «Литературной газеты» критик А.Г. Бочаров. Необходимо упомянуть еще об одном человеке, от которого во многом зависел внешний вид издания — главном художнике журнала — Александре Арнольдовиче Житомирском. Ученик И.И. Машкова и В.А. Фаворского, он иллюстрировал многие довоенные журналы, входившие в издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия», рисовал шаржи для «Рабочей газеты» и «Труда», плакаты для «ИЗОГИЗа» и «Интуриста», иллюстрировал и оформлял книги Издательства иностранных рабочих и «Военгиза», освоил жанр карикатуры. В годы войны, работая во «Фронтовой иллюстрации», был и художником-оформителем, и автором фотомонтажных иллюстраций для немецких солдат. Опыт контрпропагандистской работы вновь оказался востребован с началом «холодной войны», и А.А. Житомирского приглашают в журнал «Советский Союз». Фотомонтаж, так любимый главным художником за лаконизм в отражении темы, часто украшал страницы этого издания в конце 1950-х — начале 1960-х гг. «Лаконизм — считал А.А. Житомирский, — обязательная черта хоро-

шого монтажа. Чем он проще — тем труднее его сделать»¹¹. Над оформлением журнала также работали художники А.М. Сорокин и А.А. Чернышова. Их стараниями на страницах журнала появились логотипы с изображением советских спутников и ракет для традиционных рубрик, а разворот номера, посвященного полету Ю.А. Гагарина, был украшен телетайпной лентой с сообщением «человек в космосе». Журнал также отличало разнообразие шрифтов, обилие цвета, иллюстраций, присутствие схем, диаграмм, таблиц, что позволить себе могло не каждое издание того времени.

Главному редактору журнала удалось собрать талантливую бригаду репортеров-фотографов разных поколений. В журнале работали как прошедшие дорогами войны А.С. Гаранин, Я.Н. Халип, Ю.А. Чернышов, М.П. Грачев, так и представители более молодого поколения В.Р. Лагранж, А. Птицын, В.Д. Киврин, Ю.А. Рыбчинский. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. на страницах «Советского Союза» публиковались репортажи, интервью и очерки В.А. Рыбина, Ю.С. Апенченко, А.А. Горюшкина, Н. Боброва, И.Г. Нехамкина, Б.А. Привалова, В.А. Моева, выступали такие популяризаторы науки как В.Н. Болховитинов (основатель журнала «Юный техник» и с 1961 г. главный редактор журнала «Наука и жизнь») и О.Н. Писаржевский. Фотокорреспондент В.Р. Лагранж, проработавший 26 лет в журнале, так писал о своей работе: «Моя задача состояла в том, чтобы познакомить читателя с работой металлургов, летчиков, шахтеров, врачей, хлеборобов и т. д., их жизнью, причем предельно правдиво. Адреса съемок, героев очерков находили сами, полагаясь на свое понимание и доброе отношение к людям... Сейчас выходит огромное количество журналов и газет, но героями, как теперь говорят — фотосессий, стали совсем другие типажи...»¹².

Сложился определенный формат издания. Привлекательная обложка, на которую выносили анонсы опубликованных в журнале материалов и яркое фото, призванное вызвать у читателя интерес (три другие листа обложки, также были заняты фотографиями, фотоэтюдами, рисунками художников или рекламой). На первой странице под шапкой издания размещалась традиционная рубрика «Заметки обозревателя», далее следовали — анонс важных политических событий, репортажи, заметки, статьи сотрудников журнала, информационный дайджест «Обо всем», ответы на вопросы зарубежных читателей, новости культуры, страничка спортивных новостей, юмор.

В 1951 г. Международный Совет научных союзов принял решение провести с 1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г. очередной Международный геофизический год. В подготовке программы этого года принимали участие научные учреждения и организации 60 стран, в том числе и СССР. И в журнале «Советский Союз» в 1957–1958 гг. публикуются статьи, рассказывающие о работе по этой программе различных научных учреждений страны, в том числе Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн, Центральной аэрологической обсерватории Главного управления гидрометеорологической службы СССР, об исследованиях ученых Якутского филиала АН СССР. Космические лучи, далекие планеты, Солнце, атом становятся объектами журналистских интересов. О жажде познания, «влекущей человеческий ум в недра атома или тайны космоса», о бурно развивающейся науке — физике Земли, рассуждает в своей статье «Разговор с Солнцем» корреспондент журнала А. Русецкий¹³. В 1957 г. слово «космос» со страниц журнала перебралось на его обложку. Августовский номер украсила эффектно разбивающая гладь воды «ракета» — детище Горьковского завода «Красное Сормово» (автор фото — Ю.Д. Королев), на фоне которой расположился анонс статьи «Дорога в космос». Директор Центральной аэрологической обсерватории Г.И. Гольшев рассказал о работах по исследованию верхних слоев атмосферы с помощью «исследовательских ракет-автоматов» в рамках программы Международного геофизического года. Читатели журнала узнают, что при помощи приборов, помещенных в ракетах, изучаются ультрафиолетовая радиация и рентгеновское излучение Солнца, космические лучи, свойства озонового слоя воздуха. Журнал сообщал и о стартах ракет с живыми пассажирами на борту — собаками, которые проводились уже 6 лет, сопровождая статью фотографиями старта и полета геофизических ракет, а также четвероногих ракетных путешественников¹⁴. В 1958 г. на обложке майского номера появилось изображение контейнера для геофизических исследований¹⁵.

Важнейшим событием Международного геофизического года был запуск искусственных спутников Земли. Над их конструкцией и расчетами условий полета работали ученые многих стран, их запуск планировали и в США, и в СССР. Намерения не скрывались, но довольно остро стоял вопрос, приоритета. Первым в этой гонке оказался советский искусственный спутник. Его облик — шарооб-

разная сфера с четырьмя антеннами — стал символом эпохи, а облик космического носителя — ракеты Р-7 — для западной публики был частично раскрыт лишь в 1967 г., когда «семерку» в варианте носителя «Восток» показали на Парижском салоне в Ле-Бурже. В октябрьский номер журнала «Советский Союз» информация о полете спутника не вошла. Журнал не обладает той оперативностью в подаче новой информации, что имеет газета. Зато была опубликована статья к 100-летию со дня рождения основоположника теоретической космонавтики К.Э. Циолковского «Мысль, устремленная в будущее», напомнившая читателям одно из утверждений теоретика: «Первый великий шаг человечества состоит в том, чтобы вылететь за атмосферу, и стать спутником Земли»¹⁶. Поскольку очередной номер журнала — № 11 за 1957 г. готовился как отчет о достижениях страны к юбилею революции, то в подаче и распределении редакционного материала был сделан акцент именно на это событие. И на обложке был представлен яркий и лаконичный коллаж А.А. Житомирского «40 лет Великого Октября». А сразу под «шапкой» был опубликован черно-белый коллаж: на фоне зарубежных газет с сообщениями о запуске 4 октября первого искусственного спутника Земли размещен земной шар, пересеченный траекторией полета советского спутника. В традиционной для журнала рубрике «Заметками обозревателя», дающей оценку событиям, происходящим в стране и мире (как правило, автор текста не указывался) запуск спутника трактуется как один из подарков к очередному юбилею. «Октябрь был месяцем подарков в честь 40-летия Великой социалистической Революции: принял промышленную нагрузку последний, двадцатый агрегат Куйбышевской ГЭС на Волге; хлеборобы Украины вручили государству весьма весомый дар — 400 млн пудов хлеба; ученые поднесли сравнительно легкий подарок — весом всего 83,6 килограмма, но эта цифра известна теперь любому человеку, в любой точке земного шара, ибо это вес первого в мире искусственного спутника Земли»¹⁷. Информация о спутнике под заголовком «Москва–Космос» была размещена в конце журнала после приветствий, исторических очерков, отчетов об экономических достижениях страны и материале о «мирном атоме». Читатель мог увидеть фотографию макета спутника, дающую представление о внешнем виде нового «космического объекта», схему его движения за сутки (такая же схема была опубликована в газете «Правда» от 9 октября 1957 г.). Помимо кратких общих характеристик — веса,

размера спутника, рассказа о полете ракеты, отделении спутника от нее, были даны общие описания научной аппаратуры и ее назначения. Главный вывод редакционного материала – «Путь в Космос открыт!» Также читателю сообщалось о скором появлении других спутников, о новых пассажирах – «на первых порах животных» и о будущем «полете ракеты вокруг Луны». На волнующий вопрос о том, кто занимался подготовкой этого запуска, давался уже апробированный в газетной периодике ответ: «советские ученые, которые развивая идеи К.Э. Циолковского, разрешили ряд принципиально новых научно-технических проблем», главной из которых было «создание ракеты-носителя, способной преодолеть силу земного притяжения»¹⁸. Была также представлена подборка выдержек из зарубежной прессы, представляющая палитру откликов на полет первого спутника: от восхвалений газеты ЦК Компартии Китая «Жэньминьжибао», до рассуждений популярного американского издания «Нью-Йорк геральд трибьюн» на тему первенства: «Успех Советского Союза потряс Вашингтон. Америке нанесено тяжелое поражение. Величайшее научное открытие человечества сделано в СССР. Советский спутник означает, что мы потеряли первенство»¹⁹.

Юмористические зарисовки советских карикатуристов, посвященные полету первого спутника (Ю. Кершина «По русскому обычаю: «Примите в честь моего сорокалетия!», В. Брискина «Новые друзья», К. Юрьева «На короткой волне») дополняли информацию, придавая ей политическую остроту. И сегодня заслуживают внимания две фотографии, сопровождающие этот материал: «Ракета-носитель в полете над Москвой», сделанная в 5 ч. 14 мин. 12 октября 1957 г. аспирантом Государственного астрономического института имени Штернберга П. Щегловым²⁰ и «Я его вижу!», снятая на улицах Москвы фотографом «Комсомольской правды» И.Г. Гричером. На одной – бескрайнее черное пространство и яркий след, на другой – радостные лица людей, наблюдающих на звездном небе рукотворный объект, вращающийся вокруг планеты. Это сегодня мы знаем что, когда люди по всему земному шару всматривались в небо в поисках звездочки первого спутника, они видели вторую ступень ракеты, движущуюся по орбите, на ее фоне сам спутник был слишком мал. А тогда движение этой маленькой звездочки производило неизгладимое впечатление, все думали, что это и есть спутник. Этот кадр И.Г. Гричера сделал традиционным публика-

цию в журнале фотографий, иллюстрирующих впечатления людей на сообщения о новых достижениях в космонавтике.

Политический эффект после запуска второго искусственного спутника оказался смазанным печальной судьбой Лайки — первого космического путешественника. Даже после появления объективных данных о гибели животного²¹ в советской прессе продолжали публиковаться сообщения о полете и самочувствии Лайки. Изначально не было сказано, что судьба ее предрешена, так как еще не было разработано системы для возвращения. Один из участников эксперимента, известный физиолог О.И. Газенко позднее вспоминал: «Сам по себе запуск и получение ...информации — все очень здорово. Но когда ты понимаешь, что нельзя вернуть эту Лайку, что она там погибает, и что ты ничего не можешь сделать, ...потому что нет системы для возвращения, это какое-то очень тяжелое ощущение...»²². Лишь на восьмой день было опубликовано сообщение о потере связи со спутником и плановом усыплении собаки.

В журнале «Советский Союз» информация о втором спутнике появилась в декабрьском номере за 1957 г. Помимо статистических данных, фотографий научной аппаратуры для изучения Солнца и космических лучей, а также широко разрекламированной в печати фотографии Лайки в герметической кабине перед установкой на спутник, была опубликована статья члена редколлегии журнала писателя-фантаста В.И. Немцова «Фантазия, книга и жизнь», где поднималась тема невозвращения Лайки, «разведчика, уполномоченного человечеством». Автор статьи предпочел ответить на критику в адрес СССР по поводу негуманного обращения с животным, используя отработанный в отечественной прессе прием. Ответ — это еще один риторический вопрос: «почему вы, упрекающие советских ученых, не спасли коз в Бикини, на которых американцы проверяли действие атомных и водородных бомб? Почему не видели мы ваших демонстраций человеколюбия и протестов против жестокости, когда заливались напалмом корейские села и города? А развалины Порт-Саида, Оман, Йемен, Алжир?». Заканчивается статья оптимистичными планами увековечения подвига во имя науки: «Когда-нибудь поставят памятник человеку, совершившему первое путешествие в Космос. И у ног его будет собака Лайка...»²³. В февральском номере за 1958 г. в статье «Ракета — межпланетный экспресс двадцатого века» (автор не указан) журнал опять вернулся

к теме первых спутников, особо подчеркнув, что многие научные данные «не могли быть получены никаким другим путем, кроме как при продолжительном нахождении животного в условиях невесомости, под воздействием космического излучения». Главным был вывод: «Надежный мост с Земли в Космос уже перекинут запуском советских искусственных спутников. Дорога к звездам открыта», скоро мы станем свидетелями космических полетов человека, путешествий на Луну, использования лунных недр для строительства помещений и устройства мощной атомной энергетической системы²⁴. Проиллюстрирована статья была документальными и научно-фантастическими кадрами из фильмов «Первые советские спутники» и «Дорога к звездам» (среди которых – подготовка второго спутника к полету и внутренний вид кабины для животного со специальными пластинами, обеспечивающими дыхание). Весомым аргументом в поддержку полетов советских спутников стали, опубликованные на страницах журнала, мнения известных и авторитетных ученых, писателей, политических и общественных деятелей: академика В.А. Амбарцумяна, вице-президента Академии наук СССР, академика И.П. Бардина, директора института физиологии Академии медицинских наук СССР В.Н. Черниговского, писателя М.А. Шолохова, французского ученого, профессора Ф. Жолио Кюри, члена Всемирного Совета Мира доктора Сахиб Сингх Сокхейя, британского политика-лейбориста Э. Бивена.

А вот героями обложки журнала «Советский Союз» первые советские спутники оказались только в 1958 г., зато дважды: в виде юмористического рисунка художника К.П. Ротова в первом новогоднем номере, как самое важное события прошедшего года, и в мартовском номере журнала, как экспонаты павильона СССР на Всемирной Выставке в Брюсселе. В интервью корреспонденту журнала генеральный Комиссар советского павильона Всемирной выставки Д.А. Рыжков подчеркнул: «модели советских искусственных спутников, выполненные в натуральную величину... разместятся в центральном зале павильона»²⁵. Спутники должны были поддержать политический имидж страны наряду с экспонировавшимися на выставке моделями реактивного лайнера «Ту-104», сверхмощного рефлектора конструкции лауреата Ленинской премии Б.К. Иоселиани для астрофизической обсерватории в Крыму, автоматически управляемым подъемником, применяемым в шахтах СССР и т. д. В 1958 г. «Советский Союз» разместил на своих стра-

ницах несколько репортажей своих специальных корреспондентов в Брюсселе Ю.Д. Королева и В.И. Немцова о работе Всемирной выставки, в каждом из которых упоминаются советские «космические пионеры». Несколько лет назад в печати была опубликована записка от 25 января 1958 г. заместителя председателя Совета министров СССР Д.Ф. Устинова, курировавшего оборонную промышленность, в Президиум ЦК КПСС: «Учитывая политическое и научное значение показа достижений Советского Союза по запуску искусственных спутников Земли, целесообразно организовать на Всемирной выставке в г. Брюсселе экспозицию на тему „Первые в мире искусственные спутники Земли“». Также в записке предусматривалось «поручить Академии наук СССР и Государственному комитету Совета Министров СССР по оборонной технике совместно с другими министерствами и ведомствами утвердить график изготовления трех комплектов дублеров-экспонатов для показа их на Всесоюзной промышленной выставке и на передвижных выставках в СССР и за рубежом»²⁶. В СССР макеты спутников и последней ступени ракеты, запущенной 2 января 1959 г., демонстрировавшиеся на ВДНХ, вызвали повышенный интерес, и журнал в репортаже о работе выставки отмечал: «Вокруг радиоаппаратуры спутников всегда столько народа, что сфотографировать ее невозможно»²⁷. Привлекал публику и новый павильон «Космос», открывшийся в 1961 г. и посвященный истории «ракетоплавания», о чем журнал проинформировал своих читателей²⁸. С конца 1950-х гг. Торгово-Промышленная палата СССР организовала десятки выставок по всему миру (Токио, Лондон, Улан-Батор, Париж, Чикаго и т. д.) и ее глава М.В. Нестеров регулярно докладывал партии и правительству об их успехах. Корреспонденту журнала «Советский Союз» В.Н. Благодетелеву в президиуме Всесоюзной торговой палаты так описали зарубежные выставочные проекты: «Советские экспозиции включают в себя множество самых различных предметов — от деревянных матрешек до макетов последних космических кораблей. Мы стремимся дать людям наиболее полное представление о наших достижениях в экономике, науке, культуре, открывающих возможности для развития всесторонних и взаимовыгодных деловых связей СССР с другими странами»²⁹.

На страницах журнала «Советский Союз» в конце 1950-х — начале 1960-х гг. постоянно поддерживался интерес к теме запуска первого спутника и последующих достижений страны в проник-

новении в космическое пространство. Была создана рубрика «Нам пишут о спутниках», где публиковались выдержки из различных изданий и письма в адрес редакции. Журнал рассказывал о выпуске марок, значков, сувениров, спичечных этикеток, появлении отпечатков штемпелей, о конкурсе на проект памятника, посвященного запуску спутника. На его страницах можно было найти информацию о свердловских камнерезах, сотворивших яшмовые ракеты и малахитовые спутники, о брошах с космическими сюжетами костромских ювелиров, о новых духах «Спутник» и «Космос» фабрики «Новая Заря». Журнал также отмечал, что космические названия стали частью повседневной бытовой жизни советских людей: телевизоры «Спутник», мотоциклы «Юпитер», морской теплоход «Комета», открытие в Москве нового кафе «Аэлита» и восьмиэтажного отеля «Спутник», студия «Спутник» при Ленкоме, новые улицы в честь первого и третьего спутников в Челябинске... Изображениями спутников украшались праздничные колонны демонстрантов, появились детские космические костюмы на елках. Корреспонденты журнала В.А. Рыбин, А.М. Пистунова, И.Г. Нехамкин, Ю.С. Апенченко писали о школьниках, мечтающих стать пилотами межзвездных трасс и играющих в спутник. На страницах журнала регулярно появлялась информация о технических достижениях детей, которые строят макеты ракетодромов, запускают модели ракет, создают чертежи летательных аппаратов, рисуют космос. Надо отметить, что рубрики журнала «Обо всем» и «Коротко» пестрели «космической» информацией из разных уголков страны. «В Барнауле оборудован передвижной планетарий. Он выезжает в колхозы и совхозы с лекциями об искусственных спутниках Земли и новых открытиях в астрономии»³⁰. «На московском автозаводе им. Лихачева оборудована астрономическая обсерватория»³¹. «Советские астрономы получили в свое распоряжение крупнейший крестообразный телескоп... позволяющий в любую погоду, в любое время суток исследовать неведомые миры»³². «В Горьком установлен новый зенит-телескоп»³³. «На новый глобус Луны нанесено около 400 объектов, не известных ранее»³⁴. «На Урале, там, где проходит граница Европы и Азии, установлен новый обелиск. Пятиметровую колонну венчает шар, вокруг которого расположены модели спутников Земли»³⁵. А в № 7 за 1958 г. читатель мог найти сразу два интересных сюжета: о 14-летнем школьнике из Саратова Всеволоде Соловьеве, который вел наблюдения за спут-

ником, составлял отчеты и был награжден Грамотами Министерства Высшего образования и Астрономического Совета АН СССР за активное участие в программе наблюдений³⁶ и о молодой семье из Вьетнама (у которой в день запуска второго искусственного спутника земли родился сын), обратившейся в редакцию с просьбой «одного или нескольких товарищей, принимавших участие в работах над вторым спутником, стать крестными нашего сына, его покровителями»³⁷. После запуска первого спутника возрос интерес к советской технической литературе за рубежом, что отмечалось руководителями технических издательств. В интервью журналу представитель «Металлургиздата» В. Андриянов подчеркнул: «С 1957 по 1959 г. иностранные заказы на советскую научно-техническую литературу увеличились втрое»³⁸, а редактор издательства литературы на иностранных языках В.Н. Павлов сделал акцент на интересе зарубежных читателей к изданиям о советских космонавтах. Документальная повесть Ю.А. Гагарина «Дорога в космос» и книга Г.С. Титова «700 000 километров в космосе» были изданы на английском, немецком, французском и испанском языках, готовились переводы и на другие языки³⁹. В одной из публикаций 1958 г. корреспондент журнала пишет: «Проблемы Космоса столь быстро оказались «привычными», что никого не удивляет, что девушка спрашивает адрес учреждения, ведущего запись добровольцев на межпланетные полеты...»⁴⁰. «Хочу в космос!» — под таким броским заголовком в журнале в том же году появилась статья, рассказывающая о потоке писем в Комиссию по межпланетным полетам АН СССР не только от советских граждан, но и из Франции, Индии, Мексики, Вьетнама... Вот лишь несколько строк из подобных обращений граждан: «Прошу мной располагать», «личным подвигом хочу прославить свою страну», «хочу полететь к звездам». На страницах журнала был опубликован ответ ученого секретаря Комиссии А.Г. Карпенко: «Полеты в просторы Вселенной будут предприняты лишь тогда, когда инженеры и ученые решат проблему безопасного возвращения человека на Землю... и, конечно, первыми полетят специалисты, имеющие отношение к работам по освоению Космоса»⁴¹. В том же году «Советский Союз» рассказал о возможном кандидате такого полета, получившем «билет на Луну». Это была известный специалист в области космических исследований, астрофизики и физики космических лучей Лидия Васильевна Курносова (1918–2006). В 1958 г. она выступила с докла-

дом об исследовании космических лучей искусственными спутниками Земли на VIII международном Конгрессе астронавтов в Барселоне и получила паспорт участника первого полета: «Для Вас зарезервировано место на одном из аэрокораблей, которые отправятся с Земли на Луну». Этот паспорт и был опубликован на страницах журнала⁴². А уже в 1962 г. журнал сообщал, что «первому космонавту Ю. Гагарину вручили диплом и Большую золотую медаль Международной авиационной федерации. Церемония вручения состоялась в Актовом зале Московского университета»⁴³.

После полета Ю.А. Гагарина на страницах «Советского Союза» появилась новая рубрика «Из почты космонавтов», где публиковались выдержки из писем читателей с поздравлениями и вопросы к представителям новой героической профессии. Ноябрьский номер журнала сообщает, что количество корреспонденции в адрес первых космонавтов «перевалило за 60 000 и с каждым днем ее становится все больше»⁴⁴. В 1962 г. в течение первых пяти дней после полета А.Г. Николаева и П.Р. Поповича в их адрес пришло свыше десяти тысяч писем, телеграмм, посылок⁴⁵.

События 1957–1958 гг., связанные с запуском первых спутников, породили интерес у большого количества наших соотечественников к естественным наукам. Корреспонденты журнала «Советский Союз» отправляются за интересным материалом в планетарий, где билеты на лекции в «дни спутников» приходилось приобретать заблаговременно» (Б.А. Привалов, Ю.А. Чернышов), на радиоастрономическую станцию Физического института Академии наук СССР (Д. Дмитриев, К. Юрьев, С. Кропивницкий), в астрофизическую обсерваторию (Я.Н. Халип, В. Шаховской, А. Ларин), в студию научно-популярных фильмов, на «предприятие, где из сотен деталей собирают стратосферные лаборатории» (И.Г. Нехамкин, Я.Н. Халип). Космос и погода, изучение Вселенной и влияния Солнца на Землю, исследование Луны, использование спутников для ретрансляции телевизионных передач, юридические аспекты использования космического пространства, возможность полета человека в космос, запуски новых спутников и станций – вот перечень тем, затронутых на страницах «Советского Союза» в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Приглашаются авторитетные специалисты, которые в доступной форме рассказывают читателям о необходимости изучения космического пространства. Среди них: академик В.А. Амбарцумян – директор Бюроканской Астрофи-

зической обсерватории, В.Н. Черниговский — директор института физиологии Академии медицинских наук СССР, Е.А. Корвин — юрист-международник, удостоенный медали имени Гуго Гроция «за большие заслуги в установлении права межзвездного пространства», а с 1959 г. — председатель комиссии по правовым вопросам межпланетного пространства при отделении экономических, правовых и философских наук АН СССР, член-корреспондент АН СССР В.И. Сифоров, В.В. Парин — действительный член АМН СССР, Ю.Н. Липский — заместитель Председателя комиссии АН СССР по наименованию лунных образований, О.П. Молчанова — директор Всесоюзного Института питания, член-корреспондент АМН СССР, А.А. Ильюшин — директор Института механики АН СССР, С.Н. Вернов — член-корреспондент АН СССР, А.А. Благонравов — академик-секретарь отделения технических наук АН СССР, И.П. Бардин — вице-президент АН СССР, председатель советского комитета по проведению Международного геофизического года, профессор В.А. Крат — заведующий отделом физики Солнца Пулковской обсерватории.

Освоение человеком космического пространства шло в конце 1950-х — начале 1960-х гг. достаточно быстрыми темпами. И вслед за сообщениями о запусках первых спутников в журнале появляются публикации о возможности полета человека в космос. Названия статей и репортажей отражают стремительный дух эпохи начала «космической эры»: «От Земли к Луне», «Юбилей ракеты — люди готовятся к путешествию в космос», «За пределы солнечной системы», «Разведка космоса продолжается», «Море мечты ждет космических колумбов», «Собираемся в космос», «Вперед — полет человека»... В 1959 г. главный редактор журнала «Юный техник» В.Н. Болховитинов в статье «Прорыв в космос», посвященной автоматической межпланетной станции «Луна-1» отмечал, что «за разведчиками — приборами в ракетах — на освоение космических далей готовится основная сила — сам человек ... в лабораториях проходят подготовку и тренировку отважные люди — завтрашние космонавты»⁴⁶. Обложку декабрьского номера за 1958 г. украсила фотография, сделанная корреспондентом Е.П. Кассиным во время испытания защитного костюма для сверхзвуковых полетов, с сопроводительной подписью «Примерно так будет выглядеть первый астронавт». В 1958 г. журнал только анонсировал книгу журналистов М. Васильева (М.В. Хвастунов) и С.З. Гущева «Репортаж

из ХХІ века» о развитии науки, а в 1961 г. уже писал о состоявшемся полете человека в космос. А композиции с телескопами и антеннами и фотоснимки синхрофазатрона в Дубне другого фотокорреспондента журнала – Н. Хорунжего можно назвать олицетворением эпохи «физиков и лириков». Коллеги часто называли его одним из основоположников отечественной научной фотографии. Возможно, сказалось, что в юности он учился у художника А. Васнецова и оператора А. Головни, что приучило его серьезно относиться к композиции и умело выстраивать кадр. После войны Н. Хорунжий работал в Совинформбюро, а в середине 1950-х гг. его пригласили в «Советский Союз», где были собраны лучшие советские фотокорреспонденты. Статьи и сообщения о научных достижениях сопровождали фотографии Я.Н. Халипа, А.С. Гаранина, В.А. Руйковича, С. Кропивницкого, В. Шаховского... «Советский Союз» познакомил своих читателей и с первыми космическими путешественниками Белкой и Стрелкой, вернувшимися благополучно на Землю⁴⁷. То, что невозможно было сопроводить фотографиями, например, сообщения о запуске спутников и ракет, иллюстрировали схемы и коллажи. Наиболее наглядно сопровождалось сообщение о запуске первого космического корабля. Чтобы читатель реально представлял вес запускаемых в космос аппаратов, первый советский спутник сравнили по весу с мотороллером, второй – с микролитражным автомобилем, третий – с пятиместным лимузином, а космический корабль – с автобусом⁴⁸. Для иллюстрации публикуемых в журнале материалов использовались также кадры из научно-популярных и научно-фантастических фильмов конца 1950-х – начала 1960-х гг., среди которых «Дорога к звездам» (Ленфильм, 1957), снятый еще до запуска первого искусственного спутника Земли, «Первые советские спутники Земли» (Центральная студия документальных фильмов и Московская студия научно-популярных фильмов, 1957), «Автоматы в космосе» (Московская студия научно-популярных фильмов, 1958), «Небо зовет» (Киевская кино-студия им. А. Довженко, 1959), «Перед прыжком в космос» (Центрнауфильм, 1959), «Я был спутником Солнца» (Моснаучфильм, Союзмультифильм, 1959), «Человек с планеты Земля» (киностудия им. Горького, 1959).

В конце 1950-х гг. на страницах журнала «Советский Союз» появились работы художника А.К. Соколова – выпускника МАРХИ, знакомого с космической тематикой не только по страницам фан-

тастики, которую он очень любил. Его отец — К.М. Соколов был одним из руководителей строительства космодрома Байконур. А сын рисовал космические пейзажи, старты кораблей и межпланетные станции, не выходя из своей мастерской. В журнале «Советский Союз» была опубликована серия рисунков А.К. Соколова «Покорение Космоса». Его работы украшали и обложку журнала. В апреле 1960 г. иллюстрация А.К. Соколова «Кольцо вокруг Сатурна» анонсировала материал, посвященный проекту инженера В. Черенкова об изменении климата на планете Земля с использованием энергии Солнца. В номере, посвященном полету Ю.А. Гагарина, были опубликованы фантастические рисунки А.К. Соколова с межпланетным космодромом, автоматической станцией на Венере и подвижной лабораторией на Луне. Основываясь на впечатлениях Ю.А. Гагарина, художник изобразил необычный космический пейзаж — как выглядела Земля, когда корабль «Восток» вышел из ее тени⁴⁹. В 1960 г. в журнале были опубликованы рисунки художников научно-популярных изданий, участвовавших в проходившей в Москве художественной выставке «Сегодня и завтра науки и техники». Среди работ, позволяющих заглянуть в завтрашний день — рисунок популяризатора науки и космических достижений Г.И. Покровского «Лифт в космос»⁵⁰. Ученый в области технической, ядерной физики, физики взрыва и астрофизики, генерал-майор инженерно-технической службы и художник-фантаст — это необычное сочетание делало технически обоснованными смелые рисунки с фантастической космической архитектурой, техническими новшествами и материалами, и стало визитной карточкой его работ. «Мечта — это предвидение реального» — таков рефрен интервью, взятого корреспондентом «Советского Союза» Ю.С. Апенченко во время встречи с «ученым, генералом и художником»⁵¹. Многие его работы были опубликованы в журнале «Техника — молодежи», в котором он с 1936 г. являлся членом редколлегии. «Космический корабль обогнет пояса радиации... и уйдет к Венере. Астронавты увидят ее на фоне солнечного диска» — так были аннотированы рисунки Г.И. Покровского, опубликованные в 1961 г. в журнале «Советский Союз». В 1962 г. рубрику журнала «Из почты космонавтов» сопровождали два пейзажа — космический и земной. Автор этих работ указан не был, а аннотация гласила: «Их выполнил один из тех, кто готовится лететь в космос»⁵². Автором их был А.А. Леонов, зачисленный в отряд космонавтов в 1960 г. Свой первый космический

полет он совершил в 1965 г., став еще и первым космонавтом, вышедшим в открытый космос. А увлечение живописью вылилось в серии работ, в том числе в соавторстве с А.К. Соколовым.

В 1958 г. после запуска третьего спутника журнал опубликовал рисунок недавнего выпускника отделения книжной графики Суриковского художественного училища Г.В. Калиновского «Спутник! Спутник!»⁵³. Даже со страниц периодического издания эта работа, выполненная в черно-белой гамме, предстает объемной и динамичной, как кадр увлекательного фильма, и читатель становится участником происходящего и вместе с изображенными на ней людьми видит в московском небе далекое сияние рукотворного объекта. Это было начало творческого пути известного книжного графика, среди работ которого иллюстрации к книгам «Приключения Алисы в Стране Чудес», «Сказки дядюшки Римуса», «Путешествие Гулливера»... Даже традиционная рубрика с юмористическими зарисовками не избежала темы проникновения человека в космос. На страницах «Советского Союза» публиковались как работы советских художников-карикуристов, так и перепечатки из зарубежной прессы, посвященные приоритету советской науки в освоении космоса и фантазиям на тему проникновения космических достижений в повседневный быт. Наряду с известными именами художников, читатель «Советского Союза» в этот период познакомился с карикатурами студента Института кинематографии А.Н. Митты⁵⁴.

В 1961 г. советское телевидение подключилось к системе «Интервидения» и первым опытом прямой трансляции стал репортаж о встрече 14 апреля 1961 г. в Москве Ю.А. Гагарина, который смотрели в 12 странах мира. Появление столь сильного информационного конкурента, заставило редакции печатных изданий искать новые нестандартные решения в подаче материала о достижениях страны, привело к необходимости выделять на своих страницах для космической темы больше места. Номера журналов «Советский Союз», посвященные пилотируемым полетам в космос, с его полиграфическими возможностями, выгодно отличались от других изданий. Полету Ю.А. Гагарина были посвящены часть пятого и шестой номера журнала за 1961 г., причем, июньский номер анонсировался заранее и вышел со специальным заголовком: «По просьбе многих читателей весь номер журнала посвящается мирному покорению Вселенной, первому полету человека в космос —

этой написанной на века странице новой истории человечества»⁵⁵. Обложки этих номеров выполнены в едином стиле и представляли сочетание фотографии первого космонавта и текстовой информации, выполненной в разных шрифтах. Кроме того, обложку июньского (космического) номера украсил автограф Ю.А. Гагарина — приветствие читателям журнала «Советский Союз», датируемый 20 апреля 1961 г. В этих номерах также были напечатаны исторические сюжеты, рассказывающие об этапах освоения космического пространства в СССР, вспоминая имена К.Э. Циолковского и Ф.А. Цандера. В журнале была опубликована довольно редкая фотография с первой в Москве Всемирной выставки межпланетных летательных аппаратов и механизмов 1927 г. Краткие отчеты о первом полете человека в космос, схемы размещения космонавта в корабле-спутнике и полета корабля-спутника «Восток» дополняли комментарии специалистов: члена-корреспондента АН СССР А. Ильюшина, действительного члена АМН СССР В. Парина, старшего сотрудника АН СССР О. Газенко, профессора Петровича (под этим псевдонимом скрывался В.П. Глушко). В этом же номере был размещен очерк В.А. Моева «Парень с нашей планеты» о человеке, ставшем 12 апреля 1961 г. известным всей планете Земля. Интересная находка редакции — публикация фотографий «Из семейного альбома Гагариных». Этой летописи «простой жизни» первого космонавта был отдан полный разворот журнала, где Ю.А. Гагарин предстает искренним и открытым, любящим семью, Родину⁵⁶. А снимок жены первого космонавта — Валентины Гагариной, сделанный корреспондентом «Комсомольской правды» В.М. Песковым в минуту, когда объявили: «Пошел на посадку», оказался востребован многими изданиями, включая «Советский Союз». Позднее, эта фотография вошла в его книгу «Шаги по росе», получившую Ленинскую премию 1964 г. Еще одна находка редакции — публикация фотографии одного из номеров саратовской газеты 1955 г. с репортажем Е. Петрова «День на аэродроме» о работе саратовского аэроклуба и «о первом подъеме в воздух летчика-любителя Юрия Гагарина». Правда, газетная страница была размещена так, что читатель не видел названия издания, именовавшегося тогда «Молодой сталинец»⁵⁷. Об истории написания этой статьи подробно рассказал в новой книге о первом космонавте действительный член Федерации космонавтики России А. Первушин⁵⁸. Журналист Ю.В. Фокин, вспоминая день, когда страна узнала о по-

лете Ю.А. Гагарина, подчеркнул, что «каждый тогда был наполнен фантастической, человеческой радостью»⁵⁹ и фотокорреспонденты журнала сумели запечатлеть эти трогательные моменты. В журнале была представлена подборка фотографий, посвященных первому дню «космической эры». Появилась специальная колонка «Мир славит» с откликами известных людей на полет человека в космос (довольно традиционный прием для прессы того времени) среди которых президент Всемирного Совета мира Д. Бернал, киноактер Ч. Чаплин, писатель М.А. Шолохов, американский бизнесмен и общественный деятель С. Итон.

Номера, посвященные полетам советских космонавтов, также выходили с красочными обложками и броскими заголовками («Новый шаг в космос», «Новая победа в космосе — межзвездный групповой полет», «Самочувствие отличное»), с традиционными рассказами о героях космоса, фотографиями с главой государства и торжественных встреч и приемов в Москве. Необычной стала публикация «Герман Титов. Репортаж из космоса». Рассказ космонавта о его опыте работы «космическим кинооператором», для чего он овладел основами кинорепортажа и научился пользоваться в полете камерой «Конвас», дополнили цветные кадры этой съемки, чтобы «помочь людям почувствовать непередаваемую словами красоту нашей планеты». Читатели могли также познакомиться с бортовым журналом космического корабля «Восток-2», фотографией космонавтов, направляющихся к старту (термин «дублер» еще не употребляется) и первым «космическим селфи» (тогда использовали другое название подобной съемки — «автопортрет», который по мнению автора съемки «оказался очень слабым, недодержанным») ⁶⁰. Второе — от П.Р. Поповича, с парящей в кабине корабля ручкой, наглядно демонстрировало читателям «эффект невесомости» на примере обычных предметов. Во время полета А.Г. Николаева и П.Р. Поповича впервые телевизионные изображения, передававшиеся с борта кораблей, транслировались в прямом эфире для телезрителей, а в журнале появились снимки космонавтов в кабинах своих кораблей, сделанные с экранов телевизоров ⁶¹. В 1962 г. читатели познакомились с новым словосочетанием — «дублер космонавта» ⁶².

Космонавты становятся представительскими фигурами: встречи в Кремле с руководителями государства, съезды КПСС и ВЛКСМ, мирные конференции, представительские поездки

за рубеж, встречи с зарубежными звездами киноэкрана... «Но что поделаешь, — писал в мае 1963 г. в своем дневнике Н.П. Каманин, начальник отдела по подготовке и обеспечению космических полетов Главного штаба ВВС, — если мы вынуждены в угоду политике (армия — служанка политики!) сами раздувать славу космонавтов и оставлять в тени тех, кто обеспечивает все наши достижения в освоении космоса»⁶³. Фоторепортажи корреспондентов Я.Н. Халипа, Ю.Н. Транквилицкого, М.П. Грачева, В.М. Пескова, А.В. Устинова, В.С. Тарасевича, И.А. Снегирева, В.Д. Киврина представляли читателям «Советского Союза» новых героев. Журналисты старались быть в эпицентре событий, получить разрешение на интервью или встречу космонавтов на космодроме... Так, А.Г. Николаева и П.Р. Поповича сопровождал в Москву после возвращения из полета специальный корреспондент журнала «Советский Союз» В.Д. Киврин. Представителей героической новой профессии — космонавтов, старались показать в условиях обыденной жизни. На фотографиях в журнале Гагарин играет в бильярд, фотографируется с членами экипажа самолета «Ил-18», доставившего его в Москву, раздает автографы. В 1962 г. журнал поместил цветное фото детей первого космонавта. Фоторепортажи И.А. Снегирева знакомили читателей с частной жизнью космонавтов (в домашней обстановке, в часы отдыха). Репортаж В.А. Руйковича и И.Г. Нехамкина об отдыхе на Черноморском побережье назывался «Космонавты без успехов»⁶⁴. В статье А. Вита «Футбол и космос» космонавты предстают заядлыми футбольными болельщиками «А. Николаев — горячий поклонник команды ЦСКА, а П. Попович болеет за киевский «Динамо»⁶⁵.

Писать о космосе журналистам того времени было не так легко. О многом не разрешалось писать из-за засекреченности темы, кроме того, все публикации в прессе корректировались. Было не принято писать о сложностях и неудачах на пути человека в космос, тем более в издании, предназначенном для иллюстрации успехов социалистического строительства в СССР. На страницах «Советского Союза» мы не встретим ни сообщений о гибели в сурдокамере В.В. Бондаренко, ни о неудачных пусках ракет, ни о трудностях подготовки будущих космонавтов⁶⁶.

«Стремление сохранить жесткий контроль над распространением информации было, по-видимому, одним из руководящих принципов политики советских властей в 1950–1960-е гг.»⁶⁷.

О жестком контроле информации в государстве писали многие исследователи советской истории. Создавалась иллюзия, что в огромной стране все отлажено, развивается и прогрессирует.

В этот период для читателя журнала оставалось загадкой, чьими стараниями оказался возможен прорыв в космос, не называлось конкретных фамилий, встречались лишь общие фразы о том, что это «большая группа ученых, конструкторов, специалистов, рабочих», «советский народ». Этим людям награждают в Кремле, о чем также сообщалось на страницах журнала. Традиционная рубрика журнала «Заметки обозревателя», рассуждая о развитии науки и технических возможностях страны, приходит к выводу: «Секрет наших успехов кроется именно в социальной, социалистической системе, открывшей широчайшие просторы для расцвета творческих сил народа»⁶⁸. Советскую науку, разрабатывающую тему освоения человеком космоса, на страницах журнала в эти годы официально представляли академик Л.И. Седов, входивший в состав национального комитета по теоретической и прикладной механике и заместитель председателя Астрономического Совета А.Г. Масевич. Их приглашали на международные конференции, они отвечали на вопросы читателей журнала и иностранных корреспондентов, им посвящали очерки и фоторепортажи. В мартовском номере журнала за 1962 г. были напечатаны выдержки из статей нового издания «Авиация и космонавтика», в которых от имени «Главного конструктора советских космических кораблей» рассказывалось о ближайших планах покорения космоса: «...необходима хорошо продуманная система космических орбитальных сооружений в виде спутников, станций и других аппаратов вечно (либо весьма длительно) существующих на своих орбитах около Земли. ... Освоение прилегающих к Земле пространств — дело не столь уж отдаленного будущего. Полет человека на Луну и рейсы к ближайшим планетам солнечной системы — вполне реальны для ближайших лет... на межпланетных кораблях «звездолетах» можно будет осуществлять «космические путешествия продолжительностью в 2–3 года»⁶⁹. Только после смерти Сергея Павловича Королева в 1966 г., мир узнал имя человека, скрывавшегося за привычным словосочетанием «Главный конструктор».

После запуска первого спутника престиж и статус Советского Союза как передовой технологической державы взлетел до небес. Вырос авторитет технических специалистов и научных кадров.

На страницах «Советского Союза» появились очерки, репортажи и интервью с руководителями и представителями АН СССР, представлявшие читателю успехи в сфере науки и техники, в доступной форме излагались некоторые новые гипотезы в области изучения Вселенной, рассказывалось об ученых, выращивающих кристаллы, занимающихся изучением атома, наблюдающих Вселенную через телескопы астрофизических обсерваторий, проводящих опыты в научных институтах, о студентах, конструирующих необычные летательные аппараты. Это создавало привлекательный образ страны, где уделялось такое большое внимание техническому прогрессу, и позволяло оказывать влияние на формирование позитивного восприятия страны, как у отечественного, так и у зарубежного читателя.

Тема достижений советской науки и первенства СССР в освоении космоса постоянно поднималась в традиционной рубрике журнала «Заметки обозревателя» и в статьях корреспондентов. В отстаивании приоритета в освоении космоса журнал использовал и пропагандистскую риторику, и сатирический карандаш, и подборки перепечаток из иностранных изданий, и мнения известных персон.

Успех страны был впечатляющ для мирового сообщества, это был и весомый аргумент в отстаивании позиции страны как сверхдержавы. Во второй половине 1950-х гг. отношение к США в советской печати изменилось: конфронтацию сменила политика мирного сосуществования и установка на соревнование стран с различными политическими системами. Новая ситуация на международной арене сделала возможным первый в истории советско-американских отношений в сентябре 1959 г. официальный визит главы СССР Н.С. Хрущева в США. Визит был призван рассказать миру о достижениях СССР. Пусть СССР мог отставать в том, что касалось потребления, но он был впереди в космической гонке. И номер журнала (№ 11), посвященный визиту Хрущева в Америку, открывала обложка с траекторией полета советской космической ракеты и текстом, иллюстрирующей достижения СССР в покорении космоса: «4 октября 1959 года в СССР осуществлен запуск третьей космической ракеты. Первая стала спутником Солнца, вторая достигла Луны, перед третьей была поставлена задача обогнуть Луну и пройти в районе Земли». Журнал напечатал и фотографию «Н.С. Хрущев вручает Д. Эйзенхауэру

копию вымпела, доставленного на Луну»⁷⁰, изображения вымпела украсили и страницы журнала. Космические терминология входит в лексику главы государства. Свою пресс-конференцию в Большом зале Национального клуба печати в Вашингтоне Н.С. Хрущев начал с обращения к собравшимся: «Уважаемые мои спутники журналисты»⁷¹.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. журнал «Советский Союз», став своеобразным дайджестом, представил на своих страницах не только факты освоения космоса и показал представителей новой героической профессии — космонавтов, но и отразил интерес к космической тематике и развитию технической науки в стране. Своими публикациями «Советский Союз» оказывал влияние на формирование позитивного восприятия страны, как у отечественного, так и у зарубежного читателя. СССР представал со страниц журнала одной из ведущих мировых держав и явным лидером в освоении человеком космического пространства.

-
- ¹ В.А. Котельников вместе со своими сотрудниками является автором известных всему миру позывных 1-го Искусственного спутника Земли — «Бип-бип-бип». Он входил в так называемую Комиссию «Д» по подготовке запуска Искусственного спутника Земли и проведению с его помощью исследований космического пространства.
  - ² *Котельников В.А.* Судьба, охватившая век. М., 2011. Т. 2. С. 209.
  - ³ БСЭ. 2-е изд. Т. 39. М., 1956. С. 487.
  - ⁴ <https://cccp-foto.livejournal.com/715217.html>; дата обращения: 14.02.2019.
  - ⁵ Советский Союз. 1954. № 12. С. 40.
  - ⁶ Советский Союз. 1961. № 1. С. 51.
  - ⁷ Советский Союз. 1958. № 8. С. 40.
  - ⁸ *Зубков С.А.* Советская пропаганда на зарубежные страны и формирование нового образа страны и ее лидеров в мире 1953–1964 гг.» // Россия и мир глазами друг друга. М., 2009. Вып. 5. С. 256.
  - ⁹ *Грибачев Н.М.* Путешествия. М., 1960. С. 317.
  - ¹⁰ Там же. С. 307.
  - ¹¹ *Житомирский А.А.* Искусство Политического плаката. М., 1983. С. 5.
  - ¹² <https://cccp-foto.livejournal.com/715217.html>; дата обращения: 14.02.2019.
  - ¹³ Советский Союз. 1957. № 7. С. 20.
  - ¹⁴ Советский Союз. 1957. № 8. С. 9.
  - ¹⁵ Советский Союз». 1958. № 5. Обложка.
  - ¹⁶ Советский Союз. 1957. № 10. С. 37.
  - ¹⁷ Советский Союз. 1957. № 11. С. 2.
  - ¹⁸ Советский Союз. 1957. № 11. С. 39.
  - ¹⁹ Советский Союз. 1957. № 11. С. 38.

- 20 Петр Владимирович Щеглов (1932–2001) – известный сегодня как талантливый астрофизик-экспериментатор, занимавшийся созданием приборов и методов для повышения информативности астрономических наблюдений, а тогда он только готовился к защите диссертации, состоявшейся в 1958 г.
- 21 Первая космическая путешественница, вероятно, погибла от перегрева... по другой версии из-за натекания тепла от последней ступени ракеты. См.: *Афанасьев И., Воронцов Д.* Первая космическая гонка: поединок за спутник. М., 2017. С. 138.
- 22 Там же. С. 139.
- 23 Советский Союз. 1957. № 12. С. 39.
- 24 Советский Союз. 1958. № 2. С. 5–8.
- 25 Советский Союз. 1958. № 3. С. 8.
- 26 *Жирнов Е.* Международные выставки // Коммерсант. Власть. № 39. 01.10.2012. С. 5.
- 27 Советский Союз. 1959. № 9. С. 9.
- 28 Советский Союз. 1961. № 12. С. 48.
- 29 Советский Союз. 1962. № 2. С. 33.
- 30 Советский Союз. 1958. № 11. С. 33.
- 31 Советский Союз. 1959. № 3. С. 39.
- 32 Советский Союз. 1961. № 1. С. 48
- 33 Советский Союз. 1961. № 9. С. 24.
- 34 Советский Союз. 1962. № 2. С. 44.
- 35 Советский Союз. 1961. № 2. С. 25.
- 36 Советский Союз. 1958. № 7. С. 25.
- 37 Советский Союз. 1958. № 7. С. 13.
- 38 Советский Союз. 1960. № 6. С. 42.
- 39 .Советский Союз. 1962. № 3. С. 31.
- 40 Советский Союз. 1958. № 1. С. 32–33.
- 41 Советский Союз. 1958. № 8. С. 5.
- 42 Советский Союз. 1958. № 6. С. 16.
- 43 Советский Союз. 1962. № 1. С. 51.
- 44 Советский Союз. 1961. № 11. С. 5.
- 45 Советский Союз. 1962. № 10. С. 52.
- 46 Советский Союз. 1959. № 3. С. 13.
- 47 Советский Союз. 1960. № 9. С. 2–3. В 1961 г. журнал вернулся к этой теме, рассказав о жизни «космонавтов» в статье «Стрелка в космосе и дома», которую сопровождали фотографии собственного корреспондента Ю.Д. Королева. Советский Союз. 1961. № 3. С. 26.
- 48 Советский Союз. 1960. № 6. С. 53.
- 49 Советский Союз. 1961. № 6. Обложка. Л. 4.
- 50 Советский Союз. 1960. № 7. Обложка. Л. 4.
- 51 Советский Союз. 1961. № 6. С. 45.
- 52 Советский Союз. 1962. № 10. С. 52. Опубликованный в журнале «Советский союз» космический пейзаж напоминает рисунок А.А. Леонова для почтовой марки «На Луне» из серии «Космическая фантастика» (СССР,

- 1967), а также его рисунок из альбома «Ждите нас звезды» (1967) и в разное время публиковавшийся под названиями «Человек на Луне», «Селеноидеисты», «Лунные „геодезисты“».
- 53 Советский Союз. 1958. № 6. С. 1.
- 54 «Кино, карикатуры и сочинение стихов — таково его завидный диапазон» — такую характеристику ему дал главный редактор журнала «Веселые картинки» И.М. Семенов. См.: Советский Союз. 1958. № 5. С. 34.
- 55 Советский Союз. 1961. № 6. Обложка.
- 56 *Моев В.* Парень с нашей планеты // Советский Союз. 1961. № 6. С. 5. Листая страницы журнала, читатель видел и встречу на Внуковском аэродроме, и демонстрацию на Красной площади 14 апреля, и прием в Кремле, и отчет о пресс-конференции космонавта, устроенный АН СССР и МИД СССР для представителей советской и зарубежной прессы в Доме ученых в Москве, и даже фотографии и сообщения о праздничном салюте в Москве, столицах союзных республик, городах-героях Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе.
- 57 Советский Союз. 1961. № 6. С. 35.
- 58 *Первушин А.* Гагарин: Один полет и вся жизнь. СПб., 2017. С. 159–164.
- 59 <http://www.tvoscsmos.ru/1979/>; дата обращения: 21.03.2019.
- 60 Советский Союз. 1961. № 10. С. 8–11.
- 61 Советский Союз. 1962. № 9. С. 1.
- 62 «Журнал опубликовал отрывки из воспоминаний «космонавта-дублера (прим. А.Г. Николаева), который в случае необходимости должен был занять место Германа Титова в корабле «Восток-2». См.: Советский Союз. 1962. № 9. С. 5.
- 63 *Каманин Н.П.* Скрытый космос. М., 1995. С. 258.
- 64 Советский Союз. 1962. № 12. С. 50–51.
- 65 Советский Союз. 1962. № 9. С. 56.
- 66 В дневниках Н.П. Каманина есть интересное высказывание от 1 ноября 1962 г. о секретности в этой отрасли: «Только что посмотрели кинофильм „Небесные братья“ о полете Николаева и Поповича. ... Фильм получил хорошую оценку и выпускается в свет. Это уже третий фильм о космонавтах, в нем есть, конечно, некоторые повторения и общие места, но сейчас, когда самое интересное в нашей космонавтике строго засекречено, трудно создать что-либо более значимое». См.: *Каманин Н.П.* Скрытый космос. М., 1995. С. 176.
- 67 *Микконен С.* Кража монополии на информацию? Советская реакция на американское радиовещание времен холодной войны // СССР и США в XX веке: восприятие «другого». М., 2017. С. 14.
- 68 Советский Союз. 1958. № 6. С. 3.
- 69 Советский Союз. 1962. № 3. С. 30.
- 70 Советский Союз. 1959. № 10. С. 55..
- 71 Советский Союз. 1959. № 11. С. 44.

Столетие клубно-кружковой деятельности в Историческом музее

9 февраля 1872 г. император Александр II одобрил предложение об устройстве в Москве «музея имени Наследника Цесаревича Александра Александровича», который был призван служить «наглядною историею главных эпох русского государства» и местом, куда «могли бы привести детей, чтобы навеки запечатлеть в их памяти историческое событие и историческую обстановку»¹. 12 ноября 1889 г. по предложению Министерства Народного просвещения в музее была открыта аудитория для чтения, лекций и заседаний ученых обществ города Москвы на 700 мест. С первых лет в работе музея особое место отводилось экскурсиям для учащихся различных учебных заведений — от московских приютов попечительства о бедных до институтов благородных девиц и гимназий. Экскурсии вели ученый секретарь, старший и младший хранители музея. Занятия с сиротами и детьми из бедных семей были заботой Елизаветинского благотворительного общества во главе с попечительницей великой княгиней Елизаветой Федоровной Романовой. Во время вакаций с детьми велись выездные занятия, связанные, прежде всего, с художественной деятельностью. В 1918 г. было организовано специальное отделение «Открытых зал для ознакомления публики с собраниями музея» (Отделение показательной части), переименованное в 1922 г. в Отдел популяризации коллекций². Логическим продолжением этой работы стала организация школьных исторических кружков, столетие которых музей отметил в ноябре 2018 г. В фондах Научно-ведомственного архива (НВА), отделе письменных источников, отделе изобразительных материалов ГИМ сохранились многочисленные материалы, отражающие разнообразную экскурсионную и клубно-кружковую деятельность музея: приказы, планы и отчеты преподавателей, фо-

тографии, зафиксировавшие работу с учащимися на экскурсиях и практических занятиях, самостоятельные доклады и рисунки кружковцев, выставки их творческих работ в залах музея³. Первые шаги развития экскурсионного дела и ведения кружков как традиционных форм научно-просветительской работы связаны с именами Н.С. Воскресенской, Е.П. Закалинской, С.Н. Басниной, О.Т. Козловой, О.А. Константиновой, В.С. Воронова и др⁴. С.Н. Баснина отлично ладилась с детьми. После революции она совмещала преподавание в школе с работой в Историческом музее. Она ввела в обиход слово «кружок» применительно к систематическим занятиям с учащимися в музее. В письме учащихся 13-й Советской единой трудовой школы (бывшей 1-й Московской женской гимназии) от 14 ноября 1918 г. Басниной было предложено стать почетным председателем организованного самими учащимися исторического кружка. Наше утверждение не противоречит ранее публиковавшейся дате появления в музее кружков — 1912 г., поскольку речь шла о художественных занятиях. Первый же школьный кружок означал начало клубно-кружковой работы музея.

Рис. 1. С.Н. Баснина просматривает работы участников археологического кружка дома пионеров. 1936—1941 гг.

Направления кружков Исторического музея с самого начала их деятельности определяются системой хранительских отделов: археологические, нумизматические, по изучению истории оружия, одежды и ткани, керамики, дерева, письменных, изобразительных и архитектурных материалов. Тематические вещевые и документальные комплексы постоянной экспозиции и выставок дают возможность рассмотрения с учащимися разнообразных культурологических вопросов, а также подробного ознакомления с наиболее значимыми историческими вехами российской истории. Учащиеся под руководством музейных специалистов-историков осваивают музейную экспозицию, знакомятся с фондовыми материалами, участвуют в полевых исследованиях, зачастую итогом являются серьезные учебно-исследовательские работы. Однако каждый временной период клубно-кружковой работы имеет свои особенности, опыт анализа которых содержится в данной статье (обилие персоналий, в разной степени причастных к деятельности кружков музея, упомянуты в приложении к статье).

Особенной любовью Басниной пользовались археологические кружки, которые она вела вместе с З.Г. Овсянниковой: «археологические кружки нужны: летом занимаемся раскопками, зимой обработкой материала. В будущем нужно два кружка, один для среднего возраста и с более глубокой проработкой для старшего, при проработке отдельных материалов необходимо устраивать встречи с научными сотрудниками. Дети очень хотят заниматься зарисовкой и лепкой, для чего необходима школьная комната». Занятия сплачивали кружковцев: «Часто дети 5–8 классов шумливые, живые, но на занятиях дисциплина была хорошая, даже мало дисциплинированные дети, как Коля Мотов, на занятиях вел себя хорошо, рвался к работе и в конце занятий кружка был принят в пионеры. При организации кружка Коля Мотов был не допущен ребятами, которые заявили, что они не будут посещать кружок, потому что в него записан Коля, и он будет мешать занятиям. К концу занятий кружковцы подружились с ним. По окончании занятий кружка дети отправляются на археологические раскопки. Раскопки будут проводиться Домом пионеров с Историческим музеем с т. [Д.А.] Крайновым, раскопкам будет подвергнут могильник»⁵. Знаток народного творчества, педагог графических искусств В.С. Воронов, придя в музей, принес с собой рисунки своих прежних учеников, чем положил начало сбору детских работ. Созданные при

Рис. 2. О.Т. Козлова с кружковцами в Новгородском зале. 1930-е гг.

его участия первые экспозиции послереволюционного времени стали учебной площадкой для кружковцев. О.Т. Козлова одинаково успешно работала как с кружковцами, так и со школьными педагогами, приводившими в музей своих учеников⁶. Знавшие ее отмечали «беззаветную любовь к своему делу и ребятам со стороны О.Т. Козловой, которая, не жалея времени и сил, занималась с ребятами и своим большим мастерством сумела заинтересовать их, научить самостоятельной работе, и добилась таким образом блестящих результатов»⁷. Занятия в рамках музея изначально сопровождалось изучением исторических памятников Москвы и Московской губернии. Первым руководителем кружка по истории Москвы стал Н.Р. Левинсон⁸. В 1935–1936 гг. Левинсон вел наблюдение за земляными работами при строительстве

Рис. 3. Учащиеся школы № 7 Октябрьского района зарисовывают экспонаты.
Декабрь 1933 г.

Рис. 4. Туристический кружок школы № 10 Октябрьского района сдает
выполненные работы. За столом сидит О.Т. Козлова. За ней — С.Н. Баснина
и З.Г. Овсянникова. 1933—1934 гг.

метро в Москве и реконструкции центра города. Тема «Москва в прошлом» становится актуальной.

В сентябре 1934 г. музей заключил договор о сотрудничестве с 7-й, 10-й и 27-й школами Октябрьского района. Занятиями руководили О.Т. Козлова и Н.Р. Левинсон. Кружковцы 10-й школы после экскурсии разбились на бригады, сделали зарисовки и принесли в ГИМ свои рисунки и макет Москвы XII в. Учащиеся 7-й школы при подготовке вечеринки на тему «Русский фольклор» копировали в музее материалы XVI–XVII вв. Обращение к творчеству А.С. Пушкина было связано со 100-летием со дня его гибели. Шестиклассники 27-й школы после проработки экскурсии О.Т. Козловой «Классовое лицо Пушкина» написали сценарий «Капитанской дочки» и создали плакат «Классовое лицо Пушкина». Плакат был подарен музею. В школе с помощью музея была организована выставка «Пушкин и его время», где временно экспонировались музейные предметы⁹.

Первый нумизматический кружок вел Е.В. Веймарн. Он писал в отчете: «В общих чертах кружковцы познакомились со всеми разделами русской нумизматики. Сделан один доклад членом кружка Шульцем¹⁰ по теме „Чекан русской монеты в Пруссии в XVIII веке“. Ребята сделали выставку из описанных ими монет»¹¹. В списке кружковцев числится ученик 5 класса 16-й школы Ленинского района Валентин Янин¹².

Кружок по истории оружия обязан своим основанием Н.И. Соболеву, заведующему сектором оружия. С приходом в музей научного сотрудника М.М. Денисовой кружок обрел двух замечательных педагогов. Занятия посвящались изучению оружия, истории знаменитых русских крепостей и сражений¹³. Три доклада: «Куликовская битва», «Ливонская война», «Каменные крепости» только за 1940/41 год сделал Юрий Айхенвальд¹⁴.

Экскурскабинет, где сосредоточивалась вся работа с детьми, уже не вмещал всех желающих. С именем А.С. Карповой, директора Исторического музея в 1940–1961 гг., связано появление Кабинета школьника¹⁵. Архивные фотографии сохранили интерьеры Кабинета школьника 1940–1941 гг. и лица кружковцев, обживавших «свой дом»¹⁶.

Страна и мир менялись на глазах. В 1937 г. СССР отпраздновал 20-летие Великой Октябрьской Социалистической революции. В Европе разгоралась мировая война. Актуальными становились

вопросы истории классовой борьбы, военная тематика. Многочисленные кружки, созданные при московских школах, изучали темы: «Как сложилось крепостное право и как боролись крестьяне», «Героическая борьба русского народа с внутренним и внешним врагом». Крестьянские войны приравнивались к борьбе с иноземными захватчиками от татаро-монгольского ига до Отечественной войны 1812 года. Такие кружки работали с годовым или полугодовым циклом под руководством двух преподавателей — школьного учителя и сотрудника музея. Некоторые кружки закрывались раньше ввиду малой посещаемости¹⁷. В каникулярное время по желанию школьников кружки не прекращали работать. Весной 1940 г. в музее, районных домах пионеров и парках столицы были организованы занятия по истории оружия, истории Москвы, встречи с научными сотрудниками музея — археологами Л.А. Евтюховой и Н.В. Пятышевой. Руководителями кружков порой становились сами инициативные учащиеся. Пятиклассник 7-й школы Сокольнического района Игорь Шафаревич¹⁸ в 1934 г. привел в музей своих одноклассников: «Ребята пришли в музей сами по собственному почину, сначала маленькой ячейкой, выросши впоследствии до размеров кружка в 17 человек. С первого посещения музея ребята явились окрыленными в восторге от оказанного им приема, в упоении от необыкновенной головокружительности открывшихся перед ними перспектив». Под руководством Козловой была выбрана тема «Москва в прошлом», и после распределения обязанностей «ребята стали доставать книги, читать о прорабатываемых фактах, лицах и временах, пришли в музей с фотоаппаратами, засняли те из экспонатов, которые их больше всего заинтересовали». Ребята-художники нарисовали портреты Дмитрия Самозванца и Бориса Годунова, группа девочек сделала макет «Изображение Москвы в XVII веке». «Председателем кружка Игорем Шафаревичем был сделан доклад о личности Дмитрия Самозванца и его истории. По докладу в процессе работы докладчик получил очень ценную и очень ободряющую его и подкрепившую его силы консультацию от научного сотрудника музея профессора П.Г. Любомирова, который вместе с другими научными сотрудниками музея присутствовал на заседании кружка, где был заслушан доклад, и выступал в качестве оппонента по докладу»¹⁹. Победителем городской конференции исторических кружков среди школьников 4-х классов в мае 1941 года стал ученик 100 школы Краснопресненского района Герман Дилиген-

ский²⁰ с докладом «Восстание под руководством Ивана Болотникова»²¹. Свой путь в науку в довоенные годы докладом «Домострой Сильвестра»²² начала в музее Елена Каменцева²³. Из общеисторических наиболее популярны был кружок «Жизнь древних греков по материалам греческих колоний Северного Причерноморья». Ребята с увлечением изучали быт греков и скифов, связывая его с современными реалиями – угрозой мировой войны и готовности советского народа в любую минуту стать на защиту родины, достижениями современной техники. Доклад «Войны в Древней Греции» ученик 5 класса «Г» 122-й школы Вова Нахимов завершил так: «В конце концов рабовладельческий строй пошатнулся и рухнул. На смену ему пришел строй феодальный, который, в свою очередь, сменил строй капиталистический, но и этот строй долго не продержится. Уже на 1/3 всего мира капиталистический строй заменился социалистическим, и эта 1/3 всего мира – наша родная Советская страна – СССР»²⁴. Работа в этом кружке закончилась 9 мая 1941 г. Помешала война. Левинсон был командирован для сопровождения эвакуированных фондов Исторического музея в Кустанай. Веймарн был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Денисова и Баснина оставались в Москве. В осажденном городе тогда работал только один Исторический музей. Открывались выставки «А.В. Суворов», «Восстание под руководством С. Разина», «Отечественная война 1812 года» (1941), «К 700-летию Ледового побоища», «275 лет русского военного корабля» (1942). Из собранных на местах боев экспонатов в 1942 г. открылась выставка «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве», которая обновлялась до 1948 г.

Однако работа с детьми не останавливалась, всю войну работал Кабинет школьника. Им заведовали: З.А. Маневская (1941), С.И. Адамская (1942–1944), Л.М. Лаврова (1944–1953). «Художественной душой» сначала Экскурскабинета, потом и Кабинета школьника стала первый педагог – художник музея В.Е. Пестель. Кружковцы музея занимались на выставках и экспозиции музея, писали доклады и делали творческие работы, сопоставляя события героического прошлого с вершившейся у них на глазах историей²⁵. В 1942–1947 гг. они создавали панораму «1812 год»²⁶. 12-летний Слава Павлов²⁷ выразил общее победное ликование в Москве в картине «Манежная площадь 1946 г.»²⁸. Уже в 1947 г. Исторический музей в полном объеме возобновил работу Кабинета школь-

ника. Наряду с опытными педагогами в его работу включились вновь пришедшие в военные и послевоенные годы сотрудники экспозиционных и фондовых отделов: З.А. Огризко, И.К. Цветкова, Ю.С. Крушкол, К.С. Куйбышева, А.В. Успенская, А.С. Мельникова, Э.Г. Аствацатурян, С.К. Жегалова, Э.С. Коган и др.

Огромное число юбилейных дат в истории столицы: 800-летие Москвы (1947), 140-летие Отечественной войны 1812 года (1952), 200-летие Московского университета (1955) — способствовало увеличению москвоведческих кружков, разнообразная тематика которых отражала увлекательную и многоплановую жизнь нашего города во все времена его существования. Так, в 1947–1948 гг. из 20 действовавших кружков восемь изучали историю Москвы с момента первого упоминания до XX в. (периода реконструкции городской застройки). Особенностью работы кружков конца 1940-х — 1970-х гг. был не только их значительный тематический разброс, но и узкая специализация в рамках одного направления. Отдельные археологические кружки изучали материалы от каменного века до славянской археологии. Нумизматические кружки занимались античной и русской монетными системами, а также русскими орденами и медалями. Кружки по истории русского и европейского оружия вели практически все сотрудники отдела. Кружок «История военно-морского флота» (рук. Л.С. Милашевич), работавший на базе выставки, в качестве иллюстрации к докладам представил 7 макетов кораблей, 4 пушки, плакаты по истории русского кораблестроения. В музее работали многочисленные культурологические кружки по истории России с древнейших времен до XIX в. и культуре народов СССР: по истории одежды и ткани, мебели и посуды, архитектуре, театру, крестьянскому и дворянскому быту. Учащиеся интересовали вопросы социально-экономической истории XVII–XIX вв., народные восстания и крестьянские войны, причем их изучение сопровождалось чтением исторических документов. Юбилеи событий прошлого государственной значимости способствовали организации кружков: к 300-летию воссоединения Украины с Россией, 100-летию обороны Севастополя, 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 30-летию ВЛКСМ, плодотворно работавших в течение нескольких лет. Даже самые заидеологизированные с современных позиций кружки успешно осваивали всю экспозицию музея, а учащиеся школы со ст. Перловка (рук. Л.М. Лаврова и В.Е. Пестель)

подготовил альбом о ГИМ в качестве подарка комсомольцам своей школы. Углубленно разрабатывалась тема «Молодежь в Великой Отечественной войне» на основе вышедшей тогда книги «Молодая гвардия».

Особенно нужной становится работа кружков по изготовлению наглядных учебных пособий. Кружки этого направления под руководством музейных педагогов В.Е. Пестель²⁹, Г.М. Лубниной, А.А. Кирилло³⁰ по заявкам учителей обеспечивали школы пособиями, так необходимыми в послевоенных условиях, привлекая к этому большое количество московских школьников. Кружковцы изготавливали макеты старинного оружия, орудий труда, бытовых предметов до конца 1960-х годов. Традиционно использовали гипс, бумагу, но внедрялись и новшества, так А.А. Кирилло придумал делать копии орудий каменного века из коры. С 1970 по 1984 г. художественные кружки под руководством педагога-художника Ю.П. Сорокина носили уже только обучающий и развивающий характер.

Рис. 5. Работа с пионерами в экскурсионном кабинете. Лепка палеолитических орудий под руководством В.Е. Пестель. 1932—1933 гг.

Рис. 6. В кабинете школьника. Отчет о работе с кружками школьников 4-х классов школы № 101 Краснопресненского района в 1940/41 учебном году на тему: «Из героического прошлого нашей родины». Май 1941 г.

Рис. 7. Плакат «Проведение массовок 1942–1943 годов»

Рис. 8. Занятие А.А. Кирилло с кружковцами в Кабинете школьника. 1955 г.

1950-е — начало 1980 гг. можно признать временем расцвета клубно-кружковой деятельности музея. Немалая заслуга в этом принадлежит В.В. Красновой, широко развернувшей работу кабинета школьника с 1953 по 1967 г. Кабинет приспособлял свою работу к режиму школьников, которые зачастую учились в разные смены. С лекциями на занятия приходили известные ученые, когда-то бывшие кружковцы, Б.А. Рыбаков, В.Л. Янин. Школьники ежегодно выезжали на археологическую практику с сотрудниками музея, проводилась этнографическая практика. Дети со своими работами участвовали во внешних выставках разного уровня, в том числе на выставке, посвященной 30-летию ВЛКСМ; в летнее время — в парках Москвы; заметной стала выставка работ кружковцев в парке «Сокольники» (1966)³¹. Занятия кружков освещали в прессе. Во время 11-летней реставрации основного здания ГИМ кружковая работа сосредоточилась в действовавших филиалах музея. Возобновление клубно-кружковой работы после открытия музея легло на плечи зам. директора по научно-просветительной работе Н.А. Мальцевой, специалиста в области музейной педагогики, психологии и социологии, и И.Б. Алексеевой, в то время зав. сектором музейной педагогики. С 1991 г. она являлась руководителем всего направления клубно-кружковой работы ГИМ. По ее

инициативе в музее с 1993 по 1997 г. было организовано 13 новых кружков для школьников 1–11 классов, оказывалась методическая помощь руководителям московских кружков и клубов в разработке программ для учащихся. В основном удалось сохранить уже работавшие кружки, привлечь новые кадры во все направления: нумизматику, археологию, культурологию. Среди них оказались и вчерашние ученики И.И. Гушиной археологи Д.В. Журавлев и К.Б. Фирсов. В 2010-е гг. вела кружок «Великая степь» А.А. Кадиева, ученица М.Б. Тугус. Список возвратившихся в музей кружковцев и ставших педагогами может быть продолжен: уже новые педагоги проводят полевую археологическую, историко-бытовую практику для новых кружковцев, в том числе в своих экспедициях. Существующий с 2016 г. кружок «История оружия» под руководством К.Н. Сутормина стал одним из популярнейших у школьников. Появление новых экспозиций ведет за собой новые кружки. Кружок «Отечественная война 1812 года» неизменно собирал много желающих в 1994–2015 гг. Возраст современных кружковцев, начиная с 1990-х гг. заметно снижается, основной контингент все больше представляют школьники младшего и среднего школьного возраста, приходят дошкольники. Работа с ними требует новых методик, начало которым в музее положила О.Н. Кокшайская, ведущий методист отдела музейной педагогики. С младшими школьниками творчески работала Е.Е. Филиппова, в настоящее время уже многие кружководы, в числе которых Н.В. Малюшова, М.М. Михайлина, Е.А. Аксенова, М.В. Шипунова, Ю.Н. Реутова и др.

В 1990-е новшеством стали совместные занятия родителей (а также бабушек и дедушек) с детьми, долгие годы работал семейный клуб «Наш дом — музей», объединявший младших и старших школьников, под руководством М.М. Якушкиной и Г.Р. Якушкина. В 1999 г. было образовано Научное общество учащихся ГИМ, 14 мая 2000 г. прошла первая конференция. В свет вышло 11 сборников докладов. В предисловии к первому сборнику докладов Н.А. Мальцева писала: «Чем ребята занимаются в НОУ? Поиском вещей и документов из прошлого. Сначала учащийся определяется в своих исторических интересах. Кого-то интересует чтение памятников, найденных в археологических и историко-бытовых экспедициях, а кого-то больше интересует история своей семьи. Занимаясь со своими питомцами в детских исторических кружках и клубах, научные сотрудники музея главной своей задачей всегда видели

и видят развитие интереса к исследовательской работе»³². С 2018 г. ежегодно проводятся совместные конференции НОУ ГИМ и ШЮИ (Школа юного историка) МГУ.

Настоящей хозяйкой – художницей Кабинета школьника с 1997 г. стала Т.В. Муравьева. Под ее руководством дети с любыми способностями учились рисовать, осваивали азы рукоделия, в «Историческом кукольном театре» ставили спектакли с самодельными куклами и декорациями. Традиции музейного театра, драматического и кукольного при Кабинете школьника, существовали с довоенного времени, ни одна ежегодная итоговая конференция не обходилась без самодельного спектакля, и, начиная с В.Е. Пестель, педагоги-художники всегда помогали учащимся. В разные годы кружковцами ставились произведения М.Ю. Лермонтова, Софокла, К.Ф. Рылеева, А.С. Пушкина, Г.Х. Андерсена, С.Т. Аксакова, Н.В. Гоголя, жития святых, былины и др. Время не стоит на месте, и современные кружковцы под руководством А.А. Кадиевой и Е.А. Аксеновой создают исторические мультфильмы.

К сожалению, с 2011 г. кружки музея, бывшие бесплатными с начала их существования, перестали быть таковыми, что тут же стало негативно сказываться на качестве клубно-кружковой работы, которая из учебно-воспитательной превратилась в услугу. В силу экономических причин уменьшилось количество детей в отдельных кружках, еще более уменьшилось количество детей, занимающихся в двух и более кружках в поиске своих интересов. Необходимость оплаты кружков не позволяет многим детям из малообеспеченных многодетных семей посещать их. Даже с учетом непростой экономической ситуации, надо подумать над решением этого вопроса.

Детские кружки, занятия в которых никогда не прерывались, проводятся уже на протяжении века. Это уникальное явление не только в России, но и во всем мире. Для многих кружковцев история стала профессией, в кружках ГИМ занимались некоторые известные впоследствии историки, в том числе – целый ряд сотрудников ГИМ. Но и кружковцы, не связавшие свою жизнь с историей, сохранили интерес к нашему прошлому и благодарную память о занятиях в кружках. Сейчас, как и сто лет назад, ребята приходят в музей на занятия кружков, чтобы в процессе работы ощутить дыхание истории и острее почувствовать любовь к Отечеству.

Приложение

Сотрудники ГИМ, руководители и участники клубно-кружковой работы

№ п/п	ФИО сотрудника Архивная запись	Отдел, должность	Участие в клубно-кружковой деятельности музея
1	2	3	4
1	Абрамзон Илья Яковлевич (1944–2002). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 252	Отдел оружия. Зав. отделом. В музее: 1970–1990 гг.	История оружия (1970–1980-е)
2	Адамская Софья Иосифовна (1900–после 1962). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 111, 191	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник. В музее: 1942–1962 гг. Зав. Кабинетом школьника (1942–1944), методист	История Москвы (1947–1948); История русской одежды (1947–1948); Культура народов СССР (1948–1950)
3	Аксенова Евгения Алексеевна (р. 1986)	Отдел письменных источников. Научн. сотрудник	Как жили люди в древности (2015–2018)
4	Алексеева Ирина Борисовна (р. 1957). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 900	Зам. директора по научно-просветительной работе (2008–2015). В музее: 1981–2015 гг. Методист, научн. сотрудник отдела музейной педагогики (1991). Зав. сектором музейной педагогики (1995); зав. сектором отдела научно-просветительной работы (1998); зав. культурно-образовательным отделом (2001). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2001)	С 1991 г. являлась руководителем всего направления клубно-кружковой работы ГИМ
5	Аникин Алексей Владимирович (1957–2009)	Научно-экспозиционный отдел. Научн. сотрудник	Движение декабристов (1990–1995)
6	Аствацатурян Эмма Григорьевна (1929–2019). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 199, 728; Оп. 1л доп. Ед. хр. 6	Отдел оружия. Ведущий научн. сотрудник. В музее: 1954–2011 гг. Специалист по восточному оружию и военному снаряжению	История оружия (1954–1980-е)

1	2	3	4
7	Ахмедов Илья Рафаэлович (р. 1963)	Отдел археологических памятников. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1980–2013 гг.	История бронзового и раннего железного века (1990-е – нач. 2000-х); Археологический клуб (2009)
8	Бакст Эммануил Израилевич (1916–1989). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 190, 199; оп. 1л доп. Ед. хр. 1; оп. 1а. Ед. хр. 7	Отдел письменных источников. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1946–1989. Специалист по истории общественно-политического движения в России XX в.	История Великой Октябрьской социалистической революции (1977–1978)
9	Баснина Софья Николаевна (1881–1956). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 86; оп. 1л. Т. 3. Ед. хр. 30	Культурно-просветительный отдел. Зам. зав. отдела по методической работе. Преподаватель истории в 1-й Московской женской гимназии (1906–1925). В музее: 1923–1955 гг. Лектор Экскурсионного кабинета (1923); научный сотрудник (1924), методист отдела популяризации научных знаний ГИМ, ст. научн. сотрудник; зам. зав. массового отдела по методической работе (1938–1955). Из приказа по музею от 7 ноября 1943 г.: «Объявить благодарность за проявление исключительной преданности в работе с экскурсоводами, педагогами и в проведении экскурсий»	Кружки: археологические (1918–1941; 1948–1949), Москва XII–XX веков (1947). Отмечая широкую эрудицию Басниной и присущий ей дар слова, А.С. Карпова в характеристике от 1949 г. писала, что она «методически недостаточно устойчива, в музейной работе часто сбивается на показ и обстоятельный анализ отдельных вещей» (НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 86 л. 9)
10	Беляева-Лоренц Галина Анатольевна (1922–?)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник.	Вела кружок
11	Биркина Наталья Александровна (р. 1988)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник	Из кружка И.Р. Ахмедова
12	Блюмфельд Ольга Аркадьевна (1903–1970?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 58	Научно-экспозиционный отдел. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1940–1947 гг. Занималась сбором трофейных материалов для выставки «Разгром немецких войск под Москвой в 1941–1942 гг.», лектор в частях Красной Армии	История Москвы (1947)

1	2	3	4
13	Бокова Вера Михайловна (р. 1955)	Научно-экспозиционный отдел. Гл. научн. сотрудник. В музее с 1982 г.	История культуры XVIII–XIX веков (1990-е)
14	Борисова Евгения Павловна (1887–1953). НВА ГИМ. Оп. 1 л. Ед. хр. 78; оп. 1 л. Т. 4. Ед. хр. 408	Культурно-просветительный отдел. Методист, научн. сотрудник. В музее: 1921–1953 гг. Научн. сотрудник отдела популяризации музейных собраний (1921–1931). Помощник ученого секретаря (1944–1953). В годы войны была одним из лучших лекторов Музея в госпиталях и воинских частях	Кружки музея (1921–1931)
15	Боркум Гинда Исааковна (1903–1994)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	История Москвы (1947–1952); Москва периода реконструкции (1953–1954)
16	Бузина Светлана Анатольевна (р. 1977)	Культурно-просветительный отдел	Организация клубно-кружковой деятельности Кабинета школьника (2000–2019)
17	Булочкин Николай Владимирович (1900–1970). НВА ГИМ. Оп. 1 л. Ед. хр. 142; оп. 1 л. Т. 4. Ед. хр. 409	Отдел керамики и стекла. Зав. отделом. В музее: 1953–1970 гг. Специалист по русской керамике	История русского фарфора (1959–1961)
18	Василевская Ида Дмитриевна (р. 1948)	Культурно-просветительный отдел	Руководство кабинетом школьника (1986–1991)
19	Веймарн Евгений Владимирович (1905–1990), НВА ГИМ. Оп. 1 л. Ед. хр. 65	Сектор исторической географии и картографии. Научн. сотрудник. В музее: 1928–1949 гг. Зав. Кабинетом нумизматики ГИМ (1933–1941). Участник Великой Отечественной войны. Сектор исторической географии и картографии (1945). Специалист по истории и археологии раннесредневекового Крыма	Нумизматический кружок (1939–1941); Топография (1947–1948)

1	2	3	4
20	Власенко Татьяна Сергеевна (р. 1923). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 200, 220	Научно-экспозиционный отдел Ст. научн. сотрудник. В музее: 1951–1986 гг. Специалист по общественно-политическому движению в России XIX в.	Движение декабристов (1983–1986)
21	Воронов Василий Сергеевич (1887–1949). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 13; оп. 1л. Т. 3. Ед. хр. 63	Отдел крестьянского быта. Зав. отделом. Преподаватель графических искусств в частном реальном училище И.И. Александрова и мужской гимназии им. М.В. Ломоносова. В музее: 1918–1930 гг. Выставка крестьянского искусства (1921). В 1926, 1927, 1929 гг. организатор историко-бытовых экспедиции на Урал. Выставка «Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII – начала XIX века» (1927)	
22	Гончарова Лидия Николаевна (1922–2011). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 124, 191, 200, 678, 729	Отдел металла. Научн. сотрудник. В музее: 1952–2010 гг. Научн. сотрудник отдела оружия (1952–1961). Специалист по русской материальной культуре XIX–XX вв.	История оружия (1954–1956)
23	Горбушина Наталья Викторовна (р. 1948). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр.; оп. 1л доп. Ед. хр. 7	Отдел письменных источников. Ст. научн. сотрудник. В музее с 1967 г. Мл. научн. сотрудник научно-методического отдела (1975–1977). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2012)	Руководство кабинетом школьника (1975–1977)
24	Гордеева Ольга Георгиевна (р. 1945). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр.	Отдел тканей и костюма. Ведущий научн. сотрудник. В музее с 1964 г. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2013). Историк-этнограф	История народного искусства (1970-е)

1	2	3	4
25	Грехова Людмила Вадимовна (1935–2015). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 200; оп. 1л доп. Ед. хр. 1	Отдел археологических памятников. Ведущий научн. сотрудник. В музее: 1958–2002 гг. Сотрудник отдела археологических памятников (1958). Внештатный экскурсовод (1996–2002). Специалист по палеоэкологии позднего неолита Русской равнины	Первобытная археология (1958–1959)
26	Гусаркина Антонина Владимировна (1919–2001). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 53, 190, 200; оп. 1л доп. Ед. хр. 1	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник-методист. В музее: 1944–1992 гг. Историк-археолог	Вела археологическую практику кружковцев (1950-е)
27	Гущина Ирина Ивановна (1929–2008). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 300, 388; оп. 1л доп. Ед. хр. 7	Отдел археологических памятников. Ведущий научн. сотрудник. В музее: 1956–2001 гг. Научн. сотрудник II археолог. отдела (1956); зав. II археолог. отдела (1986–1994). Специалист по памятникам скифо-сарматской культуры	История скифов и сарматов (1962–1984)
28	Дементьева Людмила Ароновна (р. 1955)	Отдел металла. Зав. отделом. В музее с 1976 г. Мл. научн. сотрудник отдела научн. пропаганды (1981–1987). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2005)	Руководство кабинетом школьника (1981–1986)
29	Демирова Наталья Ильинична (р. 1987)	Отдел письменных источников. Научн. сотрудник	История с географией (2016–2018)
30	Денисова Мария Михайловна (1887–1961). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 102, 107, 200	Отдел оружия. Зав. отделом. В музее: 1936–1961 гг. Ст. научн. сотрудник группы оружия (1936); зам. зав. группы (1942); зав. отделом оружия (1944–1960). Работа со школьниками стала для Денисовой делом всей жизни. Специалист по истории военного дела в России, русского средневекового оружия	История вооружения русской и зарубежной армий (1939–1958)

1	2	3	4
31	Дубовская Марианна Ивановна (1885–1960). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 74	Отдел изобразительных материалов. Научн. сотрудник. В музее: 1922–1952 гг. Специалист по ранней русской гравюры	Кружок
32	Евтюхова Лидия Алексеевна (1903–1974). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 68	Зам. зав. отдела исторических древностей. В музее: 1924–1950. Специалист по археологическим памятникам раннего Средневековья Южной Сибири	Весной 1940 г. проводила занятия с кружковцами
33	Егоров Вадим Леонидович (р. 1938)	Зам. директора по научной работе. В музее: 1992–2011 гг. Историк, археолог, д. и. н. (1987). Награжден знаком ГИМ «За заслуги» (2003)	Участие в создании и работе НОУ ГИМ (1999–2011)
34	Ерохина Ирина Петровна (р. 1946)	Отдел изобразительных материалов. Ст. научн. сотрудник. В музее с 1967 г. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2012)	Из кружка И.И. Гуцшиной (1962–1963)
35	Ефимова Луиза Владимировна (1932–2012). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 201, 730	Отдел тканей и костюма. Зав. отделом. В музее: 1958–2011 гг. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2001). Историк, археолог. Специалист по декоративно-прикладному искусству, русскому традиционному костюму	Из археологических кружков музея (1940-е)
36	Жегалова Серафима Кузьминична (1913–1995). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 220, 227; оп. 1а. Ед. хр. 32	Отдел дерева и мебели. Зав. отделом дерева. В музее: 1940–1991 гг. Провела 11 историко-бытовых экспедиций по сбору памятников материальной культуры русской деревни. К.и.н. (1951). Заслуженный работник культуры (1972)	По изучению крестьянского быта XIX века (1953, 1954, 1956, 1957); Русская культура XIX века и ее народные истоки (1954–1955); История крестьянского искусства (1961).
37	Жулина Ольга Ивановна (1944–2006).	Культурно-просветительный отдел. Научный сотрудник.	Руководила кабинетом школьника

1	2	3	4
38	Журавлев Денис Валерьевич (р. 1970)	Отдел археологических памятников. Ст. научн. сотрудник. В музее с 1987 г.	Из кружков И.Н. Палтусовой (1980–1982), И.И. Гузиной (1983–1985). Ведет кружок «Античная археология» (1995–2019)
39	Зайцев Алексей Константинович (1939–2009), НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 136, 601; оп. 1л доп. Ед. хр. 7	Отдел картографии. Зав. отделом. В музее: 1966–2008 гг. Научн. сотрудник массового отдела (1966–1969). Специалист в области исторической географии и картографии	Топография Куликова поля (1990-е)
40	Захаров Евгений Вячеславович (р. 1986)	Отдел нумизматики. Научн. сотрудник. К.и.н.	Тайны нумизматики (2010-е – 2019)
41	Зуйков Валерий Викторович (р. 1967)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник, методист	Столетье безумно и мудро; Последний век Московского царства (2017–2018)
42	Иткина Елена Игоревна (р. 1939)	Отдел изобразительных материалов. Гл. научн. сотрудник. Историк, кандидат искусствоведения (1985). В музее с 1965 г. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2004). Специалист по русским лубочным картинкам	Из кружков музея (1950-е)
43	Кадиева Анна Анатольевна (р. 1985)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник	Из кружка М.Б. Тугус Великая степь, бронза – раннее железо (2010-е)
44	Казарина Маргарита Андреевна (1922–?)	Культурно-просветительный отдел	Москва при Петре I (1947)
45	Камелина Галина Алексеевна (р. 1980)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник	Из кружка А.Е. Кравцова
46	Каргаполова Наталья Александровна (р. 1952)	Научно-экспозиционный отдел. Ведущий научн. сотрудник. В музее с 1978 г. Мл. научн. сотрудник отдела научной пропаганды (1978–1982). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2012)	Кружок (1978–1982)

1	2	3	4
47	Карпова Анна Самойловна (1883–1968). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 106	Директор ГИМ (1940–1961), историк, революционер, государственный деятель. В годы войны организовала собирательскую и выставочную работу, усилив в ней военно-патриотическую тематику. В 1943 г. А.С. Карпова и 19 сотрудников музея были занесены в Республиканскую Книгу Почета Наркомпроса. Награждена Орденом Трудового Красного Знамени и Орденом Ленина	Организация кабинета школьника (1940). Кружок «История мировой архитектуры (1957 – середина 1960-х)»
48	Кашина Екатерина Александровна (р. 1978)	Отдел археологических памятников. Ст. научн. сотрудник	Археологический клуб (2009).
49	Кирилло Александр Александрович (р. 1931). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 109	Культурно-просветительный отдел. Педагог-художник. В музее: 1948–1962 гг. Окончил Московское высшее художественно-промышленное (Строгановское) училище (1951–1954), чеканщик. Ученик-реставратор (1948), реставратор отдела реставрации (1954). Педагог-художник Школьной комнаты (1956–1962)	Из кружков С.Н. Басниной, М.М. Денисовой, В.Е. Пестель (1943–1949). Кружок по изготовлению наглядных пособий (1955–1962)
50	Кирюхина Вера Алексеевна (р. 1945)	Культурно-просветительный отдел. Методист	Кружок «Русский дом» (1990-е – 2014). Участие в организации НОУ ГИМ, редактирование сборников НОУ ГИМ
51	Китаева Галина Валентиновна (р. 1919)	Культурно-просветительный отдел	История Москвы (1947–1950); История русской культуры (1949–1950)
52	Кищенко Лариса Владимировна (р. 1957)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	Юный экскурсовод (2000-е)
53	Клопков Кирилл Сергеевич (р. 1994)	Культурно-просветительный отдел. Методист	У истоков империи (2018–2019)

1	2	3	4
54	Ключкина Ирина Владимировна (р. 1955)	Отдел письменных источников. Ст. научн. сотрудник. В музее с 1975 г. Лаборант (1975), организатор экскурсий (1978); экскурсовод (1978–1981) отдела научной пропаганды. Научн. сотрудник (1995); ст. научн. сотрудник Научно-ведомственного архива ГИМ (1997). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2013)	Музееведческий кружок (1980-е – 1990-е)
55	Коган Элла Соломоновна (1911–1996). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 221	Научно-экспозиционный отдел. В музее: 1943–1992 гг. Мл., затем ст. научн. сотрудник (1943), зав. отделом V экспозиционного отдела (1958–1978). Принимала участие в сборе материалов о войне непосредственно на фронте. Специалист в области социально-экономической истории России XIX в.	История крестьянской войны в XVIII веке (1954)
56	Козлова Ольга Тимофеевна (1887–?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 64; оп. 1л. Т. 4. Ед. хр. 444	Культурно-просветительный отдел. Педагог-методист по работе со школой. Преподавала историю и литературу в женских гимназиях. В музее: 1930–1949 гг. Научн. сотрудник Кабинета экскурсионной работы (1930–1938). Ст. научн. сотрудник по специальности «Массовая политико-просветительная работа по истории и литературоведению» (1938–1941; 1944–1949)	Москва в прошлом; Героическая борьба русского народа с внутренним и внешним врагом; Изучение курса русской литературы на базе экспозиции музея; Греческие колонии на территории юга СССР (1930-е – 1941)
57	Кокшайская Ольга Николаевна (1938–2000). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 26	Культурно-просветительный отдел. Лектор-экскурсовод, методист. В музее: 1971–1993 гг. Ведущий методист отдела музейной педагогики (1991–1993). Специалист в области музейной педагогики	Работа с детьми младшего возраста

1	2	3	4
58	Колганов Николай Александрович (р. 1950)	Отдел хранения экспозиции. Научн. сотрудник. В музее: 1971–2015 гг. Научн. сотрудник филиала ГИМ «Церковь Троицы в Никитниках» (1971). Зав. отделом научн. хранения экспозиции (1997). Награжден знаком ГИМ «За заслуги» (2001)	История памятника «Церковь Троицы в Никитниках» (1970-е).
59	Константинова Ольга Алексеевна (1903–1972?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 163, 194	Отдел нумизматики. Научн. сотрудник. В музее: 1936–1972 гг. Экскурсовод массового отдела (1936); научный сотрудник Кабинета нумизматики (1944–1959)	Героическая борьба русского народа с внутренним и внешним врагом; Москва XVII века; Военно-бюрократическая империя Петра I (1939–1947)
60	Кошелев Павел Александрович (1970–2017)	Отдел изобразительных материалов. Научн. сотрудник	Из кружка А.В. Успенской (1982–1984)
61	Кравцов Андрей Евгеньевич (р. 1956)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник	Мезолит (1990-е – 2009); Археологический клуб (2009)
62	Крайнов Дмитрий Александрович (1904–1998)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник. В музее: 1929–1941 гг. Под руководством В.А. Городцова и А.Я. Брюсова участвовал в экспедициях ГИМ и самостоятельно вел раскопки памятников фатьяновской культуры, пещерных памятников Крыма и Кавказа. Вступил в ряды народного ополчения (1941). Впоследствии работал в Институте археологии АН СССР	Вел археологическую практику кружковцев ГИМ (1930-е)
63	Краснова Валентина Васильевна (1913–?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 130	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник, методист по школьной работе. В музее: 1947–1967 гг. Научн. сотрудник массового отдела и зав. Школьным кабинетом. Историк. Передала в НВА архив Кабинета школьника за 1920–1950-е гг.	История культуры от государства Урарту до XVII в. (1948–1949); Великие деятели русской культуры (1948–1949); История русской культуры XVII в. (совм. с М.И. Дубовской, С.К. Просвиркиной, К.Н. Савельевой) (1952); По истории театра (1952); История русской культуры XVII–XIX вв. (1953); История культуры XV–XII вв. (1953–1954); Русская культура XVIII в. (1955–1961)

1	2	3	4
64	Кречетова Мария Викторовна (р. 1969)	Отдел изобразительных материалов. Научн. сотрудник	Из кружков И.Н. Палтусовой, Т.С. Власенко, И.А. Хотяенковой (1980–1986)
65	Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 71	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник. В музее: 1929–1951 гг. С 1935 г. вел самостоятельную полевую деятельность. Зам. директора ИИМК (Ин-та археологии АН) с 1951	Проводил археологическую практику кружковцев (1930-е)
66	Крушкол Юлия Семеновна (1905–1977). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 79	Отдел нумизматики. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1931–1953 гг. Мл. научн. сотрудник, лектор-экскурсовод Кабинета экскурсионной работы (1931). В войну готовила к эвакуации античные коллекции. Ст. научный сотрудник Кабинета нумизматики (1945–1953). Специалист по античной нумизматике	Главнейшие торговые пути и монетные системы в V веке до н. э. (1948–1953)
67	Куйбышева Ксана Семеновна (1921–?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 117	V Исторический отдел. Научн. сотрудник. В музее: 1945–1964 гг. Научн. сотрудник отдела политпросветработы (1945–1948). После аспирантуры ГИМ – научн. сотрудник, экскурсовод (1950). Научный сотрудник-методист (1954–1962)	Москва в 1812 году (1947–1950)
68	Лаврова Лидия Михайловна (р. 1923)	Культурно-просветительный отдел. Методист	Руководство Кабинетом школьника (1944–1953). По истории ВЛКСМ (1948–1949); Комсомол в Великой Отечественной войне (по роману «Молодая гвардия») (1949–1950); Литературно-исторический кружок (с В.Е. Пестель) (1949–1950)

1	2	3	4
69	Левинсон Николай (Натан) Рудольфович (1888–1966). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 109	Отдел металла. Зав. отделом. Член комиссии «Старая Москва» при Московском археологическом обществе (1913). Научн. сотрудник Музейного отдела Наркомпроса, инспектор по охране и реставрации исторических сооружений (1919–1930). В музее: 1931–1962 гг. Научн. сотрудник группы металла Исторического музея (1932), и. о. зав. Музея боярского быта XVII в. (1932), зав. группой металла (1933–1962). И. о. ученого секретаря (1940). Участник эвакуации музейных ценностей в Кустанай. Специалист по русскому декоративно-прикладному искусству и архитектуре	История Москвы (1930–1950)
70	Ломтадзе Георгий Альбертович (р. 1969)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник. В музее с 1986 г.	Античные цивилизации (2018–2019)
71	Лубнина Галина Михайловна (1904–?)	Культурно-просветительный отдел. Педагог-художник	Кружки по изготовлению наглядных пособий (1953–1955)
72	Луппол Аркадий Николаевич (1921–1992). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 122	Отдел нумизматики. Научн. сотрудник. Историк-архивист. В музее: 1954–1965 гг. Научн. сотрудник Кабинета нумизматики ГИМ (1954–1965); и. о. зав. отделом (1954–1956); гл. хранитель (1962). Специалист по наградной системе России	Русские ордена и медали (1959)
73	Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 28; оп. 1л. Т. 3. Ед. хр. 200	Руководитель аспирантуры ГИМ (1935). В музее: 1931–1935 гг. Научн. сотрудник (1933), ст. научн. сотрудник отдела архива (1934). Специалист в области социально-экономической истории России XVII–XVIII вв.	Консультации кружковцам

1	2	3	4
74	Майоров Роман Александрович (р. 1982)	Филиал ГИМ «Палаты бояр Романовых в Зарядье» Научн. сотрудник	Из кружка «Наш дом – музей» М.М. Якушкиной, Г.Р. Якушкина (1996–1999)
75	Мальцева Надежда Александровна (1945–2010). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 675; оп. 1л доп. Ед. хр. 9	Культурно-просветительный отдел. Зам. директора по культурно-просветительной работе. В музее: 1969–2010 гг. Научн. сотрудник (1969), методист (1971) Культурно-просветительного отдела, зав. V экспозиционного отдела (1986), зам. директора по научно-просветительной работе (1989), гл. специалист (2008). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2002). Специалист в области музейной педагогики, психологии и социологии	
76	Малюшова Надежда Васильевна (р. 1961)	Культурно-просветительный отдел. Методист	Руководство Кабинетом школьника (2000–2010). Историческая мозаика (2010)
77	Маневская Зинаида Алексеевна (1905–?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 58; оп. 1л. Т. 3. Ед. хр. 207	Культурно-просветительный отдел. Зав. Школьной комнатой. В музее: 1926–1947 гг. Мл. научн. сотрудник-экскурсовод (1930), зав. Школьной комнатой (04.04.1941), зам. зав. массового отдела (1943–1947). Была командирована для исполнения спецзадания по эвакуации музейных ценностей в г. Кустанае (1941)	Руководство Кабинетом школьника (1941).
78	Марголин Виктор Михайлович (1939–1994). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 157	Отдел реставрации фондов. Ст. реставратор. В музее: 1956–1964 гг. Реставратор изделий из металла	Из кружка (1950-е)
79	Марштупа Геннадий Стефанович (р. 1951)	Научно-экспозиционный отдел. Ведущий научн. сотрудник (2004). В музее с 1973 г. Научн. сотрудник отдела научной пропаганды (1973), мл. научн. сотрудника отдела хранения экспозиции (1978–1982); сотрудник IV исторического отдела. Награжден знаком ГИМ «За заслуги» (2016)	Военная история (1973–1982)

1	2	3	4
80	Мельникова Алла Сергеевна (1929–2005). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 132, 202, 497	Отдел нумизматики Научн. сотрудник, зав. отделом (1985). Историк-медиевист, нумизмат. В музее: 1952–2005 гг. Специалист по русской средневековой нумизматике	Русская нумизматика от Киевской Руси до Петра I (1953–1955, 1961)
81	Мец Нонна Дмитриевна (1923–1965). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 122	Отдел нумизматики. В музее: 1946–1965 гг. Научн. сотрудник отдела (1946); зав. отделом (1956), ст. научный сотрудник (1963–1965). Специалист в области нумизматики периода феодальной раздробленности Руси	Русская нумизматика (1955–1959)
82	Милашевич Л.С., договорник.		История военно-морского флота (1947–1949)
83	Митрофанова Галина Алексеевна (1919–1976). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 189, 202; оп. 1л. Т. 4. Ед. хр. 468	Отдел изобразительных материалов. Зав. сектором графики. В музее: 1948–1976 гг. Сотрудник ИЗО (с 1960). Заслуженный работник культуры (1972)	История отечественной войны 1812 года (1961)
84	Михайлина Марина Михайловна (р. 1961)	Культурно-просветительный отдел. Методист	Путешествие в историю: богиня Клио раскрывает свои тайны; Путешествие в древнюю Русь; Русь удельная (1999–2018)
85	Муравей Инна Юрьевна (р. 1969)	Отдел оружия. Научн. сотрудник	Из кружка А.В. Успенской (1983–1986)
86	Муравьева Татьяна Владимировна (р. 1958)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	Художественно-исторические кружки «Жар-птица», «Исторический кукольный театр»; рукоделие: бисероплетение, гобелены, вышивка (1997–2019)
87	Наздарская Татьяна Васильевна (1898–?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 103, 203	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник. В музее: 1934–1960 гг. Научн. сотрудник отдела политпросветработы (1944–1960). Музеевед, археолог	История культуры от Триполья до Москвы XIV–XV вв. (1947–1949); История древнейших рабовладельческих государств (1959)

1	2	3	4
88	Никифорова Элеонора Ивановна (1938–?)	Научно-экспозиционный отдел	О чем рассказывают памятники истории (1980-е)
89	Овсянникова Зоя Георгиевна (1897–1965). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 83	Отдел керамики. В музее: 1925–1954 гг. Лектор, методист, научн. сотрудник отдела популяризации научных знаний.(1925–1939). Была одним из лучших методистов музея. Экскурсовод по Всесоюзной юбилейной Пушкинской выставке (1937). Ст. научный сотрудник группы керамики (1939–1954). Специалист по фарфору	Археологический кружок с С.Н. Басниной (1930-е)
90	Овчинникова Юлия Ивановна (р. 1944)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	Тайны бабушкиного сундука (1980-е);
91	Огрязко Зоя Александровна (1901–1983). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 203; оп. 1л доп. Ед. хр. 3	Научно-экспозиционный отдел. Научн. сотрудник. В музее:1934–1982 гг. Ст. научный сотрудник IV экспозиционного отдела (1946–1978). Специалист в области социально-экономической истории средневековой России	История Кремля (1947); История Москвы XVII в. (1948–1949, 1955–1957); История социально-экономических отношений и классовой борьбы в XVII в. (1952–1953, 1956–1957); Воссоединение Украины с Россией (1953–1955); Двухсотлетие московского университета (1954–1955); Архитектура Москвы и война 1812 года (1958); Изучение исторических документов XVII–XIX в. (1959)
92	Палтусова Ирина Николаевна (р. 1951)	Отдел оружия. В музее: с 1977 г. Мл. научн. сотрудник V Исторического отдела (1979); ст. научн. сотрудник (1982), зав. отделом (1992). Зав. отделом оружия (с1994). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2004)	О чем рассказывают памятники истории (1982–1984)
93	Пестель Вера Ефремовна (1889–1952)	Культурно-просветительный отдел. Педагог-художник. В музее: 1930-е – 1952 гг. Ученица К.Ф. Юона. Художник-авангардист, театраль-ный художник	Художественные кружки; кружки по изготовлению учебных пособий (1930-е – 1952). Зачинатель кружков данного направления

1	2	3	4
94	Пономарева Мария Борисовна (р. 1977)	Культурно-просветительный отдел	Из кружка М.Б. Тугус (1990-е)
95	Попова Зоя Прокофьевна (1918–2004). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 203, 245, 365	Отдел дерева и мебели. В музее: 1944–2000 гг. Научный сотрудник отдела дерева и мебели, ст. научный сотрудник (1944–1988, 1993–2000). Специалист по мебели XVII–XIX вв.	Реформы в России в первой четверти XVIII в. (1953)
96	Попова Ирина Александровна (р. 1929). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 195	Отдел тканей и костюма. В музее: 1953–1967 гг. Научн. сотрудник отдела тканей и костюма (1953), зав. отдела (1966–1967). Специалист по русской народной одежде	История одежды и ткани (1955, 1956, 1959, 1961)
97	Попова Татьяна Борисовна (1922–2007). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 203, 238	Отдел археологических памятников. В музее: 1946–1993 гг. Научн. сотрудник I археологического отдела (1946), аспирант ГИМ (1948–1950), зав. I археологического отдела (с 1962–1978), ст. научный сотрудник (1978–1985). Под ее руководством была создана экспозиция в первых 4-х залах музея, существовавшая до 1986 г. Специалист по эпохе бронзы южных степей и лесной полосе бассейна Оки	Палеолит, неолит и бронза (1949–1950)
98	Портнов Михаил Лазаревич (1917–?). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 126, 203	Отдел оружия. В музее: 1943–1966 гг. Научн. сотрудник отдела оружия ГИМ (1943); ст. научн. сотрудник (1965). Специалист по русскому стрелковому оружию XVIII–XIX вв.	История оружия (1955–1960)
99	Пронин Игорь Васильевич (р. 1991)	Отдел хранения экспозиции. Научный сотрудник	Из кружка М.Б. Тугус
100	Просвиркина Софья Константиновна (1881–1971). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 93; оп. 1л. Т. 4. Ед. хр. 483	Отдел дерева и мебели. В музее: 1924–1957 гг. Мл. научн. сотрудник (1924), ст. научн. сотрудник (1926) отдела крестьянского быта, зав. отделом бытового дерева (1931), затем консультант (1954)	Вела кружок

1	2	3	4
101	Пятьшева Наталья Валентиновна (1907–1984). НВА ГИМ. Оп. 1 л. Ед. хр. 174, 181; оп. 1 л доп. Ед. хр. 4	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник. В музее: 1930–1981 гг. Специалист в области античной археологии	Занималась с кружковцами весной 1940 г.
102	Раевский Дмитрий Сергеевич (1941–2004)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	Кружок (вторая половина 1960-х – 1970-е)
103	Раушенбах Вера Михайловна (1919–2015). НВА ГИМ. Оп. 1 л. Ед. хр. 136, 204, 211	Отдел археологических памятников. Зам. директора по научн. работе. В музее: 1939–1992 гг. Экскурсовод (1939–1941), научн. сотрудник массового отдела (1944), аспирант ГИМ (1948–1953), зав. I археологического отдела (1960–1962). Специалист по эпохе неолита и бронзы	Археология каменного века (1947–1950)
104	Романова Светлана Николаевна (р. 1946)	Редакционно-издательский отдел. В музее с 1993 г. Гл. редактор (1993–2005)	Из кружка Н.Д. Столовой (1962–1964)
105	Рыбаков Борис Александрович (1908–2001). НВА ГИМ. Оп. 1 л. Ед. хр. 75	Отдел археологических памятников. В музее: 1931–1952 гг. Мл. научн. сотрудник, ст. научн. сотрудник отдела раннего феодализма (1931–1938), зав. III археологическим отделом (1943–1952), далее консультант. Д.и.н. (1942), лауреат Государственной премии СССР (1949, 1952), академик РАН (1958). Основные труды по археологии, истории, культуре Древней Руси и славян	Из кружков 1920-х гг. Приходил в кабинет школьника заниматься с учащимися.
106	Савельева Клавдия Николаевна (1884 – после 1967). НВА ГИМ. Оп. 1 л. Ед. хр. 99, 204	Отдел архитектурной графики. В музее: 1932–1960 гг. Зав. филиалом ГИМ «Палата бояр Романовых» (1933). Занималась работой по организации реставрации церкви Троицы в Никитниках и созданию в ней филиала ГИМ (1936–1940). Научн. сотрудник сектора архитектурной графики (1943). Специалист по истории боярского быта и московского купечества XVII в., церковного зодчества XVII в.	История русской культуры XVII в. (совм. с М.И. Дубовской, С.К. Просвиркиной, В.В. Красновой) (1952)

1	2	3	4
107	Самгина Елена Ивановна (1924–1993). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 211	Отдел письменных источников. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1960–1984 гг.	Кружок по палеографии (1975–1977)
108	Селинова Татьяна Андреевна (1914–2008). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 204, 222	Отдел изобразительных материалов. В музее: 1954–1995 гг. Научн. сотрудник отдела архитектурной графики (1954), научн. сотрудник отдела изобразительных материалов (1961–1982). Специалист в области истории живописи XVIII в., миниатюрного портрета XVIII–XIX вв.	История архитектуры (1957)
109	Симоненко Антон Анатольевич (р. 1986)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник	Из кружка А.Е. Кравцова (2000-е)
110	Скрипкина Любовь Ивановна (р. 1950)	Научно-методический отдел (НМО). Зав. отделом. В музее с 1980 г. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2010)	Из кружка А.С. Карповой (середина 1960-х)
111	Смирнов Александр Александрович (р. 1934)	Научно-экспозиционный отдел. Главный научн. сотрудник (2007) В музее: 1989–2015 гг. Один из создателей Музея Отечественной войны 1812 года. Награжден знаком ГИМ «За заслуги» (2004)	Война 1812 года (1994–1996)
112	Смирнов Алексей Петрович (1899–1974). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 111, 197, 204; оп. 1л доп. Ед. хр. 5	В музее: 1924–1974 гг. По окончании МГУ в течение всей жизни А.П. Смирнов работал в ГИМ. Член бригады, осуществлявшей архнадзор на строительстве первой очереди Московского метрополитена (1930-е). Руководил работой бригад научных сотрудников ГИМ, выезжавших в места, освобожденные от фашистских оккупантов, для сбора материалов (1942). К.и.н. (1935), д.и.н. (1944). Зам. директора ГИМ по научн. работе (1951–1962). Главный консультант по научн. работе ГИМ на общественных началах (до 1974)	Археологический кружок (совм. с С.Н. Басниной) (1948–1950)

1	2	3	4
113	Соболев Николай Иванович (1880–1944). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 49. оп. 1л. Т. 4. Ед. хр. 494	Отдел оружия. В музее: 1924–1944 гг. Научн. сотрудник Военно-исторического музея (филиала Исторического музея) (1924); помощник хранителя отдела памятников домашнего быта (1929); научн. сотрудник отдела оружия и военной техники (1930). Занесен в Республиканскую книгу почета политпросветработников (1943). Специалист в области военной истории России	История оружия (1934–1941)
114	Сорокин Юрий Петрович (р. 1939)	Художественно-оформительский отдел. Педагог-художник	Художественный кружок (конец 1970-х – 1984)
115	Стефутин Сергей Александрович (р. 1984)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник	Как жили люди в древности (2000-е)
116	Столова Нина Давыдовна (1910–1994). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 181	Отдел архитектурной графики. В музее: 1943–1977 гг. Научн. сотрудник V отдела (1949), ст. научн. сотрудник (1965). Ст. научн. сотрудник отдела архитектурной графики (1966)	По истории обороны Севастополя (1954–1955, 1961)
117	Студзицкая Светлана Вячеславовна (1932–2014). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 200, 253, 780	Отдел археологических памятников. Зав. отделом. В музее: 1956–2012. Зав. ведомственным архивом (1956); научн. сотрудник I археологического отдела (1961); ст. научный сотрудник (1970). Зав. I археологическим отделом (1980–1988), ведущий научн. сотрудник отдела археологических памятников (1997–2012). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2011). Специалист в области первобытного искусства	Археологический кружок (1960–1970)
118	Сутормин Кирилл Николаевич (р. 1989)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	История оружия (2016–2019)

1	2	3	4
119	Суэтова Нина Владимировна (р. 1965)	Отдел тканей и костюма. В музее с 1985 г. Главный хранитель отдела костюма и тканей (1999). Зав. отделом (2010). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2015)	Из кружка Т.Н. Тимофеевской (1981–1982)
120	Талис Давид Львович (1927–1986). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 205, 238	Отдел археологических памятников. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1953–1986 гг. К.и.н. (1956). Специалист в области истории Крыма периода раннего Средневековья	Средневековая археология Крыма (1970-е – 1980-е)
121	Тимофеевская Татьяна Николаевна (р. 1945)	Научно-экспозиционный отдел. Научн. сотрудник	История русского и советского искусства (1981–1982)
122	Тугус Марина Будиновна (р. 1957)	Отдел письменных источников. В музее с 1983 г. Мл. научн. сотрудник филиала «Церковь Троицы в Никитниках» (1990). научн. сотрудник отдела письменных источников (1997)	Юный краевед (1987–2019). Проведение археологической практики для кружковцев (1996–1998)
123	Успенская Антонина Владимировна (1920–2006). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 205, 263	Отдел археологических памятников. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1948–1992 гг. Специалист в области славяно-русской археологии. Участник и руководитель 20 археологических экспедиций	Славянская археология (1953–1984)
124	Успенская Любовь Сергеевна (1941–2015). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 150	Филиал ГИМ «Покровский собор». Ведущий научн. сотрудник. В музее: 1959–2015 гг. Специалист по проблемам изучения Покровского собора. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2006)	Из кружков В.В. Красновой (первая половина 1950-х)
125	Ушанков Евгений Михайлович (р. 1988)	Отдел нумизматики. Научн. сотрудник	Тайны нумизматики (2010-е)
126	Федорова-Давыдова Элеонора Александровна (1931–2012). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 205, 242	Отдел археологических памятников. Ст. научный сотрудник. В музее: 1954–1987 гг. Специалист по эпохе бронзы Заволжья	Археология первобытного общества: палеолит, неолит (1955–1958)

1	2	3	4
127	Филиппова Елена Евгеньевна (р. 1941). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 286	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник. В музее: 1967–2010-е гг. Научн. сотрудник отдела научн. пропаганды (1967), зав. сектором школьного краеведения в НМО (1970–1971). Мл. научн. сотрудник НМО (1971); зав. сектором внемузейной работы (1975). Сотрудник отдела археологических памятников (1978–1996). Специалист по эпохе бронзы Южной Сибири	Как жили люди в древности (1970-е – 2000-е)
128	Фирова Валерия Петровна (1917–?)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	Кружок «Греческие колонии на территории юга СССР» (1940–1941)
129	Фирсов Кирилл Борисович (р. 1971)	Отдел археологических памятников. Главный хранитель. В музее: с 1988 г.	Из кружка И.И. Гушиной (1983–1986). Вел кружок (1990-е)
130	Фоломеев Борис Андреевич (1942–2001). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 111, 150, 389; оп. 1л доп. Ед. хр. 12	Отдел археологических памятников. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1959–2001 гг. Ст. научн. сотрудник отдела археологических памятников (1980–2001). Принимал участие в создании археологической экспозиции ГИМ по древнейшему периоду истории России (1997). Специалист по эпохе бронзы лесной полосы Европейской России. Организатор археолого-географических работ на территории ГМЗ «Куликово поле»	Из кружка (середина 1950-х)
131	Фомина Ирина Львовна (р. 1954). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 72	Отдел книжного фонда. В музее с 1972 г. Ведущий научн. сотрудник сектора научн. информации (2004). Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2012)	Из кружка Д.С. Раевского (1966–1967)

1	2	3	4
132	Хачумян Анна Григорьевна (р. 1980)	Отдел древнерусской живописи. Научн. сотрудник	Русский дом (2000-е)
133	Хотееенкова Ирина Александровна (р. 1952)	Отдел древнерусской живописи. Научн. сотрудник	История древнерусского искусства (1983–1986)
134	Хрущев Михаил Муляевич (р. 1986)	Филиал ГИМ «Палаты бояр Романовых в Зарядье». Научн. сотрудник	Из кружка М.Б. Тугус (2000-е)
135	Цветкова Ирина Константиновна (1917–2001). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 222	Отдел археологических памятников. Ст. научн. сотрудник. В музее: 1943–1993 гг. Принимала большое участие в работе археологических экспедиций под руководством А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс. Руководила многочисленными экспедициями (с 1945). Специалист по эпохе неолита и энеолита Европейской части России	Неолит (1947–1982). Многие члены кружка позднее стали профессиональными археологами, кандидатами и докторами исторических наук, сотрудниками ИА РАН, ГИМ, ГМВ и др.
136	Черная	Культурно-просветительный отдел	Москва XII–XX веков (совм. с С.Н. Басниной) (1947)
137	Чернышева Лариса Майоровна (р. 1956)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник, методист	История фарфора (совм. с Трегубовой) (2010-е)
138	Ширяков Игорь Владимирович (р. 1958)	Отдел нумизматики. Зав. отделом	Тайны нумизматики (2000-е)
139	Шишлина Наталья Ивановна (р. 1962)	Отдел археологических памятников. Зав. отделом	Занималась в кружке Д.Л. Талиса (1978–1980)
140	Шкурко Александр Иванович (р. 1937)	Директор ГИМ (1992–2010)	
141	Шокарев Юрий Владимирович (р. 1942). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 111, 271	Отдел оружия. Зав. отделом. В музее: 1962–1994 гг. Специалист по русскому огнестрельному и охотничьему оружию	История оружия (1970-е – 1980-е)
142	Шполянская Дарья Валерьевна (р. 1981)	Отдел драгоценных металлов. Научн. сотрудник	Из кружка М.Б. Тугус (1995–1998)

1	2	3	4
143	Шполянский Сергей Владимирович (р. 1971)	Отдел археологических памятников. Научн. сотрудник	Славянская археология (1990–2018)
144	Шульгина Эмилия Васильевна (р. 1941). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 111	Отдел рукописей и старопечатных книг. Зав. отделом. В музее: с 1959 г. Хранитель и исследователь рукописных и старопечатных книг. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2004)	Из кружка Э.А. Федоровой-Давыдовой (1955–1958)
145	Шулятиков Павел Александрович (р. 1974)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	Резьба по дереву (2000–2019)
146	Элькин Герман Юльевич (1933–2006)	Зав. филиалом ГИМ «Церковь Троицы в Никитниках»	Кружки (1970-е – 1980-е)
147	Юшко Дарья Геннадьевна (р. 1980)	Отдел письменных источников. Научн. сотрудник	Из кружков М.Б. Тугус, М.М. Якушкиной (1995–1998) и Ю.П. Сорокина (1986)
148	Якимчук Нелли Александровна (1937–?)	Отдел керамики и фарфора. Научн. сотрудник	Вела кружок
149	Якушкин Геннадий Радикович (р. 1956)	Культурно-просветительный отдел. Научн. сотрудник	Семейный клуб «Наш дом – музей» (1996–2012); Война 1812 года (2012–2015). Проведение историко-этнографической и археологической практики для кружковцев (1996–2002)
150	Якушкина Марина Михайловна (р. 1955)	Отдел письменных источников. Научн. сотрудник. В музее с 1979 г. Награждена знаком ГИМ «За заслуги» (2019)	Кружки: Движение декабристов (1994–1995); История в сказке (1995–1996); Семейный клуб «Наш дом – музей» (с Г.Р. Якушкиным) (1996–2012); Война 1812 года (с Г.Р. Якушкиным) (2012–2015); История с географией (с Н.И. Демировой) (2017–2018); У истоков империи (с К.С. Клопковым) (2018–2019). Проведение историко-этнографической и археологической практики для кружковцев (1996–2002)

1	2	3	4
151	Янина Светлана Алексеевна (1924–1997). НВА ГИМ. Оп. 1л. Ед. хр. 200, 205, 230	Отдел нумизматики В музее: 1947–1984 гг. Мл. научн. сотрудник (1947), зав. отделом нумизматики (1967–1984). Специалист по монетной системе Золотой Орды	Молодежь в Великой Отечественной войне (1949–1950); История Ленинского комсомола (1952)
152	Яновский Андрей Дмитриевич (р. 1956)	В музее с 1982 г. Зав. отделом письменных источников (1987), зам. директора по научной работе (с 2011)	Принимал участие в работе НОУ ГИМ (с 1999)
153	Яценко Ирина Владимировна (1921–2014)	Отдел археологических памятников Научн. сотрудник	История скифов (1952–1961)

- ¹ Устав Музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. М., 1874. С. 3–4.
- ² *Клюшклина И.В., Сидорова С.А.* Материалы к «Летописи Государственного Исторического музея» / Историческому музею – 125 лет. Мат-лы конф. Труды ГИМ. Вып. 100. М., 1998. С. 344–393.
- ³ НВА. Оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 28 – выставка.
- ⁴ *Мальцева Н.А.* Научно-просветительная работа в Государственном Историческом музее / Историческому музею – 125 лет. Мат-лы конф. Труды ГИМ. Вып. 100. М., 1998. С. 27–33; *Мальцева Н.А.* Формы музейного просветительства из опыта ГИМ (Исторический обзор. 1884–2006) / Труды ГИМ. Вып. 169. М., 2007. С. 454–473.
- ⁵ Там же. Ед. хр. 690. Л. 38.
- ⁶ Там же. Ед. хр. 354. Л. 35, 47.
- ⁷ Там же. Ед. хр. 690. Л. 1–6, 19–21.
- ⁸ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 98а. Л. 48–62.
- ⁹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 690. Л. 17–18; Оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 114; оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 110.
- ¹⁰ Шульц Юрий Францевич (Юлий Францевич, 1923–2005), советский и российский ученый, исследователь древней и средневековой медицины, переводчик греческой и латинской поэзии. Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы. После войны учился на кафедре классической филологии МГУ. Работал в отделе нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина.
- ¹¹ НВА ГИМ. Оп. 1. Ед. хр. 690. Л. 13, 29.
- ¹² Янин Валентин Лаврентьевич (р. 1929), советский и российский историк, археолог, действительный член РАН (1990), научный руководитель Новгородского филиала Института истории РАН; НВА ГИМ. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 44об.– 46.

- 13 НВА ГИМ. Оп. 1. Ед. хр. 690. Л. 28.
- 14 Юрий Александрович Айхенвальд (1928–1993), российский поэт, переводчик, театровед, историк русской культуры.
- 15 НВА ГИМ. Оп. 2. Ед. хр. 1201. Л. 1об.
- 16 Там же. Оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 91, 77; оп. 2. Д. 404. Л. 57 и др.
- 17 Там же. Оп. 2. Ед. хр. 690. Л. 9–10.
- 18 Шафаревич Игорь Ростиславович (1923–2017), советский и российский математик, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН (1991), член-корреспондент АН СССР (1958), лауреат Ленинской премии, публицист, общественный деятель.
- 19 НВА ГИМ. Оп. 1. Ед. хр. 690. Л. 23–24.
- 20 Дилигенский Герман Германович (1930–2002), известный политолог, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения».
- 21 НВА ГИМ. Оп. 1. Ед. хр. 690. Л. 27; оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 57.
- 22 Там же. Оп. 2. Ед. хр. 125. Л. 211.
- 23 Каменцева Елена Ивановна (1920–2004), советский и российский историк, д. и. н. Ее учебники по вспомогательным историческим дисциплинам стали классическими.
- 24 НВА ГИМ. Оп. 2. Ед. хр. 125. Л. 10–24.
- 25 Там же. Оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 102.
- 26 Там же. Л. 30.
- 27 Павлов Вячеслав Иванович (1934–2014), художник-офортист, заслуженный художник РФ, член-корреспондент Российской академии художеств. Многие его работы посвящены военной истории России XIX–XX вв.
- 28 НВА ГИМ. Оп. 2. Ед. хр. 1136. Л. 39.
- 29 Там же. Ед. хр. 354. Л. 66.
- 30 Там же. Ед. хр. 1136. Л. 128.
- 31 Там же. Оп. 1л. Ед. хр. 130. Л. 44.
- 32 Сборник докладов I-й научн.-практ. конф. НОУ 14 мая 2000 г. М., 2002. С. 3–4.

М.А. Виноградов

От Александра II к Николаю II.
Выставки в московской школе № 1797
«Богородская» к знаменательным датам
династии Романовых

В музее школы «Богородская» в 2018 г. прошли мероприятия, посвященные жизни и деятельности представителей династии Романовых. Так, к 200-летию со дня рождения Александра II (1818–1881) был подготовлен масштабный выставочный проект «Царь-Освободитель», рассказывающий о личности императора и его преобразованиях¹. Выставка создавалась на основе собраний из частных коллекций, которые позволили воссоздать атмосферу бурного развития России в XIX в. и отразили эпоху Великих реформ, проводимых Александром II.

Экспозиционное пространство было поделено на пять разделов. В первом показана жизнь Александра Николаевича до восшествия на престол. Среди предметов представлены парный портрет Николая I и Александры Федоровны (французская гравюра 1838 г.), настольная медаль 1840 г. в память о прусском короле Фридрихе Вильгельме III, приходившимся дедом Александру II по материнской линии, а также изображение воспитателя будущего императора — знаменитого поэта В.А. Жуковского.

Во второй части выставки, посвященной семье Александра II, можно было увидеть подлинные фотографии императора, его супруги Марии Александровны, великого князя Александра Александровича и Марии Федоровны, а также внуков государя. Особое внимание посетителей привлекла Псалтырь 1872 г. с внушительным списком имен членов Дома Романовых, главой которого на тот момент был Александр II.

В разделе «Внутренняя политика императора Александра II» были представлены первый том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона 1890 г. со статьей о жизни и деятельности самодержца², портреты сподвижников императора: митрополита Фила-

рета (Дроздова) и графа М.Н. Муравьева-Виленского. Посетителей также заинтересовали монеты Российской империи 1860–1870-х гг., в том числе 10 пенни 1867 г. с вензелем императора, отчеканенную для Великого княжества Финляндского.

С темой отмены крепостного права были связаны несколько экспонатов — должностной знак и печать сельского старосты Воронежской губернии, а также открытка с изображением волостных старшин-татар Сергачского уезда.

Внешнюю политику Александра II освещал комплекс предметов — медали, выпущенные в память о войнах 1853–1856 и 1877–1878 гг., фотографии А.М. Горчакова и великого князя Николая Николаевича Старшего, парный портрет Александра II и английской королевы Виктории и немецкая книга о России 1877 г.

Выставка об Александре II дополнилась экспонатами, относящимися к увековечиванию памяти великого реформатора после его гибели 1 марта 1881 г. — дореволюционные открытки с изображением скульптурных монументов в Московском Кремле и Киеве, а также знаменитого храма Спаса на Крови, воздвигнутого на месте царевубийства. Представлены и копии архивных документов — манифест Александра III от 1 марта 1881 г. и рапорт волостного старшины Ф.Е. Куликова от 5 апреля 1883 г. о желании крестьян Порецкой волости Можайского уезда Московской губернии приобрести за 200 рублей икону в память о покойном императоре³. О значении преобразовательной деятельности Александра II написано в некоторых дореволюционных книгах, также представленных на выставке⁴. Эти издания были дополнены современными научными и научно-популярными работами об эпохе Великих реформ и личности Александра II⁵.

Правление Александра III не получило специального освещения в тематических выставках музея, но нашло отражение в экспозиционных проектах, посвященных его предшественнику — Александру II и преемнику на престоле — Николаю II.

К 100-летию революции 1917 г. школьный музей подготовил выставку «Российская империя накануне катастрофы», которая благодаря книгам, денежным знакам, медалям, географическим картам, фотографиям, открыткам и предметам быта расширила представление учеников о России рубежа XIX–XX вв. Экспонаты вызвали интерес у обучающихся еще и тем, что показали период правления последнего императора России Николая II. Проект стал

победителем городского конкурса школьных музеев «Педагогическая инновация» в 2018 г.

На выставке были показаны генеалогическая схема императорской фамилии, статья о Николае II из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона⁶, открытки начала XX в. с изображением царской семьи. Нумизматический материал также отразил портретный ряд представителей Дома Романовых.

Помимо династической тематики выставка о Российской империи рубежа веков охватила и другие аспекты: праздники, жизнь в столице и провинции, быт горожан и крестьян. Наиболее интересными для посетителей стали: медаль в память коронации (1896), большая настольная медаль к 300-летию Романовых (1913), карты Санкт-Петербурга и Москвы с ее губернией, большой портрет крестьян деревни Замошье Гжатского уезда Смоленской губернии — Спиридона и Анастасии Соцковых, фотография девушки из фотоателье Э. Брейера в Санкт-Петербурге, квитанции об уплате сельских сборов, рекламные объявления из журнала «Русская мысль» (1912), коробочка ювелирной фирмы И.П. Хлебникова, рижская граммофонная пластинка, ваза Кузнецовского фарфорового завода, златоустовские столовые приборы, чайная коробочка компании Вульфа Высоцкого, поздравительная открытка с изображением ангела, книги из библиотеки учителей Антоновых из деревни Маврино Егорьевского уезда Рязанской губернии, открытка акционерного общества Гранберг с изображением Музея изящных искусств имени императора Александра III, который Николай II посетил в день открытия 31 мая (13 июня) 1912 г.

Значительный раздел экспозиции посвящался внешней политике Российской империи. Так, Русско-японская война 1904–1905 гг. была представлена двумя экспонатами — плакеткой «Японский магазин „Мацуура“» и открыткой с портретом коменданта Порт-Артура А.М. Стесселя, сдавшего крепость неприятелю. К событиям Первой мировой войны относятся итальянская открытка с изображением великого князя Николая Николаевича Младшего, солдатская ложка и фотография кавалера Георгиевского креста. На выставке также можно было увидеть реликвии, связанные с европейскими монархами: памятный жетон (1911) в честь коронации Георга V, двоюродного брата Николая II, и его супруги Марии; монета номиналом 3 марки (1913) с портретом кайзера Германии Вильгельма II, двоюродного брата императрицы Александры Фе-

доровны; открытка с изображением Николая II и Вильгельма II (1905), а также медаль в память 50-летия восхождения на престол императора Австро-Венгрии Франца Иосифа (1898).

В сентябре 2018 г. в школьном музее открылась выставка «Отныне нет больше разлуки...», приуроченная к 100-летию расстрела царской семьи в Екатеринбурге. Среди экспонатов можно было увидеть фотографии Романовых, денежные купюры, монеты, вырезки из газет, коронационные тарелки и открытки начала XX в.

Экскурсионные программы к указанным выставкам были разработаны для учащихся, родителей и педагогического коллектива. Информация о мероприятиях и презентационные материалы размещены на сайте образовательной организации.

---

¹ Виноградов М.А. Создание выставки «Царь-Освободитель» как опыт реконструкции эпохи императора Александра II // Кремль-детям. Тезисы докладов X Всероссийского фестиваля. М., 2018. С. 12–13.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890. Т. I. С. 402–411.

³ ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 1384. Л. 33; Там же. Д. 802. Л. 17–19.

⁴ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. 1861–1911. М., 1911. Т. II.; Детская энциклопедия. М., 1913. Т. VIII. С. 176–177.

⁵ Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств. М., 2003; Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011; Отмена крепостного права в России. 150-летие крестьянской реформы 1861 года // Сборник материалов научно-практической конференции. М., 2012; Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. XXI (41). С. 124–128; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVIII (55).

Список сокращений

- АН — Академия наук
ВВ — Византийский временник
в. к. — великая княгиня
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИМ — Государственный исторический музей
Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями
г. р. — год рождения
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
МЭФ Банка России — Музейно-экспозиционный фонд Банка России
НКО — Народный комиссариат обороны
НКП — Народный комиссариат просвещения
НМИУ — Национальный музей истории Украины (Киев)
ОПИ ГИМ — отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОЛРС — Общество любителей российской словесности при Московском университете
ОХД — отделение хранения документов
ПВО — противовоздушная оборона
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РИМ — Российский исторический музей
РНБ — Российская национальная библиотека
РПЦЗ — Русская Православная Церковь Заграницей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Сб. РИО — Сборник Императорского русского исторического общества

- СНК — Совет народных комиссаров
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЦАМ — Церковно-археологический музей Киевской духовной академии
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

И.В. Белозерова

Исторический музей и Московская городская дума:
вековая история освоения нового музейного пространства
(по материалам ОПИ ГИМ) 5

В.Г. Пуцко

Византийское наследие в русской иконописи второй
половины XVII века 31

Е.П. Васильева

Кресты-энколпионы купятицкого типа. К вопросу
об интерпретации медальонных святых. 40

Т.Г. Берхина

Богослужение и духовенство собора Покрова на Рву
(к 465-летию начала богослужения) 61

Е.Е. Иванова, Е.Н. Казакова

Стефан Саввич Нарбеков против Успенского собора.
Эпизод из истории межевания в России конца XVII века 126

Ф.А. Петров, М.В. Фалалеева

Материалы об Адаме Мицкевиче в собрании
Исторического музея 137

Е.А. Аксёнова

Санкт-петербургская купеческая династия Чиркиных в XVIII в.
Новые материалы из собрания отдела письменных источников
Государственного исторического музея 150

Г.В. Носова

Об импортозамещении в преддверии Отечественной войны
1812 года 157

<i>М.Г. Николаев</i> Внелитературные свидетельства популярности первых российских «выигрышных билетов»	191
<i>Е.В. Бакалдина</i> Боткины в письмах А.П. Константинова, доверенного фирмы «Петра Боткина Сыновья» в Санкт-Петербурге (по материалам ОПИ ГИМ)	209
<i>Е.Е. Николаева</i> Штрихи к портретам членов русской императорской семьи по дневникам барона Жозефа де Бая (ОПИ ГИМ).	217
<i>И.Л. Журавская</i> Записки князя Николая Васильевича Ухтомского.	235
<i>Т.А. Цапина</i> Архивные материалы о Льве Николаевиче Толстом в собрании ГИМ (к 190-летию со дня рождения)	263
<i>М.А. Политова</i> Кукла в истории: типология, статус, задачи.	280
<i>С.Ю. Кулябина</i> Документальные источники Ростово-Мариупольской экспедиции ГИМ о событиях на юге России в 1917–1919 гг.	287
<i>Т.В. Смирнова</i> Особенности создания музеев в 1920-е годы: на примере музеев в Костроме, Переславле-Залесском и Сергиевом Посаде.	294
<i>О.В. Семерицкая</i> История гжельского художественного промысла. Проблемы и перспективы изучения.	305
<i>З.М. Рубинина</i> Комплекс фотографий по истории отечественного кино 1930-х гг. в составе коллекции фотографий отдела собрания фондов музея В.И. Ленина. Источниковые возможности	314
<i>Д.Я. Кондратенко</i> Авиация дальнего действия в годы Великой Отечественной войны.	326
<i>Н.Н. Четайкина</i> Положение женщин в послевоенной Германии 1945–1949 гг. (по материалам фонда Н.М. Парфеновой, ОПИ ГИМ)	356

О.В. Доронина

Шаг в космос: новая тема на страницах журнала
«Советский Союз» в 1957–1962 годах 381

М.М. Якушкина

Столетие клубно-кружковой деятельности в Историческом
музее 408

М.А. Виноградов

От Александра II к Николаю II. Выставки в московской
школе № 1797 «Богородская» к знаменательным датам
династии Романовых 447

Список сокращений. 451

ГИМ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Научное издание
Труды Государственного исторического музея
Выпуск 214

Забелинские научные чтения – 2018

Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры

Редакционно-издательский отдел ГИМ

Заведующая *Г.В. Лемигова*

Редакторы *О.Б. Афанасьева, А.В. Веткалова,*

Е.А. Князева, О.А. Маркина, С.Н. Романова, И.И. Русецкая

Художник *А.Н. Белов*

ISBN 978-5-89076-393-8

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
109012, Москва, Красная площадь, д. 1

Книги и сувениры
Исторического музея
можно приобрести
в интернет-магазине:
shop.shm.ru

